

КГУ

Костромской
государственный
университет

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

3

2025

Костромской
государственный
университет

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2025

Том 31

№ 3

Июль – Сентябрь

VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2025

Volume 31

№ 3

July – September

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ
РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ (ПЕРЕЧЕНЬ ВАК),
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ГРУППАМ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ:
5.6. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ; 5.9. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ) С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Костромской государственной университет, Кострома;
Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук, Москва

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

ОСИПЕНКО ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА
начальник отдела сопровождения публикационной деятель-
ности, Костромской государственной университет, Кострома

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет, Кострома

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА
доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН,
Уральский федеральный университет, Екатеринбург

БОГДАНОВА ОЛЬГА АЛИМОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук, Москва

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент
РАН, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет, Кострома

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт Всеобщей истории
Российской академии наук, Москва

ЗЕЛЕНЕЕВ ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Марийский государственный университет,
Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

ИЛЬИНА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Вологодский государственный университет, Вологда

КАНИНСКАЯ ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА
доктор исторических наук, профессор,
Ярославский государственный университет
имени П.Г. Демидова, Ярославль

КАТЕРМИНА ВЕРОНИКА ВИКТОРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Кубанский государственный университет, Краснодар

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет, Кострома

КРЮКОВА ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет, Волгоград

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского, Ярославль

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
DSc in Philology, Leading Research Fellow,
Kostroma State University, Kostroma;
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow

EXECUTIVE SECRETARY

TATYANA VLADIMIROVNA OSIPENKO
Head of Kostroma State University's division of publication
activity conducting, Kostroma State University, Kostroma

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
DSc in History, Professor,
Kostroma State University, Kostroma

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH
DSc in Philology, Professor,
Russian Sciences Academy Corresponding Member,
Ural Federal University, Yekaterinburg

OL'GA ALIMOVNA BOGDANOVA
DSc in Philology, Leading Research Fellow,
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN
DSc in History, Professor,
Russian Sciences Academy Corresponding Member,
Lomonosov Moscow State University, Moscow

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA
DSc in Philology, Professor,
Kostroma State University, Kostroma

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV
PhD in History Sciences, Senior Staff Scientist,
Universal History Institute,
Russian Academy of Sciences, Moscow

YURIY ANATOL'YEVICH ZELENEYEV
DSc in History, Professor,
Mari State University,
Yoshkar-Ola, Mari El Republic

ELENA NIKOLAYEVNA IL'INA
DSc in Philology, Professor,
Vologda State University, Vologda

GALINA NIKOLAYEVNA KANINSKAYA
DSc in History, Professor,
Demidov Yaroslavl State University,
Yaroslavl

VERONIKA VIKTOROVNA KATERMINA
DSc in Philology, Professor,
the Kuban State University, Krasnodar

NATALIYA GENNADIEVNA KOPELOVA
DSc in Philology, Professor,
Kostroma State University, Kostroma

IRINA VASIL'EVNA KRYUKOVA
DSc in Philology, Professor,
Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Volgograd

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
DSc in Philology, Professor,
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет, Кострома

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
член-корреспондент РАН, Институт славяноведения
Российской академии наук, Москва

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук, Москва

НИКИТИН ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Государственный университет просвещения, Москва

ОКОЛОТИН ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ
доктор исторических наук, доцент,
Ивановский государственный университет, Иваново

ПЕТЕЛИН БОРИС ВАЛЕНТИНОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Череповецкий государственный университет, Череповец

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет, Иваново

ПУШКАРЁВА НАТАЛЬЯ ЛЬВОВНА
доктор исторических наук, профессор,
Институт этнологии и антропологии
имени Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук, Москва

СИТДИКОВ АЙРАТ ГАБИТОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Академия наук Республики Татарстан, Казань

СУПРУН ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет, Волгоград

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
имени Л.Н. Толстого, Тула

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет, Кострома

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет, Иваново

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет, Кострома

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
имени А.М. Горького РАН, Москва

ХРИСТЕНКО ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ
кандидат исторических наук, доцент,
Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
DSc in Philology, Professor,
Kostroma State University, Kostroma

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
DSc in Philology, Associate Professor,
Russian State University for the Humanities, Moscow

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
DSc in Philology, Director of Research, Russian Sciences
Academy Corresponding, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
DSc in Philology, Leading Research Fellow,
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow

OLEG VIKTOROVICH NIKITIN
DSc in Philology, Professor,
State University of Education, Moscow

VLADIMIR SERGEYEVICH OKOLO TIN
DSc in History, Associate Professor,
Ivanovo State University, Ivanovo

BORIS VALENTINOVICH PETELIN
DSc in History, Professor,
Cherepovets State University, Cherepovets

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
DSc in History, Professor,
Ivanovo State University, Ivanovo

NATAL'YA L'VOVNA PUSHKARYOVA
DSc in History, Professor,
Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences,
Moscow

AYRAT GABITOVICH SITDIKOV
DSc in History, Professor,
Academy of Sciences of Tatarstan autonomy, Kazan

VASILY IVANOVICH SUPRUN
DSc in Philology, Professor,
Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Volgograd

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
DSc in Philology, Professor,
Tula State Pedagogical University
named after L.N. Tolstoy, Tula

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
DSc in Philology, Professor,
Kostroma State University, Kostroma

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
DSc in Philology, Professor,
Ivanovo State University, Ivanovo

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
DSc in Philology, Professor,
Kostroma State University, Kostroma

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
DSc in Philology, PhD in English,
Leading Research Fellow,
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow

DMITRIY NIKOLAYEVICH CHRISTENKO
PhD in History, Associate Professor,
Russian State Agrarian University –
Timiryazev Moscow Agricultural Academy, Moscow

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук, Москва

ЩЕРБАК АНТОНИНА СЕМЁНОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина, Тамбов

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

КОПЫЛОВ ИГОРЬ ЛЕОНОВИЧ
кандидат филологических наук,
директор Института языкознания имени Якуба Коласа,
Центр исследований белорусской культуры, языка
и литературы Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь

НЕДА АНДРИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Университет Черногории, Никшич, Черногория

ТЮРКАН ОЛДЖАЙ
доктор филологических наук, профессор,
Стамбульский университет, Стамбул, Турция

ЧЖУ ЦЗЯНЬГАН
доктор филологических наук,
профессор Института иностранных языков и литератур,
Сучжоуский Университет, Сучжоу,
провинция Цзянсу, Китай

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
DSc in Philology, Director of Research,
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow

ANTONINA SEMYONOVNA SHCHERBAK
DSc in Philology, Professor,
Derzhavin Tambov State University,
Tambov

**FOREIGN MEMBERS
OF THE EDITORIAL BOARD**

IGOR LEVONAVICH KAPYLOŬ
PhD in Philology,
Director of Institute of Linguistics named after Jakub Kołas,
Centre for Studies of Belarusian Culture, Language
and Literature, National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus

NEDA ANDRIĆ
DSc in Philology, Professor,
Montenegrin University, Nikšić, Montenegro

TÜRKAN OLCAY
DSc in Philology, Professor,
Istanbul University, Istanbul, Turkey

ZHU JIANGANG
DSc in Philology,
Professor of institute of foreign languages and literatures,
Suzhou University, Suzhou,
Jiangsu Province, China

СОДЕРЖАНИЕ

УСАДЬБА И ДАЧА

В ЛИТЕРАТУРЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

- 8 **Богданова О.А.**
Тема *усадьба и лес* в литературе
социалистического реализма конца 1940-х –
начала 1950-х гг. (К.Г. Паустовский и Л.М. Леонов)
- 19 **Кнорре Е.Ю.**
Неомифология усадьбы
в романе А.М. Горького «Жизнь Клима Самгина»
- 27 **Андреева В.Г.**
Топос Ясной Поляны и *усадебный миф*
в «Записках на манжетах» М.А. Булгакова
- 33 **Агратин А.Е.**
Усадьба как пространство памяти
в произведениях А.П. Чехова и И.А. Бунина
- 41 **Борисова Д.М.**
Дача графа Апраксина
в жизни и творчестве К.Г. Паустовского
- 47 **Яцкив Е.О.**
Эволюция литературной дачи и конфликт поколений
в творчестве Ю.В. Трифонова 1960–1970-х гг.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 52 **Фирсова Г.П.**
Рядом с Ф. Фенелоном и Ж.-Ж. Руссо: утопическая
идиллия Европы и Африки в романе «Поль и Виргиния»
Ж.-А. Бернардена де Сен-Пьера
- 57 **Османова К.П.**
Мотив отчуждения в исповедальной прозе
Артюра Адамова («Признание»)
- 62 **Прудус И.Г.**
Осмысление личной (фото)истории
в автофикциональном графическом романе
С. Квернеланна «Мертв по собственному желанию»
- 71 **Косенко В.С.**
Кукольный экфрасис в современной литературе
- 78 **Николаева Ю.И.**
Репрезентация Италии и Сомали
в постколониальных романах И. Шего и У.К. Али Фарах

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 84 **Кидяров А.Е.**
Влияние реформ Петра I на повседневную жизнь России
конца XVII – первой четверти XVIII в.
в современной отечественной историографии
- 93 **Петербургский М.Ю.**
Трудовая занятость ссыльных революционеров
в северных губерниях России в начале XX в.
- 101 **Позднякова Е.С.**
Динамика фельдшерского персонала
в Вологодской губернии в конце XIX – начале XX в.
- 108 **Ковров Т.А.**
Роль управляющих Костромским отделением
Государственного банка в организации деятельности
учётно-судного комитета при отделении (1884–1917 гг.)
- 118 **Петровичева Е.М., Повалишников С.Р.**
Деятельность органов полиции по охране
общественного порядка в годы Первой мировой войны
(на материалах Владимирской губернии)
- 126 **Шиловский И.Н.**
Страда в общественном сознании крестьян
Русского Севера в первой трети XX в.
- 133 **Евдокимова Т.В., Смусев В.А.**
Средства и методы нацистов по воплощению
гитлеровских архитектурных замыслов
- 139 **Околотин В.С., Лысых Д.Н.**
Транспортировка и размещение военнопленных
в лагерях Ивановской области зимой 1942–1943 гг.

CONTENTS

ESTATE AND DACHA

IN THE LITERATURE OF THE SOVIET ERA

- 8 **O.A. Bogdanova**
The Theme of the “Estate and Forest” in the Literature
of Socialist Realism in the Late 1940s and Early 1950s
(K.G. Paustovsky and L.M. Leonov)
- 19 **E.Yu. Knorre**
Neo-mythology of the Estate
in the A.M. Gorky’s Novel “The Life of Klim Samgin”
- 27 **V.G. Andreeva**
The Topos of Yasnaya Polyana and the Estate Myth
in M.A. Bulgakov’s “Notes on the Cuffs”
- 33 **A.E. Agratin**
The Estate as a Space of Memory
in the Works of A.P. Chekhov and I.A. Bunin
- 41 **D.M. Borisova**
Count Apraksin’s Dacha
in The Life and Work of K. G. Paustovsky
- 47 **E.O. Yatskiv**
The evolution of the literary dacha and the conflict of
generations in the work of YU.V. Trifonov of 1960s–1970s

SCIENCE OF LITERATURE

- 52 **G.P. Firsova**
Next to François Fénelon and Jean-Jacques Rousseau:
the utopian idyll of Europe and Africa
in the novel “Paul and Virginia” by Bernardin de St. Pierre
- 57 **K.P. Osmanova**
The motif of alienation in Arthur Adamov’s
confessional prose (“The Confession”)
- 62 **I.G. Prudius**
The Reflexion on the personal (photo) story
in Steffen Kverneland’s autofictional graphic novel
“A Voluntary Death”
- 71 **V.S. Kosenko**
Puppet ecphrasis in modern literature
- 78 **Iu.I. Nikolaeva**
Postcolonial optics in the representation of Italy and Somalia
in novels by Igiaba Scego and Ubah Cristina Ali Farah

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 84 **A.E. Kidyarov**
Impact of the reforms of Peter the Great on the everyday life
of Russia in the late 17th and the early 18th centuries
in modern Russian historiography
- 93 **M.Yu. Peterburgsky**
Labour employment of exiled revolutionaries
in the northern provinces of Russia at the early 20th century
- 101 **E.S. Pozdnyakova**
Dynamics of feldsher personnel
in Vologda Province in the late 19th – the early 20th century
- 108 **T.A. Kovrov**
The role of managers of Kostroma branch of the State Bank
in organising the activities of the accounting
and loan committee at the branch (1884–1917)
- 118 **E.M. Petrovicheva, S.R. Povalishnikova**
Activities of police agencies
to maintain public order during World War I
(based on materials from Vladimir Province)
- 126 **I.N. Shilovsky**
The struggle in the public consciousness of the peasants
of the Russian North in the 1st third of the 20th century
- 133 **T.V. Evdokimova, V.A. Smusev**
The Nazis’ means and methods
of implementing Hitler’s architectural designs
- 139 **V.S. Okolotin, D.N. Lysykh**
Transportation and placement of prisoners of war in camps
in the Ivanovo region in the winter of 1942–1943

148 Воропай Е.С.

Оккупационный режим на территории
Ворошиловградской области: формирование
и функционирование административного аппарата
в период Великой Отечественной войны

155 Коханов Д.Ф.

Становление системы суворовских
военных училищ как составляющей системы
подготовки офицерских кадров

162 Столетова А.С.

Общественное сознание Русского Севера
второй половины XX в. в оптике
исследовательского потенциала и инструментария

ЯЗЫКОЗНАНИЕ**172 Никитин О.В.**

«Жизнь языка»: из переписки С.И. Ожегова
1930–1960-х гг. (к юбилею ученого)

178 Дмитрук Л.А.

Наименования временных жилищ крестьян
в костромских говорах

183 Разумов Р.В.

Особенности увековечивания памяти
о специальной военной операции в городском
онимическом пространстве Российской Федерации

190 Хохлова М.В.

Выделение ядра и периферии глаголов движения
в русском языке на материале корпусных данных

195 Витлинская Т.Д.

Сопоставительный анализ современных тенденций
развития лексического уровня языковой системы
на материале русского и английского языков

201 Кубова Д.А.

Терминология киноиндустрии как элемент
общезыковой лексической системы

209 Волошина Т.Г., Богданова М.Д., Контрерас О.

Адаптация фразеологизмов
в новых лингвосоциокультурных условиях

215 Карпенко Е.И., Любимова Н.В.

Геопозитическое (ре)конструирование литературного
образа Альп в текстах немецкоязычных писателей

222 Ступина Е.С., Шибяева Н.Б.

Осмысление культурных кодов как средство
формирования коммуникативной компетенции
на уроках РКИ (на примере рассказа А.П. Чехова
«У предводительши»)

О РОДНОМ ЯЗЫКЕ...**228 Никитин О.В.**

Иван-чай с морошкой: поездка на Кизхи
(из записной книжки лингвиста-путешественника)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**236 Пряников А.В., Пяткин С.Н.**

«Собрание пёстрых глав...»: о пушкинском выпуске
журнала «Отечественная филология»

244 ТРЕБОВАНИЯ**К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ****148 E.S. Voropai**

Military administration regime
in Voroshilovgrad Region: formation
and functioning of the oppressive apparatus during
the Axis occupation of Donbass

155 D.F. Kokhanov

Formation of Suvorov military schools
as the officer training
system component

162 A.S. Stoletova

Public consciousness of the Russian North
in the 2nd half of the 20th century
in the perspective of research potential and tools

SCIENCE OF LANGUAGE**172 O.V. Nikitin**

“The life of language”: S.I. Ozhegov’s correspondence of the
1930–1960s (on the anniversary of the scientist)

178 L.A. Dmitruk

Names of peasants’ temporary dwellings
of in Kostroma patois

183 R.V. Razumov

Features of perpetuating the memory
of a special military operation in the urban onymic space
of the Russian Federation

190 M.V. Khokhlova

Identification of the core and periphery of verbs of motion
in the Russian language based on corpus data

195 T.D. Vitlinskaya

Comparative analysis of modern tendencies in the
development of the lexical level of the language system
based on the Russian language and the English language

201 J.A. Kubova

Film industry terminology as an element
of general language lexical system

209 T.G. Voloshina, M.D. Bogdanova, O. Contreras

Idioms’ adaptation in new language,
cultural and social conditions

215 E.I. Karpenko, N.V. Lyubimova

Geopoetic (re)construction of the literary image of the Alps
in the texts of German-speaking writers

222 E.S. Stupina, N.B. Shibaeva

Understanding of cultural codes as a means of building
communicative competence in teaching Russian as a foreign
language (on the example of Anton Chekhov’s short story
“At the Marshaless”)

ABOUT NATIVE LANGUAGE...**228 O.V. Nikitin**

Willow herb with cloudberrries: a trip to Kizhi
(from the notebook of a linguist-traveler)

SCIENTIFIC LIFE**236 A.V. Pryanikov, S.N. Pyatkin**

“This collection of pied chapters...” On Pushkin issue
of the journal “Russian Studies in Philology”

244 REQUIREMENTS**TO REGISTRATION OF ARTICLES**

УСАДЬБА И ДАЧА В ЛИТЕРАТУРЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Настоящая подборка состоит из 6 статей участников проекта Российского научного фонда № 22-18-00051-П «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала» и знакомит читателя с новыми аспектами литературной усадьбы и дачи в советскую эпоху, т. е. в произведениях русской литературы, написанных в 1920–1980-е гг. По сравнению с недавно вышедшей в серии «Русская усадьба в мировом контексте» (вып. 8) коллективной монографией на ту же тему «Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения» (М.: ИМЛИ РАН, 2024) предлагаемая читателю подборка содержит анализ других тем и авторов этого поворотного исторического периода. Мы встретим статьи как о советской литературе, включающей в себя линию социалистического реализма (А.М. Горький, Л.М. Леонов, К.Г. Паустовский), с одной стороны,

и неореализма (М.А. Булгаков) – с другой, так и о литературе эмигрантской (И.А. Бунин). При этом советская литература представлена широко – от произведений начала 1920-х гг. (творчество М.А. Булгакова) до конца 1970-х (творчество Ю.В. Трифонова). Всех названных писателей объединяет в подборке усадебно-дачная тема, которую каждый из них репрезентировал по-своему. Авторы статей стремятся представить различные художественные интерпретации усадебно-дачной топики в литературе советской эпохи с помощью историко-литературного, контекстуального, герменевтического, концептуально-тезаурусного, нарративного и других методов и подходов.

*О.А. Богданова,
д.ф.н., в.н.с. ИМЛИ РАН*

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 8–18. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 8–18. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.0

EDN EOEOFM

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-8-18>

ТЕМА УСАДЬБА И ЛЕС В ЛИТЕРАТУРЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА КОНЦА 1940-Х – НАЧАЛА 1950-Х ГГ. (К.Г. Паустовский и Л.М. Леонов)

Богданова Ольга Алимовна, доктор филологических наук, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва, Россия, olgabogda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

Аннотация. В статье прослежено развитие темы *усадьба и лес* в литературе XVIII–XX вв.: если раньше лес воспринимался как дикость и угроза для человека, то в XX в. – как тоpos спасения и духовного обновления. Соответственно и усадьба больше не противопоставляется лесу как космос хаосу, но становится его органической частью. В советской литературе это также связано с возвратом к древнерусскому пониманию леса как рая, т. е. не тронутой человеком природы, что соотносится с традиционными райскими коннотациями усадьбы. В «Повести о лесах» (1948) К.Г. Паустовского лесная усадьба П.И. Чайковского – одновременно локус высокого творчества и средоточие духа народа и родной природы. Очищенная от барства в советскую эпоху, она становится апофеозом всего прекрасного на русской земле. Субститутом традиционной усадьбы также выступает лесной кордон, где деятельность на благо Отечества сочетается с творчеством и любовью. Напротив, в романе Л.М. Леонова «Русский лес» (1953) классическая барская усадьба отрицается как иностранное явление, враждебное русскому лесу и русскому народу. Советской усадьбой – трудовой, национальной, научной – становится Пашутинское лесничество, в образе которого совмещаются древнерусские коннотации леса как рая и интенции строящегося в стране коммунизма как рая на земле. Третья разновидность *усадебного тоposa* в романе – собирательный образ Лесохозяйственного института в Москве 1920–1930-х гг., частично восходящий к Тимирязевской сельскохозяйственной академии, расположенной в усадьбе XVII–XIX вв. Петровско-Разумовское. Итак, в литературе послевоенного соцреализма сохраняется архетипический статус русской усадьбы как идеального жизнеустройства и национального феномена.

Ключевые слова: русская усадьба, социалистический реализм, послевоенный период, К.Г. Паустовский, Л.М. Леонов, усадьба, лес, рай на земле.

Для цитирования: Богданова О.А. Тема *усадьба и лес* в литературе социалистического реализма конца 1940-х – начала 1950-х гг. (К.Г. Паустовский и Л.М. Леонов) // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 8–18. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-8-18>

Благодарности: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Research Article

THE THEME OF THE “ESTATE AND FOREST” IN THE LITERATURE OF SOCIALIST REALISM IN THE LATE 1940s AND EARLY 1950s (K.G. PAUSTOVSKY AND L.M. LEONOV)

Olga A. Bogdanova, DSc in Philology, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, olgabogda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

Abstract. The article traces the development of the theme “estate and forest” in the literature of the 18th–20th centuries. If earlier the forest was perceived as wildness and a threat to humans, then in the 20th century – as a topos of salvation and spiritual renewal. Accordingly, the estate no longer opposes the forest as a cosmos to chaos, but becomes its organic part. In Soviet literature, this is also associated with a return to the ancient Russian understanding of the forest as paradise, so untouched by man nature, which correlates with the traditional paradisiacal connotations of the estate. In the “Tale of the Forests” (1948) by K.G. Paustovsky, the forest estate of P.I. Tchaikovsky is both the locus of high creativity and the focus of the spirit of the people and native nature. Purged of lordship in the Soviet era, it becomes the apotheosis of all that is beautiful on Russian land. The forest cordon also serves as a substitute for the traditional estate, where activity for the benefit of the Fatherland is combined with creativity and love. L.M. Leonov in the novel “Russian Forest” (1953), by contrast, denies the classic estate

house as a foreign phenomenon hostile to the Russian forest and the Russian people. The Soviet estate – labor, national, scientific – is becoming the Pashutinsky forestry, which combines the ancient Russian connotations of the forest as paradise and the intentions of communism being built in the country as paradise on earth. The third type of estate topos in the novel is the collective image of the Forestry Institute in Moscow in the 1920s and 1930s, partly dating back to the Timiryazev Agricultural Academy, located in the estate of the 17th–19th centuries Petrovsko-Razumovskoye. So, in the literature of post-war socialist realism, the archetypal status of the Russian estate as an ideal lifestyle and national phenomenon remains.

Keywords: Russian Estate, Socialist Realism, Post-war Period, K.G. Paustovsky, L.M. Leonov, estate, forest, Paradise on Earth.

For citation: Bogdanova O.A. The Theme *Estate and Forest* in the Literature of Socialist Realism of the Late 1940s – Early 1950s (K.G. Paustovsky and L.M. Leonov). *Vestnik of Kostroma State University*, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 8–18. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-8-18>

Acknowledgements: The research was carried out at IWL RAS at the expense of a grant from the Russian Science Foundation no. 22-18-00051-P, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Открытие и изучение темы *усадьба и лес* – один из новых векторов работы по проекту Российского научного фонда «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала», заявленный совсем недавно в статье О.А. Богдановой о романе Г.Ш. Яхиной «Дети мои» (2018) [см.: Богданова 2024] и косвенно присутствующий в статьях Д.М. Борисовой, О.А. Богдановой, Е.Ю. Кнорре о произведениях К.Г. Паустовского и М.М. Пришвина [см.: Кнорре 2023а; Борисова 2024; Богданова 2025]. Как видим, тема рассмотрена в литературе XX–XXI вв., советского и постсоветского периодов. На деле она имеет более долгую историю.

Номинально тема *усадьба и лес* присутствовала в европейской литературе Нового времени еще в творчестве Ф. Шиллера («Разбойники», 1781), И.В. Гёте («Гец фон Берлихинген», 1774), А.С. Пушкина («Дубровский», 1833), Л.Н. Толстого («Война и мир», 1863–1869), А.Н. Островского («Лес», 1871), П.И. Мельникова-Печерского («В лесах», 1875) и др., однако новая, лишенная угрожающих коннотаций философско-мировоззренческая семантика была ей придана лишь в первой половине XX в., в основном в связи с революциями и двумя мировыми войнами, а также становлением массового общества. Ведь главную опасность для отдельного человека теперь уже начал представлять разросшийся, плохо управляемый, непредсказуемый социум, а природа, в том числе лес, все больше воспринималась в свете эскапизма, экзистенциальной подлинности и онтологической устойчивости.

Важность темы определяется также тем, что большинство усадеб центральной и северной России исторически находились внутри лесной природной зоны с умеренно континентальным климатом. И хотя значительная часть территории лесов Европейской России распахана, до сих пор, несмотря на многовековые вырубки, наша страна занимает первое место в мире по количеству хвойных, смешанных и широколиственных лесов, они охватывают около 70% ее площади [см.: Леса России: 206].

Глубинная, родственная связь усадьбы и леса впервые эксплицирована в пьесе А.П. Чехова «Дядя

Ваня» (1896). Так, доктор Астров, живущий в соседней с Войницкими усадьбе, говорит, что «...леса украшают землю, что они учат человека понимать прекрасное и внушают ему величавое настроение. Леса смягчают суровый климат. В странах, где мягкий климат, меньше тратится сил на борьбу с природой и потому там мягче и нежнее человек; там люди красивы, гибки, легко возбудимы, речь их изящна, движения грациозны. У них процветают науки и искусства, философия их не мрачна, отношения к женщине полны изящного благородства...» [Чехов: 72]. Одновременно чеховский лесовод сетует на истребление лесов в своем уезде, в результате чего исчезают лоси, лебеди, глухари, выселки, хуторки, скиты и, конечно же, «полуразрушенные усадьбы во вкусе Тургенева» [Чехов: 110]. Такая участь весьма вероятна и для имения Войницких, владелец которого Серебряков готов продать его ради безответственно-комфортной жизни в столице.

В литературе 1920–1950-х гг. заданное направление в той или иной степени было продолжено М.М. Пришвиным («Кашеева цепь», 1927–1954; «Журавлиная родина», 1929; «Кладовая солнца», 1945), К.Г. Паустовским («Повесть о лесах», 1948), Л.М. Леоновым («Русский лес», 1953), Б.Л. Пастернаком («Доктор Живаго», 1945–1955) и др.

Так, воспитанник дореволюционной родительской усадьбы Хрущево-Левшино и счастливый владелец усадьбы-дачи Дунино в советские годы, Пришвин «показывает нам путь спасения, сам выбирая “уход в лес”, к живой природе, и возвращение с кладом, с утраченной людьми “весной света”». Его герои «открывают ”лес” как настоящую реальность» [Кнорре 2023b: 20] в противовес механистическому социуму, культивируемому массовым сознанием, торжествующим в мире в первой половине XX в.

Вспомним также, что усадебное творческое заточение Юрия Живаго в романе Пастернака сопровождалось натурфилософскими наблюдениями и открытиями героя: например, история рисуется ему «наподобие жизни растительного царства. Зимой под снегом оголенные прутья лиственного леса тощи

и жалки <...>. Весной <...> лес преобразается, подымается до облаков, в его покрытых листьями дебрях можно затеряться, спрятаться. Это превращение достигается движением, <...> которого никогда нельзя подсмотреть. Лес не передвигается, мы <...> всегда застаем его в неподвижности. И в такой же неподвижности застигаем мы <...> вечно меняющуюся, неуследимую в своих превращениях жизнь общества, историю» [Пастернак: 526–527].

Как видим, в XX в. тема *усадьба и лес* присутствует не только в литературе социалистического реализма, однако в данной статье мы сосредоточимся на двух произведениях, написанных в 1940–1950-е гг. именно в его русле, – «Повести о лесах» Паустовского и романе «Русский лес» Леонова, – предварив наше исследование кратким представлением основных принципов главного художественного направления советской культуры. Сегодня, на исходе первой четверти XXI в., отмечаются две основные тенденции в оценке соцреализма: советская (апологетическая) и антисоветская (советологическая), гораздо более распространенная. Оценочное восприятие обусловлено тесной связью этого феномена со всесильной в СССР коммунистической идеологией. Однако думается, что пришло время его непредвзятого исследования как определенной системы ценностей, с одной стороны, и литературного направления «широчайшего формально-стилистического диапазона» – с другой [см.: Круглов, Святославский: 156, 160]. Ведь «вне зависимости от интерпретации соцреализма нельзя отрицать тот факт, что с ним связаны имена М. Горького, А.Н. Толстого, Л.М. Леонова, В.В. Маяковского, М.А. Шолохова и других писателей, без которых невозможно представить литературу XX в. Соцреализм – большой, сложный и неоднозначный период, который останется в истории навсегда» [Круглов, Святославский: 154].

Несмотря на то что институционально он был оформлен только в 1934 г. на I съезде советских писателей, к тому времени соцреализм уже имел довольно долгую практическую историю. Так, в творчестве А.М. Горького он проявился в своих основных чертах уже в романе/повести «Мать» (1906). В самом деле, наряду с традиционным для русского реализма XIX в. жизнеподобным изображением действительности, горьковское повествование о судьбах рабочего класса включило в себя, в соответствии со стремлением писателя «приподнять» читателя над рутинной¹, элементы революционного романтизма (пафос пересоздания реальности, контрастность на всех художественных уровнях – в системе образов, композиции, речевом стиле, эмоциональность повествования и обилие образительно-выразительных средств, образ главного героя как яркой, сильной личности, способной противопоставить себя уродливому миру) и клас-

сизма (как изображения должной жизни). Нельзя не согласиться с тезисом о том, что в «теоретическом аспекте социалистический реализм оказался во многом попыткой синтеза ряда особенностей, присущих реализму, романтизму и классицизму» [Богатырев, Святославский: 251]. Специфическими же чертами нового метода стали: *изображение действительности в ее революционном развитии* (т. е. опираясь на сформулированный К. Марксом и Ф. Энгельсом закон о последовательной смене общественно-экономических формаций на все более «прогрессивные» – от первобытно-общинной к рабовладельческой, затем феодальной, капиталистической и, наконец, коммунистической через переходный период социализма); *исторический оптимизм*, вытекающий из убежденности в том, что, несмотря на временное или локальное поражение «прогрессивных» сил, конечная победа все равно будет за ними, так как это вытекает из законов исторического развития, открытых Марксом и Энгельсом; *коммунистическая партийность* как осознанная форма *пролетарской классовости*; *революционный гуманизм* как поддержка всего, что способствует делу революции и отказ от всего, что ему вредит; *советский патриотизм* как любовь к социалистическому отечеству и противоположность прежнему национальному патриотизму; *осознанная воспитательная функция*, проявляющаяся как внутри произведения (рост индивидуального и массового сознания героев), так и вовне (направленность на переделку читательского сознания в свете коммунистического идеала) [см.: Терц 1988; Соцреалистический канон 2000; Ревякина 2002; Литовская 2008; и др.].

Однако на протяжении 70 лет своего существования в стране соцреализм претерпел заметную эволюцию. Ее главными вехами стали: 1) изменение культурно-политической концепции СССР в конце 1930-х гг., когда И.В. Сталин провозгласил переход от идеи мировой революции, доминировавшей в 1920-е гг., к теории построения социализма в одной, отдельно взятой стране, т. е. «разворот от классово-революционной идеологической доминанты к национально-патриотической и уход от идеи мировой революции к практическому строительству новой империи в России» [Богатырев, Святославский: 267]; 2) дискуссия о соцреализме в конце 1950–1960-х гг., в результате которой произошло существенное расширение его рамок и в конечном счете их качественное размытие. Остановимся подробнее на первой из обозначенных вех, определившей ряд черт соцреализма послевоенной формации, к которому относятся оба анализируемых нами произведения.

Главные изменения коснулись представления о *народности* и семантики *патриотизма*. Так, между 1932 и 1936 г. произошел «переход <...> от понятия “пролетариат” к понятию “социалистический

народ»», который понимался «в мифологическом смысле» [Гюнтер 2000а: 45]. «В переходе от классовой к народной программатике выражается <...> желание “укорениться” в родной почве» «по <...> линии эмоциональности, традиционности и мифологичности» [Гюнтер 2000b: 377, 387]. Одновременно понятия о *пролетарской классовости* и *партийности* плавно трансформировались в более широкую *коммунистическую идейность* [см.: Богатырев, Святославский: 262–263].

Что касается *патриотизма*, то, во многом оставаясь социалистическим и интернациональным, в годы Великой Отечественной войны он приобрел неотъемлемую русскую национальную составляющую («Русский характер» А.Н. Толстого, «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» К.М. Симонова и др.), что и позволило Леонову назвать свой роман «Русский лес» (а не, скажем, советский).

Кроме того, в годы «ждановщины» (1946–1949) «соцреализм открыто заявлял о своей склонности к красоте», которая понималась «прежде всего как “простота” и “доступность”, и высшим ее образцом соцреалистическая культура полагала классику» [Добренко: 421]; преемственность по отношению к русской классике стала приветствоваться [см.: Геллер: 436]. Также для послевоенного соцреализма характерно утверждение *прекрасного* как «нашей советской действительности», как «нашего победоносного движения к коммунизму» [Ермилов 1948]. «Прекрасное – стержневая категория ждановской эстетики» [Геллер: 443], которая была возведена «в ранг высшей ценности» [Добренко: 422–423].

Большая часть этих черт прослеживается в интересующих нас произведениях Паустовского и Леонова, в первую очередь – *коммунистическая идейность* и *исторический оптимизм*. Так, у обоих писателей резко осуждается буржуазное хищничество по отношению к лесам и утверждается бережное социалистическое хозяйствование. Неизменно тверда вера в победу СССР над капиталистической Германией: в самые голодные месяцы ленинградской блокады профессор Багaley из «Повести о лесах» самоотверженно сохраняет семенной фонд быстрорастущих растений – пихты, конского каштана, серебристой ели, ивы, канадского тополя и др. – для будущих послевоенных русских лесов и полей; в страшное время фашистского наступления на Москву, 1 сентября 1941 г., Иван Вихров из «Русского леса» призывает студентов Лесотехнического института к сбережению «зеленого друга» на века, для последующих советских поколений: «Мечта для строителя людского счастья такой же действенный инструмент, как знание или идея <...>» [Леонов: 280].

Неудивительно и то, что именно во второй половине 1940-х гг. Паустовский, наряду с показом

передового социалистического лесопользования в «Повести о лесах», отдает дань романтической обращенности к *прекрасному* в человеческой жизни. При этом романтизм Паустовского лишен как трансцендентности, присущей этому течению в XIX – начале XX в., так и байронических черт, в частности противопоставления героя и толпы, в чем сказался социалистический демократизм писателя. В «Повести о лесах» способностью остро чувствовать *прекрасное* обладают совсем простые люди – крестьянская девочка Феня и лесник Василий. Выдающиеся же художники и ученые – композитор Чайковский, писатель Леонтьев, профессор Багaley – глубоко ощущают связь с породившей их *народной* почвой.

Особенности творческого метода Леонова в «Русском лесу» также связаны с новыми для соцреализма понятиями – национальным *патриотизмом* во время Великой Отечественной войны, глубинной фольклорно-мифологической *народностью* (легенда о хранителе леса Калине и т. п.), нравственной *красотой* советского человека (в первую очередь, выросшей в СССР героической молодежи: Вари Чернецовой, Поли и Сергея Вихровых, Родиона).

Прежде чем подробно говорить об *усадебном топосе* в «Повести о лесах» и «Русском лесу», вспомним важный для нас тезис Д.С. Лихачева о семантике леса в древнерусской культуре. Он пишет, что в XIV–XV вв. на Руси «под влиянием идей исихазма² получило распространение стремление к отшельничеству, скитническому монашеству и стали распространяться монастыри вдали от мирской суеты среди дикой природы <...>. Из житий основателей монастырей этого времени известно, какое большое значение придавалось выбору красивого места будущего монастыря – в лесу, на берегу озера или реки, среди холмов и т. д. Мир природы – это мир святости, уход из “человеческого мира” – это прежде всего уход от греха в богоустановленный порядок не испорченной грехом природы. <...> Рай – это окружающая, не измененная греховным человеком природа. Святой и праведник должны жить среди праведной же природы» [Лихачев: 60–61]. Таким образом, наметившийся в творчестве Чехова и актуальный для всего XX в. поворот в понимании леса (из топоса угрозы, дикости, хаоса в топос спасения и духовного обновления) стал, по сути дела, возвратом к семиотике леса в культуре Древней Руси. Важно и то, что «сраем в Древней Руси ассоциировались не только монастырские сады, но и загородные местожительства князей» [Лихачев: 62], прообразы будущих дворянских усадеб XVII – начала XX в.

В то же время символика *рая на земле*, восходящая к библейскому Эдему, присуща и эстетическому идеалу соцреализма – образу коммунистического будущего, черты которого ощутимы уже в социали-

стическом настоящем. Анализируя роль фольклора в литературе соцреализма, У. Юстус отмечает, что в послевоенный период (когда и были написаны интересующие нас произведения Паустовского и Леонова) «классово-социологическое понимание литературы заменяется “народным”» [Юстус: 71], фольклорно-мифологическим, как бы «превращающим страну в рай», возвращающим ее «к состоянию райской изначальности» [Юстус: 78]. Вспомним, что, по учению исторического материализма о смене общественно-экономических формаций, коммунизм является усовершенствованной в социально-экономическом и техническом плане калькой бесклассового первобытно-общинного строя [см.: Исторический материализм: 36, 125, 209–210], как раз и породившего мифологическую основу фольклора. Не случайно фольклорность и *народность* так ярко представлены и в «Повести о лесах», и в «Русском лесу». Неудивительно, что в позднем соцреализме «очарование фольклорных текстов превратило <...> Советский Союз – в созданный <...> рай» [Юстус: 79].

«Повесть о лесах» Паустовского буквально пронизана усадебной аксиологией: действие этого произведения начинается еще в конце XIX в., когда в лесной усадьбе в центре России великий композитор П.И. Чайковский творит гениальную музыку, вдохновленную шумом ветра и пением птиц в вершинах соснового бора, журчаньем воды в близлежащем лесном озере, запахом цветов и земляники в травянистом подлеске, а также неразрывными с ними мелодиями простых народных песен...; он дарит крестьянской девочке Фене драгоценные сережки в память об алмазном солнечном блеске в каплях дождя «на кончиках маленьких ушей» [Паустовский: 7]; в конце повести, по прошествии нескольких десятилетий, любовно сохраненные самой выросшей Феней, ее дочерью и писателем-лесоводом Леонтьевым «старые серьги» переходят к духовной наследнице «усадебных» авторов Пушкина, Чехова и Чайковского девушке Анфисе, которая так же увлечена «эстетическим значением» [Паустовский: 70] лесов и предана их «тайственной сени» [Пушкин: 80].

Советский писатель выступает против характерного для буржуазной цивилизации отношения к природе как к объекту воздействия, который надо «покорять» и «завоевывать». «Любование, созерцание, единство, разумное сотрудничество <...> – такова модель взаимоотношений человека и природы у зрелого Паустовского» [Мантрова: 91]. Например, музыка Чайковского в первой части «Повести о лесах» под названием «Скрипучие половицы» – прямое порождение и продолжение прекрасного соснового леса, окружающего деревянный дом композитора, где он творит свои шедевры под шум и шорох шевелящихся на ветру крон. Гибель бора под топорами плотников, нанятых без-

душным дельцом Трощенко, означает для Чайковского угрозу его музыке, убыль его вдохновения, победу пошлости и мертвечины в мире.

Усадьба под пером Паустовского представлена одновременно локусом высокого искусства и органической частью природы. Объединяющая оба эти начала, очищенная в советские годы от социальных противостояний, усадьба в «Повести о лесах» становится идеалом человеческого жизнеустройства, высшим выражением *прекрасного*. Таковы, например, концерты, которые раз в месяц устраивают там в память о Чайковском старые музыканты, всегда приглашая на них Аграфену, а также ее дочь Марию Трофимовну во время пребывания последней в родном селе.

Как выразитель романтического художественно-стилевого течения в литературе соцреализма (наряду с А.С. Грином, Э.Г. Багрицким, М.А. Светловым, Вс.В. Вишневским, Н.А. Тихоновым, А.П. Гайдаром и мн. др.), Паустовский обращался к концепции романтического двоемирия, однако в редуцированной форме, без выхода в трансцендентность. В «Повести о лесах» мы видим резкую, непримиримую противопоставленность светлого идеального начала и темных, как бы демонических сил в гротесковой форме. Таковы оппозиции дореволюционной творческой усадьбы и лесопромышленника-хищника, советской усадьбы и фашистских оккупантов. Причем вместе с войной в усадьбу вновь приходит угроза для русского леса: если в первой части произведения «вторжение буржуазного расчета в жизнь старинных родовых имений показано Паустовским» [Борисова: 96] как гибель прекрасного бора ради наживы харьковского купца Трощенко, то в 1941–1942 гг. вместе с завоевателями из капиталистической Германии в русскую усадьбу «снова пришел циничный буржуазный расчет», теперь уже «работающий на фашистскую военную машину» [Борисова: 99–100]. С целью производства ацетона и метилового спирта для «всяких взрывчатых штук» лесопромышленник Бальцен из Берлина готов уничтожить русские леса «до последнего дерева» [Паустовский: 113], им уже сведены 10 миллионов гектар на оккупированных советских территориях. Только социализм, по художественной мысли Паустовского, способен сберечь русский лес – «самый ясный образчик <...> совершенства» [Паустовский: 45], защищающий страну от вражеских нашествий, поддерживающий полноводность рек и плодородность почв, дающий тепло в зимнюю стужу и прохладу в летний зной, дарящий человеку естественную красоту и творческое вдохновение.

Помимо превращения лесной владельческой усадьбы в социалистическое общественное достояние, в «Повести о лесах» также представлено создание *городов-садов* как важной модификации *усадебного топоса* в СССР: молодой лесовод Коля Евсеев

под руководством ленинградского профессора Багалея трудится над проектами парков и лесных поясов вокруг советских городов. При этом подчеркивается их преемственность по отношению к забытому «благогородству садового искусства» в старых усадебных парках Царского Села, Гатчины и Павловска [см.: Паустовский: 97]. «Совершенную гармонию» [Паустовский: 104] садов, архитектуры и литературы видят молодые герои советской эпохи – Коля и Анфиса, – гуляя по аллеям дворцового комплекса в Пушкине (Царском Селе). Так, на правах *прекрасного*, классическая русская усадьба входит в эстетику послевоенного соцреализма.

Еще одним модусом советской усадьбы в «Повести о лесах» становится лесничество Баулина, расположенное в центральной России, на берегах Оки, с уединенными кордонами, где живут ученые, лаборанты, объездчики, рабочие. В домиках на кордонах, как когда-то в старинных усадьбах, ведутся философские беседы, читаются стихи, завязываются любовные отношения, рождается энергия творчества, воспитывается тонкое эстетическое чувство [см.: Паустовский: 68–71]. Для советского писателя Леонтьева лесная сторожка на кордоне, как дореволюционная лесная усадьба для Чайковского, становится местом счастливых вдохновений, радостного написания «главной» книги [Паустовский: 78]. Здесь, среди стройных высоких сосен, между ним и лаборанткой Марией Трофимовной, дочерью выросшей Фени, растет и крепнет одухотворенная любовь, освященная русским фольклором (сказками лесника Евтея) и прекрасной поэзией Лермонтова. Уже после Великой Отечественной войны с ее трагедиями: смертью любимой женщины и разорением русских лесов фашистами – Леонтьев вновь приезжает в лесничество, теперь уже Брянское, участвует в большой восстановительной работе. Через 20 лет здесь будет «рай сущий», думает герой: может быть, «золотой век уже рядом» [см.: Паустовский: 157, 161]. Эти характерные для классического русского поместья сравнения³ с очевидностью указывают на то, что изображенные в «Повести о лесах» советские лесничества являются субститутами культурных русских усадеб XIX – начала XX в. Не случайно в этом произведении важную идейно-композиционную роль играет чеховская пьеса «Дядя Ваня», в постановке которой в одном из московских театров участвует Анфиса, а актер на роль доктора Астрова гостит в Брянском лесничестве. Таким образом, «Повесть о лесах» имеет кольцевую композицию, начинаясь и завершаясь «усадебными» главами: о дореволюционном «культурном гнезде» Чайковского в начале, о послевоенном социалистическом лесничестве – в конце.

В романе Леонова «Русский лес» усадебная топика также играет определяющую роль. Здесь присут-

ствуют старинное барское имение и его советский коллективный аналог, т. е. показана сложная взаимозависимость между усадьбой Сапегино и Пашутинским лесничеством, откуда начинаются судьбы главных героев произведения, членов семьи Вихровых. «"Русский лес" – философский роман, тяготеющий к условности; его сюжет подчинен развитию философской мысли, в основании которой лежат мифотворчество, символика, широкие отступления и исторические реминисценции» [Петешева: 93]. Запоминается образ барской усадьбы, в которой выросла жена Вихрова Елена, чье «дворянское происхождение» сказалось на всей ее дальнейшей жизни: сначала она обещала Вихрову – крестьянскому сыну, впоследствии выдающемуся ученому-лесоводу – быть ему «хорошей женой» [Леонов: 244], но вскоре с малолетней дочерью Полей сбежала от мужа, пытаясь забыть прошлое и как бы искупая «грехи предков» [см.: Леонов: 220–221]. Тем не менее однолюб Вихров верил, что их судьбы вновь соединятся.

Вспомним, что, по мысли Д.С. Лихачева, символика *рая* традиционно объединяет на Руси лес, сад и сельскую усадьбу. Это отразилось в романе Леонова – само название «Русский лес» указывает на его фольклорный, народно-исторический и даже народно-православный субстрат, несмотря на декларированный атеизм главного лесовода романа Ивана Матвеевича Вихрова. В его уста вложен гимн русскому лесу – «зеленому другу», питателю народа, хранителю в течение многих веков русской земли и русской воды (рек, ручьев, озер), т. е. плодородия, источнику древесины для жилищ, защитнику от вражеских нашествий (засеки и завалы) вплоть до Великой Отечественной войны, во время которой происходит основное действие романа [см.: Леонов: 249–281]. Именно лес у Леонова становится главным субститутотом *рая на земле*, а также неотделимая от русского леса трудовая, коллективная, демократическая и – в ногу со временем – научная усадьба Пашутинское лесничество. И если вспомнить, что конечная цель коммунизма, который строят на страницах этого романа советские люди, в том числе лесовод Иван Вихров и все насельники лесничества, – рукотворный *рай на земле*, то новая лесная усадьба, сохраняя традиционные *райские* коннотации, органично входит, по художественной логике Леонова, в светлое коммунистическое будущее.

Однако этим усадебная тематика в «Русском лесе» далеко не исчерпывается. Здесь насчитываются по меньшей мере три модификации *усадебного топоса*. О главной, которая утверждается в произведении, соответствует целям социалистического строительства, лишена следов барства и при этом вписывается в тысячелетнюю традицию русской культуры, мы уже сказали. Это лесническая усадьба Пашутино с жи-

лым домом (где кабинет со старым кожаным диваном, столовая, спальни и т. д.), больницей, лабораторией, библиотекой и прочими усадьбыными атрибутами. Приехавшие к Вихрову в начале 1920-х гг. друзья так и отзываются о его житье: «Ты здесь, Иван, ровно болярин в древней вотчине устроился!» [Леонов: 23], что прямо указывает на древнерусские коннотации образа леса в романе Леонова. А в сцене отъезда талантливого специалиста в Москву Пашутинское лесничество буквально так и называется – «покидаемой усадьбой» [Леонов: 244]. И хотя возникло оно еще до революции, это, по мнению автора, то преобразованное в социализме наследие прошлого, которое необходимо взять с собой в будущее. В подкрепление Леонов приводит соответствующую цитату из выступления В.И. Ленина на Третьем съезде комсомола: «... мы можем строить коммунизм только при том запасае сил и средств, что остались нам от старого общества» [цит. по: Леонов: 354]. Хотя и произнесенные в другом контексте – культурного воспитания юного Сергея Вихрова, – эти слова очевидно имеют в романе обобщающее значение. Замечательно, что заканчивается произведение именно в Пашутинском лесничестве, где после героически пройденных испытаний происходит счастливое воссоединение всей большой семьи Вихровых: Ивана Матвеевича и Елены Ивановны, их дочери Поли и ее жениха Родиона, приемного сына Ивана Матвеевича Сергея и – в перспективе – сестры старшего Вихрова Таисии. Советская усадьба, как когда-то классическая, становится локусом многопоколенной семьи, объединенной общим идеалом, теперь коммунистическим.

Наряду с этим, в романе присутствует и усадьба старого типа – барская, дворянская усадьба Сапегиных с лиственничными аллеями в парке, прудом, белым домом с колоннами, гостеприимной террасой для чаепитий... Там выросла одна из главных героинь Елена Ивановна, будущая жена Ивана Вихрова. Хозяйка усадьбы – вдова ученого-византиста Сапегина, немка из Померании, чуждая России и ее народу, не знающая русской культуры, не понимающая русской духовности. В начале XX в., времени юности Ивана Вихрова и компаньонки старой барыни Леночки, усадьба приходит в упадок: «зимами жизнь теплилась в уцелевшем крыле дома, где не так дуло из подполья и меньше промерзали углы» [Леонов: 188], летом всюду торчал бурьян, сарай стоял без кровли и в заброшенной сапегинской библиотеке протекала крыша – бесценные старинные манускрипты были безнадежно испорчены [см.: Леонов: 192–193]. Свое пошатнувшееся материальное благополучие старая помещица стремится укрепить с помощью продажи лесных угодий. Она отдает русский лес – вместилище древней духовности, русское национальное сокровище – на разграбление бессовестным дельцам-капи-

талистам, озабоченным лишь сиюминутной наживой. Барыня находится во враждебных отношениях с окружающими крестьянами, которые в конце концов разоряют и дотла сжигают ее усадьбу.

Характерна следующая деталь: в усадьбной библиотеке дворян Сапегиных – только иностранные книги и переводные романы, «сочинения *из жизни мух*», по выражению Елены Ивановны [см.: Леонов: 303], – в то время как лесовод из крестьян Иван Вихров читает в основном русскую классику с ее масштабными смыслами. Сапегинская усадьба, по Леонову, совсем не является русским культурным гнездом, из гостей там – лишь хищные буржуазные дельцы Кнышев и Золотухин, занятые варварскими вырубками векового русского леса ради личной выгоды. Молодые барчуки Сапегины, наезжавшие в усадьбу на летние каникулы, – люди мелкие, поверхностные, чуждые национальным идеалам и тоже озабоченные исключительно личными интересами. После революции они оказываются в Белой армии, затем в эмиграции. Таким образом, барская усадьба послепетровской эпохи, XVIII – начала XX в., показана в романе Леонова как явление, чуждое русскому народу, русской культуре и русской духовности. Более того – враждебное им (в плане уничтожения русского леса). На этом фоне характерна судьба воспитанницы Сапегиных Леночки, которую жизнь в такой усадьбе психологически изуродовала. Постоянные чувства социальной вины и страха перед народным возмездием, укоренившиеся в душе Елены Ивановны, чудом спасшейся от погрома и пожара в усадьбе в годы Гражданской войны, разрушили личную жизнь ее мужа Ивана Вихрова и отравили детство и юность их дочери Поли. В романе прослежен долгий путь душевного выздоровления матери и дочери.

Возможно, что столь подчеркнутое в «Русском лесе» осуждение европеизированной послепетровской дворянской усадьбы в России и одновременное обращение к древнерусским традициям – реакция Леонова на кампанию «борьбы с “антинародным низкопоклонством перед загнивающим Западом” и с “безродным космополитизмом”» [Гюнтер 2000b: 385] в СССР конца 1940-х – начала 1950-х гг. Приглушенность подобных обертонов в «Повести о лесах» Паустовского можно объяснить более ранней датой ее написания.

Третья модификация *усадьбного топоса* в «Русском лесе» – изображение зданий, территории и атмосферы Лесохозяйственного института в Москве 1920–1930-х гг. Это собирательный образ, частично восходящий к Тимирязевской сельскохозяйственной академии (до революции Петровской земледельческой, с 1865 г. расположившейся в старинной усадьбе XVII–XIX вв. Петровско-Разумовское и в начале XX в. вошедшей в состав Москвы). Как литератур-

ный феномен она связана с именами Г.Р. Державина, Ф.М. Достоевского, В.Г. Короленко, А.П. Чехова, В.Я. Брюсова, М.М. Пришвина, А.В. Чаянова и др., а в советское время – В.П. Катаева, Д.Б. Кедрина, И.Г. Эренбурга, Л.М. Леонова и др. Расцвет усадьбы пришелся на вторую половину XVIII в., когда ее владельцем стал просвещенный граф К.Г. Разумовский, более полувека бывший президентом Петербургской академии наук: «Крестьяне-малороссы копали пруды; парк <...> расширялся и украшался статуями, гротами и миловидами. Воздвигались оранжереи, в которых устраивались <...> гулянья с музыкой и пением. Ординарцы, толпы егерей, гайдуков, гусаров, скороходов, карликов и бесчисленных слуг наполняли собой усадьбу. Гремел оркестр, и не было числа иллюминациям, фейерверкам, празднествам, балам и пикникам, а в доме ставились театральные представления <...>» [Чаянов: 45].

Отметим, что в 1812 г. усадьба была разграблена французскими войсками, а окружавший ее лесопарк порублен, но в короткие сроки восстановлен сыном академика Л.К. Разумовским. Затем снова вырублен новым владельцем, а территория приспособлена под дачи [см.: Черкашина: 122–123]. Думается, не случайно именно в актовом зале института, «где когда-то гремели мазурки екатерининского вельможи» [Леонов: 373], советский лесовод Иван Вихров одерживает решающую победу в борьбе за судьбу русского леса, тесно связанную с отечественной историей и духовностью. Трагической осенью 1941 г. в одной из институтских аудиторий он читает студентам пламенную лекцию о судьбе «зеленого друга»: так, в течение веков именно лес создавал национальный характер, «свою» цивилизацию и предоставлял ей «полный <...> пансион» – «кормил, грел, одевал нас, русских» [Леонов: 251–252, 280]. Однако в конце XVIII в. немка Екатерина II передала русские леса без обязанности по охране и уходу за ними в опеку помещикам. Весь XIX в. множились лесовладельцы, леса отдавались ими в концессию иностранцам, что влекло за собой варварские вырубки. А после крестьянской реформы 1861 г. вплоть до революции 1917 г. помещики усиленно распродавали леса для поддержания своих разорявшихся хозяйств. Шла «валка векового дерева», «убийство зеленого друга» [Леонов: 261]. Разгонявшийся «капиталистический прогресс» стал настоящим «разбоем насмерть», «лесным погромом» [Леонов: 261–262]. Бессовестные торгаши скупали у дворян «владенные грамоты» [Леонов: 262] и безжалостно рубили вековые леса. Заметим, что именно эти действия изображены в «Повести о лесах» Паустовского (делец Троценко) и «Русском лесе» Леонова (лесопромышленники Кнышев и Золотухин, склонявшие к продажам помещицу Сапегину). Только социализм с его всена-

родной собственностью на лес смог возродить «человеческую ответственность перед живым, зеленым и незащищенным существом», которое «входит в понятие Отечества» [Леонов: 277, 280]. Отечеством, по логике писателя, является и бывшая графская усадьба, ставшая при советской власти храмом лесоводческой науки.

Итак, в романе Леонова отрицательные и положительные коннотации классической русской усадьбы XVIII – начала XX в. разведены по разным локусам: в образе поместья Сапегиных полностью отрицается какая-либо его положительная роль, что акцентирует солидарность Леонова с теми авторами-классиками, которые резко критиковали социально-психологический климат в помещичьих гнездах (Н.В. Гоголем, Н.А. Некрасовым, М.Е. Салтыковым-Щедриным, Н.С. Лесковым и др.). Однако присутствующий в «Русском лесе» локус Петровско-Разумовского, напротив, примиряет читателя с традицией, поэтизированной русскую усадьбу как тоpos красоты, высокой культуры, творческого вдохновения и горячего патриотизма, связанной с именами А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова и др. В то же время положительная усадебная топика соцреализма соприкасается у Леонова с допетровским представлением о *рае на земле* и семиотической древнерусской усадьбы. И это не удивляет, если вспомнить, что ценностная координата соцреализма – «социалистический гуманизм» – преемственно связана с христианским гуманизмом всей предшествующей русской литературы [см.: Круглов, Святославский: 157, 160].

В заключение отметим, что в литературе послевоенного соцреализма, во всей полноте сохранившей коммунистическую идейность, исторический оптимизм и воспитательную функцию как свои ключевые признаки, усадебный тоpos занимает весьма заметное место, в первую очередь благодаря возрождению в СССР понятий об исторической *народности* и русском национальном *патриотизме*, а также возросшей ориентации на классику XIX в. и выдвижению на первый план эстетической категории *прекрасного*. Связь между усадьбой, лесом и литературой соцреализма обусловлена, на наш взгляд, концептом *рая на земле*, имеющим, помимо религиозной семантики, широкие культурные коннотации: во-первых, *раем* в литературной классике XIX – начала XX в. обычно называлась традиционная русская владельческая усадьба; во-вторых, в древнерусском сознании *раем* считался девственный лес как нетронутая человеком божественная природа; наконец, в СССР *раем на земле* виделся коммунистический идеал, к которому стремились в своей деятельности советские люди. Таким образом, в литературе соцреализма 1940–1950-х гг. в целом сохраняется архетипический статус русской

усадьбы как идеального жизнеустройства и национального феномена.

Примечания

¹ Ср.: «Наше искусство должно встать выше действительности и возвысить человека над ней, не отрывая его от нее» [Горький: 420].

² Исихазм — древняя духовная традиция византийского и русского православного христианства, в XVI–XVIII вв. ушедшая в подпочву русской церковной жизни в результате вытеснения иосифлянством и идеей «симфонии» Священства и Царства; основные характеристики: отшельничество, молчаливость, нестяжание, «обожение» человека посредством особой «умной молитвы»; основные представители в России: свв. Сергей Радонежский, Нил Сорский, Тихон Задонский, Серафим Саровский, Игнатий Брянчанинов, Амвросий Оптинский и мн. др. Подробнее см.: [Хоружий 2000].

³ См., напр.: [Дмитриева, Купцова: 150–151].

Список литературы

Источники

Горький А.М. О пьесах: статья // Горький А.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1949–1955. Т. 26. С. 409–426.

Леонов Л.М. Русский лес: роман. М.: Молодая гвардия, 1954. 656 с.

Леса России // Лес России: энциклопедия / под общей ред. А.И. Уткина и др. М.: Большая российская энциклопедия, 1995. С. 206–218.

Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман. Милан: Г. Фелтринелли, 1958. 634 с.

Паустовский К.Г. Повесть о лесах // Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986. Т. 3. С. 5–162.

Пушкин А.С. Евгений Онегин: роман в стихах // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука, 1977–1979. Т. 5. С. 8–185.

Чехов А.П. Дядя Ваня: сцены из деревенской жизни в четырех действиях // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. М.: Наука, 1974–1988. Т. 13. С. 61–116.

Исследования

Богатырев Д.К., Святославский А.В. Мифология и поэтика социалистического реализма // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22, № 1. С. 250–272.

Богданова О.А. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»: усадебный мир в романе Г.Ш. Яхиной «Дети мои» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83, № 5. С. 53–63.

Богданова О.А. Усадьба и война в «Повести о лесах» К.Г. Паустовского // «Они сражались за Родину».

Литература и история: коллективная монография. М.: ИМЛИ РАН, 2025. В печати.

Борисова Д.М. Прошлое и настоящее русской усадьбы в «Повести о лесах» К.Г. Паустовского // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 88–103.

Геллер Л.М. Эстетические категории и их место в соцреализме ждановской эпохи // Соцреалистический канон: сб. статей / под общей ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 434–448.

Гюнтер, Ханс. Соцреализм и утопическое мышление // Соцреалистический канон: сб. статей / под общей ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000а. С. 41–48.

Гюнтер, Ханс. Тоталитарная народность и ее истоки // Соцреалистический канон: сб. статей / под общей ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000b. С. 377–389.

Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд. М.: ОГИ, 2008. 524 с.

Добренко Е.А. Функции и категории соцреалистической критики. Поздний сталинизм // Соцреалистический канон: сб. статей / под общей ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 390–433.

Ермилов В.В. За боевую теорию литературы // Литературная газета. 1948. 15 октября.

Исторический материализм / под общей ред. Ф.В. Константинова. М.: ГИПЛ, 1951. 748 с.

Кнорре Е.Ю. «В глубину торжественных и тихих лесов»: лес как пространство спасения в послевоенном творчестве М.М. Пришвина и К.Г. Паустовского // Русская словесность. 2023а. № 3. С. 63–75.

Кнорре Е.Ю. «Ушедший в Лес» в поисках «кладовой солнца»: философия спасения Михаила Пришвина // Вопросы философии. 2023b. № 11. С. 16–22.

Круглов Р.Г., Святославский А.В. Литература соцреализма: опыт осмысления терминологических границ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 1. С. 153–162.

Литовская М. Социалистический реализм в литературе XX века // Филологический класс. 2008. № 19. С. 14–21.

Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. Изд. 3-е. М.: Согласие: Новости, 1998. 469 с.

Мантрова С.А. Мотив сотворчества человека и природы в «повести о лесах» К.Г. Паустовского // Творческое наследие Константина Паустовского в XXI веке: сб. научных трудов. Вып. 1 / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: МАКС Пресс, 2023. С. 91–98.

Петишева В.А. Человек и природа в оценке Л.М. Леонова (историко-философский контекст «Русского леса») // Вестник Челябинского университета. 2007. № 8. С. 88–93.

Ревакина А.А. «Социалистический реализм»: к истории термина и понятия // Россия и современный мир. 2002. № 4 (37). С. 102–114.

Соцреалистический канон: сб. статей / под общей ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. 1040 с.

Терц А. Что такое социалистический реализм. Париж: Синтаксис, 1988. 64 с.

Хоружий С.С. Исихазм в Византии и России: исторические связи, антропологические проблемы // Хоружий С.С. О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000. С. 207–260.

Чаянов А.В. Избранное. Статьи о Москве. Письма (1909–1936). М.: Тончу, 2008. 463 с.

Черкашина М.В. Усадьба Петровско-Разумовское в российской истории и литературе XIX–XX вв. // Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: коллективная монография / сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 115–127.

Юстус, Урсула. Возвращение в рай: соцреализм и фольклор // Соцреалистический канон: сб. статей / под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 70–86.

References

Bogatyrev D.K., Svyatoslavskii A.V. *Mifologiya i poetika socialisticheskogo realizma* [Mythology and Poetics of Socialist Realism]. *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of historical poetics], 2024, vol. 22, no. 1, pp. 250–272. (In Russ.)

Bogdanova O.A. “*My rozhdeny, chtob skazku sdelat' byl'yu...*”: *usad'bnyy mir v romane G.Sh. Yakhinoy “Deti moi”* [“We Were Born to Make a Fairy Tale Come True...”: the Estate World in G.S. Yakhina's Novel “Children of Mine”]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series], 2024, vol. 83, no. 5, pp. 53–63. (In Russ.)

Bogdanova O.A. *Usad'ba i vojna v “Povesti o lesh” K.G. Paustovskogo* [Estate and War in the “Tale of the Forests” by K.G. Paustovsky]. “*Oni srazhalis' za Rodinu*”. *Literatura i istoriya: kollektivnaya monografiya* [“They Fought for their Homeland”. Literature and History: a Collective Monograph]. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, in print. (In Russ.)

Borisova D.M. *Proshloe i nastoyashchee russkoi usad'by v “Povesti o lesh” K.G. Paustovskogo* [The Past and Present of the Russian Estate in the “Tale of the Forests” by K.G. Paustovsky]. *Usad'ba i dacha v literature sovetской epohi: poteri i obreteniya: kollektivnaya mono-*

grafiya [Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains: a Collective Monograph], comp. by O.A. Bogdanova; ed. by V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 88–103. (In Russ.)

Geller L.M. *Esteticheskie kategorii i ih mesto v socrealizme zhdanovskoy epohi* [Aesthetic categories and their place in the Socialist Realism of the Zhdanov era]. *Socrealisticheskij kanon: sb. statej* [The Socialist Realism Canon: a Collection of Articles], ed. by H. Gyunter, E. Dobrenko. Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2000, pp. 434–448. (In Russ.)

Gyunter, Hans. *Socrealizm i utopicheskoe myshlenie* [Socialist Realism and Utopian Thinking]. *Socrealisticheskij kanon: sb. statej* [The Socialist Realism Canon: a Collection of Articles], ed. by H. Gyunter, E. Dobrenko. Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2000a, pp. 41–48. (In Russ.)

Gyunter, Hans. *Totalitarnaya narodnost' i ee istoki* [Totalitarian Nationality and its Origins]. *Socrealisticheskij kanon: sb. statej* [The Socialist Realism Canon: a Collection of Articles], ed. by H. Gyunter, E. Dobrenko. Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2000b, pp. 377–389. (In Russ.)

Dmitrieva E.E., Kupcova O.N. *Zhizn' usad'bnogo mifa: utrachennyj i obretennyj raj* [The Life of the Estate Myth: Paradise Lost and Found], ed. 2. Moscow, OGI Publ., 2008. 524 p. (In Russ.)

Dobrenko E.A. *Funkcii i kategorii socrealisticheskoy kritiki. Pozdnij stalinizm* [Functions and Categories of Socialist Realism Criticism. Late Stalinism]. *Socrealisticheskij kanon: sb. statej* [The Socialist Realism Canon: a Collection of Articles], ed. by H. Gyunter, E. Dobrenko. Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2000, pp. 390–433. (In Russ.)

Ermilov V.V. *Za boevuyu teoriyu literatury* [For the Combat Theory of Literature]. *Literaturnaya gazeta* [Literary Newspaper], 1948, October 15. (In Russ.)

Istoricheskij materializm [Historical materialism], ed. by F.V. Konstantinov. Moscow, GIPL Publ., 1951. 748 p. (In Russ.)

Knorre E.Yu. “*V glubinu torzhestvennyh i tihih lesov*”: *les kak prostranstvo spaseniya v poslevoennom tvorchestve M.M. Prishvina i K.G. Paustovskogo* [“Into the Depths of Solemn and Quiet Forests”: the Forest as a Space of Salvation in the Post-war Works of M.M. Prishvin and K.G. Paustovsky]. *Russkaya slovesnost'* [Russian literature], 2023a, no. 3, pp. 63–75. (In Russ.)

Knorre E.Yu. “*Ushedshij v Les*” v poiskah “*kladovoj solnca*”: *filosofiya spaseniya Mihaila Prishvina* [“Gone into Forest” in Search of the “Storeroom of the Sun”: Mikhail Prishvin's Philosophy of Salvation]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2023b, no. 11, pp. 16–22. (In Russ.)

Kruglov R.G., Svyatoslavskij A.V. *Literatura socrealizma: opyt osmysleniya terminologicheskikh granic* [Li-

terature of Socialist Realism: the Experience of Understanding Terminological Boundaries]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2025, vol. 18, issue 1, pp. 153–162. (In Russ.)

Litovskaya M. *Socialisticheskij realizm v literature XX veka* [Socialist Realism in 20th Century Literature]. *Filologicheskij klass* [Philological class], 2008, no. 19, pp. 14–21. (In Russ.)

Lihachev D.S. *Poeziya sadov. K semantike sadovoparkovyh stilej. Sad kak tekst* [Poetry of Gardens. Towards the Semantics of Landscape Gardening Styles. Garden as a Text], ed. 3. Moscow, Soglasie: Novosti Publ., 1998. 469 p. (In Russ.)

Mantrova S.A. *Motiv sotvorchestva cheloveka i prirody v "povesti o lesh" K.G. Paustovskogo* [The Motif of the Co-creation of Man and Nature in K.G. Paustovsky's the "Tale of Forests"]. *Tvorcheskoe nasledie Konstantina Paustovskogo v XXI veke: sb. nauchnyh trudov* [Konstantin Paustovsky's Creative Legacy in the 21st Century: Collection of Scientific Papers], issue 1, ed. by M.V. Skorohodov. Moscow, MAKSS Press Publ., 2023, pp. 91–98. (In Russ.)

Petisheva V.A. *Chelovek i priroda v ocenke L.M. Leonova (istoriko-filosofskij kontekst "Russkogo lesa")* [Man and Nature in the Assessment of L.M. Leonov (Historical and Philosophical Context of the "Russian Forest")]. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk University], 2007, no. 8, pp. 88–93. (In Russ.)

Revyakina A.A. *"Socialisticheskij realizm": k istorii termina i ponyatiya* [Socialist Realism: towards the History of the Term and Concept]. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the Modern World], 2002, no. 4 (37), pp. 102–114. (In Russ.)

Socrealisticheskij kanon: sb. statej [The Socialist Realism Canon: a Collection of Articles], ed. by

H. Gyunter, E. Dobrenko. Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2000. 1040 p. (In Russ.)

Terc, Abram. *Chto takoe socialisticheskij realizm* [What is socialist realism?]. Parizh, Sintaksis Publ., 1988. 64 p. (In Russ.)

Horuzhij S.S. *Isihazm v Vizantii i Rossii: istoricheskie svyazi, antropologicheskie problemy* [Hesychasm in Byzantium and Russia: Historical Connections, Anthropological Problems]. *Horuzhij S.S. O starom i novom* [About the old and the new]. Saint-Petersburg, Aletejya Publ., 2000, pp. 207–260. (In Russ.)

Chayanov A.V. *Izbrannoe. Stat'i o Moskve. Pis'ma (1909–1936)* [Favourites. Articles about Moscow. Letters (1909–1936)]. Moscow, Tonchu Publ., 2008. 463 p. (In Russ.)

Cherkashina M.V. *Usad'ba Petrovsko-Razumovskoe v rossijskoj istorii i literature XIX–XX vv.* [Petrovsko-Razumovskoye Estate in Russian History and Literature of the 19th–20th Centuries]. *Russkaya usad'ba i Evropa: diakhroniya, nostal'giya, universalizm: kollektivnaya monografiya* [Russian Estate and Europe: Diachrony, Nostalgia, Universalism: a Collective Monograph], ed. by O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., pp. 115–127. (In Russ.)

Yustus, Ursula. *Vozvrashchenie v raj: socrealizm i fol'klor* [Return to Paradise: Social Realism and Folklore]. *Socrealisticheskij kanon: sb. statej* [The Socialist Realism Canon: a Collection of Articles], ed. by H. Gyunter, E. Dobrenko. Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2000, pp. 70–86. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.07.2025; одобрена после рецензирования 30.07.2025; принята к публикации 04.08.2025.

The article was submitted 25.07.2025; approved after reviewing 30.07.2025; accepted for publication 04.08.2025.

НЕОМИФОЛОГИЯ УСАДЬБЫ В РОМАНЕ А.М. ГОРЬКОГО «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА»

Кнорре Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, доцент, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия, Lena12pk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3272-8659>

Аннотация. В статье исследуется семиотика и поэтика усадьбы в неоконченном романе-эпопее А.М. Горького «Жизнь Клима Самгина» (1925–1936), где переход между дореволюционной и советской эпохами интерпретируется в том числе как процесс созревания рабочего движения, рост революционных настроений, преобразовавших культуру России начала XX в. в социалистический строй жизни. Показано, что социалистическое мифотворчество Горького рождается внутри мистериального мифа Серебряного века об ушедшем под воду граде Китеже, путь в который открывается чистым сердцем праведникам. Мотивы разрушения усадеб и усадебного быта переходят в мотивы обретения путей спасения – включения ценностей культурной усадьбы прошлого в новую пролетарскую культуру. В этой трансформации можно увидеть не только черты советского мифа о солидарном «счастливым пространстве» будущего, но и проявление глубинного *усадебного мифа* о рае с его сюжетом возвращения человека от эгоистического существования в розни и вытеснении к бытию вместе со всеми. В изображении *усадебного мифа* прочитываются аллюзии на классическую литературу. Подлинный путь России, по мысли писателя, открывается большевику Кутузову, который противопоставляет буржуазному потребительству, беспощадному к *усадебной культуре*, ценности союза интеллектуального прошлого (где усадьба играет важную роль) и будущей пролетарской культуры с ее идеей творческого труда.

Ключевые слова: А.М. Горький, Н.В. Гоголь, А.П. Чехов, «Жизнь Клима Самгина», социалистический миф, китежский миф, неомифология усадьбы, соцреализм, модернизм, пролетарская культура.

Для цитирования: Кнорре Е.Ю. Неомифология усадьбы в романе А.М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 19–26. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-19-26>

Благодарности: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Research Article

NEO-MYTHOLOGY OF THE ESTATE IN THE A.M. GORKY'S NOVEL "THE LIFE OF KLIM SAMGIN"

Elena Yu. Knorre, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Associate Professor, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russia, Lena12pk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3272-8659>

Abstract. The article examines the semiotics and poetics of the estate in the unfinished epic novel by A.M. Gorky "The Life of Klim Samgin" (1925–1936), where the transition between the pre-revolutionary and Soviet eras is interpreted, among other things, as a process of maturation of the labor movement, the growth of revolutionary sentiments that transformed the culture of Russia at the beginning of the 20th century into a socialist way of life. It is shown that Gorky's socialist myth-making is born within the mystery myth of the Silver Age about the sunken city of Kitezh, the path to which is opened to the righteous with a pure heart. The motives of the destruction of estates and estate life turn into motives of finding ways of salvation - the inclusion of the values of the cultural estate of the past in the new proletarian culture. In this transformation one can see not only the features of the Soviet myth about the solidary "happy space" of the future, but also the manifestation of the deep estate myth about paradise, with its plot of man's return from an egoistic existence in discord and displacement to being together with everyone. In the depiction of the estate myth, allusions to classical literature are read. The true path of

Russia, according to the writer, is revealed to the Bolshevik Kutuzov, who contrasts bourgeois consumerism, merciless to the estate culture, with the values of the union of the intellectual past (where the estate plays an important role) and the future proletarian culture with its idea of creative labor.

Keywords: A.M. Gorky, N.V. Gogol, A.P. Chekhov, “The Life of Klim Samgin”, socialist myth, Kitezh myth, neo-mythology of the estate, socialist realism, modernism, proletarian culture.

For citation: Knorre E.Yu. Neo-mythology of the estate in A.M. Gorky’s novel “The Life of Klim Samgin”. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 19–26. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-19-26>

Acknowledgments: This work was carried out at IWL RAS by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00051-P, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Усадьба в потоке истории, в катастрофах войн и революций – тема, заданная еще в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» [см.: Андреева 2025; Кнорре 2023b], получает своеобразное преломление в эпоху 1920–1930-х гг., когда обращение к прошлому в эпической форме романа становится «одной из попыток художественного воплощения современной действительности и поиска ответов на важнейшие нравственные, социальные, философские, мировоззренческие вопросы эпохи» [Гавриш: 801]. В романах М.М. Пришвина «Кашеева цепь» (1927), А.Н. Толстого «Хождение по мукам» (1922–1941), А.М. Горького «Жизнь Клима Самгина» (1925–1936), Н.А. Островского «Как закалялась сталь» (1930–1934) писатели обращались к исследованию русской жизни, осмысляя переход из дореволюционной эпохи в советскую как, помимо прочего, процесс созревания рабочего движения, рост революционных настроений, преобразовавших культуру дореволюционной России в социалистический строй жизни. Подобная ретроспектива изображения русской истории переходного времени ставит вопрос о способе изображения усадьбы, позволяя выявить черты социалистического реализма, который по-разному оценивается исследователями.

Понятие соцреализма с момента его возникновения в начале 1930-х гг. претерпело своеобразную эволюцию в оценках исследователей: от апологетики современников до критики в советологии 1990-х и далее к попытке объективного его анализа как типа художественной культуры своего времени, определения его места между идеологией и мифотворчеством советской эпохи. В. Страда отмечает: «Именно сейчас, когда соцреализм перестал быть гнетущей реальностью и ушел в область исторических воспоминаний, необходимо подвергнуть феномен соцреализма тщательному изучению, чтобы выявить его истоки и подвергнуть анализу его структуру» [Страда: 64]. Ученые приходят к выводу, что «вне зависимости от интерпретации соцреализма нельзя отрицать тот факт, что с ним связаны имена А.М. Горького, А.Н. Толстого, Л.М. Леонова, В.В. Маяковского, М.А. Шолохова и других писателей, без которых невозможно представить литературу XX в. Соцреализм – большой, сложный и неоднозначный пери-

од, который останется в истории навсегда» [Круглов, Святославский 2025: 154].

Исследуя творческие принципы Горького, Л.А. Спиридонова приходит к выводу о том, что «писатель создавал собственный художественный синтез, ставший основой его творческого метода. <...> стремясь с максимальной полнотой отразить своеобразие революционного времени, Горький шел по пути синтеза романтизма, реализма и социалистического мифотворчества. Социальный идеализм, историзм, народность и вера в Человека с большой буквы определили своеобразие его взгляда на действительность и создали предпосылки новаторства писателя» [Спиридонова 2018: 230].

Сам Горький основные черты нового метода определял следующим образом: «Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого – непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле» [Первый съезд...: 17]. В 1934 г. в статье «О бойкости» Горький писал: «Революционный романтизм – это, в сущности, псевдоним социалистического реализма, назначение коего не только критически изобразить прошлое и настоящее, но главным образом – способствовать утверждению революционно достигнутого в настоящем и освещению высоких целей социалистического будущего» [Горький 1997: 2: 159]. Новый художественный метод, по мысли Горького, должен «изображать героическую современность более яркими красками, говорить о ней более высоким и достойным ее тоном» [цит. по: Спиридонова 2018: 229]. Итак, «пройдя путь от нищезанятия к социализму <...> он создал новаторский метод изображения действительности в ее революционном развитии» [Спиридонова 2018: 227].

В романе-хронике «Жизнь Клима Самгина» Горький, обращаясь к широкому полотну русской жизни, изображает динамику отношения к земле и земному хозяйству, в бытовании которых особую роль играла помещичья усадьба. В этом он является преемником русской классики (см.: Н.В. Гоголь «Мертвые души», И.С. Тургенев «Накануне», «Отцы и дети», Л.Н. Толстой «Война и мир» и др.).

Анализ усадебной топики позволяет описать трансформацию хозяйственной жизни России в катастрофическое время войн и революций [подробнее см.: Кнорре 2023a] как в социальной плоскости, так и в символической (*усадебный миф* внутри китежского мифа Серебряного века [подробнее см.: Кнорре 2023b]). Так как *усадебный топос* в условиях СССР претерпел «существенную трансформацию своей структуры» и показал «удивительный динамизм и жизнеспособность» [Богданова 2024: 25], то это проявляется и в романе-эпопее Горького, создававшейся в Советской России. Л.А. Спиридонова отмечает, что «социалистическое мифотворчество создает из реальной биографии героя символическое повествование о будущих судьбах России», где «синтез реализма и романтизма <...> осложнился идеями богостроительства и социалистического мифотворчества, которые широко распространялись в литературе Серебряного века» [Спиридонова 2018: 58]. О близости поэтики и мировоззрения Горького культуре модернизма пишет и В.В. Полонский: «С одной стороны, писатель последовательно отстранялся от модернистских кругов, с другой – глубинные механизмы его эстетики выявляют внутреннюю зависимость от основополагающих мирозерцательных и художественных импульсов “серебряного века”, причем именно его модернистского субстрата. Зависимость эта сложная, диалектичная, конфликтная, но ею предопределен сам нерв горьковского письма» [Полонский: 23].

Далее мы проанализируем неомифологию усадьбы в романе-хронике «Жизнь Клима Самгина», определив семантику *усадебного топоса* в составе социалистического мифотворчества писателя, преломленного сквозь призму китежского мифа Серебряного века.

В романе-эпопее «Жизнь Клима Самгина» панорама почти 40 лет русской жизни, от 1880-х гг. до Февральской революции 1917 г., преломляется сквозь призму сюжета странствий главного героя произведения – интеллигента-разночинца Клима Ивановича Самгина. Взросление героя показано через одновременное наблюдение им жизни разных сословий и эпох: «Вот – университет, – думал он, взвешивая свои впечатления. – Познание России – вот главнейшая, живая наука» [Горький 21: 542].

Вопрошание о целях и логике истории зарождается уже в первой части романа. В момент размышлений отца над именем, а значит, и судьбой только что родившегося Клима, появляется образ ледохода – символа движущейся стихии жизни, найти свое место в которой должен главный герой: «Муж на минуту задумался, устремив голубиные глаза свои в окно, в небеса, где облака, изорванные ветром, напоминали и ледоход на реке, и мохнатые кочки болота <...>

Самсон Самгин, – вот! Это не плохо! Имя библейского героя <...> Да, Самсон! Народ нуждается в героях» [Горький 21: 9].

Образ ледохода возникает еще в раннем творчестве Горького в цикле рассказов «По Руси» (1912–1917), где в кульминации рассказа «Ледоход» (1912) появляется размышление о «дерзкой человеческой мечте» управлять землей – потоками ее стихийной жизни, «спокойное движение масс» которой подавляет «маленького человека»: «Лед потрескивал и хрустел, неспешно ломаясь, нас медленно сносило мимо города; какая-то силища проснулась в земле и растягивает берег <...>. Ожила вся огромная земля к весенним родам, потягивается, высоко вздымая лохматую влажную грудь, хрустят ее кости, и река, в мощном мясе земли, – словно жила, полная густой, кипучей крови. Угнетало обидное ощущение своей малости и бессилия в этом уверенном, спокойном движении масс, а в душе, – на обиде, – растет, разгорается дерзкая человеческая мечта: протянуть бы руку, властно положить ее на гору, на берег и сказать: “Стой, пока я не дойду до тебя!...”» [Горький 14: 170].

Ребенка называют простонародным именем Клим, что символично для интеллигентской семьи, несколько поколений которой участвовали в революционном движении: «Первые годы жизни Клима совпали с годами отчаянной борьбы за свободу и культуру тех немногих людей, которые мужественно и беззащитно поставили себя между молотом и наковальней, между правительством бездарного потомка талантливого немецкой принцессы и безграмотным народом, отупевшим в рабстве крепостного права. Заслуженно ненавидя власть царя, честные люди заочно, с великой искренностью полюбили народ и пошли воскрешать, спасать его» [Горький 21:10–11].

Дом, где родился Клим, уже в первых главах романа помещен в поток времени. В центре повествования – гостиная и сад городской усадьбы разночинной семьи Самгиных, где в застольных беседах собираются люди разных поколений и сословий. Как и в усадебных романах Тургенева, драмах Чехова, дом изображен как пространство дискуссий о судьбах России, здесь спорят о будущем, об ошибках и заблуждениях прошлого. В саду завязываются любовные отношения юного сына помещика, дворянина Игоря Туробоева и дочери инженера Тимофея Варавки – Лидии, выясняют отношения постояльцы дома – доктор Сомов и его жена, завязывается любовная интрига между матерью Клима, Верой Петровной, и Варавкой, что вскоре приводит к разрушению семьи Самгиных.

Тема грехопадения, утраты рая прежней жизни появляется в изображении зарастающей во времени усадьбы бабушки Клима. С ностальгией она вспоминает свой «сказочный» дом: «Бывало, у меня в доме...

Всё бывшее у нее в доме было замечательно, сказочно хорошо, по ее словам, но дед не верил ей и насмешливо ворчал, раскидывая сухими пальцами седые баки свои: – У вас, Софья Кирилловна, была, очевидно, райская жизнь» [Горький 21: 26]. Однако в настоящем идеального райского дома уж нет, теперь это «неуклюжее, серое, ветхое здание в пять окон, разделенных тремя колоннами, с развалившимся крыльцом, с мезонином в два окна. <...> Окна были забиты досками, двор завален множеством полуразбитых бочек и корзин для пивных бутылок, засыпан осколками бутылочного стекла» [Горький 21: 26]. Подобно чеховскому Фирсу, в заброшенном саду теперь сидит сторож и его собака: «Среди двора сидела собака, выкусывая из хвоста репейник. И старичок с рисунка из надоевшей Клим “Сказки о рыбаке и рыбке” – такой же лохматый старичок, как собака, – сидя на ступенях крыльца, жевал хлеб с зеленым луком» [Горький 21: 26]. При виде своего «уходящего» дома бабушка плачет. Вскоре бабушка умирает, а дом покупает Варавка.

Взросление героя изображено на фоне наблюдаемого им потока времени, участниками которого становятся не только люди, но и вещи, сам уклад жизни. Дом детства растет вместе с Климом: «Все вокруг расширялось, разрасталось, теснилось в его душу так же упрямо и грубо, как богомольцы в церковь Успения, где была чудотворная икона божией матери. Еще недавно вещи, привычные глазу, стояли на своих местах, не возбуждая интереса к ним, но теперь они чем-то притягивали к себе, тогда как другие, интересные и любимые, теряли свое обаяние» [Горький 21: 53].

Восприятие мира как разрушающегося и одновременно преобразующегося общего дома истории символизирует комната, набитая поломанными вещами: «Клим открыл в доме даже целую комнату, почти до потолка набитую поломанной мебелью и множеством вещей, бывшее назначение которых уже являлось непонятным, даже таинственным. Как будто все эти пыльные вещи вдруг, толпою вбежали в комнату, испуганные, может быть, пожаром; в ужасе они нагромодились одна на другую, ломаясь, разбиваясь, переломали друг друга и умерли. Было грустно смотреть на этот хаос, было жалко изломанных вещей» [Горький 21: 53–54]. Поломанные вещи сравниваются с поломанными людьми: «...доктор с женою – люди изломанные, и Клим вспомнил комнату, набитую ненужными вещами» [Горький 21: 57].

Образ жизни как потока времени, столкновения и вытеснения вещей (поломанные вещи – поломанные люди – поломанные судьбы), смысл и логика которого пока неизвестна главному герою, отзовется в последней части романа, когда Клим, созерцая полотна Босха, видит историю как распавший-

ся и причудливо слепленный затем химерический мир: «Большинство людей – только части целого, как на картинах Иеронима Босха. Обломки мира, разрушенного фантазией художника» [Горький 24: 20].

Метафора истории как захлестывающего, поглощающего личность потока вещей и событий, развивается и в образе Петербурга, в мифологическом мотиве его затопления как inferнального двойника Китежа, в котором «нет колокольного звона» и который накрывает своими водами жизнь человека. Мотив затопления раскрывается и в образе Медного всадника – «Лесного царя» истории, поглотившего «маленького человека»: «На Сенатской площади такие же опаловые пузыри освещали темную, масляно блестящую фигуру буйного царя, <...> Клим почувствовал себя обязанным вспомнить стихи из “Медного всадника”, но вспомнил из “Полтавы”. <...> Затем память почему-то подсказала балладу Гёте “Лесной царь”: – Кто скачет, кто мчится под холодной мглой, Ездок запоздалый...» [Горький 21: 199–200].

Китежский миф задает проблематику роли человека в истории: будет ли он поглощен ее потоком с ледяными глыбами, пленен «лесным царем» времени – мировой иррациональной волей – или человек способен освободиться из плена, стать кормчим «корабля», строителем будущего? Клим вспоминает слова Варавки: «Большинство людей обязано покорно подчиняться своему назначению – быть сырым материалом истории. Им, как, например, пеньке, не нужно думать о том, какой толщины и прочности сошьют из них веревку и для какой цели она необходима» [Горький 21: 199].

Как отмечает Л.А. Спиридонова, «повествование о герое плавно переходит в рассказ о судьбах русской интеллигенции на переломе XIX–XX вв. и – шире – о трагической истории страны и ее народа. Самгин выступает в роли медиума, сознание которого вызывает к жизни “все наши ходынки”, “все гекатомбы, принесенные нами в жертву истории”» [Спиридонова 2018: 229]. «Более того, писатель постепенно переакцентировал внимание читателя, перенося его с жизни отдельного человека на описание сорока лет истории России. Вместо изображения “героя и массы” возникает проблема “героя-массы”, так как под влиянием пропаганды социализма слепая толпа, не сознающая своих целей “масса икринок”, постепенно превращается в революционную силу. Трагедия Ходынки, мирное шествие рабочих к царю в день кровавого воскресенья, похороны Баумана, декабрьское восстание 1905 года, февраль 1917 – этапы развития народного самосознания, позволяющие назвать произведение эпопеей» [Спиридонова 2020: 57].

Революция 1905–1907 гг. придает импульс крестьянским пограмм и стачечному движению рабочих в городах. В поезде Клим слышит рассуждение вете-

ринара о культурном хозяйстве усадьбы, недоступном мужику: «Огненной метлой подмели мужики уезд... <...> От усадьбы Соймоновых остались головни, да пепел, да разрушенные печи, а – превосходная была усадьба и хозяйство весьма культурное. <...> Но культура эта, недоступная мужику, только озлобляла его, конечно, хотя мужик тут – хороший, умный мужик. <...> Вообще доведено крестьянство до такого ожесточения, что не удивительно будет, если возникнет у нас крестьянская война, как было в Германии» [Горький 23: 211]. Крестьяне пытаются вытеснить старый порядок, поджигая усадьбы, помещики бросают свои земли, пытаются спастись за границей, в мире европейского благополучия, где революции уже в прошлом.

Тревожная действительность изображается через призму мифа о затоплении, воспроизводящего логику китежской мистерии. Крестьянские восстания, подобно реке во время ледохода, накатывают черной массой, эти черные валы окружают и поглощают в своей пучине усадьбы помещиков: «Самгин пытался представить, как на родине Гоголя бунтуют десятки тысяч людей, которых он знал только “чоловіками” и “парубками” украинских пьес. <...> воображение создало мрачную картину: лунной ночью, по извилистым дорогам, среди полей, катятся от деревни к деревне густые, темные толпы, окружают усадьбы помещиков, трутся о них; вспыхивают огромные костры огня, а люди кричат, свистят, воют, черной массой катятся дальше, все возрастая, как бы поднимаясь из земли; впереди их мчатся табуны испуганных лошадей, сзади умножаются холмы огня, над ними – тучи дыма, неба – не видно, а земля – пустеет, верхний слой ее как бы скатывается ковром, образуя все новые, живые, черные валы» [Горький 22: 412].

«Лесной царь» истории, из противоречий которого пытается выбраться Клим, захватывает и поглощает «выдуманных людей», чье жизненное кредо не выдерживает испытания временем. Люди разных сословий ищут твердую почву в подвижном потоке жизни. Уже в первой книге мы узнаем, что Игорь Туробоев уезжает за границу, продав за бесценок свой городской дом и земли удачливому дельцу Варавке, который уничижительно высказывается о его деловых качествах: «Туробоев – выродец. Как это? Декадент. <...> Продать не умеет. Городской дом я у него купил, перестрою под техническое училище. Продам он дешево, точно краденое. Вообще – идиот высокородного происхождения. Лютов, покупая у него землю для Алины, пытался обобрать его и обобрал бы, да – я не позволил. Я лучше сам... <...> Надобно уметь брать. Особенно – у дураков. Вон как Сергей Витте обирает» [Горький 21: 352].

Попытку найти убежище в Швейцарии, вдали от потрясений родной страны осуществляет и мать Клина: «Поутру Самгин был в Женеве, а около по-

лудня отправился на свидание с матерью. Она жила на берегу озера, в маленьком домике, слишком щедро украшенном лепкой, похожем на кондитерский торт. Домик уютно прятался в полукруге плодовых деревьев, солнце благосклонно освещало румяные плоды яблонь, под одной из них, на мраморной скамье, сидела с книгой в руке Вера Петровна в платье небесного цвета, поза ее напомнила сыну снимок с памятника Мопассану в парке Монсо» [Горький 24: 22]. Мотив купли-продажи городской усадьбы бабушки, отсылающий к чеховской теме продажи «вишневого сада», приобретает еще одну рифму. Подобно Раневской, мать Клина покидает Россию и находит себе домик-убежище с любовником-французом. «“Проживет она с этим гигиенистом все свои деньги”, – грубо подумал Самгин, и чувство жалости к матери вдруг окрасилось неприязнью к ней» [Горький 24: 26]. Из слов Клина мы понимаем, что «соловьиный сад» матери, ее благоденствие в «придуманном» раю беспочвенной жизни вдали от родины – непрочно. Отсылкой к раннему Горькому звучит и прозвучавшее в устах Клина последнее слово к матери: «Будь здорова, мама! Очень уютно устроилась ты...» [Горький 24: 27]. Уют как мещанский мирок – тщетная попытка укрыться посреди бури, где подлинный путь спасения из плена страшного леса – путь Данко, путь любви к людям и общее с ними дело.

Поиск твердой почвы в мире капитала, за границей, вдали от России оборачивается гибелью и для интеллигентного купца первой гильдии Владимира Лютова. Всемирный поток истории поглощает и его. Не видя смысла жизни вдали от родины, он заканчивает жизнь самоубийством. Буржуазный мир Европы, как и в статье Н.Ф. Федорова о Парижской выставке 1889 г., которую вспоминает Клим [Горький 24: 107], показан в свете критики общества потребления, где капитал не заинтересован в «общем деле» культуры, в основе которой, по Горькому, лежит идеал братского единения людей в творчестве будущей жизни.

В отличие от дворян, покидающих свои поместья, попытку преобразовывать землю и усадьбы России предпринимает купеческое сословие. Усадьба от уходящего в прошлое дворянства переходит к буржуазии. Деятельными фигурами в потоке времени представлены близкие по духу дельцы Варавка и владелица магазина церковной утвари Марина Зотова (в девичестве Премирова), недаром названная Климом «Варавкой в юбке».

Грандиозной мистерией преобразования России видится Климу хозяйственная деятельность Марины. Она пытается соединить два берега – деловую капиталистическую хватку и мир религиозных чаяний народа, мессианской мечты глубинной России об Опоньском царстве, Беловодье в землях Сибири. Кружок «Взыскующих града» становится попыткой

собрать «ковчег спасения» и для Лидии, первой возлюбленной Клим, дочери купца Варавки.

Замысел Марины – грандиозная афера, подобная аванюре Чичикова, и одновременно мечта о преображении старого мира. Марина занимается ростовщицеством, скупает и перепродает усадьбы и земли разорившихся помещиков, а также собирает завещания сектантов, будучи Богородицей-Кормщицей хлыстовского «корабля», обещая спасение участникам ее радений. Марина создает «плавильную» цепочку капитала. Ее заветная мечта – капитал, собранный благодаря сделкам по купле и продаже усадеб разорившихся или бежавших из России помещиков, – положить в основу строительства идеального города будущего, фаланстера, коммуны, рая на земле.

В разговоре с Климом большевик Кутузов раскрывает противоречивый смысл деятельности погибшей Марины: «Хлыстовство – маскировка. Она была жадна, деньги любила. <...> Была у нее нелепая идея накопить денег и устроить где-то в Сибири нечто в духе Роберта Оуэна... Фаланстер, что ли... Вообще – балаган. Интеллигентка. Хороший, здоровый мозг, развитие и свободное проявление которого тесно ограничено догмами и нормами классовых интересов буржуазии» [Горький 24: 178–179]. Подобно мифологическому кораблю «из ногтей мертвецов» – разоренных усадеб и завещаний умерших сектантов – составляется корабль-ковчег спасения, он же – кипящий чан хлыстов, где Богородица-мать переплавляет в «мистериальной чаше» лишенные хозяев усадьбы и земли России в новую жизнь, в коммуну будущего, в «новый град» социалистической утопии.

В последней части романа попыткам удержаться на плаву истории, «взыскующим града» будущей России – Лидии, Марине, Варавке, самому Климу – противопоставляется путь, найденный Кутузовым.

В этом символическом контексте раскрывается метафора подлинного «корабля спасения» – града Китежа: миф Серебряного века в интерпретации Горького получает не богоискательскую трактовку (согласно которой Феврония прощает своих врагов), но понимается в контексте идей богостроительства: народ, осознав свое предназначение в истории, из «хаоса икринок» организуется в строительный коллектив. Не случайно первой версии романа был предпослан эпиграф из оперы Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже» – фрагмент из «Сечи при Керженце». История эпиграфа такова: «“Сечу при Керженце” из оперы “Сказание о невидимом граде Китеже” в транскрипции и исполнении Добровейна слушали В.И. Ленин и Горький в 1920 г. на квартире Е.П. Пешковой в Москве. <...> В августе 1922 г. Добровейн гостил у Горького в Герингсдорфе (Германия) и там неоднократно играл “Сечу при Керженце”. <...> В сентябре 1925 г. Добро-

вейн приезжал к Горькому в Сорренто, где писатель заканчивал черновую редакцию первой части “Жизни Клим Самгина”. В качестве своеобразного эпиграфа к произведению он и предполагал использовать фрагмент из “Сечи при Керженце”» [Горький 25: 16].

Размышляя над статьей Горького «Две души» (1915), Д.С. Мережковский отметил противопоставленность смиренной «Святой Руси» и бунтующей, освобождающейся России: «Да, не в “святую”, смиренную, рабскую, а в грешную, возмущающуюся, освобождающуюся Россию верит Горький, знает, что “Святой Руси” нет, верит, что “Святая Россия будет”» [Мережковский: 856]. Герой же горьковской «Исповеди» (1908) Матвей «понимает под “богостроительством” устройство народного бытия в духе коллективистическом, в духе единения всех по пути к единой цели – освобождению человека от рабства внутреннего и внешнего» [Горький 1950: 504].

Образ народа-творца, способного покорить стихию и построить среди болот свои усадьбы, появляется при описании народа Суоми, жизнь которого представляется как идеал хозяйствования на земле. Возвратившись из Финляндии, Клим видит грустный контраст хозяйственному гению северного народа, который в условиях скупой природы создал-таки свой град Китеж – усадьбы стоят прочно, и народ хозяйствует на земле, осуществляя «покорение природы», побеждающее смертоносные ее силы в строительстве будущей жизни: «“Вот я в самом сердце безрадостной страны болот, озер, бедных лесов, гранита и песка, в стране угрюмых пасынков суровой природы”. <...> Но здесь, среди болот, лесов и гранита, он видел чистенькие города и хорошие дороги, каких не было в России, видел прекрасные здания школ, сытый скот на опушках лесов; видел, что каждый кусок земли заботливо обработан, огорожен и всюду упрямо трудятся, побеждая камень и болото, медлительные финны. <...> Ему нравилось, что эти люди построили жилища свои кто где мог или хотел и поэтому каждая усадьба как будто монумент, возведенный ее хозяином самому себе. <...> это не была тишина пустоты и усталости русских полей, она казалась тишиной спокойной уверенности коренастого молчаливого народа в своем праве жить так, как он живет» [Горький 22: 173–174].

Задатки подобного творчества есть и у народов России. Метафора Руси-тройки, отсылающая к поэме «Мертвые души» Н.В. Гоголя, задает гоголевские мотивы путешествию Клим: во время ярмарки 1896 г. в Нижнем Новгороде Клим открывает «всесозидающую силу» народа, управлять которой, по версии Кутузова, будет пролетариат.

Кутузов, как представитель большевиков, становится подлинным «кормчим корабля» истории в 40-летней битве за лучшее будущее; подобно Дан-

ко, он способен вывести народ из плена «лесного царя» (здесь одновременно звучат и аллюзии на ветхозаветного Моисея). Кутузов предлагает преобразовать хозяйство России на основе союза интеллигенции и пролетариата в творчестве новой культуры: «Почему интеллигенту будет легче жить с рабочим классом? <...> Классовый идиотизм буржуазии выражается, между прочим, в том, что капитал не заинтересован в развитии культуры, фабрикант создает товар, но нимало не заботится о культурном воспитании потребителя товаров у себя дома, для него идеальный потребитель – живет в колониях... Пролетариат-хозяин – особенно же наш пролетариат – должен будет развернуть широчайшую работу промышленно-технической организации своего огромнейшего хозяйства. Для этого дела потребуются десятки, даже сотни тысяч людей высокой, научной, интеллектуальной квалификации» [Горький 24: 528–529].

Как видим, социалистическое мифотворчество Горького рождается внутри мистериального мифа Серебряного века об ушедшем под воду граде Китеже, путь в который открывается чистым сердцем праведникам. Однако в рецепции Горького воспроизводятся не сострадательные мотивы китежской мистерии, свойственные богоискательству С.Н. Дурылина, М.М. Пришвина и др., но мотивы богостроительства, близкие действенной пролетарской идеологии. Такое мифотворчество определяет и способ *изображения действительности в ее революционном развитии* как борьбы, преодоления (эпизод «Сечи при Керженце»), освобождения от «лесного царя» эпохи (самодержавия и капитализма), сковывающего человека, обезличивающего его труд, подавляющего волю. Китежский миф определяет как сюжет утраты усадьбы (в огне погромов, в потоке времени), так и ее обретения в новом качестве культурно-мифологической ценности. Мотивы разрушения переходят в мотивы путей спасения – включения ряда ценностей усадьбы прошлого в новую социалистическую культуру. В этой трансформации можно увидеть не только черты советского мифа о солидарном «счастлимом пространстве» будущего, но и проявление глубинного *усадебного мифа* о рае на земле, с равноправной родственной общностью людей.

Список литературы

Источники

- Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1949–1955. Т. 8. 520 с.
- Горький М. Полн. собр. соч.: в 25 т. М.: Наука, 1968–1976.
- Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, ИМЛИ РАН, 1997 – .
- Первый съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М.: Худож. лит, 1934. 718 с.

Исследования

- Андреева В.Г. Образ усадьбы и усадебной жизни в «Тихом Доне» М.А. Шолохова: новаторство и рецепция наследия Л.Н. Толстого // Отечественная филология. 2025. № 3. С. 64–75. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-64-75>
- Богданова О.А. Сокровенный сосуд: усадьбы XX в. и мировая история // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 20–38. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 8)
- Гавриш Т.Р. Повесть или роман? (К вопросу о жанре «Жизни Клима Самгина»). URL: [https://gorkiy.rhga.ru/upload/iblock/3cf/53\)%20T.%20P.%20Гавриш.pdf](https://gorkiy.rhga.ru/upload/iblock/3cf/53)%20T.%20P.%20Гавриш.pdf) (Дата обращения: 23.17.2025).
- Козьменко М.В. Артур Шопенгауэр в ранних дневниках и позднейших произведениях Леонида Андреева: к проблеме корреляции философской и художественной картин мироздания // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2010. Т. 69, № 6. С. 21–30.
- Круглов Р.Г., Святославский А.В. Литература соцреализма: опыт осмысления терминологических границ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 1. С. 153–162.
- Кнорре Е.Ю. Усадьба-санаторий и город-сад: «счастливые пространства» в романе Н.А. Островского «Как закалялась сталь» // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 3. С. 328–345. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345>
- Кнорре Е.Ю. Усадьба и война в эго-документах 1918–1922 гг. (дневники М. Пришвина и С. Дурылина) // Новый филологический вестник. 2023а. № 2 (65). С. 109–122. <https://doi.org/10.54770/20729316-2023-2-109>
- Кнорре Е.Ю. «Делили имение во время войны»: традиции Л.Н. Толстого в усадебном тексте XX в. // Два века русской классики. 2023б. Т. 5, № 3. С. 164–201. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-164-201>
- Мережковский Д.С. Чехов и Горький // Максим Горький: pro et contra. Антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. С. 645–688.
- Полонский В.В. Горький и культура модернизма // Максим Горький: российские идеологические контексты и итальянские реалии: сб. материалов конференции к 150-летию со дня рождения Максима Горького. Рим, 2020. С. 23–42.
- Спиридонова Л.А. Творчество Горького и возникновение социалистического реализма // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 1. С. 212–233. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2018-3-1-212-233>
- Спиридонова Л.А. Трансформация жанров в творчестве М. Горького // ACTA ERUDITORUM. 2020. Вып. 33. С. 51–58.

Страда В. Советская литература и русский литературный процесс XX в. // Вестник МГУ. Серия 9. 1995. № 3. С. 45–64.

References

- Andreeva V.G. *Obraz usad'by i usadebnoi zhizni v "Tikhom Done" M.A. Sholokhova: novatorstvo i retseptsii naslediia L.N. Tolstogo* [The Image of the Estate and Estate Life in M.A. Sholokhov's "Quiet Flows the Don": Innovation and Reception of L.N. Tolstoy's Heritage]. *Otechestvennaia filologiia* [Domestic Philology], 2025, no. 3, pp. 64–75. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-3-64-75> (In Russ.)
- Bogdanova O.A. *Sokrovennyi sosud: usad'by XX v. i mirovaia istoriia* [The Secret Vessel: Estates of the 20th Century and World History]. *Usad'ba i dacha v literature sovetskoi epokhi: poteri i obreteniia: kollektivnaia monografiia* [Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains: a Collective Monograph], ed. by V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 20–38. (Series "Russian Estate in a Global Context", issue 8) (In Russ.)
- Gavrish T.P. *Povest' ili roman? (K voprosu o zhanre "Zhizni Klima Samgina")* [A Story or a Novel? (On the genre of "The Life of Klim Samgin")]. URL: [https://gorkiy.rhga.ru/upload/iblock/3cf/53\)%20T.%20R.%20Gavrish.pdf](https://gorkiy.rhga.ru/upload/iblock/3cf/53)%20T.%20R.%20Gavrish.pdf) (Accepted: 23.17.2025).
- Koz'menko M.V. *Artur Shopengauer v rannikh dnevnikakh i pozdneishikh proizvedeniakh Leonida Andreeva: k probleme korreliatsii filosofskoi i khudozhestvennoi kartin mirozdaniia* [Arthur Schopenhauer in the Early Diaries and Later Works of Leonid Andreev: on the Problem of Correlation between the Philosophical and Artistic Pictures of the Universe]. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series of literature and language], 2010, vol. 69, no. 6, pp. 21–30. (In Russ.)
- Kruglov R.G., Sviatoslavskii A.V. *Literatura sotsrealizma: opyt osmysleniia terminologicheskikh granits* [Literature of socialist realism: an attempt to understand terminological boundaries]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice of Philology], 2025, vol. 18, issue 1, pp. 153–162. (In Russ.)
- Knorre E.Iu. *Usad'ba-sanatorii i gorod-sad: "schastlivye prostranstva" v romane N.A. Ostrovskogo "Kak zakalialas' stal'"* [Estate-sanatorium and garden city: "happy spaces" in N.A. Ostrovsky's novel "How the Steel Was Tempered"]. *Studia Litterarum*, 2024, vol. 9, no. 3, pp. 328–345. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-328-345> (In Russ.)
- Knorre E.Iu. *Usad'ba i voina v ego-dokumentakh 1918–1922 gg. (dnevnik M. Prishvina i S. Durylina)* [Estate and War in Ego-documents of 1918–1922 (Diaries of M. Prishvin and S. Durylin)]. *Novyi filologicheskii vestnik* [New Philology Bulletin], 2023a, no. 2 (65), pp. 109–122. <https://doi.org/10.54770/20729316-2023-2-109> (In Russ.)
- Knorre E.Iu. "Delili imenie vo vremia voiny": traditsii L.N. Tolstogo v usadebnom tekste XX v. ["They Divided the Estate During the War": L. N. Tolstoy's Traditions in the Estate Text of the 20th Century]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two Centuries of Russian Classics]. 2023b, vol. 5, no. 3, pp. 164–201. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-164-201>
- Merezhkovskii D.S. *Chekhov i Gor'kii* [Chekhov and Gorky]. *Maksim Gor'kii: pro et contra. Antologiya* [Maxim Gorky: pro et contra. Anthology]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 1997, pp. 645–688.
- Polonskii V.V. *Gor'kii i kul'tura modernizma* [Gorky and the Culture of Modernism]. *Maksim Gor'kii: Rossiiskie ideologicheskie konteksty i ital'ianskie realii: sb. materialov konferentsii k 150-letiiu so dnia rozhdeniia Maksima Gor'kogo* [Maxim Gorky: Russian Ideological Contexts and Italian Realities: Collection of Conference Proceedings for the 150th Anniversary of Maxim Gorky's Birth]. Rim, 2020, pp. 23–42. (In Russ.)
- Spiridonova L.A. *Tvorchestvo Gor'kogo i vznikenovanie sotsialisticheskogo realizma* [Gorky's Work and the Emergence of Socialist Realism]. *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 212–233. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2018-3-1-212-233> (In Russ.)
- Spiridonova L.A. *Transformatsiia zhanrov v tvorchestve M. Gor'kogo* [Transformation of genres in the works of M. Gorky]. *ACTA ERUDITORUM*, 2020, issue 33, pp. 51–58. (In Russ.)
- Strada V. *Sovetskaia literatura i russkii literaturnyi protsess XX v.* [Soviet Literature and the Russian Literary Process of the 20th Century]. *Vestnik MGU* [Bulletin of Moscow State University], series. 9, 1995, no. 3, pp. 45–64. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.07.2025; одобрена после рецензирования 29.07.2025; принята к публикации 04.08.2025.

The article was submitted 25.07.2025; approved after reviewing 29.07.2025; accepted for publication 04.08.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 27–32. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 27–32. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"20"

EDN JYARLQ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-27-32>

ТОПОС ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ И УСАДЕБНЫЙ МИФ В «ЗАПИСКАХ НА МАНЖЕТАХ» М.А. БУЛГАКОВА

Андреева Валерия Геннадьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва Россия, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация. В статье рассматривается топос Ясной поляны и реализуемый Булгаковым в одном из эпизодов книги «Записки на манжетах» *усадебный миф*. Отмечается контраст хронотопов Ясной Поляны, Владикавказа и Москвы. Эпизод, изображающий усадебное бытие, становится единственным свидетельством заботы о человеке, внимания к нему, уважения личного пространства, которые в новой советской действительности отсутствуют. Он имеет большое значение в реализации многих мотивов произведения: естественного и душевного голода, нищеты, литературного труда, необходимости самостоятельной организации рабочего дня, ценности творчества. Автор статьи предполагает, что сон героя с иллюстрацией усадебного прошлого был призван служить своеобразным переходом к третьей части книги.

Ключевые слова: М.А. Булгаков, «Записки на манжетах», автобиографический герой, Л.Н. Толстой, усадьба, усадебный топос, усадебный миф, революция, литературная среда.

Для цитирования: Андреева В.Г. Топос Ясной Поляны и усадебный миф в «Записках на манжетах» М.А. Булгакова // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 27–32. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-27-32>

Благодарности. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051-П: «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала», <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Research Article

THE TOPOS OF YASNAYA POLYANA AND THE ESTATE MYTH IN M.A. BULGAKOV'S "NOTES ON THE CUFFS"

Valeria G. Andreeva, Doctor of Philological Sciences, Leading Research Fellow, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. The article examines the topos of Yasnaya Polyana and the estate myth realized by Bulgakov in one of the episodes of the book "Notes on the Cuffs". The contrast of the chronotopes of Yasnaya Polyana, Vladikavkaz and Moscow is noted. The episode depicting the estate existence becomes the only evidence of care for a person, attention to him, respect for personal space, which are absent in the new reality. It is of great importance in the implementation of many motives of the work: natural and spiritual hunger, poverty, literary work, the need for independent organization of the working day, the value of creativity. The author of the article suggests that the hero's dream with an illustration of the estate past was intended to serve as a kind of transition to the third part of the book.

Keywords: M.A. Bulgakov, "Notes on the Cuffs", autobiographical hero, L.N. Tolstoy, estate, estate topos, estate myth, revolution, literary environment.

For citation: Andreeva V.G. The Topos of Yasnaya Polyana and the Estate Myth in M.A. Bulgakov's "Notes on the Cuffs". Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 27–32. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-27-32>

Acknowledgments. This work was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00051-P "Estate and dacha in Russian literature of 20th–21st centuries: the fate of the national ideal", <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

«Записки на манжетах» (1922–1923) М.А. Булгакова – одно из первых произведений писателя, в котором немаловажную роль играет появляющийся в одном из эпизодов книги топоним Ясной Поляны. Булгаков, в раннем творчестве часто ориентировавшийся на лучшие произведения классиков, одновременно создает и *усадебный миф* о Толстом, связанный с местом усадебной жизни великого писателя. Целью данной работы является осмысление роли и места *усадебного топоса* и *усадебного мифа* в книге Булгакова «Записки на манжетах» – произведения сложного и специфического с точки зрения композиции и затронутых проблем, принципов изображения и отбора материала. Это книга автобиографическая и при этом критическая, сатирическая, рассказывающая о жизни, точнее о непросто́м существовании героя во Владикавказе и потом в Москве. Повествование отрывочно и субъективно, чем-то напоминает эго-документы, порою – дневник, проглядывают в книге исповедальные мотивы, однако в большей степени она представляет собой достаточно разорванную цепь событий и зарисовок, мелькание которых в полной мере передает суету и хаотичность первых нескольких лет послереволюционной жизни.

Комментаторы произведения в собрании сочинений писателя отмечают своеобразный параллелизм, лучше даже сказать поэтапность, последовательность в появлении «Записок на манжетах» и «Записок юного врача» Булгакова, подчеркивая, что первое произведение подготовило почву для второго: «Появившиеся через несколько лет рассказы о враче, не случайно сближенные с “Записками на манжетах” заглавием (“Записки юного врача”), давали герою булгаковской прозы новое измерение: перед читателем оказывалась как бы предшествующая стадия его бытия» [Лурье: 605]. По справедливому суждению исследователей, у «Записок на манжетах» предыстории не было. Можно подумать, что их автору фактически нечего было вспоминать. Однако это, конечно, не так. Несмотря на острую полемичность «Записок на манжетах», нередко проявляющуюся иронию автора, есть в книге то жизненное утверждение, которое Булгакову было дорого, – это прежняя жизнь рубежа XIX–XX вв., усадебный быт. И чем больше Булгаков погружался в перипетии новой советской действительности, тем более дорогой и невозвратимой выглядела старая жизнь. В.Я. Лакшин отметил по этому поводу: «Можно лишь догадываться, что первые впечатления революции в смоленской деревне, когда горели барские усадьбы, пожаром гулял мужицкий гнев, а ревкомы крутой поры военного коммунизма осуществляли в Вязме бессудные расправы, произвели сильное впечатление на Булгакова и заметно качнули его в сторону старого режима, с которым связывалось в воспоминании “мирное время”, счаст-

ливое “до войны”: просторный уютный дом, любящие братья и сестры, ноты “Фауста” на пюпитре рояля, светло, тепло, жена молодая...» [Лакшин: 14].

Москва начала 1920-х гг. была полна людьми, ищущими пристанище, работу, одним из фактически нищих странников, приехавших в столицу, стал и Булгаков. М.А. Котова отмечает, что «в начале 1920-х годов Москва кипела – город поразил жилищный кризис, толпы приезжих искали в столице комнату или хотя бы угол в любом подходящем для жилья помещении» [Котова: 50]. В подобной ситуации Булгаков прекрасно понимал невозвратимость былой усадебной счастливой жизни, пусть и не роскошной, но окружающей человека, особенно творческого, спокойствием и расположением как к сельскохозяйственной (в летнюю пору), так и к кабинетной работе (в осенне-зимний период). Уместно в данном случае процитировать в качестве примера письмо Л.Н. Толстого к А.А. Фету (оба были увлечены сельскохозяйственным трудом в своих имениях, совмещая его с писательской работой). 1..3 мая 1863 г. Толстой сообщал своему корреспонденту: «Теперь я пишу историю пегого мерина, к осени, я, думаю, напечатаю. Впрочем, теперь как писать, теперь незримые усилия даже зримые, и притом я в юнстве (этим словом в семье Толстых называли хозяйственную деятельность, сельскохозяйственный труд. – В.А.) опять по уши. И Соня со мной. Управляющего у нас нет, есть помощники у меня по полному хозяйству и постройкам, а она одна ведет контору и кассу. У меня и пчелы, и овцы, и новый сад, и винокурня» [Л.Н. Толстой: 364–365].

Эпизод с изображением Ясной Поляны становится в «Записках на манжетах» Булгакова единственным, но при этом очень ярким свидетельством заботы о человеке, внимания к нему, уважения личного пространства. Этот эпизод контрастен всему остальному повествованию в книге; хронотоп Ясной Поляны противопоставлен хронотопу Владикавказа и Москвы. Однако воображаемое появление в Ясной Поляне, рядом с Софьей Андреевной, не настоящего Льва Толстого, а героя из «Записок на манжетах» создает еще один конфликт, усугубляемый поведением мнимого графа.

Расположенная почти в конце книги Булгакова сцена с пребыванием героя в Ясной Поляне имеет немаловажное значение в реализации многих мотивов произведения: естественного и душевного голода, литературного труда, нищеты, необходимости самостоятельной организации рабочего дня и т. д. Многие смысловые акценты, намеченные в «Записках на манжетах», проявляются постепенно, причем они оказываются по-разному, порою двойственно связаны со сценой пребывания героя в Ясной Поляне. К примеру, характерно присутствующее

в начале книги, во время болезни героя, его желание сбежать, убежать из Владикавказа. Сложно тут не вспомнить про «побег», «уход» из Ясной Поляны самого Л.Н. Толстого. Также примечательно постоянно присутствующее на протяжении книги чувство голода главного героя, которое сопровождает его и во Владикавказе, и далее в Москве: «Помидоры. Черного хлеба не помногу. И арахис. Какая гнусная водка! Мерзость» [Булгаков: 482]. «...Идет жуткая осень. Хлещет косой дождь. Ума не приложу, что ж мы будем есть?» [Булгаков: 486]. «Я голоден, я сломлен! В мозгу у меня нет крови. Я слаб и боязлив. Но здесь я больше не останусь» [Булгаков: 490]. На фоне отсутствия мяса и вообще сытной пищи в рационе главного героя «вегетарианский обед» Толстого выглядит чуть ли не издевательством.

Топос Ясной Поляны появляется у Булгакова в маленькой главе «О том, как нужно есть»: после первого на протяжении всего сюжета сытного обеда герой видит сон, в котором ему представляется, что сам он Лев Толстой, женат на Софье Андреевне: «Я сижу наверху в кабинете. Нужно писать. А что писать, я не знаю. И все время приходят люди и говорят: “Пожалуйста, обедать”» [Булгаков: 506]. В воображении героя присутствует определенный *усадебный топос*, в котором есть дом Толстого с характерной планировкой, кабинет писателя, деревянная лестница. При этом предлагаемое описание быта и поведения якобы Толстого, зафиксированное в книге, становится мифом о яснополянской жизни: читатель в свете мотивов, реализованных Булгаковым, пытается воплотить усадебную жизнь (какой она была бы) с поправкой на современные ему знания и реалии. О.А. Богданова отмечает близость понятий *усадебный топос* и *усадебный миф*, важность их разграничения: «...Топос – категория, связанная не только с пространственностью и культурной памятью, но и с многовековой продолжительностью, диакронией; миф же в Новое время способен спонтанно возникать в какой-либо точке культурного развития, становясь формой как идеологического, так и образно-интуитивного освоения новых социокультурных феноменов, задавая стратегию их встраивания в культурное поле нации, региона, мира» [Богданова: 54].

Мастерское воплощение Булгаковым эпизода из жизни великого писателя в Ясной Поляне противопоставлено современной герою действительности, ее беспокойному ритму, который не оставляет времени на размышления и творчество. Именно поэтому страх, боязнь, так часто появляющиеся на страницах «Записок на манжетах», перемещаются и сюда, в усадебное бытие. Современная исследовательница отметила, что «тематическая группа “Страх/Ужас” объединяет лексические единицы, номинирующие данную эмоцию и симптомы ее проявления у главно-

го героя, в нее также входят соответствующие квалификаторы, характеризующие эмоциогенные объекты и ситуации» [Кривошеева: 119]. Страх героя, который он чувствует во сне, связан с подлогом: он сидит в кабинете Льва Толстого, по сути является для всех Львом Толстым, но при этом сам знает, что он совершенно другой человек. Боязнь героя и ее интерпретация позволяют говорить о частотности мотива творчества в книге и его реализации в данной сцене:

«А я боюсь сойти. И так дурачки: чувствую, что тут крупное недоразумение. Ведь не я писал “Войну и мир”».

А между тем здесь сижу. И сама Софья Андреевна идет вверх по деревянной лестнице и говорит:

– Иди. Вегетарианский обед» [Булгаков: 506].

По масштабу и уровню постижения действительности, по своей величине и монументальности «Записки на манжетах» являются антитезой роману-эпопее «Война и мир», но обостренное чувство авторства у автобиографического героя, который является писателем и не раз ориентировался на Толстого и сравнивал себя с ним, ведет его в сновидении.

Специалисты по творчеству Булгакова не раз обращали внимание на откровенный тон писателя, на его исповедальность и на «дневниковый» характер «Записок на манжетах», который, «с одной стороны, мотивирует недоговоренности, с другой же – требует интенсивного читательского внимания к тексту, вынуждая достраивать оставленное за его пределами. Напряженность отношений между текстом и затекстом – важная и художественно значимая черта “Записок на манжетах”» [Лурье: 606]. Ключевым автором XIX в., дневник которого был на слуху, являлся для русских людей XX в., конечно же, Толстой.

Герой Булгакова по-своему доводит до апогея те семейные конфликты, которые происходили между Л.Н. Толстым и Софьей Андреевной, и, в частности, касались именно благ усадебной жизни и того, что Толстому казалось роскошью, а Софье Андреевне – необходимостью.

Скорее всего, Булгаков был неплохо осведомлен о том, что жизнь супругов Толстых в последний период творчества писателя не была гладкой. Н.Г. Михновец в книге «Любовь и бунт» представила очень удачную подборку из дневников и воспоминаний самого Толстого, Софьи Андреевны, людей, вхожих в их семью, отметив при этом, что частная жизнь писателя перестала быть к 1910 г. секретом для общества: «Окружающие великого Толстого уже давно начали фиксировать каждое его слово, богаты фактами были ежедневные яснополянские записки деликатного человека доктора Д.П. Маковицкого, вместе с тем в 1910 году не только расширился круг записывающих, но и, в отдельных случаях, появилась заданность в наблюдениях» [Михновец: 28]. Вместе с тем,

исследовательница подбирает цитаты, которые показывают, что кризис в семье был значительным. Приведем как пример отрывок из дневника Софьи Андреевны: «Вечер. Опять было объяснение, и опять мучительные страдания. Нет, так невозможно, надо покончить с собой. Я спросила: “С чем во мне Лев Ник. хочет бороться?” Он говорит: “С тем, что у нас во всем с тобой разногласие: и в земельном, и в религиозном вопросе”. Я говорю: “Земли не мои, и я считаю их семейными, родовыми”. – “Ты можешь *свою* землю отдать”. Я спрашиваю: “А почему тебя не раздражает земельная собственность и миллионное состояние Черткова?” – “Ах! Ах, я буду молчать, оставь меня”. Сначала крик, потом злобное молчание» [Михновец: 39].

Голодный герой Булгакова, воплотившийся во сне в образе Толстого, отказывается от вегетарианского обеда, сердится, доводит до слез супругу собственными возражениями и требованиями. Однако конфликт в «Записках на манжетах», как мы видим, ориентируясь на пожелания мнимого графа Толстого, перевернут. Испытавший сложности герой, увидевший революцию и послереволюционные будни, крушение усадеб, имеет совсем другую точку зрения. В.В. Курьянова точно отметила: «Оказавшись во сне на месте Толстого, Михаил хотел бы воспользоваться всеми внешними благами, предоставленными великому писателю, теми благами, отсутствие которых не позволяет ему жить и творить достойно. Но булгаковская ирония заключается не в профанировании образа Толстого, несмотря на использование традиционных для профанного вектора биографического мифа о Льве Толстом маркеров плачущей жены, духоборов и вегетарианства» [Курьянова: 327]. Герой Булгакова отказывается от вегетарианского обеда, ведет себя вызывающе, потому что возможность жизни в усадьбе навсегда утрачена, потому что чувствующий в себе силы к творчеству герой вынужден заменять талант на ремесло, поденную работу, потому у него нет не только рабочего кабинета, но даже письменного стола: «И когда все кругом мертво спит, писатель читает мне свою новую повесть. Некому больше ее слушать. Ночь плывет. Кончает и, бережно свернув рукопись, кладет под подушку. Письменного стола нету» [Булгаков: 482]. М.С. Штейман справедливо пишет, что «исповедальная проза Булгакова была для того времени достаточно смелым шагом. Она изначально не совпадала с общей направленностью советской литературы, стремящейся запечатлеть драму народной жизни в огне гражданской войны. Главным для нее было запечатлеть массовость революции, ее социально-политические и нравственные цели. А Булгакова не привлекали процессы, происходившие в общественном сознании народных масс. Его интересовала проблема соотношения револю-

ции и войны и вечных ценностей. Писатель стремился сохранить лучшие нравственные и культурные традиции дореволюционной русской интеллигенции» [Штейман: 93].

К топосу Ясной Поляны и толстовского кабинета в «Записках на манжетах» необходимо подойти еще и с другой стороны. Автобиографический герой Булгакова не эмигрировал в Париж, он перебрался жить и работать в Москву, поближе к новой советской власти, сотрудничество с которой сам писатель воспринял не только как средство не погибнуть с голоду, но и как вынужденный поворот судьбы. В ситуации относительной конфронтации с властью Булгакову будет мало разрешено, однако себя он воспринимал как наследника великих русских классиков, и этого ощущения у писателя было не отнять.

Как мы уже отметили, герой Булгакова в книге лишен предыстории: «Его прежний статус отменен, новый еще не сложился. Энергичные действия не приносят успеха, а только ухудшают ситуацию. Встроиться в новый социальный механизм, войти в контакт с “массой” он может только одним, неестественным для него путем – написав заведомо “бездарную” пьесу» [Лурье: 605]. Однако автобиографический персонаж Булгакова, как и ранние герои Л. Толстого и Достоевского, является мечтателем, для которого душевная жизнь значит иногда больше, чем окружающая обстановка: «Главные коллизии бытия большинства его героев происходят из несоответствия реальности жизни тому идеалу, который порождается их мечтательностью. <...> Мечтательность помогает человеку увидеть сложность, вариативность окружающего бытия, именно поэтому он оказывается более проникательным, он видит в мире больше возможностей для себя, чем обычный человек...» [Евлампиев: 149–150]. Приезжая в Москву, герой «Записок на манжетах» надеется, что окунется в полную событий и литературных встреч жизнь, что сможет общаться с литераторами, коллегами по цеху. Однако этого не происходит: герой приезжает фактически в пустоту: «В Лито не было ни стульев, ни столов, ни чернил, ни лампочек, ни книг, ни писателей, ни читателей. Коротко: ничего не было» [Булгаков: 496]. Эта пустота является свидетельством не просто отсутствия вещей, дефицита, но и душевной, идейной пустоты, неустроенности жизни, когда старое разрушено, а до нового содержания никому нет дела. Какие воспоминания остаются герою? Конечно, усадебные. Из «пустоты» (то есть невообразимо откуда, учитывая ситуацию в Москве того времени) герой достает старинную конторку красного дерева. В конторке оказывается артефакт прошлого: «В ней я нашел старый пожелтевший золотообрезный картон со словами: “...дамы в полуоткрытых бальных платьях. Военные в сюртуках с эполетами; граж-

данские в мундирных фраках и лентах. Студенты в мундирах. Москва 1899 г.»» [Булгаков: 496]. Герой-мечтатель додумывает и медлительную, печальную барышню, которая появляется за конторкой.

Усадебный миф, точнее, усадебные образы, воссозданные героем Булгакова, связаны также с мотивом неузнанности большого художника и высокой ценности его личности. Символично, что в тексте Булгакова духобор с окладистой рыжей бородой не узнает своего известного сторонника и благодетеля, называя его Львом Ивановичем вместо Льва Николаевича. Это вызывает приступ гнева мнимого графа: автобиографический герой Булгакова в этот момент всерьез встает на место Толстого, отвечая и за него, и за себя, за русскую литературу: «Какой я Лев Иванович? Николаевич! Пошел вон из моего дома! Вон! Чтобы ни одного духобора» [Булгаков: 506]. Появление духобора в тексте Булгакова также символично: духоборы, переселившиеся в Канаду с помощью Толстого, особенно отколовшиеся от них течение «свободников» быстро забыли и помощь Толстого, и его самого [см.: Христенко: 245].

Обезличенность московского послереволюционного пространства связана с отсутствием настоящих хозяев у квартир и домов; произошедший передел собственности привел к тому, что люди для проживания стали искать углы. Ясная Поляна и как конкретный локус, и как составляющая *усадебного мифа* прочно связана с Толстым. Мы уже писали о том, что, создавая финал своего романа «Воскресение», вышедшего в свет в последний год XIX в., Толстой «не представлял иной формы жизни в имении, нежели та, какую он вел сам в усадьбе Ясная Поляна или в Хамовническом доме в Москве» [Андреева: 152]. В условиях советской действительности, после смерти Толстого и осуществившейся революции, Ясная Поляна некоторое время продолжала оставаться домом С.А. Толстой и ее детей, однако в 1921 г. (как раз в период работы Булгакова над «Записками на манжетах»), усадьбе был присвоен статус музея. Наступило то время, когда Толстого-писателя, мыслителя и человека можно было лучше понять, оказавшись в его доме, прикоснувшись к его быту и вещам. И это теперь уже советское усадебное наследие также было дорого Булгакову.

Подводя итоги и возвращаясь к вопросу о роли усадьбы Ясная Поляна в «Записках на манжетах» Булгакова, необходимо кратко сказать и о том, что в итоговом тексте произведения оказались реализованными лишь две первые части книги из трех задуманных, которые Булгаков отдаленно соотносил, вероятно, с «Мертвыми душами»: «Трехчастность напоминает (может, и пародийно) трехтомность гоголевских “Мертвых душ”, которые Булгаков тогда перечитывал. Первая часть – мрак искаженного

и псевдокультурного существования (характерная деталь: пушкинский вечер, украшенный портретом поэта, на котором Пушкин похож на Ноздрева). Вторая часть – признаки жизненной активности, духовного пробуждения, неявное присутствие новых классиков (“Брюсов с Белым”). Третья часть, если следовать гоголевской логике, должна быть патетической, обращающей к русской классике, но, как и в гоголевской поэме, эта часть лишь угадывается в первых двух и существует как вдохновляющий мираж» [Кораблев: 233]. По всей видимости, сон героя с иллюстрацией усадебного прошлого Ясной Поляны и подлинного литературного труда, направленного не на заработок, а на преображение мира и напоминание о главных нравственных заветах, был призван служить своеобразным переходом к третьей части книги. Скорее всего, в ней, как «вдохновляющий мираж», могла быть полностью раскрыта утраченная в реальности, но требующая возрождения в будущем форма усадебной жизни.

Список литературы

Источники

Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1989. 623 с.

Л.Н. Толстой. Переписка с русскими писателями: в 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1978. 495 с.

Исследования

Андреева В.Г. Усадьбы в романе Л.Н. Толстого «Воскресение»: от обличения роскоши к жизни на земле // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 2. С. 144–154. <https://doi.org/10.51762/IFK-2021-26-02-12>

Богданова О.А. Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: ИМЛИ РАН, 2024. 560 с.

Евлампиев И.И., Матвеева И.Ю. Две версии портрета «человека усиленно сознающего»: «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского как творческий отклик на «Отрочество» и «Юность» Л.Н. Толстого // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 2. С. 142–175. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-142-175>

Кораблев А.А. Контуры русской литературы в «записках на манжетах» Михаила Булгакова // Донецкие чтения 2024. Донецк: Донецкий национальный университет, 2024. С. 233–235.

Котова М.А. Михаил Булгаков в московских редакциях: «Записки на манжетах» // Михаил Булгаков в потоке российской истории XX–XXI вв.: Материалы Одиннадцатых и Двенадцатых Международных научных чтений, приуроченных к дню ангела писателя. М.: Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы «Музей М.А. Булгакова», 2022. С. 50–64.

Кривошеева И.А. Апокалиптические мотивы в повести М.А. Булгакова «Записки на манжетах» // Наука сегодня: вызовы и решения. Вологда: «Маркер», 2016. С. 118–119.

Курьянова В.В. Миф о Л.Н. Толстом в русской литературе начала XX века: дисс. ... докт. филол. наук. Симферополь, 2015. 477 с.

Лакишин В.Я. Мир Михаила Булгакова // Булгаков М.А. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1989. С. 5–70.

Лурье Я., Рогинский А., Чудакова М. Комментарии // Булгаков М.А. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1989. С. 549–622.

Михновец Н.Г. Жизнь с гением: жена и дочери Льва Толстого. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. 928 с.

Христенко Д.Н. Русские классики и судьба России в произведениях американского писателя Мориса Хиндуса // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 2. С. 240–257. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-240-257>

Штейман М.С. Исповедальные интенции в «Записках на манжетах» М. Булгакова // Filologos. 2016. № 31(4). С. 89–93.

References

Andreeva V.G. *Usad'by v romane L.N. Tolstogo "Voskresenie": ot oblicheniia roskoshi k zhizni na zemle* [Estates in L.N. Tolstoy's Novel "Resurrection": From the Denunciation of Luxury to Life on Earth]. *Filologicheskii klass* [Philological Class]. 2021, vol. 26, no 2, pp. 144–154. <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-02-12> (In Russ.)

Bogdanova O.A. *Germenevtika literaturnoi usad'by: teoriia, istoriia, sovremennost' / otv. Red. M.V. Skorokhodov* [Hermeneutics of the Literary Estate: Theory, History, Modernity, ed. M.V. Skorokhodov]. Moscow, IWL RAS, 2024. 560 p. (In Russ.)

Evlampiev I.I., Matveeva I.Iu. *Dve versii portreta "cheloveka usilenno soznaiushchego": "Zapiski iz podpol'ia" F.M. Dostoevskogo kak tvorcheskii otklik na "Otrochestvo" i "Iunost'" L.N. Tolstogo* [Two Versions of the Portrait of a "Man of Intense Consciousness": "Notes from the Underground" by F.M. Dostoevsky as a Creative Response to "Boyhood" and "Youth" by L.N. Tolstoy]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two Centuries of Russian Classics]. 2025, vol. 7, no. 2, pp. 142–175. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-142-175> (In Russ.)

Korablev A.A. *Kontury russkoi literatury v "zapiskakh na manzhetakh" Mikhaila Bulgakova* [Contours of Russian Literature in Mikhail Bulgakov's "Notes on

the Cuffs"]. *Donetskie chteniia 2024* [Donetsk Readings 2024]. Donetsk, Donetskii natsional'nyi universitet Publ., 2024, pp. 233–235. (In Russ.)

Kotova M.A. *Mikhail Bulgakov v moskovskikh redaktsiiakh: "Zapiski na manzhetakh"* [Mikhail Bulgakov in Moscow Editions: "Notes on the Cuffs"]. *Mikhail Bulgakov v potoke rossiiskoi istorii XX–XXI vv.* [Mikhail Bulgakov in the Stream of Russian History of the 20th–21st Centuries]. Moscow, "Muzei M.A. Bulgakova" Publ., 2022, pp. 50–64. (In Russ.)

Krivosheeva I.A. *Apokalipticheskie motivy v povesti M.A. Bulgakova "Zapiski na manzhetakh"* [Apocalyptic motifs in the story of M.A. Bulgakov "Notes on the Cuffs"]. *Nauka segodnia: vyzovy i resheniia* [Science today: challenges and solutions]. Vologda, "Marker" Publ., 2016, pp. 118–119. (In Russ.)

Kur'ianova V.V. *Mif o L.N. Tolstom v russkoi literature nachala XX veka: diss. ... dokt. filol. nauk* [The myth of L.N. Tolstoy in Russian literature of the early 20th century: DSc thesis] Simferopol', 2015, 477 p. (In Russ.)

Lakshin V.Ia. *Mir Mikhaila Bulgakova* [The world of Mikhail Bulgakov]. *Bulgakov M.A. Sobr. soch. v 5 t. T. 1.* [Bulgakov M.A. Collected works in 5 vols. Vol. 1]. Moscow, Khudozhestvennaya litetarura Publ, 1989, pp. 5–70. (In Russ.)

Lur'e Ia., Roginskii A., Chudakova M. *Kommentarii* [Comments]. *Bulgakov M.A. Sobr. soch. v 5 t. T. 1.* [Bulgakov M.A. Collected works in 5 vols. Vol. 1]. Moscow: Khudozhestvennaya litetarura Publ, 1989, pp. 549–622. (In Russ.)

Mikhnovets N.G. *Zhizn' s geniim: zhena i docheri L'va Tolstogo* [Life with a Genius: Leo Tolstoy's Wife and Daughters]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attiкус Publ., 2025. 928 p. (In Russ.)

Khristenko D.N. *Russkie klassiki i sud'ba Rossii v proizvedeniakh amerikanskogo pisatel'ia Morisa Khindusa* [Russian Classics and the Fate of Russia in the Works of the American Writer Maurice Hindus]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two Centuries of Russian Classics], 2025, vol. 7, no. 2, pp. 240–257. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-240-257> (In Russ.)

Shteiman M.S. *Ispovedal'nye intentsii v "Zapiskakh na manzhetakh" M. Bulgakova* [Confessional intentions in M. Bulgakov's "Notes on the Cuffs"]. *Filologos* [Filologos]. 2016, no. 31(4), pp. 89–93. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.07.2025; одобрена после рецензирования 30.07.2025; принята к публикации 04.08.2025.

The article was submitted 25.07.2025; approved after reviewing 30.07.2025; accepted for publication 04.08.2025.

УСАДЬБА КАК ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.П. ЧЕХОВА И И.А. БУНИНА

Агратин Андрей Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет; старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, andrej-agratin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4993-7289>

Аннотация. Статья посвящена проблеме мнемонической репрезентации усадьбы в произведениях А.П. Чехова и И.А. Бунина. На исходе XIX в. традиционный усадебный образ жизни постепенно дезактуализировался и стал восприниматься сквозь призму памяти – её возможности и ограничения по-разному интерпретируются писателями. Среди чеховских текстов рассмотрены рассказы «В родном углу», «У знакомых», «Верочка», «Дом с мезонином», «Ариадна», «Крыжовник», «Невеста», «В усадьбе», комедия «Вишневый сад». Согласно терминологии, предложенной М.В. Строгановым, в «усадебных» произведениях писателя различаются герои-автохтоны (коренные обитатели усадьбы) и транзитные персонажи (они оказываются в усадьбе проездом). Автохтону свойственны воспроизведение знакомых социальных практик (автоматическая память) и в то же время болезненная ностальгия; транзитный герой идеализирует усадьбу, но быстро отказывается от своих фантазий, сопоставляя их с реальностью, без труда забывает усадебное прошлое. Напряженное противостояние указанных типов не свойственно бунинским произведениям («Несрочная весна», «Жизнь Арсеньева», «Странствия», «Суходол»). Здесь субъект воспоминания – странник поневоле, автохтон, у которого в новых исторических условиях нет шанса на возвращение. Если память может запутать чеховского героя, стать источником иллюзий и заблуждений, то для бунинского персонажа она выступает своеобразной «точкой опоры» (П. Нора) в неостановимом течении истории. Бунин пересекает исторический рубеж, после которого мнемоническая привязанность к усадьбе мыслится не только безопасной, но и спасительной. В прозе Чехова она столь же ненадежна, как и прогностический взгляд в неопределенное «постусадебное» будущее.

Ключевые слова: А.П. Чехов, И.А. Бунин, усадьба, усадебный текст, усадебный топос, память, пространство памяти

Для цитирования: Агратин А.Е. Усадьба как пространство памяти в произведениях А.П. Чехова и И.А. Бунина // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 33–40. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-33-40>

Благодарности: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Research Article

THE ESTATE AS A SPACE OF MEMORY IN THE WORKS OF A.P. CHEKHOV AND I.A. BUNIN

Andrey E. Agratin, PhD in Philology, Associate Professor, Russian State University for the Humanities; Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, andrej-agratin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4993-7289>

Abstract. This article examines the problem of the mnemonic representation of the estate in the works of A.P. Chekhov and I.A. Bunin. By the late 19th century, the estate lifestyle gradually lost its contemporary relevance and came to be perceived through the prism of memory – its possibilities and limitations interpreted differently by the two writers. Among Chekhov's texts analyzed are the stories "In the Home District", "A Visit with Friends", "Verochka", "The House with the Mezzanine", "Ariadne", "Gooseberries", "The Bride", "At the Manor", and the comedy "The Cherry Orchard". Employing the terminology proposed by M.V. Stroganov, Chekhov's "estate" works distinguish between autochthonous characters (native inhabitants of the estate) and transient characters (those visiting the estate in passing). Autochthons are characterized by the reproduction of familiar social practices (automatic memory) coupled with painful nostalgia. Transient characters idealize the estate but swiftly abandon their fantasies when confronted with reality, readily forgetting the estate past. This tense opposition between

character types is absent in Bunin's works ("Late Spring", "The Life of Arseniev", "Wanderings", "Dry Valley"). Here, the subject of memory is an involuntary wanderer – an autochthon who, under new historical conditions, has no prospect of return. Whereas memory can confound Chekhov's characters, becoming a source of illusions and delusions, for Bunin's characters it functions as a kind of "anchor point" (P. Nora) within the relentless flow of history. Bunin crosses a historical threshold beyond which mnemonic attachment to the estate is conceived not only as safe but as redemptive. In Chekhov's prose, this attachment proves as unreliable as a predictive gaze into an uncertain "post-estate" future.

Keywords: A.P. Chekhov, I.A. Bunin, estate, estate text, estate topos, memory, space of memory.

For citation: Agratin A.E. The Estate as a Space of Memory in the Works of A.P. Chekhov and I.A. Bunin. Vestnik of Kostroma State University. 2025, vol. 31, no. 3, pp. 33–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-33-40>

Acknowledgements: The research was carried out at IWL RAS at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-00051-P, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

А.П. Чехов и И.А. Бунин неоднократно оказывались в фокусе сравнительного изучения (см.: [Гейдеко], [Атаманова], [Лакшин], [Полоцкая]). В основном исследователи описывают биографические и творческие связи между писателями, выявляют чеховские реминисценции в бунинской прозе, а также стремятся сблизить художественные стратегии авторов. Если первые две задачи решаются достаточно успешно, то последняя довольно быстро заводит ученых в тупик: литературоведческий анализ показывает, что различия поэтик Чехова и Бунина количественно и качественно превышают сходства. (см.: [Кулабухова, Кулабухов: 158–159]).

Вместе с тем нельзя отрицать того очевидно-го факта, что, будучи представителями одной эпохи, писатели в своем творчестве обращались к общим темам. Одна из таких тем – русская усадьба. Не случайно *усадебный тоpos* [Богданова: 91–92] широко рассматривается исследователями на материале как чеховских (см.: [Жапплова, Куцуева], [Пырклов], [Догито], [Ермакова], [Синякова]), так и бунинских произведений (обзор работ см. в: [Пращерук]).

Но и здесь, даже без глубокого знакомства с текстами классиков, прослеживается разница в восприятии ими усадебного мира. По справедливому утверждению Е.А. Жильцовой, «Бунин считал себя знатоком дворянского быта» [88]. При этом писатель заявляет, что Чехов совершенно не знал «жизни в помещичьих усадьбах» [Бунин 1955: 17–18]. В «Автобиографических заметках» Бунин упрекает Чехова-драматурга в недостоверности, а возможно, в намеренном искажении исторических реалий: «<...> нигде не было в России садов сплошь вишневых: в помещичьих садах бывали только части садов, <...> где росли вишни» [Бунин 1975: 93]. Чехов намного свободнее, чем его более молодой современник, обращается с усадебным наследием, вероятно не испытывая перед ним столь же сильного трепета.

Что же объединяет писателей в их отношении к усадьбе, помимо самого факта ее тематизации в творчестве? На исходе XIX в. усадебная культура претерпела необратимые изменения: дворянско-помещичий образ существования постепенно дезактуа-

лизировался и оказался опосредован мнемоническим опытом – косвенным подтверждением этого процесса выступают произведения обоих авторов.

А.А. Журавлева, говоря о чеховском творчестве, отмечает: «<...> разнообразные феномены памяти присутствуют в подавляющем большинстве прозаических и драматических произведений писателя» [Журавлева: 3]. Ю.В. Мальцев считает, что «центральное место в бунинском мире приобретает память» [Мальцев: 12]. Е.Р. Пономарев пишет о «поэтике Памяти» как основной черте «зрелого и позднего Бунина» [Пономарев: 185]. При этом произведения Чехова и Бунина в обозначенной плоскости пока не сопоставлялись.

Усадьба как пространство памяти – это, строго говоря, не реальное место, а воображаемый конструкт, создаваемый имажинативными усилиями «мнемонического субъекта» [Лакшманн: 12]. Для его характеристики воспользуемся типологией усадебных персонажей, разработанной М.В. Строгановым с целью анализа драматических произведений Чехова (далее мы увидим, что она приложима и к прозе): «Первую группу составляют так называемые автохтоны, коренные жители усадьбы; во всяком случае они показаны как живущие здесь еще до приезда людей, составляющих вторую группу, которые посещают усадьбу как бы транзитом, например из Парижа в Москву или из Петербурга обратно в Петербург» [Строганов: 222]. Герои-автохтоны и транзитные герои различаются по их пространственному отношению к усадьбе. Однако они позиционируют себя относительно усадебного прошлого также и во времени.

Для автохтона не существует дистанции между прошлым и настоящим. Он воспроизводит порядок прежней усадебной жизни и таким образом порождает иллюзию отсутствия темпорального разрыва. Дедушка Веры, один из персонажей рассказа «В родном углу» (1897), не в состоянии избавиться от барского нрава: «<...> вдруг лицо у него багровело, шея надувалась, он со злобой глядел на прислугу и спрашивал, стуча палкой: / – Почему хрену не подали? [Чехов 9: 317]. Татьяна, обительница разоренных Кузьминок из произведения «У знакомых» (1898), заявляет: «<...> без Кузьминок я не могу! Я здесь родилась, это

мое гнездо» [Чехов 10: 11]. Прошло десять лет, с тех пор как Подгорин виделся с героиней последний раз, но ее поведение и взгляды существенно не изменились: когда-то Таня «ни о чем не думала, кроме любви, <...> и ожидала жениха, который грезился ей дни и ночи. И теперь, когда ей было уже более тридцати лет <...> она думала только о муже и о своих двух девочках» [Чехов 10: 10].

Автохтон пользуется «памятью-привычкой, телесной, моторной памятью» [Малкина: 10], которая, по А. Бергсону, проявляется в «двигательных механизмах» [Бергсон: 565]. Согласно пояснению В.Я. Малкиной, «такая память преобразует [разыгрывает] воспоминания в виде полезных действий или движений, часто бессознательно, автоматически» [Малкина: 10].

Транзитный герой, очутившись в усадьбе, не переживает ничего подобного. Прошлое от него дистанцировано и способно вызвать только идиллические фантазии, в условности которых он рано или поздно отдает себе отчет. Проиллюстрируем нашу мысль примерами из цитированных ранее рассказов. Вера охвачена грезами, переносящими ее в детство: она «вспомнила, что когда-то к этому оврагу ходили по вечерам гулять; значит, уже усадьба близко! <...> Вот тетя Даша идет навстречу и машет платком; дедушка на террасе. Боже, какая радость!» [Чехов 9: 314]. Спустя некоторое время героиня впадает в отчаяние от мысли, что свой жизненный путь она проходит «только для того, чтобы в конце концов поселиться в глухой степной усадьбе» [Чехов 9: 316]. Подгорин «любил их (Кузьминки. – А. А.) очень, но больше, кажется, любил в своих воспоминаниях, чем так» [Чехов 10: 7]. Даже чтение стихов Некрасова на пару с Варей лишь на короткое мгновение возвращает героя в дни усадебной юности [Чехов 10: 13]. Очень скоро персонаж с досадой замечает, как сейчас его подруга «непохожа на Варю-курсистку, рыжую, веселую, шумную, смелую» [Чехов 10: 15].

Автохтон не обязательно пребывает в усадьбе постоянно, однако в период отъезда она становится местом, куда он жаждет вернуться (транзитным герой в этом случае оказывается относительно какой-то другой локации). Иными словами, находясь за пределами усадьбы, персонаж испытывает непреодолимую ностальгию. Шамохин из рассказа «Ариадна» (1895) всюду следует за возлюбленной. Курорт в Аббации представляется ему псевдораем, словно противопоставленным усадебному Эдему, который он вынужден беспрестанно покидать: «Тут есть тихая бухта, по которой ходят пароходы и лодки с разноцветными парусами; отсюда видны и Фиуме, и далекие острова, <...> это было бы картинно, если бы вид на бухту не загораживали отели и их *dépendance*’ы нелепой мешанской архитектуры <...> большею частью вы ничего не видите в раю, кроме окон, террас и пло-

щадок с белыми столиками и черными лакейскими фраками» [Чехов 9: 119]. «Я рассчитывал увезти ее в деревню» – сокрушенно признается своему слушателю герой, рассказывая об Ариадне. «Мне бы теперь в деревню!» – с тоской восклицает он в финале рассказа [Чехов 9: 130].

В некоторых случаях ностальгия приобретает инертный характер, продолжая заменять персонажу реальность, когда он уже вернулся в усадьбу. Чеховский герой оказывается «ложным» автохтоном. Раневская в пьесе «Вишневый сад» (1903) с радостью и благоговением вспоминает усадебное детство: «О, мое детство, чистота моя! В этой детской я спала, глядела отсюда на сад, счастье просыпалось вместе со мною каждое утро, и тогда он был точно таким, ничто не изменилось. (*Смеется от радости.*) Весь, весь белый! О, сад мой!» [Чехов 13: 210]. Но сохранение дома и сада не входит в планы героини, ей как будто достаточно воспоминаний. Образы прошлого, переполняющие воображение Любви Андреевны, материализуются, словно подменяя реальность: «Посмотрите, покойная мама идет по саду... в белом платье! (*Смеется от радости.*) Это она» [Чехов 13: 210]. Характерно, что в финале комедии Раневская решает вновь отправиться в Париж – фактически усадьба превращается для нее в транзитный пункт [Строганов: 223].

Наконец, ностальгия чеховского героя может быть симулятивной. Персонаж присваивает себе автохтонный статус, «скучает» по усадьбе, хотя никак с ней не связан. Таков Николай Иванович в рассказе «Крыжовник» (1898). Тягу брата к усадебной жизни рассказчик объясняет его детскими впечатлениями: «Мы, все равно как крестьянские дети, дни и ночи проводили в поле, в лесу, стерегли лошадей, драли лыко, ловили рыбу, и прочее тому подобное... А вы знаете, кто хоть раз в жизни поймал ерша или видел осенью перелетных дроздов, <...> тот уже не городской житель, и его до самой смерти будет потягивать на волю. Мой брат тосковал в казенной палате» [Чехов 10: 58]. При этом классовых причин стать частью усадебного мира у Чимши-Гималайского нет: «<...> дед наш был мужик, а отец – солдат» [Чехов 10: 61], – подчеркивает Иван Иванович. Купив, наконец, сто двенадцать десятин с барским домом, с людской, с парком» [Чехов 10: 60], бывший чиновник начинает вести себя так, словно он всегда был дворянином и буквально *вернулся* в свои законные владения: «Он раз двадцать повторил: “мы, дворяне”, “я, как дворянин” <...> Даже наша фамилия Чимша-Гималайский, в сущности неособразная, казалась ему теперь звучной, знатной и очень приятной» [Чехов 10: 61].

Если автохтон проявляет порой не вполне здоровую зависимость от усадебного локуса, хочет во что бы то ни стало туда возвратиться, совершив

не только пространственный, но и временной скачок, как бы переместившись в прошлое, то транзитный герой быстро забывает усадьбу. Чем дальше от нее он будет находиться, тем скорее она сотрется из его памяти.

Повествование в произведении «Верочка» (1887) открывается отсылкой к мнемонической деятельности героя: «Иван Алексеевич Огнев помнит, как в тот августовский вечер он со звоном отворил стеклянную дверь и вышел на террасу» [Чехов 6: 32]. Получается, что рассказываемая история берет свое начало за пределами усадьбы, и читатель ретроспективно, вместе с персонажем, погружается в воспоминание о прошедших событиях. Живя у Кузнецовых, гость из Петербурга уподобляется автохтонам, перенимает присущий им мнемонический автоматизм: «Иван Алексеич привык, как к родным, к старику, к его дочери, к прислуге, изучил до тонкостей весь дом, уютную террасу, изгибы аллей, силуэты деревьев над кухней и баней» [Чехов 6: 70]. В то же самое время Огневу совершенно ясно, что вскоре от людей, с которыми он общался, мест, вдохновивших его, не останется «ничего больше, кроме ничтожных следов памяти» [Чехов 6: 70]. Признание Верочки в любви к герою вовсе не удерживает его в имении старика Кузнецова. Вопреки собственным ожиданиям, он испытывает неловкость и понимает, что, как бы ему этого не хотелось, он «не находит в своей душе даже искорки» взаимного чувства [Чехов 6: 78]. Накануне отъезда «Иван Алексеич опустился на постель и долго-долго глядел на огонь, потом встряхнул головой и стал укладываться» (курсив наш. – А. А.) [Чехов 6: 81]. Выделенная курсивом деталь – жест забвения, которому неизбежно подверглась и Верочка, и призрачная усадебная идиллия, навсегда оставленная в прошлом. Не случайно в начале рассказа Чехов подмечает, что «легкая крылатка и широкополая соломенная шляпа», в которых Огнев разгуливал по террасе дома в тот самый злосчастный день, «вместе с ботфортами валяется теперь в пыли под кроватью» [Чехов 6: 69].

«Дом с мезонином» (1896) композиционно напоминает «Верочку». Перед нами тоже воспоминание транзитного героя, покинувшего усадьбу. История взаимоотношений с Лидой и Мисюсь подлежит исчезновению в закоулках памяти: «Я уже начинаю забывать про дом с мезонином, и лишь изредка <...> припомнится мне то зеленый огонь в окне, то звук моих шагов, раздававшихся в поле ночью <...>» [Чехов 9: 191]. Интересно, что пространство усадьбы в изображении рассказчика окутано тенью – подчеркивается его иллюзорность, грезоподобность: «Однажды, возвращаясь домой, я нечаянно забрел в какую-то незнакомую усадьбу. Солнце уже пряталось, и на цветущей ржи растянулись вечерние тени <...> прошлогодняя

листва печально шелестела под ногами, и в сумерках между деревьями прятались тени» [Чехов 9: 174]; «В окнах мезонина, в котором жила Мисюсь, блеснул яркий свет, потом покойный зеленый – это лампу накрыли абажуром. Задвигались тени...» [Чехов 9: 189]. Как будто уже тогда, в момент нахождения художника в усадьбе, она намекает ему на свой скорый переход в область забвения.

Добавим, что «мнемонический субъект» у Чехова способен к радикальному изменению статуса. Автохтон может стать транзитным героем. Настя из произведения «Невеста» (1903), которая «с 16 лет <...> страстно мечтала о замужестве» и, казалось бы, обречена на поддержание «родового гнезда» вместе с Андреем Андреевичем, решает бросить все и уехать, отчетливо понимая, что «всё прежнее оторвано от нее и исчезло, точно сгорело и пепел разнесся по ветру» [Чехов 10: 219–220]. Допустим и обратный процесс превращения транзитного героя в автохтона. Вера, героиня рассказа «В родном углу», с ужасом осознает, что повторила деспотический окрик бабушки в адрес прислуги: «Вон! Розог! Бейте ее!» [Чехов 10: 323]. Память-привычка усваивается персонажем, который прежде сторонился чуждых ему поведенческих тактик.

Напряженное противостояние рассмотренных типов не свойственно бунинским произведениям. Здесь субъект воспоминания – даже не транзитный персонаж, несмотря на свою оторванность от усадебной среды, все-таки не лишенный дома, а странник поневоле – автохтон, у которого в новых исторических условиях нет никакого шанса на возвращение. Если память может запутать чеховского героя, стать источником иллюзий и заблуждений, то для бунинского персонажа она является спасительной соломинкой в бушующем потоке времени.

Усадебные воспоминания транзитных героев Чехова порой весьма легковесны. В «Крыжовнике» обстановка дворянского дома окутает Алехина и Буркина в атмосферу праздности: «Хотелось почему-то говорить и слушать про изящных людей, про женщин. <...> они сидели в гостиной, где все – и люстра в чехле, и кресла, и ковры под ногами говорили, что здесь когда-то ходили, сидели, пили чай вот эти самые люди, которые глядели теперь из рам <...>» [Чехов 10: 65]. В рассказе Бунина «Несрочная весна» (1923) фигурирует похожий экфрасис. Герой-рассказчик делится с другом впечатлениями от посещения музея-усадьбы: «И всюду глядели на меня бюсты, статуи и портреты, портреты... Боже, какой красоты на них женщины! Какие красавицы в мундирах, в камзолах, в париках, в бриллиантах, с яркими лазоревыми глазами!» [Бунин 5: 124]. Однако внимание бунинского странника к скульптурам и полотнам сопрягается отнюдь не с праздной эстети-

зацией дореволюционной эпохи, а экзистенциальной потребностью «уйти в “Элизей минувшего”» [Бунин 5: 126]. В прозе Бунина усадьба «пересоздается» благодаря воспоминанию и, даже будучи навсегда утраченной, предстает в качестве подлинной реальности, противопоставленной «чуждому» настоящему.

Чеховский нарратор повествует о героях в третьем лице, как бы со стороны «диагностируя» работу их памяти. Исключение составляет «Дом с мезонином», где рассказчик осуществляет «ревизию» собственным воспоминаниям. Но ее итог – забвение, если не желаемое, то закономерное. В произведениях Бунина, проблематизирующих мнемонический опыт, применяется перволичный нарратив. В «Жизни Арсеньева» (1927–1930) рассказчик словно напоминает самому себе о необходимости зафиксировать каждую подробность усадебного быта, замедляет ход повествования, чтобы не упустить ни одного нюанса. Вероятно, поэтому бунинский нарратив повсеместно снабжен двойной референцией – к излагаемым событиям и вместе с тем к процедуре их умственной реконструкции: «Помню до сих пор, как я томился, стоя среди двора на солнечном припеке <...>» [Бунин 6: 11]; «Помню: однажды осенней ночью я почему-то проснулся и увидел легкий и таинственный полусвет в комнате <...>» [Бунин 6: 15]; «Помню какую-то дивную лунную ночь, то, как неизъяснимо прекрасен, легок, светел был под луной южный небосклон <...>» [Бунин 6: 25]; «Помню, был в Малиновом, доехал до Ливенской большой дороги...» [Бунин 6: 149] и т. д.

У Бунина усадебный универсум оказывается пространством не только личной, но и культурно-исторической памяти. Интересна в этом плане серия миниатюр, озаглавленная «Странствия» (1930) и описывающая путешествие героя-рассказчика по монастырям и усадьбам. Так же, как и в «Жизни Арсеньева», здесь разворачивается сюжет воображаемого возвращения в прошлое – но не персональное, а историческое, живущее в «странных глухих усадьбах» [Бунин 1998: 334], рассказах о «древней, мужицкой Руси» [Бунин 1998: 337], в «ликах святых, мужчин и женщин, списанных с членов одного древнего рода» [Бунин 1998: 345]. Выделенный аспект усадебной рефлексии Чеховым практически не затрагивается. Одно из немногих исключений – рассказ «В усадьбе» (1894). Но и здесь речь идет не о сохранении наследия предков или культурной самоидентификации индивида, а о вульгарном псевдоаристократизме, ложном чувстве собственной исключительности. Рашевич убежденно доказывает Мейеру, что «белая кость – не предрассудок, не бабья выдумка. Белая кость <...> имеет естественно-историческое оправдание» [Чехов 8: 333]. Свое умозаключение «дарвинист» подкрепляет ссылкой на исто-

рию: «Возьмите вы нашу матушку-Расею <...> Кто ее лучшие люди? Возьмите наших первоклассных художников, литераторов, композиторов... Кто они? Все это, дорогой мой, были представители белой кости. Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Гончаров, Толстой – не дьячковские дети-с!» [Чехов 8: 335]. Теория Рашевича опровергается фактами («Гончаров был купец» [Чехов 8: 335], – вставляет Мейер) и дискредитируется самой ситуацией общения: следовательно, терпеливо выслушивающий оскорбительный монолог собеседника, в конце концов не выдерживает и признается, что он «мещанин» и что его «отец был простым рабочим» [Чехов 8: 339], после чего спешно покидает жилище Павла Ильича. Произошедшее «недоразумение» усугубляется еще и тем фактом, что Рашевич планировал выдать за Мейера дочку Женю.

Чеховский герой прощается с усадебным миром; бунинский, наоборот, переживает встречу с ним. Суходол в одноименной повести (1911) – место с противоречивой и неоднозначной историей, на что обращает внимание рассказчик, пораженный откровениями Натальи: «А потом узнали мы о Суходоле нечто еще более странное: узнали, что проще, добрей суходольских господ “во всей вселенной не было”, но узнали и то, что не было и “горячее” их; узнали, что темен и сумрачен был старый суходольский дом <...>» [Бунин 3: 134]. Известно, что в усадьбе «дня не проходило без войны» [Бунин 3: 135]. При этом все обитатели Суходола испытывали к нему не вполне объяснимое «тяготенье» [Бунин 3: 136]. Так, «в нищете в избе обитала тетя Тоня. И счастья, и разума, и облика человеческого лишил ее Суходол. Но она даже мысли не допускала никогда, несмотря на все уговоры нашего отца, покинуть родное гнездо» [Бунин 3: 135–136]. Отец рассказчика «был беззаботный человек; для него, казалось, не существовало никаких привязанностей. Но глубокая грусть слышалась в его рассказах о Суходоле» [Бунин 3: 136]. Может показаться, что Бунин, вслед за Чеховым, изображает автохтонов, испытывающих ничем не оправданную, болезненную привязанность к усадьбе, а любопытство героя-рассказчика и его сестры к Суходолу, где они никогда не жили, вызвано нормальной склонностью любого человека (тем более ребенка) поэтизировать прошлое: «Для нас Суходол был только поэтическим памятником былого» [Бунин 3: 135]. Однако последующее изложение подробностей суходольского быта не приводит к разочарованию или к стремлению как можно скорее его забыть. Напротив, бунинский рассказчик обеспокоен ограниченностью памяти: «<...> не имеем мы ни даже малейшего точного представления о жизни не только предков наших, но и прадедов, что с каждым днем все труднее становится нам воображать даже то, что было пол-

века тому назад!» [Бунин 3: 185]. Память, согласно Бунину, призвана диалектически объединить хорошее и плохое, бесчеловечное и гуманное. По выражению П. Нора, «чем меньше память переживается внутренне, тем более она нуждается во внешней поддержке и в ощутимых точках опоры, в которых и только благодаря которым она существует» [Нора: 28–29]. Такой точкой опоры и выступает Суходол в неостановимом течении истории. Бунинская концепция «усадебной» памяти в определенном смысле идеалистичнее чеховской, отмеченной скептицизмом и недоверием к усадебному прошлому: если его и стоит помнить, то лишь затем чтобы в той или иной форме не вернуться к нему, не разбудить в себе самом отголосков архаики.

Бунин пересекает исторический рубеж, после которого мнемоническая привязанность к усадьбе мыслится не только безопасной, но и спасительной. В прозе Чехова она столь же ненадежна, как и прогностический взгляд в неопределенное «постусадебное» будущее, куда стремится Настя из рассказа «Невеста» и которого попросту не существует для бунинского героя-рассказчика. Рассмотренные в статье произведения позволили наметить примерные рамки художественной репрезентации «усадебной» памяти в творчестве писателей. Дальнейшие исследования в обозначенном направлении предусматривают широкое привлечение новых материалов (например, из драматургии Чехова или публицистического творчества Бунина), а также более нюансированное описание поэтики *усадебного текста*, окрашенного мнемоническим ореолом. Также открыта для проработки типология «мнемонических субъектов»: чеховские и бунинские тексты послужили отправной точкой для ее построения.

Список литературы

Источники

Бунин И.А. Автобиографические заметки // Бунин И.А. Под серпом и молотом. Сборник рассказов, воспоминаний, стихотворений. Лондон (Канада): Заря, 1975. 238 с.

Бунин И.А. О Чехове: незаконченная рукопись. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955. 415 с.

Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1965–1967.

Бунин И.А. Странствия // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 гг. М.: Наследие, 1998. С. 331–347.

Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. М.: Наука, 1974–1982.

Исследования

Атаманова Е.Т. Русская литература XIX века в контексте художественной прозы И. А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук. Елец, 1998. 246 с.

Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. 1408 с. (Классическая философская мысль).

Богданова О.А. Русская литературная усадьба XIX–XX вв.: теоретический аспект исследований // Mundo Eslavo. 2020. № 19. С. 89–102.

Гейдеко В. А. Чехов и Ив. Бунин: монография. М.: Советский писатель, 1987. 368 с.

До Египто Т.М. Хронотоп уездной усадьбы в рассказе А.П. Чехова «Именины» // Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+: коллективная монография / сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 28–35 (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 3). <https://www.doi.org/10.22455/978-5-9208-0627-7-28-35>

Ермакова Н.А. Трансформация усадебного текста в прозе А.П. Чехова второй половины 1890-х («Дом с мезонином» и «Новая дача») // Литературоведение. Прикладная лингвистика. Языкознание: мат. 59-й Междунар. науч. студ. конф. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2021. С. 25–26.

Жаплова Т.М., Куцуева Е.А. Аксессуары детали как средство поэтизации усадебного быта в романе А.П. Чехова «Драма на охоте» // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2005. № 2. С. 27–30.

Жильцова Е.А. А.П. Чехов в творческом восприятии И.А. Бунина и М.А. Алданова // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2011. № 13. С. 86–90.

Журавлева А.А. Феномен памяти в художественном творчестве А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2004. 25 с.

Кулабухова М.А., Кулабухов Д.А. А.П. Чехов и И.А. Бунин: из истории диалога // Наука. Искусство. Культура. 2020. № 2 (26). С. 148–160.

Лакишин В.Я. Чехов и Бунин – последняя встреча // Лакишин В.Я. Пять великих имен: статьи, исследования, эссе. М.: Современник, 1988. 423–451 с.

Лахманн Р. Семиотическое несчастье мнемониста // Сборник статей к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана. Тарту: Тартуский университет, 1992. С. 10–18.

Малкина В.Я. Память как история и воображение: литература и не только // Память как история и воображение: коллективная монография / сост. и ред. В.Я. Малкина, А.В. Корчинский, С.П. Лавлинский. М.: Эдитус, 2023. С. 9–19.

Мальцев Ю.В. Иван Бунин. 1870–1953. [М.]: Посев, 1994. 432 с.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж и др. / пер. с фр. Дины Хапаевой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.

Полоцкая Э.А. Чехов в художественном развитии Бунина. (1890–1910-е гг.) // Литературное наследство. Т. 84; Бунин. Кн. 2. М.: Наука, 1973. С. 66–89.

Пономарев Е.Р. Жанровый генезис и сюжетология ранней прозы И.А. Бунина // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, №. 4. С. 178–193. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-178-193>

Пращерук Н.В. «Гетеротопия усадьбы» в прозе И.А. Бунина: от первой повести к роману «Жизнь Арсеньева» // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. Москва: ИМЛИ РАН, 2024. С. 131–149. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 8). <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-131-149>

Пырков И.В. Между колонной и тумбой. К вопросу о метаморфозах усадебных символов в драме А.П. Чехова «Три сестры» // Филология: научные исследования. 2017. № 2. С. 20–28.

Синякова Л.Н. Топика «дом-антидом» в прозе А.П. Чехова 1890-х годов // Утопический дискурс в русской культуре конца XIX – XXI веков: литература, живопись, кинематограф: монография / науч. ред. Н.В. Ковтун. М.: Флинта, 2021. С. 15–27 (Универсалии культуры. Вып. XI).

Строганов М.В. Неодолимость пространства: усадьба в драматургии А.П. Чехова // Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+: коллективная монография / сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 218–227. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 3) <https://www.doi.org/10.22455/978-5-9208-0627-7-273-282>

References

Atamanova E.T. *Russkaia literatura XIX veka v kontekste khudozhestvennoi prozy I. A. Bunina: dis. ... kand. filol. nauk* [Russian Literature of the 19th Century in the Context of I.A. Bunin's Artistic Prose: PhD thesis]. Elets, 1998, 246 p. (In Russ.)

Bergson A. *Tvorcheskaia evoliutsiia. Materiia i pamiat'* [Creative Evolution. Matter and Memory]. Minsk, Kharvest Publ., 1999, 1408 p. (In Russ.)

Bogdanova O.A. *Russkaia literaturnaia usad'ba XIX–XX vv.: teoreticheskii aspekt issledovaniia* [The Russian Literary Estate of the 19th–20th Centuries: Theoretical Aspect of Research]. *Mundo Eslavo*, 2020, no. 19, pp. 89–102. (In Russ.)

Geideko V.A. *Chekhov i Iv. Bunin: monografiia* [Chekhov and I. Bunin: A Monograph]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1987, 368 p. (In Russ.)

Do Egito T.M. *Khronotop uezdnoi usad'by v rasskaze A.P. Chekhova "Imeniny"* [The Chronotope of the Provincial Estate in A.P. Chekhov's Story "The Name-Day Party"]. *Fenomen russkoi literaturnoi usad'by:*

ot Chekhova do Sorokina+ [The Phenomenon of the Russian Literary Estate: From Chekhov to Sorokin+], comp., ed. in chief and pref. by O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 28–35. <https://www.doi.org/10.22455/978-5-9208-0627-7-28-35>. (In Russ.)

Ermakova N.A. *Transformatsiia usadbnogo teksta v proze A.P. Chekhova vtoroi poloviny 1890-kh ("Dom s mezoninom" i "Novaia dacha")* [Transformation of the Estate Text in A.P. Chekhov's Prose of the Second Half of the 1890s ("The House with the Mezzanine" and "The New Dach")]. *Literaturovedenie. Prikladnaia lingvistika. Iazykoznanie: materialy 59-i Mezhdunarodnoi nauchnoi studencheskoi konferentsii* [Literary Studies. Applied Linguistics. Linguistics: Proceedings of the 59th International Scientific Student Conference]. Novosibirsk, Novosibirskii natsional'nyi issledovatel'skii gosudarstvennyi universitet Publ., 2021, pp. 25–26. (In Russ.)

Zhaplova T.M., Kutsueva E.A. *Aksessuarnye detali kak sredstvo poetizatsii usadbnogo byta v romane A.P. Chekhova "Drama na okhote"* [Accessory Details as a Means of Poeticizing Estate Life in A.P. Chekhov's Novel "The Shooting Party"]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State Pedagogical University], 2005, no. 2, pp. 27–30. (In Russ.)

Zhil'tsova E.A. *A.P. Chekhov v tvorcheskom vospriiatii I.A. Bunina i M.A. Aldanova* [A.P. Chekhov in the Creative Perception of I.A. Bunin and M.A. Aldanov]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye i psikhologo-pedagogicheskie nauki* [Bulletin of Pskov State Pedagogical University. Series: Social Sciences and Humanities, Psychological and Pedagogical Sciences], 2011, no. 13, pp. 86–90. (In Russ.)

Zhuravleva A.A. *Fenomen pamiat' v khudozhestvennom tvorchestve A.P. Chekhova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Phenomenon of Memory in A.P. Chekhov's Artistic Work: PhD thesis abstract]. Moscow, 2004. 25 p. (In Russ.)

Kulabukhova M.A., Kulabukhov D.A. *A.P. Chekhov i I.A. Bunin: iz istorii dialoga* [A.P. Chekhov and I.A. Bunin: From the History of Dialogue]. *Nauka. Iskustvo. Kul'tura* [Science. Art. Culture], 2020, no. 2 (26), pp. 148–160. (In Russ.)

Lakhmann R. *Semioticheskoe neschast'ie mnemonista* [The Semiotic Unhappiness of the Mnemonist]. *Sbornik statei k 70-letiiu prof. Iu.M. Lotmana* [Collection of Articles for the 70th Anniversary of Prof. Yu.M. Lotman]. Tartu, Tartuskii universitet Publ., 1992, pp. 10–18 (In Russ.)

Lakshin V.Ia. *Chekhov i Bunin – posledniaia vstrecha* [Chekhov and Bunin – The Last Meeting]. Lakshin V. Ia. *Piat' velikikh imen: Stat'i, issledovaniia, esse* [Five Great Names: Articles, Studies, Essays]. Moscow, Sovremennik Publ., 1988, pp. 423–451. (In Russ.)

Mal'tsev Iu.V. *Ivan Bunin. 1870–1953* [Ivan Bunin. 1870–1953]. [Moscow], Posev Publ., 1994, 432 p. (In Russ.)

Malkina V.Ia. *Pamiat' kak istoriia i voobrazhenie: literatura i ne tol'ko* [Memory as History and Imagination: Literature and Beyond]. *Pamiat' kak istoriia i voobrazhenie: kollektivnaia monografiia* [Memory as History and Imagination: Collective Monograph], comp. and ed. by V.Ia. Malkina, A.V. Korchinskii, S.P. Lavlinskii. Moscow, Editus Publ., 2023, pp. 9–19. (In Russ.)

Nora P. *Problematika mest pamiaty* [The Issue of Lieux de Mémoire]. *Frantsiia-pamiat'* [France-Memory], P. Nora, M. Ozuf, Zh. De Piuimezh i dr.; transl. from French by Dina Khapaeva. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 1999, pp. 17–50. (In Russ.)

Polotskaia E.A. *Chekhov v khudozhestvennom razvitii Bunina. (1890-e–1910-e gg.)* [Chekhov in Bunin's Artistic Development (1890s–1910s)]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 84: Bunin. Book 2. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 66–89. (In Russ.)

Ponomarev E.R. *Zhanrovyyi genezis i siuzhetologiya rannei prozy I.A. Bunina* [Genre Genesis and Plotology of I.A. Bunin's Early Prose]. *Studia Litterarum*, 2022, vol. 7, no. 4, pp. 178–193. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-178-193> (In Russ.)

Prashcheruk N.V. *“Geterotopiia usad'by” v proze I.A. Bunina: ot pervoi povesti k romanu “Zhizn' Arsen'eva”* [“Heterotopy of the Estate” in I.A. Bunin's Prose: From the First Tale to the Novel “The Life of Arseniev”]. *Usad'ba i dacha v literature sovetskoi epokhi: poteri i obretneniia: kollektivnaia monografiia* [Estate and Dachas in Soviet-Era Literature: Losses and Gains: Collective Monograph], comp. by O.A. Bogdanova; ed. by

V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 131–149. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-131-149> (In Russ.)

Pyrkov I.V. *Mezhdru kolonnoi i tumboi. K voprosu o metamorfozakh usadebnykh simvolov v drame A.P. Chekhova “Tri sestry”* [Between the Column and the Stool. On the Metamorphosis of Estate Symbols in A.P. Chekhov's Drama “Three Sisters”]. *Filologiya: nauchnye issledovaniia* [Philology: Scientific Research], 2017, no. 2, pp. 20–28. (In Russ.)

Siniakova L.N. *Topika “dom-antidom” v proze A.P. Chekhova 1890-kh godov* [The Topic “Home-Anti-Home” in A.P. Chekhov's Prose of the 1890s]. *Utopicheskii diskurs v russkoi kul'ture kontsa XIX–XXI vekov: literatura, zhivopis', kinematograf: monografiia* [Utopian Discourse in Russian Culture of the late 19th–21st Centuries: Literature, Painting, Cinema: Monograph], ed. by N.V. Kovtun. Moscow, Flinta Publ., 2021, pp. 15–27. (In Russ.)

Stroganov M.V. *Neodolimost' prostranstva: usad'ba v dramaturgii A.P. Chekhova* [The Inevitability of Space: The Estate in A.P. Chekhov's Dramaturgy]. *Fenomen russkoi literaturnoi usad'by: ot Chekhova do Sorokin+*: kollektivnaia monografiia [The Phenomenon of the Russian Literary Estate: From Chekhov to Sorokin+], comp., ed. and pref. by O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 218–227. <https://www.doi.org/10.22455/978-5-9208-0627-7-273-282> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.07.2025; одобрена после рецензирования 01.08.2025; принята к публикации 04.08.2025.

The article was submitted 25.07.2025; approved after reviewing 01.08.2025; accepted for publication 04.08.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 41–46. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 41–46. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09»20»

EDN OVGLDH

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-41-46>

ДАЧА ГРАФА АПРАКСИНА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ К.Г. ПАУСТОВСКОГО

Борисова Дарья Максимовна, младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, borisovadarya2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0454-5924>

Аннотация. Статья посвящена бывшей даче графа Апраксина в Балаклаве (Крым), где Паустовский отдыхал в 1929 г. Для изучения влияния данного периода на жизнь и творчество писателя были проанализированы его письма, дневники и художественные произведения, а также воспоминания очевидца поездки – сына Паустовского Вадима. Удалось выяснить, что архитектура дачного ансамбля «Прибой», выстроенного в 1900-х гг. Н.П. Красновым, мало интересовала Паустовского. В центре его внимания оказались природа и история этих мест, жизнь рыбаков-греков, описанная в «Листригонах» А.И. Куприна. Дача, превращенная в дом отдыха, была для Паустовского тихим пристанищем, рабочим кабинетом, отправной точкой для походов и поездок по окрестностям. Значение месяца, проведенного прозаиком на даче Апраксина, сложно переоценить. Балаклавские впечатления стали материалом для рассказа «Морская прививка» (1935), книги «Черное море» (1936), статьи «Поток жизни (Заметки о прозе Куприна)» (1957). Как утверждал сам Паустовский, именно после Балаклавы он принял решение всецело посвятить себя писательству, перешел от увлечения экзотикой к «жизненной» романтике.

Ключевые слова: К.Г. Паустовский, дача, локус, Крым, Балаклава, «Морская прививка», «Черное море», «Поток жизни (Заметки о прозе Куприна)».

Для цитирования: Борисова Д.М. Дача графа Апраксина в жизни и творчестве К.Г. Паустовского // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 41–46. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-41-46>

Благодарности: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Research Article

COUNT APRAK SIN'S DACHA IN THE LIFE AND WORK OF K. G. PAUSTOVSKY

Darya M. Borisova, Junior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, borisovadarya2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0454-5924>

Abstract. This article focuses on the former dacha of Count Apraksin in Balaklava, where Paustovsky spent his vacation in 1929. To study the influence of this period on the author's life and work, we analyzed letters, diaries, and literary works, as well as the memoirs of the writer's son, Vadim. The author discovered that the architecture of the "Priboy" dacha complex, built in the 1900s by N.P. Krasnov, was of little interest to Paustovsky. Instead, he focused on the nature and history of the area, as well as the life of the Greek fishermen, which was described in "Listrigons" by A.I. Kuprin. The dacha, which was turned into a holiday home, was a quiet refuge for Paustovsky, a working office, and a starting point for hiking and exploring the surrounding area. The significance of the month that the writer spent at Apraksin's dacha cannot be overstated. His experiences in Balaklava served as the inspiration for his short story "The Sea Vaccination" (1935), his book "The Black Sea" (1936), and his article "The Flow of Life (Notes on Kuprin's Prose)" (1957). According to the writer, it was after his time in Balaklava that he made the decision to fully dedicate himself to writing, moving from his fascination with exoticism to a more "realistic" romanticism.

Keywords: K.G. Paustovsky, dacha, locus, Crimea, Balaklava, "Sea Vaccination", "The Black Sea", "The Flow of Life (Notes on Kuprin's Prose)".

For citation: Borisova D.M. Count Apraksin's Dacha in the Life and Works of Konstantin Paustovsky. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 41–46. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-41-46>

Acknowledgements: The research was carried out at IWL RAS at the expense of a grant from the Russian Science Foundation no. 22-18-00051-P, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968) на протяжении всего творческого пути рассматривал дачу как место общения с природой, обретения внутренней гармонии, вдохновения и сил для плодотворной творческой работы. «Усадебно-дачная» жизнь писателя в брянском имении Рёвны, «мещёрский» и «тарусский» периоды, история дома-музея в Старом Крыму многократно описаны в научной литературе (см.: [Скороходов 2023a], [Скороходов 2024], [Михаленко 2023], [Борисова 2024]).

Вместе с тем дачная география Паустовского значительно шире. Она включает в себя и Подмосковье (Пушкино, Переделкино, Озерицы), и Украину (окрестности Киева и Одессы), и Приуралье (Тарловка), и Сибирь (Белокуриха). В Крыму, помимо дома-музея, существуют несколько адресов, где останавливался писатель. Жизнь Паустовского в Алуште и образ приморского городка в творчестве писателя представлены в статье М.В. Скороходова [Скороходов 2023b]. Другим местом летнего отдыха в Крыму стала для писателя бывшая дача Апраксина на западном берегу Балаклавской бухты.

Граф М.А. Апраксин (1863–1926), церемониймейстер императорского дворца и кум Николая II, построил дачный комплекс «Прибой» в начале 1900-х гг. В это время Балаклава превращалась из тихого заштатного городка в популярное место отдыха. В 1906 г. газета «Южный край» все еще отмечала недостаточную известность этих мест, рекламируя их достоинства: «расположение у великолепной бухты <...>, мягкий климат, <...> оригинальность дикой природы, недорогая спокойная жизнь» [Путеводитель по старой Балаклаве: 208]. Однако А. И. Куприн уже мог наблюдать картины, вскоре описанные им в «Листригонах» (1911): «бестолковое и суетливое лето с духовой музыкой по вечерам и с пылью от дамских юбок, и с жалким флиртом, и спорами на политические темы» [Куприн 4: 489], кожура и сор, «в противном изобилии» оставленные отдыхающими [см.: Куприн 4: 488]. Приезжие останавливались в гостиницах «Гранд-Отель» и «Россия», снимали комнаты в Севастополе или его окрестностях. По берегам бухты вырастали дачи – от небольших домиков до великолепных особняков и дворцов, принадлежавших аристократам и владельцам местных фабрик и заводов.

Над проектом «Прибоя» работал Николай Петрович Краснов (1864–1939) – главный архитектор Ялты, создатель целого ряда великолепных крымских дворцов, усадеб и вилл («Отрады», «Сельбиляра», «Дюльбера», «Суук-Су», «Чаира» и т. д.). Впоследствии Краснов прославится созданием летней резиденции императора – Ливадийского дворца (1909–1911).

Главный корпус «Прибоя», выстроенный в неогреческом стиле, стоял на искусственной террасе

из необработанного камня. Южнее располагалась другая постройка с эллинизмом на первом этаже – граф занимался яхтингом. Другим увлечением Апраксина были цветы – о саде вокруг дома писал в своем дневнике Николай II, посетивший родственника в 1913 г. Современники отмечали красоту строений и удачное расположение дачного комплекса: «На повороте шоссе воздвигнута прелестнейшая, в архитектурном отношении, дача графа Апраксина. На высоких карнизах стен, прекрасной кладки, высится чертог, изобилующий четырехгранными стройными белыми капителями; повсюду свешивается плющ, хмель, а на уступах стен торчат стройные кипарисы. Изобилие цветов контрфорсных стен, мостиков, воздушных площадок, перекинутых во всевозможных направлениях по довольно крутым склонам гор, привлекает взгляд случайных туристов» [Путеводитель по старой Балаклаве: 242].

После революции граф Апраксин эмигрировал и скончался во Франции в 1926 г. В 1920-х гг. бывшая дача была переоборудована в комфортабельный дом отдыха на девять комнат; номера обходились постояльцам в 80–150 рублей в месяц [Путеводитель по Крыму: 156].

22 июня 1929 г. Константин Паустовский вместе с женой Екатериной Степановной и сыном Вадимом приезжают в Крым. Писатель надеется отдохнуть от московской суеты и нелюбимой работы в РОСТе. 23 июня Паустовский прибыл в Балаклаву. Город ему понравился, показался похожим одновременно на итальянскую Венецию и на греческий Пирей. Впоследствии в дневниковых записях будут неоднократно упоминаться дача и «маленький» («Апраксинский») пляж, где Паустовский обычно проводил утро.

Ни в письмах, ни в дневниках нет подробного описания графской дачи. Приглашая в Балаклаву своего старого товарища Рувима Фраермана, Паустовский останавливался лишь на ценах за комнату и жилищных условиях: «Там очень тихо, пустынно, можно прекрасно работать (есть электричество)» [Паустовский 9: 80]. Возможно, особняк начала XX столетия просто не казался писателю чем-то интересным по сравнению с развалинами генуэзской крепости или самой бухтой, описанной Гомером в «Одиссее». А возможно, дача Апраксина была для Паустовского прежде всего отправной точкой для путешествий по окрестностям и спокойным местом для писательского труда. Внимание прозаика в это время привлекали море, живописные берега бухты, жизнь рыбаков-греков, воспетая в «Листригонах» Куприна. В письме Паустовский рассказывает Фраерману, как проводит время: «Я купаюсь, ловлю бычков с затопленной шхуны и со скал, шатаюсь по горам, в лесах из туи, стал черный, как балаклавский Листригон. Познакомился с рыбаками, особенно любезные здесь

старики-ворчуны – люди чрезвычайно болтливые, скептики и философы, бывшие матросы, пьяницы и в большинстве – неудачники. Особенно прославлен неудачами мой приятель Петро Димченко, бывший боцман. О нем я расскажу Вам подробно при встрече. Балаклава не похожа на весь остальной Крым – здесь много от Греции и от Палестины – серые камни и мак, полынь и сухость» (3 июля 1929 г., Балаклава). [Паустовский 9: 80]. В дневниках писателя этого времени упоминается перевозчик Пашка – будущий герой рассказа «Морская прививка» (1935) [см.: Паустовский. Из дневников].

Память Вадима Паустовского, которому тогда было 4 года, сохранила больше подробностей: «В глубине залива – ровная линия небольшой набережной, на которую выходило несколько высоких дач, построенных, по-видимому, еще в конце прошлого века. Ползучий виноград оплетал колонны обветшавших античных портиков, широкие белые лестницы вели сразу на верхние этажи. Мы жили в пансионате, который по старой памяти назывался «Дача адмирала Апраксина»¹. На потолках его пустынных светлых комнат непрерывно колебалась легкая рябь солнечных зайчиков – отражение игры прибрежных волн. С балкона пансионата был хорошо виден греческий поселок на другом берегу» [Паустовский В.К.: 429]

17 июля 1929 г. писатель уезжает в Москву. Вынужденная разлука с женой и сыном, оставшимися в доме отдыха до осени, необходимость вернуться к городской жизни и нелюбимой работе тяготят Паустовского. Писатель постоянно обращается к балаклавским воспоминаниям, посылает Екатерине Степановне письма. 15 августа Паустовский сообщает жене, что уже работает над рассказом о летней поездке для журнала «30 дней». Первоначально произведение носило название «Лето». «Пришлось писать четыре дня очень напряженно, но рассказ вышел хороший – бессюжетный, там есть Дим-Передим² и ты, и Петро Дымченко, и Балаклава. <...> Рассказ о лете, мальчике, который в первый раз увидел море <...>. Похоже отдаленно на прозу О. Мандельштама («Шум времени») или Б. Пастернака» [Паустовский 2025-2]. Далее следует начальный фрагмент, оставшийся практически без изменений. 2 сентября писатель сообщает, что все еще занят работой над рассказом, где будет «много солнца, моря и ребячества» [Паустовский 9: 82]. «В моем рассказе, в конце, мальчик с мамой едет к отцу, в Москву и всю дорогу волнуется и пристает к маме, – хватит ли в паровозе дыма до Москвы? Я уже начинаю выдумывать за Дима» [Паустовский 9: 82]. 5 ноября 1929 г. открывается Московский планетарий, и писатель становится одним из первых его посетителей. Впечатление от контраста между искусственным и настоящим небом также отразится в рассказе.

В итоге произведение вышло только в 1935 г. под названием «Морская прививка» [см.: Паустовский 1935]. Событийную канву «бессюжетного» рассказа составляют обычные курортные происшествия: прибытие молодой семьи в Балаклаву, купание и морские прогулки, дружба с рыбаком Петром Дымченко и перевозчиком Пашкой, и, наконец, отъезд в Москву. Внимание автора сосредоточено прежде всего на перемене внутреннего состояния каждого из героев.

Как известно, слово «привить» в зависимости от контекста может означать и «ввести вакцину для предотвращения или ослабления болезни», и «приспособить к местным условиям, акклиматизировать», и «заставить усвоить что-то, приучить к чему-либо». Все эти значения реализуются в рассказе.

Маленький Мишук оказывается на море в том возрасте, когда дети особенно активно познают мир – не случайно герой постоянно озадачивает взрослых неожиданными вопросами: «А что оно делает, море?» [Паустовский 6: 130], «Зачем море большое?» [Паустовский 6: 131], «Зачем рыба плавает?» [Паустовский 6: 133] Ребенок переживает поездку на море как встречу с чем-то непонятным, необъяснимым и поэтому одновременно пугающим и притягивающим: «Мишук дрожал от страха и смеялся. <...> Он был слишком маленький, а море было слишком большое. <...> Впервые он ощутил величие стихий [Паустовский 6: 131]. Мальчику требуется время, чтобы преодолеть страх, привыкнуть к морю и полюбить его: «Морскую прививку Мишук переносил долго: только через неделю он перестал говорить в присутствии моря шепотом. Но тогда море уже стало его другом» [Паустовский 6: 132].

Для матери мальчика отдых в приморском городке становится исцелением от усталости, «утраты чувства жизни» [Паустовский 6: 131], переживания из-за «внезапных перемен в муже» [Паустовский 6: 131]. Паустовский не уточняет, что именно произошло между супругами – возможно, пара переживает кризис отношений, возможно, «муки творчества» поглощают все внимание писателя, отдаляя его от родных. Приезжая на море, женщина чувствует успокоение и радость: «Прошлое исчезло. <...> Оно тонуло в этой синеве, брызгах, в детском хохоте» [Паустовский 6: 131]. Героиня освобождается от тягостного прошлого, снова обретает радость жизни, восхищение красотой мира. Исцелившись душой, героиня становится мудрее, начинает глубже мыслить и понимать жизнь. Не будучи писательницей, она может дать супругу мудрый совет: «Я перечитываю написанное тобой, и мне тяжело, что ты прячешься от жизни в переулки, заросшие тропическими цветами и переполненные сверх всякой меры солнцем и блеском. Литература не валерьянка, а полный кусок человеческой жизни. Пиши о настоящих

людях, о том, как создается на крови и нервах новое человечество. Прекраснее этого ты ничего не найдешь» [Паустовский 6: 135].

В самом писателе – alter ego Константина Паустовского – происходит внутренний переворот. Прежде герой был увлечен пышной экзотикой и вольным полетом фантазии, «писал так, как мальчишки собирают марки или вырезают из дерева модели кораблей» [Паустовский 6: 135]. Напряженность действия, жизнеподобие героев, стремление передать чувство эпохи не были свойственны его творчеству. В итоге оторванность от жизни привела героя к ощущению, что читатели не понимают его, к творческому кризису и разочарованию. После поездки в Балаклаву и посещения планетария писатель пересматривает свои художественные принципы: «Он думал, что надо забыть все написанное и начать писать по-новому. <...> Возвеличить эпоху – блистательную и неповторимую. Вместо выуживания со дна сознания пестрых тряпочек своих чувств и настроений заговорить полным голосом и дышать всей грудью воздухом времени, едким и свежим, как океанская соль» [Паустовский 6: 135].

Во время знаменательной поездки в Балаклаву герои живут в «доме, высеченном в скалах» [Паустовский 6: 130]. Паустовский не описывает его подробно, упоминая только «белые комнаты», где днем «стоял плотный солнечный свет» [Паустовский 6: 130], наличие балкона и сада вокруг дома. Перед нами обобщенный образ крымской дачи, при этом, несомненно, списанный с бывшего «Прибоя» графа Апраксина. Дом как бы сливается с пейзажем Балаклавы, представляет его органичную часть. Однако именно с этой дачей, так лаконично, вскользь описанной автором, связана перемена душевного состояния героев. В доме Мишук впервые ощущает потрясение от встречи с морем: «Мишук сел на пол: за окном было страшно. Там тучей лежал глубокий глухой воздух. Пол был горячий, море было непонятно, и Мишук заплакал» [Паустовский 6: 130]. Окно дома воспринимается как граница между относительно понятным миром дачи и непознанным миром водной стихии. Балкон дачи становится точкой обзора, с которой можно, оставаясь в безопасности, осмотреть загадочное море и как-то описать его с помощью привычных образов: «Но любопытство преодолело страх. Через полчаса Мишук стоял на балконе и кричал в восторге: по морю плыли большие лошади с белыми гривами. Гривы то окунались в воду, то вскипали пеной. Лошадей было много, – больше, чем во всей Москве» [Паустовский 6: 130]. От дома в скалах начнется постепенное приближение мальчика к морю, завершившееся плаванием на лодке с Петром Дымченко. Балаклавские рыбаки-греки, хотя и в шутку, признают мальчика своим: «Хорош пацанчик! Будет наследником на “Корсаре”, – он уже

к морю имеет привычку!» [Паустовский 6: 133]. Для матери Мишука дом становится тихим убежищем от тревог. Только поселившись на даче, женщина чувствует, что «на душе у нее <...> спокойно от света» [Паустовский 6: 130], заливающего белые комнаты. Позднее, после отъезда писателя, оставшаяся на даче героиня переживает настоящее озарение. Одиночество, подталкивающее к размышлениям, грозная и величественная картина бушующей за окном стихии, как бы случайно освещенная молнией книга с подчеркнутыми словами дают толчок к серьезной внутренней работе. Женщина не только ясно увидела «детские болезни» произведений супруга, но и нашла «рецепт» для их «излечения».

В предисловии к Собранию сочинений в 6 томах («Несколько отрывочных мыслей») Паустовский утверждал: пребывание в Балаклаве помогло ему, как и его герою-писателю, уйти от пышной экзотики, не отказываясь при этом от романтики [Паустовский 1958: 9–10]. Но балаклавские «каникулы» стали для Паустовского важным рубежом не только поэтому. В письме от 2 сентября 1929 г. писатель сообщает жене, что после поездки почувствовал силу своего таланта, твердо решил оставить газетно-журнальную работу и полностью посвятить себя литературе. Осуществить свою задумку Паустовскому удастся позднее, после выхода повести «Кара-Бугаз» (1932).

Впоследствии писатель обратится к балаклавским воспоминаниям в книге «Чёрное море» (1936) и статье «Поток жизни (Заметки о прозе Куприна)» (1957). Дача Апраксина там не упоминается и не описывается, однако генетическая связь обоих произведений с «Морской прививкой» очевидна.

В «Чёрном море» (1936) появляется уже знакомый читателям Петро Дымченко, причем образ его усложняется. Теперь это не только знаток своего дела, открывающий приезжим тайны моря, но и хранитель истории – участник восстания на крейсере «Очаков», свидетель последних часов жизни лейтенанта Шмидта. Образ художницы Сметаниной скорее всего списан с Екатерины Степановны Загорской-Паустовской. Вновь возникает фигура художника слова, отказывающегося от выдуманной экзотики в пользу подлинной красоты и романтики жизни. В писателе Гарте объединены черты Александра Грина и самого Паустовского; таким, вероятно, мог бы стать Грин, переживший подобное перерождение.

«Поток жизни» (1957) написан Паустовским спустя три десятилетия после знаменательной поездки в Балаклаву. Работая над статьей, ставшей вступлением к Собранию сочинений А.И. Куприна в 6 томах, писатель отказывается от простого пересказа его биографии. На протяжении всей статьи автор подчеркивает, что Куприн был его старшим современником. В 1905 г. юный рассказчик был потрясен

чтением «Поединка», в 1916 г. работал на описанном в «Молохе» Юзовском заводе, в 1921 г. – присутствовал на похоронах прототипа Сашки-Музыканта. Рассказчик не только общался со знавшими Куприна людьми – Антоном Сигизмундовичем Ловенгардтом и Николаем Никандровым, – но и видел самого писателя на литературном вечере. «Перечитывая Куприна, я с удивлением заметил, что в своих жизненных скитаниях я как бы шел по его следам. Западный край, Киев, Одесса, Донбасс, Балаклава, Мещёрские леса под Рязанью – все это прошло через жизнь почти в той же последовательности, как и в жизни Куприна. Разница была только во времени, и то небольшая, не больше двадцати лет» [Паустовский 7: 485]. Паустовский постоянно сравнивает описанное в книгах Куприна со своим жизненным опытом, выстраивая таким образом заочный диалог. Так, типы офицеров из «Поединка» дополняются образом знакомого автору недалекого и самоуверенного Ромуальда Козловского («Повесть о жизни»), а описания Балаклав в «Листригонах» – воспоминаниями о лете 1929 г. Прочитовав фрагмент о балаклавской ночи, рассказчик подчеркивает точность описаний, дает свой пейзаж ночной Балаклавы, продолжающий традиции Куприна: «Но самыми поразительными, действительно магическими и необыкновенными являются балаклавские ночи, когда свет единственного в городе фонаря тонет во мраке и так хорошо думать, сидя на балконе, в крошечной темноте и чувствовать беспредельный покой и какую-то, я бы сказал, тишину сердца. В этой тишине должны рождаться удивительные мысли и такие удивительные книги, как “Листригоны”» [Паустовский 7: 489].

Как видим, дача Апраксина сыграла в жизни Паустовского важную роль. Архитектурные достоинства «Прибоя» остались на периферии внимания писателя, увлеченного исследованием окрестностей и общением с рыбаками-«листригонами». Однако отдых на бывшей графской даче помог Паустовскому восстановить силы, получить материал для новых произведений, переосмыслить свои художественные принципы и наконец стать профессиональным писателем.

Примечания

¹ Видимо, в сознании В.К. Паустовского произошла контаминация: граф М.А. Апраксин, увлекавшийся яхтингом, смешался в памяти местных жителей со своим предком – сподвижником Петра I адмиралом Ф.М. Апраксиным (1661–1728).

² Дим – прозвище Вадима Паустовского в детстве.

Список литературы

Источники

Куприн А.И. Собр. соч.: в 6 т. М.: Гослитиздат, 1957–1958. Т. 4. 790 с.

Паустовский В.К. Прививка к географии // Воспоминания о Константине Паустовском / сост. Л. Левицкий. М.: Советский писатель, 1983. С. 423–464.

Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986.

Паустовский К.Г. Несколько отрывочных мыслей (Вместо предисловия) // Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 6 т. М.: Гослитиздат, 1958–1959. Т. 1. С. 5–18.

Паустовский К.Г. Из дневников // Паустовский К.Г. Книга скитаний. URL: <https://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/text/kniga-o-zhizni/kniga-skitanij-pril2.htm> (Дата обращения 21.07.2025).

Паустовский К.Г. Из переписки // Паустовский К.Г. Книга скитаний. URL: <https://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/text/kniga-o-zhizni/kniga-skitanij-pril2.htm> (Дата обращения 21.07.2025).

Паустовский К.Г. Морская прививка: рассказ // 30 дней. 1935. № 3. С. 3–10.

Путеводитель по старой Балаклаве: илл. М.: Вива-Стар, 2022. 304 с.

Путеводитель по Крыму: очерк рев. движения под ред. В. Камшицкого / под ред. проф. А.И. Маркевича, А.И. Полканова и проф. Н.Л. Эрнста. Изд. 2-е. Симферополь: Крымгосиздат, 1925. 267 с.

Исследования

Борисова Д.М. «Усадьбный» рассказ К.Г. Паустовского «Четверо» // Ученые записки Орловского государственного университета. 2024. № 2 (103). С. 167–171.

Михаленко Н.В. Топос творчества в произведениях К.Г. Паустовского // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69. С. 217–223. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-217-223>

Скорыходов М.В. Дачный топос в жизни и творчестве К.Г. Паустовского // Творческое наследие Константина Паустовского в XXI веке: Сб. научных статей. Вып. 2 / отв. ред. М. В. Скорыходов. М.: МАКС пресс, 2023а. С. 84–98.

Скорыходов М.В. Литературные ландшафты во круг писательских дач С.Н. Сергеева-Ценского, И.С. Шмелева и К.Г. Паустовского в Крыму // Mundo Eslavo. 2023b. № 22. С. 97–110.

Скорыходов М.В. Тарусская жизнь Константина Паустовского: в поисках гармонии // Ученые записки Орловского государственного университета. 2024. № 2 (103). С. 172–176.

References

Borisova D.M. “Usadebnyi” rasskaz K.G. Paustovskogo “Chetvero” [The “estate” story by K.G. Paustovsky “Four”]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes by Orel State University], 2024, vol. 2, no. 103, pp. 167–171. (In Russ.)

Mihalenko N.V. *Topos tvorchestva v proizvedenijah K.G. Paustovskogo* [Topos of Creativity in the Works

of Paustovsky]. *Vestnik slavianskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], vol. 69, 2023, pp. 217–223. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-217-223>

Skorohodov M.V. *Dachnyi topos v zhizni i tvorchestve K.G. Paustovskogo* [Dacha Topos in the Life and Work of K.G. Paustovsky]. *Tvorcheskoe nasledie Konstantina Paustovskogo v XXI veke: Sb. nauchnykh statei* [Creative Heritage of Konstantin Paustovsky in 21st Century: Collection of Scientific Articles], vol. 2, ed. by M.V. Skorohodov. Moscow, MAX Press LLC Publ., 2023a. pp. 84–98. (In Russ.)

Skorohodov M.V. *Literaturnye landshafty vokrug pisatel'skih dach S.N. Sergeeva-Censkogo, I.S. Shmeleva i K.G. Paustovskogo v Krymu* [Literary Landscapes Around the Writer's Dachas of S.N. SergeyevTsenskiy,

I.S. Shmelev and K.G. Paustovskiy in the Crimea]. *Mundo Eslavo*, 2023b, no. 22, pp. 97–110. (In Russ.)

Skorohodov M.V. *Tarusskaia zhizn' Konstantina Paustovskogo: v poiskah garmonii* [Konstantin Paustovsky's Life in Tarusa: in Search of Harmony]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes by Orel State University], 2024, no. 2 (103), pp. 172–176. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.07.2025; одобрена после рецензирования 27.07.2025; принята к публикации 04.08.2025.

The article was submitted 25.07.2025; approved after reviewing 27.07.2025; accepted for publication 04.08.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 47–51. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 47–51. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"20"

EDN WWWOMV

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-47-51>

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДАЧИ И КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Ю.В. ТРИФОНОВА 1960–1970-Х ГГ.

Яцкив Екатерина Олеговна, магистр филологии, Центр русского языка и культуры им. А.Ф. Лосева Института филологии Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия, katya.yatskiv@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4871-5529>

Аннотация. В статье рассматриваются произведения Ю.В. Трифонова 1960–1970-х гг.: «Обмен», «Долгое прощание», «Другая жизнь», «Старик» и «Время и место». Выделяются основные виды литературных дач в творчестве Трифонова обозначенного периода (собственно дача, приморская дача, городская усадьба), определяются ключевые связи героев с дачным миром в указанных произведениях, а также говорится о биографическом контексте создания дачных пейзажей, связанном с детством писателя на даче в Серебряном Бору. Дачный быт и бытие характеризуют отношения человека с прошлым и настоящим, с детством, с семьей (особенно важной оказывается проблема взаимоотношений поколений). Ключевой деталью в дачных пейзажах становится растительный мир (сирень, георгины, сосны), их исчезновение означает утрату земного рая, которым для героев и является дача. Литературная дача в творчестве Трифонова эволюционирует, а разрушение дачи означает уничтожение прошлого, памяти о нем.

Ключевые слова: Ю.В. Трифонов, литературная дача, прошлое и настоящее, детство, семья, память, ностальгия.

Для цитирования: Яцкив Е.О. Эволюция литературной дачи и творчество Ю.В. Трифонова 1960–1970-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 47–51. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-47-51>

Благодарности: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Research Article

THE EVOLUTION OF THE LITERARY DACHA AND THE CONFLICT OF GENERATIONS IN THE WORK OF YU.V. TRIFONOV OF 1960S–1970S

Ekaterina O. Yatskiv, Master of Philology, Losev Center for Russian Language and Culture, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, katya.yatskiv@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4871-5529>

Abstract. The article explores the works of Yu.V. Trifonov from the 1960s and 1970s, including “The Exchange”, “The Long Goodbye”, “Another Life”, “The Old Man”, and “Time and Place”. The author of the article identifies the primary types of literary dachas in Trifonov’s works of this period (the actual cottage, the seaside cottage, the urban estate), highlights the key elements of the characters’ connection with the countryside in these works, and discusses the biographical context of creating suburban landscapes, which were inspired by the author’s childhood spent at a cottage in Serebryany Bor. Country life and being serve as a reflection of a person’s relationship with the past and present, with childhood, and with family (here, the issue of intergenerational relationships is particularly significant). A crucial aspect of the country landscapes is the flora, such as lilacs, dahlias, and pines. Their absence signifies the loss of a paradise on earth, which for the characters is the cottage. The literary dwelling in Trifonov’s work is undergoing transformation, and the demolition of the dwelling signifies the erasure of the past, the remembrance of it.

Keywords: Yu.V. Trifonov, literary dacha, past and present, childhood, family, memory, nostalgia.

For citation: Yatskiv E.O. The evolution of the literary dacha and the work of Yu.V. Trifonov 1960 – 1970s. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 47–51. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-47-51>

Acknowledgements: The research was carried out at IWL RAS at the expense of a grant from the Russian Science Foundation no. 22-18-00051-P, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

«Мы поехали на дачу (в Серебряный бор). Там время проводили на ОХ (очень хорошо. – А. III.): утром вставали, завтракали и 4 часа катались на лыжах, два раза снимались “маминым фотоаппаратом” из дома отдыха им. Ленина негативы очень хорошие» [цит. по: Шитов: 85], – такую запись 15 января 1935 г. в своём дневнике, будучи десятилетним ребёнком, оставил Ю.В. Трифонов.

Серебряный Бор – дачный посёлок, возникший в начале XX в. на левом берегу реки Москвы. С самого начала существования посёлка земля в нём была доступна только для элиты: до революции участки оказывались в распоряжении московской знати и богатых купцов, после – в руках революционеров-победителей. Среди тех, кому улыбнулась удача, оказался и Валентин Андреевич Трифонов (отец будущего писателя) с семьёй. С 1923 г. В.А. Трифонов был председателем Военной коллегии Верховного суда СССР, но через десять с лишним лет его обвинили в скрытом троцкизме и контрреволюционных настроениях, а в 1938 г. расстреляли. Так закончилась счастливая пора безоблачного детства будущего писателя, мать которого в том же году была репрессирована и получила 8 лет лагерей как член семьи изменника родины.

«В открытое окно веет легкий ветерок и колыхает страницы моего дневника. <...> Под моим окном благоухают флоксы и георгины. Кругом зелень, кусты и деревья. Зелень... зелень, зелень... А солнце окрашивает все это в изумрудно-зеленый цвет... Голубое небо... Август...» [цит. по: Шитов: 104] – еще одна дневниковая запись Трифоновой от 6 августа 1937 г. Благоухание цветов, очаровавшее мальчика, мы встретим еще раз при описании дачи в романе «Старик» (1978): «Обычный сладковатый запах флоксов и табаков – в августе вечерами тут пахло мощно – теперь не чувствовался» [Трифонов 1989b: 495]. Но не только это станет определяющей чертой образа дачи в таких трифоновских произведениях 1960–1970-х гг., как «Обмен» (1969), «Долгое прощание» (1971), «Другая жизнь» (1975), «Старик» (1978) и «Время и место» (1980), отражающих тоску писателя (и, может быть, всего его поколения) по утраченному раю на земле.

Изучение названных произведений позволяет выделить три типа дач в творчестве Трифонова. Первый тип – *собственно дача*, т. е. загородный дом, находящийся близ большого города на территории посёлка или дачного кооператива. Например, владельцами такой дачи оказываются герои повести «Обмен», опубликованной в 1969 г. в журнале «Новый мир». Дача в Павлинове – настоящее семейное гнездо, построенное руками отца Виктора Дмитриева, главного героя. Дачу такого типа любит посещать семья Троицких из повести «Другая жизнь». «Приезжать на дачу в будни было тяжело <...> И все же, когда

выбиралась порой после работы, выходила на платформу <...> сразу орошал ее прохладный лесной воздух, она вздыхала глубоко-глубоко <...> и с наслаждением ощущала, как медленно выходит из нее усталость...» [Трифонов 1986d: 280], – такие чувства испытывает Ольга Васильевна, каждый раз оказываясь в Василькове.

Второй тип – *приморская дача (домик у моря, бунгало)*, пример которой также находим в повести «Другая жизнь». Главная героиня вспоминает историю зарождения их с мужем любви, пик развития которой пришелся на поездку с друзьями в Гагры. Там молодым людям удалось поселиться в «хибарке в саду», расположенной вблизи моря. Хозяева, разрешившие молодежи жить на их участке, сами вели разгульный образ жизни, а их гости были не прочь познакомиться с девушками (Ольга жила вместе с подружкой), поселившимися в бунгало. Здесь же Ольга и Сергей испытывают настоящую страсть и понимают, что любят друг друга. Приморская дача становится местом раскрепощения, эмоциональной и физической свободы, чада солнечного и любовного.

Третий тип – *городская усадьба*. В такой живут Телепневы, герои повести «Долгое прощание». Несмотря на то, что их дом располагается на территории города, Телепневы и их соседи считают, что все их окружающее – дачное и что живут они на даче. Однако читатель посвящается в судьбу этого места: пышные кусты, напоминающие автору старый приморский южный город и символизирующие гармонию дачного существования, были вырублены, а на их месте построен восьмизэтажный дом с магазином «Мясо» внизу.

Все три типа дачи обладают некоторыми общими чертами, свойствами, определяющими особое отношение автора к *дачному топосу*, к быту и бытию, равно значимым для понимания человека и общества.

Одна из главных особенностей изображения дачи в произведениях Трифонова 1960–1970-х гг. – это выстраивание объемного образа, отражающего историю конкретной дачи и два ее состояния: в *прошлом* и в *настоящем*. В повести «Обмен» дача в прошлом – это несколько импрессионистских штрихов (холодный май, верандочка) с ощущением абсолютного счастья и духовного единения с семьей: «Чудно вспоминать. Неужто было так: сидели все вместе на веранде за большим столом, пили чай, Ксения Федоровна разливала, Вера Лазаревна нарезала пирог?» [Трифонов 1986e: 40]. Дача становится местом семейной идиллии, особым духовным центром, объединяющим два клана, два семейства, два «племени», образующих одно большое «гнездовье». Дача, расположенная в местечке с царственным названием Павлиново, в настоящем перестает играть эту объединяющую роль. Сейчас здесь живет умирающая мать

главного героя и его сестра, ухаживающая за больной. Сама же дача становится для него местом, в котором можно забыть о проблемах в семейной жизни, сбежать от мыслей о грядущем обмене (и предательстве самого близкого человека), вновь почувствовать себя юным, глядящим, затаив дыхание, в будущее.

Следовательно, еще одной значимой составляющей в репрезентации *дачного топоса* у Трифонова будет связь между дачей и *детством*. Здесь, вероятно, ключевую роль сыграли особенности биографии автора, детство, проведенное в Серебряном Бору. Не только в «Обмене» счастливая и беззаботная пора ассоциируется с дачей (о сносе которой читатель узнает в финале повести). В последнем романе Трифонова «Время и место» Саша Антипов бежит босым целый день, чувствуя, что здесь – раздолье, потому что в городе так нельзя. И снова запахи августа, «сада, сосен, земли» [Трифонов 1989а: 150]. На даче юные герои писателя ощущают себя свободными и счастливыми, близкими к природе, руссоистскими «Эмилиями»: «Поросший сосной высокий берег с крутым песчаным спуском, откуда они приплыли, лежит сейчас в тени. Все там лиловое, смутное, туманно-солнечное» [Трифонов 1989а: 152].

Мысленное путешествие в детство совершает и Александр Мартынович, герой романа «Старик». Узнав о том, что у него есть право на получение сторожки в Соколином Бору, в котором прошло детство героя (снова вспоминаем действительно существовавший Серебряный Бор), он воспринимает появившуюся возможность как шанс «вернуть детство, вернуть те времена, когда все были живы, когда он бегал босой по каменистой дорожке, когда солнце горячей смолой горело на сосновых стволах...» [Трифонов 1989б: 515]. Дача, с которой неразрывно связаны воспоминания о детстве, превращается в рай на земле, который утратили выросшие герои, оказавшиеся один на один с суровой действительностью, в которой они не всегда могут себя найти. Так, например, Руслан Летунов, герой того же романа, сражавшийся за страну в годы Великой Отечественной войны, страдает от алкоголизма, не понимая, как ему «реализоваться в мирной, повседневной жизни» [Бугрова], и успокоение он обретает именно в дачном доме.

Как уже было сказано выше, изображение дачи в произведениях Трифонова тесно связано с темой семьи, особое внимание автор уделяет *проблеме «отцов» и «детей»*. В повести «Другая жизнь» читатель наблюдает за тремя поколениями, представленными Ольгой Васильевной с ее мужем Сергеем Афанасьевичем, его матерью Александрой Прокофьевной и Ириной, дочерью Ольги и Сергея. Все три поколения сталкиваются с тотальным непониманием, они не всегда готовы слышать друг друга, по-

нимать друг друга. Три женщины, столкнувшиеся с общей трагедией – смертью Сергея, не готовы переживать случившееся вместе и продолжают жить, испытывая чувства опустошенности, одиночества.

С подобным конфликтом сталкиваются и герои романа «Старик»: «Трифонов показывает непонимание и пренебрежительное отношение Руслана и Веры к своему отцу, в их сознании материальные блага преобладают над духовными. Отношения Павла Евграфовича Летунова с детьми складываются напряженно, они не считаются с его мнением, никого из молодых не волнует тот мир, в котором живет Летунов» [Бугрова]. Интересно, что одним из поводов для столкновения становится материальный вопрос – младшее поколение борется за возможность расширения дачного пространства. Для Летунова истинной ценностью оказывается история, память: старик стремится восстановить историческую справедливость, добраться до самой сути, занимаясь изучением дела Мигулина, красного военачальника, которого в годы Гражданской войны обвинили в призыве казаков к мятежу; Летунов же на протяжении всей жизни пытается понять, действительно ли Мигулин был предателем или же недоверие к нему обуславливалось завистью, порожденной успехами героя и любовью казаков к нему. Он давно понял, что всего того, что было по-настоящему важно для него раньше (жена Галя, настоящая, а не номинальная семья), больше нет. Изнурительная жара, сопровождающая героев на протяжении всего повествования, связанного с дачными эпизодами, как будто усиливает это ощущение чада духовного: старику буквально душно среди собственных детей и внуков, не слышащих и не понимающих его. Шум сиюминутного оглушает старика (примечательно, герой страдает от глухоты и физически), мешая вспомнить и осознать самое важное. В конце романа Летунов мечтает вновь оказаться на даче у Аси, девушки, которую любил пятьдесят лет назад.

Отдельно хочется отметить знаковую деталь, сопровождающую изображение почти каждого дачного пейзажа у Трифонова, – *растения*. В «Долгом прощании», как уже было сказано выше, пышные кусты сирени, росшие у дачного забора родителей главной героини Ляли, были вырублены, на их месте теперь стоит многоэтажка. Отец главной героини при этом не на жизнь, а на смерть борется за сохранение сада с георгинами (которые росли на даче у Трифоновых в Серебряном бору) – за право памяти о счастливом прошлом. В «Другой жизни» Ольга Васильевна испытывает жгучую потребность бывать в лесу: именно там она обретает силу, помогающую ей переносить все трудности городской жизни. И в романе «Старик», и в романе «Время и место» важнейшей составляющей дачного пейзажа становятся сосны, их особый

смолистый аромат. Герои произведений, оказываясь на лоне природы, острее ощущают жизнь, начинают наслаждаться ею.

Ностальгия по прошлому, которое невозможно вернуть, ибо время движется вперед, и оно неумолимо, светлая печаль, сопровождающая воспоминания о счастливом детстве и юности, прожитых на даче, память о любимых, которых уже не вернуть, – все это создает неповторимый образ трифоновской дачи.

Наличие определенных констант в изображении дачного мира не противоречит его эволюции в творчестве Трифонова 1960–1970-х гг. В повести «Обмен» дача является прибежищем, приютом для уставшего от внутренних противоречий героя. Виктор Дмитриев, оказавшийся меж двух «племен» (между собственной семьей и семьей жены, ценности и жизненные принципы которых кардинально отличаются), вспоминает радостное прошлое, самым тесным образом связанное с домиком в Павлинове. Но теперь все изменилось, «олукьянилось», т. е. превратилось в ту жизнь, которая соответствует представлениям о счастье в семье супруги. Главным оказывается финансовое благополучие, достаток, а не духовная связь между близкими. По мнению Ксении Федоровны, матери главного героя, обмен произошел уже давно, когда ее сын оказался в полном подчинении у жены и ее семьи. Следовательно, теперь участок с домом, построенным отцом несколько десятилетий назад, – это и укор герою, и напоминание о том, как неумолимо время.

В повести «Долгое прощание» попытки сохранить сад с георгинами, с одной стороны, символически отражают стремление человека остаться в счастливом прошлом, стремление не быть «изгнанным из рая», с другой – нежелание идти вперед, делать решительный шаг навстречу пугающему, но новому. Ребров – муж главной героини повести Ляли – драматург. На протяжении всего повествования он пытается найти свой путь в литературе, боится предать свой талант и потерять большую любовь – Лялю. Отказавшись от попыток сохранить то, что давно разрушено, Ребров становится успешным сценаристом, устраивает свою жизнь. Однако счастья ему это так же не приносит.

В повести «Другая жизнь» показана дача, которая все еще остается местом успокоения, установления в настоящем связи с естественным, природным, но и этому миру угрожает пыль городских хлопот, дразни, ссоры, безнравственность. Именно на даче главный герой, пытающийся построить научную карьеру, не изменяя себе, собственным принципам и самостоятельному видению истории, ссорится с другом (Климуком), который мог бы помочь ему в осуществлении задуманного. Примечательно, что Климук привез с собой Кисловского, заместите-

ля директора института, который был не один, а с девицей. Кисловский надеялся уговорить Сергея и разрешить ему остаться на даче на ночь... Ольга, конечно же, выступает против этого. Случившееся стало точкой невозврата, постепенного угасания Сергея, в итоге умершего от сердечного приступа в 42 года.

В романе «Старик» дача – это и предмет материального спора соседей, объединенных общей историей, долгим сожительством, длинной историей взаимоотношений людей, превращающихся во врагов, и место, в котором главный герой пытается спокойно дожить свой век, превратившись в глазах собственной семьи в «рудимент», «осколок» прошлого, в чудака, выжившего из ума (не просто так заботливые дети приглашают врачей для обследования отца, считая его сумасшедшим). Дача, прежде собиравшая семью вместе, превратилась в дом «случайного семейства», члены которого, кажется, любят друг друга, но не могут понять своих близких, принять их, найти силы для «строения» (а не «устройства») собственной жизни. В последнем романе Трифонова «Время и место» дача – воспоминание о светлом, но давно ушедшем детстве...

Итак, в художественном мире Трифонова 1960–1970-х гг. дача является особым топосом, связанным с такими важными составляющими жизни человека, как детство, память, история, семья. Разрушение дач, вырубка кустов и цветов превращаются в символ исчезновения прошлого, уничтожения приюта для души человека, уставшего от шума времени, от городской суеты, от ежедневного быта, порой не дающего задуматься о бытии. И единственным способом вернуться в прошлое, ощутить себя снова счастливым и свободным оказывается путешествие по закоулкам собственных воспоминаний. «Это последний день на даче. Сейчас будем обедать, а после обеда – в город...» (запись в дневнике от 30 августа 1937 г.) [цит. по: Шитов: 108].

Список литературы

Источники

Трифонов Ю.В. Время и место // Трифонов Ю.В. Исчезновение. Время и место. Старик: романы. М.: Современник, 1989а. С. 148–415.

Трифонов Ю.В. Долгое прощание // Трифонов Ю.В. Собр. соч.: в 4 т. М.: Худож. лит., 1985–1987. Т. 2. С. 131 – 219.

Трифонов Ю.В. Другая жизнь // Трифонов Ю.В. Собр. соч.: в 4 т. М.: Худож. лит., 1985–1987. Т. 2. С. 219–363.

Трифонов Ю.В. Обмен // Трифонов Ю.В. Собр. соч.: в 4 т. М.: Худож. лит., 1985–1987. Т. 2. С. 7–67.

Трифонов Ю.В. Старик // Трифонов Ю.В. Исчезновение. Время и место. Старик: романы. М.: Современник, 1989b. С. 415–607.

Исследования

Богданова О.А. Русская литературная усадьба: взгляд в будущее // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 3. С. 309–328. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2024.14063>

Бугрова Н.А. Роман Ю.В. Трифонова «Старик»: творческая история, поэтика, литературные традиции: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 231 с.

Кожин В.В. Проблема автора и путь писателя (на материале двух повестей Юрия Трифонова) // Контекст: литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1978. С. 23–47.

Немзер А. Жертвоприношение // Немзер А. Памятные даты. М.: Время, 2002. С. 453–457.

Новосёлова Е.А. Поэтика повседневности в художественной прозе Ю.В. Трифонова: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2017. 214 с.

Селеменова М.В. Художественный мир Ю.В. Трифонова в контексте городской прозы второй половины XX века: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2009. 575 с.

Шитов А.П. Юрий Трифонов: хроника жизни и творчества (1925–1981). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. 800 с.

References

Bogdanova O.A. *Russkaia literaturnaja usad'ba: vzgljad v budushhee* [Russian Literary Estate: a Look into the Future]. *Problemy istoricheskoi poietiki* [Problems of historical poetics], 2024, vol. 22, no. 3, pp. 309–328. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2024.14063> (In Russ.)

Bugrova N.A. *Roman Ju.V. Trifonova «Starik»: tvorcheskaja istorija. Pojetika. Literaturnye tra-*

dicii [Yu.V. Trifonov's novel "The Old Man": a creative history, poetics, literary traditions]: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2004. 231 p. (In Russ.)

Kozhinov V.V. *Problema avtora i put' pisatelja (na materiale dvuh povestey Jurija Trifonova)* [The author's Problem and the Writer's Path (based on two novels by Yuri Trifonov)]. *Kontekst: Literaturno-teoreticheskie issledovanija* [Context: Literary and theoretical research]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 23–47. (In Russ.)

Nemzer A. *Zhertvoprinoshenie* [The sacrifice]. *Nemzer A. Pamjatnye daty* [Memorable dates]. Moscow, Vremja Publ., 2002, pp. 453–457 (In Russ.)

Novosjolova E.A. *Pojetika povsednevnosti v hudozhestvennoj proze Ju.V. Trifonova* [The Poetics of Everyday Life in Yu.V. Trifonov's fiction]: dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2017. 214 p. (In Russ.)

Selemenewa M.V. *Hudozhestvennyj mir Ju.V. Trifonova v kontekste gorodskoj prozy vtoroj poloviny XX veka* [The artistic world of Yu.V. Trifonov in the Context of Urban Prose of the Second Half of the 20th Century]: dis. ... doktor filol. nauk. Moscow, 2009. 575 p. (In Russ.)

Shitov A.P. *Jurij Trifonov: hronika zhizni i tvorchestva (1925–1981)* [Yuri Trifonov: Chronicle of Life and Work (1925–1981)]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta Publ., 1997. 800 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.07.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 04.08.2025.

The article was submitted 25.07.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 04.08.2025.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 52–56. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 52–56. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(44).09"18"

EDN YMSROU

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-52-56>

РЯДОМ С Ф. ФЕНЕЛОНОМ И Ж.-Ж. РУССО: УТОПИЧЕСКАЯ ИДИЛЛИЯ ЕВРОПЫ И АФРИКИ В РОМАНЕ «ПОЛЬ И ВИРГИНИЯ» Ж.-А. БЕРНАРДЕНА ДЕ СЕН-ПЬЕРА

Фирсова Галина Петровна, аспирант, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, galina.p.firsova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-9525-9918>

Аннотация. Автор исследования рассматривает специфику идиллического хронотопа в романе «Поль и Виргиния» Ж.-А. Бернардена де Сен-Пьера (1788), особенностью которого является изображение иного природного и культурного пространства, что идет вразрез с «приращенностью жизни» «к родной стране» (М.М. Бахтин). Устанавливаются предпосылки единения человека и природы, обусловленные ориентацией писателя на идеи Ж.-Ж. Руссо и Ф. Фенелона, а изображение иной природы связывается с опытом путешествий самого Сен-Пьера, желанием найти воображаемый идеал в процессе ностальгии по родине и, отдельно, влиянием утопического в романе «Приключения Телемака» Фенелона (1699). В ходе анализа становится ясно, что при внешней оппозиции Европы и Африки внутри пространства острова происходит синтез европейской и экзотической культур и флор, что выражает ностальгическое переживание автором разрыва с родиной (Х.-Ю. Лузебринк). Делается вывод о том, что Сен-Пьер с опорой на предшественников переосмысливает идиллическое путем его изображения вне строго национальных границ, а также синтеза элементов разных культур, вместе с этим он представляет его утрату, что является характерной чертой сентиментального переживания.

Ключевые слова: идиллическое, утопическое, Европа, Африка, природа, Ж.-А. Бернарден де Сен-Пьер, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Фенелон.

Для цитирования: Фирсова Г.П. Рядом с Ф. Фенелоном и Ж.-Ж. Руссо: утопическая идиллия Европы и Африки в романе «Поль и Виргиния» Ж.-А. Бернардена де Сен-Пьера // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 52–56. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-52-56>

Research Article

NEXT TO FRANÇOIS FÉNELON AND JEAN-JACQUES ROUSSEAU: THE UTOPIAN IDYLL OF EUROPE AND AFRICA IN THE NOVEL “PAUL AND VIRGINIA” BY BERNARDIN DE ST. PIERRE

Galina P. Firsova, postgraduate, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, galina.p.firsova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-9525-9918>

Abstract. The author of the study examines the specifics of the idyllic in the novel “Paul and Virginia” by Bernardin de St. Pierre (1788), whose feature is the depiction of a different natural and cultural space running counter to the “increment of life” “to the native country” (Mikhail Bakhtin). The prerequisites for the unity of human and nature are established, due to the writer’s orientation towards the ideas of Jean-Jacques Rousseau and François Fénelon, and the image of a different nature is associated with the travel experience of St. Pierre himself, the desire to find an imaginary ideal in the process of nostalgia for his homeland, and separately the influence of the utopian in Fénelon’s novel “The Adventures of Telemachus” (1699). During the analysis, it becomes clear that with the external opposition of Europe and Africa, a synthesis of European and exotic cultures and flora takes place inside the island, which expresses the author’s nostalgic experience of a break with his homeland (Hans-Jürgen Lüsebrink). It is concluded that St. Pierre, relying on his predecessors, rethinks the idyllic by depicting it outside strictly national borders, as well as synthesising elements of different cultures, at the same time he represents its loss, which is a characteristic feature of sentimental experience.

Keywords: idyllic, utopian, Europe, Africa, nature, Bernardin de St. Pierre, Jean-Jacques Rousseau, François Fénelon.

For citation: Firsova G.P. Next to François Fénelon and Jean-Jacques Rousseau: the utopian idyll of Europe and Africa in the novel “Paul and Virginia” by Bernardin de St. Pierre. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 52–56. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-52-56>

Роман «Поль и Виргиния» (1788) Ж.-А. Бернардена де Сен-Пьера является частью страноведческого сочинения «Этюды о природе», поэтому последняя становится ключевой темой: повседневная жизнь юных героев, их матерей, а также рабов Доминга и Марии характеризуется связью с флорой и фауной острова Маврикий. Сам автор называет произведение пасторалью, отсылая таким образом к зарождению любовного чувства Поля и Виргинии на лоне природы. Вместе с этим применительно к произведению употребляются понятия «идиллическое», «идиллия» [Fabre; Lüsebrink; Racault], хотя специфика проявления настоящей эстетической категории не рассматривается как отдельная проблема ни в отечественном, ни зарубежном литературоведении.

Как представляется на первый взгляд, в «Поле и Виргинии» (1788) идиллический хронотоп острова Маврикий следует закономерностям, предложенным М.М. Бахтиным, и заключается в изображении «реалий как правило бытового характера», а также сочетании «человеческой жизни с жизнью природы» [Бахтин: 375]. В этом смысле реализуется общая установка идиллического на синтез: в сочетании человеческой жизни и природной ключевым становится «единство их ритма» [Бахтин: 375]. В повествовании данный синтез основан, в частности, на параллелизме между персонажами и окружающей африканской флорой, что прослеживается, к примеру, в олицетворении Поля и Виргинии, жизни их семей, с деревьями кокоса: «Из обоих этих плодов выросли две кокосовые пальмы, которые являлись архивом этих двух семейств: одна именовалась деревом Поля, другая – деревом Виргинии. Оба они росли вместе с молодыми хозяевами своими, поднимаясь на несколько неравную высоту, которая через двенадцать лет переросла хижину» [Бернарден де Сен-Пьер: 43].

Как можно заметить, особенностью произведения является изображение иной природы, что актуализирует понятие культурной границы и становится проблемным аспектом. Помещение в культурно иное пространство не соответствует характеристике идиллического прежде всего как близкого и родного, а значит, своего места: «органическая прикреплённость, приращённость жизни и ее событий к месту – к родной стране со всеми ее уголками, к родным горам, родному долу, родным полям, реке и лесу, к родному дому» [Бахтин: 374]. Из этого следует цель статьи – выявить предпосылки и специфику изображения идиллического, принимая во внимание его разворачивание вне родного пространства.

Позитивная реализация человека в отношениях с природой у Сен-Пьера обусловлена с историко-литературной точки зрения двумя аспектами. Во-первых, можно отметить характерное для эпохи переосмысление пасторальной традиции в сентименталистской литературе за счет ее сочетания с дидактической пользой. Как отмечает Л. Фабр, в «Поле и Виргинии» автор реализует предписания своего современника Ж.-П. Кларе де Флориана, который говорит в «Эссе о пасторали» (1787) о необходимости добавить «уроки приятной морали», «представить добродетель в самом ее приятном свете» [Fabre: 187] с целью придать пасторали пользу. Во-вторых, дидактическая идея единения человека и природы объяснима также влиянием Ж.-Ж. Руссо и Ф. Фенелона. В работе о рецепции литературного наследия Фенелона в литературе Франции XVIII в. А. Шерель, цитируя «Этюды о природе» Сен-Пьера, подчеркивает сходство во взглядах последнего с Руссо и Фенелоном: «Фенелон обратил умозрения Европы на сельское хозяйство, основу всех народов» [Chérel: 395–396]. Сен-Пьер также сравнивает Фенелона и Руссо, выделяя сходное стремление «привести их век к природе».

Зададимся вопросом, чем при этом может объясняться характерное для произведения изображение единения именно с иной природой. Сам автор говорит о попытке описать экзотическую природу в противопоставление привычной читателю европейской: «Я попытался нарисовать в нем почву и растительность, не похожие на те, какие есть в Европе» [Бернарден де Сен-Пьер: 7]. Далее он раскрывает свой замысел, который состоял в том, чтобы соединить некоторые нравы европейской цивилизации, ценности уединенной «естественной» жизни с экзотическим пейзажем: «Мне ведомо, что путешественники, отмеченные вкусом, оставили восторженные описания некоторых островов южного океана; однако нравы туземцев, а еще пуще наезжающих туда европейцев, часто портят там пейзаж. Мне же захотелось связать красоту тропической природы с нравственной красотой маленького общества. Я поставил также себе задачей сделать наглядными несколько великих истин, и в том числе следующую: счастье наше состоит в том, чтобы жить в согласии с природою и добродетелью» [Бернарден де Сен-Пьер: 7]. В этой связи обратимся к исследованию Х.-Ю. Лузебринка, который рассматривает «удачный союз гражданского и естественного общества» [Lüsebrink: 48] в произведении как элемент многих утопических повествований и связывает его прежде всего с «воображаемым возвращением на естественную и эгалитаристскую

прародину, потерянную в истории» [Lüsebrink: 41], где единство с природой становилось условием счастья человека. Исследователь отмечает также ностальгию по родной стране как причину поиска некоего естественного идеала в иностранных землях: опыт путешествий в колонии выделял Сен-Пьера среди современников, но также обуславливал его разрыв с Францией, что привело к попытке обрести утраченное, прибегнув к изображению иной природы.

Помимо личного ностальгического переживания, наличие иного может быть обусловлено утопической традицией, в частности представленной повлиявшим на писателя романом «Приключения Телемака» (1699) Фенелона. Данное влияние, отмеченное исследователями [Чекалов; Duflo], не получает должного аналитического развития в том, что касается изображения идиллическо-утопической действительности. Если Руссо на примере Кларана в «Новой Элоизе» представляет «идиллическую утопию» [Пахсарьян] родной Швейцарии, то Фенелон располагает идеальное государство на острове Бетика, представляя его прежде всего как чужую для Телемака политическую модель, о которой юному герою рассказывает путешественник Адоам. Как и в случае Руссо, данная утопическая модель зависит во многом от земледелия и природы, что перенял Сен-Пьер. Как следствие, он, с одной стороны, сохранил идиллические черты, описав взросление Поля и Виргинии по «естественным» законам на лоне природы, а с другой – наследовал тексту Фенелона в том, что касается особенности одной лишь утопии – иное островное пространство, представленное как наиболее благоприятное место реализации человека. Ориентация на Фенелона подчеркнута в самом романе следующим образом: вторая книга (после Библии), которая вызывает восхищение Поля, – «Приключения Телемака».

Теперь на примере взаимодействия человека с иной природой рассмотрим характерные особенности идиллического, представленные в романе. Выходя из привычной логики, идиллическое начинает выстраиваться здесь вследствие разрыва с родным пространством Европы и становится результатом освоения изначально чужого пространства острова. Вынужденные покинуть Францию госпожа де-ла-Тур и Маргарита, матери Поля и Виргинии, осваивают новое для них пространство, стараясь сделать его своим за счет ведения сельского хозяйства и, следовательно, идиллического единения с природой. Так реализуется представление Сен-Пьера о природе-матери, которая кормит человека, но, как замечает К.А. Чекалов, говоря об отношении писателя к ней, «требуется от него трудовых усилий по обработке земли» [Чекалов]. Как результат такого земледельческого труда начинают постоянно сталкиваться европейское и колониальное: белые европейцы и черные рабы, евро-

пейская и африканская флоры. Данное пространство характеризуется культурной пограничностью, о которой пишет Ю.М. Лотман, говоря о местах встречи своего и чужого [Лотман: 183].

Данные категории в произведении неустойчивы и постоянно смешиваются: так, столкновение своего и чужого изначально противопоставляет Францию и остров. Все персонажи воспринимают Европу негативно, она контрастирует с идиллическим пространством острова как нечто угрожающее ему ввиду своей отдаленности, а главное – несоответствия его «естественным» нравам. Госпожа де-ла-Тур и Маргарита представляют счастье своих детей Поля и Виргинии осуществимым «вдали от жестоких предрассудков Европы» [Бернарден де Сен-Пьер: 18], а при отъезде Виргинии, который повлечет за собой ее гибель, Поль называет Францию «варварской страной» [Бернарден де Сен-Пьер: 80]. Посредством противопоставления реализуется установка автора на идеализацию замкнутой и уединенной жизни острова, вдали от европейской цивилизации: между Францией и Маврикием устанавливаются конфликтные отношения.

Одновременно с этим в локальном пространстве острова наблюдается синтез местного африканского и европейского как проявление идиллического единения человека и природы. Этот синтез становится определяющим для данного хронотопа, что можно объяснить характерной для сентименталистской литературы тоской по прошлому. Ведь он обусловлен тем, что персонажи оказываются оторваны от родного места, как и сам автор, который ностальгировал по родным местам и создал с целью восполнить утрату «идеальное» общество, существующее по естественным законам и при этом включающее элементы европейского. Например, упомянутой рассказчиком деталью, сопровождающей его встречи с семьями Поля и Виргинии, является вино, которое представлено как атрибут Европы: «Я запасался для таких случаев несколькими бутылками старого вина, дабы увеличить веселье наших индийских трапез этими нежными и милыми произведениями Европы» [Бернарден де Сен-Пьер: 50]. Идеал здесь начинает видиться в гармоничном сочетании культурных и природных даров экзотического острова Маврикий и родной Франции.

Синтез европейского и африканского начинает захватывать пространство более масштабно и создавать специфику идиллического, ведь здесь сходятся персонажи разных культур, а также элементы разных флор: «Кольцо апельсиновых, банановых и жамровых деревьев, посаженных вокруг лужайки... <...> Они дали имена Бретани и Нормандии небольшим участкам земли, где они посеяли рожь, клубнику и горох. Доминг и Мария, желая, по примеру своих господ, закрепить память о месте рождения

своего в Африке, называли Анголой и Фулльпуантом два места, где росла трава, из которой они делали корзины и где они посадили продолговатую тыкву. Так с помощью продуктов родины семейства этих переселенцев создавали здесь сладостную видимость отчизны и этим утишали тоску по ней в чужой стране» [Бернарден де Сен-Пьер: 42].

Особенность идиллического параллелизма между природой и человеком здесь заключается в следующем: формируется новая форма их единения путем выстраивания параллельных европейского и африканского рядов. Стирается культурное и иерархическое различие между белыми европейцами и черными рабами за счет того, что все они в равной степени вынуждены заниматься земледельческим трудом на острове. Изучению динамики отношений европейцев и «других» в культурном отношении рабов посвящено исследование Э. Кюссак, однако в нем предметом анализа становится их визуальное проявление – изображение Доминга и Марии в различных изданиях произведения [Cussac]. Как видим, динамика этих отношений заслуживает внимания и с точки зрения идиллического, поскольку наполняет его колониальной и политической проблематикой. Равенство людей перед природой также показано за счет сходного стремления восполнить тоску по родному краю при помощи элементов флоры: участки иной земли обозначаются именами своих регионов, европейцам соответствуют их продукты – рожь, клубника и горох, а рабам – калебасовое дерево (в переводе *тыква*). Само идиллическое пространство предстает и характеризуется, таким образом, как гибридное, совмещающее элементы разных флор и культур.

Стремление к синтезу в повествовании сохраняется уже при разрыве с идиллическим, когда Виргиния уезжает во Францию и вместе с письмом присылает на остров семена яблок: «Для меня будет большой радостью, если когда-нибудь вы испытаете удовлетворение, видя, как яблони растут рядом с нашими кокосами. Вам будет казаться, что вы в Нормандии, которую вы так любите» [Бернарден де Сен-Пьер: 90]. В случае Виргинии речь идет уже о желании восстановить прерванную связь с идиллическим пространством острова, которое является для нее родным. Неслучайным оказывается обозначение Нормандии как родного для матерей героев пространства, поскольку этот регион был местом рождения самого писателя, что подчеркивает присутствие его ностальгического переживания в художественном пространстве.

В качестве итога можно сказать, что, при внешней ценностной оппозиции Европы и Африки, внутри идиллического хронотопа острова Маврикий провозглашается синтез их природной составляющей, что объясняется ностальгическим ощущением разры-

ва со своей родиной и призвано заместить ее. На примере идиллического хронотопа произведения представлен синтез не только человека и окружающей среды, но также разных культурных и природных парадигм, что связано с попыткой освоения изначально чужого колониального пространства.

В конечном счете идиллический хронотоп начинает характеризоваться гармоническим взаимодействием человека и природы, вобравшей разные культурные парадигмы и метонимически копирующей его положение. Так как человек в идиллическом хронотопе синхронизирован с природой, то она сама начинает отражать культурную ситуацию его оторванности от родной страны. Бернарден де Сен-Пьер обнаруживает ностальгию по Франции в идиллично-утопическом ключе при помощи своих персонажей, которые оказываются в схожей с ним ситуации.

Таким образом, продолжая идеи Руссо и Фенелона, Бернарден де Сен-Пьер предлагает свой вариант идиллического хронотопа, изображая не свой дол в привычном национальном смысле, а скорее культурный синтез, который реализуется в уединенном пространстве острова. Он выносит его за пределы Европы, делая при этом характерной чертой универсальную ценность природы, способной сочетать разные культурные и флористические парадигмы. Одновременно с этим представленное разрушение уединенности и замкнутости (отъезд Виргинии и ее дальнейшая гибель) представляет синтез-идеал как навсегда утраченный: его создание, а затем переживание потери вписывает идиллично-утопическое в сентиментальное переживание.

Список литературы

Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа* в романе // Вопросы литературы и эстетики. Москва: Художественная литература, 1975. С. 234–407.

Бернарден де Сен-Пьер Ж.-А. *Поль и Виргиния* / пер. К. Льдова // *Поль и Виргиния*; *Индийская хижина*. Москва: RUGRAM, 2023. С. 9–151.

Лотман Ю.М. *Понятие границы* // *Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история*. Москва: Языки русской культуры, 1996. С. 175–193.

Пахсарьян Н.Т. *Идиллия и утопия в романе Руссо «Юлия, или Новая Элоиза»* // *Историко-философский ежегодник*. 2013. Т. 27. С. 258–271.

Чекалов К.А. «Его философия – бред...». «Этюды о природе» Бернардена де Сен-Пьера // XVIII в.: литература как философия, философия как литература. Москва: Экон-информ, 2010. С. 249–258. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/chekalov-bernarden-de-sen-per.htm> (дата обращения: 01.05.2025).

Chérel A. *Fénelon au 18e siècle en France, 1715–1820: son prestige, son influence*. Paris, Hachette, 1917, 694 p.

Cussac H. Poésie et peinture: réception des Noirs mis en scène dans *Paul et Virginie* (1789–1984). Bernardin de Saint-Pierre: idées, réseaux, reception. Presses universitaires de Rouen et du Havre, 2021, pp. 195–218.

Duflo C. Figures et lectures de Fénelon chez Bernardin de Saint-Pierre. Lectures et Figures de Fénelon. Paris, Classiques Garnier, 2023, pp. 175–186. <https://doi.org/10.48611/isbn.978-2-406-14491-5.p.0175>

Fabre J. Une question de terminologie littéraire: *Paul et Virginie*, pastorale. Littératures 2, 1953 (novembre), pp. 167–200. <https://doi.org/10.3406/litts.1953.934>

Lüsebrink H.-J. Nostalgies tropicales. Bernardin de Saint-Pierre et les littératures francophones de l’océan Indien. Études littéraires, 1999, № 31 (2), pp. 41–52. <https://doi.org/10.7202/501233ar>

Racault J.-M. Virginie entre la nature et la vertu. Cohésion narrative et contradictions idéologiques dans *Paul et Virginie*. Dix-huitième Siècle, 1986, № 18, pp. 389–404. <https://doi.org/10.3406/dhs.1986.1612>

References

Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane* [The forms of time and chronotope in the novel]. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1975, pp. 234–407. (In Russ.)

Bernardin de Saint-Pierre J.-H. *Pol' i Virginiia* [Paul and Virginia], trans. by K. L'dov. *Pol' i Virginiia; Indii-skaia khizhina* [Paul and Virginia; Indian Hut]. Moscow, RUGRAM Publ., 2023, pp. 9–151. (In Russ.)

Chekalov K.A. «Ego filosofii – bred...». «Etiudy o prirode» Bernardena de Sen-P'era [“His philosophy is nonsense...”. “Sketches on Nature” by Bernardin de Saint-Pierre]. *XVIII v.: literatura kak filosofii, filosofii kak literatura* [XVIII century: literature as philosophy, philosophy as literature]. Moscow, Ekon-inform Publ., 2010, pp. 249–258. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/chekalov-bernarden-de-sen-per.htm> (access date: 01.05.2025).

Lotman Iu.M. *Poniatie granitsy* [The concept of a border]. *Vnutri mysliazhchikh mirov. Chelovek-tekst-semiosfera-istoriia* [Inside the thinking worlds. Man-text-semiosphere-history]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1996, pp. 175–193. (In Russ.)

Pakhsar'ian N.T. *Idilliia i utopiia v romane Russo «Iuliia ili Novaia Eloiza»* [Idyll and Utopia in Rousseau's novel *Julia or the New Heloise*]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* [Historical and Philosophical Yearbook], 2013, vol. 27, pp. 258–271.

Chérel A. Fénelon au 18e siècle en France, 1715–1820: son prestige, son influence. Paris, Hachette, 1917, 694 p.

Cussac H. Poésie et peinture: réception des Noirs mis en scène dans *Paul et Virginie* (1789–1984). Bernardin de Saint-Pierre: idées, réseaux, reception. Presses universitaires de Rouen et du Havre, 2021, pp. 195–218.

Duflo C. Figures et lectures de Fénelon chez Bernardin de Saint-Pierre. Lectures et Figures de Fénelon. Paris, Classiques Garnier, 2023, pp. 175–186. <https://doi.org/10.48611/isbn.978-2-406-14491-5.p.0175>

Fabre J. Une question de terminologie littéraire: *Paul et Virginie*, pastorale. Littératures 2, 1953 (novembre), pp. 167–200. <https://doi.org/10.3406/litts.1953.934>

Lüsebrink H.-J. Nostalgies tropicales. Bernardin de Saint-Pierre et les littératures francophones de l’océan Indien. Études littéraires, 1999, № 31 (2), pp. 41–52. <https://doi.org/10.7202/501233ar>

Racault J.-M. Virginie entre la nature et la vertu. Cohésion narrative et contradictions idéologiques dans *Paul et Virginie*. Dix-huitième Siècle, 1986, № 18, pp. 389–404. <https://doi.org/10.3406/dhs.1986.1612>

Статья поступила в редакцию 30.04.2025; одобрена после рецензирования 10.05.2025; принята к публикации 14.05.2025.

The article was submitted 30.04.2025; approved after reviewing 10.05.2025; accepted for publication 14.05.2025

МОТИВ ОТЧУЖДЕНИЯ В ИСПОВЕДАЛЬНОЙ ПРОЗЕ АРТЮРА АДАМОВА («ПРИЗНАНИЕ»)

Османова Кира Павловна, ассистент кафедры зарубежной литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, osmanovakira@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2960-4513>

Аннотация. В настоящей статье анализируется один из ключевых для модернистской культуры мотивов – мотив отчуждения, актуализированный в автобиографической прозе французского писателя Артюра Адамова. В ходе исследования выявляется проблема генезиса мотива в художественном мире Адамова через сопряжение с текстами французской (сюрреализм) и русской (Н.В. Гоголь) литературы, философией (А. Кожев, Г. Гегель) и психоанализом (М. Кляйн). Автор и герой книги «Признание» чувствует себя отчуждённым как по отношению к телу или его частям, так и по отношению к собственным действиям (игра, молитва). В качестве фантасма его идеала транслируется идея самопревосхождения, когда «я» не отчуждено, а растворяется в религиозном опыте слияния с трансцендентным, благодаря этому, в частности, преодолевая внутреннюю расщеплённость. Эмфатической реализацией мотива отчуждения становится эксплицируемая в «Признании» триада «плоть – дух – человек», свидетельствующая об утрате современными людьми способности к переживанию подлинного единения с божественным и о тоске Адамова-мыслителя по архаической культуре. Напрямую обращаясь к психопатологической проблематике, откровенно описывая собственные неврозы, Адамов использует этот материал как антропологический и экзистенциальный, а не клинический, опираясь на представление психоанализа о неврозе как генеральном заострении, характеризующем жизнь вне кабинета терапевта. Однако и художественное творчество может быть интерпретировано как генеральное заострение человеческого опыта – и в этом случае текст Адамова может быть прочитан как описание невроза эпохи или невроза культуры.

Ключевые слова: Артюр Адамов, исповедальная проза, молитва, невроз культуры, отчуждение, психоанализ, самопревосхождение, феномен разъятости.

Для цитирования: Османова К.П. Мотив отчуждения в исповедальной прозе Артюра Адамова («Признание») // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 57–61. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-57-61>

Благодарности. Автор выражает благодарность кандидату экономических наук, доценту Александру Анатольевичу Погребняку, чьи философские исследования стали движущей силой для создания настоящей статьи.

Research article

THE MOTIF OF ALIENATION IN ARTHUR ADAMOV'S CONFESSIONAL PROSE (“THE CONFESSION”)

Kira P. Osmanova, Assistant Professor; Foreign Literature Department of Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, osmanovakira@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2960-4513>

Abstract. This study enquires into one of the modernist culture key motifs – the alienation motif actualised in the autobiographical prose of the French writer Arthur Adamov. It reveals the problem of the motif genesis in Adamov's artistic reference system through its connection with texts of French (surrealism) and Russian (Nikolai Gogol) literature, philosophy (Alexandre Kojève, G.W.F. Hegel) and psychoanalysis (Melanie Klein). The author and the hero of “The Confession” feels alienated both in relation to the body or its parts, and in relation to his own actions (the playing, the prayer). As a phantasm of his ideal, the idea of self-transcendence is transmitted, when the “I” is not alienated, but dissolves in the religious experience of merging with the transcendent, thanks to this, in particular, overcoming internal splitting. The emphatic realisation of the alienation motif becomes the triad “body – spirit – man” explicated in “The Confession”, testifying to the loss by modern people of the ability to experience genuine achieving the union with the divine and to Adamov's longing for archaic culture. Directly appealing to psychopathological issues, manifestly describing his own neuroses, Adamov uses this material as anthropological and existential, rather than clinical, relying on the psychoanalytic concept of neurosis as a general sharpening that characterises

life outside the therapist's office. However, artistic creativity work can also be interpreted as a general sharpening of human experience – and in this case, Adamov's text can be read as a description of the neurosis of epoch or the neurosis of culture.

Keywords: Arthur Adamov, confessional prose, prayer, neurosis of culture, alienation, psychoanalysis, self-transcendence, disunity phenomenon.

For citation: Osmanova K.P. The motif of alienation in Arthur Adamov's confessional prose ("The Confession"). Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 57–61. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-57-61>

Acknowledgments. The author gratefully acknowledges Cand. Sc. (Economics), Senior Lecturer Aleksandr Pogrebnyak, whose philosophical researches became the driving motive for the creation of the present article.

Ярчайшим образцом автобиографической прозы французского писателя Артюра Адамова (Arthur Adamov, 1908–1970) является книга «Признание» ("L'Aveu", 1946). Под этим названием объединены сочинения Адамова, созданные в период с 1938 по 1943 г.: «Что существует» ("Ce Qu'Il Y A", 1938); «Бесконечное унижение» ("L'Humiliation Sans Fin", 1939); «Время позора» ("Le Temps de l'Ignominie", 1939–1940); «Кошмарный дневник» ("Journal Terrible", 1939–1943); а также «Предисловие» ("Introduction", 1943).

Одним из ключевых в книге «Признание» становится мотив отчуждения. Отчуждение, широко понимаемое современной философией как «важнейшее понятие модернистского мышления, под формой которого объединены политико-юридическое, историческое и экзистенциально-психологическое содержание» [Погребняк: 126], ложится в основу мировоззрения Адамова, для которого «Признание» становится первым опытом освоения территории исповедальной прозы. Конвенциональным методом для исследования текстов подобного характера может быть биографический. Действительно, жизнь Адамова с 1914 г. (с начала Первой мировой войны, заставшей семью в Германии) до 1924 г. (до решения семьи окончательно поселиться в Париже) предоставляет выразительный материал для иллюстрации идеи отчуждения как таковой: из Германии семья бежала в Швейцарию, опасаясь расправы (поскольку у родителей Адамова были русские документы), далее – восемь трудных лет в Швейцарии (о которой Адамов впоследствии напишет: «нас называют "макаками", обвиняют в том, что мы едим "швейцарский хлеб"». Ксенофобия, доведённая до бесстыдства» [Адамов: 18]), затем снова Германия и, наконец, – Франция (см. подробнее: [Адамов: 15–23]). Однако внешние обстоятельства биографии Адамова, при всей значительности оных, – будут вынесены за скобки рассуждений о собственно тексте «Признания», поскольку разговор о философской компоненте рассматриваемого произведения не может исчерпываться очевидной связью «факт биографии – акт записи». «Признание» – это не дневник в общепринятом смысле, но – пространство философских размышлений, философия абсурда как такового, воплощённая в гибридном исповедальном жанре.

Мартин Эсслин (Martin Esslin, 1918–2002) говорит об Адамове – авторе «Признания»: «глубокое чувство отчуждения, ощущение, что время давит на него... абсолютная пассивность – таковы некоторые симптомы его духовной болезни» [Эсслин: 96]. Рене Годи (René Gaudy, 1940), размышляя над написанной в авертисменте к «Бесконечному унижению» фразой Адамова «Выражая свой недуг, я от него освобождаюсь» ("En exprimant mon mal, je m'en libère") [Adamov 1946: 54], замечает: «"Выражать" означает – "вынимать", но также и "корректировать"» [Gaudy: 20]. Годи приводит слова Антонена Арто (Antonin Artaud, 1896–1948), свидетельствующие о том, что признание художником собственного страха, выполненное письменно, есть для художника источник дальнейшей жизни: «Ваше признание, напротив, обогащает Вас, Артур Адамов: оно – не просто исповедь, оно – почва с необычным удобрением... <...> ...Вы добудете из этого признания вещество, которое сделает Вас неуязвимым» [Gaudy: 20].

В книге «Признание» можно выделить следующие типы отчуждения.

Отчуждение телесное: частей тела – от самого тела, в результате чего тело утрачивает свою целостность. В «Что существует» Адамов обрисовывает ситуацию ожидания: он, весь во власти волнения, ждёт близкого человека в кафе – и догадывается, что тот не придёт. Не в силах преодолеть нервную дрожь, Адамов сосредотачивает внимание на собственных руках, на их треморе: «Эти руки точно принадлежат мне. И нервозность, которую они выражают, – точно моя. В этом нет никаких сомнений»; однако столь нарочитая декларация отсутствия сомнений как раз и оказывается доказательством их наличия, Адамов добавляет всего лишь несколькими строчками ниже: «Это мои руки?» [Adamov 1946: 22]¹. Целостность самовосприятия нарушена. Адамов говорит о том, что не давал рукам никакого позволения трястись. Он наблюдает за собой со стороны, словно за посторонним, – став посторонним самому себе. Там же, в «Что существует», есть ещё один пассаж, где Адамов видит собственную поднятую руку, словно чужую: «Но эта рука – кому она принадлежит? Эта рука, которая отводится, отстраняется от туловища, движимая неведомой силой, сама по себе есть таинственное существо; объект, что отделяется от другого объек-

та; нечто, что поднимается по приказу, поступившему извне; эта рука чертит в воздухе пророческий рисунок, знак» [Adamov 1946: 38]. Эти эпизоды представляют собой очередное подтверждение двойственности человеческой природы.

Для интерпретации этого хода мысли Адамова уместным будет вспомнить о его увлечении сюрреализмом, очарованности Андре Бретоном (André Breton, 1896–1966), Полем Элюаром (Paul Éluard, 1895–1952) и о творческом воплощении подобного юношеского интереса – поэтическом цикле «К Мерет» (“Des poèmes pour Meret”, 1933). В этом пятичастном цикле тело возлюбленной предстаёт как объект, показанный к разъединению. Так, нарушение целостности данного объекта – и есть главная лирическая интенция стихотворения «Возлюбленная» (“L’Amoureuse”). Обязательно называется каждая часть: «руки» (“ces bras”), «бёдра» (“ces hanches”), «ноги» (“ces jambes”), «рот» (“ta bouche”), «затылок» (“ta nuque”), «голова» (“ta tête”), «лицо» (“ta face”) [Gaudy: 155–156]. Для Адамов-поэта, вдохновлённого идеей дробности всего существующего, именно в этой разъятости – исключительность женщины и её неодолимая сила. Феномен «разъятой возлюбленной» закрепляется в искусстве авангарда в том числе и благодаря художественным опытам Адамова. «Невозможность собрать из фрагментов – целое, из телесных частей – единую возлюбленную (и – самого себя), в некоторой степени связана с сюрреалистической аксиомой неузнанного» [Османова: 150].

Однако нельзя не отметить и близость этого направления рассуждений писателя к идеям британского психоаналитика Мелани Кляйн (Melanie Klein, 1882–1960), являющейся автором понятия «частичный объект». Кляйн полагает, что объект желания первоначально воспринимается человеком как некий набор «частичных объектов», лишь со временем интегрирующихся в единый образ. Одной из базовых характеристик человеческой психики Кляйн считает способность к «расщеплению» мира – с целью как отвержения ненавидимого, так и сохранения желаемого (см. подробнее [Кляйн 2001]).

Вопрос целостности (в том числе телесной) всё-таки занимает Адамова и впоследствии разворачивается на страницах «Признания». Пристальное внимание к отдельным (отделённым, отчуждённым) частям целого есть один из признаков невроза, с избытыванием (отделением, отчуждением) которого связан замысел «Признания» как таковой.

Отчуждение духовное: тела от духа и духа от тела, ибо в человеке есть нечто, что человеком не является, – иноприродное. Отчуждение духовное связано в мире Адамова с концептом подлинной молитвы.

Описание Адамовым процесса образцовой молитвы представляет особенный интерес: «Как только

я начинаю молиться, свершается чудо: во мне рождается существо, которое уже не есть – я, которое меня превосходит; это – концентрация высочайших моих устремлений» [Adamov 1946: 42–43]. Формирование альтернативного «я» происходит во время постижения молитвенного опыта. Адамов продолжает: «Я должен разрубить себя надвое и повергнуть на землю в знак раскаяния, распластать гниющую мою часть пред неизбежной чистотой вечного. Я должен молиться, то есть – сосредоточиться, устремиться к вершине себя самого; к духу, ведающему о первопричине меня, в точку, где все жизни неразделимо сосуществуют в моей жизни» [Adamov 1946: 43].

И здесь следует отметить максимальное приближение к философской теме, невероятно Адамова волнующей, – теме преодоления границ. Это новое существо «превосходит» молящегося Адамова, то есть – молящемуся становится доступным умение выходить за пределы себя самого. “Dépasser”, слово-ключ для понимания проблематики «Признания», и есть – покидать пределы. Преодоление границ связано со стремлением обрести инореальность, “un univers réel” [Adamov 1946: 157]. Этот опыт самопревышения квалифицируется Адамовым как бесценный.

В ежегоднике Высшей практической школы за 1935–1936 учебный год (секция «религиоведения») дано резюме курса лекций, прочитанного А.В. Кожевным (Alexandre Kojève, 1902–1968), где Кожев постулирует: «Для религиозности характерно, по Гегелю, Entzweiung, расщепление единого сознания на эмпирическое Я, которое, будучи привязанным к миру, смертно, и на Я трансцендентное: бессмертную душу, напрямую обращенную к Богу. <...> Поскольку религиозный Человек никак не может совпасть с самим собой, ему не обрести Befriedigung, удовлетворения, каковое составляет последнюю цель и оправдание человеческого бытия» [Кожев: 87]. Заслугу Кожева в толковании философии Г.В.Ф. Гегеля (Georg Hegel, 1770–1831) для французских интеллектуалов того времени сложно переоценить. Круг общения Адамова формируют неординарные мыслители своего времени; Адамов страстно увлекается философией и политикой; одним из главных для Адамова видов деятельности становится перевод (в том числе и научной литературы) – эти штрихи общего рисунка судьбы Адамова позволяют предположить, что такое яркое событие в интеллектуальной жизни Парижа тридцатых годов, как цикл лекций Кожева, не могло не затронуть молодого, жадного до знаний автора (пусть и обсуждалось в легендарном кафе «Лё Дом» (Le Dôme) на бульваре Монпарнас). Перечтение Гегеля составляло важную часть того поля мысли, где одновременно утверждал своё право на существование и Адамов — и как художник, и как философ. Гегелевские «расщепление» и «удовлетворе-

ние» преломляются в тексте Адамова, романтически воспринимающего последнее (“Befriedigung”) как недостижимый идеал.

Инвариантом второго типа отчуждения («тело – дух») становится оппозиция «Я-(не-)действующий» – «Я-наблюдатель». В высокой степени эта перверсия отчуждения этического в мире Адамова связана с концептом неосуществляемой молитвы.

В «Бесконечном унижении» Адамов пишет: «Мне всегда кажется, что мои поступки отделены от меня; что я есть только обездвиженный свидетель своих же собственных действий, никогда не участвующий в представлении в полной мере, никогда настоящему не захваченный игрой, которая касается непосредственно моего существования» [Adamov 1946: 69].

Однако Адамов в «Признании» приводит и горчайшее свидетельство того, что в рамках секуляризованной культуры люди окончательно утратили связь с божественным всеединством: человек разучился творить молитву. В самые страшные минуты своей жизни человек догадывается: молитва – единственное, что могло бы его спасти, но именно молитва ему и не даётся. В «Кошмарном дневнике» Адамов пишет: «Нужно молиться, умолять о даре молитвы. Но умолять об умении молиться не означает молиться по-настоящему. Чтобы молиться, нужен дар – а у меня его нет» [Adamov 1946: 157]. Адамова это открытие обезоруживает, делает максимально уязвимым: «Мысль эта – словно удавка: сжимает горло и душит меня» [Adamov 1946: 157].

Описывая один вечер из своей жизни, Адамов делает признание: «Я не молюсь, я делаю вид, что молюсь» [Adamov 1946: 44]. Ритуальная составляющая всякого действия может быть повторена, дублирована с формальной точки зрения. «Коль скоро я говорю искренне, вынужден признаться, что на самом деле я всего лишь наблюдаю за тем, как я молюсь» [Adamov 1946: 44]. Адамов не скрывает: во время молитвы он словно отделяется от себя самого, превращается в стороннего наблюдателя.

В связи с этим эпизодом любопытным представляется вспомнить письмо Н.В. Гоголя В.А. Жуковскому (Бейрут, 6 апреля 1848 г.), где Гоголь рассказывает о своём опыте пребывания на литургии в Иерусалиме «у самого гроба святого»: «Всё это было так чудно! Я не помню, молился ли я. Мне кажется, я только радовался тому, что поместился на месте, так удобном для моления и так располагающем молиться. Молиться же собственно я не успел. Так мне кажется. Литургия неслась, мне казалось, так быстро, что самые крылатые моления не в силах бы угнаться за нею. Я не успел почти опомниться, как очутился перед чашей, вынесенной священником из вертепа для приобщения меня, недостойного...» [Гоголь: 58].

Утверждать с высочайшей точностью, читал ли Адамов именно это письмо, нельзя, однако подобное утверждение оказалось бы более чем допустимым – творчество Гоголя Адамов знал превосходно. Так, одним из известных текстов Адамова, связанных с переосмыслением французским писателем, родившимся на территории Российской империи, гоголевского наследия, является адаптация для театральной сцены «Мёртвых душ»: Адамов полагал, что это произведение Гоголя, существуя «на стыке острой социальной критики и поэзии», требует переложения «на язык двадцатого века» (см. подробнее [Adamov 1960]).

И Гоголь, и Адамов – с разницей в девяносто лет – затрагивают важный вопрос утраты человеком способности к самотождественности. И удобное место для молитвы (у Гоголя), и наблюдение за самим собой, творящим молитву (у Адамова), – есть детали общей картины, в которой человек перестаёт быть причастным к иррациональному значению рационализируемого ритуала. Это гоголевское «молиться собственно», то есть – по-настоящему, так, как это делалось прежде, становится действием неосуществимым.

Именно в «Признании» обнаруживают себя выразительнейшие примеры богооставленности человека двадцатого столетия, зафиксированные Адамовым. Новый тип сознания не подразумевает возможности молитвы – в её привычном значении. Избавление не наступает, ибо молящийся уже не способен отдаться молитве полностью. Максимальное сосредоточение не даёт просящему. Саморефлексия человека достигает своего апогея. Молитва трансформируется в псевдомолитву, поскольку становится «механической» [Adamov 1946: 44]: формально действие может напоминать разговор с Богом, тем не менее содержательно таким разговором вовсе не быть. «Я ничего не могу с собой поделать: я почти восхищаюсь коленопреклоненным человеком, который с торжественной интонацией произносит волнующие слова. Всё потеряно, всё нужно начинать заново» [Adamov 1946: 44]. Мир требует глобального переосмысления – прежние ритуалы в нём нуллифицированы, и обращение к Богу уже не является тем самым «единственным спасительным средством». Молитва, которая должна способствовать причастности человека к некоему высшему значению, способствует самоотчуждению.

Мотив отчуждения у Адамова напрямую связан с мотивом письма. «Писать, я должен писать, любой ценой, несмотря на всё и вся. Ибо если я перестану писать – всё рухнет» [Adamov 1946: 26]. Недуг следует высвободить, исторгнуть из себя не только посредством произнесения, так называемого выговаривания (для Адамова подобное действие носит характер миссии: «Я считаю, что мне одному суждено сказать это» [Adamov 1946: 159]), – но и по-

средством записывания. В «Что существует» Адамов употребляет словосочетание «внутреннее пространство» (“l’espace intérieur”) [Adamov 1946: 27]. Письменная фиксация содержания этого пространства имеет для Адамова терапевтический эффект.

С.Н. Зенкин, говоря о книге Юлии Кристевой (Julia Kristeva, 1941) “Étrangers à nous-mêmes”, замечает, что автор показывает, «как возрастает в эту эпоху интеллектуальной истории роль чужака – начиная с диалектики Гегеля, толкующей культуру как самоотчуждение духа, и до психоаналитического представления о чуждости человека самому себе» [Зенкин: 59]. В заключении представляется важным подчеркнуть, что исповедальная книга Адамова «Признание» парадоксально существует в напряжённом поле смыслов между означенными полюсами: полюсом философским, который актуализирует гегелевские понятия «расщепление» и «удовлетворение», где последнее романтически интерпретируется как недостижимый идеал, и полюсом психоаналитическим, на территории которого утверждается идея потенциальной расщепляемости объекта и мира в целом. Мотив отчуждения для системы координат Адамова заявляется как ключевой именно в книге «Признание», обладающей значительным полиинтерпретативным потенциалом.

Примечание

¹ Все цитаты из иноязычных источников списка литературы представлены в переводе автора статьи.

Список литературы

- Адамов А. Человек и дитя / пер. с фр. А. Захаревич. Санкт-Петербург: Jaromír Hladík press, 2022. 240 с.
- Гоголь Н.В. Письма. 1848–1852 // Полное собрание сочинений. Т. XIV. Москва: АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 1952. 487 с.
- Зенкин С.Н. Французский романтизм и идея культуры (аспекты проблемы). Москва: РГГУ, 2001. 144 с.
- Кляйн М., Айзекс С., Райверс Дж., Хайманн П. Развитие в психоанализе / пер. с англ. Д.В. Полтавец, С.Г. Дурас, И.А. Перелыгин; сост. и научн. ред. И.Ю. Романов. Москва: Академический проект, 2001. 512 с.
- Кожев А. Введение в чтение Гегеля: Лекции по феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе / пер. с фр. А. Погоняйло. Санкт-Петербург: Наука, 2003. 792 с.
- Османова К.П. Цикл Артюра Адамова «К Мерет»: особенности поэтики // Учёные записки Орловского государственного университета. Орёл: Изд-во ОГУ. 2022. № 4 (97). С. 148–151.
- Погребняк А.А. Отчуждение и счастье: Тарковский и после // После Тарковского: материалы IV Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: Сеанс, 2016. С. 126–141.

- Эсслин М. Театр абсурда / пер. с англ. Г. Коваленко. Санкт-Петербург: Балтийские сезоны, 2010. 528 с.
- Adamov A. L’Aveu. Paris, Sagittaire, 1946, 162 p.
- Adamov A. Les Âmes mortes. D’après le poème de Nicolas Gogol. Paris, Gallimard, 1960, 232 p.
- Gaudy R. Arthur Adamov (Essai et document). Paris, Stock, 1971, 187 p.

References

- Adamov A. *Chelovek i ditia* [Man and Child], ed. by A. Zakharevich]. St. Petersburg, Jaromír Hladík press Publ., 2022, 240 p. (In Russ.)
- Esslin M. *Teatr absurda* [The theatre of the absurd]. Saint Petersburg, Baltiiskie sezony Publ., 2010, 528 p. (In Russ.)
- Gogol’ N.V. *Pis’ma. 1848–1852* [Letters. 1848–1852]. *Polnoe sobranie sochinenii. T. XIV* [Complete Set of Works. Vol. XIV]. Moscow, Academia Nauk USSR Publ., Institut russkoi literatury (Pushkinskii Dom) Publ., 1952, 487 p. (In Russ.)
- Klein M., Isaacs S., Riviere J., Heimann P. *Razvitie v psikhoanalize* [Developments in psycho-analysis], ed. by D.V. Poltavets, S.G. Duras, I.A. Perelygin; comp. by I.Iu. Romanov. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2001, 512 p. (In Russ.)
- Kozhev A. *Vvedenie v chtenie Gegelia* [Introduction to the Reading of Hegel], ed. by A. Pogonailo. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, 792 p. (In Russ.)
- Osmanova K.P. *Tsikl Artiura Adamova «K Meret»: osobennosti poetiki* [“To Meret” by Arthur Adamov: Features of Poetics]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Oryol State University]. Oryol, Izd-vo OGU Publ., 2022, no. 4 (97), pp. 148–151. (In Russ.)
- Pogrebniak A.A. *Otchuzhdenie i schast’e: Tarkovskii i posle* [Alienation and Happiness: Tarkovsky and After]. *Posle Tarkovskogo: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf.* [After Tarkovsky: Proceedings of the IV International Scientific Conference]. St. Petersburg, Seans Publ., 2016, pp. 126–141. (In Russ.)
- Zenkin S.N. *Frantsuzskii romantizm i ideia kul’tury (aspekty problemy)* [French Romanticism and the Idea of Culture (Aspects of the Problem)]. Moscow, RGGU Publ., 2001, 144 p. (In Russ.)
- Adamov A. L’Aveu. Paris, Sagittaire, 1946, 162 p.
- Adamov A. Les Âmes mortes. D’après le poème de Nicolas Gogol. Paris, Gallimard, 1960, 232 p.
- Gaudy R. Arthur Adamov (Essai et document). Paris, Stock, 1971, 187 p.

Статья поступила в редакцию 30.03.2025; одобрена после рецензирования 22.05.2025; принята к публикации 02.06.2025.

The article was submitted 30.03.2025; approved after reviewing 22.05.2025; accepted for publication 02.06.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 62–70. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 62–70. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(41).09"20"

EDN BTUCCF

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-62-70>

ОСМЫСЛЕНИЕ ЛИЧНОЙ (ФОТО)ИСТОРИИ В АВТОФИКЦИОНАЛЬНОМ ГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ С. КВЕРНЕЛАННА «МЕРТВ ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ»

Прудюс Ирина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия, prudius@kspu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0054-5647>

Аннотация. Статья посвящена исследованию жанровых и тематических особенностей графического романа «Мертв по собственному желанию» (*En frivillig død*, 2018) современного норвежского писателя и иллюстратора Стеффена Квернеланна. Впервые в отечественном литературоведении обращаясь к данному произведению, автор статьи рассматривает такие категории поэтики, как композиция, хронотоп, система персонажей, где особое внимание уделяет образам автофикционального героя С. Квернеланна и его отца. Отдельно анализируется поэтика фотографии, представленная в данном графическом романе эксплицитно – в виде личных фотоснимков писателя. Автор произведения в форме соединения графической и текстовой составляющих, характерного для графических нарративов, рассказывает историю его семьи, где взаимоотношения с отцом, а затем его самоубийство повлияли на формирование автогероя С. Квернеланна как писателя и художника. В результате работы устанавливается, что наряду с графическим изображением и текстом, являющимися обязательными составляющими графического романа, основополагающим структурным элементом становится фотография. Добавление в полотно текста личных фотографий автора делает историю его романа документальной. Кроме того, фотография обеспечивает возможность многочисленных интерпретаций центральных образов и сюжетно-мотивного комплекса графического романа. Жанровая специфика данного произведения, непосредственно связанная с автофикциональным началом, также неотделима от поэтики фотографии и категории памяти. В памяти автогероя возникает замысел книги, основанный на тяжелом событии, однако репрезентация личного травматического опыта, в том числе через публикацию семейных фотоснимков (обращение к теме детства), позволяет центральному персонажу преодолеть травму посредством создания художественного произведения.

Ключевые слова: графический роман, норвежская литература, поэтика фотографии, С. Квернеланн, графические нарративы, автофикшн.

Для цитирования: Прудюс И.Г. Осмысление личной (фото)истории в автофикциональном графическом романе С. Квернеланна «Мертв по собственному желанию» // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 62–70. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-62-70>

Research Article

THE REFLEXION ON THE PERSONAL (PHOTO) STORY IN STEFFEN KVERNELAND'S AUTOFICTIONAL GRAPHIC NOVEL “A VOLUNTARY DEATH”

Irina G. Prudius, PhD in Philology, Associate Professor, Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogic University, Krasnoyarsk, Russia, prudius@kspu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0054-5647>

Abstract. The article explores the genre and thematic features of the graphic novel “A Voluntary Death” (*En frivillig død*, 2018) written by contemporary Norwegian writer and illustrator Steffen Kverneland (this is the first appeal in Russian literary criticism to this work). The author of the article considers such categories of poetics as composition, chronotope, character system, and pays special attention to the image of the S. Kverneland's autofictional hero and the image of his father. The poetics of photography, presented in this graphic novel explicitly in the form of the writer's personal photographs, is also analysed. The author of the book tells the story of his family where the relationship with his father and then his suicide influenced the formation of the auto-hero S. Kverneland as a writer and artist in the form of a combination of graphic and textual components, which is the characteristic of graphic narratives. As a result, it is established that along with the graphic image and text, which are indispensable components of the graphic novel, photography becomes a fundamental structural element. The addition of

the author's personal photographs to the text makes the story of his novel a documentary. Moreover, photography provides an opportunity for multiple interpretations of the central images and the plot-motivational complex of the graphic novel. The genre specificity of this work, directly related to the autofictional beginning, is also inseparable from the poetics of photography and the category of memory. A book idea which is based on the difficult event arises in the mind of the protagonist, but the representation of personal traumatic experience, including through the publication of family photographs (addressing the theme of childhood), allows the central character to overcome trauma through the creation of a work of fiction.

Keywords: graphic novel, Norwegian literature, poetics of photography, Steffen Kverneland, graphic narratives, autofiction.

For citation: Prudius I.G. The Reflexion on the personal (photo) story in Steffen Kverneland's autofictional graphic novel "A Voluntary Death". Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 62–70. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-62-70>

На сегодняшний день категория памяти в художественном тексте становится смыслодержимым и сюжетообразующим элементом. «Литература воспоминаний, автобиографий, исповедей и “мыслей” ведет прямой разговор о человеке. Она подобна поэзии открытым и настойчивым присутствием автора», – справедливо отмечает отечественная исследовательница Л.Я. Гинзбург [Гинзбург: 138]. Писатели часто обращаются к личному опыту, рассматривая который они исследуют собственную историю и историю своей семьи.

Обращение к личной истории как материалу для художественного творчества является основой жанра автофикшн, соединяющего черты биографии и фикционального произведения [Pluvinet; Viart; Прудюс 2024]. По справедливой мысли французского литературного критика Доминика Виара, автофикциональные тексты «исходят скорее из воспоминаний» писателя, «представляют неопределенность и гипотезы, дают волю его вымыслу» (перевод наш. – И. П.) [Viart: 103], такие книги наполнены авторскими комментариями событий, описанных в книге. Трактовка одной и той же истории в автофикциональном тексте прямым образом зависит от создателя книги, от его собственного отношения как событиям, так и к людям, в них участвовавшим.

Мы обратимся к автофикциональному произведению в жанре графического романа – дискуссионного явления в современном литературоведении. Некоторые ученые придерживаются мнения о том, что графический роман является подвидом комикса [Осьмухина, Куряев] либо же не имеет от него принципиальных отличий [Tremblay-Gaudette]. Мы же, в свою очередь, выступаем сторонниками ученых, считающих графический роман самостоятельным жанром [Baetens 2012; Chute; Groensteen; Romero-Jóðar; Айснер; Гимранова; Меркулова, Прудюс 2023; Прудюс, Шалимова; Струневская; Жанровая палитра], в настоящий момент претерпевающим эволюцию и распадающимся на субжанры, одним из которых является графический роман – автофикшн [Меркулова, Прудюс 2024].

Автофикциональное начало проявляется в одной из первых работ «отца графического романа», амери-

канского художника и писателя Уилла Айснера (Will Eisner, 1917–2005) «Контракт с богом» (*A Contract with God*), где раскрывается история жизни людей в многоквартирном арендном доме в Бронксе в 1930-х гг., отсылающая к прошлому Айснера, снимавшего в то время квартиру в подобном здании в пригороде Нью-Йорка. Прошлое своей семьи осмысляет и американский писатель Арт Шпигельман (Art Spiegelman, род. 1948) в графическом романе «Маус» (*Maus: A Survivor's Tale*, 1991), представляющем общую историю о преследовании евреев нацистами и Холокосте и получившем в 1992 г. Пулитцеровскую премию. После публикаций этих знаковых книг категория памяти и часто связанный с ней травматический опыт [Баранова, Шалимова] становятся фундаментом для многих графических нарративов [Дрожжина; Прудюс 2025]. Их авторы основываются на собственных историях и раскрывают их читателю.

Более того, некоторые авторы идут еще дальше – они добавляют в произведения фотографии, в том числе и личные, что выводит представленные истории на новый, документальный уровень: «Промежуточным жанрам (к которым автор статьи относит и графический роман. – И. П.), ускользавшим от канонов и правил, издавна присуща экспериментальная смелость и широта, непринужденное и интимное отношение к читателю» [Гинзбург: 138]. Иными словами, добавляя в истории фотоснимки, являющиеся конкретным подтверждением рассказываемой истории, авторы вовлекают читателя в со-творчество: соединение текста, графики и фотографии обеспечивает множественность интерпретаций представленного нарратива.

Первые эксперименты в области соединения текста и фотографии наблюдаются в работах французского фотографа Феликса Надара (Félix Nadar, наст. Имя – Gaspard-Félix Tournachon, 1820–1910) или же немецкого писателя и издателя Кристиана Бернхарда Таухница (Christian Bernhard Tauchnitz, 1816–1895), а также в произведениях представителей искусства авангарда. Одним из наиболее ярких примеров считается роман-коллаж «Неделя доброты» (*Une semaine de bonté*, 1934) немецкого художника Макса Эрнста,

много лет работавшего во Франции. Вдохновленный иллюстрациями из романа Жюль Мари «Проклятые в Париже» (1883) и гравюрами Гюстава Доре, М. Эрнст создает книгу, состоящую из 182 изображений, созданных путем вырезания и перестановки иллюстраций из викторианских романов, энциклопедий и других книг, и представляющую собой мрачную историю сюрреалистического мира.

Фотография как полноценный структурный элемент появляется в графических нарративах в середине XX в., ярче всего это явление заметно в итальянских и французских фотороманах 1940–50-х гг., ставших неотъемлемой частью еженедельных журналов [Baetens 2010: 12]. Фотороманы чаще всего представляли собой сентиментальные истории с продолжениями, которые публиковались каждую неделю. Известный бельгийский исследователь фотонарративов Я. Баэтенс отмечает, что истоком фоторомана можно считать кинематограф, в основе которого также находится «последовательная смена кадров» [Baetens 2010: 15]. Популярность фотороманов обеспечивалась их доступностью для целевой аудитории – женщин-домохозяек, чья жизнь не была наполнена чередой интересных и увлекательных событий. Фотороманы позволяли им проживать, например, тайные истории влюбленных пар или же людей с неординарной судьбой. Достоверность этим историям придавали именно фотографии.

В упоминавшемся нами ранее графическом романе Арта Шпигельмана «Маус» также присутствуют несколько личных фотографий автора, репрезентирующих подлинность его семейной истории. Однако первым значимым современным графическим романом, в котором фотография становится полноценным структурным элементом, наряду с графической и текстовой составляющими, является произведение трех французских авторов: Дидье Лефевра (Didier Lefèvre, 1957–2007), Эмманюэля Гибера (Emmanuel Guibert, род. 1964) и Фредерика Лемерсье (Frédéric Lemercier, род. 1962) «Фотограф» (*Le Photographe*, 2006). Военный корреспондент и писатель Дидье Лефевр, используя собственные фотоснимки, сделанные им во время рабочей поездки в Афганистан в 1986 г., воссоздает историю военного конфликта вместе с художниками Э. Гибером и Ф. Лемерсье, «важным структурным элементом в данном произведении является фотография, что и позволяет выйти на осмысление (фото)графического романа как отдельной жанровой разновидности» [Полуэктова, Прудюс: 49].

Рассматривая традицию скандинавских графических нарративов в контексте нашего исследования, можно заметить, что современные авторы «визуальной литературы» довольно часто обращаются к репрезентации личных историй, в том числе в жанре автофикшна. Например, это произведения финской

писательницы Катьи Тукиайнен (Katja Tukiainen, род. 1969) «Изюминка» (*Rusina*, 2008), где она рассказывает о собственном опыте беременности, и ее соотечественницы Ханнериины Мойссейнен (Hanneriina Moisseinen, род. 1978) «Папа» (*Isä*, 2013), в котором она излагает историю бесследного исчезновения ее отца, или же книга норвежского автора Тронда Бредесена (Trond Bredesen, род. 1956) «Моя мать» (*Morami*, 2023) – о прогрессирующем ментальном заболевании его матери.

Фотография также нередко становится структурным элементом графических произведений. К примеру, шведская писательница и художница Лив Стрёмквист (Liv Strömquist, род. 1978) добавляет различные фотоснимки в следующие произведения: «Чувства принца Чарльза» (*Prins Charles Känsla*, 2010), «Расцветает самая красная из роз» (*Den rödaste rosen slår ut*, 2019), «Внутри зеркальной галереи» (*Inne i spegelsalen*, 2021).

В нашем исследовании мы обратимся к (фото)графическому роману норвежского писателя и художника Стеффена Квернеланна (Steffen Kverneland, род. 1963) «Мертв по собственному желанию» (*En frivillig død*, 2017), в котором рассказана личная пронзительная история от лица автогероя писателя.

Художественное полотно книги С. Квернеланна разнородно за счет репрезентативности трех повествовательных стратегий – вербальной, фотографической и графической. Графическая составляющая занимает больший объем повествования, не умаляя при этом прагматику фотографии.

Сюжет произведения основан на личной истории автора, осмысляющего самоубийство отца, произошедшее 8 июля 1981 г. (на тот момент писателю было 18 лет), о чем читатель узнает в самом начале. Трагедия становится отправной точкой для авторской рефлексии: «Это самоубийство. Любое воспоминание вызывает чувство вины» [Квернеланн: 23]. Все последующее повествование представляет собой сугубо личную проработку автором полученной травмы.

Паратекст романа, включающий два портрета мужчины в черно-белых тонах и три черно-белые фотографии, организует дополнительный уровень прочтения романа. Эти фотографии выступают «порогом интерпретации» (Ж. Женетт), «вестибюлем» (Х.Л. Борхес), который автор открывает перед читателем. Мужчина на первом портрете (на обложке) изображен со смазанным лицом, он безликий и наводящий страх: как будто кто-то специально хотел стереть его облик с рисунка, «серое пятно (вместо лица. – И. П.) обозначает загадку самоубийства» [Jager: 134] для родственников. Вторая страница обложки напрямую перекликается с первой: она содержит уже не рисунок, а фотографию улыбающегося мужчины, с которой сделан вышеупомянутый пор-

трет. И тот же самый портрет, но уже полноценный, встречается третий раз, перед титулом: это нарисованное изображение улыбающегося отца, сделанное С. Квернеланном с фотографии. Это уже не призрак, мучающий автогероя, а восстановленный в памяти образ отца, которому автор посвящает свое произведение. Венгерская исследовательница Ж. Домса полагает, что в подобном «перерисовывании» фотографии уже с самого начала задается темп прочтения романа – от фиксации какого-либо события (фото в семейном альбоме) до его осмысления (превращение в рисунок), благодаря «пластичности человеческой памяти» (перевод наш. – И. П.) [Domsa: 17].

Паратекстуально обрамляют нарратив и две одинаковые фотографии, занимающие целый разворот, что в структуре графического романа всегда имеет важное значение, поскольку акцентирует внимание читателя на определенном моменте. В начале произведения данная фотография представляет основных персонажей – членов семьи С. Квернеланна: его отца и мать, брата Туре и самого автогероя. Это фотография счастливого мгновения из жизни семьи (совместное катание на лодке), что в соотношении с заглавием романа (в оригинале – «Добровольная смерть») намекает на трагизм событий, которые будут представлены в романе. Точно такую же фотографию читатель видит и после завершения графического нарратива, но, поскольку все события теперь ему известны, «прочтение» фотографии оказывается иным: что же важно для автогероя – то, как именно произошла смерть его отца, или же те воспоминания, которые он о нем сохранил?

Таким образом, фотографический и графический коды паратекста, дополняя друг друга, выстраивают две линии повествования всего романа – документальную и художественную. Документальная линия связана с представлением неоспоримых, беспощадных фактов (фотографическая фиксация) из биографии семьи С. Квернеланна, а художественная – с осмыслением этих фактов писателем (графическая фиксация), с попыткой понять и простить поступок отца.

Композиция графического романа фрагментарна и ретроспективна: ее основу составляют семейные фотоснимки С. Квернеланна. Серия представленных фотографий организует нарратив семейного фотоальбома с запечатленными ключевыми моментами из жизни семьи. Как будто просматривая альбом, автогерой пытается осмыслить самоубийство отца, что делает возможным рассматривать композицию как своеобразный психологический детектив: вместе с нарратором читатель пытается разгадать причины суицида. И как писатель-детектив С. Квернеланн намеренно запутывает своего читателя, предлагая ему разные варианты того, что стало причиной трагедии. Так, благодаря рисункам, перемежающимся

личными фотографиями Квернеланна, читатель погружается в жизнь его семьи: автор вспоминает об увлечениях отца, в том числе и о его уникальных авторских проектах как известного инженера, «изобретателя» [Квернеланн: 12], облегчающих бытовые трудности, о совместном времяпрепровождении, его юности, успехах на морской службе и др.

Постепенно из фрагментарных зарисовок раскрывается и трагическое мироощущение отца, который планировал покончить с собой еще будучи молодым («Много лет спустя мама рассказала, что папа заговаривал о самоубийстве еще до женитьбы» [Квернеланн: 57]). Так, читатель становится соавтором – участником расследования, где автогерой периодически подкидывает ему зацепки: алкоголизм, депрессия, разлад с женой (ее увлечение феминистскими идеями), неприятие собственной неудавшейся жизни.

Как мы упоминали ранее, образная система романа ограничена членами семьи и некоторыми значимыми автором, но детально раскрываются только два персонажа – автогерой и его отец. Все остальные персонажи фактически выполняют фоновую функцию: они оттеняют трагичность восприятия сыном самоубийства отца. Так, осмысляя произошедшее, С. Квернеланн создает сотканную из противоречий личность: пристрастие к алкоголю, разлад с женой, лечение от депрессии, вызванной в том числе и одиночеством, не мешает ему быть любящим и заботливым отцом, научившим сына основам художественного мастерства. Более того, автор мифологизирует образ отца, обозначая его разные таланты и положительные особенности: музыкальность («Папа был очень музыкален и в совершенстве владел баяном. <...> Особенно он любил классический джаз и немецкую танцевальную музыку. <...> Папа стал осваивать гитару, ходил на курсы, занимался дома» [Квернеланн: 44], фотография, где отец играет на баяне, сопровождает эти комментарии), структурность в организации пространства вокруг себя («В подвале было полным-полно дорогуемых инструментов... <...> Он был на них помешан и покупал только лучшее. Каждый предмет имел свое место, обведенное четким контуром» [Квернеланн: 43], комментарий дополнен рисунком Квернеланна, на котором изображен отец на фоне стены с идеально расположенными по отношению друг к другу инструментами), коллекционирование редких джазовых пластинок, любовь к морю и путешествиям на автомобиле. С. Квернеланн даже наделяет отца способностью придумать отелый язык, понятный только его семье и обеспечивающий преемственность поколений: «Из смеси забористых моряцких выражений и устаревших диалектных слов своей матери <...> отец создал свой собственный жаргон. Изобретал он слова и сам. “Мешкодрыном”, например, он на-

зывает что угодно – от пакета со спиртным до мешков под глазами. Живот был “сумой”. Рот – “сундуком”. Я до сих пор так говорю. И мой сын скоро наверняка это подхватит» [Квернеланн: 40]. «Для нас с Туре (брат С. Квернеланна. – *И. П.*) на наших совместных вечеринках эти слова (из «словаря» отца – *И. П.*) были чуть ли не мантрой» [Квернеланн: 42].

Двойственность образа отца заключается не только в обозначенных ранее алкоголизме, депрессии, скверном характере, но и в отношении к людям: «В оценке других людей для папы существовало только черное и белое. Либо в “них что-то есть”, они “на редкость способные”, и тогда он восхищался ими без всякой меры. Либо они были ни на что не способны, и тогда ничего более низкого и достойного презрения он и представить себе не мог. Он их отталкивал и не хотел иметь с ними ничего общего» [Квернеланн: 48]. Вербальная характеристика дополнена черно-белым рисунком его лица, разделенным на две вертикальные части – белую сторону, отражающую так называемую светлую часть отца, и черную сторону – эта часть лица напоминает изображение черепа, что говорит о его нестабильном, пограничном состоянии, иногда превращающим человека почти что в монстра.

Образ автогероя также амбивалентен и раскрывается только в связи с его рефлексией по поводу детства и юности, связанных с образом отца, и осмыслением произошедшего самоубийства. Создавая книгу, С. Квернеланн находился примерно в том же возрасте, когда отец совершил суицид: отцу было 56 лет, а автору графического романа – 55. Следовательно, автор, намеренно или нет, сравнивает себя с отцом, обдумывает его действия, старается понять причины зависимости и депрессивного состояния.

Так, размышляя над алкогольной зависимостью отца и причинах его ссор с матерью, С. Квернеланн, однако, не представляет его только с отрицательной стороны. Например, автогерой вспоминает эпизод, когда он, будучи 14 или 15-летним подростком, решил сделать папе сюрприз. Зная, что тот находится один на даче, герой приезжает к нему без предупреждения: «Счастливый и гордый своим стихийным велотурне, я забарабанил в окно гостиной. <...> Была середина дня, а он спал на диване в гостиной. Услышав мой стук, он подскочил, ошеломленный и сбитый с толку. На столе стояла бутылка водки. Я видел, что он не то смутился, не то испугался, так что я не подал виду, что заметил ее. Я не понял, зачем ему напиваться тут в одиночестве – здесь не было ни веселых собутыльников, ни женщин, подбивать клинья к которым на трезвую голову не хватило б духу» [Квернеланн: 73–74]. Так, по сути, представляя жизнь отца-алкоголика, каким его считала мать, С. Квернеланн заключает: «Теперь понять его мне го-

раздо проще – я и сам, бывало, пил на даче в одиночестве» [Квернеланн: 75]. Следовательно, автогерой пытается не только понять причины, сподвигнувшие отца на суицид, но и принять то, что любой человек сам волен решать, как провести или же, в данном случае, завершить свою жизнь. Более того, автор считает поступок своего отца смелым: «Многие говорят, самоубийство – признак трусости. А мне вот кажется, что для этого нужна большая смелость. По сравнению с этим всякие там прыжки с парашютом – ерунда! Как бы несчастлив ты ни был, как бы тебе ни было плохо, страх смерти встроен в рептильный мозг. Мы сопротивляемся ей каждой... клеткой нашего тела. <...> Если человек настолько несчастен, чтобы захотеть умереть, мы не можем требовать от него оставаться в живых просто из вежливости! У него был план. Он хотел дождаться нашего с Туре совершеннолетия, чтобы не испоганить нам детство. В общем, назначил себе дедлайн» [Квернеланн: 94–95]. Другими словами, автогерой будто восхищается отцом, пытается мифологизировать и его самоубийство, он возводит бесстрашие отца и его любовь к собственным детям в категорию культа, достойного как минимум безграничного уважения.

Однако причина такой мифологизации довольно трагична: пытаюсь найти хоть какое-то оправдание самоубийства отца, автогерой скорее ищет чувство успокоения, пытается понять, как исцелить свою душу. Так, показательным является разворот на страницах 88–89, где слева представлен упоминавшийся ранее черный лист, а справа страница содержит четыре фрейма: графическое изображение работающего С. Квернеланна и три фотографии: болеющего отца, болеющего автогероя и улыбающегося автогероя, смотрящего на читателя и предлагающего ему выпить вместе с ним («Ну что, по маленькой?») [Квернеланн: 89]. Через соединение страницы, репрезентующей горе, рисунка, олицетворяющего творческий акт (изображение С. Квернеланна за работой как художника), и трех фотографий, представляющих последовательно отца, а затем и сына, автор показывает и постепенное выздоровление души автогероя. Именно память, воскресающая образ отца как художника, изобретателя и близкого человека, помогает писателю осмыслить собственный опыт посредством создания произведения, помогающего ему пережить травму.

Кроме того, показательны финальные страницы книги: автор размещает две фотографии, где они с сыном рассматривают созданные им рисунки: «Аксель обожает листать папку с распечатками страниц, которые я подготовил для этой книги» [Квернеланн: 99]. Следовательно, принятие сыном творчества отца становится ключом к принятию как семейных традиций, так и семейной травмы. Иными словами, зная, что ре-

бенок ценит его как личность и принимает его любым, автогерой постепенно смиряется с поступком отца и тоже его принимает.

На последней странице герой сидит на диване, держит сына на коленях, но мысли его все еще сосредоточены на самоубийстве отца: над ними нарисовано комиксовое «облачко» – мысли автогероя. В них он видит красную машину, где отец отравил себя угарным газом. Норвежский исследователь Бенедикт Ягер считает, что подобным образом автогерой осмысляет пережитую им травму, «которая может породить новые психические отклонения» (перевод наш. – *И. П.*) [Jager: 141]. На наш взгляд, не переставая думать о поступке отца, герой все же приходит к выводу, что настоящее для него наполнено жизнью: обнимая сына, он понимает, что прошлое – это только облако, которое никуда пока не уплывает, но которое постепенно может рассеяться.

Обратимся к категории времени, являющейся одной из ключевых в поэтике фотографии и участвующей в организации фотонарратива. Это связано с возможностью перемещения, становящейся доступной в том случае, когда персонаж способен «выйти» за рамки фотографии и осознать временную длительность, погрузиться в глубь прошлого: «Сфотографированное мгновение может приобрести смысл только в том случае, если зритель может прочесть в нем длительность, выходящую за его пределы. Когда мы находим осмысленную фотографию, мы наделяем ее прошлым и будущим» (перевод наш. – *И. П.*) [Berger: 64.]. Например, в романе есть несколько детских фотографий отца писателя, на которые он смотрит со знанием уже случившейся трагедии: «Так больно видеть его детские фотографии. На них он полон надежд и еще не догадывается о том, как закончится его жизнь», «Особенно тот снимок, где он сидит на скамейке со своими родителями, – как ножом по сердцу» [Квернеланн: 61]. Благодаря категории времени, пронизывающей фотографию, формируются отличительные черты ее поэтики, уникальность которых сводится к тому, что ее прошлое «содержит в себе ее будущее, будущее, которое свершится, когда снимок будет увиден зрителем и воспринят глазами другого человека» (перевод наш. – *И. П.*) [Trachtenberg: 119]. К примеру, на странице 36 представлена фотография С. Квернеланна, сделанная к его интервью Хаугенсуннской газете в апреле 1981 г. На нем юный художник держит недавно нарисованный с фотографии портрет и с некоторой опаской смотрит прямо на фотографа. Писатель так комментирует это фото: «Мне 18. “Юное дарование” распирает от гордости: готовлю уже вторую персональную выставку в галерее современного фотоискусства в Хаугесунне и просто счастлив. Даже не подозреваю, что через каких-то несколько месяцев мой отец покончит с собой» [Квернеланн: 36].

Временное смешение задается восприятием этой фотографии читателем. Во-первых, смотря на фото, читатель уже знает, что отец автогероя покончил с собой, то есть он не только знает его будущее, но и воспринимает это будущее как случившийся факт. Во-вторых, С. Квернеланн пишет, что он был счастлив в то мгновение, но читатель романа видит тревожно-сосредоточенного молодого человека, чей взгляд, как мы отметили, устремлен на фотографа. Однако при взаимодействии с графическим романом эта фотография перестает быть только результатом прошедшего интервью, она вбирает в себя и дополнительный смысл: автогерой смотрит уже не на фотографа, а прямо на читателя, и этот обеспокоенный взгляд как будто говорит о том, что он знает, что скоро от состояния счастья перейдет к состоянию абсолютного горя.

В произведении С. Квернеланна заметна игра с цветовой палитрой, влияющей на хронотоп. Черно-белая палитра соединяется с цветной – как в фотографиях, так и в графике. И переход от трагического восприятия смерти отца к воскрешению в памяти эпизодов, связанных с маленькими радостями жизни их семьи, совершается в том числе путем перемежения черно-белых и разноцветных рисунков и фотографий.

Ярче всего переплетение категорий пространства и времени заметно в абсолютно черных листах, занимающих целую страницу и встречающихся в романе десять раз. Они останавливают историю, делают временную паузу и позволяют погрузиться в личное, внутреннее пространство центрального персонажа: как бы ни пытался автогерой осмыслить деяние отца, черная пустота в его сердце не заполнится другим цветом. Иными словами, образ отца всегда будет соотноситься с черным горем, которое он пережил, и временами подобные чувства будут наступать его, останавливая время вокруг. Но из пространства черноты есть выход посредством его фиксации на бумаге, в виде рисунка, творческого акта, который и помог автогерою преодолеть это горе.

Кроме того, основное пространство в романе опять же связано с композицией семейного фотографического нарратива: это рисунки или фото дома или дачи, где пребывала семья. Это место, где отец был счастлив и несчастлив одновременно. Показателен эпизод с постройкой лестницы на даче: «Венцом его дачного строительства стала исполинская лестница, протянувшаяся вдоль самой крутой части каменной осыпи прямо к дому. Это был очень амбициозный проект – отец работал не покладая рук целое лето. На обороте некоторых снимков он сделал подписи шариковой ручкой» [Квернеланн: 83]. О роли подписи к фотографии, «направляющей» и завершающей ее «прочтение», рассуждал еще в 1930-х гг. В. Беньямин, утверждавший, что без нее

«любая фотографическая конструкция останется незавершенной» [Беньямин: 38]. Авторский комментарий к фотографиям в романе создает некую глубину изображения, позволяя проникнуть и «вчитать» в них дополнительные смыслы. Обратимся к трем подписям фотографий, где изображено последовательное строительство лестницы. Первая подпись отца автогероя: «Лето 1979. После расчистки “трассы”» [Квернеланн: 83]; вторая подпись: «Лето 1979. 1/8 лестничного пролета с боковинами» [Квернеланн: 83]; третья подпись: «Лето 1979. Лестница длиной 18 м готова» [Квернеланн: 83]. На первой фотографии представлен довольный отец, подпирающий бока руками, готовый к началу строительства лестницы, на второй – лестница в полуготовом виде, на третьей – готовая лестница, ведущая к их домику, на фоне красивой природы. Время создания – за два года до самоубийства. С. Квернеланн, отобрав данные снимки для романа, показывает и характер отца, который всегда завершает хорошо продуманный им проект, своеобразное «изобретение», что, очевидно, можно сопоставить и с самоубийством: сначала он «расчищает трассу» (продумывает план), затем подготавливается и в итоге совершает задуманное так, чтобы минимально навредить своей семье (насколько это возможно). Иными словами, его четкость и структурность в характере как инженера проявляется и в самом трагичном решении в его жизни, а построенная лестница оказывается своеобразным «памятником» [Квернеланн: 84], его наследством.

Таким образом, С. Квернеланн, погружаясь в собственное «я» и пытаясь понять отца, прорабатывает личный травматический опыт, связанный с его самоубийством. Специально введенный С. Квернеланном в графический роман значимый структурный элемент (фотография), соединенный с графикой и текстом, делает повествование в его книге предельно документальным и дает возможность читателю буквально войти в историю представленных персонажей – реальных людей.

Авторская интенция, направленная на решение вопроса о причине трагедии, остается для читателя нерешенной и призывающей к дальнейшему осмыслению графического нарратива С. Квернеланна. Фрагментарная композиция романа отражает основное свойство человеческой памяти – выборочность событий, которые человек хочет удержать, присвоить себе или же, напротив, хочет забыть. В финале С. Квернеланн предлагает читателю развязку в стиле антидетektива: он не дает ответа на вопрос «почему он совершил этот поступок?», зато отвечает на вопрос «каков этот поступок?». И ответ оказывается неожиданным: действие отца было смелым, что, безусловно, мифологизирует его образ. Во-первых, потому что он покончил с собой в возрасте, когда че-

ловеку сделать что-то подобное просто страшно, во-вторых, он сделал это на работе, а не дома, таким образом обезопасив свою семью от возможности увидеть обезображенного мертвеца. Скорее всего, процесс поиска автогероем ответа на многие вопросы будет длительным, если не бесконечным, но у него определенно есть смысл жизни – его подрастающий сын, позволяющий герою осознать и осмыслить глубокую связь между отцом и сыном, которая не разывается, даже если один из них погибает.

Жанровая специфика графического романа «Мертв по собственному желанию» непосредственно связана с поэтикой фотографии, в буквальном смысле погружающей реципиента в личную историю автора. Следовательно, автофикциональное начало ярко выражено не только в соединении текстовой и графической составляющих, но и в их объединении с фотографией, наглядно репрезентирующей память центрального персонажа – автогероя Квернеланна, что позволяет отнести данное произведение к субжанру графического романа – автофикшна.

Список литературы

- Айснер У.* Комикс и последовательное искусство. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2022. 192 с.
- Беньямин В.* Краткая история фотографии. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2017. 168 с.
- Баранова К.М., Шалимова Н.С.* Тема взросления в романе Х. Ли «Убить пересмешника» // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 85–91.
- Гимранова Ю.А.* Интертекстуальный анализ комикс-адаптаций классической литературы. Челябинск: Изд-во ЮУрГПУ, 2024. 137 с.
- Гинзбург Л.Я.* О литературном герое. Москва, Санкт-Петербург: Пальмира, 2024. 255 с.
- Жанровая палитра зарубежной литературы: коллективная монография. Москва: Языки народов мира, 2025. 265 с.
- Квернеланн С.* Мертв по собственному желанию. Москва: Ад Маргинем Пресс, ABCdesign, 2021. 112 с.
- Меркулова М.Г., Прудюс И.Г.* Графический роман – адаптация: к определению субжанра (на материале франко- и англоязычных текстов) // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 6. С. 250–265.
- Меркулова М.Г., Прудюс И.Г.* Жанр графического романа: к постановке проблемы (на материале современных франко- и англоязычных текстов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 10. С. 3379–3385.
- Осьмухина О.Ю., Куряев И.Р.* Синтез комикса и нуар-стилистики в серии «графических романов» Ф. Миллера «Sin city» («Город грехов»): к проблеме реинтерпретации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3-1 (81). С. 49–52.

Полуэктова Т.А., Прудюс И.Г. «Фотограф» Д. Лефевра, Э. Гибера, Ф. Лемерсье как (фото)графический роман: репрезентативная специфика жанра // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2. С. 48–56.

Прудюс И.Г. Фикционализированная биография во французском графическом романе XXI века (на материале произведений Б. Эггер и М. Пуарсона и Р. Марайя) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, № 4. С. 149–157.

Прудюс И.Г. Осмысление военного времени в графическом романе конца XX – начала XXI века // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2025. № 1 (86). С. 149–159.

Прудюс И.Г., Шалимова Н.С. Черты романа инициации в биографическом графическом романе П. Кристена и С. Вердые «Оруэлл» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. № 3. С. 762–767.

Струневская Я.И. Особенности адаптации классического произведения в жанре графического романа на примере «451° по Фаренгейту» Р. Брэдбери // Научный старт – 2024: сб. ст. аспирантов и магистрантов. Москва: Языки народов мира. 2024. С. 667–672.

Baetens J. Le roman graphique. La bande dessinée: une médiaculture. Paris, Armand Colin, coll. “Médiacultures”, 2012, pp. 200–216.

Baetens J. Pour le roman-photo. Bruxelles, Les Impressions nouvelles, 2010. 238 p.

Chute H. Comics as literature? Reading graphic narrative. Publications of the Modern Language Association of America, 2008, n. 123 (2), pp. 452–465.

Domsa Z. Fényképek és rajzok figyelemterelő szerepe egy norvég önéletrajzi képregényben. NCOGNITO: Kognitív Kultúraelméleti Közlemények, 2024, n. 3 (1), pp. 17–36.

Groensteen T. La bande dessinée: une littérature graphique. Toulouse – Milan, Les Essentiels Milan, 2005, 63 p.

Jager B. “Iconic solidarity” with death: On Stefens Kvernelands “A Voluntary Death”. Nordlit, 2024, n. 52 (2), pp. 133–142.

Pluvinet Ch. Fictions en quête d’auteur. Rennes, Presses universitaires de Rennes, 2012, 314 p.

Romero-Jódar A. Comic Books and Graphic Novels in their Generic Context. Towards a Definition and Classification of Narrative Iconical Texts. ATLANTIS: Journal of the Spanish Association of Anglo-American Studies, 2013, n. 35.1, pp. 117–135.

Trachtenberg A. Through a Glass, Darkly: Photography and Cultural Memory. Social Research, 2008, vol. 75, n. 1, pp. 111–132, URL: <https://www.jstor.org/stable/40972054>

Tremblay-Gaudette G. Tensions, prétentions et galvaudage; gains et écueils du roman graphique comme stratégie du cheval de Troie en Amérique du Nord. KINEPHANOS, 2008. URL: <https://www.kinephanos.ca/2011/romans-graphiques>

Viart D. Fictions biographiques. La Littérature française au présent. Héritage, modernité, mutations. Paris, Bordas, 2008, pp. 99–124.

References

Eisner W. *Komiks i posledovatel'noe iskusstvo* [Comics and Sequential Art]. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2022, 192 p. (In Russ.)

Benjamin W. *Kratkaia istoriia fotografii* [A Short History of Photography]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2017, 168 p. (In Russ.)

Baranova K.M., Shalimova N.S. *Tema vzrosleniia v romane H. Lee «Ubit' peresmeshnika»* [The Theme of Growing up in the H. Lee’s Novel “To Kill a Mockingbird”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2023, vol. 29, n. 4, pp. 85–91. (In Russ.)

Gimranova Iu.A. *Intertekstual'nyi analiz komiks-adaptatsii klassicheskoi literatury* [Intertextual analysis of comic book adaptations of classical literature]. Cheliabinsk, IuUrGGPU Publ., 2024, 137 p. (In Russ.)

Ginzburg L.Ia. *O literaturnom geroe* [About a literary character]. Moscow, Saint Petersburg, Pal'mira Publ., 2024, 255 p. (In Russ.)

Kverneland S. *Mertv po sobstvennomu zhelaniu* [“A Voluntary Death”]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., ABCdesign Publ., 2021, 112 p. (In Russ.)

Merkulova M.G., Prudius I.G. *Graficheskii roman – adaptatsiia: k opredeleniiu subzhanra (na materiale franko- i angloiazychnykh tekstov)* [The Graphic Novel – Adaptation: to the Definition of the Subgenre (on the Example of French- and English-language Texts)]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2024, vol. 13, n. 6, pp. 250–265. (In Russ.)

Merkulova M.G., Prudius I.G. *Zhanr graficheskogo romana: k postanovke problemy (na materiale sovremennykh franko- i angloiazychnykh tekstov)* [Genre of the Graphic Novel: Toward the Formulation of the Problem (Based on Modern French-language and English-language Texts)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology Theory & Practice], 2023, vol. 16, n. 10, pp. 3379–3385. (In Russ.)

Os'mukhina O.Iu., Kuriaev I.R. *Sintez komiksa i nuar-stilistiki v serii «graficheskikh romanov» F. Mille- ra «Sin city» («Gorod grekhov»): k probleme reinterpretatsii* [The Combination of Comics and ‘Noir’ Stylistics in a Series of F. Miller’s Graphic novels ‘Sin city’: to the Problem of Reinterpretation]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology Theory & Practice]. 2018, n. 3-1 (81), pp. 49–52. (In Russ.)

Prudius I.G., Poluektova T.A. «Fotograf» D. Lefevra, E. Gibera, F. Lemers'e kak (foto)graficheskii roman: reprezentativnaia spetsifika zhanra [D. Lefèvre, E. Guibert, F. Lemercier's "The Photographer" as a (photo)graphic novel: representative specificity of the genre]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities], 2025, n. 2, pp. 48–56. (In Russ.)

Prudius I.G. *Fiktionalizirovannaiia biografiia vo frantsuzskom graficheskom romane XXI veka (na materiale proizvedenii B. Egger i M. Puarsona i R. Maraiia)* [Fictionalised Biography in the French Graphic Novel of the 21st Century (based on works written by B. Egger and M. Poirson and R. Maraï)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, n. 4, pp. 149–157. (In Russ.)

Prudius I.G. *Osmyslenie voennogo vremeni v graficheskom romane kontsa XX – nachala XXI veka* [Interpretation of Wartime Events in Graphic Novels of late 20th – early 21st Century]. *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina* [The Bulletin of Ryazan State University named for S.A. Yesenin], 2025, n. 1 (86), pp. 149–159. (In Russ.)

Prudius I.G., Shalimova N.S. *Cherty romana initsiatsii v biograficheskom graficheskom romane P. Christen i S. Verdier «Orwell»* [The Features of the Initiation Novel in the P. Christen and S. Verdier's Biographical Graphic Novel "Orwell"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology Theory & Practice], 2024, n. 3, pp. 762–767. (In Russ.)

Strunevskaiia Ia.I. *Osobennosti adaptatsii klassicheskogo proizvedeniia v zhanre graficheskogo romana na primere «451° Fahrenheit» R. Bradbury* [The Specificity of Adaptation of a Classical Work in the Genre of Graphic Novel on the example of R. Bradbury's "451° Fahrenheit"]. *Nauchnyi start – 2024* [Scientific Start – 2024], Moscow, Iazyki narodov mira Publ., 2024, pp. 667–672. (In Russ.)

Zhanrovaia palitra zarubezhnoi literatury: kolektivnaia mnografiia [The palette of genres of foreign literature: collective monography]. Moscow, Iazyki narodov mira Publ., 2025, 265 p. (In Russ.)

Baetens J. Le roman graphique. La bande dessinée: une médiaculture. Paris, Armand Colin, coll. "Médiacultures", 2012, pp. 200–216.

Baetens J. Pour le roman-photo. Bruxelles, Les Impressions nouvelles, 2010. 238 p.

Chute H. Comics as literature? Reading graphic narrative. Publications of the Modern Language Association of America, 2008, n. 123 (2), pp. 452–465.

Domsa Z. Fényképek és rajzok figyelemterelő szerepe egy norvég önéletrajzi képregényben. *NCOGNITO: Kognitív Kultúraelméleti Közlemények*, 2024, n. 3 (1), pp. 17–36.

Groensteen T. La bande dessinée: une littérature graphique. Toulouse – Milan, Les Essentiels Milan, 2005, 63 p.

Jager B. "Iconic solidarity" with death: On Stefens Kvernelands "A Voluntary Death". *Nordlit*, 2024, n. 52 (2), pp. 133–142.

Pluvinet Ch. Fictions en quête d'auteur. Rennes, Presses universitaires de Rennes, 2012, 314 p.

Romero-Jódar A. Comic Books and Graphic Novels in their Generic Context. Towards a Definition and Classification of Narrative Iconical Texts. *ATLANTIS: Journal of the Spanish Association of Anglo-American Studies*, 2013, n. 35.1, pp. 117–135.

Trachtenberg A. Through a Glass, Darkly: Photography and Cultural Memory. *Social Research*, 2008, vol. 75, n. 1, pp. 111–132, URL: <https://www.jstor.org/stable/40972054>

Tremblay-Gaudette G. Tensions, prétentions et galvaudage; gains et écueils du roman graphique comme stratégie du cheval de Troie en Amérique du Nord. *KINEPHANOS*, 2008. URL: <https://www.kinephanos.ca/2011/romans-graphiques>

Viart D. Fictions biographiques. La Littérature française au présent. Héritage, modernité, mutations. Paris, Bordas, 2008, pp. 99–124.

Статья поступила в редакцию 06.05.2025; одобрена после рецензирования 11.07.2025; принята к публикации 15.07.2025.

The article was submitted 06.05.2025; approved after reviewing 11.07.2025; accepted for publication 15.07.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 71–77. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 71–77. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.09"20"

EDN CBQLJD

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-71-77>

КУКОЛЬНЫЙ ЭКФРАСИС В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Косенко Виктория Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, Российский институт театрального искусства – ГИТИС, Москва, Россия, visha-k@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5533-8748>

Аннотация. В статье на примерах художественных текстов современной литературы рассмотрен кукольный экфрасис, включающий описание куклы, ее облика, процесс изготовления, архаический или контекстуальный провенанс. Все эти уровни «кукольного дискурса» провоцируют рождение *энэргии* (некой рецептивной фантазии), влияющей на раскрытие концепции произведения или его главного образа. В романе «Возвращение в Панджруд» Андрея Волоса кукольный экфрасис выступает как культурный паттерн, характеризующий эпоху, на фоне которой складывается биография главного героя романа, исторической личности – поэта Джафара Рудаки. В рассказе «Лухтак» Алексея Торка кукольный экфрасис выполняет функцию нравственно-этической метафоры (кукла «без лица» сравнивается с ментальным состоянием общества). В романе «Последний кабан из лесов Понтеведра» Дины Рубиной куклы выступают как персонификация психологического состояния героя Люцио. Все уровни романа «Синдром Петрушки» Рубиной – от заглавия до сюжета – связаны с куклами, а главная интрига – с магической родильной фигуркой Корчмаря. Рассмотренный провенанс этой куклы и ее роль в сюжете романа восходят к архаической магии, применявшейся перед зачатием ребенка. Куклы, будучи древнейшим артефактом культуры, выполняют в современном художественном дискурсе историко-культурные функции и заместительные, психологические.

Ключевые слова: кукла, экфрасис, «Возвращение в Панджруд», «Лухтак», «Последний кабан из лесов Понтеведра», «Синдром Петрушки», народный театр, Андрей Волос, Дина Рубина, Алексей Торк.

Для цитирования: Косенко В.С. Кукольный экфрасис в современной литературе // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 71–77. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-71-77>

Research Article

PUPPET ECPHRASIS IN MODERN LITERATURE

Victoria S. Kosenko, PhD in Philology, Russian Institute of Theatre Arts (GITIS), Moscow, Russia, visha-k@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5533-8748>

Abstract. The article considers puppet ekphrasis, including the description of a puppet, its appearance, the process of production, archaic or contextual provenance, on the examples of fiction texts of modern literature. All these levels of “puppet discourse” provoke the birth of *enargia* (a kind of receptive fantasy), influencing the disclosure of the work’s concept or its main image. In the novel “Return to Panjrud” by Andrei Volos, puppet ekphrasis acts as a cultural pattern characterising the epoch against which the biography of the novel’s protagonist, a historical figure – the poet Ja’far Rudaki – is formed. In the story “Luhtak” by Aleksey Tork, puppet ekphrasis fulfills the function of a moral and ethical metaphor (a “faceless” puppet is compared to the mental state of society). In Dina Rubina’s novel “The Last Wild Boar from the Forests of Pontevedra”, puppets act as personification of the psychological state of the hero Lucio. All levels of Rubina’s novel “Petrushka’s Syndrome” – from the title to the plot – are connected with puppets, and the main intrigue – with the magical maternity figurine of Korchmar. The considered provenance of this puppet and its role in the plot of the novel go back to the archaic magic used before the conception of a child. Dolls and puppets, being the most ancient artifact of culture, perform historical and cultural functions in the modern artistic discourse, as well as vicarious and psychological ones.

Keywords: puppet, ekphrasis, “Return to Panjrud”, “Luhtak”, “Last Wild Boar from Forests of Pontevedra”, “Petrushka Syndrome”, National Theatre, Andrei Volos, Dina Rubina, Aleksey Tork.

For citation: Kosenko V.S. Puppet ekphrasis in modern literature. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 71–77. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-71-77>

Экфрасис – произведения искусства (материального, пластического) или ремесленные артефакты, описанные в литературном тексте. Исследователи выделяют разнообразные виды экфрасиса: живописный, скульптурный, танцевальный, гастрономический и еще множество других (см.: [Шафранская, Гарипова, Кешфидинов]). В ряде произведений литературы можно встретить изображение кукол, их облика и описание процесса изготовления. Куклы несут определенную художественную нагрузку, выступая в роли детали, образа и даже концепта произведения. Подобное изображение кукол в литературном тексте мы назовем *кукольным экфрасисом*.

Исследователи, сопоставляя слова *описание* и *экфрасис*, видят во втором дополнительные функции. Так, Р. Данилевский говорит, что экфрасис – не просто литературное описание, а наше представление о произведении искусства, то есть «описание не есть воспроизведение» [Данилевский: 36]; Я. Юхимук видит в экфрасисе переводческую функцию – с языка искусства на язык литературы, то есть словесное оформление имплицитного смысла, заложенного в произведении искусства [Юхимчук: 216]. Причем экфрасис, прежде чем воплотиться в слове, должен пройти через воображение автора словесного текста – в этом Р. Данилевский видит «союз с энרגией», то есть воображением, грёзой. Энэргия обогащает экфрасис фантазией и гипотезой, «это не делает его более точным, но более глубоким – несомненно» [Данилевский: 42].

Каков кукольный экфрасис? Какая *энэргия* ему сопутствует? На эти вопросы мы постараемся ответить в нашей статье, цель которой – выявить художественные функции кукольного экфрасиса в ряде произведений современной русской литературы. Целью обоснованы задачи: рассмотреть куклу как артефакт культуры; проанализировать выступления с куклой масхарабозов (скоморохов) в романе «Возвращение в Панджруд» Андрея Волоса; остановиться на кукольной семантике заглавия «Лухтак» – рассказа Алексея Торка; сосредоточиться на кукольном творчестве художника-перформансиста («Последний кабан из лесов Понтеведра») и магической кукле («Синдром Петрушки») из романов Дины Рубиной. Объект нашего исследования – кукольный дискурс в современной литературе, предмет – кукольный экфрасис и его художественная функция. Методологическая база статьи – работы Д.Д. Фрэзера, О.М. Фрейденберг, И.А. Морозова, А.А. Белкина.

Тема кукол в мировой литературе – обширная (Э.Т.А. Гофман, М. Уильямс, А. Милн, Ю. Олеша, А. Толстой, Б. Заходер, Е. Данько, М. Аромштам и др.), как и корпус исследований, ей посвященный. Новизна нашей работы состоит в том, что, во-первых, мы рассматриваем современные тексты, которые еще

не анализировались в указанном ракурсе, во-вторых, в нашей аналитике кукольный экфрасис сопряжен с персонажами, «хозяевами» кукол, их симбиоз (кукла плюс персонаж) и составляют *энэргию*, необходимый элемент экфрасиса.

Божественным первотворением в истории человечества была кукла, изготовление которой передано культурой в виде экфрасиса: создатель «большим ножом срезал три крупных куса древесной коры, положил на один из них кусок глины и тем же ножом как следует вымесил ее. Затем он переложил часть глины на другой кусок коры и вылепил из нее человеческую фигуру; сначала он сделал ступни, потом ноги, туловище, руки и голову. Такого же глиняного человека он вылепил на последнем куске коры и так остался доволен своим произведением, что от радости стал плясать вокруг них. Потом он взял волокнистую кору эвкалипта, сделал из нее волосы и приклеил их к голове каждой фигуры. Тогда он еще раз посмотрел на своих глиняных людей, опять остался очень доволен и опять от радости заплясал вокруг них. После этого он лег на них всем телом и стал дышать им прямо в рот, нос и в пуп, и они зашевелились, заговорили и встали на ноги, совсем как взрослые люди» [Фрэзер 1985: 17]. Подобное сотворение ожившей куклы из глины использовано также в восточно-европейской легенде о Големе.

Прежде чем кукла вошла в театральный и бытовой обиход, она носила сакрально-ритуальное значение, например, куклы из русской обрядовой культуры: Масленица, Купала, Коляда, Кострома и др. (см. также: [Морозов: 13]).

В бытовых ситуациях и семейных обрядах кукол изготавливали в виде оберегов, которые могли принять на себя действие нечистой силы, например, куклы Кумоха, Лихоманка, Кувадки и др. (см.: [Котова, Котова]).

Куклы предназначались для заговоров: «Перуанские индейцы изготавливали из жира, перемешанного с мукой, изображения людей, которые им не нравились или навели на них страх, а затем сжигали эти изображения на дороге, по которой должна была пройти жертва» [Фрэзер 1986: 21]. Такие практики Д.Д. Фрэзер называет *симпатической* магией – магией подобия.

И, наконец, кукла становится элементом детской жизни. «Трудно отыскать народ, у которого девочки не играли бы в куклы» [Борисов: 25].

Таким образом, кукла – древний артефакт культуры, его обитание – всечеловеческое [Морозов: 11], даже более, кукла – некий космогонический объект: с куклы, по представлению архаического сознания, начинается история человечества (см.: [Морозов: 46–50]).

Прежде чем мы приступим к роману «Возвращение в Панджруд», где действуют *масхарабозы*,

скажем несколько слов об этих персонажах. Масхарабозы – аналог скоморохов; по версии А.Н. Веселовского, слово скоморох, присутствующее в русском лексиконе, восходит именно к масхарабозам, к арабскому «масхара», что значит «смешной человек, шут, паяц» [Белкин: 26]. (Это не единственная этимологическая версия скоморохов, их как минимум семь-восемь, см.: [Белкин: 26–28].) Масхарабозы, как и скоморохи, участвуют в праздничных обрядах (например, на свадьбе), а также гастролируют по городам и весям центральноазиатского Средневековья, или иначе – Мавераннахра.

«Ходя по кишлакам и городам Средней Азии, масхарабоз (уйинчи) присматривается, прислушивается к проблемам местных жителей – то попивая чай в чайхане, то прогуливаясь по базару. Его цепкий ум выхватывает самое важное – и это становится гвоздем его вечерней программы, куда собираются люди» [Шафранская, Волохова: 53–54]. Русский писатель XX в. Леонид Соловьев, представивший в своем творчестве все социальные институты Средней Азии, в том числе и масхарабозов, пишет о них так: «На пустых подмостках, пользуясь мелом и углем, вместо сложного набора грима, он изобразит и бая, пролезшего в совет, и пьянствующего председателя исполкома любого масштаба, и милиционера, любящего прогуляться кулаком по физиономии арестованного. И каждое слово для виновного – как удар камчи...» [Соловьев: 557].

О.М. Фрейденберг, размышляя о происхождении скоморохов и их аналогов в других культурах (значит, и масхарабозов), видит в них героев, выступающих под маской глупцов, где глупость метафоризировала смерть: «поединок двух противников (борьба светлого и темного начала), нового и старого года, лета и зимы, нового плодородия...» [Фрейденберг 1997: 213]. Скоморохи и масхарабозы представляли в виде таких шутов куклу или гримировались сами, пародируя и глумясь, изображая из себя или из куклы «лжепророков, лжебогов, лжемессий, лжедемиургов» [Фрейденберг 1978: 235].

О.М. Фрейденберг настаивает: то была не сатира, а комические сценки народного театрального действия, так как «сатира – всегда идейна», а действия скоморохов высмеивают отдельные явления или известных в округе лиц [Фрейденберг 1978: 293–294].

Роман «Возвращение в Панджруд» – это литературный байопик о поэте эпохи Мавераннахра Джафаре Рудаки. Композиционно роман выстроен как путешествие наказанного ослеплением поэта – путешествие-возвращение на родину, в кишлак Панджруд, где старец не был с юности. На этом пути случаются разные встречи и события. Одно из них – остановка и приглашение на свадьбу деревенских жителей. Слава поэта была столь огромна, что его узнают и встре-

чают везде по-царски, так он был любим простым народом. Во время свадебных торжеств и выступают на авансцену масхарабозы. Сначала они показывают кукольное представление с зооморфной куклой – козой, затем пантомиму ослепления Рудаки: тот не видит, но по звукам и реакции зрителей догадывается, что он стал объектом пантомимы. В этом фрагменте как бы проверяется реакция поэта: насколько он способен иронично отнестись к своему горю.

Для чего автор в подробностях изображает зооморфную куклу? Какое отношение она имеет к самому Рудаки, к его горю? Дело в том, что практически не сохранилось никакой информации о жизни поэта, а биографии он достоин. Андрей Волос выстраивает ее некими культурными «пузырями», которые не противоречат исторической действительности. Это не «вольности» писателя, это очевидные картины времени, в котором жил Рудаки.

«Засаленный остов из кое-как отесанного поленца. К остову приделан чурбак поменьше. Красная полоса на нем – вроде как полураскрытая пасть. А большие черные пятна (должно быть, углем намазано) – вроде как глаза. Но сверху торчат никакие не “вроде как”, а самые настоящие рога – маленькие козы рожки.

Коза!

Левой рукой масхарабоз держал козу под брюхо, а правой дергал бечевку, продетую в дырки, отчего державшиеся на той бечевке ножки-палочки смешно дрыгались.

И покрикивал, расхаживая:

– А вот козочка! Козочка, чи-ги, чи-ги!» [Волос: 409].

Далее масхарабоз рассказывает о похождениях козочки, доверчивой и наивной: куда она ни пойдет с жалобой, везде получает ответы плетью и палками.

Сам артефакт – зооморфная кукла в виде козы – был повсеместен [Фрейденберг 1997: 177]. Подчеркивая равенство между зоо- и антропоморфными куклами, И.А. Морозов пишет: «...граница между “животным” и “человеческим” в традиционной культуре является очень зыбкой. В фольклорных и обрядовых текстах животное часто обладает человеческими чертами...» [Морозов: 16]. Например, в русском фольклоре коза была участником скоморошьего действия – медвежьей потехи (кстати, «в Ярославской области медведя могли называть “лесной куклой”» [Морозов: 59]). Так, П.Н. Берков сообщает, как мальчик, который ходит с вожакон и медведем, «устраивает из себя козу, т. е. надевает на голову мешок, сквозь который, вверху, проткнута палка с козлиной головой и рогами. К голове этой приделан деревянный язык, от хлопанья которого происходит страшный шум. Вожак начинает выбивать дробь, дергает медведя за кольцо, а коза выплывает около Михайла Иваныча трепака, клочет его деревянным языком и дразнит...» [Берков: 138].

Представленный *кукольный экфрасис* (от изготовления «куклы», ее внешнего облика и сюжетного действия) выполняет функцию культурно-исторического контекста, а также нравов и ментальных ценностей эпохи Мавераннахра. (Заметим, что деятельность масхарабозов и кукольный экфрасис в романе А. Волоса не рассматривались ни в рецензиях, ни в аналитических статьях¹.)

В заглавии рассказа Алексея Торка вынесено название таджикской антропоморфной куклы – *луктак*. У куклы не было лица. «Безликость таджикских кукол несет охранную функцию, поскольку в таком формате она недоступна для вселения в нее злых сил. Отсутствие конкретных черт облика весьма показательно и совершенно верно отражает систему ментальности, способ взаимодействия людей с миром» [Додхудоева: 91]. Куклы без лица присутствуют у многих народов; так, у славян они тоже есть, причем носители этой кукольной «безликой» культуры объясняли отсутствие лиц у кукол неумением их «малевать» и отсутствием красок [Дайн: 38]. Конечно, это объяснение не научное. По сути, причина безликости та же, что и у таджиков, – «обережная».

Луктак – так прозвали жители афганского кишлака плененную русскую девушку, которая все время ходила с этой куклой. Прежде чем попасть к ним, девушка находилась с отцом в научной экспедиции по Средней Азии (шел 1916 г.) – отца убили, девушку ударили по голове местные головорезы. Раненую, ее увезли и продали. Она попала в жены к шейху, ничего не помнила и ни с кем не разговаривала. Так безлико прошла ее жизнь. Восемьдесят лет спустя муж привез покойницу к русским пограничникам, чтобы те похоронили ее по русским обычаям и узнали ее имя. Почему муж не похоронил жену на своей земле? У покойницы нашли в волосах упрятанный крестик, значит, жена не стала мусульманкой, обманула всех. Однако на русско-таджикской стороне никто не стал узнавать про Луктак, пограничники закопали ее там же, в Таджикистане.

Прах Луктак противопоставлен праху другого человека – последнего морского министра Российской империи И.К. Григоровича. О нем читает рассказчик в 2005 г., когда пытается разыскать сведения о Луктак. Его прах был перевезен в Россию и захоронен на петербургском кладбище. Имя Луктак рассказчик все же нашел – Анастасия Зайцева. Однако ее прах никому не нужен – ни там, где она прожила пленницей восемьдесят лет, родив четверых детей, ни в России, откуда она была родом и связь с которой в виде крестика пронесла через всю жизнь. Автор выносит в заглавие рассказа имя Луктак, превращая его в символ беспамятства: «Луктак не она, а мы. Без лица и памяти» [Торк: 91].

В романе «Последний кабан из лесов Понтеведра» один из главных героев – художник, артист Люсио. Он вел в доме культуры кукольный кружок для подростков, а кукол изготавливал сам. Между занятиями в кружке разыгрывал своих сослуживцев, пугая их масками, оторванными руками, головами, шевелящимися мозгами, которые делал в мастерской. С одной стороны, это был его ответ на рутину, в которой погрязли его коллеги, с другой – самовыражение странного, малообщительного человека, выстроившего жизнь по собственному сюжету. Он верил в предание о проклятии, нависшем над его родом, и знал, что очередная жертва – он. Обдумывая детали своей смерти, он шаг за шагом приближается к ней. Однажды он «повесил» себя. Рассказчица романного повествования, придя навестить больного Люсио и зайдя в ванную, увидела его висющим. Она знала, что он способен, но ужас от увиденного ее сразил, «ноги отказывались слушаться... Он смастерил свое удушье с такой доподлинной силой, что сердце замирало от страха: свернутая шея, вываленный язык, закатившиеся глаза и посиневшее лицо качались в полуметре от меня. И только слишком легкие, слишком маленькие ступни безвольно висящих ног намекали на подделку» [Рубина 2000: 132]. Этот кукольный экфрасис надо рассматривать в психологическом аспекте. Исследователи роли кукол в становлении личности ребенка высказывают мысль о том, что, общаясь с куклой, он проживает некоторые жизненные коллизии, волнующие его. Взрослый человек, видимо, так же. И.А. Морозов пишет, что подобное восприятие куклы характерно для людей, психически не совсем здоровых. «Личность больного человека проецируется на игрушку» [Морозов: 29]. Люсио не больной человек, однако психологически он находится в экстремальной ситуации: нелюбовь любимой женщины, жены, ее открытая неверность, ее насмешки в его адрес, ее беременность от другого мужчины (начальника Люсио). В мире кукол Люсио высказывает все, что его мучит. «Именно в игре ребенок может реализовать свои подавляемые социумом желания и аффекты» [Морозов: 31]. Люсио – тот же ребенок.

Еще одна сцена в романе приближает его трагический уход из жизни. Люсио просит задержаться рассказчицу, «через минуту вернулся с двумя перчаточными куклами. Обе были надеты на его руки. Одна – рыжая кудлатая башка, кривая физиономия, отдаленно напоминающая самого Люсио, другая – прелестная головка, в которой нетрудно было узнать резные черты его жены.

– Ты надоел мне, надоел! – вдруг сказал женский голос откуда-то из-под его локтя. <...>

– Любовь моя, я же не прошу ничего особенно-го! – умоляюще прохрипела рыжая кудлатая башка. – Только видеть тебя, только видеть!

– Господи, как же ты мне надоел! – взвизгнула куколка. <...> – Видеть тебя не могу, кривая рожа» [Рубина 2000: 141].

Это была «драма-объяснение», кульминация в жизни Люсио, вероятно, ему было невыносимо жить с такими мучительными чувствами, он спешил выговориться. Кукла-мужчина напоминает второй кукле об их первой парижской весне, когда они повстречали нищего, наблюдавшего за парой возлюбленных:

«Ну и что?! – крикнула истерично куколка. – Что ты хочешь сказать этой дурацкой сценой?

– То, что я – нищий, который годами смотрит на ваши ласки, нищий, которому не полагается ничего, кроме жестяной баночки с несколькими жалкими грошами... Любовь моя, когда человеку ничего не остается – ему остается только смерть...» [Рубина 2000: 142]. (Несмотря на множественные грани романа «Последний кабан...», рассмотренные в исследованиях, посвященных ему², куклы не входили в аналитический дискурс.) Как для Люсио, так и для Петра Уксусова, героя следующего романа Рубиной, куклы играют заместительную роль в их психологических проблемах, через них эти герои разговаривают с миром.

Роман «Синдром Петрушки» – целиком кукольный: от заглавия, сюжета до системы персонажей. Имя главного героя Петра Уксусова – прозрачная аллюзия на фольклорного кукольного персонажа Петрушку. Профессия Петра (он был не только артистом-кукольным, но и изготовителем кукол), его оптика (кукольная картина мира, начиная от взгляда на помойку, где он выискивал подручные средства для своей работы, кончая его видением барельефов на зданиях во Львове и Праге, «самых кукольных городах» мира), его любимая женщина (он впервые увидел ее младенцем и принял за куклу, а потом, уже будучи взрослым мастером, изготовил точную кукольную ее копию) – все эти уровни сюжета позволяют говорить о «кукольности» романа. Главная кукла Петра – Эллис, копия его Лизы (этот кукольный экфрасис разобран подробно здесь: [Шафранская, Гарипова, Кешфидинов: 123–132]).

Мы же остановимся на магической родильной кукле из «Синдрома Петрушки» – Корчмаре (внимание этой кукле уделено в работе Ю.В. Несыновой (см.: [Несынова]), но вне кукольного экфрасиса, вне его генезиса и провенанса). Родильные куклы, подобные Корчмарю, весьма распространенный магический артефакт – множество примеров со всего мира собрано Д.Д. Фрэзером, например, деревянная кукла как вызов бесплодию, хлопчатобумажная кукла, кормление грудью которой имитирует женщина, желающая родить ребенка, и проч. (см.: [Фрэзер 1986: 21–22]).

Сделанная когда-то кукла – в виде «антидота» на проклятие отцом (корчмарем, евреем) дочери, сбегавшей от отца с гоем, стала «родильной»: она спасала от проклятия: рождались здоровые рыжеволосые девочки. Если кукла отсутствовала (была утеряна или украдена) – рождались мальчики с синдромом Ангельмана (смеющийся ребенок, рано умиравший). Отголоски этого предания дошли до Петра и Лизы, у которых родился мальчик и рано умер. Поиски куклы увенчались успехом – ее когда-то украла у матери Лизы ее сестра. Петр нашел куклу заброшенной в подвале самарского дома Лизиной тетки, он, опытный кукольник, знал, что Корчмарь – кукла-укладка, у нее есть секрет, связанный с огромным пузом Корчмаря. Но как его, пузо, открыть? «...Пивное брюхо Корчмаря выглядело нарочито вздутым, сам же он оказался изрядно попорченным: краска на носу и щеках облупилась, ермолка засалена до тусклого блеска, правая пейса держится на честном слове, одна бровь отсутствует. Посреди ухмыляющихся губ зияла дыра, словно какой-то злой проказник вбил туда крупный гвоздь, а потом вынул. Наверняка когда-то еще был черный лапсердак, да только нынче он отсутствовал. На жилете, на поддевке и коротких штанах ниже колен темнеют пятна плесени... <...> Деревянные голова и кисти узловатых рук сработаны великолепно. В правой руке Корчмарь зажал курительную трубку с длинным медным мундштуком. На ногах – отменно сшитые из кожи, подбитые подковками башмаки с бронзовыми позеленевшими пряжками. Тело таким куклам обычно строили из крепкой материи и туго набивали опилками. Однако тут и корпус был твердым на ощупь, тяжелым, с наглухо приклеенной к нему одеждой» [Рубина 2010: 172–173].

Случайный луч солнца высветил во рту Корчмаря медное кольцо. Это была замочная скважина, куда надо было вставить мундштук, – и пузо открылось. Внутри, завернутая в тряпицу, была маленькая куколка: Кашпарек (по версии кукольника-чеха), Петрушка (по версии Петра), «остроносая деревянная головка на тряпичной юбке. На темени человечка был приклеен клоч выцветшей красной пакли» [Рубина 2010: 181].

Так выглядела магическая родильная кукла – беременный Корчмарь, кукла-андрогин. «Аспект полового диморфизма <...> отражает древние мифологические представления о божественном первопродке или первобожестве, имевшем андрогинную природу» [Морозов: 17], – пишет И.А. Морозов, напоминая, что такие куклы использовались в ритуалах, направленных на зачатие [Морозов: 24]. Подобные магические гермафродиты – черта многих архаических культур, что и заложено в культурном подтексте кукольного экфрасиса Рубиной.

Исследование различных интенций кукольного экфрасиса – одна из граней интермедиального анализа художественного текста. В рассмотренных произведениях современной литературы интенции кукольного экфрасиса таковы: культурно-историческая («Возвращение в Панджруд»), морально-этическая («Лухтак»), психологическая («Последний кабан из лесов Понтеведра»), магическая («Синдром Петрушки»).

Примечания

¹ *Оборин Л.* Зрение слепого поэта. За что Андрей Волос получил «Русского Букера» // Lenta.ru. 2013. 5 дек. URL: <https://lenta.ru/articles/2013/12/05/rudaki/> (дата обращения: 20.04.2025); *Логинов И.* Андрей Волос. «Возвращение в Панджруд» // Вопросы литературы. 2014. № 3. С. 122–124; *Кудрин О.В.* Поэт и тинейджер // Вопросы литературы. 2014. № 4. С. 196–206; *Ребель Г.М.* Цена слова. Роман Андрея Волоса «Возвращение в Панджруд» // Вопросы литературы. 2014. № 4. С. 183–195; *Саломатин А.В.* Лекарь поневоле и странствующий слепец. О романах Евгения Водолазкина и Андрея Волоса // Вопросы литературы. 2015. № 4. С. 100–118; *Ковалева В.С.* Роман А. Волоса «Возвращение в Панджруд»: стилистика успеха // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. 2015. Т. 16. С. 165–176; *Шафранская Э.Ф.* Роман Андрея Волоса «Возвращение в Панджруд»: реконструкция повседневности Мавераннахра и судьбы поэта Рудаки // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2018. Т. 15, № 4. С. 618–627; *Лихина Н.Е.* «Возвращение в Панджруд» А. Волоса: ориентальная традиция в историческом контексте // Филологический аспект: Методика преподавания языка и литературы. 2019. № 7 (51). С. 112–120; *Бадией Хамсех Фард Х.С.* Творчество Андрея Волоса в современном литературоведении и критике // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 4. С. 103–113.

² *Липневич В.* Дина Рубина. Последний кабан из лесов Понтеведра // Знамя. 1999. № 12. С. 207–209; *Серго Ю.Н.* Постмодернистский диалог культур: образ Испании в романе Д. Рубиной «Последний кабан из лесов Понтеведра» // Филологический класс. 2007. № 17. С. 49–53; *Шафранская Э.Ф.* Синдром голубки (Мифопоэтика прозы Дины Рубиной). Санкт-Петербург: Свое издательство, 2012. 470 с.; *Зиятдинова Д.Д.* Художественная репрезентация национального мифа в творчестве Д. Рубиной 1990–2010-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2014. 237 с.; *Владимирова Т.С.* Искусство как способ познания чужой культуры (на материале повести Д. Рубиной «Последний кабан из лесов Понтеведра») // Вестник ННГУ. 2015. № 4. С. 208–213; *Селиверстова Е.И.* Текст из му-

зыки или музыка в тексте? (роман Д. Рубиной «Последний кабан из лесов Понтеведра») // Филология и культура. 2016. № 2 (44) С. 131–136; *Зуева Г.С.* Живописный экфрасис как способ создания образа героя-художника в прозе Дины Рубиной: дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2018. 177 с. *Пирвердян А.Г.* Этнопроблематика в романе Дины Рубиной «Последний кабан из лесов Понтеведра» // Наука в мегаполисе. 2019. № 5 (13). URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-13/ethno-cultural-space/ethnoperspective-rubina-novel.html> (дата обращения: 20.04.2025).

Список литературы

Источники

Берков П.Н. Русская народная драма XVII–XX веков / ред., вступ. ст. и коммент. П.Н. Беркова. Москва: Искусство, 1953. 356 с.

Волос А.Г. Возвращение в Панджруд: роман. Москва: ОГИ, 2013. 640 с.

Рубина Д.И. Последний кабан из лесов Понтеведра: роман, повесть. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2000. 316 с.

Рубина Д.И. Синдром Петрушки: роман. Москва: Эксмо, 2010. 432 с.

Соловьев Л.В. Собр. соч.: в 5 т. Москва: Книговек, 2010. Т. 2. 560 с.

Торк А. Лухтак: рассказ // Дружба народов. 2007. № 4. С. 80–91.

Исследования

Белкин А.А. Русские скоморохи. Москва: Наука, 1975. 192 с.

Борисов С.Б. Мир русского девичества: 70–90 годы XX века. Москва: Ладомир, 2002. 343 с.

Дайн Г.Л. Русская народная игрушка. Москва: Легкая и пищевая промышленность, 1981. 191 с.

Данилевский Р. Г.Э. Лессинг: крах экфрасиса? // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: сб. ст. / сост. и науч. ред. Д.В. Токарева. Москва: Новое литературное обозрение, 2013. С. 35–43.

Додхудоева Л.Н. Кукла «лухтак» в традиционной и современной культуре таджиков // Историк. 2018. № 2 (14). С. 90–93.

Котова И.Н., Котова А.С. Русские обряды и традиции. Народная кукла. Санкт-Петербург: Паритет, 2005. 240 с.

Морозов И.А. Феномен куклы и проблема двойничества (в контексте идеологии антропоморфизма) // Живая кукла: сб. ст. Москва: РГГУ, 2009. С. 11–74.

Несынова Ю.В. Мотив кукольности в романе Д. Рубиной «Синдром Петрушки» // Филологический класс. 2015. № 2 (40). С. 75–81.

Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. Москва: Наука, 1978. 605 с.

Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра / подг. текста, справ. информ. аппарат, предв., послесл. Н.В. Брагинской. Москва: Лабиринт, 1997. 448 с.

Фрэзер Д.Д. Фольклор в Ветхом завете / пер. с англ. Д. Вольпина. Москва: Политиздат, 1985. 511 с.

Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / пер. с англ. М.К. Рыклина. Москва: Политиздат, 1986. 703 с.

Шафранская Э.Ф., Волохова Т.В. Среднеазиатские социальные типы как паттерн ориентализма в прозе Леонида Соловьева // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2021. Т. 18, № 1. С. 44–59. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-1-44-59>

Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Кешфидинов Ш.Р. Современная литература. Виды искусства в литературном тексте: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2025. 242 с.

Юхимук Я. Проблемы изучения музыкального экфрасиса: к дефиниции понятий экфрасис, гипотипосис, эйдолон и музыкальная тема // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Siedlce: Институт региональной культуры и литературоведческих исследований им. Ф. Карпинского, 2018. С. 210–222.

References

Belkin A.A. *Russkie skomorohi* [Russian buffoons]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 192 p. (In Russ.)

Borisov S.B. *Mir russkogo devichestva: 70–90 gody XX veka* [The world of Russian girlhood: 70-90 years of the twentieth century]. Moscow, Ladomir Publ., 2002, 343 p. (In Russ.)

Dajn G.L. *Russkaja narodnaja igrushka* [Russian folk toy]. Moscow, Legkaja i pishhevaja promyshlennost' Publ., 1981, 191 p. (In Russ.)

Danilevskij R. G.E. *Lessing: krah ekfrasisa?* [G.E. Lessing: the collapse of ecphrasis?]. “Nevyrazimo vyrazimoe”: *jekfrasis i problemy reprezentacii vizual'nogo v hudozhestvennom tekste: sb. st.* [“The Inexpressibly Expressible”: ecphrasis and problems of visual representation in a literary text: collection of articles], comp. D.V. Tokareva. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013, pp. 35–43. (In Russ.)

Dodhudoeva L.N. *Kukla “luhtak” v tradicionnoj i sovremennoj kul'ture tadzhikov* [The Lukhtak doll in traditional and modern Tajik culture]. *Istorik* [Historian], 2018, no. 2 (14), pp. 90–93. (In Russ.)

Frejdenberg O.M. *Mif i literatura drevnosti* [Myth and literature of antiquity]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 605 p. (In Russ.)

Frejdenberg O.M. *Pojetika sjuzheta i zhanra* [The poetics of plot and genre], ed. by N.V. Braginskaya. Moscow, Labirint Publ., 1997, 448 p. (In Russ.)

Frazer J.G. *Fol'klor v Vethom zavete* [Folklore in the Old Testament], trans. by D. Vol'pina. Moscow, Politizdat Publ., 1985, 511 p. (In Russ.)

Frazer J.G. *Zolotaja vetv': Issledovanie magii i religii* [The Golden Bough: A Study of Magic and Religion], trans. by M.K. Rykлина. Moscow, Politizdat Publ., 1986, 703 p. (In Russ.)

Juhimuk Ja. *Problemy izuchenija muzykal'nogo jekfrasisa: k definicii ponjatij jekfrasis, gipotiposis, jejdolon i muzykal'naja tema* [Problems of studying musical ecphrasis: towards the definition of the concepts of ecphrasis, hypotyposis, eidolon and musical theme]. *Teorija i istorija jekfrasisa: itogi i perspektivy izuchenija* [Theory and history of ecphrasis: results and prospects of study]. Siedlce, Institut regional'noj kul'tury i literaturovedcheskih issledovanij im. F. Karpin'skogo Publ., 2018, pp. 210–222. (In Russ.)

Kotova I.N., Kotova A.S. *Russkie obrjady i tradicii. Narodnaja kukla* [Russian rituals and traditions. The Folk Doll]. St. Petersburg, Paritet Publ., 2005, 240 p. (In Russ.)

Morozov I.A. *Fenomen kukly i problema dvojnichestva (v kontekste ideologii antropomorfizma)* [The Phenomenon of the Doll and the Problem of Doppelganger (in the Context of the Ideology of Anthropomorphism)]. *Zhivaja kukla: sb. st.* [Living Doll: collection of Articles]. Moscow, RGGU Publ., 2009, pp. 11–74. (In Russ.)

Nesynova Ju.V. *Motiv kukol'nosti v romane D. Rubinoj “Sindrom Petrushki”* [The motif of puppetry in D. Rubina's novel “Petrushka Syndrome”]. *Filologicheskij klass* [Philological class], 2015, no. 2 (40), pp. 75–81. (In Russ.)

Shafranskaya E.F., Volohova T.V. *Sredneaziatskie social'nye tipazhi kak pattern orientalizma v proze Leonida Solov'eva* [Central Asian Social Types as a Pattern of Orientalism in Leonid Solovyov's Prose]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki* [Polylinguality and Transcultural Practices], 2021, vol. 18, no. 1, pp. 44–59. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-1-44-59> (In Russ.)

Shafranskaya E.F., Garipova G.T., Keshfidinov Sh.R. *Sovremennaja literatura. Vidy iskusstva v literaturnom tekste: uchebnoe posobie dlja vuzov* [Modern literature. Types of art in a literary text: A textbook for universities]. Moscow, Jurajt Publ., 2025, 242 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.04.2025; одобрена после рецензирования 13.05.2025; принята к публикации 22.05.2025.

The article was submitted 19.04.2025; approved after reviewing 13.05.2025; accepted for publication 22.05.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 78–83. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 78–83. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литература народов мира

УДК 821(450).09"20"

EDN VTEDNZ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-78-83>

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИТАЛИИ И СОМАЛИ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫХ РОМАНАХ И. ШЕГО И У.К. АЛИ ФАРАХ

Николаева Юлия Игоревна, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Российско-итальянский учебно-научный центр, Москва, Россия, nikojulia@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются художественные механизмы репрезентации Италии и Сомали в романах афро-итальянских писательниц Иджабы Шего (1974 г. р.) и Кристины Али Фарах (1973 г. р.), опубликованных в 2008 и 2014 годах соответственно, через призму постколониального дискурса. Анализируются ключевые темы гибридности, постколониальной идентичности, межпоколенческой травмы и миграции, а также способы деконструкции колониального нарратива. Особое внимание уделено роли языка и памяти в осмыслении культурных границ и интеграции африканского опыта в итальянский литературный канон. Автор подчеркивает, что произведения Шего и Али Фарах формируют новую оптику восприятия Италии и Сомали, предлагая альтернативный взгляд на колониальное прошлое и его влияние на современную реальность.

Ключевые слова: постколониальная литература, колониальное прошлое, гибридность, диаспора, травма, Сомали, Италия.

Для цитирования: Николаева Ю.И. Постколониальная оптика в репрезентации Италии и Сомали в романах И. Шего и К. Али Фарах // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 78–83. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-78-83>

Research Article

POSTCOLONIAL OPTICS IN THE REPRESENTATION OF ITALY AND SOMALIA IN NOVELS BY IGIABA SCEGO AND UBAN CRISTINA ALI FARAH

Iuliia I. Nikolaeva, postgraduate student, Russian State University for the Humanities (RSUH), Russian-Italian Education and Research Centre, Moscow, Russia, nikojulia@yandex.ru

Abstract. This article examines the representation of Italy and Somalia in the novels of Afro-Italian writers Igiaba Scego and Uban Cristina Ali Farah through the lens of postcolonial discourse. Key themes of hybridity, postcolonial identity, intergenerational trauma, and migration are analysed, as well as the ways in which the colonial narrative is deconstructed. Particular attention is paid to the role of language and memory in conceptualising cultural boundaries and integrating the African experience into the Italian literary canon. The author emphasises that the works of Scego and Ali Farah form a new optic of perception of Italy and Somalia, offering an alternative perspective on the colonial past and its impact on contemporary reality.

Keywords: postcolonial literature, colonial past, hybridity, diaspora, trauma, Somalia, Italy.

For citation: Nikolaeva I.I. Postcolonial optics in the representation of Italy and Somalia in novels by Igiaba Scego and Uban Cristina Ali Farah. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 78–83 (In Russ). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-78-83>

В многоликой картине современной италоязычной литературы обращают на себя внимание произведения авторов афро-итальянского происхождения, отличающиеся большим разнообразием жанров и тематик, крайне мало представленных в современной итальянской литературе, но ставших ключевыми в произведениях афро-итальянцев.

Необратимые изменения в мире, начавшиеся в середине XX в. и приведшие к de jure деколонизации африканских государств¹, имели тяжелые социальные последствия в виде государственных переворотов,

гражданских войн, активизации террористических группировок и масштабной миграции из Африки в Европу. В контексте ситуации на Африканском Роге можно вспомнить свержение императора Хайле Селассие в 1974 г. и приход власти марксистской хунты «Дерг» под руководством Менгисту Хайле Мариама; продолжающуюся до сих пор гражданскую войну в Сомали после свержения диктатора Сиада Барре в 1991 г. и всплеск пиратства и террористической активности (в частности, деятельность группировки «Аш-Шабаб»); установление в Эритрее авторитар-

ного режима под руководством президента Исайя-са Афеворки, который находится у власти с момента обретения независимости в 1993 г., и непрекращающиеся политические репрессии, заставляющие граждан Эритреи массово покидать страну, ища приюта в Европе, в частности в Италии.

Литература мигрантов, как называют этот феномен некоторые итальянские исследователи [Romeo: 1–2], подробно изучает миграцию и мигрантов, предлагая познакомиться с личным опытом переселенцев и избавиться от навязанных стереотипов. Итальянский язык, ставший родным для мигрантов и их потомков, используется для изображения необычных персонажей, незнакомых традиций, размышления над острыми проблемами жизни в Италии. Среди определений, применяемых к афро-итальянской литературе, можно также перечислить следующие: «литература мигрантов», «постколониальная литература», «литература диаспоры», «мультикультурная литература», «италоязычная литература». Неопределенность и многозначность определения непосредственно связаны с сутью вопроса: недостаточно одной-единственной формулы, в которую можно было бы вместить все то, что представляет собой миграция как явление, и то, какой вклад она вносит в культуру Италии. По большей части это произведения, написанные женщинами и не принадлежащие какому-то единому жанру. Это пространство, в котором взаимодействуют и смешиваются самые разные опыты, переживания и фантазии, предлагающие посмотреть на Италию по-новому.

Особенности афро-итальянского автора. В целях настоящего исследования следует подробнее остановиться на фигуре афро-итальянского автора как нового явления современной Италии. Чаще всего это женщины, родившиеся в Италии в семье итало-африканцев или переехавшие в Италию в раннем возрасте и получившие школьное и университетское образование в Италии или в других европейских странах. География «африканских корней» весьма обширна. Помимо выходцев из бывших итальянских колоний в Восточной Африке, среди авторов есть представители Конго, Сенегала, Нигерии, Марокко и других африканских государств. Несмотря на географическое многообразие, этих авторов объединяет ряд тем, которые характерны для общемировой постколониальной литературы. Италия для них – родная страна, но с учетом нахождения между двумя мирами – и антропологически, и культурно – основной темой становится осмысление гибридности и своего места в мире. Остро выделяются вопросы расовой дискриминации, образа «чужого», одиночества и преодоления трудностей [Comberiati: 15–16]. Африканское наследие представляет собой одновременно богатейшую культурную основу, включающую язык

и традиции, но также и глубокую травму, нередко связанную с трагическими историческими событиями и утратой родственных связей.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать два романа: «За пределами Вавилона» Иджабы Шего и «Вождь реки» Кристины Али Фарах² в оптике постколониализма и присущих ему приемов. Выбранные тексты, написанные с разницей в шесть лет, в 2008 и 2014 гг. соответственно, посвящены поиску собственного «я» через обращение к прошлому семьи и рода, поиск своего места в современном мире, реконструирование образа Сомали как идеализированного пространства детства, любви и счастья, разрушенного хаосом войны, и взгляд на современную Италию, в частности Рим, как пристанище мигрантов, потерявших родину.

В соответствии с постколониальной традицией, предполагающей взгляд на историю Африки с точки зрения африканцев, Шего и Али Фарах находят искусные механизмы для создания правдоподобного образа Сомали и сомалийцев и их связи с Италией. Убедительности репрезентации также способствует личный опыт писательниц, хорошо знакомых с культурой Сомали.

Несмотря на то, что Иджаба Шего родилась в 1974 г. в Риме после переезда ее родителей-сомалийцев в Италию вследствие военного переворота под предводительством Сиада Барре в 1969 г., выросла в италоязычной среде, получила образование в Италии и пишет на итальянском языке, ее связь с Сомали очевидна. В повести «Мой дом там, где я» Шего отмечает: «Рим и Могадишо – два моих родных города, словно сиамские близнецы, разделенные при рождении. Один является частью другого и наоборот. Во всяком случае это так в моей вселенной смыслов. <...> Италия – моя родная страна. Полная недостатков, конечно же, но моя. Я всегда воспринимала ее по-настоящему родной. Такой же родной для меня остается и Сомали, в которой недостатков еще больше» [Scego: 11].

Кристина Али Фарах родилась в Вероне в 1973 г. Ее мать – итальянка, отец – сомалиец. Родители встретились, когда отец работал биржевым маклером в Италии, а мать училась. С раннего детства до совершеннолетия Кристина жила в Могадишо с родителями, и с началом гражданской войны в Сомали в 1991 г. уехала в Европу. В детстве и юности Кристина много писала, потом перестала и вернулась к своему увлечению много позже, когда, прожив уже несколько лет в Италии, она поехала навестить отца, жившего среди выходцев из Сомали в Нидерландах. Именно тогда у автора появилось желание писать, чтобы знакомить с неизвестной историей и рассказывать истории неизвестных. Таким образом, писательство стало принятием социальной ответственности

сти Кристины. В одном из интервью Али Фарах так комментирует свое афро-итальянское происхождение: «Многие забывают, что я итало-сомалийка. Это то, что мне всегда приходится подтверждать, но это важно, потому что когда мне говорят: “А, ты из той другой культуры”, кажется, что им прежде всего важно то, что отличает меня от них, а не то, что нас объединяет»³.

Авторы и их герои становятся проводниками в ранее экзотизированный мир Восточной Африки, которая была колонизирована, затем обрела независимость, но для многих так и остается далекой *terra incognita*.

В романах Иджабы Шего и Кристины Али Фарах исследуется постколониальная идентичность, травма миграции и гибридность культурных пространств через репрезентацию Сомали и Италии. Эти произведения демонстрируют, как отдаленное колониальное прошлое продолжает влиять на судьбы героев, формируя их личные и коллективные истории.

Анализ романа Иджабы Шего «За пределами Вавилона» (2008). Одним из способов изображения Сомали, общим для обоих авторов, является обращение к личным воспоминаниям героев. Это позволяет увидеть события изнутри. Так, в романе «За пределами Вавилона» прослеживаются две линии, рассказывающие о Сомали устами родителей девушки Зухры, Марьям и Элиаса. Еще в юности Марьям была вынуждена бежать из Могадишо с началом гражданской войны. Ее вторым домом стал Рим, в котором она с ностальгией вспоминает о своем африканском прошлом.

История Элиаса начинается с рассказа о его родителях, Фами и Маджиде. Он с горечью вспоминает, что его отец и мать, еще будучи совсем юными, оказались жертвами насилия со стороны итальянских фашистов и немецких нацистов. Это преступление, как и большинство ему подобных, не было раскрыто и осталось неизлеченной травмой для обоих. Следует напомнить, что в Италии долгое время колониальное наследие находилось в поле «национального бессознательного», как называет это явление Сандра Понцанези [Ponzanesi: 24–26]. Не было уделено должного внимания преступлениям колониального режима в силу распространения образа «хороших итальянцев», принесших колониям прогресс и процветание [Schiavulli, Del Boca: 490–492].

Особое место занимает тема диаспоры и отношения внутри нее. Становится очевидно, насколько значимую роль играют горизонтальные связи между представителями диаспоры. Общность людей, вынужденных выстраивать собственную жизнь в чужой стране, будучи ограниченными в правах и возможностях, оказывается фундаментом для выживания, воспитания детей, взаимопомощи и благополучия.

Одна из героинь романа «За пределами Вавилона», Марьям, вынуждена оставить Сомали с началом гражданской войны. Она оказывается на центральном вокзале в Риме, откуда начинается её новая непростая жизнь. Она рассказывает о своей юности в Сомали и бегстве в Италию. Ее воспоминания полны ностальгии: ароматы, звуки, вкусы родины – всё это остается с ней, несмотря на дистанцию. В Италии героиня сталкивается с маргинализацией, а алкоголь превращается для неё в средство утешения и защиты. В её рассказе звучит боль утраты родины, разрушенной гражданской войной, что также типично для постколониальной литературы, фиксирующей последствия политической нестабильности в бывших колониях.

Гибридность повествования проявляется в языковом смешении: национальные языки вплетены в итальянский текст, в речи персонажей появляются римский и браванский⁴ диалекты, представляющие многоязычность опыта миграции. Этот приём подчеркивает сложность постколониальной идентичности и уважение к культурному разнообразию. Повествовательная структура нелинейна, отражая традицию устного рассказа, характерную для сомалийской культуры. Воспоминания передаются через кассетные записи, что символизирует переход сомалийского языка от устной формы к письменной во времена диктатуры Сиада Барре⁵. Таким образом, роман фиксирует моменты культурной трансформации, обусловленной как историческими, так и личными травмами.

Герои переживают разные формы изгнания: женщины-мигранты мысленно остаются связанными с родиной, но вынуждены адаптироваться к новой реальности. Дочь мигрантов Зухра, напротив, находится в промежуточном состоянии: она не принадлежит ни Сомали, ни Италии в полной мере. Ее путешествие – поиск не истоков, а нового пространства, выходящего за пределы национальных границ.

Постколониальный дискурс проявляется и в анализе исторических процессов. Роман показывает постколониальную перспективу через голос Элиаса. Он осуждает итальянское влияние в Сомали, коррупцию и политические манипуляции, сопровождавшие процесс деколонизации. Горькое замечание героя выражает разочарование не только колониальной политикой, но и тем, как независимые африканские государства не смогли преодолеть последствия колониального наследия: «*Оказавшись на африканской земле, Италия научила тому, что умеет лучше всего: коррупции*» [Oltre Babilonia: 275].

В произведении прослеживается межпоколенческая передача травмы: насилие, пережитое старшими поколениями, продолжает отражаться в судьбах детей. Изнасилование бабушки Зухры во времена итальянского колониального господства становится скрытой, но разрушительной силой, влияющей

на её потомков. Зухра также сталкивается с насилием и внутренним разрывом, связанным с невозможностью полной интеграции в итальянское общество. Осознание собственной гибридности – не только личный кризис, но и метафора постколониального состояния, в котором прошлое и настоящее, Европа и Африка, традиция и современность сплетаются в сложную и противоречивую картину.

Финал романа знаменует процесс осознания и исцеления: признание гибридности как основы идентичности позволяет героям обрести голос и примириться с собой. Итальянский язык, который Зухра называет «второй матерью», оказывается не просто инструментом самовыражения, но и символом нового, мультикультурного итальянского общества [Oltre Babilonia: 443].

Анализ романа Убах Кристины Али Фарах «Вождь реки». В романе «Вождь реки», опубликованном в 2014 г., через историю Ябара, молодого сомалийца, выросшего в Риме, автор анализирует влияние колониального и постколониального прошлого на современную реальность мигрантов и диаспоры, по-своему исследуя пересечение сомалийской и итальянской идентичностей. Рассматривая Италию одновременно изнутри и снаружи, Али Фарах использует двойную перспективу: она показывает Италию как страну, формирующую новые смыслы для сомалийцев, вынужденных переселяться, и как пространство, где переплетаются личные и исторические травмы. Центральное место в романе занимает тема семьи: не только кровной, но и семьи «по выбору»⁶ как противовес хаосу, порожденному гражданской войной.

Автор использует сомалийскую мифологию и традиции устного повествования, создавая метафорическую связь между историей Ябара и древней легендой о речном полководце. Две потока – итальянский Тибр и сомалийская сказочная река – символизируют неразрывную связь прошлого и настоящего, традиции и современности.

Таким образом, «Вождь реки» – это не только рассказ о взрослении, но и глубокое размышление о пересечении итальянской и сомалийской историй, репрезентации диаспоры и поиске идентичности в постколониальном мире. Через фигуру Ябара автор исследует опыт второго поколения диаспоры. Хотя он родился в Сомали, его сознание формируется в Италии, и он ощущает себя римлянином. Однако итальянская идентичность не избавляет его от кризиса самовосприятия, поскольку он не может полноценно интегрироваться ни в одну из культур. Эта двойственность типична для постколониального субъекта, живущего на пересечении двух миров. Символично, что переломный момент для Ябара наступает в сцене телефонного разговора на сомалийском языке с матерью друга. Здесь телефон становится медиатором,

сокращающим расстояние между Сомали и Италией, между прошлым и настоящим, а язык – мостом, подтверждающим его принадлежность к диаспоре.

Али Фарах вписывает Рим в сомалийское мифологическое пространство, что особенно заметно в символике реки Тибр. Как и в сомалийской легенде о вожде реки, главному герою предстоит «управлять» потоками памяти, идентичности и истории. Тибр в романе – не просто географический объект, а место пересечения мифического и реального, итальянского и сомалийского. Сравнения и метафоры подчеркивают связь героя с городом и его промежуточное положение афро-итальянца: после наводнения, когда обнажаются обломки стволов и веток по берегам реки, Тибр кажется ему мистическим местом, населенным духами прошлого.

Литературные аллюзии играют важную роль в постколониальном дискурсе романа. Али Фарах проводит параллели между сомалийской диаспорой и итальянскими эмигрантами прошлого, цитируя роман Чезаре Павезе «Луна и костры» (1950 г.), где главный герой осознает невозможность возвращения на родину. Включение классических итальянских текстов (Гомер, Павезе) в повествование позволяет автору встроить свою историю в итальянский литературный канон, тем самым расширяя представление об итальянской литературе и делая её частью постколониального опыта.

Язык в романе Али Фарах – важнейший инструмент постколониальной репрезентации. Включение сомалийских слов в итальянский текст без перевода или выделения курсивом демонстрирует гибридность идентичности героев. Автор намеренно избегает противопоставления языков, создавая пространство, в котором они сосуществуют на равных. В этом подходе проявляется стратегия деколонизации, когда постколониальный субъект перестает быть «иным» и становится полноправным участником итальянского культурного пространства.

Одной из центральных тем романа становится молчание – вынужденная амнезия, связанная с трудным прошлым, которая распространяется как на национальном, так и на личном уровне:

«Hadduu caawa igu yuri badda cagaha geliyoo, timaha caarada u soohoo, soo xiro cunaabiga...»

«Hooyo, non puoi proprio fare a meno di cantare, vero?»

Перевод:

«Если сегодня вечером он опустит мои ноги в море, подстрижёт мне волосы, закроет мне рот...»

«Мам, ты совсем не можешь не петь, да?» [Comandante del fiume: 49]

Музыка, как ни парадоксально, является символом этого молчания: мать главного героя, Захра, скрывает семейную историю, предпочитая выражать себя через песню. В этом видится отсылка к афри-

канской устной традиции, представляющей собой обширный и многослойный культурный феномен, в рамках которого посредством вербальных форм сохраняются и передаются знания, религиозные представления и историческая память. Она составляет неотъемлемую часть африканского культурного наследия и включает такие жанры, как пословицы и поговорки, народные сказания, исторические предания и мифологические повествования, а также песенные и танцевальные обряды. Однако в контексте постколониального опыта музыка используется как способ ухода от травматичной правды. Ябар, осознавая это, отвергает музыку, видя в ней инструмент сокрытия истины: *«Когда он был маленьким, мама Зухра всегда ставила радио на полную громкость, чтобы сын не мог услышать разговоры»* [Comandante del fiume: 52]. Музыкальное заглушение голоса матери – это своего рода аллегория итальянского постколониального дискурса, который предпочитает избегать неудобных разговоров о прошлом.

Женские персонажи в романе демонстрируют ключевые особенности постколониального феминизма. Захра, как и другие сомалийские женщины, оказывается в ситуации, когда традиционные гендерные роли трансформируются под влиянием постколониального кризиса. После ухода мужа на войну⁷ она становится единственным кормильцем семьи, что подчеркивает разрыв с патриархальным укладом. Однако вместо индивидуалистского пути она находит поддержку в женском кругу внутри диаспоры, создавая семью «по выбору». Эта общность напоминает о коллективных формах выживания, характерных для постколониальных сообществ, где женщины берут на себя ответственность не только за свои семьи, но и за сохранение культурной идентичности.

Переплетение Италии и Сомали особенно проявляется в истории Розы – метиски, дочери итальянского фашиста и сомалийской женщины. Ее жизнь – отражение двойственной природы итальянского колониализма: он одновременно эксплуатирует и отвергает свои бывшие колонии. Отец Розы запрещал ей идентифицировать себя с Сомали, но не мог выкорчевать ее корни, и в итоге именно через женскую дружбу с Захрой Роза восстанавливает связь с африканской частью своей идентичности. Это показывает, что колониальная травма передаётся из поколения в поколение, но также может быть исцелена через сознательное возвращение к своим корням. Об этом говорит Ябар: *«Мама помогла найти тете Розе ту часть себя, которая была давным-давно похоронена. Она научила ее готовить рис по-сомалийски, правильно называть ингредиенты, понимать песни, – всё то, что казалось тете Розе утраченным, постепенно вспомнилось. Оказывается, всё это пряталось очень глубоко у неё внутри»* [Comandante del fiume: 64].

Отражение в романе проблемы итальянского расизма демонстрирует отказ признать афро-итальянцев полноправной частью общества. Италия, как и другие европейские страны, продолжает функционировать в рамках расовой иерархии, унаследованной от колониального прошлого. Когда Бамби, один из сомалийцев, выросших в Италии, пытается устроить теракт в Лондоне, герои обсуждают, почему их идентичность постоянно ставится под сомнение: *«Бамби не вырос в Африке или в Лондоне. Он вырос в Риме, как мы»* [Comandante del fiume: 143]. Эта фраза вскрывает суть постколониального итальянского общества: бывшие колонизированные народы присутствуют в его культуре, но их существование остается невидимым и не признается официальным дискурсом. Ябар, как представитель второго поколения мигрантов, сталкивается с двойным напряжением: он вынужден постоянно доказывать свое право быть итальянцем, в то время как итальянская культура не делает шагов навстречу признанию своей колониальной истории. Вопрос, который он задает – *«Почему люди всегда спрашивают: „Откуда ты?“»* – не просто отражает личную боль, но и вскрывает фундаментальное непонимание постколониальной идентичности в Италии [Comandante del fiume: 153]. Это повторяющийся мотив в постколониальной литературе, описанный, в частности, Хоми Бхабхой: идентичность мигранта всегда вызывает недоверие и требует оправданий [Bhabha: 85–92].

Таким образом, в своем романе «Вождь реки» Али Фарах пытается вскрыть глубокую амнезию, окружающую отношения Италии и Сомали. Через личные судьбы персонажей она показывает, как колониальное прошлое продолжает влиять на современную итальянскую реальность, затрагивая вопросы гендера, расизма и идентичности. Автор не просто рассказывает историю миграции, но и пересматривает саму концепцию итальянской идентичности, встраивая в нее африканский опыт. Постколониальная оптика здесь проявляется во включении новых голосов и формировании транснационального взгляда на историю, язык и память.

Вывод. Благодаря постколониальным авторам традиционный итальянский нарратив расширяется, включая в себя ранее маргинализированные или забытые голоса и перспективы. Эти авторы, часто происходящие из бывших колоний или имеющие связи с ними, переосмысливают колониальное прошлое Италии, вносят в национальный дискурс темы миграции, мультикультурализма и гибридной идентичности. Таким образом, они не только обогащают итальянскую культуру, но и способствуют более глубокому пониманию её сложной истории, делая национальный нарратив более инклюзивным и многогранным.

Примечания

¹ Колониальная экспансия Италии в Африке включала государства Африканского Рога в Восточной Африке, а также Ливию.

² Романы не переведены на русский язык. Названия и цитаты – в переводе автора статьи.

³ Интервью Вивиан Жерран с Кристиной Али Фарах в Риме, 22 июля 2005 г.

⁴ Brava – Брва (сом. Bargaawe) – портовый город на юго-восточном побережье Сомали. Жители города традиционно говорят на диалекте языка Суахили – Bravanese.

⁵ В 1973 г. в Сомали была введена письменность на латинской графической основе. <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3636373>

⁶ Рецензия Валерио Мадджо на роман «Вождь реки». <http://www.el-ghibli.org/il-comandante-del-fiume-1/>

⁷ Гражданская война в Сомали. Свержение С. Барре в 1991 г. <https://bigenc.ru/c/somali-bd0b83>

Список литературы

Ali Farah Ubah Cristina. Comandante del fiume. 66THAND2ND, 2022, 202 p.

Bhabha Homi. The location of culture. New York, Routledge Publ., 1994, pp. 85–92.

Comberiati Daniele. La quarta sponda. Scrittrici in viaggio dall'Africa coloniale all'Italia di oggi. Rome, Edizioni Pigreco Publ., 2007, pp. 14–19.

Lombardi-Diop Cristina, Romeo Caterina. Postcolonial Italy: Challenging National Homogeneity. New York, Palgrave Macmillan, 2012, p. 255.

Ponzanesi Sandra. Fragments of a Nation, Italian Cultural Studies from Colonial Legacy to Global Perspective. Leggendaria, Special Edition on Women's studies, 2000, 23 September, pp. 24–26.

Ponzanesi Sandra. Paradoxes of Postcolonial Culture: Contemporary Women Writers of the Indian and Afro-Italian Diaspora. Albany, State University of New York Press, 2004, p. 264.

Romeo Caterina. Riscrivere la nazione. La letteratura italiana postcoloniale. Milano, Mondadori Education, 2018, pp. 1–3.

Scego Igiaba. La mia casa è dove sono. Torino, Loescher editore, 2018, p. 11.

Scego Igiaba. Oltre Babilonia. Roma, Editore Donzelli, 2008, 459 p.

Schiavulli Antonio, Angelo Del Boca. Italiani, brava gente? Un mito duro a morire. Intersezioni: Rivista di storia delle idee, 2006, no. 3, pp. 490–492. <https://doi.org/10.1404/23009>

References

Ali Farah Ubah Cristina. Comandante del fiume. 66THAND2ND, 2022, 202 p.

Bhabha Homi. The location of culture. New York, Routledge Publ., 1994, pp. 85–92.

Comberiati Daniele. La quarta sponda. Scrittrici in viaggio dall'Africa coloniale all'Italia di oggi. Rome, Edizioni Pigreco, 2007, pp. 14–19.

Lombardi-Diop Cristina, Romeo Caterina. Postcolonial Italy: Challenging National Homogeneity. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2012, p. 255.

Ponzanesi Sandra. Fragments of a Nation, Italian Cultural Studies from Colonial Legacy to Global Perspective. Leggendaria, Special Edition on Women's studies, 2000, 23 September, pp. 24–26.

Ponzanesi Sandra. Paradoxes of Postcolonial Culture: Contemporary Women Writers of the Indian and Afro-Italian Diaspora. Albany, State University of New York Press, 2004, p. 264.

Romeo Caterina. Riscrivere la nazione. La letteratura italiana postcoloniale. Milano, Mondadori Education, 2018, pp. 1–3.

Scego Igiaba. La mia casa è dove sono. Torino, Loescher editore, 2018, p. 11.

Scego Igiaba. Oltre Babilonia. Roma, Editore Donzelli, 2008, 459 p.

Schiavulli Antonio, Angelo Del Boca. Italiani, brava gente? Un mito duro a morire. Intersezioni: Rivista di storia delle idee, 2006, no. 3, pp. 490–492, <https://doi.org/10.1404/23009>

Статья поступила в редакцию 10.03.2025; одобрена после рецензирования 03.08.2025; принята к публикации 04.08.2025.

The article was submitted 10.03.2025; approved after reviewing 03.08.2025; accepted for publication 04.08.2025.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 84–92. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 84–92. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история

УДК 94(470) «17/18»

EDN ATLTJO

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-84-92>

ВЛИЯНИЕ РЕФОРМ ПЕТРА I НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ РОССИИ КОНЦА XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В. В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Кидяров Алексей Евгеньевич, кандидат исторических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, a_kidyarov@kosgos.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5749-5935>

Аннотация. Статья посвящена влиянию реформ Петра I на повседневную жизнь населения России на рубеже XVII–XVIII вв. с точки зрения современной отечественной историографии. Рассмотрены обобщающие труды постсоветского периода об эпохе Петра I, специальные исследования о конкретных сферах повседневности, о жизни отдельных групп населения (выделяемых по гендерному или профессиональному признаку) и регионов. Автор приходит к выводу, что, несмотря на высокий интерес современной исторической науки к проблематике повседневности различных эпох, применительно к петровскому времени данная тема изучена фрагментарно. Преобразования Петра I в области быта затрагиваются многими авторами, однако в современной российской историографии имеется лишь одно крупное исследование (В.П. Наумова), специально посвященное повседневной жизни самого Петра I и его ближайших сподвижников. Из различных аспектов повседневности внимание современных авторов привлекают в первую очередь нормы поведения россиян и их трансформация в ходе петровских преобразований. В историографии разрабатывается тема повседневности отдельных сословий (прежде всего, чиновничества). Сравнительно с другими регионами большее внимание уделяется повседневной жизни Санкт-Петербурга петровской эпохи.

Ключевые слова: Петр I, реформы, повседневная жизнь, современная историография, модернизация, вестернизация.

Для цитирования: Кидяров А.Е. Влияние реформ Петра I на повседневную жизнь России конца XVII – первой четверти XVIII в. в современной отечественной историографии // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 84–92. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-84-92>

Research Article

IMPACT OF THE REFORMS OF PETER THE GREAT ON THE EVERYDAY LIFE OF RUSSIA IN THE LATE 17TH AND THE EARLY 18TH CENTURIES IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Aleksey E. Kidyarov, PhD in History, Kostroma State University, Kostroma, Russia, a_kidyarov@kosgos.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5749-5935>

Abstract. The article is devoted to influence of the reforms of Peter the Great on the everyday life of Russia at the turn of the 17th and the 18th centuries in modern Russian historiography. It examines the post-Soviet period's generalising works on the era of Peter the Great, as well as special studies on specific areas of everyday life and the daily routine of certain groups of the population (based on gender or profession) and regions. The author concludes that, despite high interest of modern historical science in the issues of everyday life in various eras, that particular topic has been studied only partially in relation to the time of Peter the Great. Peter's reforms in everyday life have been addressed by many authors, but there is only one major study in modern Russian historiography (by Viktor Naumov) that specifically focuses on the daily life of Peter the Great and his closest associates. Of the various aspects of everyday life, the attention of modern authors is primarily attracted by the norms of behaviour of Russians and their transformation during Peter's transformations. In historiography, the theme of the daily life of individual estates (first of all, the bureaucracy) is developed. Compared to other regions, more attention is paid to the daily life of St. Petersburg during the era of Peter the Great.

Keywords: Peter I of Russia, reforms, everyday life, modern historiography, modernization, Westernisation.

For citation: Kidyarov A.E. Impact of the reforms of Peter the Great on the everyday life of Russia in the late 17th and the early 18th centuries in modern Russian historiography. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 84–92. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-84-92>

Трехсотлетняя временная дистанция отделяет нас от эпохи Петра I, однако интерес к его личности и правлению не угасает. Это вполне закономерно, поскольку роль царя-реформатора в истории России, во-первых, исключительно велика и, во-вторых, имеет дискуссионный характер. Петровские реформы затронули фактически все стороны российской жизни конца XVII – начала XVIII вв. и оказали огромное влияние на последующую историю страны. Серьезной трансформации подверглась, в частности, и повседневность населения России. Как известно, в современной исторической науке история повседневности принадлежит к числу востребованных и активно развивающихся направлений. Повседневная жизнь переломных исторических эпох имеет особое значение, поскольку позволяет оценить глубину происходящих перемен и их значимость для отдельного индивидуума. Применительно к петровской эпохе В.Э. Багдасарян и С.И. Реснянский включают историю повседневности в число основных историографических «моделей», позволяющих дать оценку государственной деятельности Петра I [Багдасарян: 358].

Реформы Петра – военные, административные, экономические, церковные и другие – так или иначе неизбежно трансформировали российскую повседневность. Кроме того, хорошо известен тот факт, что в правление Петра I принимается целый ряд специальных указов, касающихся питания, костюма, гигиены, семейной жизни и других компонентов повседневности. Неудивительно, что эта тема в какой-то мере интересовала еще историков XVIII–XIX вв. Князь М.М. Щербатов писал о том, что при Петре «преобразовались россияне из бородатых в гладкие, из долгополых в короткополые, стали сообщительнее», отмечая одновременно упадок в петровское время благочестия, распространение роскоши и сластолюбия [Щербатов]. Полвека спустя М.П. Погодин, подчеркивая всеохватывающее влияние петровских реформ на жизнь подданных Российской империи, констатировал: «Мы не можем открыть своих глаз, не можем сдвинуться, не можем оборотиться ни в одну из сторон без того, чтобы не встретился с нами Петр: дома, на улице, в церкви, в училище, в суде, в полку, на гулянье, все он, всякий день, всякую минуту, на всяком шагу!» (цит. по: [Анисимов 2017: 9]).

В современной отечественной историографии тема влияния петровских реформ на повседневность рассматривается как в общих работах, посвященных правлению первого российского императора, так и в специальных исследованиях, анализирующих изменения в конкретных сферах повседневности.

Н.И. Павленко в классической работе «Петр I»¹, хотя и не выделяет историю российской повседневности при Петре в отдельный сюжет, тем не ме-

нее уделяет внимание петровским преобразованиям в области быта. Автор отмечает, что введение европейского костюма, бритья, нового летоисчисления наряду со строительством военно-морского флота и городской реформой относятся к числу ранних преобразований, открывавших эпоху масштабного реформирования. Все эти мероприятия были связаны общей целью европеизации. Начавшаяся в 1700 г. Северная война приобрела затяжной характер и длительное время привлекала внимание Петра в первую очередь к нуждам армии и флота. Постепенно, по мере того как победа в войне склонялась на сторону России, монарх начинает уделять пристальное внимание внутреннему развитию страны. Это выразилось в целом потоке указов, определяющих не только устройство государственных учреждений, но и подробно регламентирующих жизнь россиян. Они касались строительства домов, использования сельскохозяйственных инструментов, семейно-брачных отношений, поддержания здоровья населения и множества других аспектов повседневности вплоть до погребения умерших. По мнению Павленко, обилие петровских указов, регламентировавших жизнь подданных, объяснялось верой царя-реформатора в способность государственной власти рационально организовывать жизнь общества. При этом Петр I относился к подданным как к несмышленным детям или нерадивым ученикам, нуждающимся в постоянном наблюдении и опеке. Отсюда, с одной стороны, пространные преамбулы многих указов, разъясняющие населению смысл проводимых мероприятий, с другой – угрозы наказания нарушителям, присутствующие почти в каждом указе или регламенте [Павленко: 296].

Как и Н.И. Павленко, Е.В. Анисимов подчеркивает, что указы, регламентировавшие бытовую сторону жизни российских подданных, появились уже в начале преобразовательной деятельности Петра I. Петровские указы, вводившие европейский костюм, бритье и др., автор рассматривает в общем контексте петровского «регулярства», противопоставляемого «старине» с ее характерными атрибутами – долгополыми одеждами, длинными бородами, хаотичной городской застройкой, традициями и суевериями. Анисимов отмечает тотальный характер государственного контроля над жизнью русских людей петровского времени: «Едва родившись на свет, они вносились в специально заведенные при церквях метрические книги, потом вовремя определялись в школу, полк, канцелярию, подушный оклад. Когда же они умирали, их обязаны были хоронить в гробах установленного образца» [Анисимов 2009: 329]. Касаясь восприятия подобных преобразований населением, автор отмечает три типа возможной реакции на петровские реформы. Одни, как нижегоро-

дец Алексей Иванов, пытавшийся обличать петровские нововведения и умерший в 1704 г. под пытками в застенке, или участники астраханского восстания 1705–1706 гг., отвергали царские указы и становились жертвами репрессий. Другие вынуждены были во время официальных мероприятий носить внедряемый Петром европейский костюм, а в домашней обстановке спешили переодеться в привычные русские одежды. Наконец, третьи, которых было большинство, усваивали новые нормы поведения, привыкали к иностранным костюмам и обычаям. При этом, говоря о роли такого известного памятника петровской эпохи, как «Юности честное зерцало», вводящего новые стандарты поведения в обществе, Анисимов, в частности, отмечает, что рекомендации «Зеркала», посвященные женщинам, вопреки стереотипам, направлены отнюдь не на раскрепощение томившихся в термах затворниц, а на привитие девушкам скромности и стыдливости [Анисимов 2009: 332].

Ряд исследователей обращаются к «Юности честному зерцалу» в контексте истории русской дидактической литературы. В.В. Глебкин анализирует систему аргументации, используемой для обоснования поведенческих норм в «Домострое» и «Юности честном зерцале». Автор подчеркивает, что для «Домостроя» одним из ключевых регуляторов поведения был страх Божий, выраженный, в частности, в ожидании Страшного суда, понимаемого как вполне реальная перспектива. Человеческие поступки оценивались с точки зрения угодности или неугодности Богу; даже повиновение царю обусловлено покорностью Создателю. В памятнике XVIII в. религиозная составляющая аргументации предписываемых норм выражена слабее. При этом исследователь отмечает, что не следует преувеличивать секулярный характер российской культуры первой четверти XVIII в.: «Зерцало» отнюдь не порывает с христианскими ценностями, однако последние получают вспомогательный, второстепенный характер по отношению к ценностям сословным – дворянской чести и достоинству. Из 47 выделенных Глебкиным случаев обоснования в тексте «Зеркала» тех или иных норм только в шести присутствует религиозная аргументация [Глебкин: 110]. В сознании человека петровской эпохи христианская идентичность уступает место корпоративной. В.В. Глебкин отдельно рассматривает предписания для отроков и для девиц, делая вывод, что стандарты поведения юных дворянок, предписанные «Зерцалом», достаточно близки к нормам «Домостроя». В разделе, озаглавленном «Девической чести и добродетелей венец», религиозная мотивация сохраняет свою актуальность, а перечень девических добродетелей включает «любовь к слову и службе Божией» (что выражается, в частности, в заучивании избранных псалмов и библейских

притч), «страх Божий», «исповедание веры», смирение, стыдливость, молчаливость, почитание родителей и т. п. По мнению В.В. Глебкина, это объясняется тем, что женщины оставались за рамками новой социальной структуры, формировавшейся в ходе петровских реформ; как следствие, их поведение продолжало регламентироваться вполне традиционными религиозными нормами [Глебкин: 113].

По мнению М.В. Капкан и Л.С. Лихачевой, именно «Юности честное зерцало» можно считать символом реформ Петра I в области повседневной жизни. Авторы рассматривают указанную книгу в контексте традиции русских дидактических сочинений, таких как «Домострой» и «Гражданство обычаев детских». Общим с предшествующими памятниками у «Зеркала» является слабая выраженность авторского начала, переплетение этикета с моральными предписаниями, наличие стандартного круга этикетных ситуаций: 1) общение с лицами более высокого социального статуса (в частности, для «Домостроя» – это царь, духовенство, родители, для «Зеркала» – родители и старшие по службе), 2) поведение в церкви, 3) поведение за столом, 4) общение с чужими [Капкан, Лихачева: 117]. С одной стороны, М.В. Капкан и Л.С. Лихачева указывают на отсутствие кардинальных различий «Зеркала» с предшествующими текстами. При этом правила поведения за столом изложены в нем более упрощенно и «конспективно» по сравнению с сочинениями XVI–XVII вв., а характерная для подобной поучительной литературы тема неодобряемых телесных проявлений (плевок, сморкание, громкий смех) представлена в «Зерцале», по мнению авторов, «с меньшей деликатностью». В то же время они отмечают в памятнике петровской эпохи ряд новшеств: в частности, появляется определенный адресат – молодые дворяне (как юноши, так и девушки). Отсюда и изменения в характеристике нарушителей этикетных норм: если в «Гражданстве обычаев детских» порицаемое поведение сравнивается с повадками животных, то в «Зерцале» оно сопоставляется с поведением мужика, крестьянина. Текст «Зеркала» расширяет перечень моделей социального взаимодействия: в нем рассматриваются отношения с придворными, с прислугой, поведение при встрече со знакомыми и незнакомыми людьми на улице. Самым существенным новшеством авторы считают появление предписаний, адресованных девушкам-дворянкам. При этом сами эти предписания остаются вполне характерными для патриархального общества, в основе их лежат христианские добродетели [Капкан, Лихачева: 121].

На рубеже XVII–XVIII вв. в отечественной литературе получает распространение категория «политичности» (примерно соответствующая понятиям культуры и цивилизации). Появляются понятия

«политичный кавалер» и «политичная дама». К характеристикам «политичного кавалера», отмечает Л.А. Черная, принадлежат образованность, знание наук, «художеств» и иностранных языков. Задачу воспитания «политичных кавалеров» ставила основанная в 1700 г. в Москве пастором Глюком школа, в программу которой входили география, риторика, философия, иностранные языки, танцы, верховая езда и др. Человек нового типа усваивает идею служения не только государю лично, но и государству; он интересуется наукой, ценит искусство, в частности музыку, а также древности и раритеты [Черная: 403]. Примерами подобных кавалеров могут служить двоюродные братья В.В. и Б.А. Голицыны, Б.П. Шереметев, Б.И. Куракин, А.А. Матвеев. «Юности честное зерцало» также рассматривается Л.А. Черной в контексте приобщения российской молодежи петровской эпохи к стандартам европейской культуры. «В основу этикетных политических правил лег трактат Эразма Роттердамского «О воспитании нравов детских», перевод которого был выполнен И.В. Паузе, дополненный главами из разных западноевропейских пособий по этикету и, возможно, личными указаниями царя», – указывает исследователь [Черная: 400]. Что касается «политичных дам», то, по мнению Л.А. Черной, усвоение русскими женщинами европейских стандартов поведения было поверхностным и включало «хорошие манеры» и умение танцевать. Более глубокое проникновение европейской культуры и образованности в женскую среду происходит уже в послепетровское время [Черная: 402].

Книга В.П. Наумова является фактически единственным крупным исследованием, специально посвященным повседневной жизни самого Петра I и его сподвижников. Несмотря на то, что автор не претендует на полноценный охват темы, считая это задачей для будущих поколений историков [Наумов: 7], ему удалось разносторонне осветить российскую повседневность рубежа XVII–XVIII вв. сквозь призму, прежде всего, жизни великого реформатора и его соратников. Повседневная жизнь участников Великого посольства, быт эпохи Северной войны, рацион питания дворянского сословия, праздники и увеселения при дворе Петра Великого, реалии повседневности петербуржцев и москвичей, состояние транспорта, роль жалования в жизни чиновников, крестины, свадьбы, похороны и другие сюжеты охарактеризованы с опорой на разнообразный круг источников, среди которых заметное место принадлежит запискам иностранных дипломатов.

Непосредственное влияние на российскую повседневность начала XVIII в. и последующего времени оказала масштабная церковная реформа, принятая Петром I. Историк церкви протоиерей В. Цыпин, отметив «каноническую ущербность» ре-

формы, породившей «многие недуги» церковной жизни последующих столетий, утверждает, что деятельность Петра повлекла за собой падение нравов и благочестия, способствовала равнодушию к вере, распространению «вольномудства». Впрочем, автор отмечает, что власть в петровское время старалась пресекать оскорбительные для православной веры выходки. Примером может служить случай, когда в имении князя Хованского в церкви было совершено пародийное отпевание, причем в качестве «мертвеца» выступал сам напившийся князь. Участники этого действия были приговорены к смертной казни, которую Петр заменил телесным наказанием. В петровское время появляются указы, требовавшие порядка в храмах: запрещалось разговаривать во время богослужения, подавать властям челобитные во время службы. В то же время издавались распоряжения против строительства новых часовен, употребления богатых церковных облачений и драгоценных сосудов. Суровые наказания полагались за распространение слухов о чудесах, видениях и пророчествах [Цыпин].

Н.В. Алексеева подчеркивает, что при Петре I государство стремится взять под контроль участие верующих в исповеди. Ведется учет уклоняющихся от исповеди, платить штраф обязаны как сами «небытейщики», так и умалчивающие о них священники. При этом по данным исповедных книг более позднего времени – второй половины XVIII в. чаще всего исповедью пренебрегали «молодые парни, престарелые вдовцы и вдовы, старые девы, сироты, матери-одиночки» [Алексеева: 122].

Е.В. Пчелов к важнейшим категориям повседневной культуры, подвергшимся трансформации в ходе петровских реформ, относит гербы и флаги, монеты и награды, символы, эмблемы, календарь, цифры и алфавит. Несмотря на то, что внедрение новых элементов культуры отражало петровскую политику вестернизации, на русской почве они получали новое осмысление. Примером может служить появление ордена апостола Андрея Первозванного и флага с Андреевским крестом. Указанный символ, с одной стороны, имеет прототипы в европейской геральдике (в частности, герб Амстердама), с другой – отсылает к известному летописному преданию о проповеди апостола Андрея на землях Руси. При введении летоисчисления от Рождества Христова Петр ориентировался на европейскую календарную систему, но в качестве примера приводил только православные народы, ведущие счет лет от Рождества: в соответствующем указе перечислены «волохи, молдавы, сербы, далматы, болгары, греки» и др. [Пчелов: 27] Е.В. Пчелов отмечает, что часть новшеств вводилась Петром в законодательном порядке, часть – постепенно, «эволюционным путем». По мнению автора, целью петровской модернизации было не просто

формирование новой культуры, но создание нового человека. Историк считает, что Петру это вполне удалось. Петровская трансформация повседневной культуры может быть сопоставлена лишь с той, которую впоследствии осуществит советская власть [Пчелов: 32].

В исследовании Н.Л. Пушкаревой затрагивается вопрос о влиянии петровской модернизации на частную жизнь российских женщин XVIII в. В большей степени этот аспект освещен в главе об условиях и особенностях заключения брака. Автор отмечает на основании наблюдений современников-иностранцев, что на рубеже XVII–XVIII вв. женщины отнюдь не вели сугубо замкнутый образ жизни. Так, среди торговцев на рынке вблизи Кремля было немало женщин. Затворничество касалось в большей степени представительниц аристократии [Пушкарева: 6]. Автор фиксирует ряд изменений в быту русской женщины в ходе петровских преобразований: введение одежды европейского кроя, обязательность участия в празднествах и публичных мероприятиях (если в 1699 г. на пиру в честь бранденбургского посла впервые участвовали женщины, включая Наталью Алексеевну, сестру Петра, то указом 1718 г. женщинам предписывается обязательное участие в ассамблеях), изменение форм знакомства молодежи (теперь девушки могли встретить будущих супругов на балах, ассамблеях, уличных гуляниях и т. д.). Несколькими указами Петра (1700, 1702, 1724 гг.) запрещается насильственная выдача замуж и женитьба. Венчанию должен был предшествовать не менее чем шестинедельный период, в течение которого жених и невеста имели право отказаться от заключения брака. Появляется практика фиксирования в брачном договоре согласия невесты на вступление в брак, а родители невесты обязаны были клятвенно подтвердить, что выдают дочь замуж не против ее воли. Тем не менее, отмечает автор, согласие новобрачной на практике могло быть формальным. Противоречия законодательства и реальной практики наблюдались и в других аспектах семейно-брачной жизни. Так, указ о единонаследии устанавливал в качестве брачного возраста для девушек 17 лет. Однако сохранялась традиция значительно более ранних браков (с 12 лет) [Пушкарева: 23]. Петровские указы, касающиеся брака, как пишет Н.Л. Пушкарева, предписывали его заключение в границах того или иного сословия, что обеспечивало, в частности, имущественное равенство супругов. Как известно, при Петре для желающих вступить в брак вводился минимальный образовательный ценз. Это касалось и лиц женского пола: неграмотные дворянки, неспособные написать собственную фамилию, теряли право выйти замуж. Разрешались браки с представителями иных вероисповеданий. К петровско-

му законодательству принадлежит и распоряжение, освобождавшее мужа от необходимости следовать за женой, совершившей преступление и приговоренной к ссылке. Аналогичное правило касалось и женщин. В целом, несмотря на некоторые исключения, в петровское время супруги проживали вместе, имели одну фамилию (мужа) и единый социальный статус [Пушкарева: 42].

Продолжая тему «женского вопроса» при Петре I, О.Н. Мухин отмечает противоречивость положения женщин в петровской России: женщины активнее вовлекаются в общественную жизнь, получают больше свободы «публичной репрезентации», но в то же время по-прежнему отторгнуты от реальных рычагов управления государством. К тому же участие в петровских ассамблеях и празднествах было не столько отдыхом и развлечением, сколько обязанностью [Мухин: 7].

В диссертации Я.С. Черемисиной рассмотрена повседневная жизнь государственных служащих Москвы и Петербурга эпохи реформ Петра I. Автор выделяет повседневность служебную и бытовую, отмечая, что личная жизнь чиновника была подчинена государственной службе. В силу близости к власти чиновники среди первых испытывали влияние петровских реформ. Требования к квалификации госслужащих в петровское правление возрастают, их служебные обязанности жестко регламентируются. Частью служебной повседневности российских чиновников в условиях затяжной Северной войны была воинская обязанность, служба в пехоте рядовыми и офицерами. Среди факторов, влиявших на повседневную жизнь служащих, наряду с преобразованием государственных учреждений, тотальной регламентацией и контролем за выполнением обязанностей, вестернизацией общества, автор особо отмечает необходимость для значительной части чиновников переехать в новую столицу, где они сталкивались с трудностями обустройства. На основе архивных документов Я.С. Черемисина анализирует материальное положение чиновников, владение недвижимостью и движимым имуществом, особенности костюма, участие в официальных мероприятиях и празднествах, причем последнее было фактически одной из разновидностей служебной деятельности [Черемисина: 24].

Часть современных исследований затрагивают тему повседневности в отдельных городах и регионах России при Петре I. Естественно, что первое место здесь занимает Санкт-Петербург – любимое детище Петра, призванное воплотить его градостроительные идеи. В работе Е.В. Анисимова, посвященной основанию и ранней истории Петербурга, уделено внимание жизни первого поколения петербуржцев, в частности, описан быт строительных рабочих, ма-

стеровых и военных, дома петровских сподвижников и рядовых горожан, формирование городской топонимики, продовольственная проблема и наводнения в строящейся северной столице [Анисимов 2003: 305]. Продолжает тему монография О.Е. Кошелевой, посвященная составу, социальной структуре и повседневности населения Санкт-Петербургского острова эпохи Петра I. Исследование основано на данных архивных документов, в том числе судебных дел, и ограничено сжатыми временными рамками: материал относится главным образом к 1717–1722 гг. Узкие территориальные и хронологические рамки призваны, по мысли автора, сделать изложение более конкретным, помочь «выйти из тени» рядовым петербуржцам петровской эпохи [Кошелева: 16]. Рассмотрев заселение Санкт-Петербургского острова, дворовладение, положение отдельных категорий населения (чиновники, духовенство), автор уделяет внимание проблемам и конфликтам в среде первых петербуржцев: это семейные ссоры, конфликты хозяев и прислуги, заказчиков и работников, домохозяев и жильцов и др. Необходимость обустроиться на новом месте, дороговизна продуктов, нерегулярная выплата жалования заставляли петербуржцев искать разные стратегии выживания, в том числе криминальные. Возникающие в среде жителей города конфликты, отмечает автор, могли разрешаться как через суд, так и другими способами: через посредничество духовенства, жалобы начальству, путем мировой. С допетровских времен сохранялся такой архаичный способ регулирования отношений, как порука [Кошелева: 429]. Повседневность провинциального города, включая семейные отношения, девиантное поведение и криминальную жизнь, рассмотрены А.Б. Каменским на примере Бежецка. Из специальных исследований, посвященных другим регионам, отметим статьи Е.Д. Беспаленок о Смоленской губернии [Беспаленок: 144–148], Л.Н. Сусловой о Сибирской губернии [Суслова, Яркова, Буканова: 448–466].

Такой важный аспект повседневности, как развитие медицины и, в частности, борьба с эпидемиями в России начала XVIII в., нашел отражение в статье В.В. Пенского и коллектива авторов [Пенский: 763]. В публикации отмечается, что именно законодательство Петра I заложило основы санитарно-гигиенических мер, препятствующих распространению эпидемий, причем само это законодательство, будучи частным случаем правовой регламентации жизни населения, рассматривается в контексте патерналистских отношений государя и его подданных.

Помимо целенаправленного реформирования Петр самым своим поведением в какой-то мере вносил новые нюансы в повседневную жизнь эпохи. Частью повседневности являются и домашние животные. Как замечает И.В. Зимин, история известных

«по именам» собак русских царей начинается именно с Петра I. В статье О.Ю. Солодянкиной рассмотрена тема собак, принадлежавших российской императорской семье в XVIII – первой половине XIX вв. В случае Петра I это терьер Лизетта, участница сообщаемых А.К. Нартовым и Я.Я. Штелиным анекдотических эпизодов, вроде того, когда Екатерина Алексеевна, потерпев неудачу в заступничестве за опального придворного, велела составить от лица собаки записку с просьбой о помиловании осужденного и прикрепить ее к ошейнику Лизетты, причем это «ходатайство» было благосклонно принято государем. Достоверно неизвестно, насколько собаки венценосных предшественников Петра были вхожи в царские покои, но Лизетта постоянно сопровождала хозяина во время его отдыха. Если для средневекового русского человека собака – это «нечистое», хотя и полезное животное, то в новое время отношение к ней начинает изменяться. Петр находил уместным поставить послушную собаку в пример противникам реформ [Солодянкина: 11, 12].

В целом можно сделать вывод, что повседневность петровской эпохи в современной историографии освещена фрагментарно. Петровские преобразования в области культуры и быта так или иначе затрагиваются многими исследователями, изучающими правление Петра I, а также историю отдельных регионов и общественных институтов, но, несмотря на это, специальные исследования, посвященные повседневности рубежа XVII–XVIII вв., не столь многочисленны. В ряде обобщающих трудов, а также публикациях по отдельным аспектам повседневности проводится мысль о патерналистском характере петровской регламентации повседневной жизни россиян. Петр I видел свою задачу, возложенную на него Провидением, в приобщении России к принципам европейской цивилизации, что должно было обеспечить достижение «общего блага». На решение этой задачи и были направлены многочисленные петровские указы и регламенты. Вопросы питания, жилища, медицины и гигиены представлены в современной историографии отдельными статьями либо освещены в работах, имеющих популярный характер. Более подробно изучены исследователями стратегии и нормы поведения жителей России в петровскую эпоху, транслируемые, в частности, таким памятником, как «Юности честное зерцало». Специалистами по гендерной истории отмечено противоречивое положение женщин в контексте петровской модернизации: женщины активнее вовлекаются в общественную жизнь, но при этом по-прежнему в массе своей не имеют доступа к официальным институтам власти. Историки отмечают и двойственное положение чиновничества петровской эпохи: будучи одной из опор власти, оно ощущало гнет государ-

ственной службы, при этом именно данный слой населения одним из первых испытывал трансформации повседневной жизни. Вполне закономерно внимание исследователей к повседневности населения Санкт-Петербурга, где, как в фокусе, были сосредоточены противоречия и проблемы петровской эпохи. Подводя итоги, отметим, что история повседневной жизни России периода правления Петра I далеко не исчерпана и еще ждет будущих исследователей.

Примечания

¹ Монография впервые вышла в 1975 г., однако позднее была существенно отредактирована и в переработанном виде неоднократно переиздавалась в 2000-е гг.

Список литературы

Исследования

Алексеева Н.В. Покаянная практика в контексте реформ Петра I // *Verbum*. Псков: Изд-во Псковского гос. ун-та, 2016. Вып. 18: Исповедь и покаяние: у истоков формирования самосознания европейского индивида. С. 116–127.

Анисимов Е.В. Петр Великий: личность и реформы. Санкт-Петербург: Питер, 2009. 448 с.

Анисимов Е.В. Петр Первый: благо или зло для России? Москва: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с. (Что такое Россия).

Анисимов Е.В. Юный град: Петербург времен Петра Великого. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. 363 с.

Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Образ Петра I в современном историографическом и общественном дискурсе // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер.: История России. 2022. Т. 21, № 3. С. 351–362.

Беспалёнок Е.Д. Влияние реформ Петра Первого на повседневную жизнь горожан в XVIII в. (на материалах Смоленской губернии) // *Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф.* / отв. ред. В.А. Веретенко, В.Н. Шайдунов. Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2020. Т. 3. С. 144–148.

Глебкин В.В. От христианина к дворянину. Системы базовых ценностей «Домостроя» и «Юности честного зеркала» // *Россия XXI*. 2013. № 4. С. 96–113.

Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. Москва: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. 403 с.

Капкан М.В. «Юности честное зеркало»: этикетные традиции и новации / М.В. Капкан, Л.С. Лихачева // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2018. Т. 24, № 1 (171). С. 114–126.

Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. Москва: ОГИ, 2004. 486 с. (Нация и культура. Новые исследования).

Мухин О.Н. Петр I и «женский вопрос»: власть и гендер в России XVIII века // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. Сер.: Гуманитарные науки (история, археология, этнология). 2004. Вып. 4 (41). С. 5–9.

Наумов В.П. Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников. Москва: Молодая гвардия, 2010. 443 с. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

Павленко Н.И. Петр I. 8-е изд. Москва: Молодая гвардия, 2010. 428 с. (Жизнь замечательных людей; вып. 1238).

Пенской В.В., Борисов С.Н., Липич Т.И., Липич В.В., Борисова О.С. Polizeistaat и полиция против моровых поветрий: российские власть и закон в борьбе с угрозой эпидемий в 1-й трети XVIII века // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2023. № 31 (спецвып. 1). С. 756–764.

Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века. Москва: Ломоносовъ, 2012. 208 с. (История. География. Этнография).

Пчелов Е.В. Петр Великий и создание человека новой культуры // *Россия: общество, политика, история*. 2022. № 3 (3). С. 22–33.

Солодянкина О.Ю. Репрезентация власти, «человечивание» и вопросы безопасности: собаки в повседневной жизни российской императорской семьи // *История повседневности*. 2017. № 2 (4). С. 9–21.

Суслова Л.Н. Повседневная жизнь населения Сибирской губернии в контексте реформ Петра I в первой четверти XVIII века / Л.Н. Суслова, И.В. Яркова, Р.Г. Буканова // *Научный диалог*. 2021. № 6. С. 448–466.

Цыпин В. История Русской Церкви (Синодальный период). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsy-pin/istorija-russkoj-tserkvi-sinodalnyj-period/1_6#source (дата обращения: 20.06.2025).

Черемисина Я.С. Повседневная жизнь государственных служащих Москвы и Петербурга в первой четверти XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2008. 26 с.

Черная Л.А. Представления о «политичном кавалере» и «политичной даме» в России петровского времени // *Диалог со временем*. 2020. Вып. 70. С. 397–405.

Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. URL: http://az.lib.ru/s/sherbatow_m_m/text_1787_o_povrezhdenii_nravov.shtml (дата обращения: 20.06.2025).

References

Alekseeva N.V. *Pokajannaja praktika v kontekste reform Petra I* [Penitential Practice in the Context of Peter the Great's Reforms]. *Verbum*. Pskov, Izd-vo Pskovsko-

go gos. un-ta Publ., 2016, vyp. 18: *Ispoved' i pokajanie: u istokov formirovanija samosoznaniya evropejskogo individua* [Vol. 18: Confession and Repentance: at the Origins of the Formation of the European Individual's Self-Consciousness], pp. 116–127. (In Russ.)

Anisimov E.V. *Petr Velikij: lichnost' i reformy* [Peter the Great: Personality and reforms]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2009, 448 p. (In Russ.)

Anisimov E.V. *Petr Pervyj: blago ili zlo dlja Rossii?* [Was Peter the Great Good or Evil for Russia?]. Moscow, NLO Publ., 2017, 272 p. (Chto takoe Rossiya. [What is Russia]). (In Russ.)

Anisimov E.V. *Junyj grad: Peterburg vremen Petra Velikogo* [Young City: St. Petersburg in the Time of Peter the Great]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2003, 363 p. (In Russ.)

Bagdasarjan V.E., Resnjanskij S.I. *Obraz Petra I v sovremenom istoriograficheskom i obshhestvennom disкурсе* [The Image of Peter the Great in Contemporary Historiographical and Social Discourse]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov* [Vestnik of Peoples' Friendship University of Russia]. Ser.: Istorija Rossii [Ser.: The History of Russia], 2022, vol. 21, no. 3, pp. 351–362. (In Russ.)

Bespaljonok E.D. *Vlijanie reform Petra Pervogo na povsednevnuju zhizn' gorozhan v XVIII v. (na materialah Smolenskoj gubernii)* [The impact of Peter the Great's reforms on the daily lives of the townspeople in the 18th century (based on the materials of the Smolensk province)]. *Reformy v povsednevnoj zhizni naselenija Rossii: istorija i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Reforms in the daily life of the Russian population: history and modernity: proceedings of the International Scientific Conference], ed. by V.A. Veremenko, V.N. Shajdurov. Saint Petersburg, LGU im. A.S. Pushkina Publ., 2020, vol. 3, pp. 144–148. (In Russ.)

Cypin V. *Istorija Russkoj Cerkvi (Sinodal'nyj period)* [History of the Russian Church (Synodal Period)]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsypin/istorija-russkoj-tserkvi-sinodalnyj-period/1_6#source (access date: 20.06.2025). (In Russ.)

Cheremisina Ja.S. *Povsednevnaia zhizn' gosudarstvennykh sluzhashchih Moskvy i Peterburga v pervoj chetverti XVIII veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Everyday Life of Moscow and St. Petersburg Civil Servants in the First Quarter of the 18th Century: DSc thesis, summary]. Moscow, 2008, 26 p. (In Russ.)

Chernaja L.A. *Predstavljenija o «politichnom kavaliere» i «politichnoj dame» v Rossii petrovskogo vremeni* [Ideas about the “political gentleman” and the “political lady” in Russia during the time of Peter the Great]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2020, vol. 70, pp. 397–405. (In Russ.)

Glebkin V.V. *Ot hristianina k dvorjaninu. Sistemy bazovykh cennostej «Domostroja» i «Junosti chestnogo*

zercala» [From a Christian to a nobleman. The systems of basic values in Domostroy and Yunosti chestnoe zertsalo]. *Rossija XXI* [Russia XXI], 2013, no. 4, pp. 96–113. (In Russ.)

Kamenskij A.B. *Povsednevnost' russkikh gorodskih obyvatelej: Istoricheskie anekdoty iz provincial'noj zhizni XVIII veka* [Everyday Life of Russian Townspeople: Historical Anecdotes from Provincial Life in the 18th Century]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2006, 403 p. (In Russ.)

Kapkan M.V. *«Junosti chestnoe zercalo»: jetiketnye tradicii i novacii* [«Yunosti chestnoe zertsalo»: Etiquette Traditions and Innovations], M.V. Kapkan, L.S. Lihacheva. *Izvestia Ural'skogo federal'nogo universiteta* [Proceedings of the Ural Federal University Journal. Ser. 1: Issues in Education Science and Culture], 2018, vol. 24, no. 1 (171), pp. 114–126. (In Russ.)

Kosheleva O.E. *Ljudi Sankt-Peterburgskogo ostrova Petrovskogo vremeni* [People of St. Petersburg Island in the time of Peter the Great]. Moscow, OGI Publ., 2004, 486 p. (Nacija i kul'tura. Novye issledovanija [Nation and culture. New research]). (In Russ.)

Muhin O.N. *Petr I i «zhenskij vopros»: vlast' i gender v Rossii XVIII veka* [Peter the Great and the «Women's Question»: Power and Gender in 18th-Century Russia]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki: (istorija, arheologija, jetnologija)* [Tomsk State University Journal. Ser.: Humanities: (History, archeology, ethnology)], 2004, vol. 4 (41), pp. 5–9. (In Russ.)

Naumov V.P. *Povsednevnaia zhizn' Petra Velikogo i ego spodvizhnikov* [The Everyday Life of Peter the Great and His Companions]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2010, 443 p. (Zhivaja istorija: Povsednevnaia zhizn' chelovechestva [Living History: The Everyday Life of Mankind]). (In Russ.)

Pavlenko N.I. *Petr I* [Peter I], 8 ed. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2010, 428 p. (Zhizn' zamechatel'nykh ljudej; vyp. 1238 [The Lives of Remarkable, vol. 1238]). (In Russ.)

Penskoj V.V., Borisov S.N., Lipich T.I., Lipich V.V., Borisova O.S. *Polizeistaat i policija protiv morovykh povetrij: rossijskie vlast' i zakon v bor'be s ugrozoi jepidemij v I-j treti XVIII veka* [Polizeistaat and the Police against Plagues: Russian Power and Law in the Fight Against Epidemics in the First Third of the 18th Century]. *Problemy social'noj gigieny, zdravoohranenija i istorii mediciny* [Problems of Social Hygiene, Health Care, and Medical History], 2023, no. 31 (Special edition 1), pp. 756–764. (In Russ.)

Pchelov E.V. *Petr Velikij i sozdanie cheloveka novoj kul'tury* [Peter the Great and the Creation of a New Cultural Man]. *Rossija: obshhestvo, politika, istorija* [Russia: Society, Politics, History], 2022, no. 3 (3), pp. 22–33. (In Russ.)

Pushkareva N.L. *Chastnaja zhizn' russkoj zhenshiny XVIII veka* [The Private Life of a Russian Woman in the XVIIIth Century]. Moscow, Lomonosov Publ., 2012, 208 p. (Istorija. Geografija. Jetnografija [History. Geography. Ethnography]). (In Russ.)

Shherbatov M.M. *O povrezhdenii nraov v Rossii* [On the corruption of morals in Russia]. URL: http://az.lib.ru/s/sherbatow_m_m/text_1787_o_povrezhdenii_nraov.shtml (access date: 20.06.2025). (In Russ.)

Solodjankina O.Ju. *Reprezentacija vlasti, «ochelovechivanie» i voprosy bezopasnosti: sobaki v povsednevnoj zhizni rossijskoj imperatorskoj sem'I* [Representation of Power, "Humanization" and Security Issues: Dogs in the Daily Life of the Russian Imperial Family]. *Istorija povsednevnosti* [History of Everyday Life], 2017, no. 2 (4), pp. 9–21. (In Russ.)

Suslova L.N. *Povsednevnaia zhizn' naselenija Sibirskoj gubernii v kontekste reform Petra I v pervoj chetverti XVIII veka* [Everyday Life of the Population of the Siberian Province in the Context of Peter the Great's Reforms in the First Quarter of the 18th Century], L.N. Suslova, I.V. Jarkova, R.G. Bukanova. *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue], 2021, no. 6, pp. 448–466. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.06.2025; одобрена после рецензирования 07.07.2025; принята к публикации 15.07.2025.

The article was submitted 11.06.2025; approved after reviewing 07.07.2025; accepted for publication 15.07.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 93–100. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 93–100. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история

УДК 94(470)''20'' + 331

EDN GAUXRI

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-93-100>

ТРУДОВАЯ ЗАНЯТОСТЬ ССЫЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В СЕВЕРНЫХ ГУБЕРНИЯХ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Петербургский Михаил Юрьевич, соискатель кафедры отечественной средневековой и новой истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия, mpeterburgsky@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7559-0709>

Аннотация. Статья посвящена изучению трудовой занятости политических ссыльных, размещаемых властями в губерниях Европейского Севера России в начале XX в. В ходе исследования автором были изучены архивные материалы и воспоминания лиц, знакомых с реалиями северной ссылки. Проанализированы стратегии трудоустройства ссыльных, их заработки и факторы, помогающие поиску работы или, наоборот, осложняющие его. Автор приходит к выводу, что распространяемые на ссыльных нормативные ограничения не оказали большого воздействия на круг их занятий. Низкий размер пособия, а также задачи политической агитации и пропаганды толкали ссыльных к запрещенным видам труда (например, репетиторству). Поиск работы легче всего удавался тем ссыльным, которые были размещены в губернских центрах, имели образование и (или) востребованную квалификацию. Обретение ссыльными северных губерний достойного заработка было достаточно кропотливой задачей, однако это не выбивалось из общей канвы: те же трудности и тенденции подстерегали и сибирских ссыльных, и ссыльных других губерний европейской части России.

Ключевые слова: Архангельская губерния, Вологодская губерния, земство, политические ссыльные, положение «О полицейском надзоре», пособие, революционеры, труд.

Для цитирования: Петербургский М.Ю. Трудовая занятость ссыльных революционеров в северных губерниях России в начале XX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 93–100. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-93-100>

Research Article

LABOUR EMPLOYMENT OF EXILED REVOLUTIONARIES IN THE NORTHERN PROVINCES OF RUSSIA AT THE EARLY 20TH CENTURY

Mikhail Yu. Peterburgsky, postgraduate, department of Medieval and Modern Russian History, Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, mpeterburgsky@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7559-0709>

Abstract. The article is devoted to the study of the employment of political exiles placed by the authorities in the provinces of the European North of Russia in the early 20th century. In the course of the study, the author examined archival materials and the recollections of people familiar with the realities of northern exile. The strategies for finding employment of exiles, their earnings, and the factors that helped or, conversely, complicated their job search, were analysed. The author comes to the conclusion that the regulatory restrictions imposed on exiles had no significant impact on the range of their activities. The low size of unemployment benefits, as well as the tasks of political agitation and propaganda, pushed exiles to prohibited types of work (for example, tutoring). The search for work was easiest for those exiles who were placed in the provincial centres, had an education and (or) in-demand qualifications. Finding a decent income for the exiles of the northern provinces was a rather painstaking task, but it did not stand out from the general outline – the same difficulties and tendencies lay in wait for the Siberian exiles and the exiles of other governorates of the European part of Russia.

Keywords: Arkhangelsk Province, Vologda Province, zemstvo, political exiles, “Regulations on police supervision”, unemployment benefit, revolutionaries, labor.

For citation: Peterburgsky M.Yu. Labour employment of exiled revolutionaries in the northern provinces of Russia at the early 20th century. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 93–100. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-93-100>

Институт административной ссылки, установленный положением «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» (1881 г.)¹ стал на рубеже XIX–XX вв. незаменимым инструментом для удаления политически неблагонадежных лиц из столиц и крупных городов в отдаленные части России. В период первой русской революции 1905–1907 гг. резко возросло число лиц, подозреваемых в нежелательной для царского режима политической активности. Их начали массово размещать в губерниях Европейского Севера – главным образом Архангельской и Вологодской, где они на период от 1 до 5 лет подчинялись гласному надзору полиции, ограничивались в правах и свободном передвижении. Сотни ссыльных разного пола, возраста, материального достатка, вероисповедания и политических убеждений наводнили уезды этих губерний: «...пожар, вспыхнувший ярким пламенем во внутренней России, выбросил и на далекий север сноп искр и разметал их по городам и весям неприютной окраины» [Ильинский: 175]. Ссыльные были вынуждены незамедлительно адаптироваться к новой для себя повседневности. Первостепенной, самой насущной задачей для подавляющего большинства из них стал поиск средств к существованию. В данной статье на материалах периодической печати и источников личного происхождения ставится цель проанализировать трудовую занятость лиц, высланных административным порядком в губернии Европейского Севера в начале XX в.

Для начала обратимся к цифрам. У политических ссыльных, в случае отсутствия регулярного заработка, имелось право на пособие, размер которого начинался от 6 руб. 50 коп. (по данным Вологодской губернии). Повышенное денежное довольствие назначалось семейным ссыльным (плюс 3–4 руб. на взрослых и плюс 1–1,5 руб. в месяц на детей до 14 лет) и ссыльным, имевшим дипломы об окончании высших и средних учебных заведений [Калашникова: 120]. Так, образованные ссыльные Вологды в 1907 г. получали 11 руб. в месяц, непривилегированные категории ссыльных – 8 руб. в месяц². Помимо так называемых «кормовых денег» ссыльные имели право на «одежные деньги», размер которых составлял 42 руб. в год. Между тем указанных сумм катастрофически не хватало: по оценке Н. Рычковой, прожиточный минимум ссыльного даже в самых отдаленных уездах губернии составлял 12 руб. в месяц [Рычкова: 38], по оценке Н.В. Калашниковой – 15 руб. в месяц [Калашникова: 120]. Эти оценки вполне согласуются с данными анонимных анкет, распространенных среди ссыльных Вологды в 1907 г. Согласно анкетам, одним пособием обходилось 34,6 % респондентов (26 из 75 чел.), а «на вопрос «Хватает ли на содержание пособия?» почти

все они ответили, что не хватает. Учитывая, что снять комнату в Вологде стоило в указанное время от 2 до 3 руб., прожить на оставшиеся 4–5 руб. в месяц было действительно трудно» [Коновалов 2007: 188].

Исследователь олонекской ссылки Н.Р. Славнитский указывает также на практику лишения ссыльных пособий. Это могли сделать, если поднадзорный, по мнению местных властей, уклонялся от поиска заработка «по лености, дурному поведению или привычке к праздности». Олонекские политссыльные, как и их вологодские «коллеги», не полагались на пособие и старались найти работу, тем более что в начале XX в. из-за наплыва ссыльных в города и уезды Олонекской губернии местные обыватели значительно подняли цены на квартиры и продовольствие [Славнитский: 71].

Заработки ссыльных составляли от 15 до 100 руб. в месяц. По мнению Ф.Я. Коновалова, поиск заработка легче удавался ссыльным, имевшим «городскую» профессию, тогда как бывшим «аггариам» получить даже низкооплачиваемую работу в городе было практически невозможно [Коновалов 2007: 188]. Но и для ссыльных – носителей интеллектуальных профессий на законодательном уровне предусматривались многочисленные ограничения. Так, согласно положению «О полицейском надзоре» от 12 марта 1882 г.³, поднадзорным запрещалась «всякая педагогическая» и репетиторская деятельность (ст. 24). Врачебная, акушерская или фармацевтическая практика дозволялась им только с разрешения министра внутренних дел (ст. 27). Политссыльные были ограничены в праве держать мастерские, фотосалоны, закусовые, не могли служить приказчиками, конторщиками и библиотекарями, заниматься адвокатской деятельностью, участвовать в собраниях, сценических представлениях, организовывать публичные лекции и другие мероприятия, которые власти считали опасными для «общественного спокойствия» [Калашникова: 119]. Разумеется, логика этих ограничений была обусловлена стремлением властей к минимизации контакта ссыльных с местным населением: предполагалось, что ссыльные революционеры займутся «черными», неквалифицированными работами, крестьянским трудом. Однако значительный процент ссыльных, наводнивших северные губернии России в начале XX в., составляли выходцы из разночинной среды, «часто с дипломами врачей и учителей, и в такой ситуации получалось, что они не могли найти работу согласно своему образованию» [Королева: 109]. В свете последнего наиболее уязвимыми категориями политссыльных были евреи и женщины. В силу законодательных ограничений ссыльным евреям были недоступны традиционные для них области интеллектуального труда (репетиторство, медицина, торговля, жур-

налистика), а распространенные среди них ремесла («ювелирное, шляпочное, портняжное») были невозможны в экономически неразвитых районах – обычных местах водворения евреев» [Рычкова: 38]. С похожей проблемой сталкивались и революционерки: многие из административно-ссыльных женщин имели педагогическое или медицинское образование. В местах водворения они стремились найти применение имеющейся квалификации и зачастую терпели неудачу [Ванюшина: 112]. С середины 1890-х гг. до 1905 г. учительницей в Архангельской губернии была официально трудоустроена только 21 женщина, а акушерками и фельдшерицами – 16. Другие традиционные «женские профессии» находили в ссылке точечный спрос: так, обеспечили себе заработок некоторые швеи, портнихи, модистки, мастерица шляп, ткачиха, массажистка и даже певица [Овечкина: 15].

Существенно разнилась ситуация с поиском занятий в губернских центрах и уездах: в последних подчас невозможно было достать «никакой работы, никаких занятий; ссыльные обречены на полное бездействие»: сознательная их часть «стремится хоть за книгой использовать вынужденно-свободное время; остальная же часть – большая – все больше развращается»⁴. Бывший политссыльный г. Кадникова вспоминал, что кадниковская колония ссыльных насчитывала 250–300 человек, из которых «занятия имела ничтожная часть ссыльных. Кое-кто давал уроки, но таких было 1–2 человека, кое-кто ремесленничал: было 2–3 сапожника, один портной, остальные были вынуждены на безделье» [Политическая ссылка: 8–9]. Не лучше складывалась материальная ситуация ссыльных в Вельском уезде: в перлюстрированном письме одного ссыльного революционера сообщалось, что из 200 местных поднадзорных «найдутся не более 20–30 человек, имеющих горячую пищу два раза в сутки, все остальные довольствуются одним обедом, состоящим часто из одного блюда»⁵. На пособие от казны невозможно было прожить «даже в захолустном Вычегодском крае»: источником пропитания для местных ссыльных становились пособия от родных и субсидии товарищеских кружков, и редкому из них удавалось «обеспечить себя, занявшись каким-либо торговым или промышленным делом или поступивши на частную службу, спрос на которую очень невелик в этих медвежьих углах» [Оглоблин: 921]. Эту же тенденцию освещает в своих воспоминаниях журналист Э.И. Павчинский. По его словам, из сотен ссыльных вологодских уездов он знал только троих, которым повезло найти заработок: часового мастера, парикмахера и наборщика типографии. «Какие занятия, какой ручной труд возможны были в тех местах, куда ссылали? Это была явная насмешка: такого труда там не было» [Павчинский: 182]. Павчинский развенчивает миф о легкости

добыть заработок ручным трудом: занятия ремеслом требовали покупки дорогостоящего инвентаря; в местах водворения на многие услуги отсутствовал спрос, а отправляться на отхожие промыслы ссыльным не давало «Положение о полицейском надзоре».

Положение дел, связанное с трудностями поиска заработка ссыльными северных губерний, не было уникальным. Те же трудности подстерегали, например, вятских и тверских политических ссыльных. По свидетельству О.В. Ванюшиной, уездные исправники Тверской губернии часто отчитывались перед местным губернатором о том, что административно-ссыльные лица «доставать себе средства трудом в здешних местах не могут, по неимению в виду лиц, которые могли бы их снабжать работою. С другой стороны, большая часть из высылаемых даже не знает никакого ремесла». Лица привилегированных сословий не могли приискать занятий, поскольку, по замечанию одного уездного исправника, были «к физическому труду не способны» [Ванюшина: 112].

Каналом, приоткрывавшим для ссыльных возможность интеллектуального труда, было земство. Земская управа ведала «земскими больницами, школами, сельскохозяйственными обществами, просветительными учреждениями, статистикой, кустарными ремеслами». Тогдашние члены вологодского земства считались либералами и широко привлекали образованных ссыльных к работе в подведомственных учреждениях [Железняк; Михайлов: 24], обеспечивая им возможность интеллектуального (и даже научного) труда в губернском городе [Нефедовский: 152].

В начале XX в. земская управа использовала трудовые ресурсы вологодских ссыльных при проведении работ по подворному описанию крестьянских хозяйств, в ходе которых они трудились переписчиками, статистами и др. Несмотря на то, что ст. 21 «Положения о полицейском надзоре» прямо предписывала, что поднадзорные могут быть допущены к письменным занятиям в правительственных и общественных учреждениях лишь по специальному разрешению министра внутренних дел, эта норма часто нарушалась. В целях соблюдения внешнего формализма оплата труда ссыльных проводилась неофициально – путем завышения содержания заведующих оценочным и статистическим отделов. Причем губернские власти прекрасно знали об этом, но закрывали на это глаза. Размеры подобных заработков были довольно значительными» [Коновалов 2006: 131]. К примеру, труды на благо земской статистики даже позволили социал-демократу С.Г. Струмилину приобрести ялик для речных прогулок [Якунина].

Помимо члена РСДРП С.Г. Струмилина в вологодской статистике трудился другой видный социал-демократ и публицист – В.В. Воровский. В 1912 г. В.В. Воровского привлекли к разработке анкет

по исследованию маслодельных артелей в губернии и подготовке тематической книги [Цветков], затем он как инженер занимался проектом строительства женской гимназии в Вологде [Водовозов: 94–96]. Статистом в губернском земстве работал и арктический исследователь В.А. Русанов, высланный в Вологодскую губернию в 1901 г. Во время служебных командировок В.А. Русанов изучал природу Печорского края, занимался исследованием рек на предмет их годности к судоходству [Волков]. Наблюдения В.А. Русанова впоследствии легли в основу некоторых его научных работ.

Служба в земских учреждениях была характерна не только для поднадзорных северных губерний. К примеру, в земской статистике Тверской губернии под руководством известного своими прогрессистскими взглядами В.И. Покровского также нашли занятия множество политических поднадзорных, в том числе женщин. Одной из них была высланная из Санкт-Петербурга видная большевичка Ц.С. Зеликсон-Бобровская [Ванюшина: 114, 116].

Пункты «Положения о полицейском надзоре», ограничивавшие ссылных в праве заниматься отдельными видами деятельности, не стали, вопреки замыслу законодателя, панацеей от распространения «вредных идей» в народных массах. Ссылные широко взаимодействовали с молодежью, занимались репетиторством [Демичев; Славнитский: 71], стремясь узнать думы и настроения местного пролетариата и крестьянства. Так, частные уроки музыки давала сестра В.И. Ленина Мария Ульянова, отбывавшая административную ссылку в Вологде в 1912–1914 гг. Кроме того, она принимала участие в созданном политссылными обществе «Просвещение» [Калашникова: 119]. Социал-демократ А.К. Гастев пошел официальным путем и добился разрешения местных властей на репетиторские уроки с учениками до 14 лет, а затем нелегально занялся с учениками старшего возраста [Рунов]. В то же время в ноябре 1907 г. административно-ссылный Михаил Лубнин подал ходатайство о разрешении поступить на должность воспитателя в Вологодский учительский приют, в чем ему было отказано⁶, а в марте 1908 г. вологодский губернатор отклонил прошение ссылного Дмитрия Костина о поступлении на должность фельдшера⁷. К медицинской деятельности, «исключительно по вольному найму и при условии самого строгого наблюдения со стороны губернатора», был допущен известный медик, большевик А.А. Богданов (Малиновский). С 1 октября 1901 г. он заступил на должность ординатора, а затем врача в Кувшиновской психиатрической больнице под Вологдой. По окончании службы А.А. Богданов не оставил врачебной профессии и получил от властей разрешение на частную практику [Морозова: 1097, 1103]. К рели-

гиозной деятельности разрешением губернатора допустили в 1908 г. административно-ссылного из Казани Галимзяна Галеева, позволив ему исполнять обязанности муллы в Вологде⁸. Будущего советского наркома Н.М. Анцеловича, электромонтера по профессии, в устюгской ссылке (1912–1913 гг.) привлекли к надзору за оборудованием и устройством телефонной сети, впервые устраиваемой в Великом Устюге. По выполнению возложенных задач Н.М. Анцеловичу руководство выдало удостоверение о том, что свои обязанности он выполнял «добросовестно и аккуратно, проявив при том достаточно серьезные познания в электротехнике» [Панов: 130].

Таким образом, вовлечение ссылных Европейского Севера России в интеллектуальные виды деятельности невозможно объяснить одной только недоработкой политической полиции и банальным попустительством местных властей. Снисходительное отношение губернских властей и чиновников к вопросу привлечения отдельных политссылных к интеллектуальному труду объясняется рядом фактором. Во-первых, среди либерально настроенного чиновничества имели место личные симпатии к ссылным, которые нередко обращались в стремление посылно содействовать политически близким лицам в трудоустройстве. Во-вторых, губернским властям было очевидно, что уровень образования и квалификации отдельных ссылных мог быть применен на благо губернии: и это было справедливо для всех регионов империи, куда под гласный надзор полиции подлежали высылке лица из категории «неблагонадежных». Так, при остром дефиците педагогических кадров в Восточной Сибири опыт и знания ссылных специалистов «служили основанием преодоления существовавших законодательных запретов на общественные виды деятельности» [Максимова: 22]. В европейской части России в начале XX в. (Вятская губерния) также «широко применялся труд высококвалифицированных специалистов, находящихся в ссылке, если это отвечало интересам региона. Реализация на практике системы ссылки приводила к постоянным отходам от установленного законодательством порядка и всевозможным исключениям из правил» [Калинина: 17].

Политссылным, не обладавшим востребованной квалификацией, везло меньше образованных коллег, однако социально-экономические и природно-климатические особенности отдельных районов Севера зачастую перечеркивали шансы даже высококвалифицированных ссылных на трудоустройство по специальности. Так, в отсутствие работы многие из архангельских политссылных брались за изготовление мебели и хозяйственного инвентаря, ремонт самоваров, ведер, обуви, занимались портным и кузнечным делом, нанимались на поденщину к торгов-

цам, малярные работы и сенокос [Калашникова: 120]. Автор воспоминаний об архангельской ссылке начала XX в. М.В. Ильинский вспоминал, что в Шенкурске «политические» трудились в переплетной мастерской, лудили самовары; ссыльные из интеллигенции подрабатывали таперами на танцевальных вечерах и репетиторствовали [Ильинский: 180]. В Пинеге функционировали столярная и кузнечно-слесарная мастерские; наряду с этим некоторые из ссыльных находили заработок по окрестным деревням. «Слесарь Петров чинил швейные машины, Розанов – рабочий из Иваново-Вознесенска – вставлял стекла, рабочий Мозер открыл в Пинеге первую парикмахерскую» [Ильинский: 242]. Ильинский приводит курьезный случай, произошедший с последним. Мозер, который не был профессиональным цирюльником и освоил это ремесло в тюрьме, отличался крайней рассеянностью и как-то раз едва не зарезал в своей цирюльне пришедшего к нему бриться инспектора народных училищ. «Замечтавшись над головой посетителя, Мозер полоснул ему бритвой физиономию, да так, что кровь хлынула в три ручья. Парикмахер и инспектор страшно растерялись, но не успел еще гость подняться с места, как находчивый цирюльник схватил бутылку с крепкой уксусной эссенцией и вылил ее содержимое на кровоточившую рану. Инспектор взревел и, как был без шапки и в крови, бросился вон из “салона” Мозера.

– Удивительно, – добродушно философствовал потом Мозер, – я никогда не слыхал, чтобы так мог кричать человек...»

Профессиональная переориентация и смена работ разного рода была частой составляющей трудового быта многих нашедших заработок ссыльных. Так, В.М. Молотов в ссылке развлекал вологодских купцов, играя на мандолине в привокзальном ресторане «Север» [Панов: 130], а также «таперил» в кинотеатре «Рекорд». По свидетельству его внука, В.А. Никонова, летом на городском бульваре В.М. Молотов заметил «трио музыкантов. Оказалось, что это гастролировавшая группа из Санкт-Петербурга, подрабатывавшая где придется. Выяснилось, что лишний мандолинист им не помешает. Проверили на нотную грамотность, и трио превратилось в квартет. Тогда на центральной улице Вологды открывался первый в городе кинотеатр, и музыканты договорились с его хозяином там играть». А вскоре появилась возможность играть и в ресторане, «где было много местной и заезжей публики» [Никонов]. Географ, исследователь Азии Г.Н. Потанин в никольской ссылке сначала трудился по специальности – составлял обзор распространения тюркских и финских племен в XVIII–XIX вв. [Обручев: 59], затем стал вести переписку для местного лесничего, выручая 3–5 руб. в месяц, а вскоре для него нашлось более выгодное

занятие – написание крестьянских прошений. За счет того, что Г.Н. Потанин брал с крестьян по полтиннику за прошение (местный писарь брал по рублю), об этом узнал весь уезд, и крестьяне начали массово обращаться к Потанину, что позволило ему достойно заработать [Обручев: 60]. В рапорте вологодскому губернатору никольский уездный исправник сообщал, что «Потанин ведет жизнь в городе Никольске самую примерную» [Дубинина].

Подводя итоги, можно констатировать, что законодательные ограничения, установленные положением «О полицейском надзоре», не оказывали существенного воздействия на сужение круга доступных для ссыльных занятий. Большинство ссыльных революционеров северных губерний испытывали материальные трудности и, игнорируя нормы закона, занимались, например, нелегальным репетиторством, преследуя двоякую цель: а) обеспечения прожиточного минимума, б) агитации и пропаганды революционных идей через тесное взаимодействие с местным населением (чаще всего с молодежью).

В целом ситуация в северных губерниях не выбивалась из общей канвы: те же тенденции преобладали и в традиционной для ссылки Сибири, и в других губерниях, которые принимали административно-ссыльных. Образованным ссыльным, имевшим востребованную квалификацию, было легче найти работу. Помощь в этом зачастую оказывало местное земство, в котором служили чиновники «прогрессистских» взглядов, симпатизировавшие молодым, политическим активным интеллектуалам.

Большинство политссыльных северных губерний, которым удалось самостоятельно обеспечить себя, находили заработок в соответствии с образовательным уровнем. Так, высланный из Могилевской губернии крестьянин Петр Гончаров занялся хлебопашеством, а смоленская дворянка Валентина Гуммель – писмоводительством⁹. Тем не менее водворение ссыльных в отдаленные уезды северных губерний (Вологодской и в особенности Архангельской) отягощали поиск заработка, и ссыльные были вынуждены браться за любой труд; проживание же в губернских центрах было более перспективным в ключе доступных для ссыльных интеллектуальных занятий.

Примечания

¹ Положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г.

² Например, административно-ссыльный крестьянин Николай Губанов, водворенный в г. Кадников Вологодской губернии, не имел постоянных занятий и получал казенное пособие в размере 8 руб. 30 коп. в месяц. См.: Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 108. Оп. 1. Д. 4076. Л. 3.

³ Положение «О полицейском надзоре» от 12 марта 1882 г.

⁴ Список лиц, находящихся в ссылке в Вологодской губернии // Северная земля. 1906. № 74.

⁵ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4726. Л. 251.

⁶ ГАВО. Ф. 129. Оп. 3. Д. 577. Л. 11.

⁷ ГАВО. Ф. 129. Оп. 3. Д. 577. Л. 19.

⁸ ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 3606. Л. 17.

⁹ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4076. Л. 5, 9.

Список литературы

Ванюшина О.В. Из повседневности женщин, административно высланных в Тверскую губернию (1881–1917 гг.) // Вестник РГГУ. Сер.: Исторические науки. История России. 2013. № 10 (111). С. 107–117.

Водовозов М.С. Дом, в котором в 1913 г. жил, находясь в ссылке, В.В. Воровский // Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Москва: Б. и., 1979. С. 94–96.

Волков Н. «Ни в чем особом не замечался...» // Губернские новости. 1995. 15 сент.

Демичев П. Политические ссыльные на Севере // Звезда. 1967. 2 сент.

Дубинина В. Ссылный сотник // Ступени вологодские. 2004. 18 марта.

Железняк В. Село под Вологдой // Красный Север. 1975. 28 янв.

Ильинский М.В. Архангельская ссылка. Санкт-Петербург: Тип.-лит. «Энергия», 1906. 294 с.

Калашикова Н.В. Практика политической ссылки на Европейском Севере в XIX – начале XX века // Европейский Север в судьбе России. Вологда: ФСИН, 2005. С. 115–121.

Калинина Д.А. Повседневная жизнь политических ссыльных в Вятской губернии в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2009. 25 с.

Коновалов Ф.Я. Политические ссыльные г. Вологды в 1907 г. // История пенитенциарной системы России в XX веке. Вологда: ФСИН, 2007. С. 184–190.

Коновалов Ф.Я. Эффективность административной ссылки как меры наказания в начале XX века // Европейский Север России: традиция и модернизационные процессы. Ч. 1. Вологда: ВГМХА, 2006. С. 129–136.

Королева Л.С. Повседневная жизнь политических ссыльных в пореформенной России: современная историография вопроса // История повседневности. 2020. № 2 (14). С. 106–114.

Максимова В.Н. Женская политическая каторга и ссылка в Восточной Сибири (1907–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2003. 28 с.

Михайлов Б.Г. Большевики в вологодской ссылке. Вологда: ВГПИ, 1974. 52 с.

Морозова А.Ю. Черный кот, розовые лягушки и «некрологи на память»: вологодская ссылка А.А. Богданова // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 4. С. 1092–1142.

Нефедовский Г.В. К вопросу о правовом регулировании ссылки в России (конец XIX – начало XX вв.) // Современная научная мысль. 2013. № 3. С. 149–158.

Никонов В. Молотов в вологодской ссылке // Русский Север. Пятница. 2004. 25 февр.

Обручев В.А. На каторге и в ссылке // Путешествия Потанина. Москва: Молодая гвардия, 1951. С. 54–63.

Овечкина С.Ю. Женская политическая ссылка в Архангельской губернии: вторая половина XIX – начало XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2005. 21 с.

Оглоблин Н.Н. Политические ссыльные на Вычегде // Исторический вестник. 1913. Т. 132, № 6. С. 918–924.

Павчинский Э.И. Места не столь отдаленные: из воспоминаний о Вологодской ссылке 1906–1910 годов // Каторга и ссылка. 1932. № 3. С. 167–195.

Панов Л.С. Вологодская ссылка // Москва – Вологодчина: времен связующая нить. Вологда: Древности Севера, 2009. С. 126–131.

Политическая ссылка: отрывки воспоминаний // Огонек. 1925. № 51 (142). С. 8–9.

Рунов В. Страница героической биографии: о поэте и революционере А.К. Гастеве // Север. 1970. № 4.

Рычкова Н. Роль национальных групп в революционном движении во второй половине XIX – начале XX века // Вестник НСО. 2006. Вып. 4. С. 36–41.

Славнитский Н.Р. Ссылка в Олонецкую губернию накануне Первой российской революции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 2 (171). С. 70–75.

Цветков С. Воровский в Вологде: к 60-летию со дня пребывания в Вологодской ссылке // Вологодский комсомолец. 1972. 7 нояб.

Якунина О. Капитан «Красотки» // Премьер. 2007. 5 марта.

References

Demichev P. *Politicheskiye ssyl'nyye na Severe* [Political Exiles in the North]. *Zvezda* [Star], 1967, September 2. (In Russ.)

Dubinina V. *Ssyl'nyy sotnik* [Exiled centurion]. *Stupeni vologodskiye* [Vologda steps], 2004, March 18. (In Russ.)

Ilyinsky M.V. *Arkhangel'skaya ssylka* [Arkhangelsk exile]. St. Petersburg, Energiya Publ., 1906, 294 p. (In Russ.)

Kalashnikova N.V. *Praktika politicheskoy ssylki na Yevropeyskom Severe v XIX – nachale XX vekov* [The practice of political exile in the European North in the

19th – early 20th centuries]. *Yevropeyskiy Sever v sud'be Rossii* [The European North in the fate of Russia]. Vologda, FSIN Publ., 2005, pp. 115–121. (In Russ.)

Kalinina D.A. *Povsednevnyaya zhizn' politicheskikh ssyl'nykh v Vyatskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX v.*: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Everyday life of political exiles in the Vyatka Governorate in the late 19th – early 20th centuries: PhD thesis, summary]. St. Petersburg, 2009, 25 p. (In Russ.)

Konovalov F.Ya. *Politicheskiye ssyl'nyye g. Vologdy v 1907 g.* [Political exiles of Vologda in 1907]. *Istoriya penitentsiarnoy sistemy Rossii v XX veke* [History of the penitentiary system of Russia in the 20th century]. Vologda, FSIN Publ., 2007, pp. 184–190. (In Russ.)

Konovalov F.Ya. *Effektivnost' administrativnoy ssylki kak mery nakazaniya v nachale XX veka* [The effectiveness of administrative exile as a measure of punishment at the beginning of the 20th century]. *Yevropeyskiy Sever Rossii: traditsiya i modernizatsionnyye protsessy. Ch. 1* [The European North of Russia: tradition and modernization processes. Part 1]. Vologda, VGMHA Publ., 2006, pp. 129–136. (In Russ.)

Koroleva L.S. *Povsednevnyaya zhizn' politicheskikh ssyl'nykh v poreformennoy Rossii: sovremennaya istoriografiya voprosa* [Everyday life of political exiles in post-reform Russia: modern historiography of the issue]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life], 2020, no. 2 (14), pp. 106–114. (In Russ.)

Maksimova V.N. *Zhenskaya politicheskaya katorga i ssylka v Vostochnoy Sibiri (1907–1917 gg.)*: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Female political penal servitude and exile in Eastern Siberia (1907–1917): PhD thesis, summary]. Irkutsk, 2003, 28 p. (In Russ.)

Mikhailov B.G. *Bol'sheviki v vologodskoy ssylke* [Bolsheviks in Vologda exile]. Vologda, VGPI Publ., 1974, 52 p. (In Russ.)

Morozova A.Yu. *Chernyy kot, rozovyye lyagushki i "nekrologi na pamyat": vologodskaya ssylka A.A. Bogdanova* [Black cat, pink frogs and "obituaries in memory": Vologda exile of A.A. Bogdanov]. *Historia provinciae – zhurnal regional'noy istorii* [Historia provinciae – journal of regional history], 2021, vol. 5, no. 4, pp. 1092–1142. (In Russ.)

Nefedovsky G.V. *K voprosu o pravovom regulirovanii ssylki v Rossii (konets XIX – nachalo XX vv.)* [On the issue of legal regulation of exile in Russia (late 19th – early 20th centuries)]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern scientific thought], 2013, no. 3, pp. 149–158. (In Russ.)

Nikonov V. *Molotov v vologodskoy ssylke* [Molotov in Vologda exile]. *Russkiy Sever. Pyatnitsa* [Russian North. Friday], 2004, February 25. (In Russ.)

Obruchev V.A. *Na katorge i v ssylke* [At hard labor and in exile]. *Puteshestviya Potanina* [Potanin's Travels]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1951, pp. 54–63. (In Russ.)

Ogloblin N.N. *Politicheskiye ssyl'nyye na Vychegde* [Political exiles on Vychegda]. *Istoricheskiy vestnik* [History Herald], 1913, vol. 132, no. 6, pp. 918–924. (In Russ.)

Ovechkina S.Yu. *Zhenskaya politicheskaya ssylka v Arkhangel'skoy gubernii: Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.*: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Female political exile in the Arkhangelsk Governorate: Second half of the 19th – early 20th centuries: PhD thesis, summary]. Arkhangelsk, 2005, 21 p. (In Russ.)

Panov L.S. *Vologodskaya ssylka* [Vologda exile]. *Moskva – Vologodchina: vremen svyazuyushchaya nit'* [Moscow – Vologda region: the connecting thread of times]. Vologda, Drevnosti Severa Publ., 2009, pp. 126–131. (In Russ.)

Pavchinskiy E.I. *Mesta ne stol' otдалennyye: iz vospominaniy o Vologodskoy ssylke 1906–1910 godov* [Places not so remote: from memoirs about the Vologda exile of 1906–1910]. *Katorga i ssylka* [Penal Servitude and Exile], 1932, no. 3, pp. 167–195. (In Russ.)

Politicheskaya ssylka: otryvki vospominaniy [Political exile: excerpts from memoirs]. *Ogonyok* [Ogoniok], 1925, no. 51 (142), pp. 8–9. (In Russ.)

Runov V. *Stranitsa geroicheskoy biografii: o poete i revolyutsionere A.K. Gasteve* [A page from a heroic biography: about the poet and revolutionary A.K. Gastev]. *Sever* [North], 1970, no. 4. (In Russ.)

Rychkova N. *Rol' natsional'nykh grupp v revolyutsionnom dvizhenii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [The role of national groups in the revolutionary movement in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik NSO* [NSO Herald], 2006, no. 4, pp. 36–41. (In Russ.)

Slavnitsky N.R. *Ssylka v Olonetskuyu guberniyu nakanune Pervoy rossiyskoy revolyutsii* [Exile to the Olonetsk Governorate on the eve of the First Russian revolution]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk State University], 2018, no. 2 (171), pp. 70–75. (In Russ.)

Tsvetkov S. *Vorovskiy v Vologde: k 60-letiyu so dnya prebyvaniya v Vologodskoy ssylke* [Vorovskiy in Vologda: on the 60th anniversary of his stay in Vologda exile]. *Vologodskiy Komsomolets* [Vologda Komsomolets], 1972, November 7. (In Russ.)

Vanyushina O.V. *Iz povsednevnosti zhenshchin, administrativno vyslannykh v Tverskuyu guberniyu (1881–1917 gg.)* [From the everyday life of women administratively exiled to Tver Governorate (1881–1917)]. *Vestnik RGGU. Ser.: Istoricheskiye nauki. Istoriya Rossii* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Historical Sciences. History of Russia], 2013, no. 10 (111), pp. 107–117. (In Russ.)

Vodovozov M.S. *Dom, v kotorom v 1913 g. zhil, nakhodys' v ssylke, V.V. Vorovskiy* [The house in which

V.V. Vorovsky lived in 1913 while in exile]. *Materialy Svoda pamyatnikov istorii i kul'tury RSFSR* [Materials of the Collection of Historical and Cultural Monuments of the RSFSR]. Moscow, 1979, pp. 94–96. (In Russ.)

Volkov N. “*Ni v chem osobom ne zamechalsya...*” [“He Was Not Noticed in Anything Special...”]. *Gubernskiye novosti* [Provincial News], 1995, September 15. (In Russ.)

Yakunina O. *Kapitan “Krasotki”* [Captain of the “Beauty”]. *Prem'yer* [Premier], 2007, March 5. (In Russ.)

Zheleznyak V. *Selo pod Vologdoy* [Village near Vologda]. *Krasnyy Sever* [Red North], 1975, January 28. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.03.2025; одобрена после рецензирования 26.06.2025; принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 26.03.2025; approved after reviewing 26.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3 С. 101–107. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 101–107. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история

УДК 61(091)(470.312)

EDN GJLBII

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-101-107>

ДИНАМИКА ФЕЛЬДШЕРСКОГО ПЕРСОНАЛА В ВОЛОГДСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Позднякова Екатерина Сергеевна, аспирант, кафедра отечественной истории, Вологодский государственный университет, Вологда, Россия, katerina.strogaleva@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-1683-3914>

Аннотация. В статье анализируется динамика фельдшерских кадров в конце XIX – начале XX в. Для этого используются материалы Российского государственного исторического архива (фонд 1297 – Медицинский департамент МВД), данные «Статистического ежегодника» Российской империи, а также статистические материалы по состоянию народного здоровья и организации медицинской помощи за 1913–1923 гг. В работе исследуется «Устав врачебный», который, в свою очередь, вошел в «Свод законов Российской империи», и другие материалы врачебно-санитарного законодательства. Также рассматривается законодательство о деятельности фельдшеров, их права и обязанности, состав фельдшерских кадров. Автор приходит к выводу, что в медицинских отчетах XIX в. информация представлена несистемно. В конце XIX – начале XX в. фельдшер являлся вспомогательным медицинским персоналом, выполняющим свои функции под руководством врача. Законодательно оформленная необходимость пребывания в губернии фельдшера присутствовала только в виде наличия уездного фельдшера. Более четко права и обязанности фельдшеров были оформлены в 1910 г. За исследуемый период количество фельдшерского персонала в Вологодской губернии значительно выросло.

Ключевые слова: фельдшеризм, фельдшер, медицинский персонал, земская медицина, история медицины, земская реформа, медицинский отчет.

Для цитирования: Позднякова Е.С. Динамика фельдшерского персонала в Вологодской губернии в конце XIX – начале XX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 101–107. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-101-107>

Research Article

DYNAMICS OF FELDSHER PERSONNEL IN VOLOGDA PROVINCE IN THE LATE 19TH – THE EARLY 20TH CENTURY

Ekaterina S. Pozdnyakova, postgraduate student, department of Russian History, Vologda State University, Vologda, Russia, katerina.strogaleva@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-1683-3914>

Abstract. The article analyses the dynamics of feldsher personnel in the late 19th – the early 20th centuries. For this purpose, the materials of the Russian State Historical Archive, fund 1297 – Medical Department of the Ministry of Internal Affairs, data from the Statistical Yearbook of the Russian Empire, as well as statistical materials on the state of public health and organisation of medical care for 1913 – 1923 are used. To disclose the topic, the article examined the Medical Regulations, which, in turn, had been included in the Code of Laws of the Russian Empire, and other materials of medical and sanitary legislation. The article reviews the legislation on the activities of feldshers, their rights and duties, the composition of feldsher personnel. The author concludes that medical reports of the 19th century were not systematic. In the late 19th – the early 20th centuries, a feldsher was an auxiliary medical personnel member performing functions under supervision of a physician. Legislatively formalised necessity for a feldsher to stay in a governorate was present only in the form of a district feldsher. The rights and duties of feldshers were formalised more clearly in 1910. During the period under study, the number of feldsher personnel in Vologda Province increased significantly.

Keywords: feldsherism, feldsher, medical personnel, zemstvo medicine, history of medicine, zemstvo reform, medical report.

For citation: Pozdnyakova E.S. Dynamics of feldsher personnel in Vologda Province in the late 19th – the early 20th century. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 101–107. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-101-107>

С середины XIX в. забота о здоровье населения приобрела особую значимость в Российском государстве. Под влиянием экономических и социальных изменений, вызванных Великими реформами 1860-х гг., возникла необходимость развивать систему здравоохранения. Это было обусловлено широким распространением различных эпидемий. В период правления Александра II медицина получила мощный толчок к развитию. Важнейшим событием в данном процессе стало проведение земской реформы, благодаря которой начали формироваться основы организации широкой медицинской помощи. Особенно это было актуально для северных регионов страны: Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний, где суровые климатические условия сочетались со значительной удаленностью населенных пунктов друг от друга. В этих условиях ключевое значение приобрела подготовка медицинского персонала.

Вопросы динамики фельдшерского персонала в той или иной степени рассматривались в ряде работ. Особый интерес исследователи проявляли к такому явлению, как фельдшеризм. В конце XIX – начале XX в. термин «фельдшеризм» имел двоякое значение: в первом случае под фельдшеризмом подразумевалось механическое отношение к больному и его страданиям, а во втором случае под фельдшеризмом понималось явление, когда медицинская помощь населению предоставлялась фельдшерами, а не врачами [Канель: 2].

Работа фельдшеров исследовалась как современниками, так и историками, изучавшими развитие медицины. В дореволюционный период этой проблематике уделяли внимание Я.В. Абрамов [Абрамов], М.Я. Капустин [Капустин], Б.Б. Веселовский [Веселовский], З.Г. Френкель [Френкель] и др. В целом в своих работах они подвергали критике практику фельдшеризма. Например, М.Я. Капустин отмечал, что самостоятельная деятельность фельдшеров «есть зло, возникшее в земской медицине по недоразумению» [Капустин: 40].

В советский период феномен фельдшеризма также становился предметом исследования. Л.Я. Скороходов в работе «Краткий очерк русской медицины» отмечал, что деятельность фельдшера как самостоятельного врача осуждалась врачами, но поддерживалась земскими гласными [Скороходов: 119]. М.М. Левит рассмотрел проблемы обучения фельдшерскому делу [Левит: 140].

На современном этапе исследования, касающиеся изучения вопросов здравоохранения и медицинских кадров, довольно обширны. И.В. Егорышева, Е.И. Данилишина изучают историю фельдшерского образования в дореволюционной России [Егорышева; Данилишина]. По мнению исследователей, в 70–80-е гг. XIX в. земства постоянно испытывали нехватку вра-

чей, однако общественное мнение во врачебной среде склонялось к убежденности в недопустимости самостоятельной медицинской практики фельдшеров. М.Б. Мирский в работах «Медицина России XVI–XIX веков», а также «Медицина России X–XX веков: очерки истории» отмечает, что «фельдшерский строй подрывал в корне общественно-просветительское значение медицины и тормозит развитие её в будущем» [Мирский: 309]. При этом, по мнению исследователя, фельдшерское лечение обходилось земствам несоответственно дорого. Однако есть и обратные оценки. Так, Л.А. Жукова, изучая период 1864–1917 гг., считает, что в стране была создана общественная медицина – явление уникальное для мировой практики. В первые годы существования земской медицины «фельдшер оставался центральным звеном оказания медицинской помощи на селе» [Жукова: 92].

Со второй половины XX в. особое внимание исследователи стали уделять региональной истории здравоохранения. Количество работ возросло в постсоветский период. Например, Ф.Я. Коновалов [Коновалов: 214] рассмотрел вопрос подготовки фельдшерского персонала на территории Вологодской губернии, Н.К. Гуркина пришла к выводу, что фельдшеры и акушерки составляли основную часть медицинских работников в провинции на территории Европейского Севера [Гуркина: 214], а из всего фельдшерского персонала большую часть составляли сельские и уездные фельдшеры. В.Г. Баданов отметил, что развитие самостоятельной фельдшерской практики было одной из особенностей земств Европейского Севера [Баданов: 172].

Основные сведения о работе фельдшеров были извлечены автором данной статьи из Российского государственного исторического архива (фонд 1297 – Медицинский департамент МВД), где выявлена информация, касающаяся статистических сведений по фельдшерскому персоналу Вологодской губернии за период с 1879 по 1893 г. Наиболее важные сведения представлены группой источников по медицинским отчетам Вологодской губернии. Основные статистические данные с 1903 по 1913 г. приведены в «Статистическом ежегоднике» Российской империи, статистика предоставлялась ежегодно в статье: «Организация врачебной помощи в России в <...> году». При сборе данных за 1914–1917 гг. основным источником для получения информации служили статистические материалы по состоянию народного здоровья и организации медицинской помощи за 1913–1923 гг., издаваемые Народным комиссариатом здравоохранения РСФСР.

В Государственном архиве Вологодской области наиболее важные сведения по данной теме представлены в фонде 34 – Вологодская губернская земская

управа. Среди наиболее информативных источников – ведомости, отчеты или доклады уездных земских управ о состоянии здравоохранения в уездах за 1875, 1872, 1886, 1895 гг.; отчеты о состоянии здравоохранения в губернии за 1891, 1897 гг.; «Собрание уездных земских управ о числе фельдшерских пунктов и числе фельдшеров медицинских и ветеринарных, состоящих на службе в земствах».

Рассмотрим, кто относился к категории фельдшерский медицинский персонал. В современном понимании фельдшер – медицинский работник со средним специальным образованием, работающий самостоятельно или под руководством врача¹. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона от 1902 г. фельдшеров сравнивают со средневековыми банщиками-цирюльниками, «которые составляли особый цех и имели право заниматься малой хирургией, вправлять вывихи, накладывать перевязки при переломах и ранах и т. под.»². В конце XIX – начале XX в. различали фельдшеров гражданского, военного и морского ведомства, а также фельдшериц-акушеров³. В медицинских отчетах по Вологодской губернии названы такие категории, как уездные фельдшеры, городовые фельдшеры, сельские фельдшеры, фельдшеры-акушеры и санитарные фельдшеры. Можно предположить, что наименование фельдшеров зависело от рода их деятельности.

Звание фельдшера приобреталось или путем прохождения фельдшерской школы, или путем сдачи экзамена при врачебном управлении. Фельдшерские школы учреждались для «удобнейшего снабжения гражданских общественных и частных больниц и других заведений сведущими в сем деле людьми».

Рассмотрим, наличие каких фельдшеров в губернии требовалось законодательно. Согласно «Уставу врачебному», число уездных фельдшеров в губернии определялось штатами и особым положением³. Должность уездных фельдшеров предоставлялась лицам, окончившим курс в фельдшерских школах, где объем преподавания «не ниже определенного нормальную программу сих заведений» или получивших на звание фельдшера свидетельство губернского врачебного управления³. При необходимости допускались кандидаты, способные к исполнению обязанностей с разрешения губернатора, но без преимуществ государственной службы. О необходимости иметь в губерниях городских фельдшеров в «Уставе врачебном» не упоминается, однако в медицинских отчетах Вологодской губернии зафиксировано наличие городских фельдшеров при городских врачах.

Часть фельдшеров приглашались на службу земствами, впоследствии их могли называть земский фельдшер. Такие фельдшеры могли пользоваться правами государственной службы на тех же основаниях, что и земские врачи (земства могли возбуждать

ходатайства о предоставлении врачу государственной службы, однако с условием, что «мера эта не потребует никаких со стороны казны издержек»⁴).

Постепенно к фельдшерской деятельности стали приобщать женщин. Появились первые женские фельдшерские, повивально-фельдшерские или фельдшерско-акушерские школы [Перфильева: 40]. В последних двух случаях готовили специалистов, которые совмещали две профессии. Это считалось экономически выгодным.

В определенных случаях фельдшеров могли именовать санитарными фельдшерами. Так, в конце XIX – начале XX в. в России существовали передвижные медицинские, или «летучие», отряды, которые оказывали помощь населению в труднодоступных и малонаселенных территориях губерний. В Вологодской губернии существовал санитарный отряд на 100 кроватей, который был организован в 1877 г. местным управлением Общества попечения о раненых и больных воинах на пожертвования жителей г. Вологды и городской думы. Персонал отряда составлял 16 человек, включая трёх фельдшеров³².

Таким образом, в «Уставе врачебном» упоминаются лишь уездные фельдшеры, число которых точно не определено.

Рассмотрим права и обязанности фельдшерского персонала. В конце XIX – начале XX в. точного определения рамок фельдшерской практики не было. В «Уставе врачебном», говоря о практике фельдшеров, роль данного персонала обычно определялась как вспомогательная. В начале XX в. земские организации сошлись во мнении, что фельдшеры должны работать под контролем и руководством врача, самостоятельная практика фельдшеров должна быть запрещена [Егорышева: 50]. Иногда на фельдшерский персонал возлагался прием больных в амбулаториях, заведование приемными покоями или лечебными заведениями, но подразумевалось, что деятельность фельдшеров в любом виде проходит под руководством врачей³³. О вольной фельдшерской практике информации в законах нет, даже аптекам запрещалось продавать лекарства по рецептам фельдшеров [Егорышева: 50].

Четко установленных функциональных обязанностей фельдшера, а также разграничения его функций с врачебными не было. По мнению И.В. Егорышевой и Е.И. Данилишиной, права и обязанности фельдшеров были законодательно оформлены в 1910 г. [Егорышева: 50]. Фельдшер имел право действовать самостоятельно в следующих случаях: при остро протекающих опасных болезнях в местах, где нет врача; при появлении «эпидемических и заразительных» болезней; при малых хирургических операциях (наложение повязок при переломе, кровопускание, оспопрививание), при неотложной помощи отравив-

шимся, утопленникам, мнимоумершим [Сироткина, Ищук, Голубева: 156].

Охарактеризуем сведения о динамике фельдшерских кадров. В 1879 г. «всех фельдшеров» в Вологодской губернии состояло 124⁹. Под формулировкой «всех фельдшеров» в данном контексте подразумевались как медицинские фельдшеры, так и ветеринарные, а также лекарские ученики. Однако нередко довольно трудно сказать, кто именно входил в состав фельдшерского состава из-за особенностей сбора статистической информации, когда общие цифры не сопровождаются дополнительными материалами. В 1887 г. количество фельдшеров в Вологодской губернии выросло до 166¹², а в 1893 г. – до 177¹⁷. К 1903 г. общее количество фельдшеров возросло до 234⁶, к 1908 г. – до 333 специалистов⁷, к 1913 г. – до 410⁸. В 1917 г. зафиксировано 284 специалиста⁵. Таким образом, с 1879 г. наблюдается общий рост численности фельдшерского персонала. С 1879 по 1917 г. количество фельдшеров увеличилось со 124 до 284, то есть в 2,2 раза. Минимальное число фельдшеров было зафиксировано в 1879 г. – 124 специалиста⁹. Максимальное количество в 1913 г. – 410 специалистов⁸. После 1913 г. произошло резкое снижение медицинского персонала до 284 человек в 1917 г. Вероятно, на это могла повлиять как внешнеполитическая ситуация, так и революционные события.

С 1886 г. есть возможность разделить фельдшеров по гендерному признаку – в это время фельдшерами были 143 мужчины и 6 женщин¹¹; в 1893 г. – 170 мужчин и 7 женщин¹⁷; в 1908 г. – 276 мужчин и 5⁷ женщин, в 1913 г. – 334 мужчины⁸ и 76 женщин; в 1917 г. – 223 мужчины и 61 женщина⁵. Таким образом, доля женщин постоянно росла, что связано с их приобщением к получению фельдшерского образования, а также расширением женской профессиональной деятельности в медицине.

Известно, что в 1880 г. 19 фельдшеров в Вологодской губернии находились на штатных должностях и еще 120 – на земской службе¹⁰. В 1889 г. из 173 фельдшеров 10 специалистов работали при уездных врачах; при городских врачах – 2 фельдшера, земских участковых фельдшеров насчитывалось 88, при больницах и приемных покоях – 71 человек и при учебных заведениях и фабриках – 2 специалиста¹³. Таким образом, в 1880 г. основная нагрузка приходилась на земскую медицину, как и в 1889 г., когда более половины фельдшеров (51 %) работали в земской участковой медицине. Также значительная часть специалистов (41 %) была задействована в медицинских учреждениях. Важно отметить минимальное число фельдшеров при фабриках и учебных заведениях, это может говорить о слабом развитии здравоохранения в промышленности и образовании.

С 1890 г. фиксировали количество специалистов в губернском городе, уездных городах и уездах. За период с 1890 по 1893 г. выявлена тенденция к сокращению фельдшеров в губернском городе с 18 в 1890 г.¹⁴ до 9 в 1893 г.¹⁷ В уездных городах общее количество фельдшеров варьировалось незначительно – от 35 до 38. В уездах в 1890 г. выявлено 115 специалистов¹⁴, к 1891 г. число специалистов сократилось на 14 единиц¹⁵, однако уже к 1892 г. количество фельдшеров со 101 специалиста выросло до 120¹⁶ и до 133 – в 1893 г.¹⁷ Таким образом, наибольшее количество фельдшерского персонала находилось и постепенно росло в уездах, что говорит о необходимости фельдшерского персонала в сельской местности.

Встает вопрос о том, достаточно ли фельдшерского персонала было в губернии. В изученных документах обязательного количества фельдшерского персонала в отношении к численности населения выявлено не было. По данному вопросу В. Баданов писал: «Усилиями земских врачей в 1870-е гг. был разработан проект организации участковой медицинской помощи сельскому населению... <...> Штат медицинского участка должен был состоять из 1 врача, 2 фельдшеров и 1 повитухи» [Баданов: 173]. В 1893 г. в Вологодской губернии насчитывалось 24 участка¹⁷, таким образом, из расчета 2 фельдшера на участок минимальная норма составляла 48 фельдшеров. В 1893 г. фельдшеров, занимающихся медицинской практикой в уездах, исключая уездные города и уездные больницы, насчитывалось 129, а также 4 фельдшерицы¹⁷. Таким образом, норма количества фельдшерского персонала, с учетом фельдшериц, была превышена примерно в три раза (2,7).

Важно отметить, что в первые годы существования земской медицины из-за недостатка медицинского персонала некоторые фельдшерские пункты были закрыты. Так, в ведомости о состоянии сельской врачебной части по Грязовецкому уезду¹⁸ в 1871 г. указано, что в уезде числится 5 фельдшерских пунктов, при этом работает только 3 из них, два же закрыты из-за недостатка фельдшеров. На нехватку фельдшерского персонала указывают и объявления о приглашении на должность медицинского фельдшера в 1870 г. в Вологодском²⁴ и Сольвычегодском уездах²⁵, в 1872 г. – в Усть-Сысольском²⁶ и Никольском уездах²⁷, в 1874 г. – в Великоустюгском уезде²⁸. Также публиковались объявления о приеме на работу фельдшеров в 1901 г. – в Усть-Сысольский²⁹ и Никольский уезды³⁰, в 1902 г. – в Усть-Сысольскую управу³¹, в 1906 г. – в Усть-Сысольский уезд²³, 1909 г. – также в Усть-Сысольский уезд²¹. В 1911 г. Вологодская уездная земская управа приглашала школьных фельдшеров²⁰. Из переписки Никольской земской управы о раскладе повинностей выявлена информация, что «незначительность окладов жалованья, ассиг-

нованного для повивальных бабок и фельдшеров, не дает возможности привлечь желающих занять сказанные должности, вследствие чего остается незамещенных 8 вакансий»¹⁹.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. фельдшер являлся медицинским работником, выполняющим функции под руководством врача. Законодательно оформленная необходимость присутствия в губернии фельдшера выявлена только в отношении уездного фельдшера. Согласно правам и обязанностям фельдшеров, которые были определены в 1910 г., фельдшер имел право самостоятельной практики в ограниченных случаях. В первое время существования земств потребность в фельдшерском персонале оставалась на высоком уровне, однако со временем количество специалистов росло и к 1917 г. увеличилось в 2,2 раза по сравнению с 1879 г., что свидетельствует о развитии системы здравоохранения. Женщины с каждым годом составляли всё большую часть фельдшерских кадров, что отражает социальные изменения в дореволюционной России. В 1880 г. большая часть фельдшерского персонала находилась на земской службе, как и в 1893 г. В 1893 г., по сравнению с 1890 г., количество специалистов в губернском городе сократилось, в то же время в уездах количество фельдшерского персонала росло, что, вероятно, отражает потребность населения уездов в данных специалистах. 1913 г. стал пиковым в развитии фельдшерских кадров.

Примечания

¹ Энциклопедический словарь медицинских терминов: практическое пособие / под ред. В.И. Покровского. Москва: Медицина, 2005. С. 1263.

² Энциклопедический словарь. Т. 35: Усинский пограничный округ – Фенол / изд.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Санкт-Петербург: Тип.-лит. И.А. Ефрона, 1902. С. 442.

³ Устав врачебный // Свод законов Российской империи. Т. 13. Санкт-Петербург, 1905. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&empire=1&collection=0&volume=100017&pg=176&contentsname=%D3%D1%D2%C0%C2+%C2%D0%C0%D7%C5%C1%CD%DB%C9&sort=1&ysclid=m7c0r8xo3h259317064> (дата обращения: 05.03.2025).

⁴ Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1890 г. № 41. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/polozhenie_o_gubernskih_i_zemskih_1890

⁵ Статистические материалы по состоянию народного здоровья и организации медицинской помощи в СССР за 1913–1923 гг. Москва: Изд-во НКЗ РСФСР. 1926 г. С. 110–111.

⁶ Ежегодник России 1905 г. (год второй) / Центральный статистический комитет МВД. Санкт-Петербург, 1906. С. 626–627.

⁷ Ежегодник России 1909 г. (год шестой) / Центральный статистический комитет МВД. Санкт-Петербург, 1910. С. 120–121.

⁸ Статистический ежегодник России 1915 г. (год двенадцатый) / Центральный статистический комитет МВД. Санкт-Петербург, 1916. С. 1–2.

⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1297. Оп. 277. Д. 48. Л. 58 об.

¹⁰ РГИА. Ф. 1297. Оп. 278. Д. 4137. Л. 30.

¹¹ РГИА. Ф. 1297. Оп. 284. Д. 104. Л. 35.

¹² РГИА. Ф. 1297. Оп. 285. Д. 108. Л. 5.

¹³ РГИА. Ф. 1297. Оп. 287. Д. 121. Л. 81.

¹⁴ РГИА. Ф. 1297. Оп. 288. Д. 45. Л. 133.

¹⁵ РГИА. Ф. 1297. Оп. 289. Д. 62. Л. 171.

¹⁶ РГИА. Ф. 1297. Оп. 290. Д. 61. Л. 113.

¹⁷ РГИА. Ф. 1297. Оп. 291. Д. 57. Л. 95–96.

¹⁸ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 34. Оп. 1. Д. 89. Л. 9.

¹⁹ ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1878. Л. 12.

²⁰ Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. Вып. 1 / Санбюро Вологодского губернского земства. Вологда, 1911. С. 46.

²¹ Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. Вып. 2 / Санбюро Вологодского губернского земства. Вологда, 1909. С. 174.

²² Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. Вып. 6 / Санбюро Вологодского губернского земства. Вологда, 1903. С. 26.

²³ Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. Вып. 12 / Санбюро Вологодского губернского земства. Вологда, 1906. С. 874.

²⁴ Вологодские губернские ведомости. 1870. Вып. 50. С. 4; Там же. Вып. 52. С. 4.

²⁵ Вологодские губернские ведомости. 1870. Вып. 54. С. 3; Там же. 1871. Вып. 1. С. 3.

²⁶ Вологодские губернские ведомости. 1872. Вып. 49. С. 2; Там же. 1874. Вып. 14. С. 2.

²⁷ Вологодские губернские ведомости. 1872. Вып. 51. С. 3; Там же. Вып. 52. С. 5; Там же. Вып. 53. С. 2; Там же. 1874. Вып. 2. С. 4; Там же. Вып. 84. С. 4; Там же. Вып. 85. С. 2.

²⁸ Вологодские губернские ведомости. 1874. Вып. 2. С. 4.

²⁹ Вологодские губернские ведомости. 1901. Вып. 6. С. 3.

³⁰ Вологодские губернские ведомости. 1901. Вып. 8. С. 2.

³¹ Вологодские губернские ведомости. 1902. Вып. 8. С. 2.

³² Вологодские епархиальные ведомости. 1877. Вып. 14. С. 256.

³³ Фрейберг Н.Г. Врачебно-санитарное законодательство в России: узаконения и распоряжения правительства по гражданской медицинской, санитарной и фармацевтической частям, опубликованные по 1 ян-

варя 1913 г. 3-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Практическая медицина Ф.В. Этингер, 1913. С. 283.

Список литературы

Абрамов Я.В. Что сделало земство и что оно делает. Санкт-Петербург: Тип. газ. «Новости», 1889. IV. 288 с.

Баданов В.Г. Земская медицина на русском севере // Север. 2014. № 9. С. 168–182.

Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Санкт-Петербург: Изд-во О.Н. Поповой, 1909–1911. Т. 1. 741 с.

Гуркина Н.К. Сельская медицина Европейского Севера дореволюционной России // Управленческое консультирование. 2010. № 3. С. 204–222.

Егорышева И.В., Данилишина Е.И. Из истории фельдшерского образования в дореволюционной России // Медицинская помощь. 1999. № 6. С. 48–50.

Жукова Л.А. Земское самоуправление и бюрократия в России: Конфликты и сотрудничество 1864–1917 гг. Москва: Хронограф, 1998. С. 179.

Канель В.Я. Что такое фельдшеризм? Москва: Правл. Союза о-в помощн. врачей, 1912. 26 с.

Капустин М.Я. Основные вопросы земской медицины. Санкт-Петербург: К.Л. Риккер, 1889. VI, [2], 134 с.

Коновалов Ф.Я. Земское здравоохранение в Вологодской губернии // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / гл. ред. Г.В. Судаков. Вологда, 2007. С. 205–211.

Левит М.М. Становление общественной медицины в России. 1974 г. Москва: Медицина, 1974. 232 р.

Мирский М.Б. Медицина России X–XX веков: очерки истории. Москва: РОССПЭН, 2005. 631 с.

Мирский М.Б. Медицина России XVI–XIX веков. Москва: Российская политическая энциклопедия, 1996. 376 с.

Перфильева Г.М. Фельдшер – детище Российское // Медицинская сестра. 2003. № 2. С. 40–41.

Сироткина О.В., Ищук Т.Н., Голубева И.С. [и др.] Перспективы реализации бакалаврской программы лечебного дела // Российский кардиологический журнал. 2020. Вып. 25 (10). С. 154–158.

Скорыходов Л.Я. Краткий очерк истории русской медицины: с 20 портретами. Ленинград: Практическая медицина, 1926. 262 с.

Френкель З.Г. Очерки земского врачебно-санитарного дела: (по данным работ, произведенных для Дрезденской и Всероссийской гигиенических выставок). Санкт-Петербург: Тип. АО «Слово», 1913. X, [2], 228 с.

References

Abramov Ia.V. *Chto sdelalo zemstvo i chto ono delaet* [What the zemstvo has done and what it is doing].

Sankt-Peterburg, Novosti Publ., 1889, IV, 288 p. (In Russ.)

Badanov V.G. *Zemskaya meditsina na russkom severe* [Zemstvo medicine in the Russian North]. *Sever* [North], 2014, no. 9, pp. 168–182. (In Russ.)

Egorysheva I.V., Danilishina E.I. *Iz istorii fel'dsher'skogo obrazovaniia v dorevoliutsionnoi Rossii* [From the history of feldsher education in pre-revolutionary Russia]. *Meditsinskaia pomoshch'* [Medical care], 1999, no. 6, pp. 48–50. (In Russ.)

Frenkel' Z.G. *Ocherki zemskogo vrachebno-sanitarnogo dela: (po dannym rabot, proizvedennykh dlia Drezdenskoi i Vserossiiskoi gigienicheskikh vystavok)* [Sketches of zemstvo medical and sanitary affairs: (according to the data of the works produced for the Dresden and All-Russian hygienic exhibitions)]. St. Petersburg, Slovo Publ., 1913, X, [2], 228 p. (In Russ.)

Gurkina N.K. *Sel'skaia meditsina Evropeiskogo Severa dorevoliutsionnoi Rossii* [Rural medicine of the European North of pre-revolutionary Russia]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management consulting], 2010, no. 3, pp. 204–222. (In Russ.)

Kanel' V.Ia. *Chto takoe fel'dsherizm?* [What is Feldsherism?]. Moscow, Pravl. Soiuza o-v pomoshchn. vrachei Publ., 1912, 26 p. (In Russ.)

Kapustin M.Ia. *Osnovnye voprosy zemskoi meditsiny* [Basic issues of zemstvo medicine]. St. Petersburg, K.L. Rikker Publ., 1889, VI, [2], pp. 134. (In Russ.)

Konovalev F.Ia. *Zemskoe zdravookhranenie v Vologodskoi gubernii* [Zemstvo healthcare in Vologda province]. *Russkaia kul'tura novogo stoletii: problemy izucheniia, sokhraneniia i ispol'zovaniia istoriko-kul'turnogo nasledii* [Contemporary Russian culture: issues of studying, preserving and use of historical-cultural heritage], ed. by G.V. Sudakov. Vologda, 2007, pp. 205–211. (In Russ.)

Levit M.M. *Stanovlenie obshchestvennoi meditsiny v Rossii*. 1974 g. [Formation of Public Medicine in Russia, 1974]. Moscow, Meditsina Publ., 1974, 232 p. (In Russ.)

Mirskii M.B. *Meditsina Rossii X–XX vekov: ocherki istorii* [Medicine of Russia X–XX centuries: sketches of history]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005, 631 p. (In Russ.)

Mirskii M.B. *Meditsina Rossii XVI–XIX vekov* [Medicine of Russia XVI–XIX centuries]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia Publ., 1996, 376 p. (In Russ.)

Perfil'eva G.M. *Fel'dsher – detishche Rossiiskoe* [Feldsher - the brainchild of Russia]. *Meditsinskaia sestra* [Nurse], 2003, no. 2, pp. 40–41. (In Russ.)

Sirotkina O.V., Ishchuk T.N., Golubeva I.S. et al. *Perspektivy realizatsii bakalavrskoi programmy lechebnogo dela* [Prospects of realization of the bachelor's program of medical business]. *Rossiiskii kardiologicheskii zhurnal*, 2020, vol. 25 (10), pp. 154–158. (In Russ.)

Skorokhodov L.Ia. *Kratkii ocherk istorii russkoi meditsiny: s 20 portretami* [Short sketch of the history of Russian medicine: with 20 portraits]. Leningrad, Prakticheskaya meditsina Publ., 1926, 262 p. (In Russ.)

Veselovskii B.B. *Istoriia zemstva za sorok let* [History of zemstvo for forty years]. St. Petersburg, Izd-vo O.N. Popovoi Publ., 1909–1911, vol. 1, 741 p. (In Russ.)

Zhukova L.A. *Zemskoe samoupravlenie i biurokratiia v Rossii: Konflikty i sotrudnichestvo 1864–*

1917 gg. [Zemstvo self-government and bureaucracy in Russia: Conflicts and cooperation 1864–1917 gg]. Moscow, Khronograf Publ., 1998, 179 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.05.2025; одобрена после рецензирования 02.06.2025; принята к публикации 14.06.2025.

The article was submitted 20.05.2025; approved after reviewing 02.06.2025; accepted for publication 14.06.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3 С. 108–117. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 108–117. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история

УДК 336.712(091)(470.317)

EDN ELXLKH

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-108-117>

РОЛЬ УПРАВЛЯЮЩИХ КОСТРОМСКИМ ОТДЕЛЕНИЕМ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА В ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЁТНО-ССУДНОГО КОМИТЕТА ПРИ ОТДЕЛЕНИИ (1884–1917 ГГ.)

Ковров Тимур Артушевич, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры менеджмента, технологий бизнеса и гуманитарных дисциплин Ивановского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова, Иваново, Россия, covrov.t@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2708-8134>

Аннотация. В статье исследуется роль управляющих Костромским отделением Государственного банка в организации деятельности учётно-ссудного комитета, образованного при отделении и действовавшего в указанный период. Эти полномочия управляющих были регламентированы статьями Уставов Государственного банка, утверждённых в 1860 и 1894 гг. Управляющие отделением совмещали функции председателей комитетов. К компетенции управляющих относились: решающее право голоса на заседаниях комитета, пополнение комитета новыми членами в случае экономической необходимости, а также представление отдельных членов комитета к награждению почётными наградами за службу в комитете. Статья подготовлена на основе документов Российского государственного исторического архива, впервые вводимых в научный оборот. Извлечённая из этих документов информация позволяет выяснить имена, фамилии, сословную принадлежность, время управления руководителями Костромского банковского отделения, их роль в организации действовавшего учётно-ссудного комитета, личные и профессиональные характеристики. В период с 1884 по 1917 г. в Костромском отделении сменилось 6 управляющих. Каждый из них внёс свой вклад в развитие деятельности отделения и учётно-ссудного комитета. Итогом успешной политики управляющих Костромским отделением к 1917 г. стало развитие четырёх направлений деятельности учётно-ссудного комитета: по торгово-промышленным кредитам, по сельскохозяйственным кредитам, по мелкому кредиту и по кредитной кооперации.

Ключевые слова: Государственный банк, отделение, управляющий, Кострома, Костромское отделение Госбанка, учётно-ссудный комитет, торгово-промышленное кредитование, кредитование сельского хозяйства, мелкий кредит, кредитная кооперация.

Для цитирования: Ковров Т.А. Роль управляющих Костромским отделением Государственного банка в организации деятельности учётно-ссудного комитета при отделении (1884–1917 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 108–117. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-108-117>

Research article

THE ROLE OF MANAGERS OF KOSTROMA BRANCH OF THE STATE BANK IN ORGANISING THE ACTIVITIES OF THE ACCOUNTING AND LOAN COMMITTEE AT THE BRANCH (1884–1917)

Timur A. Kovrov, PhD in History, lecturer of the Department of Management, Business Technologies and Humanities, Ivanovo branch of the Plekhanov Russian University of Economics, Ivanovo, Russia, covrov.t@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2708-8134>

Abstract. The article examines the role of managers of Kostroma branch of the State Bank in organising the activities of the accounting and loan committee formed at the branch and operating during the specified period. These powers of managers were regulated by the articles of the Charter of the State Bank, approved in 1860 and 1894. The branch managers combined the functions of committee chairmen. The managers' competence included the decisive vote at committee meetings, replenishment of the committee with new members in case of economic necessity, as well as the nomination of individual committee members for awarding honorary awards for service on the committee. The article was prepared on the basis of documents from the Russian State historical archive, which have been introduced into scientific circulation for the first time. The information extracted from these documents, makes it possible to find out the names, surnames, class affiliation, management time of Kostroma banking branch managers, their role in holding the existing accounting and loan committee, personal and professional characteristics. In the period from 1884 to 1917, six managers were replaced in Kostroma branch. Each of them contributed to the development of four areas of activity of the activities of the department and the accounting

and loan committee. The result of the successful policy of Kostroma branch managers by 1917 was the development of four areas of activity of the accounting and loan committee – trade and industrial loans, agricultural loans, small loans and credit cooperation.

Keywords: State bank, branch, manager, Kostroma, State Bank Kostroma branch, accounting and loan committee, trade and industrial lending, agricultural lending, small loans, credit cooperation.

For citation: Kovrov T.A. The role of managers of Kostroma branch of the State Bank in organising the activities of the accounting and loan committee at the branch (1884–1917). *Vestnik of Kostroma State University*, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 108–117. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-108-117>

Из содержания статей Уставов Государственно-го банка (далее Банк, Госбанк) от 1860 и 1894 г. следует, что при всех региональных учреждениях Банка на территории империи образовывались учётно-ссудные комитеты (далее УСК). В число вопросов, рассматриваемых на заседаниях комитетов, входило кредитование отраслей торговли и промышленности, сельского хозяйства и (со временем) мелкого предпринимательства и кредитной кооперации. В составе комитетов на правах его членов числились коммерсанты, фабриканты, землевладельцы из разных сословий, обладавшие знаниями в указанных отраслях и имевшие высокую репутацию в обществе. Председателями УСК являлись управляющие местных учреждений Госбанка. Управляющие осуществляли поиск новых кандидатов для представления их Банку на утверждение в члены комитета и представляли отдельных особо отличившихся на службе членов к награждению почётными наградами.

Тема Госбанка широко освещена в первом томе фундаментального труда «История Банка России. 1860–2010» [История]. Деятельность региональных учреждений Госбанка и УСК при них также изучалась в отечественной историографии. Вышеперечисленные исследования можно разделить на две группы. К первой относятся труды, посвящённые деятельности крупнейших территориальных учреждений Госбанка. Это научные монографии А.В. Бугрова [Бугров] и В.В. Морозана [Морозан 2021]. Во вторую группу входят работы о деятельности региональных учреждений Госбанка, расположенных в губернских, уездных и безуездных городах. Отметим монографии В.С. Околотина [Околотин], Н.И. Гавриловой и В.П. Шахерова [Гаврилова, Шахеров], коллективный труд о рязанской банковской системе [Рязанская банковская энциклопедия], работу В.В. Морозана [Морозан]. Также отдельные аспекты деятельности УСК при отделениях Госбанка Владимирской губернии изучены в статьях, подготовленных Т.А. Ковровым в соавторстве с В.С. Околотиным [Ковров, Околотин 2021, 2022].

Актуальность. Во всех вышеперечисленных работах не затрагивалась тема роли управляющих отделениями Банка в организации деятельности УСК при отделениях, что и определяет актуальность темы данной статьи. Автор выявил информацию об управ-

ляющих отделениями Госбанка Владимирской, Костромской и Ярославской губерний.

Актуальность темы нынешней статьи усиливается тем, что документы об управляющих Костромским отделением Госбанка сохранились исключительно в фондах Российского государственного исторического архива. В материалах же Государственного архива Костромской области имеются дела лишь о нескольких управляющих Костромским отделением, но они находятся в неудовлетворительном физическом состоянии в силу объективных причин.

Роль управляющих в организации деятельности УСК

К.И. Кузьмин до перевода его в открываемое Костромское отделение занимал должность «управляющего Роменским отделением Банка»¹. Банковское учреждение в Костроме начало свою деятельность «1 сентября 1884 г.»², и с того же времени Кузьмин стал управлять означенным отделением. Учётная операция Костромскому отделению была разрешена Госбанком «в марте 1885 г.»³, и тогда же при отделении оперативно был создан учётно-ссудный комитет. Согласно банковскому Уставу, управляющий отделением Кузьмин стал председательствовать в комитете.

С первого же месяца своего функционирования комитет стал развивать свою деятельность по двум основным направлениям: торгово-промышленного и сельскохозяйственного кредитований. В соответствии с этим Кузьмин своевременно представил Госбанку отобранных кандидатур для утверждения их членами комитета по данным направлениям. Первый состав комитета по торгово-промышленному кредитованию был утверждён министром финансов «13 марта 1885 г.»⁴ из нескольких костромских купцов, а по сельскохозяйственным кредитам – «30 мая 1885 г.»⁵ из местных землевладельцев дворянского сословия.

Добавление к компетенции УСК при Костромском отделении сельскохозяйственного кредитования обуславливалось изменением политики Госбанка, связанным с включением в 1884 г. в число операций Банка выдачи ссуд землевладельцам под сельскохозяйственную продукцию.

К.И. Кузьмин руководил Костромским отделением до апреля 1891 г., когда распоряжением управ-

ляющего Госбанка был переведён на аналогичную должность в Курское отделение банка. В целом в период руководства Костромским отделением Кузьмин как председатель УСК при отделении по обоим направлениям периодически пополнял состав комитета новыми лицами из купеческого и дворянского сословий. Такая политика не была новаторской и объяснялась необходимостью для отделения иметь сведения по многим отраслям торговли и промышленности, для чего требовалось утверждать в комитете лиц, сведущих в различных отраслях. В период руководства Кузьминым отделением количественный состав УСК по торгово-промышленным кредитам немного превышал состав УСК по сельскохозяйственным кредитам, из чего можно предположить, что на заседаниях комитета вопросам кредитования торгово-промышленного кредитования уделялось больше внимания. Но каких-либо существенных изменений в работе комитета по обоим направлениям в первые 7 лет его деятельности не происходило. В период управления Кузьминым Костромским отделением не было выбывания членов комитета из его состава.

Д.П. Яковлев был «старшим делопроизводителем в Воронежской казённой палате и почётным мировым судьёй Кинешемского судебного округа, 12 лет состоял председателем Кинешемской уездной земской управы и 4 года был председателем общества взаимного кредита Кинешемского уездного земства»⁶. Яковлев, дослужившийся к 1885 г. до чина коллежского асессора, в прошении к управляющему Госбанком от 12 июня 1885 г. «изъявил желание служить по банковскому ведомству»⁷. 1 августа из Банка поступил официальный ответ Яковлеву о «согласии Министра финансов открыть отделение банка в Иваново-Вознесенске и о назначении Яковлева управляющим этим отделением с 23 июля 1885 г.»⁸

Д.П. Яковлев стал первым управляющим Иваново-Вознесенского отделения банка и председателем учреждённого при отделении УСК по торгово-промышленным кредитам. Исполнял свои полномочия Яковлев по данному ведомству до апреля 1891 г. Ещё 30 января 1891 г. Яковлев обратился к управляющему Госбанком с прошением «перевести его, вследствие семейных обстоятельств, на аналогичную должность в Костромское отделение, если там освободится вакансия управляющего»⁹. После перевода Кузьмина управляющим в Курское отделение управляющий Банком в письме министру финансов от 3 апреля 1891 г. ходатайствовал «об утверждении Яковлева управляющим Костромским отделением»¹⁰. 15 апреля из Министерства финансов пришло официальное донесение в Госбанк «о назначении товарищем Министра финансов 8 апреля статского советника Яковлева управляющим Костромским банковским учреждением»¹¹. Далее Яковлев сдал в установленном порядке

должность управляющего контролёру Иваново-Вознесенского отделения и направился к новому месту службы. Прибыл Яковлев в Кострому 20 мая и с того же числа вступил в должность управляющего Костромским отделением¹².

Как и Кузьмин, Яковлев совмещал обязанности председателя УСК при отделении, курируя вопросы торгово-промышленного и сельскохозяйственного кредитований. В период руководства Костромским отделением Яковлев неоднократно осуществлял поиск новых кандидатов в члены комитета по обоим направлениям. Усиление состава комитета по торгово-промышленному направлению было обусловлено необходимостью для Костромского отделения получать сведения о состоянии различных отраслей торговли и промышленности. А поиск новых кандидатов для утверждения в комитете по сельскохозяйственным кредитам объяснялся прежде всего выбытием отдельных членов комитета. Так, в 1893 г. состав комитета по сельскохозяйственным кредитам сократился с четырех до одного. После поиска подходящих на должность члена комитета лиц Яковлев представил Госбанку трех дворян, ведущих сельское хозяйство и имевших большие земельные владения. Все трое были утверждены Министром финансов членами комитета «16 июня 1893 г.»¹³ В том же году Яковлев, действуя в интересах всего торгового сословия, пополнил состав комитета по торгово-промышленному направлению несколькими новыми предпринимателями из купеческого сословия Костромы.

В период управления Костромским отделением банка Яковлев несколько раз был в отпусках, официально разрешаемых Министром финансов. Длительность и цели отпусков были разными: «в 1891 г. — с 17 по 20 декабря для поездки в г. Кинешму»¹⁴, «в 1892 г. — на июнь для поездки в разные места Империи»¹⁵ и в 1893 г. — на сентябрь для поездки в разные города Империи»¹⁶.

Во время руководства Д.П. Яковлевым Костромским отделением произошли законодательные изменения в деятельности УСК при местных учреждениях Госбанка. В ходе реформы Госбанка, инициатором которой был министр финансов С.Ю. Витте, 6 июня 1894 г. был принят новый банковский Устав, согласно которому «целью Госбанка являлось облегчение денежных оборотов, содействие посредством краткосрочного кредита отечественной торговле, промышленности и сельскому хозяйству, а также упрощение денежной кредитной системы» [Устав: 1]. Ст. 60 Устава утвердила в числе прочих задач УСК при местных учреждениях Госбанка «выдачу промышленных ссуд землевладельцам под сельскохозяйственную продукцию» [Устав: 29]. В компетенцию УСК официально были включены вопросы кредитования сельскохозяйственной отрасли экономики. Со-

гласно ст. 61 устава, «в качестве членов комитетов по кредитам торговым и промышленным следовало приглашать из лиц, известных своей опытностью в торговле и промышленности, а по кредитам сельскохозяйственным — из сведущих местных сельских хозяев» [Устав: 29]. В целом новый Устав Банка законодательно утвердил уже несколько лет имевшую место тенденцию в УСК при некоторых банковских отделениях, в том числе УСК при Костромском отделении.

Однако из материалов дела Яковлева следует, что его полномочия управляющего Костромским отделением были прекращены вскоре после введения в действие нового Устава Банка, то есть реализация на практике новелл Устава в УСК при Костромском отделении пришлась фактически на период управления отделением новым чиновником.

1 февраля 1895 г. Яковлев обратился в Госбанк «с прошением об увольнении его от службы ввиду преклонного возраста»¹⁷. Управляющий Банком в донесении от 16 февраля известил Костромское отделение об «освобождении Яковлева от возложенных на него обязанностей по должности управляющего означенным отделением с 1 января 1895 г.»¹⁸

В докладной записке, направленной управляющему Госбанком в декабре 1895 г., Яковлев подчеркнул, что «его деятельность на посту управляющего Иваново-Вознесенским (1885–1891 гг.) и Костромским (1891–1894 гг.) отделениями Госбанка была подчинена возложенной на банковские отделения цели — содействовать развитию местной торговли и промышленности посредством широко и правильно поставленной учётной операции. Судя по данным банковских операций, эта цель успешно была достигнута. В частности, Костромское отделение за 7 лет (с 1884 по 1890 г. включительно) своего существования из года в год давало убыток, общая цифра которого за 7 лет достигла 78 тыс. руб. с лишним. За 4 года (с 1891 по 1894 г. включительно) управления Яковлевым отделением по операциям отделения получено 25 тыс. руб. с лишним чистой прибыли. За период управления Яковлевым вышеуказанными отделениями не было ни одного случая взыскания по принятым к учёту векселям»¹⁹. Яковлев надеялся, что «его почтенный преемник г. Голубин засвидетельствует, в каком порядке он, Яковлев, оставляет ему, Голубину, Костромское отделение»²⁰.

Таким образом, первый управляющий Костромским отделением К.И. Кузьмин зарекомендовал себя на этом посту не с самой лучшей стороны, так как, несмотря на его усилия по развитию действий отделения, деятельность последнего была убыточной. Д.П. Яковлев, очевидно, приложил массу усилий, чтобы вывести Костромское отделение в прибыль, и ему это удалось. Возможно, Яковлев, руководя Ко-

стромским отделением, действовал более решительно и смело, имея 5-летний опыт успешного управления Иваново-Вознесенским отделением. Хотя и Кузьмин имел опыт управления банковским учреждением (в г. Ромнах), но именно Яковлеву удалось за достаточно короткий период вывести Костромское отделение из разряда убыточных.

И.Н. Голубин «воспитывался в Санкт-Петербургском коммерческом училище и по окончании курса наук был удостоен звания личного почётного гражданина. 22 июня 1862 г. поступил на службу в Госбанк помощником бухгалтера 4-го разряда и к 1871 г. дослужился по ведомству Банка до старшего бухгалтера»²¹. Далее с 1872 по 1894 г. Голубин продолжил службу в региональных банковских учреждениях. Так, «с 1872 по 1886 г. он был контролёром, а затем управляющим Енисейским отделением банка, в 1886 г. был перемещён управляющим в Томское отделение»²². Голубин имел также опыт управления временным банковским отделением: «с 1 по 21 августа 1893 г. он исполнял обязанности управляющего временного, на период ярмарки, Крестовско-Ивановского отделения Госбанка»²³ (в д. Крестовское Шадринского уезда Пермской губернии. — Т. К.).

За отлично-усердную службу Голубина в учреждениях Банка министр финансов представлял его к награждению почётными наградами. Так, «14 мая 1882 г. ему был пожалован орден Св. Станислава 3-й степени, 1 января 1887 г. — орден Св. Анны 3-й степени и 1893 г. — орден Св. Станислава 2-й степени»²⁴.

1 января 1895 г., после увольнения в отставку Д.П. Яковлева, И.Н. Голубин был назначен управляющим Костромским отделением. Как и предыдущие управляющие, Голубин возглавил УСК при отделении. Голубин руководил Костромским отделением до 3 февраля 1899 г. В июле 1896 г. Голубин «был командирован в Нижний Новгород для управления тамошним временным банковским отделением»²⁵. Голубин в письме от 10 августа 1896 г. «выразил управляющему Банком глубочайшую благодарность за означенную командировку в Нижний во время Всероссийской выставки»²⁶.

За период управления Голубиным Костромским отделением состав комитета по обоим направлениям был практически неизменным. Лишь продлевались полномочия всех состоявших в комитете лиц. В 1896 г. комитет пополнился местным землевладельцем дворянского сословия. Очевидно, пополнение состава комитета по сельскохозяйственным кредитам произошло в рамках реализации в Костромской губернии новелл ст. 60 Устава Госбанка 1894 г., утвердивших кредитование сельского хозяйства в числе прочих вопросов на повестке заседаний комитета.

В деле Голубина имеется ценная информация, характеризующая его как управляющего Костром-

ским отделением далеко не с положительной стороны. Так, управляющий банком в телеграмме от 10 декабря 1897 г. «предложил Голубину ввиду упорного неисполнения требований Банка немедленно прибыть в Санкт-Петербург»²⁷. Голубин в ответном письме от 11 декабря «убедительно просил управляющего отсрочить поездку в Петербург ввиду нездоровья (лёгкого бронхита)»²⁸. Управляющий в донесении от 12 декабря «разрешил Голубину отсрочить поездку, однако выразил ему своё крайнее неудовольствие по поводу систематического и упорного игнорирования отделением предложений и требований Центрального управления Банка и, поставив Голубину такое нарушение служебного порядка в вину, предупредил, что, если отделение будет продолжать относиться таким образом к требованиям Банка, он будет вынужден поручить управление отделением другому лицу»²⁹.

В 1898 г. репутация Костромского отделения ещё более ухудшилась. Так, управляющий банком в отношении Голубину от 31 октября 1898 г. заявил, что «Костромское отделение продолжает проявлять недопустимую медленность в доставлении объяснений по запросам Банка, граничащую с полным игнорированием этих запросов»³⁰. В завершении письма управляющий уведомил Голубина об «ожидании его прошения об отставке»³¹.

Ознакомившись с письмом, Голубин 30 ноября 1898 г. направил управляющему прошение «об отставке от занимаемой должности и от службы вообще, так как, прослужив в ведомстве Госбанка более 36 лет, не имел более сил для исполнения возлагаемых на него обязанностей, вследствие полнейшего расстройства здоровья»³². Представляют интерес выдержки из письма Голубина управляющему банком, которое он направил в Банк вместе с означенным прошением об отставке: «С глубоким сожалением и невыносимой болью представляю сегодня, по приказанию Вашему, прошение об увольнении меня от службы в ведомстве, которое так уважал, к которому был предан всей душой. Ещё большее делается при мысли, что допустил это при поразительных доказательствах Вашего снисхождения ко мне. Сам всему виной, но обидно представить себе самое безотрадное будущее и, если бы меня только, но и ни в чём не повинной семьи моей. Средств никаких; смею просить Вас только об оставлении меня до января 1899 г.»³³ Управляющий пошёл навстречу Голубину: увольнение его от службы последовало только «3 февраля 1899 г.»³⁴

В целом, несмотря на преимущественно отрицательную характеристику его как управляющего отделением банка в Костроме, можно предположить, что причиной такого поверхностного отношения к делу послужил именно преклонный возраст. Проходя службу в других местных учреждениях Госбанка,

будучи в более молодом возрасте, Голубин, очевидно, зарекомендовал себя как человек, добросовестно относившийся к обязанностям управляющего отделением. Доказательством тому могут быть почётные награды, пожалованные Голубину за службу в Енисейском и Томском отделениях банка.

Н.А. Ростовский «воспитывался в Виленском юнкерском училище, откуда вышел юнкером старшего специального класса. 24 февраля 1882 г. был перемещён в Госбанк помощником контролёра 4 разряда без содержания»³⁵. В Центральном управлении Банка Ростовский прослужил меньше года и с ноября 1882 г. продолжил службу в провинциальных банковских учреждениях. Например, «в Тульском отделении он занимал должности секретаря, бухгалтера, контролёра, в Либавском – контролёра и управляющего, в Воронежском – контролёра и управляющего»³⁶. 14 мая 1896 г. «за отлично-усердную службу и особые труды по банковскому ведомству Ростовский был всемилостивейше награждён орденом Св. Станислава 3 степени»³⁷. В том же году Ростовский был награждён «серебряной медалью на Александровской ленте в память Императора Александра III»³⁸. К 1899 г. Ростовский дослужился до чина «титулярного советника»³⁹.

В формуляре Ростовского значится запись о «назначении 3 марта 1899 г. управляющим Костромским отделением банка»⁴⁰. На этом посту он находился до декабря 1906 г. В период руководства Ростовским Костромским отделением произошли изменения в количественном составе УСК при отделении по торгово-промышленным кредитам, продиктованные необходимостью дальнейшего развития учётной операции отделения.

В записке о ходе учётной операции отделения в 1899 г. Ростовский отмечал: «Фабрично-заводской и промышленный район сосредоточен в Костромском, Нерехтском, Кинешемском и Юрьеveckом уездах; фабриканты последних 3-х уездов совсем не открывают кредитов в отделении»⁴¹. А в выписке из краткого обзора операций Костромского отделения за 1899 г. Ростовский «обращал внимание на ощущаемый недостаток состава комитета, который не удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым ему Банком»⁴².

Свои дальнейшие соображения по вопросу состава комитета Ростовский изложил в письме Банку от 31 мая 1900 г.: «Все члены комитета – представители местной крупной промышленности и торговли – мало знакомы с средними и мелкими торговцами, незнакомы с положением дел в промышленных уездах губернии (Кинешемском, Нерехтском и Юрьеveckом). Кроме фабрично-заводской промышленности, в Костромской губернии видное место занимает лесопромышленность, развивающаяся с каждым годом всё более и более. Между тем, в комитете нет ни од-

ного представителя по лесной отрасли. Для пользы дела требуется увеличить состав комитета тремя лицами: одного из средних местных торговцев, другого из числа фабрикантов Кинешемского и Нерехтского уездов и третьего из лесопромышленников»⁴³.

В целом Н.А. Ростовский, став во главе Костромского банковского отделения, достаточно оперативно начал проводить политику расширения состава УСК, действуя в интересах Костромского отделения. И уже в 1900 г. комитет пополнился несколькими лицами. Среди них был «купец, специализировавшийся по лесному делу»⁴⁴.

В период управления Ростовским Костромским отделением появилась тенденция к приглашению в состав комитета иногородних коммерсантов. В частности, в 1903 г. новым членом комитета стал «сведущий в лесной отрасли купец из относительно отдалённого от Костромы Чухломского уезда»⁴⁵.

В течение руководства Ростовским из УСК при отделении выбывали отдельные его члены. С целью пополнить состав комитета Ростовский своевременно осуществлял подбор новых кандидатур из костромского купечества, обладавших познаниями в различных торговых отраслях (льняной, колониальной, хлебной и др.). Таким образом, на заседаниях комитета Ростовскому сообщались сведения о нескольких отраслях торговли, что в перспективе могло привести к увеличению оборотов и прибылей отделения.

В соответствии с Уставом Госбанка 1894 г. Ростовский при необходимости пополнял состав комитета по сельскохозяйственным кредитам.

В личном деле Н.А. Ростовского имеются данные о нём, составленные в мае 1898 г. управляющим Воронежским банковским отделением для отправки в Госбанк. На тот момент Ростовский исполнял обязанности контролёра Воронежского отделения. Итак, характеристика Ростовского: «Ростовский прекрасно знаком как со счётной и контрольной частью, так и с порядком управления, принятым в учреждениях Банка. Вполне развитой человек, полный энергии, трудолюбивый и аккуратный; к службе относится очень внимательно и добросовестно. Вместе с тем Ростовский очень приятный человек. В нравственном отношении Ростовский в моих глазах зарекомендовал себя вполне порядочным человеком. В местном обществе пользуется общими симпатиями и уважением. Назначение Ростовского на должность управляющего отделением было бы, по моему мнению, справедливо и целесообразно»⁴⁶. Можно предположить, что Ростовский сохранил все вышеперечисленные положительные личностные качества и в период управления Костромским отделением. Во всяком случае, со стороны Госбанка не было нареканий к Ростовскому. В послужном списке Ростовского имеется отметка о «награждении 9 апреля

1900 г. за отлично-усердную службу и особые труды орденом Св. Анны 3 степени»⁴⁷.

Д.А. Гутнев «окончил полный курс наук в Императорском Харьковском университете со степенью кандидата историко-филологического факультета»⁴⁸. С 1897 по 1906 г. Гутнев занимал должности в региональных учреждениях Госбанка: «бухгалтер Белостокского отделения банка, контролёр Кременчугского отделения, управляющий Хабаровским и Двинским банковскими отделениями»⁴⁹. За отличия по службе в банковских учреждениях Гутнев по представлению министра финансов был дважды награжден: «18 апреля 1899 г. – орденом Св. Станислава 3 степени, 2 апреля 1906 г. – орденом Св. Станислава 2 степени»⁵⁰. К 1901 г. Гутнев дослужился до чина «статского советника»⁵¹.

«20 декабря 1906 г. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству Гутнев был перемещён управляющим в Костромское отделение»⁵², сменив Ростовского на этой должности. Одновременно Гутнев стал исполнять обязанности председателя УСК при отделении. Гутнев управлял Костромским отделением «до 12 июня 1910 г., когда был перемещён на аналогичную должность в Тамбовское банковское учреждение»⁵³.

В период руководства Д.А. Гутневым Костромским отделением УСК было присуще несколько тенденций, имевших место ещё при Ростовском. Во-первых, пополнение состава комитета по торгово-промышленным кредитам предпринимателями, сведущими в отраслях торговли, ранее не охваченных вниманием управляющих отделения. Во-вторых, приглашение иногородних предпринимателей и коммерсантов в комитет по направлению торгово-промышленных кредитов. И новый управляющий Костромским отделением оперативно решал поставленные перед ним задачи. «В 1908 г. новым членом комитета стал купец из г. Нерехты Костромской губернии, обладавший познаниями в кожевенной отрасли»⁵⁴. «В 1909 г. в состав комитета вошёл костромской купец, компетентный в бакалейной, винокуренной, медоваренной и пивоваренной торговых отраслях»⁵⁵.

Именно при Гутневе появилась тенденция к утверждению членами комитета по торгово-промышленным кредитам предпринимателей из крестьянского сословия. Такая практика обуславливалась необходимостью расширения клиентуры Костромского отделения и распространением его операций на население, проживавшее в сельской местности. Так, «в апреле 1910 г. новоизбранным членом комитета стал предприимчивый крестьянин из с. Красное близ Костромы»⁵⁶. Данный населённый пункт являлся центром ювелирного промысла губернии.

Как и предыдущий управляющий, Гутнев не обделял своим вниманием и вопросы сельскохозяйствен-

ного кредитования. Состав комитета по этому направлению «в 1908 г. был усилен дворянином, имевшим земельные владения в Костромской губернии»⁵⁷.

Во время управления Гутневым в УСК при Костромском отделении стало развиваться направление по мелкому кредитованию. Вопросы кредитования мелких торговцев стали курироваться в УСК при некоторых региональных учреждениях Госбанка после 1905 г., когда стало развиваться мелкое предпринимательство, которому требовались кредитные ресурсы. Циркуляр управляющего Госбанком от 30 марта 1907 г. «обязывал управляющих банковских контор и отделений относиться к операциям по мелкому кредиту с тем же вниманием, какое они уделяют прочим операциям банка»⁵⁸. Управляющий отделением также имел решающее право голоса во время обсуждения заявлений об открытии или увеличении кредита мелким предпринимателям. Госбанк разрешил Костромскому отделению банка рассмотрение на заседаниях УСК вопросов мелкого кредитования. Спецификой в организации деятельности УСК по направлению мелкого кредитования в Костроме было возложение управляющим Гутневым обязанностей рассмотрения данных вопросов на членов комитета из дворянского сословия, уже курировавших в комитете вопросы сельскохозяйственного кредитования.

В личном деле Д.А. Гутнева сохранился фрагмент газеты «Костромич», содержащий датированную 18 февраля 1907 г. характеристику Гутнева как управляющего отделением: «Новый управляющий Костромским отделением банка Гутнев насаждает среди своих подчинённых субординацию и дисциплину. Первое представление ему служащих ознаменовалось пространной речью Гутнева, в которой он изложил свои требования к подчинённым, за исполнение которых обещал повышения и денежные пособия, а со строптивыми угрожал быть беспощадным. Требования Гутнева касаются не только служебной деятельности подчинённых, но и их частной жизни. На большинство слушавших речь Гутнева своим тоном и содержанием произвела самое удручающее впечатление. Дальнейшее поведение Гутнева доказывает служащим, что его слова не расходятся с делом. За мелкую неисправность в книгах он угрожал одному из чиновников назначением на дежурство в течение 7 суток вне очереди, хотя на такого рода дисциплинарные взыскания управляющий отделением ни законами, ни циркулярами не уполномочен. Также оставляет желать лучшего обращение Гутнева со служащими; небрежно развалившись в кресле, он выслушивает своих подчинённых, не приглашая их садиться, сколько бы времени ни продолжалась такая аудиенция, не делая исключения и для старших служащих; он даже не пытается запомнить их имена, а называет “молодой человек” тех, кому такое назва-

ние подходит, а за глаза “этот” или “тот”. Вряд ли такой характер отношений к подчинённым может способствовать правильности работы отделения банка»⁵⁹.

Возможно, вышеприведённая информация из газеты носит субъективный характер. Однако и с предыдущих мест службы о Гутневе имелись не очень положительные характеристики. Например, во время прохождения аттестации в марте 1900 г. контролёра Кременчугского отделения Гутнева управляющий названным отделением так отзывался о Гутневе: «Деятельный и настойчивый в своих требованиях к персоналу служащих отделения Гутнев мог бы быть отличным контролёром, если бы, отрешившись от высокого о себе и своих познаниях мнения, заботился о пополнении своих сведений и в то же время был более чутким и внимательным к распоряжениям управляющего отделением; не имею оснований думать, чтобы Гутнев при этом действовал умышленно, но должен констатировать факты, когда он, увлекаясь, отменял мои распоряжения по отделению»⁶⁰. Очевидно, Гутнев и на предыдущих местах службы зарекомендовал себя не совсем с лучшей стороны. Тем не менее стоит констатировать, что его политика по развитию деятельности Костромского отделения и УСК была достаточно взвешенной и результативной.

Н.Н. Зверинский «окончил курс наук с дипломом 2-й степени по юридическому факультету Императорского Петроградского университета»⁶¹. Опыт службы в учреждениях Госбанка у Зверинского до перемещения его в Кострому был весьма внушительным: «старший помощник контролёра Сарапульского отделения, секретарь Рязанского отделения, секретарь Витебского отделения, контролёр Вологодского отделения и др.»⁶². За продолжительную службу в банковских отделениях Зверинский 13 апреля 1908 г. был «всемилоостивейше награждён орденом Св. Станислава 3 степени»⁶³. К 1910 г. Зверинский дослужился до чина «коллежского советника»⁶⁴.

Зверинский «19 августа 1910 г. был назначен управляющим Костромским отделением»⁶⁵. Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса его роли в организации УСК при отделении, упомянем два документа Госбанка. Первый – циркуляр от 24 февраля 1910 г., направленный во все банковские учреждения империи. Согласно его содержанию, управляющим предписывалось по вступлении в должность посетить по возможности все населённые пункты в пределах губернии с целью личного ознакомления с экономическим положением городов, сёл и деревень района действий того банковского учреждения, которым управляющий руководил. Управляющий Банком полагал, что личная осведомлённость управляющих о положении отраслей торговли и промышленности будет ещё больше благоприятствовать правильному

ведению банковских операций на местах и в полной мере соответствовать интересам Госбанка в целом.

Второй документ Банка, адресованный управляющим контор и отделений, – секретное донесение от 31 марта 1910 г. «О приглашении в члены комитетов лиц, проживающих вне места нахождения учреждения банка»⁶⁶. Этим фактически закреплялась практика приглашения в состав комитетов по торгово-промышленным кредитам иногородних предпринимателей, к тому времени получившая широкое распространение среди банковских отделений на территории империи, в том числе Костромского.

Реализация в Костромской губернии рекомендаций, продиктованных в циркуляре от 24 февраля 1910 г., пришлось уже на период руководства нового управляющего Костромским отделением. Н.Н. Зверинский часто совершал поездки по району отделения. Целью поездок было личное ознакомление с экономическим положением города, села или другого населённого пункта. Так, Зверинский ездил в «с. Красное в мае 1911 г. для личного ознакомления с положением кустарной промышленности по производству серебряных изделий; в г. Макарьев в июле 1912 г. для ознакомления с экономическим положением Макарьева с тяготеющим к нему районом и Макарьевской лесной ярмарки, открываемой ежегодно в середине мая; в г. Галич в апреле 1916 г. для личного ознакомления с экономическими условиями этого города, представлявшего из себя центр кожевенного производства и лесной торговли района ж. д. Петроград – Вятка, и для выяснения вопроса о возможности открытия там отделения Госбанка»⁶⁷. Все означенные поездки разрешались Банком. Также Зверинский отлучался из Костромы по другим поводам, сдавая отделение на время своего отсутствия контролёру. Например, в ноябре 1913 г. Зверинский «ездил в Кинешму для присутствия на молебне по случаю открытия там банковского отделения»⁶⁸. В декабре 1916 г. Зверинский «ездил в Петроград для личного доклада управляющему Банком о делах отделения и для получения надлежащих распоряжений и разъяснений»⁶⁹. Последняя поездка обуславливалась «изменениями, произошедшими в экономике Костромской губернии в 1914–1916 гг., которые отразились на операциях Костромского отделения»⁷⁰.

Зверинский председательствовал в комитете по торгово-промышленному, сельскохозяйственному и мелкому кредитованиям. Как и все предыдущие управляющие, он при необходимости оперативно пополнял состав комитета. Зверинский придерживался тенденций, появившихся ещё при управляющих Ростовском и Гутневе, действовал весьма дальновидно. Благодаря его усилиям «в июне 1911 г. комитет по торгово-промышленным кредитам пополнился купцом из Солигаличского уезда, специализировав-

шимся в лесной отрасли»⁷¹. В 1913 г. новоизбранными членами комитета стали костромской купец, опытный в хлебной торговле, купец-лесопромышленник из Ветлужского уезда и мещанин-лесопромышленник из г. Плёса Нерехтского уезда.

Уделяя особое внимание развитию направления торгово-промышленного кредитования УСК, Зверинский регулярно усиливал состав УСК по сельскохозяйственным и мелкому кредитам. Так, «в августе 1914 г. состав комитета по этим направлениям пополнился местным дворянином»⁷². Как и при Гутневе, вопросы по обоим направлениям рассматривались одними и теми же лицами из дворянского сословия.

Весной 1917 г. в УСК при отделении открылось четвёртое направление деятельности: по кредитной кооперации. Несмотря на события Февраля 1917 г., все государственные институты страны, не исключая и Госбанк, сохранялись и продолжали свою деятельность. В апреле 1917 г. в соответствии с указаниями министра финансов «Госбанк направил всем конторам и отделениям по телеграфу циркулярное распоряжение об утверждении в состав членов УСК представителей местных кооперативных организаций»⁷³. Данное распоряжение объяснялось необходимостью установить непосредственную связь Банка с кооперативными учреждениями. Ознакомившись с распоряжением, Зверинский предпринял поиск подходящих лиц и в мае 1917 г. направил Банку список из 8 кандидатур, отобранных им для последующего утверждения членами комитета. Среди них были «председатель и члены центрального сельскохозяйственного общества, председатель и члены правления союза кредитных и ссудо-сберегательных товариществ»⁷⁴. В июне 1917 г. все они были утверждены членами комитета по кредитной кооперации. В целом УСК в последние месяцы своей деятельности (до событий Октября 1917 г.) осуществлял свою деятельность под руководством Зверинского по четырём направлениям.

За службу в Костромском отделении Н.Н. Зверинский был награждён тремя почётными наградами: «Высочайше утверждённой в память 300-летия царствования Дома Романовых светло-бронзовой медалью (21 февраля 1913 г.), орденом Св. Станислава 2-й степени (14 апреля 1913 г.) и орденом Св. Анны 2-й степени (10 апреля 1916 г.)»⁷⁵.

Таким образом, в Костромском отделении Госбанка за период 1884–1917 гг. сменилось 6 управляющих. Все они внесли свой вклад в развитие деятельности Костромского отделения и действовавшего при нём учётно-ссудного комитета. Деятельность управляющих Костромским отделением была нацелена на правильную постановку банковских операций отделения, в том числе учётной операции. Руководство Костромским отделением стремилось проводить

взвешенную и результативную политику, направленную на развитие отделения и учётно-ссудного комитета при нём. Управляющие отделением сыграли положительную роль в организации деятельности учётно-ссудного комитета при отделении. Их роль заключалась в личном участии в комитетских заседаниях на правах председателя комитета, в поиске и представлении Госбанку новых лиц для их утверждения в должностях членов комитета и в представлении членов комитета к награждению почётными наградами. Пополнение и усиление состава комитета новыми лицами способствовало охвату Костромским отделением интересов всех основных сословий населения Костромской губернии, расширению клиентуры отделения и получению сведений о положении разных сфер экономики. Итогом политики управляющих Костромским отделением к 1917 г. стало развитие четырех направлений деятельности учётно-ссудного комитета: по торгово-промышленным кредитам, по сельскохозяйственным кредитам, по мелкому кредиту и по кредитной кооперации.

Все управляющие Костромским отделением до назначения их в этой должности имели опыт службы в центральном или местных учреждениях Госбанка. Как правило, по прошествии определённого периода руководство Госбанка в рамках ротации кадров переводило управляющих на аналогичные должности в другие провинциальные учреждения банка. Такая политика Госбанка по назначению управляющих в своих региональных конторах и отделениях была повсеместной на территории империи до 1917 г.

Примечания

- ¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 587. Оп. 30. Д. 494. Л. 2.
- ² РГИА. Ф. 587. Оп. 30. Д. 494. Л. 104.
- ³ РГИА. Ф. 587. Оп. 30. Д. 479. Л. 84.
- ⁴ РГИА. Ф. 587. Оп. 30. Д. 677. Л. 88 об.
- ⁵ РГИА. Ф. 587. Оп. 30. Д. 677. Л. 88.
- ⁶ РГИА. Ф. 587. Оп. 30. Д. 465. Л. 37–37 об.
- ⁷ РГИА. Ф. 587. Оп. 30. Д. 465. Л. 37.
- ⁸ РГИА. Ф. 587. Оп. 30. Д. 465. Л. 43.
- ⁹ РГИА. Ф. 587. Оп. 28. Д. 85. Л. 42.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 587. Оп. 28. Д. 85. Л. 44.
- ¹¹ РГИА. Ф. 587. Оп. 28. Д. 85. Л. 45.
- ¹² РГИА. Ф. 587. Оп. 28. Д. 85. Л. 46, 47б.
- ¹³ РГИА. Ф. 587. Оп. 32. Д. 5305. Л. 13; Оп. 34. Д. 1229. Л. 10.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 587. Оп. 28. Д. 85. Л. 49.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 587. Оп. 28. Д. 85. Л. 51.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 587. Оп. 28. Д. 85. Л. 54.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 587. Оп. 28. Д. 85. Л. 61.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 587. Оп. 28. Д. 85. Л. 65.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 587. Оп. 28. Д. 85. Л. 82–82 об.
- ²⁰ РГИА. Ф. 587. Оп. 28. Д. 85. Л. 83.

- ²¹ РГИА. Ф. 587. Оп. 4. Д. 612. Л. 6–7.
- ²² РГИА. Ф. 587. Оп. 4. Д. 612. Л. 7–9.
- ²³ РГИА. Ф. 587. Оп. 4. Д. 612. Л. 9.
- ²⁴ РГИА. Ф. 587. Оп. 4. Д. 612. Л. 8–9.
- ²⁵ РГИА. Ф. 587. Оп. 4. Д. 612. Л. 21.
- ²⁶ РГИА. Ф. 587. Оп. 4. Д. 612. Л. 22.
- ²⁷ РГИА. Ф. 587. Оп. 4. Д. 612. Л. 23.
- ²⁸ РГИА. Ф. 587. Оп. 4. Д. 612. Л. 24.
- ²⁹ РГИА. Ф. 587. Оп. 4. Д. 612. Л. 26–27.
- ³⁰ РГИА. Ф. 587. Оп. 4. Д. 612. Л. 28.
- ³¹ РГИА. Ф. 587. Оп. 4. Д. 612. Л. 29.
- ³² РГИА. Ф. 587. Оп. 4. Д. 612. Л. 33.
- ³³ РГИА. Ф. 587. Оп. 4. Д. 612. Л. 34–34 об.
- ³⁴ РГИА. Ф. 587. Оп. 4. Д. 612. Л. 35, 36.
- ³⁵ РГИА. Ф. 587. Оп. 34. Д. 1470. Л. 2.
- ³⁶ РГИА. Ф. 587. Оп. 34. Д. 1470. Л. 2–3.
- ³⁷ РГИА. Ф. 587. Оп. 34. Д. 1470. Л. 4.
- ³⁸ РГИА. Ф. 587. Оп. 34. Д. 1470. Л. 4.
- ³⁹ РГИА. Ф. 587. Оп. 34. Д. 1470. Л. 3–4.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 587. Оп. 34. Д. 1470. Л. 5.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 587. Оп. 41. Д. 1060. Л. 1.
- ⁴² РГИА. Ф. 587. Оп. 41. Д. 1060. Л. 2.
- ⁴³ РГИА. Ф. 587. Оп. 41. Д. 1060. Л. 3–3 об.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 587. Оп. 32. Д. 5317. Л. 5.
- ⁴⁵ РГИА. Ф. 587. Оп. 32. Д. 2009. Л. 5.
- ⁴⁶ РГИА. Ф. 587. Оп. 34. Д. 1470. Л. 9.
- ⁴⁷ РГИА. Ф. 587. Оп. 34. Д. 1470. Л. 5.
- ⁴⁸ РГИА. Ф. 587. Оп. 4. Д. 1155. Л. 4.
- ⁴⁹ РГИА. Ф. 587. Оп. 4. Д. 1155. Л. 4–6.
- ⁵⁰ РГИА. Ф. 587. Оп. 4. Д. 1155. Л. 5–6.
- ⁵¹ РГИА. Ф. 587. Оп. 4. Д. 1155. Л. 4–6.
- ⁵² РГИА. Ф. 587. Оп. 4. Д. 1155. Л. 7.
- ⁵³ РГИА. Ф. 587. Оп. 4. Д. 1155. Л. 9.
- ⁵⁴ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 253. Оп. 1. Д. 879. Л. 32.
- ⁵⁵ ГАКО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 888. Л. 7 об.
- ⁵⁶ ГАКО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 898. Л. 11.
- ⁵⁷ ГАКО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 872. Л. 13.
- ⁵⁸ Государственный архив Ярославской области (ГЯЯО). Ф. 518. Оп. 1. Д. 63. Л. 89.
- ⁵⁹ РГИА. Ф. 587. Оп. 4. Д. 1155. Л. 243–243 об.
- ⁶⁰ РГИА. Ф. 587. Оп. 32. Д. 1209. Л. 10 об.
- ⁶¹ РГИА. Ф. 587. Оп. 8. Д. 250. Л. 4.
- ⁶² РГИА. Ф. 587. Оп. 8. Д. 250. Л. 4–7.
- ⁶³ РГИА. Ф. 587. Оп. 8. Д. 250. Л. 6.
- ⁶⁴ РГИА. Ф. 587. Оп. 8. Д. 250. Л. 4–7.
- ⁶⁵ РГИА. Ф. 587. Оп. 8. Д. 250. Л. 8.
- ⁶⁶ Государственный архив Ивановской области (ГИАИО). Ф. 15. Оп. 1. Д. 13а. Л. 6.
- ⁶⁷ РГИА. Ф. 587. Оп. 8. Д. 250. Л. 123, 277, 285.
- ⁶⁸ РГИА. Ф. 587. Оп. 8. Д. 250. Л. 310.
- ⁶⁹ РГИА. Ф. 587. Оп. 8. Д. 250. Л. 130 об.
- ⁷⁰ РГИА. Ф. 587. Оп. 8. Д. 250. Л. 130.
- ⁷¹ ГАКО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 912. Л. 11.
- ⁷² ГАКО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 113. Л. 20.

⁷³ РГИА. Ф. 587. Оп. 30. Д. 1052. Л. 76.

⁷⁴ РГИА. Ф. 587. Оп. 30. Д. 1052. Л. 97 об.

⁷⁵ РГИА. Ф. 587. Оп. 8. Д. 250. Л. 8–9.

Список литературы

Бугров А.В. Государственный банк в Москве, 1860–1917 гг. Москва: Лингва-Ф, 2010. 317 с.

Гаврилова Н.И., Шахеров В.П. Государственный банк в Иркутске: от Российской Империи до настоящего времени: к 150-летию со дня основания. Иркутск: Оттиск, 2019. 371 с.

История Банка России: 1860–2010: в 2 т. Т. 1: Государственный банк Российской Империи. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 623 с.

Ковров Т.А., Околотин В.С. Наградное стимулирование членов учётно-ссудных комитетов при отделениях Государственного банка Владимирской губернии // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 54–59.

Ковров Т.А., Околотин В.С. Роль фабрикантов в деятельности учётно-ссудного комитета при Иваново-Вознесенском отделении Государственного банка // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 40–47.

Морозан В.В. Деловая жизнь на юге России в XIX – начале XX века. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2014. 616 с.

Морозан В.В. Санкт-Петербургская контора Государственного банка и её клиенты (1894–1917 гг.) / Санкт-Петербургский гос. ун-т, Институт истории. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2021. 605 с.

Околотин В.С. История Государственного банка на Ивановской земле. 1886–2006: Годы. События. Люди. Иваново. 2006. 480 с.

Рязанская банковская энциклопедия: к 150-летию Банка России / ред. совет: М.В. Одинцова (пред.) и др. Рязань: Рязань: Мир, 2010. 287 с.

Устав Государственного банка: (выс. утв. 6 июня 1894 г.) / сост. канд. права Н.И. Арефа. Санкт-Петербург: Изд. тип. И. Гольдберга, 1895. 156 с.

References

Bugrov A.V. *Gosudarstvennyj bank v Moskve, 1860–1917 gg.* [The State Bank in Moscow, 1860–1917. Moscow, Lingva-F Publ., 2010, 317 p. (In Russ.)]

Gavrilova N.I., Shakhеров V.P. *Gosudarstvennyj bank v Irkutsk: ot Rossijskoj Imperii do nastojashhego vremeni: k 150-letiju so dnja osnovanija* [The State Bank in Irkutsk: from the Russian Empire to the present: on the 150th anniversary of its founding]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2019, 371 p. (In Russ.)

Istoriia Banka Rossii 1860–2010: v 2 t. T. 1: Gosudarstvennyi bank Rossiiskoi Imperii [The History of Bank of Russia 1860–2010: in 2 vols. Vol. 1: The State Bank of the Russian Empire]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 2010, 623 p. (In Russ.)

Kovrov T.A., Okolotin V.S. *Nagradnoe stimulirovanie chlenov ucheto-ssudnykh komitetov pri otdelenijah Gosudarstvennogo banka Vladimirskoj gubernii* [The award promotion for the members of the accounting and loan committees at the branches of the State Bank of the Vladimir province]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2021, vol. 27, no. 2, pp. 54–59. (In Russ.)

Kovrov T.A., Okolotin V.S. *Rol' fabrikantov v dejatel'nosti ucheto-ssudnogo komiteta pri Ivanovo-Voznesenskom otdelenii Gosudarstvennogo banka* [The role of the manufacturers in the activities of the accounting and loan committee at the Ivanovo-Voznesensky branch of the State Bank]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2022, vol. 28, no. 1, pp. 40–47. (In Russ.)

Morozan V.V. *Delovaja zhizn' na juge Rossii v XIX – nachale XX veka* [Business life in the south of Russia in the 19th – early 20th centuries]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2014, 616 p. (In Russ.)

Morozan V.V. *Sankt-Peterburgskaja kontora Gosudarstvennogo banka i ego klienty (1894–1917 gg.)* [St. Petersburg office of the State Bank and its clients (1894–1917)]. Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, Institut istorii. Sankt-Peterburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2021, 605 p. (In Russ.)

Okolotin V.S. *Istoriia Gosudarstvennogo banka na Ivanovskoi zemle 1886–2006: Gody. Sobytiia. Liudi* [The history of the State Bank on Ivanovo land 1886–2006. Years Events People], Ivanovo Publ., 2006, 480 p. (In Russ.)

Rjzanskaja bankovskaja jenciklopedija: k 150-letiju Banka Rossii [Ryazan Banking Encyclopedia: to the 150th anniversary of the Bank of Russia], ed. advice: M.V. Odintsova (prev.), etc. Ryazan', Rjazan' Mir Publ., 2010, 287 p. (In Russ.)

Ustav Gosudarstvennogo banka (vys. utv. 6 ijunja 1894 g.) [The Charter of the State Bank (highly approved on June 6, 1894)], comp. N.I. Arefa. Sankt-Peterburg, Izd. tip. I. Gol'dberga Publ., 1895, 156 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.05.2025; одобрена после рецензирования 02.07.2025; принята к публикации 03.07.2025.

The article was submitted 18.05.2025; approved after reviewing 02.07.2025; accepted for publication 03.07.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 118–125. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 118–125. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история

УДК 94(470.314)''1914/1918''

EDN RDRFMS

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-118-125>

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПОЛИЦИИ ПО ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (на материалах Владимирской губернии)

Петровичева Елена Михайловна, доктор исторических наук, профессор, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия, helenp94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2740-0616>

Повалишников Софья Романовна, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия, 444774448@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2667-1220>

Аннотация. В данной статье рассматривается деятельность правоохранительных органов Владимирской губернии в годы Первой мировой войны. Авторы анализируют новые задачи, поставленные перед органами власти военным временем, характеризуют основные направления работы полиции, выявляют особенности борьбы с преступностью в этот период. Поднятые в работе проблемы остаются недостаточно изученными в отечественной историографии. Исследование носит региональный характер и базируется на изучении периодической печати и источников, хранящихся в фондах Государственного архива Владимирской области, многие из которых введены в научный оборот впервые. В статье делается вывод о том, что в военное время полицейские, помимо исполнения своих прямых обязанностей, выполняли множество дополнительных функций (помощь беженцам, борьба с эпидемиями, надзор за соблюдением санитарных требований горожанами и др.). Раскрывая результаты деятельности полиции на территории Владимирской губернии в годы Первой мировой войны, авторы выявляют проблемы, с которыми сталкивались органы правопорядка: невысокая заработная плата, нехватка сотрудников и вооружения, а иногда и безответственное отношение к службе полицейских чинов. Исследование доведено до Февраля 1917 г., когда, с началом революционных событий, происходят кардинальные изменения в составе, функциях и деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: Владимирская губерния, Первая мировая войны, полиция, правонарушения, правоохранительные органы, преступления, Российская империя.

Для цитирования: Петровичева Е.М., Повалишников С.Р. Деятельность органов полиции по охране общественного порядка в годы Первой мировой войны (на материалах Владимирской губернии) // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 118–125. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-118-125>

Research Article

ACTIVITIES OF POLICE AGENCIES TO MAINTAIN PUBLIC ORDER DURING WORLD WAR I (based on materials from Vladimir Province)

Elena M. Petrovicheva, DSc in History, Professor, the Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russia, helenp94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2740-0616>

Sofia R. Povalishnikova, the Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russia, 444774448@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2667-1220>

Abstract. This article examines the activities of police agencies to maintain public order during World War I in Vladimir Province. The authors analyse current tasks assigned to the authorities during the war; they also characterise the main areas of police work, and identify the specifics of combating crime during this period. The issues raised in the work remain insufficiently studied in Russian historiography. The research is of a regional nature and is based on the study of periodicals and sources stored in the funds of the State Archive of Vladimir Region, many of which had been introduced into scientific circulation for the first time. The article concludes that in wartime, police officers, in addition to fulfilling their direct duties, performed many additional functions (helping refugees, fighting epidemics, overseeing the observance of sanitary requirements by citizens, etc.). Revealing the results of police activity in the territory of Vladimir Province during World War I, the authors identify the problems faced by law enforcement agencies: low wages, lack of staff and weapons, and sometimes an irresponsible attitude towards the service of police officers. The study endpoint is February 1917, when,

with the beginning of the revolutionary events, drastic changes took place in the composition, functions and activities of law enforcement agencies.

Keywords: Vladimir Province, gendarmerie, World War I, police, offences, law enforcement agencies, crimes, Russian Empire.

For citation: Petrovicheva E.M., Povalishnikova S.R. Activities of police agencies to maintain public order during World War I (based on materials from Vladimir Province). *Vestnik of Kostroma State University*, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 118–125. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-118-125>

История правоохранительных органов Российской империи вызывает значительный интерес у современных исследователей. Многие проблемы остаются недостаточно изученными и дискуссионными в нашей историографии. В советский период полицейская система не была предметом специального изучения. В конце XX – начале XXI вв. стали появляться труды, посвященные органам полиции, однако оценки их деятельности остаются различными до сих пор. Особенно это касается периода Первой мировой войны.

Актуальным является региональный подход к изучению деятельности полиции в последние годы существования империи. Монография С.М. Рязанова посвящена деятельности полиции Пермской губернии в годы Первой мировой войны [Рязанов 2017]. Следует отметить ряд статей, касающихся региональных аспектов изучаемых проблем. А.К. Лаптев посвятил свою статью деятельности полиции и жандармерии Смоленской губернии в 1914–1915 гг. [Лаптев 2016]. В статье Е.Ю. Семеновой анализируется отчетная документация жандармерии Поволжья [Семенова 2011]. А.В. Перегудов затрагивает проблему военного шпионажа в Воронежской губернии и положения жандармерии в 1914–1917 гг. [Перегудов 2015]. А.В. Федосов изучает функции полиции Олонецкой губернии в годы Первой мировой войны [Федосов 2016].

Представляет интерес диссертация А.В. Кокшарова [Кокшаров 1999], посвященная деятельности полиции и ее «карательной» функции на территории Владимирской губернии в хронологически широкий период, охватывающий вторую половину XIX – начало XX вв. Специальных работ, посвященных деятельности органов полиции во Владимирской губернии в годы Первой мировой войны, в историографии нет. В данной работе поставлена цель восполнить эту лакуну, изучить архивные документы и уточнить оценки, данные историками ранее.

В основу исследования особенностей деятельности полиции на территории Владимирской губернии в условиях Первой мировой войны положены, прежде всего, нормативно-правовые акты, организационно-распорядительные и делопроизводственные документы. К нормативным актам можно отнести циркуляры и распоряжения органов власти. Делопроизводственные источники представлены перепиской губернатора с органами местного самоуправления.

Сюда же относятся рапорты и докладные записки отдельных жандармов, протоколы, составленные по поводу различных происшествий. Источники по данной тематике содержатся в архивных фондах органов губернского и местного управления: «Канцелярия Владимирского губернатора» (ГАВО. Ф. 14), «Владимирское губернское правление» (ГАВО. Ф. 40), «Вязниковская городская управа» (ГАВО. Ф. 391), «Меленковская городская управа» (ГАВО. Ф. 393), «Суздальская городская управа» (ГАВО. Ф. 397), «Владимирская городская дума» (ГАВО. Ф. 400), «Вязниковская городская дума» (ГАВО. Ф. 401), «Владимирское губернское жандармское управление» (ГАВО. Ф. 704).

При работе с архивными документами по данной тематике следует учитывать, что дела, которые не представляли интереса для органов, расшивались и уничтожались. В советское время многие дела изымались из архивов как «не представляющие интереса». Все рассматриваемые нами материалы можно разделить на две категории: дела, касающиеся личного состава, и дела, раскрывающие функции полицейских органов в губернии. Относительно первой категории стоит сказать, что единиц хранения в ней немного. Главными источниками такого рода являются приказы, финансовые документы и формулярные списки сотрудников. Делопроизводству, раскрывающему функции губернской полиции, отводится в архивах немало места. В процессе изучения данных документов выяснилось, что наибольшее количество дел сохранилось по сбору налогов, борьбе с эпидемиями и нечистотами, учету военнообязанных и т. п.

Новизна работы определяется постановкой проблемы, которая ранее практически не изучалась применительно к Владимирской губернии. В научный оборот введены неопубликованные до настоящего времени архивные документы. Это позволило расширить представление о военных буднях владимирских полицейских. При анализе источников использовались методы социальной истории, теория повседневности, региональный и антропологический подходы.

Как свидетельствуют документы, наиболее распространенными правонарушениями в период Первой мировой войны, как и во все времена, были кража, затем грабеж и разбой. В основе разграничения данных видов преступлений лежит способ завладения чужим имуществом. Если под кражей предполагают тайное хищение чужого имущества,

то грабеж – это хищение без применения насилия, а разбой – нападение с целью изъятия имущества с угрозами или применением силы. В царской России достаточно долго не разграничивались между собой разбой и грабеж, их считали как одно преступление. Большинство граждан не вдавались в такие юридические тонкости, смело называя грабежом любое нападение.

Изучив материалы местного архива и периодической печати, мы выяснили, что объектами хищений чаще всего были деньги и небольшие дорогостоящие вещи (например, драгоценности, часы, портсигары и т. д.). В холодное время года возрастали кражи различных предметов гардероба. Зачастую краже подвергались сельскохозяйственные животные, продукты питания, а также различная домашняя утварь. При этом преступления совершались не только в неблагонадежных районах городов, но и в центре.

Поскольку до войны наибольшее число осужденных составляли мужчины, то с началом войны и мобилизации существенно снизилось число преступлений. Способствовало этому также запрещение с 1914 г. продажи спиртных напитков, под влиянием которых совершалось большинство правонарушений. Тем не менее, хотя указанные нами преступления в годы войны происходили значительно реже, их абсолютные показатели оставались значительными. В основном это касалось преступлений против собственности.

В 1914 г. наибольший процент преступлений составляли кражи (1290 случаев) и поджоги (382 случая). На 1 января 1914 г. в тюрьмах и исправительном отделении губернии содержалось 2486 человек и еще 30 детей. На 1 января 1915 г. в Ковровском уезде числилось 124 арестанта, в Гороховецком уезде – 38¹, в Вязниковском уезде – 50 человек², в Шуйском уезде – 177³, в Судогодском уезде – 42 арестанта⁴, в Покровском уезде – 93⁵, в Муромском уезде – 147⁶, в Меленковском уезде – 93⁷, в Суздальском уезде содержалось 66 арестантов⁸. Наиболее криминализованным считался индустриальный Шуйский уезд, наиболее благополучными значились аграрные Юрьевский и Суздальский уезды. Это не случайно – по данным исследований, именно представители рабочих профессий были первыми по числу девиантных поступков и по организации стачек [Кокшаров: 86].

Ориентируясь на ведомости о работе сыскного отделения в г. Владимире за 1915 г., мы можем сказать, что раскрываемость составляла почти 93 % [Кокшаров: 89]. С целью оптимизации поимки преступников с января 1915 г. Центральное регистрационное бюро стало еженедельно издавать сыскные ведомости (в некоторых случаях спустя пару часов), ранее начальники сыскных отделений рассылали ориентировки самостоятельно.

Необходимо учитывать, что правонарушения были зачастую вызваны самими потерпевшими, которые были частенько пьяны. Преступления совершались кем-то из знакомых потерпевшего или же «профессиональным» воров.

Полицейское управление г. Владимира, которое занималось всеми видами преступлений, в 1895–1917 гг. возглавлял Василий Авимович Иванов. Человек энергичный и инициативный, он добивался увеличения кадрового состава и улучшения материального положения полицейский чинов. Благодаря его стараниям в губернии было учреждено Добровольное пожарное общество. В 1915 г. была ликвидирована уездная полицейская стража, а в 1916 г. фабричная полиция, что привело к сокращению численности полицейских. Накануне войны в уездной полиции Владимирской губернии числилось около 1033 человек [Николаева: 6]. В 1916 г. число полицейских в среднем колебалось от 30 до 60 человек на уезд, всего в губернии не хватало примерно 120 человек. Соотношение полицейских служащих к гражданскому населению в крупных городах Владимирской губернии составляло в среднем 1:200, а в сельской местности 1:2000. К началу 1917 г. штат городской полиции насчитывал 76 человек, а уездной и вовсе 61. Больше всего не хватало канцелярских чиновников и нижних полицейских чинов [Николаева: 7].

Отдельно стоит сказать, в каких условиях жили полицейские служащие. Государство не предоставляло им квартир, и им приходилось снимать жильё за свой счёт. Также на свои деньги они приобретали фураж для своей лошади или покупали себе обмундирование. Затраты на покупку лошади составляли 85–250 рублей. Государством выделялась для этих целей ссуда не более 180 рублей с условием её погашения. На фураж отпускалось по 100 рублей в год. При стоимости фуража за пуд от 2 до 2,55 рублей и сена от 50 до 60 копеек за пуд реальная цена содержания лошади доходила до 200 рублей⁹. Уездный исправник г. Покрова рапортовал губернатору о том, что конные стражники жили в холодных, грязных помещениях. Доход полицейского было таков, что в 1916 г. трудоспособный мужчина зарабатывал в 2–3 раза больше, чем полицейский стражник. Следовательно, желающие служить в полиции практически отсутствовали. К тому же тяжелые бытовые условия накладывали отпечаток на характер человека.

В общественном мнении полицейские представлялись как невоспитанные, неучтивые граждане. Наверняка такие служащие встречались, но не повсеместно. В документах по Владимирской губернии такие упоминания попадают крайне редко. При анализе личных качеств полицейских чинов нужно брать в расчёт контингент, с которым зача-

стую приходилось общаться, – бродяги, нищие. Это также отражалось на манере общения. К этому еще можно добавить профессиональное выгорание.

Власти также обращали внимание на культурный уровень полицейских служащих. Благоприятное влияние в этой сфере оказал выпущенный в 1915 г. «Букварь современного городского»¹⁰. Основной упор в нём делался на вежливом и почтительном отношении между полицейскими чинами и жителями империи. В октябре 1916 г. вышел закон «Об усилении полиции в 50-ти губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов»¹¹. В соответствии с ним увеличивался размер содержания, стала учитываться выслуга и уровень образования. Так, для городских и стражников требовалось умение читать и писать по-русски; для полицейских надзирателей и урядников – окончание курса наук в объеме не ниже двухклассного училища; для городских, участковых и станковых приставов, помощников их, начальников сыскных отделений и их помощников – окончание курса наук в объеме не ниже шести классов; для уездных исправников и полицеймейстеров, а также их помощников – окончание полного курса наук в объеме не ниже среднего учебного заведения.

Чем же занимались во время войны полицейские чины в губернии? Сфера их деятельности была широка: они открывали приюты для сирот убитых или умерших от ран воинов¹², взимали налоги с велосипедов¹³, утверждали открытие лазарета или братского кладбища¹⁴, следили за постройкой бараков для запасных пехотных частей¹⁵, а также за чистотой в трактирах¹⁶. Кроме того, полиция контролировала благотворительные любительские спектакли, концерты и лотереи, выдавая на их проведение разрешения после проверки репертуара и проверяя наличие всей поступившей выручки. Губернатор требовал от полиции сверять количество проданных билетов и отчисляемых сумм в рамках выполнения постановления Совета Министров от 22 ноября 1915 г., которым в стране вводился временный налог с билетов на увеселительные мероприятия [Федосов: 9].

Одним из важнейших направлений деятельности правоохранительных органов в годы Первой мировой войны была борьба с революционным движением и подавление стачек. Во Владимирской губернии процент стачек с требованием повышения оплаты труда рабочим за период 1914–1917 гг. составлял 53 %, этот показатель был выше, чем в Смоленской и Московской губерниях, но ниже, чем в Ярославской и Костромской губерниях [Шильникова: 47]. Вторым немаловажным аспектом, волновавшим местных рабочих, был продовольственный вопрос. В Центральном промышленном районе именно во Владимирской губернии был наибольший процент стачек, связан-

ный с этой проблемой, – 28 % [Шильникова: 47]. Сами власти требовали, чтобы к 16-му числу каждого месяца им докладывали об отношении крестьян и рабочих к войне, а также о том, не замечается ли в них настроений поворота к миру. Почти всегда власти получали ответы, что настроение крестьян хорошее, поворота к миру нет, отношение к лицам немецкого происхождения враждебное, отношение к работе Государственной думы одобрительное и т. д.¹⁷ В январе 1915 г. агент «Михайлов» докладывал, что на одной из фабрик директор объявил рабочим, что они должны работать до 24 часов, если они не согласны, то он приведет солдат, и они будут так работать все равно¹⁸. Тот же агент рапортовал, что виновником войны среди народа считался великий князь Николай Николаевич. В июне 1915 г. вышло секретное постановление уездного исправника о том, что нельзя допускать даже патриотических шествий и манифестаций без личного распоряжения властей¹⁹. В ноябре 1915 г. сообщалось, что никакого намёка на забастовку среди железнодорожных служащих нет. К несвоевременной выдаче зимней одежды рабочие отнеслись спокойно, поскольку такие задержки, по их словам, «у них были всегда»²⁰.

Несмотря на успокоительные донесения, в 1915 г. по губернии распространялись политические прокламации, включавшие следующие лозунги: «Не надо царя, не надо правительства, не надо войны и жандармерии, и полиции»²¹. Волнения были связаны также с отсрочками от призыва в армию. Были зафиксированы случаи насилия в деревнях над односельчанами, работающими на заводах и имеющими отсрочку в деревне Гавриловское, Гнездилово, Туркино, Крапивное и др.²² Сообщалось также, что жители ряда сел на почве зависти по поводу того, что некоторые крестьяне, служащие в правительственных учреждениях, освобождались от всяких повинностей, лишили их установленного продовольственного пайка и запретили выгонять скот на общее пастбище²³. Предупреждение и подавление проявлений общественного недовольства осуществлялось совместно органами полиции и губернского жандармского управления.

Ещё одной важной стороной деятельности полиции была забота о малоимущих семьях призванных солдат. Для этой цели еще в 1912 г. при земских правлениях были созданы комитеты по оказанию материальной помощи с участием руководителей местной полиции [Федосов: 8]. С началом войны такие комитеты занимались проверками материального положения заявителей, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации. При этом выдаваемые полицией заключения являлись главным аргументом для принятия решения о необходимости оказания помощи. Однако вопросы, связанные с размещением детей из бед-

ных семей в приютах, при всем внимании к ним со стороны полиции, чаще всего не решались ввиду их переполнения, а также «вызванного войной уменьшения притока пожертвований» и сокращения всех бюджетов на нужды такого рода. В частности, Александровский детский приют во Владимире в 1917 г. был вынужден закрыться, поскольку на содержание детей требовалось не менее 20 тысяч, а попечительство располагало не более 6–7 тысячами²⁴.

С целью восстановления социальной справедливости полиция делала все возможное для защиты бедных солдатских семей от притеснений местных купцов и кулаков, использовавших военные трудности в целях личного обогащения, а также принимала меры для первоочередного выделения им пособий в условиях уравниловки с семьями зажиточных крестьян [Федосов: 8].

На полицию совместно с органами здравоохранения была возложена профилактика распространения заболеваний. Она заключалась в полицейском обеспечении проведения врачебно-фельдшерским составом дезинфекций в домах заболевших и умерших, в учебных заведениях, а также прививки оспы всем контактировавшим с больными. С профилактическими целями в 1915 г. во Владимирской губернии было запрещено в городском саду ходить с собаками, с ножами, ездить на велосипеде, рвать цветы и портить деревья, а также играть в «городки» и «чижи» на тротуарах²⁵. Ширина тротуаров устанавливалась от 2 до 3 аршин. На них нельзя было ставить лошадей с экипажем и вообще занимать его чем-либо. В случае неустройства тротуара домовладелец платил штраф до 50 рублей. По улице, на городских лугах запретили ходить скоту, а вновь возводимые постройки должны были быть огорожены забором. Создавались отдельные места для купания мужчин, женщин и лошадей на реке Клязьме. Проявлять во время купания действия, оскорбительные для нравственности, запрещалось.

В санитарных целях за промывку кишок животных при городской скотобойне в пользу города был установлен сбор – за кишки больших туш рогатого скота по 30 копеек, а свиней, овец, телят – 15 копеек²⁶. В том же году было организовано постоянное наблюдение за исправным содержанием печей и дымовых труб, изданы постановления об оборудовании надлежащим образом пожарного обоза, приобретена паровая пожарная машина, сооружена сеть пожарных чанов вместимостью от 1000 до 1200 ведер каждый, устроены подъезды к существующим водным источникам и развитие Добровольного пожарного общества. Нередко и сами жители просили полицию о благоустройстве территории. В Государственном архиве Владимирской области сохранилось заявление от жителей Суздаля с просьбой уничтожить ямы,

образовавшиеся после пересыхания пруда на Ковровской улице, а на ней разбить сквер, поставить скамьи и детскую площадку²⁷.

Кроме этого, полиция следила за военнопленными, находящимися в губернии, чтобы они не нарушали порядок и не вели агитационную деятельность. Во Владимирском госархиве хранятся документы, повествующие о случае, когда старший в команде военнопленных немцев в товариществе Соколовской мануфактуры Асафа Баранова в с. Струнино призвал пленных к беспорядкам, внушая, что в пищу кладут недоброкачественное мясо²⁸. Беспорядки удавалось подавить.

Однако и среди самих представителей власти встречались непорядочные люди. Так, в результате халатных действий полицейского сторожа при военнопленных один из невольников утонул²⁹. Сохранилась жалоба на незаконные действия городского исправника г. Муром, которого обвиняли в использовании подчинённых в качестве бесплатной прислуги в урон служебным обязанностям. Поваром у него был стражник, кучером – городской, а для других надобностей служил другой городской. Все нарушители были наказаны³⁰.

Пойманные полицией граждане назначались на различные работы: огородные, очистка улиц, пилка, колка дров, грузовые работы, железнодорожные, ассенизационные, плотняные, столярные, слесарные, кузнечные, сапожные работы, стирка арестантского белья, также были кашевары, хлебопеки, банщики, больничная прислуга, водоносы³². Средний дневной заработок заключенного колебался в среднем от 50 копеек до 1,5 рублей³². На 1 февраля 1917 г. во Владимирской губернской тюрьме содержалось 839 арестантов³³.

Во Владимирском архиве встречаются прошения заключенных о переводе их в больницу с целью излечения. Так, в 1915 г. А.В. Земаков писал прокурору Владимирского окружного суда, что лечение во Владимирской губернской тюрьме плохое³⁴. Правда, прошение осталось без последствий, так как, по заключению врача, вся необходимая ему помощь была оказана в тюрьме. Когда не хватало медицинского персонала, то арестантов могли отправить на лечение в губернский центр или же в Москву. Так было в Муромской тюрьме: поскольку в ней не было хирурга, то арестантов отправляли в другие города для лечения.

Во владимирских тюрьмах были достаточно хорошие библиотеки. Например, во Владимирской казначейской тюрьме заключенные читали такие книги, как: «Магнетизм и индукция», «Малар», «Введение в философию», «География центральной России», «Англо-русский словарь»; «Доходное пчеловодство», «Руководство к самостоятельному изготовлению ди-

намо-машины и электро-моторов»; «Постройка динамо-машины с кольцеобразным якорем»; «Самоучитель иностранного языка», «Арифметика», «Учебник двойной бухгалтерии», «Воздухоплавание», «Основы метеорологии», В. Михайловский «Святой апостол Андрей Первозванный», В. Шекспир «Собрание сочинений», В.Н. Маракуев «Сельское огородничество», С. Пономарев «Святой Иоанн Златоуст», П. Маслов «Условия развития сельского хозяйства в России», «Начертание церковной истории от библейский времен до восемнадцатого века»³⁵. Исходя из этого перечня, можно сказать, что каталог библиотек состоял преимущественно из религиозной и учебной литературы. Такой подбор объясняется тем, что основными каналами перевоспитания человека видели в религии, образовании и труде. Набравшись в тюрьме необходимых знаний, человек мог их применять в мирной жизни. Однако, несмотря на то что в тюрьмах читали достаточно много литературы, это не мешало процветать тюремному жаргону.

Женщины-преступницы зачастую привлекались к ответственности как соучастницы. Встречались и жестокие преступления: убийство детей и мужей. Сокрытие трупа новорожденного, детоубийства и истребление плода можно считать характерной особенностью женской преступности [Куликова: 10]. Мужья становились жертвами, когда проявляли к женщине излишнюю жестокость либо же когда она не могла получить развода. Однако женщина-преступница не всегда наказывалась по суду. Среди крестьян были распространены случаи самосуда. Особенно остро общественность реагировала на посягательства на жизнь и здоровье. Это расценивалось как грех и преступление. Здесь во многом сказывалось православное воспитание.

К заключенным применяли дисциплинарные взыскания. Могли оставить на день без горячей пищи за ловлю голубей в форточку³⁶, посадить в карцер за нецензурную брань на трое суток. Причем последний способ наказания был наиболее распространенным.

В Государственном архиве Владимирской области встречаются упоминания о побегах. Так, в 1916 г. из ковровской тюрьмы бежали два осужденных. Они отправились в кусты справить нужды, там скинули полностью одежду и белье и убежали в лес. Надзирателей за побег оштрафовали на 5 рублей³⁷, но подобные происшествия случались и позднее.

Изучив деятельность полиции на территории губернии, мы можем отметить, что в сферу ее компетенции вошли новые задачи, связанные с помощью семьям призванных на фронт, заботой о сиротах, раненых воинах и инвалидах; помощь беженцам; контроль за санитарной обстановкой в условиях усилившихся эпидемий; контроль за снабжением населения продовольствием. Особое внимание в годы войны

уделялось охране порядка и борьбе с уголовной преступностью. При этом важно разделять деятельность жандармерии и полиции. Целями жандармских губернских подразделений было активное противодействие подрывной деятельности внешнего врага в лице Германии и Австро-Венгрии, борьба с внутренними антивоенными акциями, проводимыми революционерами и агитаторами. В этих условиях местная полиция брала на себя все остальные внутриохранительные функции в губернии. Однако в случае необходимости органы министерства внутренних дел оказывали друг другу необходимое содействие [Лаптев: 300].

Основными проблемами в работе органов правопорядка Владимирской губернии были: неудовлетворительное материальное благосостояние служащих; высокая степень напряженности труда; длительный рабочий день; нехватка профессиональных сотрудников; слабая агентурная сеть.

За годы войны не удалось наладить эффективное взаимодействие различных государственных органов. Не были налажены должным образом взаимодействие полиции с органами государственного управления и общественными организациями. В результате не были решены проблемы снабжения населения продовольствием, борьбы с забастовочным движением и со шпионажем. Если до войны правительство считало, что полиция обладает достаточным количеством сотрудников и наделена всеми необходимыми полномочиями для охраны общественного порядка, то военное время показало, что это не так. Власть стала предпринимать попытки усиления полиции лишь тогда, когда в условиях роста социальной напряженности она перестала в полной мере обеспечивать общественный порядок.

Примечания

¹ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 431. Оп. 1. Д. 1818. Л. 19.

² ГАВО. Ф. 431. Оп. 1. Д. 1817. Л. 22.

³ ГАВО. Ф. 431. Оп. 1. Д. 1816. Л. 9.

⁴ ГАВО. Ф. 431. Оп. 1. Д. 1825. Л. 12.

⁵ ГАВО. Ф. 431. Оп. 1. Д. 1823. Л. 31.

⁶ ГАВО. Ф. 431. Оп. 1. Д. 1820. Л. 21.

⁷ ГАВО. Ф. 431. Оп. 1. Д. 1819. Л. 36.

⁸ ГАВО. Ф. 431. Оп. 1. Д. 1824. Л. 15.

⁹ ГАВО. Ф. 526. Оп. 2. Д. 30. Л. 9.

¹⁰ Букварь современного городского // М. Ж. Варшава: Полиц. тип., 1915. 31 с.

¹¹ Особый журнал совета министров. 7 октября 1916 г. Об усилении полиции в 50 губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/6132-7-1916-50> (дата обращения: 02.06.2024).

- ¹² ГАВО. Ф. 393. Оп. 2. Д. 14. Л. 2.
- ¹³ ГАВО. Ф. 393. Оп. 2. Д. 14. Л. 10.
- ¹⁴ ГАВО. Ф. 393. Оп. 2. Д. 14. Л. 48 об.
- ¹⁵ ГАВО. Ф. 400. Оп. 3. Д. 99. Л. 4.
- ¹⁶ Старый владимирец. 1917. № 9. С. 3.
- ¹⁷ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 779. Оп. 2. Д. 5. Л. 61.
- ¹⁸ ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 1018. Л. 17.
- ¹⁹ ГАВО. Ф. 990. Оп. 1. Д. 208. Л. 36.
- ²⁰ ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 1032. Л. 28.
- ²¹ ГАИО. Ф. 779. Оп. 2. Д. 5. Л. 38.
- ²² ГАВО. Ф. 1192. Оп. 1. Д. 3. Л. 70.
- ²³ ГАВО. Ф. 1192. Оп. 1. Д. 3. Л. 56.
- ²⁴ ГАВО. Ф. 540. Оп. 1. Д. 562. Л. 23.
- ²⁵ ГАВО. Ф. 401. Оп. 2. Д. 21. Л. 16.
- ²⁶ ГАВО. Ф. 393. Оп. 2. Д. 14. Л. 119 об.
- ²⁷ ГАВО. Ф. 397. Оп. 1. Д. 395. Л. 1.
- ²⁸ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1 Д. 22534. Л. 311.
- ²⁹ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 22534. Л. 82.
- ³⁰ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 22521. Л. 8.
- ³¹ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 23319. Л. 4.
- ³² ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 23319. Л. 14.
- ³³ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 23319. Л. 1.
- ³⁴ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 22784. Л. 146.
- ³⁵ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 22769. Л. 12.
- ³⁶ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 23319. Л. 21.
- ³⁷ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1 Д. 22985. Л. 25.

Список литературы

Касьянов А.В. Организация работы полиции Российской империи в годы Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3. С. 20–27.

Касьянов А.В. Особенности организационно-правового обеспечения деятельности полиции Российской империи в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. 177 с.

Кокшаров А.В. Полицейские органы Владимирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 1999. 198 с.

Куликова С.Г. Женская преступность в России второй половины XIX – начала XX века: взгляд справа // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 9–15.

Лантев А.К. Первая мировая война: новые обязанности полиции и жандармерии в 1914–1915 годах (на материалах Смоленской губернии) // Известия Смоленского государственного университета: ежеквартальный журнал. 2016. № 3. С. 295–300.

Макимова И.В. Городская преступность и отношение к ней провинциального общества накануне Первой мировой войны (по материалам Саратовской прессы). Ч. 1 // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2021. № 9. С. 71–84.

Николаева И.А. Кадровый состав Владимирской губернской администрации накануне и в период Первой мировой войны // Вестник ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Сер: Социальные и гуманитарные науки. 2016. № 3 (11). С. 5–15.

Перебудов А.В. Военный шпионаж в Воронежской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2015. № 1. С. 109–115.

Рязанов С.М. Полиция Пермской губернии в годы Первой мировой войны. Пермь: Российское военное ист. о-во, 2017. 292 с.

Семенова Е.Ю. Отчетная документация чиновников жандармерии как источник изучения мировоззрения городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны // Клио. 2011. № 5. С. 87–89.

Федосов А.В. Функции полиции Олонецкой губернии в годы Первой мировой войны // Studia Humanitatis Borealis. 2016. № 2. С. 4–26.

Шенелева М.П. Влияние военного фактора на уголовную преступность русской провинции за 1914–1917 гг. (на типичном примере Курской губернии) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 11. С. 78–83.

Шильникова И.В. Трудовые конфликты на российских промышленных предприятиях в 1914–1917 гг. (по материалам губерний Центрально-промышленного района) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 45–51.

References

Fedosov A.V. *Funktsii politsii Olonetskoi gubernii v gody pervoi mirovoi voyny* [The functions of the police of the Olonets province during the First World War]. *Studia Humanitatis Borealis*, 2016, no. 2, pp. 4–26. (In Russ.)

Kas'ianov A.V. *Organizatsiia raboty politsii Rossiiskoi imperii v gody Pervoi mirovoi voyny* [Organization of the work of the police of the Russian Empire during the First World War]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, no. 3, pp. 20–27. (In Russ.)

Kas'ianov A.V. *Osobennosti organizatsionno-pravovogo obespecheniia deiatel'nosti politsii Rossiiskoi imperii v gody Pervoi mirovoi voyny (1914–1917 gg.): dis. ... kand. iurid. nauk* [Features of organizational and legal support for the activities of the police of the Russian Empire during the First World War (1914–1917): PhD thesis]. Moscow, 2015, 177 p. (In Russ.)

Koksharov A.V. *Politseiskie organy Vladimirskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [The police authorities of the Vladimir province in the second half of the XIX – early XX centuries: PhD thesis]. Ivanovo, 1999, 198 p. (In Russ.)

Kulikova S.G. *Zhenskaia prestupnost' v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX vekov: vzgliad sprava* [Female crime in Russia in the second half of the XIX - early XX centuries: a view from the right]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2014, no.10, pp. 9–15. (In Russ.)

Laptev A.K. *Pervaia mirovaia voina: novye obiazannosti politzii i zhandarmerii v 1914–1915 godakh (na materialakh Smolenskoii gubernii)* [The First World War: new duties of the police and gendarmerie in 1914–1915 (based on the materials of the Smolensk province)]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta: ezhekvartal'ny' zhurnal* [Proceedings of the Smolensk State University: a quarterly journal], 2016, no. 3, pp. 295–300. (In Russ.)

Maksimova I.V. *Gorodskaa prestupnost' i otnoshenie k nei provintsial'nogo obshchestva nakanune Pervoi mirovoi voyny (po materialam Saratovskoi pressy). Ch. I* [Urban crime and the attitude of provincial society towards it on the eve of the First World War (based on the materials of the Saratov press). Part 1]. *XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyucii* [The twentieth century and Russia: society, reforms, revolutions], 2021, no. 9, pp. 71–84. (In Russ.)

Nikolaeva .A. *Kadrovyy sostav Vladimirskoi gubernskoi administratsii nakanune i v period Pervoi mirovoi voyny* [Personnel of the Vladimir provincial administration on the eve and during the First World War]. *Vestnik VIGU im. A.G. i N.G. Stoletovykh. Ser.: Social'ny'e i gumanitarnye nauki* [Bulletin of the VISU named after A.G. and N.G. Stoletov. Ser.: Social Sciences and Humanities], 2016, no. 3 (11), pp. 5–15. (In Russ.)

Peregudov A.V. *Voennyy shpionazh v Voronezhskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voyny* [Military espionage in the Voronezh province during the First World War]. *Vestnik Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Istoriya. Politolo-*

giya. Sociologiya [Bulletin of Voronezh State University. Ser.: History. Political science. Sociology], 2015, no. 1, pp. 109–115. (In Russ.)

Riazanov S.M. *Politsiia Permskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voyny* [The police of the Perm province during the First World War]. Perm, Russian Military-ist. October Publ., 2017, p. 292. (In Russ.)

Semenova E.Iu. *Otchetnaia dokumentatsiia chinnikov zhandarmerii kak istochnik izucheniia mirovozzreniia gorodskogo naseleniia Povolzh'ia v gody Pervoi mirovoi voyny* [Accounting documentation of gendarmerie officials as a source of studying the worldview of the urban population of the Volga region during the First World War]. *Klio*, 2011, no. 5, pp. 87–89. (In Russ.)

Shepeleva M.P. *Vliianie voennogo faktora na ugolovnuuiu prestupnost' russkoi provintsii za 1914–1917 gg. (na tipichnom primere Kurskoi gubernii)* [The influence of the military factor on the criminal activity of the Russian province in 1914–1917 (on a typical example of the Kursk province)]. *Nauchny'e problemy gumanitarnykh issledovaniy* [Scientific problems of humanitarian research], 2011, no. 11, pp. 78–83. (In Russ.)

Shil'nikova I.V. *Trudovye konflikty na rossiiskikh promyshlennykh predpriatiiakh v 1914–1917 gg. (po materialam gubernii Tsentral'no-promyshlennogo raiona)* [Labor conflicts at Russian industrial enterprises in 1914–1917 (based on the materials of the provinces of the Central Industrial Region)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2021, vol. 27, no. 1, pp. 45–51. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.02.2025; одобрена после рецензирования 15.06.2025; принята к публикации 03.07.2025.

The article was submitted 06.02.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 03.07.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 126–132. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 126–132. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история

УДК 94(470)''1920/1930''

EDN SPNFHF

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-126-132>

СТРАДА В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ КРЕСТЬЯН РУССКОГО СЕВЕРА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.

Шиловский Игорь Николаевич, Вологодский государственный университет, Вологда, Россия, igor17011979@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-7235-6909>

Аннотация. Вопросы, связанные с изучением ментальности, рассмотрены в научных исследованиях многих советских и российских историков. Тем не менее актуальной остается проблематика, касающаяся ментальности крестьян на территории Русского Севера в период серьезных изменений, происходивших в деревне в 20–30-х гг. XX в. В данной статье рассматриваются значимые для мировоззрения крестьян Северного края сюжеты, которые формируют привычную для них картину мира, определяют повседневность. Для изучения особенностей восприятия мира, ставших основой общественного сознания крестьянства Европейского Севера, была осуществлена работа по изучению двух уникальных документов – личных дневников крестьян. Данные крестьяне проживали на территории Северного края и вели свои дневники в течение нескольких десятков лет – с 1906 г. по 1931 г. В статье анализируются такие значимые элементы мировосприятия, отраженные в дневниках, как страда, основные виды сельскохозяйственных и других занятий. Частично автор обратил внимание на восприятие крестьянством государственной политики. Анализ записей дневников осуществлен методом выборки по основным темам, сделана попытка проследить динамические изменения в элементах хозяйственного мировосприятия.

Ключевые слова: крестьяне, менталитет, полевые работы, дневники, Северный край, страда.

Для цитирования: Шиловский И.Н. Страда в общественном сознании крестьян Русского Севера в первой трети XX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 126–132. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-126-132>

Research Article

THE STRUGGLE IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS OF THE PEASANTS OF THE RUSSIAN NORTH IN THE 1ST THIRD OF THE 20TH CENTURY

Igor N. Shilovsky, Vologda State University, Vologda, Russia, igor17011979@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7235-6909>

Abstract. The issues related to the study of mentality are considered in scientific investigations of numerous Soviet and Russian historians. Nevertheless, the problems that concern mentality of peasantry in the territory of the Russian North during the period of serious changes, that took place in the village in the 1920-30s, remain relevant. The plots significant for the worldview of the peasants of the Northern Territory, determining everyday life, form a picture of the world familiar to them and they are considered in this article. To study the world perception features, which became the basis of the public consciousness of the peasantry of the European North of Russia, work on the study of two unique documents – peasants' personal diaries – was carried out. Those peasants lived in the territory of the Northern Land and had kept their diaries for several decades – from 1906 to 1931. Such significant elements of worldview, reflected in the diaries, as harvesting, the main types of agricultural and other activities, are analysed in the article. The author partially drew attention to the state policy perception by the peasantry. The analysis of diary entries is a method of sampling on the main topics; an attempt to trace dynamic changes in the elements of economic worldview is made.

Keywords: peasants, mentality, field work, diaries, Northern region, harvesting.

For citation: Shilovsky I.N. The struggle in the public consciousness of the peasants of the Russian North in the 1st third of the 20th century. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 126–132. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-126-132>

Основателями изучения ментальности как направления исторических исследований считается французская школа «Анналов»: историки Л. Февр и М. Блок стояли у истоков зарождения данного понятия. В отечественной историографии рост внимания к проблематике ментальности связывают с работами советских историков: А.Я. Гуревича, Ю.Л. Бессмертного, Л.Н. Пушкарева, Ю.Н. Афанасьева, М.М. Громыко и др. Отправной точкой исследования ментальности как целостного направления стала международная конференция «Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.)», организованная в 1994 г. Институтом российской истории РАН. Анализу мировосприятия крестьян в аграрной сфере были посвящены доклады историков В.П. Данилова, Л.В. Милова, М.А. Безнина, Т.М. Димони и др. [Менталитет: 22–39; 40–56; 156–167]. Л.В. Милов в своем выступлении на конференции подчеркивал, что, исходя из перспективы исследования ментальности крестьянства, необходимо уделить серьезное внимание влиянию природно-климатических факторов на российский исторический процесс. Российский сезон земледельческих работ был коротким, он длился с конца апреля по середину сентября (по старому стилю), или примерно 100 рабочих дней. Такое положение способствовало формированию в русском крестьянстве целого комплекса психологических поведенческих стереотипов [Менталитет: 40–43]. Отражение этих моментов, как отмечал Л.В. Милов, можно обнаружить в богатом народном фольклоре, особой лексике: «Русские крестьяне период весенне-летних работ всегда называли “страдой”, “страдной порой”, то есть периодом физических страданий: “где пахарь плачет, там жнея скачет”...» [Менталитет: 44]. Позднее значимый вклад в изучение проблем общественного сознания крестьянства внесли историки О.А. Сухова, В.Б. Безгин, В.В. Кондрашин и др. [Сухова; Безгин; Кондрашин].

Несмотря на уже проведенные научные исследования, не затронутым и актуальным на сегодняшний день остается вопрос изучения ментальности крестьян Русского Севера в период серьезных изменений, происходивших в деревне в 20–30 гг. XX в. Целью данной работы является анализ восприятия страды в сознании крестьянства в период ведения единоличного хозяйства в первой трети XX в. (до вступления в колхозы). Для этого автор выявил основные сюжеты, связанные с описанием страды; проследил, как отражается понятие страды и связанных с ней работ в повседневной жизни крестьянина; определил основные виды работ, которые занимали ведущее место в период проведения страдной поры и последовательность их проведения; проследил устойчивость элементов общественного сознания в отношении страды на протяжении первых трех

десятилетий XX в.; передал «живой голос» крестьян Северного края.

Изучение особенностей восприятия мира, определяющих общественное сознание крестьянства Европейского Севера, проводилось на основе двух личных дневников крестьян. Это уникальные документы, они охватывают первые три десятилетия XX в. Такой временной охват дневниковых записей крестьян этого периода научному сообществу более не известен. Ограниченность количества известных крестьянских дневников, скорее всего, объясняется неграмотностью большинства крестьян начала XX в. Оба дневника представляют собой поденные записи, в которых фиксировались обыденные события хозяйственной, семейной, политической жизни авторов.

Первый дневник вел А.А. Замараев, крестьянин, проживавший в деревне Тотемского уезда, расположенной рядом с городом Тотьма. Дневник хранится в Тотемском краеведческом музее и включает в себя записи за 1906–1922 гг. (с 1921 г. по 1922 г. записи эпизодически производятся его дочерью Лидией) [Замараев: 246–250]. Впервые дневник был опубликован в 1995 г. В.В. Морозовым и Н.И. Решетниковым в серии «Библиотека российского этнографа», издаваемой институтом этнологии и антропологии Миклухо-Маклая, повторно напечатан в альманахе «Тотьма» теми же авторами [Замараев: 246]. При изучении дневника мы пользовались его публикацией в альманахе, предисловие которого содержит подробное описание состояния дневника и особенности его заполнения автором. Там же указывается, что о судьбе автора дневника и членов его семьи ничего не известно. Авторы первой публикации дневника Замараева, В.В. Морозов и Н.И. Решетников, отмечают, что при подготовке публикации ориентировались на то, чтобы сохранить полностью текст и орфографию автора, пунктуацию же попытались приблизить к современной [Замараев: 249–250]. Второй дневник вел И.Г. Глов, пежемский крестьянин, проживавший в Вельском районе нынешней Архангельской области. Он также вовлечен в научный оборот. Дневник хранится Вельском районном архиве [На разломе: 13]. Впервые его обнаружил М.И. Мильчик, ленинградский ученый, который изучал деревянную архитектуру русского Севера. По его воспоминаниям, это произошло в начале 1970-х гг., когда он изучал фонды Вельского краеведческого музея. Сам же дневник в полном объеме М.И. Мильчик решил опубликовать только в 1997 г. в книге, которая была издана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и получила название «На разломе жизни». Подготовка и публикация книги являлась результатом большой программы по изучению и описанию источников культуры Вельского района Архангельской области и соседних с ним

территорий Поважья [На разломе: 2, 4–6]. В данной книге дается подробное описание жизни семьи Глотова, проводится источниковедческий анализ дневника [На разломе: 7, 9, 25–30].

Данные дневники ранее уже привлекались к научным исследованиям. Так, в статье Н.И. Решетникова. «Первая мировая война в документах Тотемского музейного объединения» (2020 г.) автор проследил восприятие крестьянством Первой мировой войны. В своем анализе автор опирался, в частности, на материалы дневников Ивана Глотова и Александра Замаараева [Решетников]. В 2024 г. в журнале «Родина» Я. Миркин рассматривал записи из дневника Ивана Глотова как жизнь человека труда [Миркин: 45–47].

Перейдем к анализу текстов дневников. Дневник Ивана Глотова содержит записи с 1915 г. по 1931 г. До 1918 г. И.Г. Гловы проживал в Санкт-Петербурге, где остался работать на фабрике после службы в армии. С 1918 г. он перебирается на постоянное местожительство к семье в родную деревню. После переезда Глотова в Пезму, с весны 1918 г. до весны 1921 г., записи в дневнике велись довольно отрывочно, часть записей занесена позже событий. С 1921 по 1931 г. записи велись уже на регулярной основе, за исключением части утерянных листов дневника за период 1926 по 1929 г. [На разломе: 13]. Авторы дневников обладали серьезными личностными отличиями. Судя по дневнику А. Замаараева, он активно интересовался политической жизнью, черпал информацию о происходящих событиях в газетах, увлекался чтением книг. В свою очередь, Иван Гловы мало интересовался происходящими политическими процессами, больше внимания уделял своей семье. Возможно, на это повлияли не только личностные особенности авторов дневников, но и численность их семьи, возраст, в котором у них появились дети. Так, Александр Замаараев, вероятно, долгое время оставался бездетным. Он с женой воспитывал одну дочку, которая родилась, когда он уже был пожилым человеком. У Ивана Глотова было четверо детей, которых он воспитывал совместно с женой, находясь при этом в гораздо более молодом возрасте. Стоит отметить, что оба крестьянина начали вести свои дневники в довольно-таки зрелом возрасте, когда их личная и семейная жизнь уже «устоялась».

В данной статье анализ построен на записях дневника А. Замаараева, сделанных в 1921 г., и записях И. Глотова, сделанных в 1919 г. Данная выборка позволила рассмотреть особенности хозяйственного менталитета северных крестьян на близких временных отрезках. И. Гловы делал свои записи после переезда из города в деревню, А. Замаараев в 1921 г. еще полностью самостоятельно вел хозяйство, с 1922 г. здоровье не позволяет ему заниматься работой в поле в полном объеме, ему часто приходилось использовать труд наемных работников.

Изучение дневниковых записей показывает, что основной темой, к которой постоянно возвращаются авторы, является необходимость проведения полевых работ. Под полевыми работами в данном случае понимается работа крестьян, направленная на посев культур и сбор урожая, а также заготовку кормовых трав. Рассмотрим количество упоминаний о проведении полевых работ в период страды. Изучение будем проводить помесячно, сравнивая записи обоих дневников. Для того чтобы передать «дух эпохи» и показать, насколько часто мысли крестьян подчинены выполнению полевых работ, постараемся максимально включить их «живые голоса» из дневниковых записей.

Первые работы в поле начинаются обычно в апреле, иногда в мае (в зависимости от погодных условий в различные годы). Из первичных полевых работ в дневниках отмечаются следующие: необходимость пахать (орать) землю, боронить землю, сеять семена. Так, если анализировать записи И. Глотова за 1921 г., можно увидеть, что он начинает проведение этих работ с 3 апреля: «В весну 1921 года выехал орать 3 апреля по ст/ст. в бор, в Полянку» [На разломе: 63]. Уже на следующий день после вспашки земли он пишет, что начал боронить и сеять: «4 апреля в воскресенье посеял и заборонил в бору Полянку, рассеял овес, один мешок кулевой весом около 3 пудов» [На разломе: 63]. Записи Глотова показывают, что его сознание ежедневно занято размышлениями о проведении полевых работ: «5 апреля посеял полосу к Новой Согре... 6 апреля засеял полосу в речном поле над Дресвой... 7 апреля засеял Одворицу... 8 апреля в Дуброве, в парах, копенную засеял голым житом» [На разломе: 63]. Так, в 1921 г., в период с апреля по октябрь месяц, читая записи в его дневнике, мы видим (до 30 апреля – времени окончания посевной) постоянное упоминание работ, проведенных его семьей в поле: «30 апреля, выпустил лошадей на волю, управив почти уже все полевые работы» [На разломе: 66]. Анализируя записи за 1919 г. из дневника Александра Замаараева, крестьянина Тотемского уезда, мы видим, что первые упоминания о начале полевых работ у него в дневнике также получают свое отражение в апреле. «20 (апреля) начал пахать... 22 пахал, все пашут... 24 сеял овес в поле... 27 пахал в полянке... 30 сеял в полянке овес...», – гласят записи в дневнике А. Замаараева [Замаараев: 466]. Как видим, о работе в поле Александр Замаараев упоминает практически каждый день; как и для Ивана Глотова, с момента наступления тепла эти работы становятся основными темами дневниковых записей. За период с 3 по 30 апреля 1921 г. Иван Гловы не работал в поле только два дня – 18 апреля (на Пасху) и 25 апреля (отдыхал). Такое восприятие мира и в целом было присуще русскому крестьянину. Оно

широко представлено, например, в пословицах, связанных с крестьянским трудом: «Крестьянская доля на широком поле» [Рыбина: 167]. Русские пословицы и поговорки прямо призывают к раннему началу проведения полевых работ: «Кто спит весною, плачет зимою» [Русские пословицы 1983: 222].

Хозяйственные работы – еще одна важная тема дневниковых записей. В крестьянских дневниках к хозяйственным работам отнесены: работа по переработке полученного урожая, транспортировка урожая, перевозка сена, перевозка урожая на мельницу и переработка урожая на мельнице, вывоз навоза в поля, заготовка жердей, необходимых для того, чтобы загородить огород (то есть огораживать поле, чтобы животные не погубили посевы и последующий урожай). Важность хозяйственных работ, понимание того, что они неразрывно связаны с общим проведением полевых работ, также широко отражены в крестьянских поговорках: «Клади навоз густо, в амбаре не будет пусто» [Русские пословицы 1988: 378]. И. Готов в 1921 г. отметил, что 19 и 26 апреля вместо проведения полевых работ он осуществлял хозяйственные работы, которые были непосредственно связаны с полевыми работами. Так, 19 апреля И. Готов поместил: «Второй день Пасхи. Утром ходил в Дуброву к огородам, оттуда сразу же, придя домой, пошел в Шубонево, исправил огороды» [На разломе: 64–65]. Читая записи А. Замараева за апрель 1919 г., мы видим, что и в его записях встречается отражение аналогичных видов работ: «5 (апреля) утром ездил на луневскую мельницу, привез оттуда обратно рожь» [Замараев: 465]. Всего в апреле 1919 г. у А. Замараева мы наблюдаем две записи, посвященные этим видам работ.

Уже в мае частота упоминаний о проведении работ в поле в дневниках крестьян существенно возрастает. Так, у Ивана Глотова за май 1921 г. содержится 13 упоминаний о полевых работах. Читаем его записи: «20 мая, четверг. Утром и вечером, всю ночь до утра на пятницу заорал весь навоз в поле над Шеймой» [На разломе: 68]. За этот же период времени находим у него 15 упоминаний о проведении им хозяйственных работ, которые непосредственно связаны с проведением полевых работ [На разломе: 66–68]. В некоторые дни он успевает делать одновременно и те, и другие виды работ: «19 мая, среда, по новому стилю 1 июня. Закончил навозную возку, заорал огородец на капустниках, и посадили капусту в огородец у реки» [На разломе: 68]. За целый месяц только один день И. Готов не работает в поле и не был занят хозяйственными работами [На разломе: 67]. Изучая записи Александра Замараева за май 1919 г., видим, что и он в основном занят проведением работ в поле: 2 мая «ездил в Медведку, пахал в полянке под овес», 3 мая «посеяли овес в Медведке на полян-

ке», 6 мая «Немного потеплее. Досеял все, обработал. Сильно устаю» [Замараев: 468]. Всего в дневнике Замараева содержится 11 записей о работе в поле за месяц. Также постоянно встречаем у А. Замараева в записях за май и упоминания о хозяйственных работах, которые связаны с работой в поле: 24 мая «Ходили на Жаровку, городил на ручье», 30 мая «Возили навоз на Петрухине лошади и Мирвенок» [Замараев: 468]. Всего записей о хозяйственных работах за май в дневнике Замараева 6 единиц. В некоторые майские дни Александр Замараев, как и Иван Готов, успевает делать одновременно и те, и другие виды работ: «27. Жар. Доборонили пары, потом окладывали тес. Все возят навоз» [Замараев: 468].

Таким образом, в дневниках крестьян за май месяц мы находим 11 упоминаний у А. Замараева и 13 упоминаний у И. Глотова о полевых работах, что говорит об огромном внимании их к этой стороне жизни. По второй составляющей – проведение хозяйственных работ, связанных с работой в поле, – за май месяц у А. Замараева 6 упоминаний и 15 упоминаний у И. Глотова. Такая частота упоминаний в записях дневников обоих крестьян свидетельствует об огромном напряженном труде для обеспечения будущего урожая. Данный аспект также отражен в русском фольклоре: «Не столько роса, сколько пот удобряет нивы», – читаем мы в кладези крестьянской мудрости [Русские пословицы 1988: 378].

Продолжая изучение записей дневника Ивана Глотова, мы видим, что в июне добавляются новые виды работ в поле. Так, Готов пишет, что с 14 июня 1921 г. начинаются работы по заготовке кормовых трав (сенокос): «17 июня, четверг. Докосили на Сухом до обеда и пошли грести к Избушкам, сгребли в кучи на 3 проймы, ночевали на Земленишном» [На разломе: 69–70]. Всего в июне мы находим у него 18 упоминаний о проведении работ в поле и 2 упоминания о хозяйственных работах, связанных с работой в поле. У А. Замараева также присутствуют записи о сенокосе. Так, в 1919 г. Замараев указал, что сенокос начался с 21 июня: «21 ушли на Холодное косить. Там ночевали» [Замараев: 469]. В июле этого года в его дневнике встречается 8 упоминаний о проведении работ в поле и 9 упоминаний о хозяйственных работах, связанных с работой в поле.

Работы по заготовке кормовых трав крестьянами Северного края включали: покос травы, ее греблю и сушку, последующее метание высохшей травы (сена) в стога, что необходимо для его сохранения всю зиму. Так, из записей И. Глотова за 1921 г., мы видим, что сенокосные работы начались с середины июня и длились почти месяц до 10 июля: «10 июля, суббота. Догреб на логах и с Миней унесли сено из огорода остатки и этим сенокос закончили. И так длился покос с 14 июня по 10 июля. Т. е. в про-

должении 26 дней. Тая жала в Наволочках» [На разломе: 72]. За весь месяц Иван отдыхал только один день: «27 июня, воскресенье. Праздник в Заршинной» [На разломе: 70]. Небольшой перерыв в работах с 1 по 6 июня был связан с отъездом Ивана из деревни. У Александра Замараева последнее упоминание в записях о сенокосе мы находим 12 июля: «12 сметали копну полевого сена» [Замараев: 471]. Всего сенокос длился 21 день, за это время он отдыхал только один день. Не случайно народные пословицы наставляли крестьянина: «В страду одна забота – не стояла бы работа» [Русские пословицы 1983: 220].

Одновременно с сенокосом начиналась жатва. Так, не закончив еще сенокосные работы, семья Глотовых переходит к жатве ржи, овса: «6 июля, вторник. Утром дождик, после дождика пошли первый день жать рожь в Дуброву. Нажали 2 суслона (несколько снопов в поле, поставленные для просушки. – *И. Ш.*), пошел опять дождик. 9 июля, пятница. На логах греб сено один и ночевал. Тая жала в Наволочках и сушила сено в огороде. С Миней скосили на синник, осталось только две кучи» [На разломе: 71–72]. Не менее напряженный график работ в поле мы наблюдаем и у Александра Замараева: «17 (июля) начали жать. 22 (июля) ходил косил на Медведку в полянку. Многие сегодня молотили» [Замараев: 471]. В июле количество работ в поле возрастает: помимо жатвы зерновых (ржи, овса, пшеницы), появляются работы, связанные с обработкой льна (рвать, трепать и мять лен). В июле же начинаются земледельческие работы в поле, направленные на посев озимых: вспашка земли, боронование и сев семян. Так, читая в дневнике записи И. Глотова, видим: «18 июля, воскресенье. Боронил у Коштов и в поле Масленник. 19, понедельник. Заборонил остатки поля Масленник и в Шатровике в Верхней Полянке. Тая жала жито в Дуброве. 20 июля, вторник. Ильин день. Вырвали лен в полянке Шатровик, я увез и повесил 150 горстей. 21 июля, среда. Начал сеять рожь, посеял в Полянке у Коштов. Тая жала жито» [На разломе: 74]. Из записей Замараева в июле 1919 г.: «25 ездил на Медведку в полянку пахать. Нынче все начинают сеять. Дожали рожь – 20 суслонов. 26 посеял на Медведке полянку, 1 пуд 10 фунтов» [Замараев: 471].

Всего за июль 1921 г. 26 дней работы в поле – это отражение повседневной реальности крестьянина И. Глотова [На разломе: 71–74]. Оставшиеся дни – это проведение хозяйственных работ, которые самым непосредственным образом связаны с работой в поле: «25 июля, воскресенье. Утром посеял долгую полосу в Слюзах, а днем возил ржаные снопы (стебли ржи, связанные между собой. – *И. Ш.*) из Дубровы и Наволочков...» [На разломе: 74]. В июле 1919 г. у А. Замараева мы находим 18 упоминаний о проведении полевых работ, еще одно упоминание

о занятии хозяйственными работами. За этот месяц он не смог принимать участие в полевых работах 10 дней: 5 дней болел, 2 был на отработке государственных трудовых повинностей, 3 дня стояла непогода – невозможно было работать в поле. Таким образом, большую часть времени у него также занимали работы в поле.

Дни «простоя» крестьян были вынужденными и связаны с причинами, не зависящими от их воли. Новым явлением в жизни крестьянского сообщества были государственные повинности. Записи о государственных трудовых повинностях впервые появляются в дневнике А. Замараева в период начала Первой мировой войны. К этим повинностям относятся перевозки резервистов к местам их сосредоточения. После октябрьской революции 1917 г. к мобилизационным перевозкам солдат добавляются работы по лесозаготовке. Аналогичные трудовые повинности зафиксированы в дневниковых записях и у Ивана Глотова: перевозка грузов, лесозаготовки.

В августе – сентябре в обоих крестьянских хозяйствах – и у Александра Замараева, и у Ивана Глотова – продолжается проведение полевых работ. Недаром крестьянские пословицы наставляют: «В августе три заботы: и косить, и пахать, и сеять» [Русские пословицы 1983: 219]. Последнее упоминание о проведении работ в поле мы находим в их записях за 30 сентября. Так, А. Замараев 30 сентября 1919 г. делает запись: «30 увез к Соковину на мельницу 2 мешка» [Замараев: 474]. Из дневника И. Глотова за 30 сентября 1921 г.: «30.IX, четверг. Накосил воз травы в Коштове» [На разломе: 77]. За эти два месяца, помимо упоминаний о проведении полевых работ, резко возрастает количество упоминаний хозяйственных работ, связанных с переработкой полученного урожая, отмечена необходимость: молотить (сельскохозяйственная операция по отделению семян от колосьев. – *И. Ш.*), веять (отделять, очищать зерно от сора и мякины. – *И. Ш.*), околачивать, трепать и мять лен. «21 августа, суббота. Молотил первый овин, пшеницу. 22 августа, воскресенье. Молотил жито и веял. 2 сентября, четверг. Сколотили лен и ездил отвез семенной овес», – пишет И. Глотов в своем дневнике [На разломе: 75–76]. «24 (августа) молотили ячмень остальной... 28 (августа) домолотили всю рожь», – записи из дневника А. Замараева [Замараев: 472–473]. Всего за август – сентябрь в записях дневника И. Глотова мы находим 15 упоминаний о проведении полевых работ, 30 упоминаний о проведении хозяйственных работ, непосредственно связанных с полевыми работами (из них 13 связаны с переработкой полученного урожая). У Александра Замараева в записях за август – сентябрь найдено 13 упоминаний о проведении полевых работ, 17 упоминаний – о проведении хозяйственных работ, не-

посредственно связанных с полевыми работами (из них 14 связаны с переработкой полученного урожая).

Изучение дневников крестьян позволяет говорить, что страдная пора северных крестьян была чрезвычайно напряжённой. Периоды отдыха, судя по описанию хозяйственных забот, практически отсутствовали. При этом в период страдной поры все члены семьи были вовлечены в выполнение полевых и сопутствующих им хозяйственных работ. Дневниковые записи показывают типичность элементов крестьянского сознания, устойчивость хозяйственного цикла. Дневниковые записи помогали фиксировать важные этапы работы: время вспашки, посева, сенокоса, жатвы и других хозяйственных работ. Кроме того, что немаловажно, дневники содержат отметки обо всех хозяйственных угодьях семьи и особенностях их обработки. Записи в дневниках служили для учёта выполненной работы и собранного урожая. Современный исследователь благодаря дневниковым записям крестьян видит повторяемость и цикличность круга страдных работ, составлявших суть крестьянского быта.

Список литературы

Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX в.). Москва; Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. 304 с.

Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х гг. Москва: Ленанд, 2014. 608 с.

Безнин М.А., Димони Т.М. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы // Отечественная история. 2002. № 2. С. 96–111.

Громыко М.М. Мир русской деревни. Москва: Молодая гвардия, 1991. 446 с.

Замараев А.А. Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева, 1906–1922 годы / предисл. «Тотемский крестьянин А.А. Замараев и его дневниковые записи», публ. и коммент. В.В. Морозова, Н.И. Решетникова // Тотма: краеведческий альманах. 1997. Вып. 2. С. 251–517.

Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 519 с.

Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы междунар. конф. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 400 с.

Миркин Я. Счастье крестьянина Ивана Глотова: чему учат нас записки человека, получавшего радость от своего труда // Родина. 01.11.2024. № 11. URL: <https://rodina-history.ru/2024/11/01/schaste-krestianina-ivana-glota.html> (дата обращения: 19.01.2025).

На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области. 1915–1931 годы / РАН, Ин-т этнологии

и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Вельский район. краевед. музей; публ. подгот. М.И. Мильчик, М.А. Шумар. Москва: Координац.-метод. центр прикл. этнографии Ин-та этнологии и антропологии РАН, Вельск. район. краевед. музей, 1997. 323 с.

Решетников Н.И. Первая мировая война в документах Тотемского музейного объединения // Открытый текст: электронное периодическое издание. 21.02.2020. URL: <https://opentextnn.ru/museum/nauchnye-issledovaniya-v-muzejah/1ww-totma/> (дата обращения: 19.01.2025).

Русские пословицы и поговорки / сост. Ф. Селиванов, Б. Кирдан, В. Аникин. Москва: Худож. лит-ра, 1988. 431 с.

Русские пословицы и поговорки / сост. А. Соболев. Москва: Советская Россия, 1983. 304 с.

Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 232 с.

Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 679 с.

References

Bezgin V.B. *Krest'janskaja povsednevnost' (tradicii konca XIX – nachala XX v.)* [Peasant everyday life (traditions of the late 19th – early 20th centuries)]. Tambov, Izd-vo Tamb. Gos. Teh. un-ta Publ., 2004, 304 p. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Agrarnyj stroj Rossii 1930–1980-h gg.* [The agrarian system of Russia in the 1930s–1980s]. Moscow, Lenand Publ., 2014, 608 p. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Povinnosti rossijskich kolhoznikov v 1930–1960-e gody* [Conscription of Russian collective farmers in the 1930s–1960s]. *Otechestvennaja istorija* [Russian history], 2002, no. 2, pp. 96–111. (In Russ.)

Gromyko M.M. *Mir russkoj derevni* [The world of the Russian countryside]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 1991, 446 p. (In Russ.)

Kondrashin V.V. *Golod 1932–1933 godov: tragedija rossijskoj derevni* [The Famine of 1932–1933: the tragedy of the Russian countryside]. Moscow, Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJEN) Publ., 2008, 519 p. (In Russ.)

Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX–XX vv.): materialy mezhdunar. konf. [The mentality and agrarian development of Russia (XIX–XX centuries)]. Moscow, Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJEN) Publ., 1996, 400 p. (In Russ.)

Mirkin Ja. *Schast'e krest'janina Ivana Glotova: chemu uchat nas zapiski cheloveka, poluchavshego radost' ot svoego truda* [The happiness of peasant Ivan Glotov: what do the notes of a man who enjoyed his work teach us]. *Zhurnal Rodina* [Rodina Magazine],

2024, no. 11. (In Russ.) URL: <https://rodina-history.ru/2024/11/01/schaste-krestianina-ivana-glotova.html>

Na razlome zhizni. Dnevnik Ivana Glotova, pezhemskogo krest'janina Vel'skogo rajona Arhangel'skoj oblasti. 1915-1931 gody [At the break of life. The diary of Ivan Glotov, a Pezhemsky peasant of the Velsky district of the Arkhangelsk region. The years 1915-1931], RAN, In-t jetnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaja, Vel'skij rajon. kraeved. muzej; publ. podgot. M.I. Mil'chik, M.A. Shumar. Moscow, Koordinac.-metod. centr prikl. jetnografii In-ta jetnologii i antropologii RAN: Vel'sk. rajon. kraeved. muzej Publ., 1997, 323 p. (In Russ.)

Reshetnikov N.I. *Pervaja mirovaja vojna v dokumentah Totemskogo muzejnogo ob'edinenija* [The First World War in the documents of the Totem Museum Association]. *Otkrytyj tekst jelektronnoe periodicheskoe izdanie* [Open text electronic periodical], 2020. URL: <https://opentextnn.ru/museum/nauchnye-issledovanija-v-muzejah/1ww-totma/> (In Russ.)

Russkie poslovice i pogovorki [Russian proverbs and sayings], comp. by F. Selivanov, B. Kirdan, V. Anikin. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1988, 431 p. (In Russ.)

Russkie poslovice i pogovorki [Russian proverbs and sayings], comp. A. Sobolev. Moscow, Sovetskaja Rossija Publ., 1983, 304 p. (In Russ.)

Rybnikova M.A. *Russkie poslovice i pogovorki* [Russian proverbs and sayings]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1961, 232 p. (In Russ.)

Suhova O.A. *Desjat' mifov krest'janskogo soznania: Oчерки istorii social'noj psihologii i mentaliteta russkogo krest'janstva (konec XIX – nachalo XX v.) po materialam Srednego Povolzh'ja* [Ten Myths of Peasant Consciousness: Essays on the History of Social Psychology and the Mentality of the Russian Peasantry (Late 19th – Early 20th Centuries) based on materials from the Middle Volga region]. Moscow, Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN) Publ., 2008, 679 p. (In Russ.)

Zamaraev A.A. *Dnevnik totemskogo krest'janina A.A. Zamaraeva, 1906–1922 gody*; predisl. “Totemskij krest'janin A.A. Zamaraev i ego dnevnikovye zapisi”, ed. by V.V. Morozov, N.I. Reshetnikov. *Tot'ma: kraevedcheskij al'manah* [Totma: local history almanac], 1997, vol. 2, pp. 251–517. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.04.2025; одобрена после рецензирования 26.05.2025; принята к публикации 02.06.2025.

The article was submitted 11.04.2025; approved after reviewing 26.05.2025; accepted for publication 02.06.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 133–138. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 133–138. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.2. Всеобщая история

УДК 711(091)

EDN TXSWEU

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-133-138>

СРЕДСТВА И МЕТОДЫ НАЦИСТОВ ПО ВОПЛОЩЕНИЮ ГИТЛЕРОВСКИХ АРХИТЕКТУРНЫХ ЗАМЫСЛОВ

Евдокимова Татьяна Васильевна, доктор исторических наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия, eva_tan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0017-1363>

Смусев Виктор Алексеевич, сотрудник музея-заповедника «Сталинградская битва», Волгоград, Россия, petrenko.1999@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1175-0763>

Аннотация. Культура Германии в период господства национал-социализма подверглась существенной трансформации.

Одним из проявлений данного процесса стали изменения в архитектурно-строительной сфере, сочетавшей классические образцы античности и нацистские средства их реализации. Статья посвящена анализу деятельности нацистских функционеров по изысканию ресурсов для архитектурной перепланировки городов Германии, в частности Берлина. Реализация архитектурных замыслов Гитлера стала возможна в результате обоюдновыгодного сотрудничества главного архитектора нацистской Германии Альберта Шпеера с главой СС Генриха Гиммлера. Наряду с насильственным выселением евреев из кварталов Берлина широко использовался труд заключенных в концлагерях. В решении внутренних архитектурно-строительных задач нацистского государства был задействован целый перечень основных концентрационных лагерей и некоторых филиалов. Официальный архитектурно-строительный аппарат в лице Шпеера выполнял ключевые функции (финансовую и информационно-консультативную) в процессе возведения и расширения системы концентрационных лагерей, предназначенных для массовой добычи и изготовления строительных материалов их узниками. Результатом следования расово-политическим установкам идеологии НСДАП, взаимовыгодным интересам архитектурно-строительной инспекции А. Шпеера и организации СС стали сотни тысяч жертв узников системы концлагерей, что можно классифицировать как геноцид неугодных представителей общества и целых народов.

Ключевые слова: национал-социализм, города Германии, архитектура, принудительный труд, система концентрационных лагерей, Шпеер, Гиммлер.

Для цитирования: Евдокимова Т.В., Смусев В.А. Средства и методы нацистов по воплощению гитлеровских архитектурных замыслов // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 133–138. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-133-138>

Research Article

THE NAZIS' MEANS AND METHODS OF IMPLEMENTING HITLER'S ARCHITECTURAL DESIGNS

Tat'yana V. Evdokimova, DSc in History, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogic University, Volgograd, Russia, eva_tan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0017-1363>

Viktor A. Smusev, Museum-Reserve "Battle of Stalingrad", Volgograd, Russia, petrenko.1999@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1175-0763>

Abstract. The culture of Germany under the domination of National Socialism underwent a significant transformation. Changes included the architectural and construction sphere manifestations of this process which combined classical samples of antiquity and Nazi means of their realisation. The article analyses the activities of Nazi functionaries to find resources for the architectural redevelopment of German cities, particularly Berlin. Realisation of Hitler's architectural plans required mutually beneficial cooperation between the chief architect of Nazi Germany Albert Speer and the SS head Heinrich Himmler. Along with the forced eviction of Jews from Berlin neighbourhoods, the labour of concentration camp inmates was widely used. The internal architectural and construction tasks of the Nazi state involved a whole list of major concentration camps and some branch camps. The official architectural and construction apparatus, represented by Speer, performed key functions (financial and informational and advisory) in the process of erecting and expanding the system of concentration camps designed for mass extraction and manufacture of building materials by their inmates. The result of

following the racial-political guidelines of the Nazi Party ideology, the mutually beneficial interests of the architectural and construction inspectorate of Speer and the SS organisation were construction of the notorious concentration camps. That claimed hundreds of thousands of lives of the concentration camp system prisoners and can be classified as genocide of representatives of society and entire peoples, unwanted from the Nazis' point of view.

Keywords: National Socialism, German cities, architecture, forced labour, concentration camp system, Speer, Himmler.

For citation: Evdokimova T.V., Smusev V.A. The Nazis' means and methods of implementing Hitler's architectural designs. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 133–138. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-133-138>

Рассмотрение проблемы трансформации культуры Германии в период Третьего рейха, ее оценки с точки зрения содержания – актуальная тема современных научных исследований. В поле зрения находятся как истоки политики в сфере культуры, идеологические нарративы функционеров партии, институты реализации культурной политики, так и набор ценностей национал-социалистической Германии, включавший специфические и общие черты искусства [Маркин: 7–9; Сухин: 46]. Работая по данной теме, особенно с точки зрения искусствоведения [Сухин], опасно забывать о преступном характере политического режима, который стоял за реализацией «гремучей смеси» революционно-реверсивного характера, сочетавшего в себе революционные формы подачи (радио, телевидение, массовые информационные кампании, акции) и классические архитектурные образцы античности. Заявленные «высокие» архитектурные замыслы нацистского руководства сочетались с низменными методами и средствами их реализации, что мы попытаемся показать на примере перепланировки столицы нацистского государства – Берлина.

Те или иные стороны данной проблематики частично освещались в ряде исследований. Например, изучение системы эксплуатации и уничтожения в Третьем рейхе, в том числе ее роль в «стройках фюрера» [Вахсман, Allen, Jaskot]. Или анализ отдельных структур и концентрационных лагерей, задействованных в строительной сфере [Конопатченков]. Особое место занимают монографии, посвященные персоналиям, связанным с созданием условий возникновения системы концлагерей и непосредственно с работой заключенных в области строительства [Hitler's Table Talk, Fest]. Имеющаяся источниковая база позволяет посмотреть на обозначенную проблему комплексно, учитывая материалы, размещенные на информационных сайтах музеев-мемориалов нацистских концлагерей и аффилированных с ними проектов [Forschungsprojekts, Mediathek, Zwangsarbeit, Gusen, Flossenbürg, Mauthausen, Sachsenhausen], статистические данные по строительству Берлина [Berlin], воспоминания современников [Шпее, Gussak, Hitler's Table Talk].

Архитектурно-строительная политика в представительской и мемориальной сферах с 1933 г. была вдохновлена в первую очередь Гитлером и отвечала его реверсивным этическим взглядам. Фюрер не имел соответствующего академического образо-

вания [Маркин: 35], однако он жил в эпоху поисков новых форм, среди людей и общественных движений, которые также ощущали кризис духовных ценностей конца XIX – начала XX вв. и потребность его решения. Как и его современники, архитекторы-модернисты, он также интуитивно обращался к трансформации облика городов, чтобы те отвечали развитию глобальной и современной мысли, где высшей ценностью становились общественные связи, коллективная общность. Речь шла не столько о стилях исполнения, сколько о масштабности проектов: об идеях возведения огромных стеклянных построек Бруно Таута; высотных домов Миса ван дэр Роэ, вдохновленного американскими небоскребами; жилых массивных городов Ле Карбюзье; наконец, крупногабаритного Дворца Советов Бориса Иофана [Fest: 77].

Как установили исследователи, уже во время заключения в тюрьме Ландсберг, после провальной попытки государственного переворота 8–9 ноября 1923 г., Гитлер занимался составлением набросков-скетчей родного города Линца [Маркин: 35] и будущих «культурных доминант» Германии: Нюрнберга, Мюнхена, Берлина и т. д. [Fest: 68].

С приходом нацистской партии к власти Берлину уделялось особое внимание. После непродолжительной и бесплодной попытки сотрудничества с городскими властями Гитлер считал необходимым установить личный жесткий контроль за реконструкцией столицы в обход бюрократических структур города. 30 января 1937 г. было создано бюро перепланировки Берлина во главе с Альбертом Шпеем [Fest: 81; Пленков: 84]. Его организаторская задача как генерального инспектора строительных работ (GBI – Generalbauinspektor) имперской столицы заключалась в поиске ресурсов и администрировании производственных процессов для намеченных Гитлером строительных проектов Нового Берлина. Впоследствии декрет 1940 г. наделил его особым статусом: «Все ведомства империи, земель и городов, а также партии должны оказывать генеральному строительному инспектору столицы Рейха всю необходимую поддержку в выполнении его обязанностей» [Mediathek].

Гитлер был намерен финансировать проект, расходуя на него 60 000 000 рейхсмарок в год. На рынке строительных материалов сложилась благоприятная ситуация: индекс цен на камень и металл с 1934 по 1943 г. повысился незначительно – на 12 %, а стои-

мость строительных работ – на 13,8 %, что свидетельствовало о договорном характере цен между экономическим планированием НСДАП и промышленными монополиями [Berlin: 151]. Однако с рынком рабочих рук в Берлине ситуация была сложнее. На 1939 г. в строительной сфере числилось 130 493 специалиста [Berlin: 102–103], из которых 5460 человек были архитекторами и инженерами. Этого количества хватало городским проектам прежнего масштаба, учитывая то обстоятельство, что на Польскую кампанию уже было мобилизовано 59 192 человека из рабочих и служащих Берлина [Berlin: 100–101].

Первым этапом переустройства стал снос прежних построек силами доступного количества рабочих рук. Ожидаемые масштабы расчистки оценивались в пределах от 100 000 до 150 000 единиц жилья [Moss: 128]. Планировалось переселить жителей центральной части Берлина на окраины в жилье по льготной цене. Этим занималась близкая Шпееру некоммерческая жилищно-строительная компания (GSW – *Gemeinnützigen Siedlungs- und Wohnungsbau Gesellschaft*), в совете директоров которой были два его сотрудника. К 1938 г. было намечено ликвидировать застройку в 17 000 квартир (однако статистика дефицита в 190 000 единиц жилья для берлинцев и общая ветхость жилья прежней застройки только добавили проблем). В этом же году удалось сдать 14 935 единиц жилья, в 1939 г. – 4 500 вместо запланированных 30 000 [Kitchen: 74, 80–82], в 1940 г. по Берлину в целом было сдано только 6 414 квартир [Berlin: 137]. Пропорция – явно не в пользу переселяемых жителей. В своих мемуарах Шпеер сетовал, что его покровителя и заказчика, Гитлера, мало интересовал аспект инфраструктуры [Шпеер: 106].

Дело осложнялось и тем, что 10 сентября 1938 г. Министерство финансов отклонило просьбу Шпеера о дополнительном финансировании строительства нового жилья. Тогда, чтобы сохранить свое привилегированное положение на посту GBI и придать импульс движению, Шпеер решился на сотрудничество с полицейским аппаратом СС. Речь шла о безвозмездной конфискации жилплощади у хозяев-евреев, перед которыми GSW не собиралась нести никаких обязательств. Евреи выселялись из квартир, а позднее «эвакуировались на Восток». Однако сотрудничество не дало серьезных количественных результатов, так как было сопряжено с юридическими административными трудностями (выяснение места проживания евреев, факта их владения жилплощадью и т. д. [Kitchen: 85, 96]).

С 1938 по 1940 г. всего по Берлину было отчуждено 15 249 единиц жилищной площади, из которых 969 единиц – принудительно [Berlin: 137]. На момент ухода Шпеера со своей должности главы инспекции перепланировки Берлина (7 февраля 1942 г.) в распо-

ряжение GSW под расчистку поступило 23 765 квартир [Moss: 128], однако в дальнейшем стройка оказалась «замороженной». Исключением стала работа на Потсдамской площади – там приступили к возведению Дома немецкого туризма [Васильченко: 328].

В условиях подготовки Германии к войне сферы, не связанные с вооружением, находились в состоянии относительной рыночной регуляции. Строительная сфера была многолика: производственное, жилищное, общественное строительство также оттягивали внушительную часть рынка стройматериалов. Отчасти потенциальные сложности вызвал бы единовременный скачок спроса государственной политики перепланировки городов (Берлина, Мюнхена, Нюрнберга, Гамбурга, Линца и др. выделенных Гитлером региональных центров рейха) на сложные в добыче «натуральные» материалы, в частности гранит. Круг его поставщиков был соразмерен потребностям рынка. Поэтому Шпеером рассматривались варианты импорта гранита из Италии, Чехословакии и Финляндии. Однако потребность в дополнительных источниках гранита оставалась актуальной. Никуда не делась и потребность в кирпиче.

В апреле 1938 г., после «продуктивной» работы главы хозяйственно-экономического управления СС Освальда Поля (под его надзором концентрационный лагерь (далее – КЛ) Дахау стал экономически прибыльным предприятием), состоялся разговор Шпеера с рейхсфюрером СС Г. Гиммлером относительно потребности в дополнительном источнике стройматериалов. Рейхсфюрер СС, располагавший влиятельным аппаратом насильственной трудовой мобилизации (концлагеря) [СС: 79], принял важное решение. В апреле 1938 г. СС учредили Немецкое общество с ограниченной ответственностью по земельным и каменным работам (DESt – *Deutsche Erd- und Steinwerke GmbH*), на чей счет и поступала оплата труда заключенных. Производственные комплексы появились при новых концентрационных лагерях, расположенных на местах разработки земельных ресурсов. С мая 1938 г. этой компанией арендовались, а затем и приобретались гранитные карьеры и площади под кирпичные заводы. Рядом с этими объектами возводилась инфраструктура концлагерей. С 1938 г. СС был основан целый ряд концлагерей, занимавшихся кирпичным производством и добычей гранита, о чем красноречиво свидетельствует приведенная ниже сводная таблица (табл. 1), составленная на основе ряда изученных источников [Forschungsprojekts, Mediathek, Zwangsarbeit, Gusen, Flossenbürg, Mauthausen, Sachsenhausen].

Важно, что за обезличенными показателями добычи гранита и кирпича (например, к 1942 г. в КЛ Маутхаузен-Гузен и КЛ Флоссенбюрг произвели 12 201 055 м³ гранитной продукции [Jaskot: 41])

Список концлагерей-поставщиков стройматериалов, представляемых DESt

Концентрационный лагерь	Хронологические рамки работы на проекты перепланировки городов	Продукция предприятий при концентрационном лагере
Берлштедт, подлагерь КЛ Бухенвальд	май 1938 г. – ? (ликвидирован 4 апреля 1945 г.)	глиняный кирпич для строительства в Веймаре
Заксенхаузен	лето 1938 г. – май 1939 г. – подготовка; 1940–1943 гг. – производство	глиняный кирпич / обработка гранитного камня для Берлина
Нойенгамме	1938–1942 гг. – подготовка; декабрь 1942 г. – лето 1943 г. – производство	глиняный кирпич, черепица для Гамбурга
Флоссенбург	май 1938 г. – 1943 г.	среднезернистый, желто-серый, серо-голубой гранитный камень для партийных зданий Нюрнберга и относительно близкого Мюнхена
Маутхаузен	май 1938 – 1943 гг.	мелкозернистый серо-голубой, светлый, среднезернистый темный гранитный камень / кирпич для города Линца
Гузен	1938–1943 гг. – каменоломня; 1940–1943 гг. – кирпичный завод	
Нацвайлер-Штрутгоф	конец мая 1941 г. – 1944 г.	красноватый гранитный камень
Гросс-Розен	май 1940 г. – 1942 г.	среднезернистый серый, светло-серый гранит

стоял принцип «истребительно-трудовой» политики Г. Гиммлера [Longerich: 238, 254]. Узники работали в ужасающих условиях, намеренно созданных СС, что вызывало высокую смертность. Особенно тяжелым был труд в каменоломнях. Например, о Маутхаузене остались ужасающие подробности организации труда. Бывший узник, трудившийся в штрафной команде, австрийский цыган Адольф Гуссак, вспоминал: «...нам приходилось таскать тяжелые камни. С ними на спине нам нужно было подниматься на 180 ступеней вверх. Эсэсовцы избивали нас. В результате часто возникала толчея: каждый хотел избежать ударов. Если кто-то падал, его добивала пуля в затылок» [Gussak]. Только за 1940 г. умерло 14 000 заключенных, где на долю КЛ Маутхаузен-Гузен приходилось 3 846 человек; КЛ Нойенгамме – 430 человек; КЛ Заксенхаузен – 3 809 человек [Вахсман: 242; Sachsenhausen], причем смертность постоянно росла, особенно на гранитных рудниках [Kitchen: 5].

Архитектурные замыслы Гитлера нашли свое продолжение в декрете «О реорганизации городов Берлина, Мюнхена, Линца, Гамбурга и Нюрнберга» от 25 июня 1940 г. [Mediathek]. Он предполагал в первую очередь создание и реализацию самого дорогого и масштабного проекта перепланировки Берлина. В застольной речи от 8 июня 1942 г. Гитлер выразил намерение назвать будущий Новый Берлин античным понятием Germania, именем области, заселенной германскими племенами [Hitler's Table Talk: 523].

Содержание проекта и анализ изготовленных по приказу Шпеера макетов перепланировки Берлина широко освещены исследователями [Fest, Маркин, Васильченко]. Намеренно игнорируя противоречивый стилистический анализ проекта, проводимый авторами, следует обратить внимание на масштаб и степень изменения облика города. «Нагромождения построек» – таким словосочетанием Гитлер характе-

ризовал современный ему Берлин [Васильченко: 309]. Поэтому разномасштабную и полистилистическую застройку планировалось заместить упорядоченной, масштабной, представительской. Определялся срок завершения перепланировки города – 1950 г. – с учетом предстоящей завоевательной кампании против СССР. Однако ни одна из «строек фюрера» по перепланировке Берлина, Гамбурга, Нюрнберга, Линца так и не вышла на сколько-нибудь серьезный этап строительства, оставив планы лишь в виде многообещающих макетов улиц.

Изначально было заложено противоречие и в природе изыскания ресурсов репрессивными институтами СС, а именно ее системная дихотомия, сочетавшая взгляд на узников концлагерей как на дешевую, коммерчески выгодную рабочую силу, с одной стороны, и планомерную истребительную политику в отношении различных групп узников концлагерей (условиями питания, проживания, медицинского обслуживания, труда, насилия), с другой стороны. Добытые таким противоречивым путем стройматериалы не были доставлены на места стройки в полном объеме.

Сказался рост значения военного сектора в экономике Германии, оттянувший на себя транспортную инфраструктуру и рабочие руки. Приоритет продукции был отдан армии и министерству вооружений. В сентябре 1942 г. инспекция перепланировки Берлина лишилась своего главного организатора: Шпеера назначили на должность рейхсминистра вооружений. Последующий перелом в войне, начавшийся в феврале 1943 г. под Сталинградом, окончательно повернул вектор экономики Германии в сторону интенсификации использования подневольной рабочей силы в приоритетной военной промышленности [Конопатченков]. DESt и ее предприятия при концлагерях сохранились и были переориенти-

рованы на военный лад, продолжая извлекать прибыль от использования «дармового» труда. Так, согласно данным на 1943 г., узник концлагеря в день приносил доход в 5,3 рейхсмарки, исключая издержки в 0,7 рейхсмарки на одежду и еду [Галкин: 333]. Альберт Шпеер был осужден Нюрнбергским военным трибуналом за организацию и использование рабского труда на военном производстве в качестве рейхсминистра военной промышленности. Интересно, что в тени осталось его более раннее участие в укоренении принципа экономической эксплуатации узников СС в экономике национал-социалистической Германии с 1938 г.

Таким образом, государственная архитектурно-строительная политика, связанная с перепланировкой ключевых городов нацистской Германии с 1938 г., осуществлялась с помощью специфических средств и методов воплощения. Для нее было характерно использование рычагов уголовного законодательства (расовый, политический, репрессивный), что отчетливо проявилось на первых шагах перепланировки Берлина. В сфере добычи стройматериалов нашла отражение насильственная эксплуатация истребляемых данным способом узников концлагерей, продвигаемая полицейским и хозяйственно-экономическим аппаратами СС. Этому содействовали отдельные ставленники Гитлера, включая представителя сферы гражданского строительства Альберта Шпеера. Именно он, привлеченный стоимостью подневольного труда, потенциально широкой массой дополнительных трудовых ресурсов, в качестве главы инспекции перепланировки Берлина выступил одним из ключевых связующих элементов между гражданскими архитектурными институтами и инкорпорированным в германское государство аппаратом насилия СС. Он негласно содействовал укоренению данного феномена в экономике нацистской Германии с 1938 г. А с 1942 г. напрямую получал данные трудовые ресурсы в рамках налаженного сотрудничества с СС для нужд военной промышленности. Сотни тысяч человеческих жизней были преднамеренно принесены в жертву финансовому обогащению функционеров СС, членов аффилированных структур, а также нереализованным архитектурным замыслом Третьего рейха.

Список литературы

- Васильченко А.В.* Имперская тектоника. Архитектура в Третьем рейхе. Москва: Вече, 2010. 350 с.
- Вахман Н.* История нацистских концлагерей. Москва: Центрполиграф, 2017. 782 с.
- Галкин А.А.* Германский фашизм / АН СССР. 2-е изд., доп. и перераб. Москва: Наука, 1989. 350 с.
- Конопатченков А.В.* Динамика изменения использования труда узников фашистских концлагерей

на примере концлагеря Маутхаузен в 1938–1945 гг. // Знание. Понимание. Умение: информационный гуманитарный портал. 2010. № 6. URL: zpu-journal.ru (дата обращения: 17.11.2023).

Маркин Ю.П. Искусство Третьего рейха. Архитектура. Скульптура. Живопись. Москва: БуксМАрт, 2018. 384 с.

Пленков О.Ю. Третий Рейх. Арийская культура. Санкт-Петербург: Нева, 2005. 480 с.

СС Адольфа Гитлера / пер. с англ. М. Иванова. Москва: ТЕРРА, 1997. 191 с.

Сухин Д. Альберт Шпеер, или Необъяснимая архитектура Третьего рейха. Санкт-Петербург: Monumentalita & Modernita, 2017. 46 с.

Шпеер А. Воспоминания / пер. с нем. С.О. Фридлянда, И. Розановой. 2-е изд., испр. Москва: Захаров, 2010. 688 с.

Allen M. The Business of Genocide: The SS, Slave Labor, and the Concentration Camps. Chapel Hill, University of North Carolina Press Publ., 2002, 377 p.

Berlin In Zahlen 1945. Taschenbuch. Berlin, DAS NEUE BERLIN Verlagsgesellschaft m. b. H., 1947, 459 s.

Fest K.J. Speer: The final verdict, transl. from the Germ. by Ewald Osers and Alexandra Dring. London, Weidenfeld & Nicolson Publ., 2001, 417 p.

Gusen Memorial Committee website. URL: Gusen | Willkommen (access date: 17.11.2023).

Gussak A. Memories of a former prisoner of the Mauthausen concentration camp. URL: bbk.ac.uk (access date: 17.11.2023).

Hitler's Table Talk, 1941-1944: his Private Conversations. Enigma Books Publ., 2000, 746 p.

Jaskot P. The Architecture of Oppression: The SS, Forced Labor and the Nazi Monumental Building Economy. London, New York, Psychology Press Publ., 2000, 207 p.

Kitchen M. Speer: Hitler's Architect. New Haven, CT, Yale University Press Publ., 2015, 442 p.

Longerich P. Heinrich Himmler: Biographie. Munich, Siedler, 2010, 1035 s.

Mediathek des KZ-Gedenkstätte Neugamme. URL: [Mediathek Neuengamme \(neuengamme-ausstellungen.info\)](http://Mediathek Neuengamme (neuengamme-ausstellungen.info)) (access date: 17.11.2023).

Moss T. Remaking Berlin: A History of the City through Infrastructure, 1920–2020. Cambridge, MA, The MIT Press Publ., 2020, 452 p.

Webseite der KZ-Gedenkstätte Flossenbürg. URL: [Flossenbürg | KZ-Gedenkstätte Flossenbürg \(gedenkstaette-flossenbuerg.de\)](http://Flossenbürg | KZ-Gedenkstätte Flossenbürg (gedenkstaette-flossenbuerg.de)) (access date: 17.11.2023).

Webseite der KZ-Gedenkstätte Mauthausen. URL: [Die Endphase - KZ-Gedenkstätte Mauthausen \(mauthausen-memorial.org\)](http://Die Endphase - KZ-Gedenkstätte Mauthausen (mauthausen-memorial.org)) (access date: 17.11.2023).

Webseite der KZ-Gedenkstätte Sachsenhausen URL: [1936-1945 Konzentrationslager Sachsenhausen | Gedenkstätte und Museum Sachsenhausen \(sachsenhausen-sbg.de\)](http://1936-1945 Konzentrationslager Sachsenhausen | Gedenkstätte und Museum Sachsenhausen (sachsenhausen-sbg.de)) (access date: 17.11.2023).

Webseite des Forschungsprojekts des «Förderverein Buchenwald E.V.». URL: Förderverein Buchenwald e.V. (foerderverein-buchenwald.de) (access date: 17.11.2023).

Website «Zwangsarbeit in der Hamburger Kriegswirtschaft 1939-1945». URL: Zwangsarbeit in der Hamburger Kriegswirtschaft 1939-1945 (zwangsarbeit-in-hamburg.de) (access date: 17.11.2023).

References

Galkin A.A. *Germanskij fashizm* [German fascism]. USSR Academy of Sciences, 2nd ed., exp. and revis. Moscow, Nauka Publ., 1989, 350 p. (In Russ.)

Konopatchenkov A.V. *Dinamika izmeneniya ispol'zovaniya truda uznikov fashistskih konczlagerej na primere konczlagerya Mauthauzen v 1938-1945 gg.* [Dynamics of changes in the use of labor by prisoners of Nazi concentration camps on the example of the Mauthausen concentration camp in 1938-1945]. *Znanie. Ponimanie. Umenie: informacionnyj gumanitarnyj portal* [Knowing. Understanding. Ability: Information humanitarian portal], 2010, no. 6. URL: zpu-journal.ru (access date: 17.11.2023). (In Russ.)

Markin Yu.P. *Iskusstvo Tret'ego rejkh. Arhitektura. Skulptura. Zhivopis'* [The art of the Third Reich. Architecture. Sculpture. Painting]. Moscow, BuksMArt Publ., 2018, 384 p. (In Russ.)

Plenkov O.Yu. *Tretij Rejkh. Arijskaya kul'tura* [The Third Reich. Aryan culture]. Saint-Petersburg, Neva Publ., 2005, 480 p. (In Russ.)

SS *Adol'fa Gitlera* [The SS of Adolf Hitler], transl. from English by M. Ivanov. Moscow, TERRA Publ., 1997, 191 p. (In Russ.)

Sukhin D. *Al'bert Shpeer, ili Neob'yasnimaya arhitektura Tret'ego rejkh* [Albert Speer, or the Inexplicable Architecture of the Third Reich]. Saint-Petersburg, Monumentalita & Modernita Publ., 2017, 46 p. (In Russ.)

Shpeer A. *Vospominaniya* [Memories], transl. from Germ. by S.O. Fridlyand and I. Rozanova, 2nd ed., revis. Moscow, Zaxarov Publ., 2010, 688 p. (In Russ.)

Vasil'chenko A.V. *Imperskaya tektonika. Arhitektura v Tret'em rejkhe* [Imperial tectonics. Architecture in the Third Reich]. Moscow, Veche Publ., 2010, 350 p. (In Russ.)

Wachsmann N. *Istoriya nacistsskih konczlagerej* [A history of the Nazi concentration camps]. Moscow, Centropoligraf Publ., 2017, 782 p. (In Russ.)

Allen M. *The Business of Genocide: The SS, Slave Labor, and the Concentration Camps*. Chapel Hill, University of North Carolina Press Publ., 2002, 377 p.

Berlin In Zahlen 1945. Taschenbuch. Berlin, DAS NEUE BERLIN Verlagsgesellschaft m. b. H., 1947, 459 s.

Hitler's Table Talk, 1941-1944: his Private Conversations. Enigma Books Publ., 2000, 746 p.

Fest K.J. *Speer: The final verdict*, transl. from the Germ. by Ewald Osers and Alexandra Dring. London, Weidenfeld & Nicolson Publ., 2001, 417 p.

Gusen Memorial Committee website. URL: Gusen | Willkommen (access date: 17.11.2023).

Gussak A. *Memories of a former prisoner of the Mauthausen concentration camp*. URL: bbk.ac.uk (access date: 17.11.2023).

Jaskot P. *The Architecture of Oppression: The SS, Forced Labor and the Nazi Monumental Building Economy*. London, New York, Psychology Press Publ., 2000, 207 p.

Kitchen M. *Speer: Hitler's Architect*. New Haven, CT, Yale University Press Publ., 2015, 442 p.

Longerich P. *Heinrich Himmler: Biographie*. Munich, Siedler, 2010, 1035 s.

Mediathek des KZ-Gedenkstätte Neungamme. URL: Mediathek Neuengamme (neuengamme-ausstellungen.info) (access date: 17.11.2023).

Moss T. *Remaking Berlin: A History of the City through Infrastructure, 1920-2020*. Cambridge, MA, The MIT Press Publ., 2020, 452 p.

Webseite der KZ-Gedenkstätte Flossenbürg. URL: Flossenbürg | KZ-Gedenkstätte Flossenbürg (gedenkstaette-flossenbuerg.de) (access date: 17.11.2023).

Webseite der KZ-Gedenkstätte Mauthausen. URL: Die Endphase - KZ-Gedenkstätte Mauthausen (mauthausen-memorial.org) (access date: 17.11.2023).

Webseite der KZ-Gedenkstätte Sachsenhausen URL: 1936-1945 Konzentrationslager Sachsenhausen | Gedenkstätte und Museum Sachsenhausen (sachsenhausen-sbg.de) (access date: 17.11.2023).

Webseite des Forschungsprojekts des «Förderverein Buchenwald E.V.». URL: Förderverein Buchenwald e.V. (foerderverein-buchenwald.de) (access date: 17.11.2023).

Website «Zwangsarbeit in der Hamburger Kriegswirtschaft 1939-1945». URL: Zwangsarbeit in der Hamburger Kriegswirtschaft 1939-1945 (zwangsarbeit-in-hamburg.de) (access date: 17.11.2023).

Статья поступила в редакцию 17.03.2025; одобрена после рецензирования 18.04.2025; принята к публикации 22.04.2025.

The article was submitted 17.03.2025; approved after reviewing 18.04.2025; accepted for publication 22.04.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 139–147. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 139–147. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(470.315)''1942/1943''

EDN ЕКАМСV

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-139-147>

ТРАНСПОРТИРОВКА И РАЗМЕЩЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЛАГЕРЯХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ ЗИМОЙ 1942–1943 ГГ.

Околотин Владимир Сергеевич, доктор исторических наук, доцент, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Лысых Денис Николаевич, магистрант, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, 18fevral@bk.ru

Аннотация. Данная статья посвящена теме, ещё недостаточно изученной в региональной историографии, а именно организации транспортировки военнопленных, взятых в плен Красной армией в ходе Сталинградского сражения, и размещения части из них на территории Ивановской области. Длительное время эта тема являлась закрытой для региональных исследователей, в научный оборот вводились лишь разрозненные факты, полученные в процессе сплошного изучения архивных документов, прежде всего, сосредоточенных в фонде Ивановского обкома ВКП(б) (фонд 327). Тем не менее затраченные усилия по поиску необходимых сведений не пропали даром и послужили основой для обращения в Российский государственный военный архив с целью получения недостающих материалов. В результате удалось выявить документы, раскрывавшие закономерный драматизм рассматриваемого процесса зимой 1942–1943 гг., а также усилия конвойных войск и администрации Южского и Суздальского лагерей по сохранению контингента военнопленных в пути и при их стационарном размещении на территории Ивановской области. Разумеется, они отражают отнюдь не радостную картину их пребывания в плену, осложнённую естественной гибелью военнопленных от истощения и обморожения в суровых климатических условиях. И тем не менее в указанных лагерях принимались посильные меры для преодоления сложившегося положения, для борьбы с эпидемическими заболеваниями, для налаживания лагерного быта и обеспечения военнопленных продовольствием. Реальное отражение описываемых событий, по мнению авторов статьи, не умаляет значение подвига советского народа в Великой Отечественной войне, а, напротив, несмотря на принесённые ему горе и страдания, показывает его национальную гуманность по отношению к пленным захватчикам в сложнейших условиях военного времени.

Ключевые слова: Сталинградская битва, военнопленные, транспортировка, размещение, Ивановская область, Южский лагерь № 165, Суздальский лагерь № 160, заболеваемость и смертность, лагерный быт, медико-санитарная помощь, реагирование населения и органов власти.

Для цитирования: Околотин В.С., Лысых Д.Н. Транспортировка и размещение военнопленных в лагерях Ивановской области зимой 1942–1943 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 139–147. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-139-147>

Research Article

TRANSPORTATION AND PLACEMENT OF PRISONERS OF WAR IN CAMPS IN THE IVANOV REGION IN THE WINTER OF 1942–1943

Vladimir S. Okolotin, DSc in Philology, Associate Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Denis N. Lysykh, Master's Student, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, 18fevral@bk.ru

Abstract. This article is devoted to a topic that has not yet been sufficiently studied in regional historiography, namely, the organization of the transportation of prisoners of war captured by the Red Army during the Battle of Stalingrad and the deployment of some of them in the Ivanovo region. For a long time, this topic was closed to regional researchers, and only scattered facts obtained through continuous study of archival documents were introduced into scientific circulation. First of all, they are concentrated in the fund of the Ivanovo regional committee of the CPSU(b) (Fund-327). Nevertheless, the efforts made to find the necessary information were not in vain and served as the basis for contacting the Russian State Military Archive in order to obtain the missing materials. As a result, it was possible to identify documents that revealed the natural drama of this process in the winter of 1942–1943, as well as the efforts of the convoy troops and the administration of the Yuzhsky and Suzdal camps to preserve the contingent of prisoners of war en route and during their stationary deployment in the Ivanovo

region. Of course, they reflect a far from bleak picture of their captivity, complicated by the natural deaths of prisoners of war from exhaustion and frostbite in harsh climatic conditions. Nevertheless, all possible measures were taken in these camps to overcome the current situation, to combat epidemic diseases, to establish camp life and to provide prisoners of war with food. The real reflection of the events described, according to the authors of the article, does not detract from the significance of the feat of the Soviet people in the Great Patriotic War, but on the contrary, despite the grief and suffering brought to them, shows their national humanity towards the captive invaders in the most difficult conditions of wartime.

Keywords: Battle of Stalingrad, prisoners of war, transportation, accommodation, Ivanovo region, Yuzhsky camp no. 165, Suzdal camp no. 160, morbidity and mortality, camp life, medical and sanitary care, response of the population and authorities.

For citation: Okolotin V.S., Lysykh D.N. Transportation and placement of prisoners of war in camps in the Ivanovo region in the winter of 1942–1943. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 139–147. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-139-147>

Постановка проблемы, историография. С первых дней успешного наступления Красной армии под Сталинградом в ноябре 1942 г. ее подразделениями было пленено большое количество вражеских солдат и офицеров. Первоначально они сосредотачивались в прифронтовых приемных пунктах, а затем транспортировались вглубь страны. Согласно опубликованным к настоящему времени архивным документам осуществление такой деятельности и организация лагерей для военнопленных были возложены на Наркомат внутренних дел (НКВД). В результате 28 ноября 1942 г. НКВД СССР был издан приказ «О размещении и трудовом использовании военнопленных». Неискушенному читателю следует сказать, что два нуля в начале номера приказа в секретном делопроизводстве того времени означали гриф «совершенно секретно». Приказом наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии № 00367 от 24 февраля 1943 г. лагеря НКВД для военнопленных были территориально подчинены наркомам внутренних дел республик, начальникам управлений внутренних дел краев и областей. Для осуществления контроля за их деятельностью в составе региональных органов НКВД, в том числе и в Ивановской области, были созданы отделения по руководству лагерями для военнопленных. На них были возложены задачи по обеспечению организации приема военнопленных, установлению в лагерях соответствующей охраны и режима; обеспечению размещения, питания и лечения больных и раненых, точному персональному учёту военнопленных и их оперативно-чекистском обслуживании.

К ноябрю 1942 г. на территории Ивановской области функционировали два лагеря, которые могли быть использованы для размещения военнопленных Германии и её союзников, пленённых в ходе Сталинградской наступательной операции. Они были созданы ещё в предвоенный период и находились в г. Суздале и в п. Талицы Южского района. Каждый из них имел свой номер и соответствующую для приема военнопленных инфраструктуру. О размещении военнопленных в указанных лагерях свидетельствуют документы из Российского государственного военного архива (РГВА), Государственного архива Российской

Федерации (ГАРФ), Государственного архива Ивановской области (ГАИО) и Государственного архива Владимирской области, опубликованные в различных сборниках. Среди них: «Венгерские военнопленные в СССР. Документы 1941–1953 годов» [Венгерские военнопленные], «Владимирский край в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сборник архивных документов к 75-летию Великой Победы» [Владимирский край]. Так, в первом сборнике размещены документы из фонда Управления по делам военнопленных и интернированных лиц НКВД СССР, находящегося на хранении в РГВА, а во втором – материалы из ГАВО. Применительно к региональным исследованиям авторы опирались на коллективную монографию «Из истории органов государственной безопасности в Ивановской области (1918–2018 гг.)» [Рыжиков, Околотин, Олейник, Точенов] и статью «Лагерь № 48» [Точенов]. Важным свидетельством в понимании процесса создания системы лагерей в Ивановской области в первом полугодии 1943 г. являются мемуары «Военнопленные генералы: воспоминания советского офицера» [Пузырев]. В итоге материалы из указанных архивов, сборников документов, а также исследований и мемуаров послужили основой для формирования научного представления по заявленной авторами теме исследования.

Итак, к одному из первых документов РГВА, в котором называются Южский и Суздальский лагеря, следует отнести уже упомянутый выше приказ НКВД СССР № 002597 от 28 ноября 1942 года. Согласно его содержанию в Южский лагерь было решено направить из прифронтовой полосы 15 тыс. военнопленных. Этот же приказ обязывал начальника финансового управления НКВД СССР Берензона обеспечить финансирование всех лагерей, предназначенных для военнопленных, а начальника Управления по делам военнопленных и интернированных лиц – в пятидневный срок разработать и представить на утверждение дифференцированные нормы питания для всех категорий военнопленных¹. В более поздних документах называется число военнопленных, находившихся в указанных лагерях, которое

постоянно менялось. В частности, 9 января 1943 г. П.К. Супруненко, докладывая Л.П. Берии о положении военнопленных в лагерях, отмечал, что в распределительный Южский лагерь прибыли 4736 военнопленных, а в пути следования в Суздальский лагерь находились 827 человек⁶. Однако в другом докладе, уже наркому госбезопасности И.А. Серову от 15 января 1943 г., П.К. Супруненко называет другое количество военнопленных в Южском лагере – 3988 человек. Там же говорилось, что в пути следования в него находилось ещё 2868 человек, а в распределительный Суздальский лагерь – 3559 военнопленных⁷.

О причинах таких количественных расхождений свидетельствуют другие архивные документы. Среди них доклад заместителя начальника 4-го отдела Управления по делам военнопленных и интернированных лиц НКВД СССР лейтенанта госбезопасности Г.И. Калмановича «О причинах высокой смертности заключенных лагеря № 165 в Талицах Ивановской области в период с декабря 1942 года по январь 1943 года». Он был подготовлен 21 января и содержал гриф «совершенно секретно». Из доклада следовало, что в декабре 1942 г. в лагерь № 165 было отправлено три эшелона военнопленных. Отправку осуществлял лагерь № 50. Всего было отправлено 5899 человек. Первый эшелон был отправлен 3 декабря 1942 г. с численностью 2500 человек, второй эшелон – 4 декабря с количеством 2856 человек и третий эшелон – 16 декабря с 543 военнопленными. Из опроса военнопленных, прибывших в лагерь разными эшелонами, выяснилось следующее. От места пленения до пункта сосредоточения (в Капустином Яру) военнопленные шли пешком 7–8 дней. Во время следования они обеспечивались в основном лишь хлебом, и то нерегулярно. При остановках для отдыха военнопленные размещались под открытым небом, в стогах сена или в заброшенных помещениях на протяжении 5–10 дней, что привело к обморожению и высокой смертности. В пути следования эшелонами им выдавалась соленая рыба при практическом отсутствии питьевой воды. Изначально вагоны были поданы без оборудования печками, которые были установлены лишь в пути следования. Однако из-за отсутствия достаточного количества необходимого топлива в вагонах по-прежнему было холодно, особенно в морозные дни и ночи. В том числе и по этой причине в пути следования имела место массовая гибель военнопленных. Из общего числа 5899 военнопленных, отправленных тремя эшелонами, во время следования в лагерь № 165 погибли 1021 человек. Кроме того, в лагерь было передано ещё 140 трупов, что составило 19,7 % от общего числа доставленных под конвоем. Точно установить число погибших в пути следования по железной дороге и после высадки военнопленных на станции Вязни-

ки Ивановской области, во время пребывания военнопленных в городе Вязники и в пути следования по перегону Вязники – Талицы, говорилось в докладе, не представлялось возможным, поскольку оформление конвоем документов на сдачу военнопленных основывалось на их присутствии в момент сдачи в лагерь в п. Талицы.

Подготовка лагеря к приему военнопленных и организация их приема на станции Вязники и в лагере. 26 ноября 1942 г. руководству Южского лагеря было сообщено об отправке военнопленных, и одновременно предлагалось начать подготовку лагеря к их приему. Спецконтингент, находившийся в лагере, был отправлен оттуда 28 ноября 1942 г. План мероприятий по приёму эшелонов на станции Вязники, перегону военнопленных по маршруту Вязники – Талицы и их прибытию в лагерь разработан не был. Были представлены лишь мероприятия, предложенные заместителем начальника лагеря, мичманом охраны Архиповым, которые были утверждены начальником лагеря 31 декабря 1942 г., то есть только после прибытия первых двух эшелонов.

3 декабря 1942 г. начальник отдела режима Южского лагеря Скворцов был командирован в город Вязники со следующими задачами: выделить в городе Вязники помещение для размещения немощных и больных по прибытии; получить хлеб с хлебозавода, решить вопрос с обеспечением эшелонов горячей водой и информировать администрацию лагеря о прибытии эшелонов. В помощь ему был выделен сотрудник лагеря Арефьев и возчик с одной лошадейю.

Первый эшелон прибыл на станцию Вязники вечером 21 декабря 1942 г. Среди военнопленных было много больных (около 300 человек). Решением Вязниковского горсовета им было предоставлено здание клуба работников водного транспорта, куда они были перевезены на подводах и грузовиках. На станции для снабжения прибывающих было приготовлено 60 вёдер кипятка, но их самовольно забрали следовавшие транзитом военный и санитарный эшелоны. В результате военнопленные остались без кипятка. После высадки из вагонов им выдали продукты (хлеб или сухари, скумбрию и сахар), после чего колоннами по 500–600 человек стали отправлять в лагерь. Из-за недостатка воды после высадки и по пути в лагерь военнопленные утоляли жажду снегом. Несмотря на изъятие больных, в колоннах было много крайне истощенных военнопленных. Сначала в пути им помогали более здоровые военнопленные, но затем последние бросили их по дороге. Весь путь от Вязников до Талиц занял 18 часов. В хуторе Лебедине Дворики им дали кипяченую воду, но её хватило лишь на часть контингента, находившегося на дороге. Весь путь от Вязников до Талиц занял 18 часов.

Второй эшелон прибыл на станцию Вязники в ночь на 25 декабря. В нем было выявлено около 700 больных. Первоначально их разместили в Вязниках в здании бывшей церкви, а потом в течение двух суток мобилизованным автотранспортом они были отправлены в лагерь. Для приема второго эшелона из Талицкого лагеря были направлены заместитель начальника лагеря Архипов и начальник санитарной части. Однако они прибыли в Вязники, когда эшелон уже был выгружен, а военнопленные колоннами были отправлены в Талицы. На следующий день им выдали хлеб, сухари и сахар; горячей пищи не давали. По дороге в лагерь заключённые утоляли жажду снегом. Кипяток им был частично выдан в хуторе Лебединые Дворики.

Приём третьего эшелона был организован гораздо лучше, из него больных отобрали и отправили в госпиталь для военнопленных № 2889, а остальных доставили на отдых в здание бывшей церкви в городе Вязники. После получения горячего питания их отправили в лагерь. Здесь военнопленные получали кипячёную воду в достаточном количестве.

В процессе следования колонн с первых двух эшелонов от Вязников до Талиц, как отмечалось в документе, «было зафиксировано много смертей, а значительное число военнопленных пострадало от обморожений». По прибытию в лагерь их отправили в баню, не учитывая состояние их здоровья, не дав им предварительного отдыха, не накормив и не дав им питьевой воды. В бане они утоляли жажду водой, приготовленной для мытья. После санитарной проверки военнопленных разместили в неотапливаемых бараках на небольшой территории, которые оставались неотапливаемыми и промерзшими на протяжении всего осенне-зимнего периода. Дров для отопления барачных не было.

Таким образом, отсутствие питания и кипятка для первых двух эшелонов на станции Вязники, плохая организация переезда Вязники – Талицы, неподготовленность самого приёма в лагере (размещение в холодных помещениях на производственной территории, а после санитарного контроля – в зданиях на небольшой территории) привели к дальнейшему ухудшению физического состояния прибывших.

Заболеваемость и смертность. Указанные обстоятельства отрицательно повлияли на состояние военнопленных. С первых часов пребывания в лагере умерло 139 человек, из них: из первого эшелона – 29 человек; из второго эшелона – 105 человек; из третьего эшелона – 5 человек; всего – 139 человек. В последующий период смертность продолжала оставаться крайне высокой. Всего к 1 января 1943 г. умерло 180 человек, с 1 по 20 января – 911 человек, всего – 1091 человек. По данным Санитарного управления, почти все смерти были вызваны пел-

лагрой. Из 790 случаев смерти (с 4 по 20 января) смертность вне медицинских учреждений составила 44,5 %. До 4 января 1943 г. учёт больных и их смертей не был организован, диагнозы заболеваний госпитализированных пациентов устанавливались приблизительно. Из 1327 человек: больные пеллагрой – 712 человек; больные пневмонией – 54 человека; с обморожениями – 297 человек; нуждающиеся в хирургическом вмешательстве (заболевания кожи и подкожной клетчатки) – 187 человек; больные кишечными заболеваниями – 30 человек; прочие заболевания – 47 человек. У 655 из 712 человек с пеллагрой заболевание проявляется диареей.

Медико-санитарная помощь. Медицинский осмотр прибывших проводился с большим опозданием и был завершён только 15 января 1943 г. Из 3049 осмотренных военнопленных врачебно-трудовая комиссия распределила их следующим образом: к I группе отнесла 509 человек, или 16,6 %; к II группе – 412 человек, или 13,5 %; к III группе – 313 человек, или 10,2 %; в восстановительную команду направлено 1323 человека, или 43,3 %. 475 человек, или 15,5 %, подлежали немедленной отправке в лазарет. По состоянию на 20 января включительно из общего числа 3511 военнопленных в лазарете содержались 971 человек, или 27,6 %, в восстановительной команде – 1267 человек, или 36,08 %. Больные были размещены в двух барачных лазаретах, где они спали на кроватях, оборудованных матрасами и постельным бельём. Остальные помещения представляли собой, по сути, обычные бараки с системой общих коек (нар), где военнопленные спали в одежде, не имея ни матрасов, ни подушек из-за отсутствия наполнителя (соломы).

Изоляция больных и концентрация физически истощенных осуществлялась с большим опозданием. Из-за нехватки топлива в лазаретах было холодно (ниже +8°C). С 18 января всех больных переводили на противопеллагрическую диету, а содержащихся в восстановительной команде, которые, в свою очередь, в подавляющем большинстве были больны авитаминозом и страдали общей дистрофией организма, – на общепольничное питание. Дрожжи не выдавались ни больным, ни содержащимся в восстановительной команде, ни остальному контингенту. Только 19 января был направлен лагерьный работник за дрожжами. В связи с большим количеством больных в лагере медицинского персонала было недостаточно. В военный комиссариат Ивановской области был подан запрос о дополнительном медицинском персонале. Медицинский осмотр военнопленных проводился, но без стрижки, что способствовало сохранению педикулёза.

Адаптация к лагерным условиям. До 14 января 1943 г. бараки, где содержались военнопленные,

отапливались плохо из-за нехватки топлива (дров). Зимой лагерь остался без запасов топлива, поскольку не были своевременно приняты необходимые меры для его подготовки к летнему периоду, поэтому запасы не были созданы. Помещения к зиме также не были подготовлены: не оборудованы общими деревянными кроватями, не все печи установлены и снабжены дверками и задвижками, не везде установлены стекла на окнах, отсутствовали вторые рамы. Электропроводка в бараках отсутствовала. В вечернее и ночное время электрическое освещение бараков не осуществлялось. Освещение факелами, используемое военнопленными, создавало пожарную опасность. Во время размещения в производственной зоне в здании возникло три пожара.

Внутренний порядок в общественных жилых помещениях не был организован, что в полной мере отразилось на жизни лагеря. Уборка помещений и территории лагеря не проводилась или проводилась некачественно. Отсутствовали необходимые для уборки материалы. Из-за отсутствия пил и топоров заготовка дров для отопления жилых помещений задерживалась. Военнопленные не снабжались питьевой водой, в бараках не было емкостей с водой. В результате отсутствия строгого порядка в лагере, непроведения необходимых мероприятий с административным персоналом из числа военнопленных их быт был плохо организован. Выдаваемое контингенту продовольствие в целом соответствовало установленным нормам по количеству. Однако оно готовилось с опозданием из-за перебоев с подачей топлива на кухни. Раздача продуктов питания осуществлялась без строгого контроля. Имелись многочисленные случаи, когда истощенные и больные не получали питание, поскольку они не были сосредоточены в одном месте, а были рассредоточены по всем баракам.

На основании изучения и установления причин высокой смертности среди военнопленных, прибывших в декабре 1942 – январе 1943 г. и содержащихся в лагере № 165, были сделаны следующие выводы: прибывший в лагерь контингент был болен острой пеллагрой и общей дистрофией; в лагере не была проведена необходимая подготовительная работа по приему военнопленных и обеспечению их бытовых условий; имевшиеся возможности для быстрой адаптации прибывшего контингента к лагерным условиям не были своевременно и в полном объеме использованы; наличие большого количества ослабленных, физически истощенных и больных людей создавало большие трудности в обеспечении своевременной госпитализации, оказании необходимой медицинской помощи и профилактической и лечебной помощи; в связи с недостаточностью медицинского персонала для оказания помощи указанному коли-

честву больных основные меры по изоляции больных и медицинскому осмотру должны были быть приняты значительно раньше врачебной комиссией контингентов; крайне вредное влияние на заболеваемость и смертность оказывали как размещение военнопленных в неотапливаемых помещениях, так и низкая температура, в дальнейшем в казармах и лазаретах, к которой, в частности, были очень чувствительны ослабленные, физически истощенные румыны и больные пеллагрой⁸.

Для выявления причин высокой смертности среди военнопленных Южского лагеря в оперативном отделе Управления по делам военнопленных и интернированных лиц НКВД была создана следственная комиссия во главе с капитаном Клыковым. 30 января 1943 г. им был подготовлен соответствующий доклад. В отличие от предыдущего документа из него следует, что в лагерь № 165 с 23 декабря по 26 января из распределительных лагерей и приемных пунктов было отправлено 4 эшелона с общим количеством военнопленных 8759 человек. Из них конвойные войска передали 5840 человек в лагерь № 165 и 660 человек в госпиталь Наркомата обороны на станции Камешково. Остальные 2259 человек умерли во время движения от распределительных пунктов до станции Вязники. Таким образом, отмечалось в докладе, смертность военнопленных только в пути составила 25,8 %. Заместитель начальника 4-го эшелона по политической части, сержант Алексеев из 249-го полка конвойных войск, на допросе о причинах высокой смертности военнопленных в пути следования показал: «Военнопленные были приняты 3 января с. г. для перевода из распределительного лагеря № 50, расположенного на станции Себряково Юго-Восточной железной дороги; большинство принятых военнопленных были истощены и физически ослаблены; вагоны эшелона были сданы грязными, после того как в них была осуществлена перевозка лошадей; туалетов и ведер в них не было вообще; во время следования военнопленным выдавали холодную пищу (хлеб, рыбу, скумбрию и сахар). Из-за нехватки ведер питьевая вода выдавалась нерегулярно. Команда для обслуживания поезда не была выделена. Таким образом, из-за холода в вагонах и нерегулярной выдачи воды за два дня стоянки поезда на станции Себряково погибло около 50 человек, а в каждый последующий день умирало по 40 и более человек в день. Эшелон двигался с 3 по 20 января 1943 г. Только 16 января этого года на станции Мичуринск было получено 23 печи, 3 куб. м дров и 51 ведро для 53 вагонов. В последующие дни дрова перестали выдаваться. За время движения этого эшелона погибло 979 человек. 660 человек больных и обмороженных были переданы в госпиталь Наркомата обороны»⁹.

О количестве умерших в лагере № 165 и причинах смертности. Из 5840 человек, поступивших в лагерь, с 23 декабря 1942 г. по 21 января 1943 г. умерло 1294 военнопленных, то есть 22 %. Среди причин смертности военнопленных в этом лагере были названы следующие: «начальник лагеря № 165 полковник Кокшаев и его заместитель по административно-хозяйственной части Дяншов не подготовили лагерь к содержанию военнопленных в зимний период. Окна во всех бараках имеют одинарные рамы со стеклами, стекла не были застеклены, двери и печи не везде были отремонтированы. Холодный воздух с улицы свободно проникает через окна и двери. Половина бараков не оборудована деревянными нарами (кроватями). Военнопленные спят на полу. На территории лагеря нет даже 1 куб. м дров. Бараки отапливаются в основном зелеными ветками, которые военнопленные ежедневно приносят из леса с расстояния около 3 километров. Из-за этого в бараках холодно, особенно на нижних нарах. Больные и физически истощенные военнопленные простужаются и умирают». Далее отмечалось, что с учетом того, что лагерь находился в 45 км от станции Вязники, во избежание обморожения военнопленных при следовании от места разгрузки до лагеря необходимо было бы организовать не менее трех пунктов обогрева (в деревне Федоровка, в 13 километрах от станции Вязники, у дома лесника, в 10–12 километрах от деревни Федоровка, и третий пункт на хуторе Лебединые Дворики, в 10 километрах от лагеря). Их наличие исключило бы возможность обморожения военнопленных. Начальник лагеря Кокшаев их не организовал, и, следовательно, только из четвертого эшелона, из 1221 человека, следовавших со станции Вязники, обмороженными оказались 580 человек. При этом значительная часть из них нуждалась в длительном лечении или ампутации ног или рук. Высокая смертность среди военнопленных в лагере, также говорилось в документе, стала результатом того, что в лагерь прибыл совершенно истощенный и физически ослабленный контингент. По данным врачебной комиссии, из общего числа 4174 человек, прошедших комиссию, 583 человека были признаны годными к работе по I группе, 506 – по II группе, 416 – по III группе, 1416 человек признаны нетрудоспособными и зачислены в восстановительную команду, а 913 человек нуждались в лечении в госпитале. Из числа включенных в восстановительную команду 50 % больны пеллагрой с диареей или больны пеллагрой и сильно истощены. В результате недостаточного медицинского обслуживания до настоящего времени наблюдается стопроцентная заболеваемость педикулезом. Карантин для вновь прибывших не организован. После предварительного медицинского осмотра военноплен-

ных направляли на территорию большого участка, где проживало около 200 военнопленных старого состава (пекари, повара и все военнопленные, занятые в мастерских и на лагерном хозяйстве). На этой же территории были расположены администрация, госпиталь, поликлиника и мастерские. Распределение работ каждое утро осуществлялось рядом с бараками, где был размещен новый контингент военнопленных. Постройки пищеблока (хлебопечь, водогрейная) не соответствовали санитарным нормам, везде грязь. На кухне нет шеф-повара, и обслуживание осуществлялось самими военнопленными. Вновь назначенный начальник кухни Анисимов никогда не работал в продовольственной системе, что привело к приготовлению некачественной пищи. В лагере грязно. Военнопленные (особенно ночью) испражнялись вблизи казарм и даже в пустующих казармах, а не в туалетах, имевшихся на этой территории. Экскременты за пределы лагеря не вывозятся, а засыпаются снегом. С приходом весны создаются благоприятные условия для возникновения эпидемии брюшного тифа¹⁰.

Не менее сложная обстановка была и в Суздальском лагере № 160. Об отрицательной динамике численности военнопленных в лагерях № 165 и 160 свидетельствуют другие данные. Так, согласно очередному спецсообщению П.К. Сопруненко нарком госбезопасности Н.А. Серову от 30 января 1943 г. в Южском лагере находилось 4672 человека, а в Суздальском – 2780 военнопленных¹¹. В докладе НКВД СССР Председателю ГКО И.В. Сталину «О содержании военнопленных в стационарных лагерях и сборных пунктах в прифронтовой полосе» численность военнопленных в Южском лагере была названа в количестве 4315 человек, а в лагере № 160 г. Суздаля – 2280 человек¹².

В докладе начальника Управления по делам военнопленных и интернированных лиц НКВД генерал-майора И.А. Петрова Л.П. Берии о положении военнопленных по состоянию на 20 февраля 1943 г. указывалось, что в Южском лагере пребывали 3622 человека и в Суздальском – 2114 человек¹³. Согласно докладу И.А. Петрова по состоянию на 22 февраля 1943 г. в лагере № 165 содержалось 3622 человека, из которых: немцев – 43, румын – 2885, итальянцев – 636, венгров – 4 и представителей других национальностей и народностей – 54. В лагере № 160 содержалось 2114 военнопленных, из которых немцев – 23, румын – 126, итальянцев – 1148, другие национальности и народности – 112 и не учтено – 705¹⁴.

Из справки И.А. Петрова и начальника 2-го отдела Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД капитана госбезопасности И.И. Круглова о смертности военнопленных на 16 марта ука-

заны следующие сведения о смертности в Южском и Суздальском лагерях: в Южском – 1776 и в Суздале – 429 человек¹⁵.

О реагировании на местах. К числу первых следует отнести письмо секретарю обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцеву не позднее 30 января 1943 г. с просьбой вмешаться в сложившуюся ситуацию. В нем говорилось, что 22 января 1943 г. на станцию Новки из Вязников прибыло 17 вагонов военнопленных в Камешковский лазарет. При выгрузке в этих вагонах оказалось около 200 трупов. 24 января в Новки из Владимира прибыло еще 10 вагонов военнопленных в лазарет Камешки. В них также оказались трупы. Председатель райисполкома Камешковского района Усов предложил передислоцировать вагоны с трупами на станцию Новки-2, где выбрано место для их захоронения и для земляных работ мобилизовано население. За два дня работ были освобождены от трупов 15 вагонов, но они не закапывались, а выгружались на снег. 12 вагонов от трупов не освобождены до сих пор. Из окрестных деревень население приходило смотреть на трупы «как на зрелище, охраны никакой нет». Представляет интерес резолюция на письме, исполненная зам. начальника УНКВД по Ивановской области В. Нарейко 30 января 1943 г.: «Послано письмо секретарям ГК и РК и председателям исполкомов»².

Такое письмо секретарям ГК и РК сохранилось в Государственном архиве Владимирской области. Оно было подписано секретарем обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцевым, председателем исполкома облсовета Г.Н. Шубиным и действительно датировано 30 января 1943 г. В нем утверждалось, что в последнее время в специально организованные лагеря на территории области поступает значительное количество военнопленных. Оторванность лагерей от мест разгрузки, отсутствие на местах разгрузки специальных помещений, в которых можно было бы организовать предварительное размещение военнопленных, их питание, обогрев и сортировку до направления в лагерь, создает серьезные трудности с их переотправкой. Все это приводит к массовым случаям обморожений и смертности военнопленных, так как прибывают они на станцию разгрузки истощенные и одетые не по сезону. В целях предупреждения указанных явлений секретарям горкомов и райкомов ВКП(б) было предложено совместно с начальниками лагерей в трехдневный срок разработать мероприятия, обеспечивающие «нормальный прием военнопленных как в местах разгрузки, так и в пути следования до лагерей». Они должны были предусматривать: выделение на станциях разгрузки помещений для размещения военнопленных, места для приготовления горячей пищи и воды, санитарное обеспечение, включавшее осмотр, размещение больных по госпи-

талям, оказание им первой помощи и т. д. В их перечень предлагалось также включить «оказание реальной помощи в выделении необходимого количества транспорта для перевозки ослабленных, подвозки топлива и продуктов питания для лагерей». При обнаружении в прибывающих эшелонах трупов умерших в пути военнопленных, а также в случаях смертности их на станции разгрузки рекомендовалось принимать немедленные меры к захоронению силами воинских гарнизонов, не допуская длительного оставления трупов на станциях разгрузки, в вагонах, а также в пути следования в лагерь. Похороны необходимо было проводить в специально отведенных местах, не допуская их на общегражданских кладбищах. Им также надлежало оказывать помощь лагерям в приобретении мелких строительных материалов, соломы для подстилки и т. п. [Владимирский край: 273].

О том, как развивались события, свидетельствует другой архивный документ, датированный 8 февраля 1943 г. Он адресован Г.Н. Пальцеву и начальнику УНКВД по Ивановской области капитану (так написано в документе) госбезопасности М.И. Маркееву и подписан начальником Южского лагеря № 165 В.И. Кокшаевым. В нем утверждалось, что согласно распоряжению исполкома облсовета и обкома ВКП(б) от 30 января 1943 г. Южский исполком и райком ВКП(б) были обязаны оказать помощь администрации лагеря в получении в колхозах района 60 лошадей для его обслуживания. Вместо указанного количества районом была выдана разнарядка лишь на 30 лошадей. Но и их лагерю получить в колхозах не удалось по причине занятости лошадей на других работах. В результате, говорилось в обращении, положение в лагере «с каждым днем становится все катастрофичнее. Самообеспечение контингента путем подноски дров в связи с массовым заболеванием почти прекращено, тогда как лагерю ежедневно требуется подвоз дров для отопления корпусов, госпиталей, работы кухни, бани, пекарни, электростанции и др. Запасы продовольствия в лагере почти израсходованы, находящиеся продукты на перевалочных пунктах за отсутствием транспорта не подвозятся». Завершалось обращение просьбой об оказании помощи³.

18 февраля 1943 г. начальник Суздальского лагеря НКВД Г.В. Коротков издал приказ о наложении карантина и проведении профилактических мероприятий с целью ликвидации заболеваемости сыпным тифом среди сотрудников и военнопленных. Вплоть до 1 марта сотрудникам запрещалось посещать общественные места и встречаться с родственниками и знакомыми. Вахтерская и пожарная команды лагеря переводились на казарменное положение, лица с подозрением на заболеваемость подлежали госпитализации. Кроме того, всем сотрудникам лагеря предстояло сделать противосыпотифозную прививку. Военно-

пленных надлежало пропустить через баню, произвести полную санобработку и добиться полной ликвидации вшивленности [Владимирский край: 280].

Следующий документ исходил от начальника УНКВД по Ивановской области полковника госбезопасности М.И. Маркеева, датирован 27 февраля 1943 г. и адресован секретарю обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцеву. В нем говорилось, что, несмотря на постановление обкома ВКП(б) и облисполкома от 1 февраля 1943 г. о выделении необходимого количества гужевого транспорта для Южского и Суздальского лагерей, оно ни в коей мере не выполняется Вязниковским, Суздальским и Южским районами. Между тем из-за отсутствия транспорта в Суздальском и Южском лагерях создано крайне тяжелое положение с содержанием и особенно с питанием военнопленных. «На этой почве среди военнопленных отмечены массовые случаи разного рода заболеваний, в том числе заболевания формы № 5, условия госпитализации больных вследствие отсутствия топлива совершенно нетерпимы. К тому же, если учесть наличие среди военнопленных большого количества обмороженных, которым необходимо производство сложных операций (ампутация), нетерпимость этого положения будет очевидна». Сообщая об этом, М.И. Маркеев просил Г.Н. Пальцева сделать ряд категорических указаний «о безусловном выделении потребного для лагерей количества лошадей». В условиях наступающей распутицы «неприятно мер к заводу продуктов питания и топлива создаст еще большие трудности, а может быть, поставит лагерь в условия, при которых кормить военнопленных будет нечем»⁴.

Завершить этот обзор следует совместной докладной запиской секретаря Южского РК ВКП(б) Преснова и начальника Южского райотдела НКВД Варенцова к секретарю обкома ВКП(б) Хорькову и начальнику УНКВД по Ивановской области полковнику госбезопасности М.И. Маркееву от 1 марта 1943 г. В ней утверждалось, что состояние с эпидемическими заболеваниями (форма № 5) в Южском лагере НКВД № 165 среди военнопленных принимает большие размеры: «Контингент (румыны, итальянцы и частично немцы) в течение длительного периода нахождения в лагере надлежащей санобработки не получали, вследствие чего среди последних развился ряд эпидемических заболеваний: пеллагра, дизентерия и в последнее время сыпной тиф. Со стороны руководства лагеря должных мер к санобработке и предотвращению заболеваний не принимается. В результате чего смертность по отдельным заболеваниям достигает значительных цифр. Так, например, с момента поступления контингентов с 22 декабря 1942 года в лагере умерло от пеллагры 700 человек, дизентерии 600 человек, большой процент смертности падает на гангреников-обморо-

женных до 300 человек, которые руководством лагеря скрываются. В настоящее время в лагере больных 2600 человек из 3300. Большинство умерших показывается по болезни пеллагры... Санитарный актив из самих военнопленных создан незначительный. Бараки находятся в крайнем антисанитарном состоянии. Жаро-камеры и бани не обеспечивают потребности... Территория лагеря загрязнена, вода в колодцах не хлорируется. В результате несоблюдения элементарных профилактических мероприятий среди обслуживающего персонала лагеря (русских) растёт заболеваемость сыпным тифом. Всего болеет 32 человека и есть смертность – один медработник. Имеющееся кладбище находится вблизи дороги, не огорожено и никем не охраняется, где скапливается до 250–300 трупов не зарыты, и погребение последних также проводится небрежно, вследствие чего на кладбище попадают посторонние лица, которые о виденном распространяют по району, чем создается ряд отрицательных настроений среди населения района». Как и предшествующие, оно завершается просьбой оказания помощи и «выслать представителей для проверки и принятия соответствующих мер»⁵.

На бывшей когда-то совершенно секретной записке имеется резолюция секретаря обкома ВКП(б) Хорькова: «По сообщению тов. Маркеева командирована бригада на место для проверки и принятия мер». Так в ивановской земле нашли последнее пристанище захватчики, стремившиеся покорить страну и взять Сталинград.

Таким образом, на основании изученных материалов можно утверждать, что в результате разгрома 6-й полевой армии германского вермахта и его союзников в ноябре 1942 г. – январе и феврале 1943 г. под Сталинградом и пленения большого количества военнопленных возникла острая проблема с их содержанием в прифронтовой полосе, транспортировке и размещении в лагерях, в том числе и на территории Ивановской области. Ее разрешение отягощалось предыдущим истощением военнопленных в окружении, сложными погодными условиями, трудностями с организацией питания и транспортировки, неподготовленностью лагерных помещений к их приему и т. д. Совокупным итогом этих обстоятельств стали высокая заболеваемость и смертность военнопленных как в пути, так в первое время их содержания в Южском и Суздальском лагерях. И тем не менее лагерная администрация и органы местной власти предпринимали посильные меры для улучшения их положения. Все это свидетельствовало о том, что, несмотря на горе и страдания, принесенные захватчиками, в том числе и населению Ивановской области, оно не испытывало ожесточения к военнопленным и даже в сложнейших условиях военного времени проявляло национальную гуманность.

Примечания

- ¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф-9401. Оп. 1. Д. 644. Л. 335–337.
- ² Государственный архив Ивановской области (ГАИО). ФП-327. Оп. 7. Д. 848. Л. 16.
- ³ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 852. Л. 9.
- ⁴ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 852. Л. 9.
- ⁵ ГАИО. ФП-327. Оп. 7. Д. 820. Л. 47–52.
- ⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф-1п. Оп. 01з. Д. 6. Л. 63–64.
- ⁷ РГВА. Ф-1п. Оп. 1з. Д. 6. Л. 65–66.
- ⁸ РГВА. Ф-1п. Оп. 4з. Д. 26. Л. 7–11.
- ⁹ РГВА. Ф-1п. Оп. 4з. Д. 26. Л. 28–29.
- ¹⁰ РГВА. Ф-1п. Оп. 4з. Д. 26. Л. 30–31.
- ¹¹ РГВА. Ф-1п. Оп. 1э. Д. 6. Л. 110–111.
- ¹² РГВА. Ф-1п. Оп. 9а. Д. 8. Л. 29–35.
- ¹³ РГВА. Ф-1п. Оп. 1е. Д. 9. Л. 78–82.
- ¹⁴ РГВА. Ф-1п. Оп. 1е. Д. 9. Л. 87–90.
- ¹⁵ РГВА. Ф-1п. Оп. 1е. Д. 9. Л. 290–291.

Список литературы

- Венгерские военнопленные в СССР. Документы 1941–1953 годов. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 544 с.
- Владимирский край в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сб. архив. док. к 75-летию Великой Победы / Гос. архив Владим. обл.; отв. ред. Н.Д. Максимова, сост.: Т.А. Лашманова и др. Владимир: [б. и.], 2020. 504 с.
- Пузырев Н.И. Военнопленные генералы: воспоминания советского офицера // Волга. 1981. № 4. С. 118–159.
- Рыжиков А.В., Околотин В.С., Олейник О.Ю., Точенов С.В. Из истории органов государственной безопасности в Ивановской области (1918–2018 гг.).

2-е изд., перераб. и доп. Иваново: Издательский дом «Наша Родина», 2019. С. 372–390.

Точенов С.В. Лагерь № 48 // Отечественная история. 2001. № 4. С. 112–125.

References

- Puzyrev N.I. *Voennoplennyye generaly: vospominaniya sovetskogo ofitsera* [Prisoners of war generals: memoirs of a Soviet officer]. *Volga* [Volga River], 1981, no. 4, pp. 118–159. (In Russ.)
- Ryzhikov A.V., Okolotin V.S., Oleynik O.Yu., Tochenov S.V. *Iz istorii organov gosudarstvennoj bezopasnosti v Ivanovskoj oblasti 1918–2018 gg.* [From the history of state security agencies in the Ivanovo region 1918–2018]. Ivanovo, Nasha Rodina Publishing House Publ., 2019, pp. 372–390. (In Russ.)
- Tochenov S.V. *Lager' № 48* [Camp no. 48]. *Otechestvennaia istoriia* [National History], 2001, no. 4, pp. 112–125. (In Russ.)
- Vengerskie voennoplennyye v SSSR. *Dokumenty 1941–1953 godov* [Hungarian prisoners of war in the USSR. Documents from 1941–1953]. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 2005, 544 p. (In Russ.)
- Vladimirskij kraj v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1945: sb. arkhiv. dok. k 75-letiyu Velikoj Pobedy [Vladimir Region during the Great Patriotic War. 1941–1945: collection of archival documents dedicated to the 75th anniversary of the Great Victory]. Vladimir, 2020, 504 p. (In Russ.)
- Статья поступила в редакцию 16.06.2025; одобрена после рецензирования 17.07.2025; принята к публикации 17.07.2025.
- The article was submitted 16.06.2025; approved after reviewing 17.07.2025; accepted for publication 17.07.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 148–154. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 148–154. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история

УДК 94 (477)“1942/1943”

EDN JHPXMY

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-148-154>

ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ НА ТЕРРИТОРИИ ВОРОШИЛОВГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО АППАРАТА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Воропай Елена Сергеевна, ассистент, Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия, voropay.elena18@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-0294-1767>

Аннотация. Несмотря на значительный интерес к истории оккупации в годы войны, данная тема, особенно в контексте региональных исследований и детального анализа функционирования оккупационного аппарата, остается малоизученной в современной отечественной историографии. Восстановление объективной картины событий и анализ механизмов оккупационной власти имеют большое значение для формирования исторической памяти и предотвращения повторения подобных трагедий в будущем. Статья посвящена исследованию особенностей оккупационного режима, установленного на территории Ворошиловградской области в период Великой Отечественной войны. Анализируется процесс формирования немецкого административного аппарата, его структура и ключевые функции, а также механизмы контроля, репрессивные меры и экономическая политика, проводимая оккупантами. В процессе исследования применялись методы исторического анализа, синтеза, сравнения и структурно-функциональный подход, которые позволили рассмотреть оккупационный режим как целостную систему. Исследование основано на архивных материалах и исторических источниках, что позволило раскрыть особенности триединой системы оккупационного управления, включавшей военно-административные, военно-хозяйственные и карательно-полицейские структуры. Особое внимание уделено роли комендатур, органов «местного самоуправления», а также функционированию военно-хозяйственной системы, направленной на обеспечение нужд вермахта и Германии. В результате проведенного анализа установлено, что оккупационный режим в Ворошиловградской области строился на сочетании военного контроля, экономической эксплуатации и жестокого подавления сопротивления с помощью разветвленной сети карательных органов. Выявлены особенности взаимодействия различных элементов оккупационного аппарата и их влияние на жизнь местного населения.

Ключевые слова: оккупационный режим, административный аппарат, Ворошиловградская область, нацистская оккупация, военная зона, военная администрация.

Для цитирования: Воропай Е.С. Оккупационный режим на территории Ворошиловградской области: формирование и функционирование административного аппарата в период Великой Отечественной войны // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 148–154. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-148-154>

Research Article

MILITARY ADMINISTRATION REGIME IN VOROSHILOVGRAD REGION: FORMATION AND FUNCTIONING OF THE OPPRESSIVE APPARATUS DURING THE AXIS OCCUPATION OF DONBASS

Elena S. Voropai, assistant, Lugansk Pedagogic University, Lugansk, voropay.elena18@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-0294-1767>

Annotation. Despite considerable interest in the history of occupation during World War II, this topic, especially in the context of regional studies and a detailed analysis of the functioning of the occupation apparatus, remains poorly understood in modern Russian historiography. Restoring an objective picture of events and analysing the mechanisms of the occupation authorities are of great importance when forming historical memory and policy in this field. The article is devoted to the study of the features of the occupation regime established in the territory of Voroshilovgrad Region when the Axis held it. The article analyses the process of formation of the German administrative apparatus, its structure and key functions, as well as control mechanisms, repressive measures and economic policies pursued by the occupiers. In the course of the research, the methods of historical analysis, synthesis, comparison and a structural and functional approach were used, which made it possible to consider the occupation regime as an integral system. The study is based on archival materials and historical sources, which

made it possible to reveal the features of the three-pronged system of occupation management, which included military-administrative, military-economic and punitive-police structures. Special attention is paid to the role of commandant's offices, «local government» bodies, as well as the functioning of the military-economic system aimed at meeting the needs of the Wehrmacht and Germany. The analysis revealed that the occupation regime in Voroshilovgrad Region was based on a combination of military control, economic exploitation, and brutal suppression of resistance through an extensive network of punitive agencies. The peculiarities of the interaction of various elements of the occupation apparatus and their impact on the lives of the local population are revealed.

Keywords: occupation regime, administrative apparatus, Voroshilovgrad Region, Nazi occupation, military zone, military administration.

For citation: Voropai E.S. Military administration regime in Voroshilovgrad Region: formation and functioning of the oppressive apparatus during the Axis occupation of Donbass. Bulletin of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3. pp. 148–154. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-148-154>

В июне 1942 г. Ворошиловградская (ныне Луганская) область оказалась полностью под контролем немецких войск, что привело к установлению жестокого оккупационного режима. За время оккупации область понесла значительный ущерб в экономической, социальной и культурной сферах. Десятки тысяч жителей Ворошиловградской области стали жертвами нацистского террора.

Вопросы политики оккупационных властей в зоне военной администрации рассматривались как в советской, так и в современной историографии.

В советский период в общих исследованиях С. Галаджиева [Галаджев], К. Дубины [Дубина], Л. Паламарчука [Паламарчук] раскрывались конкретные действия нацистских захватчиков, иллюстрирующие оккупационный режим. В труде М. Телченова «Крах германской стратегии» [Телченев] раскрываются военно-стратегические планы и операции группы армий «Юг». В работе И.М. Коваленко «Цели и методы немецкой империалистической политики на оккупированных территориях» [Коваленко] комплексно анализируется сущность оккупационного режима. Автор впервые поднимает проблему создания административно-территориальных формирований на оккупированных территориях СССР. Однако основное внимание в работе уделяется преступлениям оккупантов: расчленению территории, эксплуатации и угнетению населения, ликвидации культурно-образовательных центров, организаций и прессы. Ценной является работа О. Ионова «Преступления немцев в Донбассе» [Ионов], раскрывающая нацистскую политику с использованием значительного количества фактического материала.

Важные источники личного происхождения, позволяющие реконструировать исторические события, содержатся в работе Д.Н. Титаренко «Опыт нацистской оккупации в Донбассе: свидетельства очевидцев» [Титаренко]. Оккупационному режиму на Донбассе также посвящены диссертации В.И. Абакумовой [Абакумова] и И.С. Тарнавского [Тарнавский].

Во время Великой Отечественной войны ключевой задачей немецко-фашистских войск было нала-

живание управления оккупированными территориями для обеспечения продовольствием армии и Рейха, безопасности тыла и подавления сопротивления. Нацисты стремились к полному контролю над всеми сферами жизни и создали сложную административную структуру, включавшую рейхскомиссариаты и военные администрации. После оккупации территория Ворошиловградской области вошла в состав военной зоны и находилась под управлением вермахта, который, по определению немцев, был «высшим территориальным органом власти», несмотря на наличие других (иногда гражданских) учреждений. Органы военного управления функционировали как самостоятельные отделы или группы при оберквартирмейстере армии [Нестеренко: 35].

В районе боевых действий исполнительная власть принадлежала командирам воинских частей. В оперативном тылу действовали полевые и местные комендатуры, а в тыловых районах – дивизии охраны тыла (главные полевые комендатуры) [Власенко: 56]. По состоянию на 18 сентября 1942 г. на территории оперативного тылового района группы армий «Б» действовали главные полевые комендатуры № 399 в Конотопе и № 397 («Донец») в Сталино (Юзовке), подчинявшиеся командующему оперативным тыловым районом. Старобельская полевая комендатура № 198 подчинялась комендатуре в Конотопе, а Ворошиловградская полевая комендатура № 243 – комендатуре в Сталино [Нестеренко: 107].

Военная администрация в «военной зоне» включала командующего войсками оперативного тылового района, главные полевые комендатуры, полевые комендатуры и местные комендатуры [Нестеренко: 108]. Летом 1943 г. в целях экономии местные комендатуры были упразднены, а их функции переданы полевым комендатурам.

Приоритетными задачами комендатур были вопросы, связанные с военными нуждами: размещение войск, выявление и поставка ресурсов для вермахта, ремонт инфраструктуры, организация медицинской и ветеринарной служб. Важнейшей задачей также было создание местных исполнительных органов

для реализации распоряжений [Нестеренко: 156]. Это обусловило необходимость регистрации населения, введения паспортного режима, регулирования распределения рабочей силы, финансов и снабжения. Организация школьного образования, религиозной жизни, искусства и гражданского судопроизводства считалась второстепенной задачей [Нестеренко: 157]. Из-за быстрого продвижения вермахта комендатуры не всегда прибывали вовремя, и органы «самоуправления» могли создаваться по инициативе представителей фронтовых частей или хозяйственной администрации [Нестеренко: 160], после чего комендатуры проверяли и утверждали ранее назначенных руководителей.

Местные органы управления, такие как районные и городские управы, формировались оперативно, часто уже через несколько дней после установления контроля. Во главе района назначался руководитель (с различными вариантами должности: «начальник района», «шеф района» и т. д.), который нередко одновременно занимал должность бургомистра районного центра. Функции руководителя определялись немецкими инструкциями. Например, «Инструкция районным и сельским бургомистрам» от 10 ноября 1941 г. предписывала районному бургомистру руководить общественным управлением районного центра и контролировать все общественные управления района [Нестеренко: 162], для чего он формировал собственный аппарат, управляя как городской, так и районной управой.

Руководитель района и города мог издавать директивы для подведомственных учреждений, но должен был докладывать об их содержании в местную комендатуру. В вопросах финансового управления, строительства, лесного хозяйства, здравоохранения и ветеринарии руководитель мог лишь вносить предложения в вышестоящие немецкие инстанции. Для поддержания порядка бургомистр районного центра имел ограниченную судебную власть, позволявшую наказывать за мелкие нарушения, не затрагивающие интересы немецкой армии, штрафами до 1 тыс. рублей, арестом на срок до 14 суток или принудительными работами на тот же срок. Однако наказание требовало рассмотрения дела и утверждения приговора местной комендатурой [Нестеренко: 164–165].

Районная администрация контролировала все аспекты жизни района. Например, Ровеньковская районная администрация включала в себя отделы народного образования, здравоохранения, дорожный и финансовый отделы, отделы городского хозяйства, районное потребительское общество, молочный и кожевенный заводы. Аграрные вопросы находились в ведении немецких районных сельскохозяйственных руководителей и районных земельных управ [Нестеренко: 165]. Городская управа имела схожую структу-

ру, но с меньшим количеством чиновников в небольших городах [Нестеренко: 165]. На низшем уровне оккупационной администрации находилась сельская управа во главе с сельским бургомистром, которому подчинялись начальник полиции и писарь. В 1941–1942 гг. сельского бургомистра часто называли «старостой», однако с января 1943 г. эти понятия разделили. Согласно «Положению о сельских старостах» от 1 января 1943 г., в помощь бургомистрам вводились должности сельских старост, назначаемых главой района по рекомендации бургомистра в крупных хуторах, удаленных от центра сельских управ на 4–5 км. Старосты подчинялись бургомистру, выполняли его поручения и отчитывались о проделанной работе. Староста не имел собственного аппарата, но должен был знать всех жителей своего населенного пункта (их занятия, семейное и материальное положение, отношение к работе и «новому порядку») и своевременно выполнять приказы германского военного и хозяйственного командования [Нестеренко: 166].

Согласно приказу А. Гитлера от 29 июня 1941 г., высшая военно-экономическая власть на оккупированных территориях была сосредоточена в руках рейхсмаршала Г. Геринга [Стенограмма: 245], который опирался на управление военной экономики и вооружения при Главном штабе Вооруженных сил Германии (во главе с генералом Г. Томасом) и «Восточный штаб по руководству экономикой» (хозяйственный штаб «Восток» во главе со статс-секретарем П. Кернером) [Нестеренко: 174]. Главной задачей этих организаций было «целенаправленное решение продовольственной проблемы Германии» [Власенко: 145].

В «военной зоне» действовал «Восточный экономический штаб» во главе с генерал-лейтенантом А. Шубертом (полевое управление хозяйственного штаба «Восток») при генерал-квартирмейстере главного командования сухопутными войсками. Его задачей был контроль за исполнением директив рейхсмаршала в зоне боевых действий. В состав штаба входили представители различных военных и хозяйственных органов Третьего рейха [Немятый: 14]. Структура «Восточного экономического штаба» охватывала все отрасли экономики оккупированных областей и состояла из хозяйственных отделов (групп). Ключевой была сельскохозяйственная группа «Ла» (руководство сельским хозяйством, заготовка продукции, поставки продовольствия военным). Экономическая группа «В» управляла промышленностью, финансами, торговлей, лесным хозяйством, а также включала штаб особого назначения по автомобильному транспорту. Военная группа «М» отвечала за военную экономику, транспорт и снабжение вермахта [Стенограмма: 8].

Начальник отдела подчинялся командующему армией, консультировал его по экономическим вопросам и оперативно подчинялся Управлению военной экономики и вооружения и «Восточному экономическому штабу», обеспечивая связь между командующим и высшими военно-экономическими инстанциями. В его распоряжении были отряд экономической разведки, технический батальон и офицеры по сельскому хозяйству при штабах дивизий, полков и батальонов, которые выявляли склады с продукцией, охраняли важные объекты, организовывали уборку урожая, составляли экономические характеристики района и обеспечивали поставки продукции в военные части [Нестеренко: 176]. В оперативных тыловых районах хозяйственные отделы координировали работу хозяйственных команд, создаваемых при охранных дивизиях, и хозяйственных групп при полевых комендатурах [Нестеренко: 177]. При продвижении немецкой армии хозяйственные команды оставались на местах, а при воинских частях формировались новые.

В тыловых районах групп армий действовали хозяйственные инспекции при командующих тыловыми прифронтовыми районами групп армий, хозяйственные команды при охранных дивизиях и хозяйственные группы при полевых комендатурах [Нестеренко: 177].

Хозяйственные инспекции, созданные при каждой группе армий, руководствовались распоряжениями «Восточного экономического штаба». На территории военной зоны УССР экономические вопросы по состоянию на 1 октября 1942 г. находились в компетенции немецкой хозяйственной инспекции «Дон – Донец» (г. Сталино) во главе с генерал-майором Х. Нагелем [Нестеренко: 179]. Задачи инспекции включали поставку продовольствия, одежды и фуража воинским частям, охрану, использование и отправку в Германию ценного сырья и имущества, мобилизацию местных жителей для работы на военных объектах, регулирование снабжения населения [Нестеренко: 181]. Хозяйственным инспекциям подчинялись хозяйственные команды, которые были исполнительными органами власти в каждой области. Под руководством хозяйственной инспекции «Дон – Донец» действовали 10 хозяйственных команд, в том числе команда в Ворошиловграде во главе с полковником Зеельманом с филиалом в Лисичанске [Нестеренко: 182]. Хозяйственные команды могли отвечать за определенный территориальный район или, независимо от территориального деления, за отдельную отрасль хозяйства.

В середине 1942 г. были созданы опорные пункты («штуцпункты»), которые контролировали от 7 до 15 общественных хозяйств и сельскохозяйственных союзов [Нестеренко: 185].

При создании вспомогательных органов управления сельским хозяйством (земельных управлений) использовалось административно-территориальное деление на уровне области, округа и района. Высшей экономической инстанцией были областные сельскохозяйственные управы, контролировавшие земельные и лесные фонды, общественные хозяйства и другие сельскохозяйственные организации области [Нестеренко: 187]. Они создавались в каждом областном центре и подчинялись непосредственно немецким сельскохозяйственным комендатурам. Областные земельные управы имели множество отделов, контролировавших все сферы сельского хозяйства региона. Например, Ворошиловградская областная сельскохозяйственная управа, созданная в июле 1942 г., возглавлялась главным агрономом В.В. Бешликом и его заместителем П.Е. Рябчинским. Управа состояла из 10 отделов: общий, планово-финансовый, животноводства, землеустроительный, общественных хозяйств, государственных хозяйств, машинно-тракторных станций, подсобных хозяйств, ветеринарный и плодоовощной [Нестеренко: 190].

Кроме того, при областных земельных управах или их отделах действовали различные конторы и учреждения, управлявшие определенными отраслями сельского хозяйства. Так, при Ворошиловградской областной земельной управе для руководства выращиванием, заготовкой и поставкой сортовых семян в октябре 1942 г. была создана областная контора «Госсортфонд» во главе с П.А. Лебедевым, которой подчинялись три заготовительных пункта: Ворошиловградский, Старобельский и Сватовский¹. На областные земельные управления возлагались задачи по восстановлению и эффективному управлению сельским хозяйством региона, включая: оценку состояния полевого хозяйства, животноводства и огородничества; учет тягловой силы, тракторов и грузовиков; восстановление технического оснащения сельскохозяйственных организаций и МТС; формирование семенных фондов; обеспечение весеннего сева и сбора урожая; восстановление животноводства и учет кормовых ресурсов [Нестеренко: 191]. Следующим уровнем управления сельским хозяйством были окружные земельные управы. В Ворошиловградской области действовало 8 таких управ, контролировавших 32 района: Беловодская (Новолимаревская), Белокураковская, Ворошиловская, Ворошиловградская, Сватовская, Свердловская, Старобельская и Троицкая². Во главе управы стоял главный агроном, назначенный немецким руководством, который отвечал за деятельность управы и комплектовал ее штат. Окружным земельным управам подчинялись районные сельскохозяйственные управы («крайсландвирты»), подотчетные районному немецкому руководству [Нестеренко: 193]. Для непосредствен-

ного контроля над всеми сельскохозяйственными предприятиями территория района делилась на «агрозоветотделы», возглавляемые участковыми агрономами-инспекторами, которые контролировали работу руководителей, агрономов и бригадиров общественных, государственных и пригородных хозяйств³. В начале 1943 г. в Ворошиловградской области действовало 111 таких участков³.

На низшем уровне иерархии находились бывшие совхозы и колхозы, преобразованные в государственные поместья и общественные хозяйства (позже часть из них стала земледельческими союзами) в соответствии с законом «О новом аграрном порядке» А. Розенберга от 15 февраля 1942 г. При этом методы руководства, ведения хозяйства и организации труда практически не изменились. Помимо основной структуры хозяйственного управления, существовали самостоятельные организации и учреждения, подчинявшиеся напрямую немецкой экономической администрации. Они часто создавались на базе отделов, ранее действовавших в составе земельных управлений различных уровней. Например, параллельно с областными земельными управами действовали областные тресты (позднее – управления) государственными поместьями, которые существовали как самостоятельные отделы областных сельскохозяйственных комендатур [Лаута: 135]. Областные управления государственными имениями занимались вопросами, связанными с деятельностью государственных имений и крупных пригородных хозяйств заводов, фабрик и рудников, включая составление и утверждение хозяйственных планов [Нестеренко: 194]. Например, в Ворошиловградской области с 19 августа 1942 г. действовал трест государственных имений⁴, который по распоряжению начальника областной сельскохозяйственной комендатуры майора Шнайдера 15 сентября того же года был реорганизован в областное управление государственными поместьями⁵. На уровне районов на базе трестов были созданы дирекции. В Краснодаре, например, дирекция № 10 объединяла все шахты (мелкие шахты объединялись в шахтоуправления, возглавляемые управляющими, назначаемыми дирекцией) [Луганщина: 96].

Областные управления государственными имениями делились на отдельные участки, возглавляемые немецкими сельскохозяйственными комендантами или представителями местного населения⁴. В Ворошиловградской области действовало четыре участка, под юрисдикцией которых находилось 9 государственных имений⁴. Существовали также областные управления МТС, подчинявшиеся Главному управлению МТС в Киеве и возглавляемые немецкими руководителями («шефами МТС») [Лаута: 139]. Они контролировали деятельность аналогичных инстанций

на окружном и районном уровнях. Помимо этой сети хозяйственных органов, существовало множество организаций, занимавшихся заготовкой сельскохозяйственной продукции. В Ворошиловградской области распределением и реализацией заготовленной «Заготзерно» и «Заготмолоко» продукции занималась контора прибыли и реализации, подчинявшаяся хозяйственной команде в Ворошиловграде [Нестеренко: 197].

Третья система управления в военной зоне включала многочисленные карательные службы ведомства рейхсфюрера СС Г. Гиммлера [Нестеренко: 198], в частности подразделения СС, гестапо, полицейские батальоны, дивизии охраны тыла, полевую жандармерию, тайную полевую полицию и охранную полицию [Нестеренко: 199]. В городах и районных центрах действовали оперативные группы и отряды службы безопасности (СД). Общую координацию всех полицейских и карательно-репрессивных мер на территории УССР, включая военную зону, осуществлял обергруппенфюрер СС Г. Прюцман, руководивший отрядами СС и полиции в регионе «Россия – Юг» [Совершенно: 528].

Для поддержания порядка использовалась и местная вспомогательная полиция. При гарнизонных комендатурах действовали военная охрана и полицейское управление, в районах – районная полиция. В селах и поселках при сельских управах создавались отряды вспомогательной полиции (или милиции) численностью около 1 % населения⁶, в которые набирали «надежных местных жителей», поддерживающих политику оккупантов. Из полицейских выбирался комендант сельской полиции. Формально вспомогательная полиция подчинялась сельским старостам, но фактически работала под руководством немецких комендатур и гестапо. Сельская полиция помогала старостам выполнять приказы немецкого командования, охраняла деревни, общественные и государственные хозяйства, помогала заготавливать продукцию, участвовала в репрессиях и погромах и боролась с партизанами [Нестеренко: 201].

При группах армий действовали представители полиции безопасности и СД, к которым были прикреплены айнцацгруппы (оперативные группы) для подавления сопротивления и выполнения особых задач в тылу, в частности уничтожения «расово неполноценного» населения. При полевых комендатурах и подразделениях вермахта работали особые отделы абвера (контрразведки) для борьбы с диверсантами, разведгруппами и партизанами. Полевой и местной комендатурам подчинялась охранная полиция, которая контролировала тюрьмы и лагеря, помогала айнцацкомандам фильтровать военнопленных, выявлять «политически враждебные элементы», евреев и цыган. Полевая жандармерия регулировала движение,

контролировала пропуски, вела учет населения, расследовала тяжкие преступления и наблюдала за местной полицией [Нестеренко: 202], способствуя укреплению оккупационного режима.

Таким образом, оккупационный аппарат Германии в военной зоне, включая Ворошиловградскую область, представлял собой триединую систему: военно-административную, военно-хозяйственную и карательно-полицейскую. Военная зона формировалась по мере продвижения вермахта, и управление передавалось от армии к гражданской администрации лишь частично. Командование вермахта осуществляло высший контроль, первоначально через VII административный отдел при штабе командующего войсками тылового района, а затем через административные отделы при штабах групп армий.

На местах власть осуществлялась через комендатуры, опиравшиеся на созданные ими органы «местного самоуправления». Эти органы, ограниченные районным и общинным уровнями, были полностью подконтрольны немецкой администрации. Руководство районов и местные чиновники действовали в соответствии с постановлениями немецкого командования, а структура управлений соответствовала местным потребностям. Сельские старосты, даже избранные местными жителями, подчинялись немецким властям.

Параллельно с военно-административной системой действовала военно-хозяйственная система, направленная на обеспечение нужд вермахта и Германии. Г. Геринг прямо указал на необходимость «извлекать всё возможное». [Нестеренко: 57]. Немецкие власти использовали земельные управления и их подразделения для контроля за выполнением экономических распоряжений.

Дополняла эту систему разветвленная сеть карательных органов, включавшая немецкие подразделения СС, гестапо, полицию и вспомогательные формирования из местных жителей. Эта система была направлена на подавление сопротивления, поддержание порядка, эксплуатацию ресурсов и уничтожение «нежелательных элементов», что позволяло укрепить оккупационный режим.

Примечания

¹ Архивная служба ЛНР. Ф. Р-1318. Оп. 2. Д. 1. Л. 56.

² Там же. Ф. Р-1318. Оп. 2. Д. 3. Л. 204.

³ Там же. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1. Л. 91.

⁴ Там же. Ф. П-1790. Оп. 1. Д. 264. Л. 177.

⁵ Там же. Ф. Р-1717. Оп. 1. Д. 6. Л. 46.

⁶ Там же. Ф. Р-1307. Оп. 1. Д. 266. Л. 583.

Список литературы

Абакумова В.И. Оккупационный режим и антифашистское движение сопротивления в Луганской об-

ласти (1941–1943 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Луганск, 2004. 24 с.

Власенко С.И. Аграрная политика немецких оккупационных властей на территории военной зоны Украины (1941–1943 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Киев, 2007. 297 с.

Галаджев С. Что происходит в оккупированных областях Украины. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1942. 14 с.

Дубина К.К. Варвары двадцатого века. Уфа: Укр-издат при ЦК КП(б)У, 1942. 16 с.

Ионов А. Преступления немцев в Донбассе. Киев: Укрполитиздат, 1946. 38 с.

Лаута С.П. Колхозное крестьянство Советской Украины в годы Великой Отечественной войны. Киев: Киевский ун-т, 1965. 208 с.

Луганщина в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: сб. документов и материалов / сост. А.М. Бурлаков. Донецк: Изд-во «Донбасс», 1969. 386 с.

Немятый В.Н. Всенародная борьба против экономических мероприятий фашистских оккупантов на Украине (1941–1944 гг.). Киев: Знание, 1980. 64 с.

Нестеренко В.А. Оккупационный режим в военной зоне Украины в 1941–1943 гг. (административный, экономический и социокультурный аспекты): дис. ... канд. ист. наук. Киев, 2005. 307 с.

Опыт нацистской оккупации в Донбассе: свидетельствуют очевидцы, авт.-сост. Д.Н. Титаренко, Т. Пенгер. Донецк: Мир книги, 2013. 465 с.

Паламарчук Л. Фашистский разбой на Украине. Уфа: Укр-издат, 1943. 48 с.

Преступные цели – преступные средства: документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СРСР (1941–1944 гг.). Москва: Госполитиздат, 1963. 324 с.

«Совершенно секретно! Только для командования!»: Стратегия фашистской Германии в войне против СРСР: Документы и материалы / сост. В.И. Дашичев; под ред. Н.Г. Павленко. Москва: Наука, 1967. 752 с.

Стенограмма Нюрнбергского процесса. Т. 3 / пер. с англ. и сост. С. Мирошниченко. Москва: Милитера, 2019. 562 с.

Тарнавский И.С. Немецко-фашистский оккупационный режим в Донбассе (1941–1943 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Донецк, 1999. 19 с.

Телченков М. Крушение германской стратегии. Москва: Воениздат НКО СССР, 1943. 72 с.

References

Abakumova V.I. *Okkupatsionnyi rezhim i antifashist-skoe dvizhenie soprotivleniia v Luganskoi oblasti (1941–1943 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk.* [The occupation regime and the antifascist resistance movement

in the Luhansk region (1941–1943)]. Lugansk, 2004, 24 p. (In Ukr.)

Dubina K.K. *Varvary dvadtsatogo vozrasta* [The Barbarians of the twentieth century]. Ufa, Ukgizdat pri TsK KP(b)U Publ., 1942, 16 p. (In Russ.)

Ionov A. *Prestupleniia nemtsev v Donbasse* [German crimes in Donbas]. Kiev, Ukrpolitizdat Publ., 1946, 38 p. (In Ukr.)

Galadzhhev S. *Chto proiskhodit v okkupirovannykh oblastiakh Ukrainy* [What is happening in the occupied regions of Ukraine]. Frunze, Kirgizgosizdat Publ., 1942, 14 p. (In Ukr.)

Lauta S.P. *Kolkhoznoe krest'ianstvo Sovetskoi Ukrainy v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Collective farm peasantry of Soviet Ukraine during the Great Patriotic War]. Kiev, Kievskiy un-t Publ., 1965, 208 p. (In Ukr.)

Luganshchina v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1941–1945 gg.: sb. dokumentov i materialov [Luhansk region during the Great Patriotic War. 1941–1945: collection of documents and materials], comp. A.M. Burlakov. Donetsk, Donbass Publ., 1969, 386 p. (In Russ.)

Nemiatyi V.N. *Vsenarodnaia bor'ba protiv ekonomicheskikh meropriiatii fashistskikh okkupantov na Ukraine (1941–1944 gg.)* [The national struggle against the economic measures of the Fascist occupiers in Ukraine (1941–1944)]. Kiev, Znanie Publ., 1980, 64 p. (In Ukr.)

Nesterenko V.A. *Okkupatsionnyi rezhim v voennoi zone Ukrainy v 1941–1943 gg. (administrativnyi, ekonomicheskii i sotsiokul'turnyi aspekty): dis. ... kand. ist. nauk* [The occupation regime in the military zone of Ukraine in 1941–1943 (administrative, economic and socio-cultural aspects)]. Kiev, 2005, 307 p. (In Ukr.)

Opyt natsistskoi okkupatsii v Donbasse: svidetel'stvuiut ochividtsy [The experience of the Nazi occupation in Donbass: eyewitnesses testify], comp. D.N. Titarenko, T. Penter. Donetsk, Mir knigi Publ., 2013, 465 p. (In Ukr.)

Palamarchuk L. *Fashistskii razboi na Ukraine* [Fascist robbery in Ukraine]. Ufa, Ukgizdat Publ., 1943, 48 p. (In Russ.)

Prestupnye tseli – prestupnye sredstva. Dokumenty ob okkupatsionnoi politike fashistskoi Germanii na territorii SRSR (1941–1944 gg.) [Criminal goals are criminal means. Documents on the occupation policy of Nazi Germany in the USSR (1941–1944)]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1963, 324 p. (In Russ.)

«Sovershenno sekretno! Tol'ko dlia komandovaniia!»: *Strategiia fashistskoi Germanii v voine protiv SRSR: Dokumenty i materialy* [“Top secret! Just for the command!”: The strategy of Nazi Germany in the war against the USSR: Documents and materials], comp. V.I. Dashichev; ed. by N.G. Pavlenko. Moscow, Nauka Publ., 1967, 752 p. (In Russ.)

Stenogramma Niurnbergskogo protsesssa. T. 3 [Transcript of the Nuremberg trials. Vol. 3], trans., comp. by S. Miroschnichenko. Moscow, Militera Publ., 2019, 562 p. (In Russ.)

Tarnavskii I.S. *Nemetsko-fashistskii okkupatsionnyi rezhim v Donbasse (1941–1943 gg.)* [The Nazi occupation regime in Donbas (1941–1943)]. Donetsk, 1999, 19 p. (In Ukr.)

Telchenov M. *Krushenie germanskoi strategii* [The collapse of German strategy]. Moscow, Voenizdat NKO SSSR Publ., 1943, 72 p. (In Russ.)

Vlasenko S.I. *Agrarnaia politika nemetskh okkupatsionnykh vlastei na territorii voennoi zony Ukrainy (1941–1943 gg.): dis. ... kand. ist. nauk* [Agrarian policy of the German occupation authorities in the territory of the military zone of Ukraine (1941–1943)]. Kiev, 2007, 297 p. (In Ukr.)

Статья поступила в редакцию 14.04.2025; одобрена после рецензирования 02.05.2025; принята к публикации 05.05.2025.

The article was submitted 14.04.2025; approved after reviewing 02.05.2025; accepted for publication 05.05.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 155–161. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 155–161. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история

УДК 355.23

EDN YEECAT

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-155-161>

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ СУВОРОВСКИХ ВОЕННЫХ УЧИЛИЩ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРСКИХ КАДРОВ

Коханов Денис Федорович, соискатель, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, den.cohanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-6637-442X>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования системы суворовских военных училищ (далее – СВУ).

У нее было две цели: воспитание многочисленных детей, оставшихся без попечения родителей (в том числе детей офицеров и красноармейцев, погибших в Великой Отечественной войне), а также восстановление исторических традиций подготовки офицерских кадров. На основе анализа архивных документов определен функционал суворовских военных училищ в период их становления. Проанализированы процессы подбора и подготовки кадров, организации учебно-воспитательной работы, а также бытового обеспечения первой «волны» училищ. Показано, что суворовские военные училища во многом обеспечивали преемственность ключевых элементов дореволюционной системы начального военного образования. Рассматривая вопрос периодизации истории СВУ на основе значимых исторических вех и наиболее серьезно меняющих деятельность училищ решений правительства страны, можно определить, что первый период – период становления СВУ как военно-образовательного института в СССР – приходится на 1943–1956 гг.

Ключевые слова: суворовские военные училища, военное образование, начальное военное образование, подготовка офицеров, суворовские военные училища НКВД, патриотическое воспитание, кадетские корпуса, интернатное образование, элитное образование.

Для цитирования: Коханов Д.Ф. Становление системы суворовских военных училищ как составляющей системы подготовки офицерских кадров // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 155–161. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-155-161>

Research Article

FORMATION OF SUVOROV MILITARY SCHOOLS AS THE OFFICER TRAINING SYSTEM COMPONENT

Denis F. Kokhanov, applicant, Moscow City Pedagogic University, Moscow, Russia, den.cohanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-6637-442X>

Abstract. The article examines the specific features of formation of the system of Suvorov military schools stemming from its dual purpose – firstly, upbringing of numerous children left without parental care (including children of officers and Red Army soldiers killed in action at World War II); secondly, the restoration of historical traditions of officer training. Based on the analysis of archival documents, the functionality of Suvorov military schools during the period of their formation is determined, the process of selection and training of personnel for them, the formation of the educational process and everyday support of the first “wave” of schools are analysed. It is shown that Suvorov schools became one of the manifestations of the national-patriotic turn of the Soviet-Russian ideology of the pre-war, war and post-war periods. Indeed, while until the mid-1930s the Soviet government had distanced itself in everything from the “old regime”, already in the late 1930s it was actively searching for ways to ensure the continuity of historical traditions. Suvorov military schools largely reflected this trend, ensuring the continuity of key elements of the pre-revolutionary system of primary military education. We can determine that the first period in the history of Suvorov military schools lasted from 1943 to 1956.

Keywords: Suvorov military schools, military education, primary military education, officer training, NKVD Suvorov military schools, patriotic upbringing, cadet corps, boarding education, elite education.

For citation: Kokhanov D.F. Formation of Suvorov military schools as the officer training system component. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 155–161. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-155-161>

Текущий 2025 год является для России юбилейным – празднуется 80-летие победы нашей страны в Великой Отечественной войне, события которой до сих пор привлекают внимание исследователей (см., например: [Белгородский, Дембицкий, Околотин; Волкова, Волков; Околотин; Околотин, Балахонова]). Влияние войны на жизнь СССР было колоссальным, оно затронуло все без исключения сферы развития государства и жизни его граждан. Разумеется, не осталась в стороне и система начального военного образования, в которой в 1943 г. произошло чрезвычайно значимое событие – учреждение Суворовских военных училищ (СВУ). Идея их создания восходит к историческому опыту подготовки русского офицера, а также истории шляхетских и кадетских учебных заведений и имперским традициям военного образования. Ведущие историки суворовских училищ – А.И. Владимиров и Н.З. Кунц – к 70-летию СВУ представили свое видение периодов в развитии данного института [Кунц, Владимиров: 49–61]. В качестве первого этапа они выделяют значительный временной период – от создания первых училищ до начала 70-х гг. Однако внутри этого этапа можно выделить временные периоды, характеризующиеся качественными изменениями государственной политики по отношению к СВУ. Нами предлагается *первый период*, период становления, начинать от самой идеи создания СВУ. Сюда необходимо включить подготовку к работе первой «волны» училищ и первые годы их функционирования.

Создание СВУ необходимо рассматривать в контексте эволюции подходов к развитию начального военного профессионального образования в СССР. Своего рода «предшественниками» СВУ в довоенный период можно считать специальные школы, имевшие своей целью подготовить учащихся к поступлению в артиллерийские училища страны. В записке «в Политбюро ЦК ВКП(б) тов. Сталину и Председателю Совета Народных Комиссаров Союза СССР тов. Молотову В.М.» указывается, что, согласно постановлению Комитета обороны от 5 мая 1937 г. № 2сс об артиллерийских кадрах, Наркомпросами РСФСР и УССР организовано 16 специальных школ для подготовки молодежи в артиллерийские училища (по 5 в Москве и Ленинграде, по 2 в Киеве и Харькове, по 1 в Одессе и Ростове-на-Дону). Всего учащихся на дату записки было 3414 чел. в 8-х, 2183 чел. – в 9-х и 1114 чел. в 10-х классах. Записка посвящена необходимости уточнения ряда вопросов – в частности, тому, какие преимущества выпускники таких школ имеют перед окончившими другие школы Наркомпроса, имеющими право поступления в вузы. Отмечалось отсутствие различий в программах спецшкол и обычных школ и соответствующих учебниках. В качестве наиболее проблемного пункта отмечалось неудовлетворительное состояние преподавания военного дела. Наконец, было указано, что школы

укомплектованы внутри городов неудобно для учащихся, которые могли бы посещать обычные школы, а теперь вынуждены тратить много времени и средств на проезд. В этих условиях авторы записки – нарком обороны СССР К. Ворошилов и нарком просвещения РСФСР В. Тюркин – просили утвердить прилагаемый проект положения о специальных школах Наркомпросов РСФСР и УССР. В соответствии с выпиской из протокола № 60 заседания политбюро ЦК ВКП(б) от 8.04.1938 г. Положение было утверждено постановлением СНК № 452 от 9.04.1938 г. Положение содержало 16 пунктов, в них конкретизировалась цель деятельности спецшкол – комплектование артиллерийских училищ. Положение также определяло контингент поступающих в училища – отличников и «хорошистов», закончивших 7-й класс обычной школы или школу-семилетку.

Инициатива по созданию учебных заведений подобного рода принадлежала генерал-лейтенанту Красной армии А.А. Игнатьеву, предложившему И.В. Сталину в 1943 г. создать своего рода «советский кадетский корпус». В качестве обоснования целесообразности воссоздания таких корпусов, получивших название суворовских училищ, широко цитируется тезис А.А. Игнатьева о необходимости привития вкуса к военной службе для будущих офицеров с детских лет¹.

Вторая половина 1943 г. ознаменовалась большими победами Красной армии в Курской битве и началом освобождения Украины. 21 августа 1943 г. является годовщиной создания СВУ. Выпущенное в этот день постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) содержало пункт о создании 9 училищ по 500 воспитанников в каждом «типа старых кадетских корпусов»². Программные задачи новых училищ были изложены в вышедшей 25 августа статье в «Красной звезде» начальника соответствующего управления РККА³.

За постановлением последовала директива Генерального штаба Красной армии⁴. В ней детализировался организационный процесс формирования системы СВУ и давались соответствующие поручения различным органам власти. Следует отметить, что поручения эти предполагалось выполнить в весьма короткие сроки. Так, Народному комиссариату обороны СССР предписывалось к 20 ноября того же 1943 г. сформировать девять суворовских военных училищ и изыскать для них офицеров-педагогов [Кунц, Владимиров: 49–61]. В каждом училище следовало создать педагогический совет, куда входили «собственно начальник училища (председатель), его заместители, начальник медицинской службы, командиры рот, старшие преподаватели, помощники начальников политического и учебного отделов» [Саханский: 4].

Записка ГУ кадров НКО СССР (Голикова, Морозова) о ходе формирования суворовских училищ

Таблица 1

**Справка об образовательном цензе офицерского состава,
назначенного в Суворовские военные училища (по состоянию на 1 ноября 1943 г.)⁵**

Наименование должностей	Назначено офицеров	По образованию:		
		высшее педагогическое	среднее педагогическое	общее среднее и опыт пед. работы в военных училищах
1. Заместитель начальника училища	9	9	—	—
2. Помощник начальника учебного отдела	9	7	2	—
3. Начальник физподготовки	9	7	2	—
4. Старший преподаватель	36	31	4	1
5. Командир роты	36	5	14	17
6. Начальник приготовительного класса	18	8	4	6
7. Офицер-воспитатель	180	43	99	38
Итого	297	110	125	62

от 5 ноября 1943 г. содержит материалы, свидетельствующие о значительных успехах в вопросе кадрового обеспечения СВУ. В частности, дана следующая справка (табл. 1).

В той же записке отмечались основные проблемы, с которыми сталкивались СВУ: нехватка стройматериалов для ремонта зданий училищ; неудачное расположение некоторых училищ; «минимально необходимое» обеспечение СВУ казарменным инвентарем, классной мебелью и столовой посудой. В то же время приоритетом являлось обеспечение воспитанников питанием (в записке указано, что необходимым запасом продуктов училища обеспечены), обмундированием, обувью, бельем, постельными принадлежностями (обеспечение воспитанников по этим статьям было даже лучше, чем обеспечение преподавателей), учебниками⁶.

25 апреля 1944 г. на имя И.В. Сталина было направлено письмо начальника Главного управления кадров Наркомата обороны генерал-полковника Голикова и начальника управления вузов генерал-лейтенанта Морозова. В нем констатировалось, что созданные в 1943 г. первые девять суворовских училищ «успешно справляются с поставленными задачами и целиком себя оправдывают». При этом указывалось, что они рассчитаны только на 4,5 тыс. воспитанников, хотя официально зарегистрированных заявлений от желающих в них учиться насчитывалось уже свыше 30 тыс. Это число продолжало расти, и к моменту подготовки письма имелось уже более 16 тыс. заявлений на поступление в одно только Калининское СВУ. В связи с этим в письме содержалось предложение открыть дополнительно училища в Москве, Ленинграде, Киеве, Ярославле, на Урале и в Сибири — в «пунктах», где проживало «большое количество семей погибших военнослужащих». Предлагалось принять во вновь образованные училища 3 тыс. воспитанников — «исключительно сыновей погиб-

ших в Отечественную войну генералов и офицеров Красной Армии»⁷. Для ускорения подготовки будущих офицеров предлагалось открыть в новых училищах сразу первые пять классов, без создания подготовительных классов.

4 июня 1944 г. Государственный комитет обороны постановил увеличить численность функционирующих на территории страны СВУ еще на шесть единиц. В соответствии с этим постановлением были открыты Горьковское (впоследствии — Московское), Казанское, Куйбышевское, Саратовское, Тамбовское и Тульское училища⁸. 1944/45 учебный год ознаменовался активной работой уже 15 СВУ Наркомата обороны с семью с половиной тысячами воспитанников. Число училищ достигло максимального значения в 1953 г., когда 35 офицеров из различных СВУ страны было направлено в Минск для формирования Минского СВУ [Кунц, Смирнов: 324].

В 1943 г. было принято решение о создании также первого нахимовского военно-морского училища (НВМУ), которое, будучи рассчитано на шестьсот воспитанников при восьмилетнем сроке обучения (на один год больше, чем в СВУ), начало свою работу в Тбилиси в 1944 г. (приказ Наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова от 16 октября 1943 г. № 0785)⁹. Отбор в НВМУ был жестким — к поступлению допускались мальчики не младше 10 лет и имеющие начальное образование на уровне двух полных классов. В течение двух последующих лет были созданы также Ленинградское и Рижское НВМУ¹⁰.

Что касается суворовских училищ, процесс их формирования шел одновременно и в системе НКВД, соответствующее постановление СНК № 946 вышло уже 4 сентября 1943 г. Через три недели, 27 сентября, нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия издал приказ № 605¹¹, на основании которого в Кутаиси и Ташкенте создавались СВУ НКВД (КСВУ и ТКСВУ соответственно), их работа должна была начаться со-

гласно приказу уже 20 ноября того же года. В 1946 г. Кутаисское училище стало Ленинградским, через некоторое время Ленинградским суворовским пограничным военным училищем [Горохов: 86]. Задачи подготовки воспитанников были сформулированы в трех основных положениях:

«1. Воспитать и подготовить к военной службе в офицерском звании детей офицерского состава войск и органов НКВД и НКГБ СССР и дать им общее среднее образование.

2. Воспитать будущих советских офицеров в духе пламенного патриотизма, любви и беспредельной преданности Родине – Союзу Советских Социалистических республик.

3. Воспитать всесторонне развитых, культурных, обладающих высоким чувством личной, профессиональной и политической чести людей на основании глубокого уважения к героическому прошлому советского народа и его воинским и чекистским традициям»¹².

Предполагалось набрать воспитанников шести возрастов, в КСВУ – в основном из республик Закавказья, Москвы и центральной России, в ТСВУ – из восточной части страны, а также из Средней Азии. Преподаватели, воспитатели и администраторы – офицеры СВУ НКВД – были хорошо подготовленными выпускниками военно-учебных заведений: «14 % офицеров имели высшее общее образование, 60 % офицеров имело среднее образование и лишь 6 % имели неполное среднее образование, но при этом 28 % офицеров имели педагогическое образование» [Путинцев: 511].

В 1943 г. в СВУ НКВД числилось более 1100 человек [Проценко: 73], и в последующие годы эта цифра увеличивалась. В 1945/46 учебном году их было уже 1251, из них почти 30 % составляли дети погибших на войне родителей. Кроме 29 воспитанников (детей родителей «прочих категорий»), почти все были на этот год детьми офицеров и генералов органов госбезопасности (22 чел.)¹³.

Параллельно выстраивалась система управления СВУ. Ее ключевым элементом стало Управление военно-учебными заведениями (УВУЗ) наркомата обороны (впоследствии – Министерства вооруженных сил), в котором был создан специальный отдел, курировавший именно СВУ. Этот отдел не только осуществлял общее руководство СВУ, но и разрабатывал учебные и воспитательные программы, курировал вопросы кадрового обеспечения, контролировал учебно-воспитательный процесс в целом и соблюдение дисциплины в частности¹⁴. Особенно интенсивным был контроль в первый год функционирования первых девяти СВУ. В тот год офицеры 5-го отдела (отдел СВУ) УВУЗ ГУК НКО провели 35 инспекций. Контроль был направлен не только (и, может быть, даже не столько) на выявление каких-то нарушений,

сколько на обеспечение прогресса в учебной и воспитательной работе, для чего организовывались специальные инструкторские и методические занятия с персоналом, непосредственно занятым в такой работе. Большое внимание уделялось развитию механизмов обмена опытом. Еще одним важнейшим элементом иерархии управления СВУ являлись отделы военно-учебных заведений при штабах военных округов, чьи задачи были весьма разносторонними – от материально-технического обеспечения СВУ до контроля над морально-идеологическим состоянием коллектива. Особое внимание уделялось профессиональным качествам преподавателей СВУ¹⁵.

Практический опыт повседневной жизни СВУ быстро выявлял лакуны и проблемы в регламентации деятельности училищ. Их довольно оперативно удавалось решать путем обновления документов. Кроме того, несколько менялись и учебно-воспитательные задачи СВУ. В сентябре 1950 г. заместителем военного министра СССР утверждено новое «Положение о Суворовских военных училищах»¹⁶; была изменена возрастная планка, устанавливаемая для поступающих (за время существования СВУ она изменялась не единожды). Кроме того, уточнялись должностные обязанности сотрудников СВУ. Одновременно с этим Положением вступили в силу и новые правила внутреннего распорядка¹⁷.

В начальный период развития СВУ некоторые представители армейского руководства СССР выступили с инициативой существенно расширить сеть училищ и на порядок увеличить численность принимаемых в них мальчиков. Отметим, что социальная миссия СВУ в 1945 г. также была еще весьма актуальной. Известно, что начальники ГУК НКО СССР и УВУЗ ГУК НКО СССР в начале 1945 г. предлагали открыть к 1 сентября 1945 г. еще шесть суворовских военных училищ. В качестве обоснования этой инициативы они указывали на тот факт, что уже созданные училища физически не могли принять всех достойных. Аналогичная просьба была направлена теми же авторами в 1946 г. относительно еще 11 СВУ. Их предлагалось открыть в зданиях, ранее принадлежавших кадетским корпусам России.

Однако оба эти предложения реализовать не удалось, они фактически были оставлены без внимания. Это можно объяснить тяжелым социально-экономическим положением страны, только что победившей в страшной войне и не имеющей возможности содержать СВУ в большом количестве. Их обеспечение должно было поддерживаться на заметно более высоком уровне, нежели обеспечение обычных общеобразовательных учреждений, и это влекло за собой существенные расходы. Однако существовало и еще одно обстоятельство, которое могло сыграть роль как минимум не меньшую, чем финансовые соображения:

в это время шло второе за советский период (после Гражданской войны) масштабное сокращение Вооруженных сил. С 1945 по 1948 г. из Красной армии было демобилизовано 7,26 млн солдат и 1,24 млн офицеров, численность военнослужащих снизилась с 11,37 млн до 2,86 млн человек [Градосельский: 71–75]. Соответственно, сократилась потребность армии в поступлении новых кадров, в том числе подготовленных СВУ.

В основе подготовки будущих офицеров лежал принцип единства обучения и воспитания на основе формирования целостности идеологической основы образования, с учетом, прежде всего, исторической его составляющей [Орчакова, Рябов: 18–21; Шепет: 125–131]. Уместно напомнить о возвращении патриотизма и, до некоторой степени, даже «имперскости» в советскую культурно-идеологическую жизнь, при этом СВУ стали не просто проявлением данного процесса, а одним из его символов. Если в 1920-е и в начале 1930-х гг. имела тенденция на зримое размежевание со «старым режимом» в вопросах воспитания подрастающих поколений и исторических оценок прошлого страны, то в конце тридцатых явно обозначился поворот к поиску и нахождению преемственности исторических традиций государственности. Это ярко проявилось в патриотической риторике и практике военно- и гражданско-патриотического воспитания уже в начале Великой Отечественной войны. В этом отношении создание СВУ как «реинкарнации» института кадетских корпусов стало ярким проявлением, своего рода вершиной нового патриотического курса советской власти. Отметим, что изначальный вариант постановления предусматривал именование училищ в честь И.В. Сталина, однако сам лидер СССР не утвердил это предложение, и училища получили наименование «суворовские». С 1934 г. в преподавании истории А.В. Суворов снова становится признанным национальным героем, а незадолго до учреждения СВУ, в 1942 г. был учрежден полководческий орден Суворова трёх степеней.

СВУ и образовательная система страны в целом стали наиболее яркой сферой национально-патриотического поворота в советской идеологии. Практически одновременно с созданием СВУ постановлением Совета народных комиссаров СССР № 789 от 16 июля 1943 г. было введено раздельное обучение в общеобразовательных учреждениях (школах) столиц, административных центров и крупных городов¹⁸. Эксперимент продлился до конца «сталинской эпохи» и уже в 1954 г. был прекращен. Однако само его проведение было ярким отражением стремления к преемственности многих дореволюционных традиций.

В.М. Лобзаров характеризует 1930–50-е гг. как «устойчиво-антиэлитный» период в развитии образования (в первую очередь общего). Это было связано с тотальным переходом к одновариантной шко-

ле с единообразными уроками, учительской позицией, воспитательными приемами [Лобзаров: § 4.2]. С другой стороны, сам же В.М. Лобзаров говорит о том, что такая школа, будучи по своему характеру массовой, все же пыталась воспроизвести педагогические и воспитательные приемы классической дореволюционной гимназии, как бы «масштабируя» элитное (по существу – элитарное) образование имперской России на всех школьников России советской. Вместе с тем совершенно очевидно, что СВУ, насыщенные наиболее подготовленными кадрами офицеров и педагогов, обеспеченные материальными ресурсами, проводящие довольно жесткий отбор при поступлении и имеющие расширенную (по сравнению с обычной школой) программу уже можно смело назвать элитными учебными заведениями, что приводит к целесообразности уточнения периодизации развития отечественного образования советского периода.

Говоря о воспроизводстве военной элиты государства, нельзя не отметить, что офицерство в целом – наделенная особой ответственностью социальная группа со сформировавшимся и воспроизводящимся в поколениях Кодексом чести [Орчакова, Рябов: 18–21], от которой требуется выполнение особых по своей сложности задач. Как техническое, так и гуманитарное образование будущей военной элиты должно быть на каждом этапе наиболее современным, включающим инновационные технологии, формирующим разностороннюю личность, а не бездумного исполнителя. В литературе подчеркивается, что именно образование будущих офицеров, его достоинства и недостатки могли играть ключевую роль в судьбе страны [Сафонов]. С учетом этих соображений важно подчеркнуть, что формирование СВУ не только проистекало из необходимости воспитания и обучения в интернатах многочисленных детей, оставшихся без попечения родителей, но и представляло собой новацию в отечественном военном образовании. Появление СВУ политически и идеологически было обусловлено необходимостью восстановления исторических традиций подготовки офицерских кадров.

Примечание

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 224. Л. 14–15.

² О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации: постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) № 901 от 21 августа 1943 г. // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 217.

³ Суворовские военные училища: Беседа с начальником Управления военно-учебных заведений Красной Армии генерал-лейтенантом В.И. Морозовым // Красная звезда. 1943. 25 авг. № 200 (5571).

⁴ Директива Генерального штаба Красной Армии от 27 августа 1943 г. за № орг/7/13865/с // Кадеты Рос-

сии: энциклопедия кадетского воспитания и образования. URL: http://www.ruscadet.ru/history/sms_nmns/common/enter.htm (дата обращения: 1.08.2023).

⁵ Записка ГУ кадров НКО СССР (Голикова, Морозова) о ходе формирования суворовских училищ: справка, 5 ноября 1943 г. // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 50. Ед. хр. 224. Д. 34 А 10-е. Л. 39.

⁶ Там же. Л. 36.

⁷ Записка ГУК НКО СССР (Голикова, Морозова) о необходимости дополнительно открыть в 1944 году шесть суворовских военных училищ. 25 апреля 1944 г. / РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Ед. хр. 224. Д. 34 А 10-е. Л. 40.

⁸ Об организации шести суворовских военных училищ: постановление Государственного комитета обороны № ГОКО-6002 от 4 июня 1944 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 261.

⁹ Об организации Нахимовского военно-морского подготовительного училища: приказ Наркома ВМФ Союза ССР № 0785 от 16 октября 1943 г. // ЦВМА. Ф. 79. Д. 39821. Л. 70–72.

¹⁰ О Нахимовских военно-морских училищах: постановление СНК СССР № 745 от 21 июня 1944 г. // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 229.

¹¹ Приказ Народного комиссара внутренних дел № 605 от 27 сентября 1943 года // ГАРФ. Ф. Р9401. Оп. 1. Д. 150.

¹² ГАРФ. Ф. Р9422. Оп. 1. Д. 53. Л. 3.

¹³ ГАРФ. Ф. Р9401. Оп. 1. Д. 150.

¹⁴ ФЦАМОРФ. Ф. 50. Оп. 754. Л. 3.

¹⁵ ФЦАМОРФ. Ф. 50. Оп. 754. Л. 3–4.

¹⁶ СССР. Управление высших учебных заведений СВ: положение о Суворовском военном училище: утв. 8 сентября 1950 г. Москва: Тип. газ. «Красный Воин», 1950. 14 с.

¹⁷ СССР. Управление высших учебных заведений СВ: Правила внутреннего распорядка суворовских военных училищ и обязанности суворовцев. Москва: [б. и.], 1950. 14 с.

¹⁸ О введении раздельного обучения мальчиков и девочек в 1943/44 учебном году в неполных средних и средних школах областных, краевых городов, столичных центров союзных и автономных республик и крупных промышленных городов: Постановление СНК СССР № 789 от 16 июля 1943 г. // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 216.

Список литературы

Белгородский В.С., Дембицкий С.Г., Околотин В.С. О реализации Народным комиссариатом легкой промышленности СССР постановлений Государственного комитета обороны во втором полугодии 1941 года // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 2. С. 30–39.

Волкова Е.Ю., Волков Г.Ю. Работа промышленных предприятий Костромы в годы Великой Отечественной войны: трудности и пути их преодоления // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 1. С. 161–167.

Горохов Н.А. Идеологическая работа КПСС в Советской Армии в годы Великой Отечественной войны. Москва: Высшая школа, 1985, 119 с.

Градосельский В.В. От парада Победы – к демобилизации Красной Армии // Военно-исторический журнал. 2002. № 5. С. 71–75.

Кунц Н.З., Владимиров А.И. Становление и развитие суворовских военных и нахимовских военно-морских училищ // Академический военный журнал. 2015. № 3 (7). С. 49–61.

Кунц Н.З., Смирнов Н.И., Белозеров В.И. Минское СВУ и кадетское братство. Москва: 4-й филиал Военно-издата, 2004, 352 с.

Лобзаров В.М. Развитие элитного общего образования в России XVIII–XX веков: дис. ... д-ра пед. наук / Ин-т теории и истории педагогики РАО. Москва, 2009. 383 с.

Околотин В.С. Мобилизация и призыв военнообязанных в Ивановской области в 1943 г. // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 4. С. 25–33.

Околотин В.С., Балахонова М.А. Роль Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР в организации деятельности вузов в годы Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 1. С. 151–160.

Орчакова Л.Г. Концептуальные основы и инновационность гуманитарного образования в современной высшей школе // Философские исследования и современность: сб. науч. трудов / под ред. С.Р. Аблеева, П.П. Марчени. Москва: ИПЛ, 2021. Вып. 10. С. 116–120.

Орчакова Л.Г., Рябов В.В. Российское офицерство: особенности формирования культуры // Преподавание истории в школе. 2020. № 4. С. 18–21.

Проценко Е.Д., Байкеев Е.В. Деятельность военно-учебных заведений войск НКВД по подготовке офицерских кадров в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2. С. 72–75.

Путинцев А.В. Опыт организации военно-патриотического воспитания в суворовских военных училищах НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Молодой ученый. 2020. № 23 (313). С. 508–513.

Сафонов И.А. История зарождения военного образования // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2015. № 9 (49). С. 75–81.

Саханский Н.Б. На службе Отечеству // Управление образованием: теория и практика. 2013. № 2 (10). С. 1–18.

Шенет А.В. Роль исторического сознания в воспитании патриотизма у суворовцев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 8-1. С. 125–131.

References

Belgorodsky V.S., Dembitsky S.G., Okolotin V.S. *O realizacii Narodnym komissariatom legkoj promyshlennosti SSSR postanovlenij Gosudarstvennogo komiteta oborony vo vtorom polugodii 1941 goda* [On the implementation by the People's Commissariat of Light industry of the USSR of the resolutions of the State Defence Committee in the 2nd half of 1941]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2024, vol. 30, no. 2, pp. 30–39.

Gorokhov N.A. *Ideologicheskaja rabota KPSS v Sovetskoj Armii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Ideological work of the CPSU in the Soviet Army during the Great Patriotic War]. Moscow, Higher School Publ., 1985, 119 p. (In Russ.)

Gradoselsky V.V. *Ot parada Pobedy – k demobilizacii Krasnoj Armii* [From the Victory Parade to the demobilization of the Red Army]. *Voenno-istoricheskij zhurnal* [Military Historical Journal], 2002, no. 5, pp. 71–75. (In Russ.)

Kunz N.Z., Vladimirov A.I. *Stanovlenie i razvitie suvorovskih voennyh i nahimovskih voenno-morskih uchilishh* [Formation and development of Suvorov military and Nakhimov naval schools]. *Akademicheskij voennyj zhurnal* [Academic military journal], 2015, no. 3 (7), pp. 49–61. (In Russ.)

Kunz N.Z., Smirnov N.I., Belozerov V.I. *Minskoe SVU i kadetskoe bratstvo* [Minsk IED and the cadet brotherhood]. Moscow, 4th branch of Voenizdat Publ., 2004, 352 p. (In Russ.)

Lobzarov V.M. *Razvitie elitnogo obshhego obrazovaniya v Rossii XVIII–XX vekov* [Development of elite general education in Russia in the 18th–20th centuries]: dis. ... Doctor of Pedagogical Sciences. Moscow, 2009, 383 p. (In Russ.)

Okolotin V.S. *Mobilizacija i prizyv voennoobjazannyh v Ivanovskoj oblasti v 1943 g.* [Mobilisation and conscription of military personnel in Ivanovo Region in 1943]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2024, vol. 30, no. 4, pp. 25–33. (In Russ.)

Okolotin V.S., Balakhonova M.A. *Rol' Vsesojuznogo komiteta po delam vysshej shkoly pri SNK SSSR v organizacii dejatel'nosti vuzov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1942 gg.)* [Role of the All-Union Committee for Higher School Affairs under the Council of People's Commissars of the USSR in organising the activities of higher education institutions during the Axis aggres-

sion repelling (1941–1942)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2025, vol. 31, no. 1, pp. 151–160. (In Russ.)

Orchakova L.G., Ryabov V.V. *Rossijskoe oficerstvo: osobennosti formirovanija kul'tury* [Russian officers: features of the formation of culture]. *Prepodavanie istorii v shkole* [Teaching history at school], 2020, no. 4, pp. 18–21. (In Russ.)

Protsenko E.D., Baikeev E.V. *Dejatel'nost' voenno-uchebnyh zavedenij vojsk NKVD po podgotovke oficer-skich kadrov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Activities of military educational institutions of the NKVD troops for the training of officers during the Great Patriotic War]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2005, no. 2, pp. 72–75.

Putintsev A.V. *Opyt organizacii voenno-patrioticheskogo vospitaniya v suvorovskih voennyh uchilishhah NKVD SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [Experience in organizing military-patriotic education in the Suvorov military schools of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945]. *Molodoj uchenyj* [Young scientist], 2020, no. 23 (313), pp. 508–513.

Safonov I.A. *Istorija zarozhdenija voennogo obrazovaniya* [History of the origin of military education]. *Aktual'nye voprosy obshchestvennyh nauk: sociologija, politologija, filosofija, istorija* [Current issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history], 2015, no. 9 (49), pp. 75–81.

Sakhansky N.B. *Na sluzhbe Otechestvu* [In the service of the Fatherland]. *Upravlenie obrazovaniem: teorija i praktika* [Educational management: theory and practice], 2013, no. 2 (10), pp. 1–18.

Shepet A.V. *Rol' istoricheskogo soznaniya v vospitanii patriotizma u suvorovcev* [The role of historical consciousness in instilling patriotism among Suvorovites]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2019, no. 8-1, pp. 125–131.

Volkova E.Y., Volkov G.Y. *Rabota promyshlennyh predpriyatij Kostromy v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: trudnosti i puti ih preodoleniya* [The work of industrial enterprises in Kostroma during the USSR participation in World War II: difficulties and ways to overcome them]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2025, vol. 31, no. 1, pp. 161–167. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.12.2024; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 05.05.2025.

The article was submitted 10.12.2024; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 05.05.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 162–171. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 162–171. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история

УДК 94(470)''1950/1980''

EDN VCMTHJ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-162-171>

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ РУССКОГО СЕВЕРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. В ОПТИКЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И ИНСТРУМЕНТАРИЯ

Столетова Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО Вологодская ГМХА, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», Вологда, Россия, Stoletowa-A-S@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2167-072X>

Аннотация. В статье анализируются историографические, источниковедческие и методологические возможности исследования общественного сознания в пространстве Русского Севера второй половины XX в. Цель и задачи проекта определяются разработкой проблемы истории российских трансформаций, повлекших послевоенное и дальнейшее зависящее от политико-экономических условий переформатирование уровней народного восприятия. Задачи состоят в исследовании факторов духовного и ментального перерождения и способствующих тому идеологических обстоятельств, а также в осмыслении опыта гражданского противостояния собственническим тенденциям, как правило исходящим от представителей властного сектора, руководителей и управленцев. Актуализируется тезис обусловленности постперестроечных событий, в том числе угасания сельской бытности, запустения деревень, моральной деградации и общего неблагополучия региона. Автор приходит к выводу, что обзор данных центральных и региональных архивов (источников личного происхождения, делопроизводственной документации, данных социологических исследований, статистики), периодической печати, художественной литературы в перспективе позволит выявить векторы эволюции, провести анализ базовых черт сознания населения Русского Севера, а также особенностей их идентичности в контексте общественных преобразований и общероссийских тенденций второй половины XX столетия.

Ключевые слова: Русский Север, общественное сознание, менталитет, мировоззрение, ценности, корпус источников, художественная литература, писатели-северяне, письма, социально-экономические трансформации.

Для цитирования: Столетова А.С. Общественное сознание Русского Севера второй половины XX в. в оптике исследовательского потенциала и инструментария // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 162–171. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-162-171>

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ «Векторы эволюции общественного сознания в историко-культурном пространстве Русского Севера второй половины XX века», проект № 25-28-00938

Research Article

PUBLIC CONSCIOUSNESS OF THE RUSSIAN NORTH IN THE 2ND HALF OF THE 20TH CENTURY IN THE PERSPECTIVE OF RESEARCH POTENTIAL AND TOOLS

Anna S. Stoletova, PhD in History, Vologda State Agricultural Academy, Vologda State University, Vologda, Russia, Stoletowa-A-S@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2167-072X>

Abstract. Historiographical, source study and methodological possibilities of observing public consciousness in the space of the Russian North in the 2nd half of the 20th century are analysed in the article. The project's goal and objectives are determined by development of the problem of the history of Russian transformations, which the post-war and further reformatting of the levels of popular perception, depending on political and economic conditions, entailed. The tasks consist in studying the factors of spiritual and mental rebirth and ideological circumstances that contributed to this, as well as in understanding the experience of civil opposition to proprietary tendencies with the latter, as a rule, coming from the government sector representatives, leaders and managers. The thesis of determinacy of post-Perestroika events, including extinction of rural life, desolation of villages, moral degradation and general ill-being of the region, is actualised. The author comes to the conclusion that reviewing data from central and regional archives (personal sources, office documentation, social survey data, statistics), reading periodicals and fiction will allow her identifying evolutionary vectors in the future, conducting analysis of the basic features of Northern Russian folkish consciousness, as well as the peculiarities of those features' identity in the context of social transformations and all-Russia trends of the 2nd half of the 20th century.

Keywords: Russian North, social consciousness, mentality, worldview, values, source housing, fiction, Northern writers, letters, socio-economic transformations.

For citation: Stoletova A.S. Public consciousness of the Russian North in the 2nd half of the 20th century in the perspective of research potential and tools. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 162–171 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-162-171>

Acknowledgments. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation “Vectors of the evolution of public consciousness in the historical and cultural space of the Russian North in the 2nd half of the 20th century”, project no. 25-28-00938

Исследование эволюции общественного сознания (поддержанное РНФ в конце 2024 г.) направлено на решение крупной научной проблемы, связанной с определением типов, черт, особенностей публичного поведения, ментальных свойств и мировоззренческих характеристик, а также влиявшего на ориентиры их вариаций устройства советского социума второй половины XX в. Специфика мировоззрения, ментальных установок и культурных норм населения Русского Севера обусловлена географической периферийностью, удаленностью и труднодоступностью территории, строгостью и аскетичностью жизненного уклада. Стратегии жизнедеятельности в регионе исторически формировались под воздействием характерных этнокультурных традиций, духовной мотивировки освоения пространств и христианского мировоззрения, религиозно-культурного уклада, консервативно-охранительного типа поведения и трудового опыта, приобретенного в условиях сурового климата. Это способствовало сложению уникальной картины мира, развитию уважения к природе, ритуализации повседневных действий, формированию нравственных ценностей и моральных принципов, волевых качеств и особого чувства юмора. В данной связи важной исследовательской задачей является определение причин модификаций традиционных мировоззренческих свойств, динамики «совершенствований» идеалов, этапов системных модуляций и развивающихся метаморфоз коллективного сознания, а также обозначения совокупности ценностных ориентаций, стереотипов и идеологем, сложившихся к перестрочному времени. Поэтому актуализируется изучение мировидения региональных социальных групп (сельских тружеников, представителей региональной власти, интеллигенции, литературных деятелей, городских обывателей) и истории повседневности их жизни. При этом одним из ключевых аспектов обследования выступает оценка разными уровнями народного сознания общественных реформирований второй половины XX в.

Предваряя описание историографического и историко-культурного комплексов, а также размышления о методологических подходах, отметим, что научные изыскания должны и будут соприкасаться с анализом динамики экономической, политико-правовой, социокультурной эволюции (социокультурный метод), ох-

ватывающей положение сельского и производственного контингента. Трансформации институтов власти, собственности и семьи во второй половине XX в. стали ведущим фактором развития российского общества, повлекшим, в частности, существенную перестройку народного сознания. Социум 1990-х гг. радикально отличался от общества 1950-х гг. в первую очередь распространением стремления к личному обогащению и подъемом частной инициативы. Это время, когда произошел колоссальный промышленный шаг, сдвиг во владельческих отношениях. Формировались новые устои жизни, тренды и представления, менялись повседневные практики и обиход хозяйственной системы, переосмысливались традиции. Самосознание социальных групп (от крестьянства до управленцев) приобретало черты, соответствующие индустриальной эпохе, и адаптировалось к индивидуалистским реалиям. Поэтому проблематика, касающаяся изучения суждений населения, базирующихся на анализе явлений накопительства и последовавшего общественного размежевания, является особенно важной для нас.

Северные регионы страны не остались в стороне от данных процессов, но отличались своеобразностью их прохождения. Мастера художественного слова одними из первых улавливали нравственные маневры. Тонко чувствующая ментально-мировоззренческие перевоплощения литературная элита создавала серии произведений, обращенные к реальным потребностям и фактам насущного дня. Ввиду того, что отрасль сельского хозяйства развивалась на Севере отставшими темпами, а спектр крестьянских знаний, архаика быта и тип крестьянской жизни постепенно угасали (что сильно беспокоило региональных писателей, являвшихся выходцами из деревни, «корнями» с ней связанных), свой взлет испытывала деревенская тематика. В данной связи крайне важным считаем рассмотрение такого весомого аспекта, как восприятие литературной агломерацией меняющихся черт производственной и деревенской бытности Русского Севера, а также анализ публичной реакции на литературный и социально значимый труд писателей. При этом учет противоречий, возникающих между властью и социумом, в том числе властью и художественной интеллигенцией, позволит комплексно оценить искомую проблему и выявить век-

торы эволюции общественного сознания, характерные для всей России, но со специфическими чертами для Русского Севера. Кроме того, станет возможным обоснование исторических закономерностей, предтечи событий 1990-х гг., духовного кризиса, падения авторитетов, значения культурного потенциала, современного морального состояния нации, а также поиска маршрутов выхода из сформировавшегося коллапса.

Говоря о значимости и актуальности исследования, отметим, что в современной исторической науке лишь частично описаны истоки видоизменения жизненных идеалов, идеологии северных писателей, воздействие писательского труда на массовое сознание. Не всецело обработан и вовлечен в научный оборот корпус источников, возникший в литературном поле, в том числе письма, дневники, воспоминания. При этом ключевой вопрос о духовной мотивации северной когорты писателей локально обозначен, но не проработан органически. Между тем несформированность мнения об этом важном концепте снижает значение и ограничивает представление об активистском колорите деятелей, творцов и литераторов XX в.

Научное осмысление заявленной проблематики двигалось по нескольким направлениям: исследование общественного мнения, ценностных ориентаций и черт ментальности.

Начало изучения народных представлений в СССР было положено в 1950-е гг. Систематические социологические обследования в СССР начались с конца 1950-х – начала 1960-х гг. Они связаны с именами А.Г. Здравомыслова, В.Н. Шубкина, Б.А. Грушина, Ю.А. Левады, В.А. Ядова и др. М.Н. Руткевич, Н.И. Лапин и Т.И. Заславская внесли вклад в изучение ценностных ориентаций, подверженных влиянию социальных трансформаций. Согласно Б.А. Грушину, среди непреложных приоритетов населения находились интересы Родины и народа, за ними следовали возможности для интересной и творческой работы, а также высокие моральные стандарты. В число общечеловеческих ценностей он включал коллективизм, стремление к прогрессу, важность семьи, интернационализм и образование [Грушин]. Большую роль в дело социологических изысканий относительно жизнеощущений граждан внесли Институт конкретных социальных исследований (с 1988 г. – Институт социологии АН СССР), Центр изучения социокультурных изменений института философии РАН и Аналитический центр Юрия Левады и др. [Столетова 2019]. Влияние этнических отношений на социальную мобильность стало предметом изучения А.А. Сусоколова [Сто наций]. Высокий интерес к институту семьи и брака и их роли в формировании национального самосознания проявляли ученые-этнографы [Иванов; Жеребцов, Рогачев; Терентьева, Устинова; Лурье].

Как отмечалось ранее, изменение общественных ценностей тесно связано с социально-экономическим прогрессом. Примером, иллюстрирующим эту связь, является серия сборников, посвященных образу поведения, деятельности и жизненным норм советских людей [Советский образ жизни]. В данной связи примечательны работы о ценностном ряде, бытовом инакомыслии и нелегальных стратегиях жизнедеятельности [Щепанская; Твердюкова; Хазиев]. Начиная с 1990-х гг. усилилось научное внимание к исследованию коллективного сознания и психологических особенностей российского общества. Так, в рамках международной конференции «Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.)», проведенной в 1994 г. по инициативе академика-секретаря Отделения истории РАН И.Д. Ковальченко, рассматривалось влияние факторов, определявших мировоззрение крестьян, в том числе обсуждалась специфика воздействия власти, государства и землевладельцев [Менталитет]. Отметим также междисциплинарные комплексные проекты, трактующие особенности умонастроений россиян в разные эпохи и на основе конкретных данных [Ментальность россиян]. При этом выделим постулат А.И. Подберёзкина о становлении христианско-социалистического мировоззрения в XXI в. [Подберёзкин] и диссертацию М.Б. Молоткова о российском менталитете как факторе исторического выбора России [Молотков]. Говоря о современном научном этапе, обозначим тенденцию растущего интереса к разноплановой диагностике экономической ментальности русского человека [Балабанова; Барсукова; Шульгин; Захарова; Титова].

Развитие человеческого сознания и изменение живевосприятия можно проследить, изучая историю правящей элиты, выделяя социальные группы с их уникальными психологическими особенностями и экономическими интересами, а также анализируя растущее материальное неравенство между работниками и управленцами. В этой связи особый интерес представляют исследования, посвященные стандартам и стереотипам поведения, общественным настроениям [Шубин], а также труды, содержащие обзор практики использования служебного положения для обогащения и незаконной реализации прав собственности [Сельцер].

В региональном разрезе безусловный интерес представляют работы, касающиеся описания историко-культурного развития Севера и этнокультурной ситуации в границах данной территории [Власова; Пермиловская; Шабаева, Жеребцова, Журавлева]. Однако вопрос о социально-экономической динамике и трансформации коллективного сознания российского общества требует дальнейшей всеобъемлющей проработки, в том числе на региональном материале и в междисциплинарном аспекте. При этом перспек-

тивность изысканий определяется необходимостью конкретизации уровней народного восприятия действительности и социального поведения в хронологических рамках второй половины XX в.

Что касается источникового комплекса по трансформации менталитета, с нашей точки зрения, основные векторы наблюдений находятся в плоскости анализа материалов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)¹, наследия Российского государственного архива новейшей истории» (РГАНИ)² — писем граждан в газеты и центральные органы власти, адресуемых генеральному секретарю, президиуму партии, а также откликов на проекты ЦК КПСС. Магистральные события, происходящие в государстве и искомом северном регионе, влияли на колебания общественного мнения, и, соответственно, отражались в эпистолярном жанре. Основная часть документов — не введенные в научный оборот свидетельства разнородных злоупотреблений представителей власти: от начальников всевозможных производственных секторов и руководителей хозяйств до высокопоставленных лиц партии.

Русский Север во второй половине XX в. преимущественно представлял собой аграрно-крестьянскую среду. Как известно, проблема анализа народного мироощущения изначально (начиная с отмены крепостного права) стала предметом не научно-исторического, а литературно-общественного осмысления. Поэтому крайне важной задачей является обозначение роли писателей в формировании черт коллективного восприятия. Однако нужно также понимать, что во второй половине XX в. интерес к массовому сознанию успел переместиться в область политики и определялся идеологией. Многие из литераторов работали над «идейной переделкой и воспитанием трудящихся» по шаблонам социализма, определенная часть разделяла дух критического реализма. Стык этих противоречий и практик взаимодействия интересен с точки зрения анализа общественных идеалов, их выстраивания на основе отношения к популярным авторам. Такие писатели, как В.И. Белов³, Ф.А. Абрамов⁴, А.Я. Яшин⁵, В.П. Астафьев⁶, В.Г. Распутин⁷, получив огромный авторитет в народной среде, выступали самыми настоящими «печальниками», «заступниками» и «заботниками» земли русской. Поток корреспонденции к писателям-деревенщикам был огромен. Этот материал мало освоен исследователями. Кроме того, велико и публицистическое наследие авторов, текущая переписка между ними и с читателями.

Важнейшее значение представляют собой комплекты документов научных конференций, совещаний, анкетирования, редакций газет, отделений Союза писателей и т. д., сохраненных в Российском государственном архиве литературы и искус-

ства (РГАЛИ)⁸, Государственном архиве Вологодской области (ГАВО)⁹, Государственном архиве Архангельской области (ГАОО)¹⁰, Национальном архиве Республики Карелия¹¹ и др. Целесообразно обращение к ресурсам отдела рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ) и региональных архивов по сбору и анализу материалов, касающихся деятельности персоналий, общественных, религиозных и культурных организаций¹². Подспорьем в изучении проблематики послужат личные документы из частных собраний Центра «Прожито»¹³. Некоторые документы (например, краткие сведения об А.И. Твардовском, В.И. Белове) хранятся в электронном доступе архива фонда В.В. Иофе¹⁴.

Северные писатели уделяли внимание воспроизведению образов простого человека, хозяйственного руководителя, демонстрации обычаев крестьянской общности, трактовке понятий — труд, хозяйственность, духовность. Они же стали авторами романов-эпопей, охватывающих крупные исторические периоды 1940–70-х гг. Ценность таких произведений — описание повседневности и социально-экономической обыденности, норм поведения и устоев жизни, религиозной основы сознания и его национальной идентичности, психологических характеристик и мышления. В данной связи нельзя не упомянуть об очерке жизни русского, преимущественно северного, то есть самого исконного крестьянства в охвате веков — беловском «Ладе» [Димони]. Таким образом, вовлечение художественных текстов в научные изыскания, их интерпретация с точки зрения отражения особенностей народного восприятия, на наш взгляд, является актуальной категорией анализа.

Подчеркнем, что мы исходим из идеи воплощения в литературном творчестве единства духовности, народного бытия, традиционного крестьянского быта. Вместе с тем среди аспектов, охваченных реализацией научного поиска, выделим показатели полноты и цельности в рамках существующего цензурного режима и господства метода социалистического реализма описания движения советского общества, характеристики социального неравенства, потребительских стратегий (данное противоречие в настоящий момент исследуется через анализ материалов редакции журнала «Север» [Столетова 2025б; Столетова, Кушнерева 2025а], Северо-Западного книжного издательства и др.). Кроме того, в настоящее время ведутся разыскания относительно измерения понятия авторской интерпретации, ансамблей смыслов литературного творчества и роли писательского менталитета в функционировании государства [Столетова, Кушнерева 2025б], а также значения конструируемых властью идеалов, репутационной проблематики для формирования фундамента общественных взглядов. В дополнение будут использованы возмож-

ности материалов периодической печати, разнообразных опросов и обследований¹⁵. Эти документы дадут большой фактический материал, на который опирался процесс эволюции гражданского сознания.

Особое внимание при выполнении проекта будет уделено совершенствованию подхода работы с текстами. В основу научной деятельности будет заложено учтливое отношение к исторической обусловленности появления, источниковедческим особенностям материалов личного происхождения, а также осознание их информативности в плане описания социальной истории, картины мира, духа и ментальности времени, их значимости в обогащении исторического знания. Использование в исследовании историко-этнографического метода прочтения текстов (диалектизмов) создаст возможность демонстрации тесной взаимосвязи народного эпоса с жизненным опытом и переживаниями людей.

Добавим, что представление о самосознании населения Русского Севера дополняют делопроизводственные источники (например, организационно-распорядительные документы: директивные указания, доклады и докладные записки обкомов партии, протоколы заседаний органов обкомов, материалы сельсоветов, транслирующие ментальное размежевание социальных классов – имеются в виду противоречия между рядовыми тружениками и руководителями, представителями власти, партийной номенклатуры, злоупотребляющими властными полномочиями, что, например, транслируется в письмах и обращениях граждан в газету «Правда» и отделы ЦК КПСС¹⁶; отчетная информация органов власти, учреждений культуры, производственных организаций и др., свидетельствующая о показателях идеологической работы и проведении массовых мероприятий) и статистические материалы (например, данные редакций газет¹⁷, статистических сборников¹⁸, а также неопубликованных обследований с констатацией уровня образования, потребления, доходов и расходов рабочих и служащих народного хозяйства [Столетова 2025a]). Данная документация даст возможность исследовать комплекс представлений о вещном пространстве, предпочтений, связанных с образом жизни, характеристикой жизненных стратегий и приоритетов, а также проследить переходные процессы в отношении к власти.

Надзорные материалы (например, данные коллективных собраний и инспекторских проверок, организуемых по народным жалобам) дадут возможность реконструировать государственные задачи (за что поощряли, за что осуждали, что транслировали) и интерпретировать типы поведения людей. Анализ ресурсов по вопросам реализации властных полномочий со стороны руководителей и номенклатурных работников, освоению ими прав собственности, при-

своению имущества, получению дохода, в разы отличающегося от уровня рядового рабочего и служащего, позволит обозначить генерацию форм сознания. При этом через институциональный подход будут проанализированы механизмы контроля деятельности общественных и партийных организаций, а также их структура, сущностные характеристики. Использование системного метода обусловит формирование целостного, комплексного взгляда на сеть институтов, имеющих отношение к эволюции мировоззрения, а также определение связей между ними (в том числе Союз писателей, его отделения, писательские съезды, конференции, деятельность библиотек, клубов, комсомольских организаций, партийных ячеек и др.).

По нашему убеждению, введение в научный оборот вышеназванных источников позволит сформировать мнение о представлениях советских людей, живших в идеологической нише социалистического устройства общества. Тем не менее в ходе выполнения проекта (рассчитанного на 2025–2026 гг.) планируются дальнейшие разыскания в деле научного отбора документалистики по проблеме.

В завершение сказанного отметим, что научная значимость решения заявленной проблемы заключается в выявлении исторической закономерности событий начала 1990-х гг., обусловленности нравственного застоя, исчезновения деревень, запустения сельскохозяйственных угодий, депрессивного состояния региона. Данная тактика позволит конкретизировать отношения социума и власти, точки соприкосновения и основные противоречия между ними, а также обосновать современные ментальные свойства историческим прошлым, продемонстрировать как позитивные, так и отрицательные властные практики, влияющие на трансформацию коллективного восприятия, а также подчеркнуть идентичность сознания, его непреложные особенности и параметры.

Практическая значимость выполнения проекта определяется проблемами современного развития, в том числе поиском ресурсов для разработки концептуальной, объединяющей россиян идеи, что требует отдельного глубокого рассмотрения вопросов всестороннего эволюционирования российского общества.

Примечания

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ): Ф. Р-9477 – Комиссия государственного контроля Совета Министров СССР (1957–1962); Ф. Р-9527 – Комитет народного контроля СССР. Контрольная палата СССР (1962–1992); Ф. Р-9553 – Государственный комитет СССР по труду и социальным вопросам (Госкомтруд СССР). Министерство труда и социальных вопросов СССР (1955–1991); Ф. Р-9554 – Редакция журнала «Социалистический

труд» (1956–1991); Ф. Р-9595 – Научно-исследовательский институт труда государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам (1955–1991); Ф. Р-9425 – Главное управление по охране государственных тайн в печати при совете министров СССР (Главлит) (1922–1991); Ф. 10005 – Государственный комитет РСФСР по труду и социальным вопросам (1967–1990) и др.

² Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5 – Аппарат ЦК КПСС (1949–1991).

³ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. Р-5134; Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 889 – Белов, Василий Иванович.

⁴ Библиотека № 2 им. Федора Абрамова в Невском районе Санкт-Петербурга. Фонд Федора Абрамова.

⁵ РГБ. Ф. 647 – Яшин, Александр Яковлевич (1913–1965).

⁶ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 3326 – Астафьев Виктор Петрович (1924–2002); ГКБУ «Государственный архив Пермского края» Р-1659 – Астафьевы: Виктор Петрович, его жена, Мария Семеновна, 1928–2009; ГАВО. Ф. Р-5281 – Астафьевы В.П. и М.С.

⁷ РГБ. Ф. 914 – Распутин, Валентин Григорьевич (1937–2015).

⁸ РГАЛИ. Ф. 631 – Союз писателей СССР; Ф. 632 – Литературный институт им. А.М. Горького (Москва, 1933 – по настоящее время); Ф. 2329 – Министерство культуры СССР; Ф. 2938 – Союз писателей РСФСР.

⁹ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 309 – Управление по печати Вологодского облисполкома; Ф. 846 – Вологодское отделение Союза писателей РСФСР; Ф. П-4040 – Редакция газеты «Вологодский комсомолец» (1952–1990); Ф. 4692 – Вологодское областное книжное издательство; Ф. 4794 – Вологодский областной отдел культурно-просветительной работы (Облкультпросветотдел); Ф. 4795 – Вологодское областное управление культуры.

¹⁰ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 741 – Архангельская областная писательская организация Союза писателей РСФСР; Ф. Р-1099 – Государственное унитарное предприятие (ГУП) «Северо-Западное книжное издательство»; Ф. Р-3066 – Редакция архангельской областной газеты «Правда севера»; Ф. Р-5790 – Отдел культурно-просветительной работы при Архангельском облисполкоме; Ф. Р-5859 – Управление культуры Архангельского облисполкома; Ф. Р-5925 – Управление печати и массовой информации Архангельского облисполкома; Отдел документов социально-политической истории (ОДСПИ ГААО). Ф. П-4899 – Редакция газеты «Северный комсомолец», г. Архангельск.

¹¹ НАРК Ф. Р-1 – Редакция газеты «Трудовая жизнь» (1921–1991); Ф. Р-24 – Главлит КФССР (1938–

1955); Ф. Р-57 – Коллекция документов анкетирования сельских населенных пунктов КАССР (1981–1984); Ф. Р-2923 – Общероссийская общественная организация «Союз писателей России», Карельское региональное отделение (1934–2005).

¹² Например: ГАВО. Ф. Р-1735 – Малков Владимир Михайлович, журналист, заслуженный работник культуры РСФСР – (1918–1981); Ф. Р-5155 – Коллекция документов деятелей науки, образования, культуры и архивного дела. Город Вологда Вологодской области – ([1866] –); Ф. Р-5168 – Коллекция документов писателей-воложан; Ф. Р-5184 – Серова Наталья Сергеевна, журналист газеты «Красный Север», заслуженный работник культуры Российской Федерации – (1950–...) и т. д.

¹³ Центр «Прожито» Европейского университета в Санкт-Петербурге. URL: <https://prozhitto.org/> (дата обращения: 08.06.2025).

¹⁴ Электронный архив фонда Иоффе. URL: <https://arch2.ioffe.center/> (дата обращения: 08.06.2025).

¹⁵ Например: Газеты «Красный Север», «Вологодский комсомолец», «Правда Севера» и др.; в том числе анкеты делегатов конференций: Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. Р-953 – Мурманская региональная организация российского профсоюза работников культуры (1953 г. –), Ф. Р-1110 – Мурманская областная организация профсоюза работников народного образования и науки РФ (1957–), Ф. Р-1123 – Мурманская областная организация профсоюза работников строительства и промышленности строительных материалов РФ (1957–) и т. д.

¹⁶ РГАНИ. Ф. 5 – Центральный комитет КПСС; Ф. 11 – Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей; Ф. 100 – Подотдел писем Общего отдела ЦК КПСС (1953–1991).

¹⁷ Например, сведения и аналитические таблицы о поступлении и движении писем, заметок, статей, корреспонденций в редакцию газеты «Правда Севера» за разные годы: ГААО. Ф. 3066. Оп. 3. Д. 151, 223, 569, 615.

¹⁸ Народное хозяйство РСФСР: статистический ежегодник / ЦСУ при Совете Министров РСФСР. Москва: Статистика, 1957–1992; Культурное строительство РСФСР: Стат. сборник / ЦСУ РСФСР. Москва: Госстатиздат, 1958. 459 с.; РСФСР за 50 лет: Стат. сборник / ЦСУ при Совете Министров РСФСР. Москва: Статистика, 1967. 255 с.; Печать СССР в ...: Стат. сб. / Всесоюзная книжная палата. Москва: Финансы и статистика, 1981–1991.

Список литературы

Балабанова Е.С. Особенности российской экономической ментальности // Мир России. Социология. Этнология. 2001. Т. 10, № 3. С. 67–77.

Барсукова С.Ю. Неформальная экономика и система ценностей россиян // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 57–62.

Власова И.В. Народное сознание и культура севернорусского населения // Очерки русской народной культуры. Москва, 2009. С. 113–196.

Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. Москва: Политиздат, 1987. 368 с.

Димони Т.М. Лад и разлад (Творчество В.И. Белова как отражение трансформации российского социума) // Беловский сборник. Вологда: ВОУНБ, 2024. С. 17–24.

Жеребцов И.Л., Рогачев М.Б. Этнодемографическая ситуация в Коми крае (конец XIX века – 1980-е годы). Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1993. 28 с.

Захарова А.Н. Экономический менталитет в структуре российской полиментальности: анализ научной категории // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2012. № 3 (75). С. 74–81.

Иванов В.П. О некоторых этнографических аспектах изучения современной городской семьи Чувашской АССР // Современные этнические процессы в Чувашской АССР: труды / ред.: П.П. Фокин, А.П. Сидорова. Чебоксары: НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР, 1979. Вып. 94. С. 29–43.

Лурье С.В. Межнациональные браки как часть советского государственного сценария: социокультурный подход // Общественные науки и современность. 2018. № 3. С. 108–121. <https://doi.org/10.7868/S0869049918030085>.

Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы междунар. конф.; Москва, 14–15 июня 1994 г. / редкол.: В.П. Данилов, Л.В. Милов (отв. ред.) и др. Москва: Росспэн, 1996. 439 с.

Ментальность россиян: (Специфика сознания больших групп населения России) / под общ. ред. И.Г. Дубова. Москва: Имидж-контакт, 1997. 474 с.

Молотков М.Б. Российский менталитет как фактор исторического выбора России: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2007. 165 с.

Пермиловская А.Б. Русский Север в пространстве культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3-3 (9). С. 121–124.

Подберёзкин А.И. Русский путь. Москва: Изд-во АО «РАУ–Университет», 1999. 592 с.

Сельцер Д.Г. Политическая трансформация номенклатурной организации власти в России: субрегиональный уровень, 1985–2005 гг.: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Москва, 2007. 43 с.

Сельцер Д.Г. Региональная номенклатура КПСС: размышления о границах дозволенного // КПСС и но-

менклатура в советском обществе: материалы конференции. Пермь, 2007. URL: http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=33&pod3_id=209 (дата обращения: 08.06.2025).

Советский образ жизни. Состояние, мнение и оценки советских людей: сб. ст. / АН СССР, Ин-т социол. исслед., Сов. социол. ассоц.; отв. ред. И.Т. Левыкин, А.А. Возьмитель. Москва: ИСИ, 1984. 163 с.

Сто наций и народностей: этнодемографическое развитие СССР / сост. А.А. Сусоколов. Москва: Мысль, 1985. 104 с.

Столетова А.С. Материальные и культурно-бытовые особенности жизни рабочих начала 1950-х гг. (на основе обследования ВЦСПС за 1952–1953 гг. и региональных данных) // Вестник Вологодского государственного университета. Сер.: Исторические и филологические науки. 2025а. № 1 (36). С. 40–51.

Столетова А.С. Творчество писателей-вологжан в 1980-е гг.: «непоправимое чувство деревни», общественные настроения, ценности и конфликты (по материалам газеты «Красный Север») // Русский Север – 2025: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: сб. работ IX Всерос. науч. конф. / ред. А.М. Новосёлов, сост. и ред. О.В. Полоцкая. Вологда: Полиграф-Периодика, 2025б. С. 347–354.

Столетова А.С. Трансформация ценностей в российском обществе второй половины XX века: источники, подходы, исследовательские задачи // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2019. № 4. С. 23–31.

Столетова А.С., Кушнерева К.В. Задачи писателей-северян в контексте государственной идеологии второй половины XX века (идеалы и реалии) // Русский Север – 2025: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: сб. работ IX Всерос. науч. конф. / ред. А.М. Новосёлов, сост. и ред. О.В. Полоцкая. Вологда: Полиграф-Периодика, 2025а. С. 342–347.

Столетова А.С., Кушнерева К.В. Размышления северных писателей о ценностных сдвигах в сельском социуме второй половины XX века // Вестник Вологодского государственного университета. Сер.: Исторические и филологические науки. 2025б. № 2 (37). С. 27–33.

Сухарев А.В. Развитие русской ментальности. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 398 с.

Твердюкова Е.Д. Contradictio in adjecto: «буржуазные» ценности советской торговли 1950–1960-х гг. // Советский мегаполис: Ленинград в процессе модернизации: сб. ст. / Санкт-Петербургский институт истории РАН. Санкт-Петербург: Северная звезда, 2014. С. 152–187.

Терентьева Л.Н., Устинова М.Я. Межнациональные браки и их роль в этнических процессах

в СССР // Основные направления изучения национальных отношений в СССР. Москва: Наука, 1979. С. 216–245.

Тимова Е.И. Влияние национальной культуры хозяйствования на экономическую ментальность русского человека // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Философские науки. 2021. № 2. С. 70–75. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2021-2-70-75>.

Хазиев Р.А. «Культура советской торговли» эпохи Хрущева: виртуозы обвеса, обсчета и продажи «из под полы» // Вестник Башкирского университета. 2010. № 3. С. 884–891.

Шаббаев Ю.П., Жеребцов И.Л., Журавлев П.С. «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы // Мир России. 2012. № 4. С. 134–153.

Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917–1985 гг. Москва: РОССПЭН, 2000. 768 с.

Шульгин М.В. Менталитет, ценности и ментальные программы в экономическом поведении // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2009. № 2 (38). С. 146–151.

Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования системы, 1986–1989 гг. Санкт-Петербург: Наука, С.-Петерб. изд. фирма, 1993. 340 с.

References

Balabanova E.S. *Osobennosti rossiiskoi ekonomicheskoi mental'nosti* [Peculiarities of the Russian economic mentality]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [The World of Russia. Sociology. Ethnology], 2001, vol. 10, no. 3, pp. 67–77. (In Russ.)

Barsukova S.Iu. *Neformal'naia ekonomika i sistema tsennostei rossiian* [Informal Economy and the Value System of Russians]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological research], 2001, no. 1, pp. 57–62. (In Russ.)

Grushin B.A. *Massovoe soznanie: Opyt opredeleniia i problemy issledovaniia* [Mass Consciousness: An Experience of Definition and Research Problems]. Moscow, Politizdat Publ., 1987, 368 p. (In Russ.)

Dimoni T.M. *Lad i razlad (Tvorchestvo V.I. Belova kak otrazhenie transformatsii rossiiskogo sotsiuma)* [Harmony and Discord (The Works of V.I. Belov as a Reflection of the Transformation of Russian Society)]. *Belovskii sbornik*. [Belovsky collection]. Vologda, VOUNB Publ., 2024, pp. 17–24. (In Russ.)

Ivanov V.P. *O nekotorykh etnograficheskikh aspektakh izucheniia sovremennoi gorodskoi sem'i Chuvashskoi ASSR* [On some ethnographic aspects of the study of the modern urban family of the Chuvash ASSR]. *Sovremennye etnicheskie protsessy v Chuvashskoi ASSR: trudy* [Modern ethnic processes in the Chuvash ASSR: works], ed. by P.P. Fokin, A.P. Sidorova. Cheboksary, NII

IaLIE pri Sovete Ministrov Chuvashskoi ASSR Publ., 1979, vol. 94, pp. 29–43. (In Russ.)

Khaziev R.A. «*Kul'tura sovetskoi trgovli*» epokhi Khrushcheva: *virtuozы obvesa, obscheta i prodazhi «iz pod poly»* [“The Culture of Soviet Trade” in the Khrushchev Era: Virtuosos of Under-the-Counterfeiting, Under-the-Counter Fraud, and Under-the-Counter Sales]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 2010, no. 3, pp. 884–891. (In Russ.)

Lur'e S.V. *Mezhnatsional'nye braki kak chast' sovetskogo gosudarstvennogo stsenariia: sotsiokul'turnyi podkhod* [Interethnic marriages as part of the Soviet state scenario: a sociocultural approach]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2018, no. 3, pp. 108–121. <https://doi.org/10.7868/S0869049918030085>. (In Russ.)

Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX–XX vv.): materialy mezhdunar. konf.; Moscow, 14–15 iyunia 1994 g. [Mentality and agrarian development of Russia (19th–20th centuries): Proceedings of the international conference; Moscow, June 14–15, 1994], ed. by V.P. Danilov, L.V. Milov et al. Moscow, Rosspen Publ., 1996, 439 p. (In Russ.)

Mental'nost' rossiian: (Spetsifika soznaniia bol'shikh grupp naseleniia Rossii). [Mentality of Russians: (Specifics of consciousness of large groups of the population of Russia)], ed. by I.G. Dubov. Moscow, Imidzh-kontakt Publ., 1997, 474 p. (In Russ.)

Molotkov M.B. *Rossiiskii mentalitet kak faktor istoricheskogo vybora Rossii: dis. ... kand. filos. nauk* [Russian mentality as a factor in Russia's historical choice: diss. ... candidate of philosophical sciences]. Krasnoyarsk, 2007, 165 p. (In Russ.)

Permilovskaia A.B. *Russkii Sever v prostranstve kul'tury* [Russian North in the cultural space]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theoretical and practical issues], 2011, no. 3-3 (9), pp. 121–124. (In Russ.)

Podberezkin A.I. *Russkii put'* [Russian way]. Moscow, RAU–Universitet Publ.; 1999, 592 p. (In Russ.)

Sel'tser D.G. *Politicheskaiia transformatsiia nomenklaturnoi organizatsii vlasti v Rossii: subregional'nyi uroven', 1985–2005 gg.: avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk*. [Political transformation of the nomenclature organization of power in Russia: subregional level, 1985–2005: author's abstract. diss. ... doctor of political sciences]. Moscow, 2007, 43 p. (In Russ.)

Sel'tser D.G. *Regional'naia nomenklatura KPSS: razmyshleniia o granitsakh dozvolennogo* [Regional nomenclature of the CPSU: reflections on the boundaries of what is permitted]. *KPSS i nomenklatura v sovetskom obshchestve: materialy konferentsii* [The CPSU and the nomenclature in Soviet society: conference

materials]. Perm', 2007. URL: http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=33&pod3_id=209 (access date: 27.08.2017) (In Russ.)

Sovetskii obraz zhizni. Sostoianie, mnenie i otsenki sovetskikh liudei: sb. st. [Soviet way of life. Condition, opinion and assessments of Soviet people], AN SSSR, In-t sotsiol. issled., Sov. sotsiol. assots.; ed. by I.T. Levynkin, A.A. Voz'mitel'. Moscow, ISI Publ., 1984, 163 p. (In Russ.)

Sto natsii i narodnostei: etnodemograficheskoe razvitiie SSSR [One Hundred Nations and Nationalities: Ethnodemographic Development of the USSR], comp. A.A. Susokolov. Moscow, Mysl' Publ., 1985, 104 p. (In Russ.)

Stoletova A.S. *Material'nye i kul'turno-bytovye osobennosti zhizni rabochikh nachala 1950-kh gg. (na osnove obsledovaniia VTsSPS za 1952–1953 gg. i regional'nykh dannyykh)* [Material and cultural-everyday characteristics of workers' lives in the early 1950s (based on the All-Union Central Council of Trade Unions survey for 1952–1953 and regional data)]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki* [Bulletin of the Vologda State University. Ser.: Historical and Philological Sciences], 2025a, no. 1 (36), pp. 40–51. (In Russ.)

Stoletova A.S. *Tvorchestvo pisatelei-vologzhan v 1980-e gg.: «nepopravimoe chuvstvo derevni», obshchestvennye nastroyeniia, tsennosti i konflikty (po materialam gazety «Krasnyi Sever»)* [The Work of Vologda Writers in the 1980s: “The Irreparable Feeling of the Village,” Public Attitudes, Values, and Conflicts (Based on Materials from the Krasny Sever Newspaper)]. *Russkii Sever-2025: problemy izucheniia i sokhraneniia istoriko-kul'turnogo nasledii: sbornik rabot IX Vseros. nauch. konf.* [Russian North-2025: problems of studying and preserving historical and cultural heritage: collection of works of the IX All-Russian scientific conference], ed. by A.M. Novoselov, comp. by O.V. Polotskaia. Vologda, Poligraf-Periodika Publ., 2025b, pp. 347–354. (In Russ.)

Stoletova A.S. *Transformatsiia tsennostei v rossiiskom obshchestve vtoroi poloviny XX veka: istochniki, podkhody, issledovatel'skie zadachi* [Transformation of Values XX in Russian Society in the Second Half of the 20th Century: Sources, Approaches, Research Tasks]. *Novye istoricheskie perspektivy: ot Baltiki do Tikhogo okeana* [New Historical Perspectives: From the Baltic to the Pacific Ocean], 2019, no. 4, pp. 23–31. (In Russ.)

Stoletova A.S., Kushnereva K.V. *Zadachi pisatelei-severian v kontekste gosudarstvennoi ideologii vtoroi poloviny XX veka (idealy i realii)* [The tasks of northern writers in the context of the state ideology of the second half of the 20th century (ideals and realities)]. *Russkii Sever – 2025: problemy izucheniia i sokhraneniia istoriko-kul'turnogo nasledii: sb. rabot IX Vseros. nauch. konf.* [Russian North – 2025: problems of studying and

preserving historical and cultural heritage: collection of works of the IX All-Russian scientific conference], ed. by A.M. Novoselov, comp. by O.V. Polotskaia. Vologda, Poligraf-Periodika Publ., 2025a, pp. 342–347. (In Russ.)

Stoletova A.S., Kushnereva K.V. *Razmyshleniia severnykh pisatelei o tsennostnykh sdvigakh v sel'skom sotsiume vtoroi poloviny XX veka* [Reflections of Northern Writers on Value Shifts in Rural Society in the Second Half of the Twentieth Century]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoricheskie i filologicheskie nauki* [Bulletin of the Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences], 2025b, no. 2 (37), pp. 27–33. (In Russ.)

Sukharev A.V. *Razvitiie russkoi mental'nosti*. [Development of Russian mentality]. Moscow, Institut psikhologii RAN Publ., 2017, 398 p. (In Russ.)

Terent'eva L.N., Ustinova M.Ia. *Mezhnatsional'nye braki i ikh rol' v etnicheskikh protsessakh v SSSR* [Interethnic marriages and their role in ethnic processes in the USSR]. *Osnovnye napravleniia izucheniia natsional'nykh otnoshenii v SSSR* [Main directions of studying national relations in the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 216–245. (In Russ.)

Titova E.I. *Vliianie natsional'noi kul'tury khoziaistvovaniia na ekonomicheskuiu mental'nost' russkogo cheloveka* [The influence of national economic culture on the economic mentality of the Russian people]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow State Regional University. Ser.: Philosophical Sciences], 2021, no. 2, pp. 70–75. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2021-2-70-75>. (In Russ.)

Tverdiukova E.D. *Contradictio in adjecto: «burzhuaiznye» tsennosti sovetskoi trgovli 1950–1960-kh gg.* [Contradictio in adjecto: «буржуазные» ценности советской торговли 1950–1960-х гг.]. *Sovetskii megapolis: Leningrad v protsesse modernizatsii: Sbornik statei* [Soviet Metropolis: Leningrad in the Process of Modernization: Collection of Articles], Sankt-Peterburgskii institut istorii RAN. Sankt-Peterburg, Severnaia Zvezda Publ., 2014, pp. 152–187. (In Russ.)

Shabaev Iu.P., Zherebtsov I.L., Zhuravlev P.S. *«Russkii Sever»: kul'turnye granitsy i kul'turnye smysly* [“Russian North”: cultural boundaries and cultural meanings]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2012, no. 4, pp. 134–153. (In Russ.)

Shubin A.V. *Ot «zastoia» k reformam. SSSR v 1917–1985 gg.* [From “stagnation” to reforms. USSR in 1917–1985]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, 768 p. (In Russ.)

Shul'gin M.V. *Mentalitet, tsennosti i mental'nye programmy v ekonomicheskom povedenii* [Mentality, values and mental programs in economic behavior]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Technical University], 2009, no. 2 (38), pp. 146–151. (In Russ.)

Shchepanskaia T.B. *Simvolika molodezhnoi subkul'tury: Opyt etnograficheskogo issledovaniia sistemy, 1986–1989 gg.* [Symbolism of youth subculture: An experience of ethnographic research of the system, 1986–1989]. St. Petersburg, Nauka, S.-Peterb. izd. firma Publ., 1993, 340 p. (In Russ.)

Vlasova I.V. *Narodnoe soznanie i kul'tura severnorusskogo naseleniia* [National consciousness and culture of the northern Russian population]. *Ocherki russkoi narodnoi kul'tury* [Essays on Russian Folk Culture]. Moscow, 2009, pp. 113–196. (In Russ.)

Zakharova A.N. *Ekonomicheskii mentalitet v strukture rossiiskoi polimental'nosti: analiz nauchnoi kategorii* [Economic mentality in the structure of Russian polymentality: analysis of the scientific category]. *Vest-*

nik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ia. Iakovleva [Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev], 2012, no. 3 (75), pp. 74–81. (In Russ.)

Zherebtsov I.L., Rogachev M.B. *Etnodemograficheskaia situatsiia v Komi krae (konets XIX veka – 1980-e gody)*. [Ethnodemographic situation in the Komi region (late 19th century – 1980s)]. Syktyvkar, Komi NTs UrO RAN Publ., 1993, 28 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.06.2025; одобрена после рецензирования 15.07.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted 14.06.2025; approved after reviewing 15.07.2025; accepted for publication 16.07.2025.

«ЖИЗНЬ ЯЗЫКА»: ИЗ ПЕРЕПИСКИ С.И. ОЖЕГОВА 1930–1960-Х ГГ. (К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО)

Никитин Олег Викторович, доктор филологических наук, профессор, Государственный университет просвещения, Москва, Россия, olnikitin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Аннотация. В статье впервые публикуются ответы С.И. Ожегова на письма трудящихся по вопросам культуры речи, словоупотребления, произносительных норм и неизвестные письма С.И. Ожегова М.А. Цявловскому и Ф.П. Филина С.И. Ожегову. Первая часть статьи показывает лабораторию творческой мысли С.И. Ожегова, откликнувшегося на вопросы рядовых читателей «Словаря русского языка». Темы, поднятые ученым в ответах, остаются актуальными и в современной грамматической и речевой практике. Заметки С.И. Ожегова (1950–1960-е гг.) характеризуют его как филолога-интеллектуала, способного решать самые сложные проблемы коммуникации и жизни языка. Эпистолярный материал дополняет факты биографии и научной деятельности С.И. Ожегова в период его работы в Ленинграде и позднее, когда он руководил Сектором культуры русской речи Института русского языка АН СССР. Письмо С.И. Ожегова М.А. Цявловскому (1931) показательно тем, что свидетельствует об участии лингвиста в словарной и редакторской работе по подготовке собрания сочинений А.С. Пушкина. Переписка с Ф.П. Филиным (1963) освещает наиболее сложный период – 1960-е гг., когда С.И. Ожегова отстранили от руководства научной темой «Русский язык и советское общество». Доверительный тон письма Ф.П. Филина обусловлен давним знакомством коллег (они обращаются друг другу на «ты») и близостью филологических интересов (оба занимались словарной работой). Письма заслуживают внимания не только как факт истории лингвистики, но и показывают речевые портреты ученых, раскрывают их языковые личности, отражают социокультурную атмосферу того времени. Архивные материалы сопровождаются комментариями и небольшим вступлением. Практическое значение публикации состоит в использовании представленных данных для создания обзорно-аналитических статей и монографий по истории отечественного языкознания XX в., воссоздания достоверной летописи жизни Института русского языка в 1960-х гг. и как факт филологической и эпистолярной традиции с ее особой стилистикой и культурой делового общения.

Ключевые слова: история языкознания, С.И. Ожегов, эпистолярный, словарная практика, социолингвистика, культура делового общения.

Для цитирования: Никитин О.В. «Жизнь языка»: из переписки С.И. Ожегова 1930–1960-х гг. (к юбилею ученого) // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 172–177. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-172-177>

Research Article

“THE LIFE OF LANGUAGE”: S.I. OZHEGOV’S CORRESPONDENCE OF THE 1930–1960S (ON THE ANNIVERSARY OF THE SCIENTIST)

Oleg V. Nikitin, Doctor of Philological Sciences, Professor, Federal State University of Education, Moscow, Russia, olnikitin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Abstract. The answers of S.I. Ozhegov to the letters of people on the culture of speech, word usage, pronunciation norms and unknown letters from S.I. Ozhegov to M.A. Tsyavlovsky and F.P. Filin to S.I. Ozhegov published in the article for the first time. At the beginning of the article the laboratory of creative thought of S.I. Ozhegov, who responded to the questions of ordinary readers of the Dictionary of the Russian Language, is demonstrated. The topics raised by the scientist in the answers remain relevant in modern grammar and speech practice. S.I. Ozhegov’s notes (1950s–1960s) characterize him as an intellectual philologist capable of solving the most complex problems of communication and language life. Epistolary supplements the facts of S.I. Ozhegov’s biography and scientific activity during his work in Leningrad and later, when he headed the Department of Culture of the Russian Speech at the Institute of the Russian Language of the USSR Academy of Sciences.

The letter from S.I. Ozhegov to M.A. Tsyavlovsky (1931) is significant because it testifies to the linguist's participation in the dictionary and editorial work on the preparation of the collected writings by A.S. Pushkin. The correspondence with F.P. Filin (1963) highlights the most difficult period – the 1960s, when S.I. Ozhegov was removed from the leadership of the scientific topic “The Russian language and Soviet Society”. The confidential tone of F.P. Filin's letter is due to the long-standing acquaintance of colleagues (they address each other as “you”) and the proximity of philological interests (both were engaged in vocabulary work). The letters deserve attention not only as a fact of the history of linguistics, but also show the speech portraits of scientists, reveal their linguistic personalities, reflect the socio-cultural atmosphere of that time. The archive materials are accompanied by comments and a short introduction. The practical significance of the publication is to use the presented data to create review and analytical articles and monographs on the history of Russian linguistics in the 20th century, to recreate a reliable chronicle of the life of the Institute of the Russian Language in the 1960s and as a fact of the philological and epistolary tradition with its special style and culture of business communication.

Keywords: history of linguistics, S.I. Ozhegov, epistolary, vocabulary practice, sociolinguistics, culture of business communication.

For citation: Nikitin O.V. “The life of language”: S.I. Ozhegov's correspondence of the 1930–1960s (on the anniversary of the scientist). Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 172–177. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-172-177>

Эпистолярное наследие С.И. Ожегова представляет большой интерес для современных филологов, поскольку обнажает многие актуальные проблемы языковой практики. Именно *жизнь языка* в его разных ипостасях прежде всего интересовала Сергея Ивановича, хотя традиционно его имя называют в числе самых авторитетных лексикографов XX в. Заметим, что словарная работа – это определенный итог «лаборатории» С.И. Ожегова. Каждое слово, выражение, просторечный или профессиональный оборот речи, термин требовали пристального наблюдения над их бытованием не только в письменной речи, но и в устной. Поэтому С.И. Ожегов никогда не был категоричен в своих выводах и понимал, что человеческая речь меняется, она подвержена моде, испытывает влияние социальных факторов. В ней не действуют с математической точностью законы языка.

Особенно подвижными в XX в. оказались производные и стилистические нормы. То, что было правильным в начале столетия, уже в 1920-х гг. считалось устаревшим или утратившим свой исконный смысл (например, слово *товарищ* в значении «товарищ председателя» перестало употребляться). Сильное давление испытывала церковно-книжная лексика, которую официально воспринимали как пережиток прошлого и трактовали с негативных позиций. С начала 1920-х гг. в русскую речь и словарную практику стали активно входить аббревиатуры (*ВЧК*) и неологизмы (*буденовка*), которые постепенно меняли облик языка, приспособлявая его к более современному ритму новой эпохи [Ожегов 1962]. В программной статье «Основные черты развития русского языка в советскую эпоху» [Ожегов 1974б] ученый описал актуальные процессы в области функционирования слов и форм языка, что впоследствии было обобщено в проспекте и четырехтомной монографии «Русский язык и советское общество» [Русский язык... 1962; 1968].

Еще сложнее и неоднозначнее было с вопросами орфоэпии. То, что во времена С.И. Ожегова трактовалось как норма, впоследствии ушло в пассивный запас или вовсе было исключено из регулярной речи. Так, сейчас мы практически не услышим произношение типа *т'емп*, *эн'ергия* с мягкими согласными.

Эти и другие спорные вопросы С.И. Ожегов обсуждал в неформальных письмах-заметках, которые отправлял своим многочисленным читателям и просто любителям русского языка. В них разбирались и получали адекватную оценку нестандартные примеры и явления разговорной и литературной речи. Происходил своеобразный обмен мнениями между массовым читателем («народом») и ученым миром. С.И. Ожегов всегда внимательно прислушивался к голосу даже не очень грамотного, но интересующегося родной речью человека.

В архивной части публикуются два коротких письма, которые иллюстрируют нам будни ученого, говорят о круге его общения и интересов. Так, новым для исследователей творчества С.И. Ожегова может стать факт его сотрудничества с пушкинистами, в частности Б.В. Томашевским и М.А. Цявловским, и словарная работа над собранием сочинений А.С. Пушкина в 1930-е гг. Письмо Ф.П. Филина С.И. Ожегову примечательно тем, что показывает Сергея Ивановича как эксперта в области теории лексикографии, консультировавшего составителей БАС по поводу способа «подачи значений приставочных глаголов в большом академическом словаре». По сути, каждое такое письмо – небольшое открытие, погружение в мир живой науки и языковых экспериментов.

В заключение хочется отметить, что лингвистическое (а у больших ученых еще и *духовное*) наследие С.И. Ожегова стали активно изучать и пропагандировать, начиная с единственного пока сборника его трудов [Ожегов 1974а] и пособия для учащихся

«С.И. Ожегов» [Скворцов 1982], а затем продолжили осмыслять его идеи уже в XXI в., к 100-летию юбилею, когда вышла книга [Словарь и культура русской речи 2001], приуроченная к этому памяtnому событию. Именно в ней опубликованы неизвестные ранее письма и статьи С.И. Ожегова. За 25 лет было сделано немало, в том числе и нашими скромными усилиями, чтобы возвысить это имя, раскрыть личность Сергея Ивановича с разных сторон, осветить самые сложные и порой трагические события в его научной биографии. Но и сейчас мы вновь обращаемся к нему и ищем у С.И. Ожегова ответы на самые злободневные вопросы культуры речи, перечитывая классический восьмитомник [Вопросы культуры речи 1955–1967], обсуждаем изменения в семантике слов, правила правописания и произношения, стилистического и грамматического нормирования с опорой на его старые [Ашукин, Ожегов, Филиппов 1993; Ожегов 1964; Правильность русской речи 1962; Русское литературное произношение и ударение 1959] и новые [Ожегов 2012] словари и решаем вместе с ним очередные ребусы и тайны бескрайнего пространства русского языка, когда знакомимся с лаконичными, тонкими и в чем-то ироничными ответами на письма трудящихся.

Все это подпитывает и наш интерес к каламбурам XXI в., переворачивающим сложившиеся нормы, изобретающим свою неологию и порой отрицающим законы языка. Здесь высока ответственность лингвистики и в целом научной школы С.И. Ожегова, проповедовавшей культурные ценности, глубоко знавшей исторические традиции, обладавшей почти писательской интуицией словотворца. С.И. Ожегов умел мягко, в то же время убедительно доказывать, что такое хорошо и что такое плохо в языке. Он в метких и таких интересных замечаниях о словах как будто исповедовался перед читателем, размышлял вместе с ним, не подавляя своим авторитетом, и тем снискал огромное уважение многих, не знакомых с профессиональной лингвистикой людей.

С.И. Ожегов сыграл ключевую роль в популяризации лексикографии – сделал научные словари доступными буквально всем, обратил внимание даже своих оппонентов на необходимость проверки информации, использовании разных источников – проявлял уважение к читателям. Они, в свою очередь, вдохновляли ученого на новые поиски нестандартных решений, с которыми он щедро делился на страницах статей и архивных маргиналий, рассылая ответы по градам и весям... Значит, жизнь языка в том самом ОЖЕГОВСКОМ смысле продолжается, а с ней не угаснет и наша любовь к слову как источнику филологического творчества и духовному символу родной речи.

I. Ответы С.И. Ожегова на письма трудящихся

1. С.И. Ожегов – Варданашивили

[Москва]

Уважаемый т. Варданашивили!

Вы справедливо отметили, что слова дружеский и дружественный различны по значению. Первое соотносительно со словом *друг*, второе [–] со словом *дружба*. Второе употребляется, главным образом, в словосочетаниях, обозначающих общественные отношения. Конечно, встречаются и отклонения от правильного употребления, которые Вы отметили.

Известно русское слово *страда́* (на последнем слоге). От него могут быть прилагательные *страднóй* и *страднóй*. В русском литературном языке произносится *свёкла*, а не *свекла́*. Дикторы придерживаются именно этого произношения.

Проф. С. Ож<егов>

Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. № 139. Ответы С.И. Ожегова на письма трудящихся с просьбой объяснить правописание (1950–1960-е гг.). Без указания даты. Л. 57. Автограф синими чернилами на небольшом листке бумаги.

2. С.И. Ожегов – Галятину

[Москва]

Уважаемый тов. Галятин!

Радио вместе со всеми слушателями заботится о чистоте и правильности русского языка.

Конечно, нужно говорить *Казахстан*. Вряд ли иначе говорят дикторы центрального радио.

Для слова языки́ существует только одно ударение (на конце) и при обозначении человеческой речи [,] и при обозначении органа у животных.

В слове «дожди» можно произносить и долгое мягкое *ж'ж'* (*дож'ж'и*) и *дож'ди*.

В слове *оспаривать* должно произноситься именно а. Произношение с о – устарелое. Немецкие фамилии Пик и Больц, если они употребляются в русской речи [,] должны склоняться. И это правильно.

По радио произносят *темп*, *энергия*, *корреспондент* с мягкими согласными перед е. И это правильно. Русская речь в этих случаях не должна подчиняться иноязычному произношению.

Проф. С. Ожегов

Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. № 139. Лл. 74–74 об. Без указания даты. Автограф синими чернилами на небольшом листке бумаги.

3. С.И. Ожегов – В.З. Васильеву

[Москва, 1964 г.]

В.З. Васильеву

Уважаемый Виталий Захарович!

Мне переслали Ваше письмо от 16 января 1964 г. Многие люди всякое несогласие с их мнениями, в частности по вопросам языка¹ [,] воспринимают

как личную обиду. Жар в споре [–] хорошая вещь. Обида же появляется тогда, когда спорщик свои мнения считает непререкаемыми рекомендациями.

Вы спрашиваете, что это за понятие «литературная норма»? Если коротко сказать, это – конкретное осуществление «правил» языка в определенную эпоху развития языка. Но если «вгоняют» (это Ваше слово) в норму то, что противоречит «правилам», – это безнадежное дело.

Возьмем наш пример. В русском языке есть правило: согласные перед е произносятся мягко (*тесно*, *деньги*). В разные времена норма для произнесения заимствованных слов была разная (напр<имер> [,] старые заимствования из греческого произносились мягко: *тетрадь*). В XIX веке многие заимствования произносились на иностранный лад, с твердым согласным (*тэнт*). В современном языке норма колеблется. Большинство из них подчиняется «правилу» (*тема*, *темн*). Но отдельные слова сохраняются в старой норме (*антэнна*). Это жизнь языка и колебание норм по отношению к отдельным словам. Аналогично развивается норма и по отношению к словам типа *Шопен*, *концерт* (ср. правило: *вода* – «*вада*»).

Что касается вульгаризмов и неправильного стилистического использования явлений живой разговорной речи в неподходящих ситуациях – вполне с Вами согласен.

С. Ожег<ов>

Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. № 139. Лл. 78-78 об. Без указания даты. Автограф синими чернилами на небольшом листке бумаги.

4. С.И. Ожегов – Лямину

[Москва, 1962–1964 гг.]

Уважаемый тов. Лямин!

Тон желчного злопыхательства и обзывание балбесами тех, кто употребляет речевые обороты, которые Вам не нравятся, вряд ли является достаточным аргументом в споре. Язык развивается, появляются новые способы выражения, и старшему поколению новые способы кажутся дикими (Вы употребляете и это выражение). В известной книжке «Живой как жизнь» К.И. Чуковский² очень часто не соглашается с непривычными ему оборотами, но он очень мудро подходит к оценке нового, не решает с наскоку. Он не отвергает лично ему неприемлемые обороты, если он видит в них нечто³ рациональное, нужное для выражения каких-нибудь⁴ смысловых оттенков.

Вам не нравится оборот «в этой связи» вм<есто> «в связи с этим». В современной книжной речи различие между ними полностью не дифференцировалось. Поэтому очень часто употребление одного оборота вместо другого вызывает протест. Оборот «в связи с этим» употребляется обычно в начале предложения

для указания на непосредственную причинную связь последующего с ранее изложенным. Тогда как оборот «в этой⁵ связи» в современной книжной речи служит формулой перехода от одной мысли к другой, тесно связанной с предшествующей.

Ваши примеры перехода этого оборота намеренно⁶ безграмотны и не опорачивают (так в тексте. – О. Н.) той практики книжной речи, о которой я сказал выше (ср. об этом в книге «Правильность русской речи», изд. АН СССР, М., [.] 1962)⁷.

18 октября 1963 г.

Профессор С. Ожегов

Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. № 139. Лл. 84–84 об. Автограф синими чернилами на небольшом листке бумаги.

II. Из переписки С.И. Ожегова

1. С.И. Ожегов – М.А. Цявловскому⁸

15/X-31.

Многоуважаемый Мстислав Александрович!

Весной этого года по приглашению Бор<иса> Викт<оровича> Томашевского⁹ я написал ряд словарных статей для шестого тома соч<инений> Пушкина. Тогда же, приблизительно в апреле-мае, я передал их Б.В. [Томашевскому]. Мне хотелось бы знать о судьбе моего гонорара за них. Не откажите в любезности сообщить, когда я могу рассчитывать на получение его, а также, если Вас не затруднит, и размер его.

Серг. Ожегов

Мой адрес: Ленинград 20

Фонтанка[,] 144[,] кв. 109

Сергею Ив<ановичу> Ожегову

РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 1. № 132. Л. 1. Автограф зелеными чернилами на почтовой карточке¹⁰.

2. Ф.П. Филин¹¹ – С.И. Ожегову

3. IX. 63

Дорогой Сергей Иванович!

Ты обещал к 5 января прислать в письменном виде свое заключение о способе подачи значений приставочных глаголов в большом академическом словаре¹². Будь добр, поспеши, пожалуйста, прислать это заключение, т<ак> к<ак> без этого задерживается решение важного для нас вопроса.

Говорят, вышел 2й выпуск «Лексикогр<афического> сборника»¹³. Правда ли это? У нас в Л<енингра>де его нет.

Желаю всего наилучшего.

Ф.П. Филин

11.1.1958.

Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 2. № 160. Л. 1. Автограф синими чернилами на небольшом листке бумаги.

Примечания

¹ Фрагмент в частности по вопросам языка приписан над строкой.

² Имеется в виду популярная книга К.И. Чуковского «Живой как жизнь: разговор о русском языке», освещавшая проблемы культуры русской речи, канцелярита, особенности употребления слов в живой речи (см. первое издание: [Чуковский 1962]).

³ Далее в строке написано и зачеркнуто: не чуждое языку.

⁴ Постфикс *-то* зачеркнут, сверху написано: *нибудь*.

⁵ Слово приписано над строкой.

⁶ Слово приписано над строкой.

⁷ С.И. Ожегов упомянул первое издание словаря-справочника «Правильность русской речи: трудные случаи современного словоупотребления» [Правильность русской речи 1962].

⁸ Цявловский Мстислав Александрович (1883–1947) – литературовед, комментатор и редактор собраний сочинений А.С. Пушкина, исследователь рукописного наследия поэта.

⁹ Томашевский Борис Викторович (1890–1957) – теоретик литературы, текстолог, исследователь творчества А.С. Пушкина. В 1937–1949 гг. принимал участие в подготовке и редактировании академического «Полного собрания сочинений Пушкина».

¹⁰ На л. 1 об. адрес: Москва, 2. Новоколюшенин[.] д. 13[.] кв. 12[.] Мстиславу Александровичу Цявловскому. Судьба этой словарной работы неизвестна. По-видимому, материалы С.И. Ожегова так и не были использованы. В письме М.А. Цявловскому от 24 ноября 1931 г. С.И. Ожегов снова спрашивал о своих статьях.

¹¹ Филин Федот Петрович (1908–1982) – лингвист, член-корреспондент АН СССР; специалист по истории русского языка, диалектологии и лексикографии. В 1968–1982 гг. – директор Института русского языка АН СССР.

¹² Большой академический словарь (БАС) – Словарь современного русского литературного языка в 17 томах (М.; Л., 1948–1965).

¹³ Непериодическое издание «Лексикографический сборник» (в 6 выпусках, 1957–1963) издавалось при участии Научного совета по лексикологии и лексикографии АН СССР. Здесь имеется в виду выпуск 3 [Лексикографический сборник 1958].

Список литературы

Ашукин Н.С., Ожегов С.И., Филиппов В.А. Словарь к пьесам А.Н. Островского: репринтное издание. М.: Веста, 1993. 248 с.

Вопросы культуры речи: сб. ст. Вып. 1–8/ под ред. С.И. Ожегова. М.: Изд-во АН СССР, 1955–1967.

Лексикографический сборник. Вып. 3 / редколлегия: О.С. Ахманова (председатель) [и др.]. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. 191 с.

Ожегов С.И. Лексика // Русский язык и советское общество: Проспект / [Проспект составили С.И. Оже-

гов, И.А. Оссовецкий, М.В. Панов; Отв. ред. акад. С.К. Кенесбаев]; АН СССР. Институт русского языка. Алма-Ата: Академия наук Казахской ССР, 1962. С. 5–22.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: Около 53000 слов. 6-е изд., стер. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 900 с.

Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи: Учеб. пособие для вузов. М.: «Высшая школа», 1974а. 352 с.

Ожегов С.И. Основные черты развития русского языка в советскую эпоху // Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи: Учеб. пособие для вузов. М.: «Высшая школа», 1974б. С. 20–36.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: ООО «Издательство “Мир и Образование”»; ООО «Издательство Оникс», 2012. 1376 с.

Правильность русской речи: трудные случаи современного словоупотребления: опыт словаря-справочника / под ред. С.И. Ожегова; [сост.: Л.П. Крысин, Л.И. Скворцов при участии Н.И. Тарабасовой]; АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Издательство АН СССР, 1962. 184 с.

Русский язык и советское общество: Проспект / [Проспект составили С.И. Ожегов, И.А. Оссовецкий, М.В. Панов; Отв. ред. акад. С.К. Кенесбаев]; АН СССР. Институт русского языка. Алма-Ата: Академия наук Казахской ССР, 1962. 117 с.

Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование: В 4 кн. / Под ред. М.В. Панова. М.: Наука, 1968.

Русское литературное произношение и ударение: Словарь-справочник: Около 52 000 слов / Под ред. Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова. М.: ГИС, 1959. 709 с.

Скворцов Л.И. С.И. Ожегов: Пособие для учащихся. М.: Просвещение, 1982. 112 с.

Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М.: Индрик, 2001. 560 с.

Чуковский К.И. Живой как жизнь: Разговор о русском языке. М.: Молодая гвардия, 1962. 175 с.

References

Ashukin N.S., Ozhegov S.I., Filippov V.A. *Slovar' k pjesam A.N. Ostrovskogo: reprintnoe izdanie* [Dictionary of A.N. Ostrovsky's plays: reprint edition]. Moscow, Vesta Publ., 1993, 248 p. (In Russ.).

Voprosy kul'tury rechi: sb. st. Vyp. 1–8 [Problems of culture of speech: collection of articles. Iss. 1–8], ed. by S.I. Ozhegov. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1955–1967. (In Russ.).

Leksikograficheskij sbornik. Vyp. 3 [Lexicographic collection. Issue 3]. O.S. Akhmanova (editor-in-chief), ets. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarej Publ., 1958, 191 p. (In Russ.).

Ozhegov S.I. *Leksika* [Lexis]. *Russkij yazyk i sovetskoe obshchestvo: Prospekt* [The Russian language and Soviet society: Booklet], ed. by S.K. Kenesbaev. Alma-Ata, Akademiya nauk Kazakhskoj SSR Publ., 1962, pp. 5–22. (In Russ.).

Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka: Okolo 53000 slov* [Russian Language Dictionary: About 53,000 words]. 6th ed. Moscow, Sov. entsiklopediya Publ., 1964, 900 p. (In Russ.).

Ozhegov S.I. *Leksikologiya. Leksikografiya. Kul'tura rechi: Ucheb. posobie dlya vuzov* [Lexicology. Lexicography. Culture of speech: A textbook for universities]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1974a, 352 p. (In Russ.).

Ozhegov S.I. *Osnovnye cherty razvitiya russkogo yazyka v sovetskuyu epokhu* [The main features of the development of the Russian language in the Soviet era]. *Ozhegov S.I. Leksikologiya. Leksikografiya. Kul'tura rechi: Ucheb. posobie dlya vuzov* [Lexicology. Lexicography. Culture of speech: A textbook for universities]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1974b, pp. 20–36. (In Russ.).

Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: Ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij* [Explanatory dictionary of the Russian language: About 100,000 words, terms and phraseological expressions], ed. by prof. L.I. Skvortsov. 28th ed., revised. Moscow, Mir i Obrazovanie, Oniks Publ., 2012, 1376 p. (In Russ.).

Pravil'nost' russkoj rechi: trudnye sluchai sovremenno slovoupotrebleniya: opyt slovary-spravochnika [The correctness of Russian speech: difficult cases of modern word usage: the experience of the dictionary-reference], ed. by S.I. Ozhegov. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1962, 184 p. (In Russ.).

Russkij yazyk i sovetskoe obshchestvo: Prospekt [The Russian language and Soviet society: Booklet]. Ed. by S.K. Kenesbaev. Alma-Ata, Akademiya nauk Kazakhskoj SSR Publ., 1962, 117 p. (In Russ.).

Russkij yazyk i sovetskoe obshchestvo: Sociolinguisticheskoe issledovanie: V 4 kn. [The Russian language and Soviet society: Sociolinguistic research: in 4 vol.], ed. by M.V. Panov. Moscow, Nauka Publ., 1968. (In Russ.).

Russkoe literaturnoe proiznoshenie i udarenie: Slovar'-spravochnik: Okolo 52 000 slov [Russian literary pronunciation and stress: Reference dictionary: About 52,000 words], Ed. by R.I. Avanesov and S.I. Ozhegov. Moscow, GIS Publ., 1959, 709 p. (In Russ.).

Skvortsov L.I. *S.I. Ozhegov: Posobie dlya uchashchikhsya* [S.I. Ozhegov: A handbook for schoolchildren]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1982, 112 p. (In Russ.).

Slovar' i kul'tura russkoj rechi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S.I. Ozhegova [Dictionary and culture of Russian speech. On the 100th anniversary of S.I. Ozhegov's birth]. Moscow, Indrik Publ., 2001, 560 p. (In Russ.).

Chukovsky K.I. *Zhivoj kak zhizn': Razgovor o russkom yazyke* [Alive as life: A conversation about the Russian language]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1962, 175 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 27.06.2025; одобрена после рецензирования 25.08.2025; принята к публикации 30.08.2025.

The article was submitted 27.06.2025; approved after reviewing 25.08.2025; accepted for publication 30.08.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 178–182. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 178–182. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 81.161.1'282

EDN NHQHNZ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-178-182>

НАИМЕНОВАНИЯ ВРЕМЕННЫХ ЖИЛИЩ КРЕСТЬЯН В КОСТРОМСКИХ ГОВОРАХ

Дмитрук Людмила Александровна, кандидат филологических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, lyudmila-dmitruk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1293-1385>

Аннотация. В статье на материале этнографического очерка К. Завойко, вошедшего в состав сборника Костромского научного общества по изучению местного края, рассматриваются наименования временных жилищ крестьян – значимая тематическая группа лексики, характеризующая область материальной культуры народа, включённая в программу ЛАРНГ. К. Завойко описывает два типа временных строений, встречающихся на территории костромского края и служащих для укрытия во время промысловых работ: жилища, которые возводились крестьянами на поверхности земли или под землёй; жилища, строящиеся над землёй. В статье многозначные лексемы *лабаз* и *подкур* рассматриваются с точки зрения своих семантических и функциональных особенностей как слова, характерные для севернорусского, в частности костромского, и среднерусского диалектного узуса. В результате наблюдений за анализируемыми лексемами, зафиксированными и в словарях современного русского литературного языка (в качестве этнографизмов), и в областных словарях, делаются выводы о том, что в настоящее время изучаемые лексические единицы устаревают, постепенно перемещаясь в пассивный фонд национального языка, а данный процесс объясняется невостребованностью в сельской местности традиционных форм временных жилищ.

Ключевые слова: севернорусские говоры, среднерусские говоры, костромские говоры, наименования временных жилищ крестьян, Костромское научное общество по изучению местного края, Лексический атлас русских народных говоров, диалекты, национальный язык.

Для цитирования: Дмитрук Л.А. Наименования временных жилищ крестьян в костромских говорах // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 178–182. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-178-182>

Research Article

NAMES OF PEASANTS' TEMPORARY DWELLINGS OF IN KOSTROMA PATOIS

Lyudmila A. Dmitruk, PhD in Philology, Kostroma State University, Kostroma, Russia, lyudmila-dmitruk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1293-1385>

Abstract. In the article on the material of K. Zavoyko's ethnographic essay, included in the collection of Kostroma Scientific Society for the Study of Local Territory, the names of peasants' temporary dwellings - a significant thematic group of vocabulary, characterising the area of people's material culture, included in the programme of the Lexical Atlas of Russian Folkish Patois. K. Zavoyko describes two types of temporary buildings found on the territory of Kostroma land and serving as shelter during field work: dwellings erected by peasants on the surface of the ground or underground; dwellings built above the ground. In the article the polysemous lexemes *лабаз* and *подкур* are considered from the point of view of their semantic and functional features as words characteristic of the Northern Russian, in particular Kostroma, and Central Russian dialectal uss. As a result of observations of the analysed lexemes, recorded both in dictionaries of the modern Russian literary language (as ethnographisms) and in regional dictionaries, conclusions are drawn that at present the studied lexical units are becoming obsolete, gradually moving into the passive fund of the national language, and this process is explained by the lack of demand for traditional forms of temporary dwellings in rural areas.

Keywords: Northern Russian dialects, Middle Russian patois, Kostroma patois, names of peasants' temporary dwellings, Kostroma Scientific Society for Study of Local Territory, Lexical Atlas of Russian Folkish Patois, dialects, national language.

For citation: Dmitruk L.A. Names of peasants' temporary dwellings of in Kostroma patois. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 178–182. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-178-182>

В последние десятилетия вектор исследования лексики русских народных говоров сместился в сторону лексико-семантического, структурно-семантического, лексикографического и этнолингвистического изучения. Как отмечает А.С. Герд, «в течение долгих десятилетий отечественная диалектология была ориентирована на описание фонетики и морфологии диалектов вне всякой связи с лексикой и тем более с этнографией» [Герд: 10]. Однако благодаря работе над составлением Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ), «задача которого – представить в пространственной проекции основные звенья лексико-семантической системы русских народных говоров» [Вендина 1996: 33], а значит, открыть возможности для её дальнейшего семасиологического и ономаσιологического изучения, словарный состав диалектов стал предметом системного синхронно-диахронного анализа. Т.И. Вендина, описывая значительный вклад Н.И. Толстого [Толстой: 245] и С.М. Толстой [Толстая: 263] в разработку принципиально нового подхода к анализу областной лексики, характера её соотношения с литературным языком, пишет: «В лингвистической географии утверждается новая парадигма диалектологических исследований, когда в центре внимания оказывается не отдельное слово, а вся лексическая система диалекта, во всей сложности её единиц и связывающих их отношений» [Вендина: 81]. Авторы программы ЛАРНГ в качестве концептуального предлагают применять системный подход к анализу диалектного материала, что выражается в получившей широкое распространение тенденции изучения тематических, лексико-семантических, словообразовательных групп регионализмов [Попов: 9].

В программе ЛАРНГ одну из центральных тематических групп лексики, репрезентирующей область материальной культуры народа, составляют наименования построек и их частей (названия крестьянского жилища, хозяйственных строений, помещений для скота при доме и др.). Кроме постоянных жилых построек, которые сооружали в селениях, крестьянам необходимо было строить временные жилища, выполняющие функции укрытия во время удалённых от дома промысловых работ – охоты, рыболовства, бортничества, «курения» смолы и дёгтя, косьбы, землелашества и др.: «...у крестьян было много разных угод: кто зноил уголь, кто курил смолу да дёготь; косили и пахали на отдалённых кулигах; у иного дилей жилья штук по 30 и более бывало в бóртях да в кузовни́цах...»¹ [Завойко: 127]. О.Н. Мораховская, анализируя историю названий крестьянских усадебных участков, подчёркивает, что «изучение предметной лексики требует постоянного обращения к внеязыковой действительности» [Мораховская: 28]. Временные жилые конструкции так же, как и посто-

янные строения, отражали особенности быта, традиции русского народа, служили свидетельством изменения климата, культурного ландшафта того или иного региона и т. д.

В очерке К. Завойко «Временные жилища крестьян (Костромской и частью Владимирской губ.)», опубликованном в одном из сборников Костромского научного общества по изучению местного края (КНО-ИМК) [Завойко: 127–133], даётся подробное этнографическое описание различных типов временных жилищ, встречающихся на территории Костромской губернии конца XIX – начала XX вв. Автор очерка выделяет две группы временных строений, распространённых в костромском крае: 1) жилища, возводимые на поверхности земли (*шалашаи, нотьва*) или под землёй при помощи углубления в почву на большую или меньшую глубину (часть *шалашей, простёнки (ла́базы), зимовки*) [Завойко: 128]; 2) жилища, строящиеся над землёй, чаще на деревьях (*подкур, лабаз, беседка, кровать, поларь / полати*) [Завойко: 131]. В Костромской губернии, как и в других регионах России, такие конструкции могли варьироваться от простых строений, каковыми являлись, например, шалашаи, до более сложных построек, предназначенных для продолжительного пользования в течение нескольких промысловых сезонов.

В очерке К. Завойко содержится большое количество лексических диалектизмов – как специфических для региона слов с севернорусской основой, так и общерусских, распространённых в зоне влияния и других говоров: наименования временных жилищ – *бесёдка (кровать); зимовка, зименка, зимница, зименка, избушка; кровать, полати, окроваченная сосна, кроватьница, окроваченная борт, кузовни́ца, подла́з; ла́баз, троестёнка, трестенка, шалашика, шалаша́, землянка; наслежная (ночлежная), ноть, нотьа, нотьба, нодья; подкур; поларь (полати); шалаш (салаш);* наименования составных частей временного жилища – *гряды (сушила), ла́вки, лежанки (лажументы), навалы, нары (полати), о́чак (оча́г), переводина, подла́з (остров, шишóвина, суковати́ца), пожíлина, полатка, пожильник, поперёчина, пялки (иглы, иглицы), таган, теплина, труба (трубка), ясли;* наименования приспособлений для строительства временных жилищ – *ви́ца, жень, жердь, обóйма, плётни* [Завойко: 128–132].

Рассмотрим в качестве примера некоторые термины.

Слово *ла́баз* встречается в русских народных говорах практически повсеместно, является многозначной лексемой с архисемой ‘строение, помещение’ и развитой семантической структурой – в СРНГ фиксируется 23 значения, а также системными отношениями – в СРНГ отмечены случаи омонимии (ср. *ла́баз* – ‘лысец’ *Осташк. Твер., Пск.*; ‘сплетник, пус- томеля’ *Пск., Осташк. Твер.*) [СРНГ 16: 212].

В очерке К. Завойко слово *ла́баз* упоминается дважды. В значении ‘наземное строение, одна часть которого углублена в почву, а другая находится на поверхности земли’ данная лексема является синонимом для целого ряда слов – *троестёнка*, *трестенка*, *шалáшка*, *шалашá*, *землянка*. Лабаз представляет собой временное укрытие, «состоит из трёх стенок, забранных в столбы и покрытых односкатной кровлей из коры, бересты или драницы, покатою назад. Здание часто устраивается на пригорках, и задняя его часть нередко углубляется в почву» [Завойко: 130]. Автор очерка приводит информацию и о географии распространения денотата – «по реке Какше, Ветлужск. у., Костромск. губ.» [Завойко: 130]. В очерке слово упоминается ещё и в значении ‘временное жилище, устраиваемое над землёй для охоты на медведя’: «*Ла́баз, бесёдка по рассказам крестьян устраивается так: на удобных для того деревьях переклады кладут длиною аршин 6 и на них сплошь стягов (жердей) накладывают. Здесь усаживаются охотники и караулят медведя на положенную вблизи приманку*» [Завойко: 132]. В СРНГ находим подтверждение бытованию полисеманта *ла́баз* с указанными значениями в севернорусских и среднерусских говорах: ‘примитивная трехстенная постройка с односкатной крышей для временного проживания’ и географическими пометами *Вят.*, *Ветл. Костром.* [СРНГ 16: 211]; ‘небольшой деревянный помост (иногда с шалашом) на деревьях или столбах, на котором помещаются охотники для подкарауливания медведя и других зверей’ и широким ареалом распространения как в говорах раннего, так и позднего формирования – *Арх.*, *Олон.*, *Волог.*, *Ленингр.*, *Пск.*, *Калин.*, *Влад.*, *Костром.*, *Яросл.*, *Перм.*, *Свердл.*, *Урал.*, *Тобол.*, *Том.*, *Енис.*, *Иркут.*, *Южн. р-ны Краснояр.*, *Южно-Сиб.*, *Сиб.*, *Амур.* [СРНГ 16: 212]. В СГРС у слова *ла́баз* отмечены подобные значения: с семантикой ‘строение с односкатной крышей’ встречается в архангельских и вологодских диалектах; с семантикой ‘небольшой деревянный помост (иногда с шалашом) на деревьях, на котором помещаются охотники для подкарауливания медведя (реже – других зверей) – в архангельских говорах [СГРС: 5].

Первое из вышеназванных значений слова *ла́баз* является узколокализированным, специфическим для архангельских, вологодских, вятских, костромских (ветлужских) говоров, о чём свидетельствуют пометы и в этнографическом очерке К. Завойко, и в диалектных словарях, то есть слово распространено в зоне бытования севернорусских говоров. Второе же значение лексемы имеет более широкую географию распространения, является характерным признаком как севернорусского наречия, так и говоров центра. В костромских диалектах, представляющих собой исторически обусловленное сосуществование двух ге-

нетически разнородных стихий – севернорусских говоров, сложившихся большей частью на базе архаичных ростово-суздальских локальных языковых черт, и центральных говоров, языковой комплекс которых «состоит почти сплошь из явлений, совпадающих с нормой литературного языка» [Ганцовская 2018: 10], слово *ла́баз* в значении ‘помост на ветвях для засады на медведя’ встречается частотно, является общераспространённым локализмом. В «Словаре говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» Н.С. Ганцовской приводится иллюстративный материал с пометами *Буйск.*, *Чухл.*, *Солигалич.*, например: «*Медведей караулили на лабазах, он на овсы приходил*» *Буйск. (Талица)* [Ганцовская 2015: 187]. В очерке «Сергач», вошедшем в состав сборника путевых заметок «Лесная глушь», писателя, этнографа С.В. Максимова, выходца из кологривских мелкопоместных дворян, слово *ла́баз* упоминается в этом же значении: «*Сколько смешных и вместе с тем остроумных шуток придумал враг-человек: повесит чурбан, который тем сильнее бьет медведя в лоб, чем больше злится зверь и качает чурбан лапами; соорудит навесец – лабаз, который отгораживает сласти от лакомки...*» [Максимов: 80].

Повсеместность распространения лексемы *ла́баз* в диалектах, в том числе костромских, способствовала её перемещению на границу с литературным употреблением, где она функционирует в качестве этнографизма: в словарях современного русского литературного языка слово *ла́баз* отмечено с семантикой ‘помост на ветвях дерева, на котором охотники поджидают зверя’ и пометой *обл. <астное>* [МАС 2: 157]. В то время как лексема *ла́баз* со значением ‘временная трехстенная постройка с односкатной крышей’ в настоящее время является уникальным регионализмом, изоглосса которого проходит по территории современных Кировской, Костромской, Вологодской, Архангельской областей, и, по-видимому, становится всё менее актуальной даже в диалектной речи.

К временным жилищам, возводимым крестьянами над землёй, относится и *подкур*, который, как пишет К. Завойко, «*устраивается или на деревьях, или на кольях, или же смешанно на деревьях и на кольях*» [Завойко: 131]. В очерке приводится подробное описание способа строительства этого типа жилища, содержащее значительное количество диалектизмов, характерных для севернорусских, в частности костромских, говоров: «*На сучки дерева или, если их нет, то на приставленные к деревьям колья кладут «переклады», укрепляемые в́ицами. На переклады из крупного накатника настиляется «пожилы́ник» (каждая накатина – пожилина), «полáтка» или «крово́тка». Над пожильником при помощи подбо́рок или стбо́к (плотни́цкое – коневой итаг)*

устраивается двускатная кровля из вицек или жердочек, покрытых сеном, еловой корой или берестой» [Завойко: 131]. Снизу под подкур раскладывается «теплина» – ‘костёр’, устраиваемый как для тепла, так и для того, чтобы дым от костра отгонял комаров.

В словарной статье к глаголу *подкуривать* со значением ‘окурить сысподу, пускать дым подо что’ в словаре В.И. Даля даётся и производное от него слово *подкур*, имеющее семантику ‘полати, помост на вольном воздухе, с куревом под ним от мух, мошек и комаров’ и иллюстрацией «*Лесники спят на подкуре*» без каких-либо географических помет [Даль 3: 151]. Возможно, в середине XIX в. данная лексема ещё могла восприниматься носителями как языковая единица, принадлежащая разговорно-просторечному узусу, но при этом уже не осознаваться как локализм. По-видимому, региональный характер слово *подкур* стало приобретать несколько позже, к концу XIX – началу XX вв. В БАС оно зафиксировано со значением ‘высокий помост, под которым разводятся дымный костер для защиты от насекомых’ и пометой *обл. <астное>* [БАС 10: 418], но при этом со ссылкой на словарь Даля, а также на употребление в тексте, принадлежащем перу писателя и этнографа П.И. Мельникова-Печёрского, жизнь и творчество которого связаны с нижегородской землёй, зоной распространения среднерусских говоров.

В СРНГ у полисеманта *подкур* приводятся несколько лексико-семантических вариантов, в числе которых отмечено и значение ‘временное жильё (шалаш, нары и т. п.) для охотников, сторожей и т. д.’ с географическими пометами *Ветл. Костром., Влад.* [СРНГ 28: 51], что указывает на функционирование слова с обозначенной семантикой в севернорусских и среднерусских говорах. Однако необходимо отметить, что частотность этого слова в настоящее время ввиду утраты обозначаемой реалии (в очерке К. Завойко сообщается о том, что многие временные жилища уже к началу XX в. перестали использоваться [Завойко: 127]), вероятно, снижена настолько, что слово находится на грани устаревания уже и в диалектной системе: не наблюдается фиксация в современных областных словарях, в том числе костромских.

Таким образом, названия временных жилищ, бытующие на территории костромского края ещё в начале XX столетия и характеризующие большей частью севернорусский и среднерусский диалектный узус, потеряли свою актуальность и находятся на пути перемещения в пассивный фонд национального языка, что, безусловно, связано с утратой потребности сельского населения в традиционных формах временных жилищ.

Примечания

¹ Здесь и далее орфография, пунктуация, постановка ударения в словах приводятся по следующему источнику: Завойко К. Временные жилища крестьян (Костромской и частью Владимирской губ.) // Второй этнографический сборник / Костромск. науч. о-во по изучению местного края. Кострома: Северный рабочий, 1920. С. 127–133. (Труды Костромского научного общества по изучению местного края; Вып. 15).

Список литературы

Источники

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / АН СССР; Ин-т рус. яз. Москва; Ленинград: АН СССР, 1950–1965.

Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. Москва: Книжный клуб «Книговек», 2015. 512 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

Завойко К. Временные жилища крестьян (Костромской и частью Владимирской губ.) // Второй этнографический сборник / Костромск. науч. о-во по изучению местного края. Кострома: Северный рабочий, 1920. С. 127–133. (Труды Костромского научного общества по изучению местного края; Вып. 15).

Максимов С.В. Лесная глушь. Москва: Директ-Медиа, 2014. 320 с.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1985–1988.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Т. 7: Л–М / под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 400 с.

СРНГ – Словарь современных русских народных говоров / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Вып. 1–41. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2007.

Исследования

Вендина Т.И. Лексический атлас русских народных говоров и лингвистическая гносеология // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 33–41.

Вендина Т.И. О некоторых новых принципах лингвогеографического изучения диалектной лексики: «Лексический атлас русских народных говоров» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2013. № 8–2. С. 76–98.

Ганцовская Н.С. Костромские говоры: учеб. комплекс: в 2 т. Т. 1. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. 224 с.

Герд А.С. Языкознание и этнография // Севернорусские говоры: межвуз. сб. / отв. ред. А.С. Герд, Е.В. Пурицкая. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2015. Вып. 14. С. 5–13.

Мораховская О.Н. Крестьянский двор: История названий усадебных участков / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Москва: Наука, 1996. 199 с.

Попов И.А., Азарх Ю.С., Вендина Т.Н., Герд А.С., Мораховская О.Н., Петрова З.М. Лексический атлас русских народных говоров в кругу славянских атласов // X Всерос. диалектол. совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 94»: тезисы докладов. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1994. С. 9–10.

Толстой Н.И. Об изучении полесской лексики // Избранные труды. Т. 1: Славянская лексикология и семасиология. Москва: Языки русской культуры, 1997. С. 244–260.

Толстая С.М. Диалектные ареалы литературных слов: (Заметки на полях «Лексического атласа белорусского языка») // *Dialectologia slavica*: сб. к 85-летию С. Б. Бернштейна / отв. ред. Г.П. Клепикова. Москва: Индрик, 1995. С. 263–273.

References

Gantsovskaia N.S. *Kostromskie govory: ucheb. kompleks: v 2 t. T. 1*. [Kostroma dialects: educational complex: in 2 vols. Vol. 1]. Kostroma, Izd-vo Kostrom. gos. un-ta Publ., 2018, 224 p. (In Russ.)

Gerd A.S. *Iazykoznanie i etnografiia* [Linguistics and ethnography]. *Severnorrusskie govory: mezhevuz. sb.* [Northern Russian dialects: interuniversity collection], ed. by A.S. Gerd, E.V. Puritskaia. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2015, vol. 14, pp. 5–13. (In Russ.)

Morakhovskaia O.N. *Krest'ianskii dvor: Istoriia nazv. usadeb. uchastkov* [Peasant's yard: History of the names of homestead plots], *Ros. akad. nauk, In-t rus. iaz. im. V.V. Vinogradova* [Russian Academy of Sciences, V.V. Vinogradov Institute of Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 1996, 199 p. (In Russ.)

Popov I.A., Azarkh Iu.S., Vendina T.N., Gerd A.S., Morakhovskaia O.N., Petrova Z.M. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov v krugu slavianskikh atlasov* [Lexical Atlas of Russian Folk Talks in the circle of

Slavic atlases]. *X Vseros. dialektol. soveshchanie «Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov – 94»: tezisy dokladov* [X All-Russian Dialectological Meeting 'Lexical Atlas of Russian Folk Talks - 94': theses of reports]. St. Petersburg, ILI RAN Publ., 1994, pp. 9–10. (In Russ.)

Tolstoi N.I. *Ob izuchenii polesskoi leksiki* [On the study of the Polesk lexicon]. *Izbrannye trudy. T. 1: Slavianskaia leksikologiya i semasiologiya* [Selected works. Vol. 1: Slavic lexicology and semasiology]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1997, pp. 244–260. (In Russ.)

Tolstaia S.M. *Dialektnye arealy literaturnykh slov (Zametki na poliax «Leksicheskogo atlasa belorusskogo iazyka»)* [Dialectal areas of literary words (Notes on the margins of the Lexical Atlas of the Belarusian Language)]. *Dialectologia slavica: sb. k 85-letiiu S.B. Bernshteina* [Dialectologia slavica: collection for the 85th anniversary of S.B. Bernstein], ed. by G.P. Klepikova. Moscow, Indrik Publ., 1995, pp. 263–273. (In Russ.)

Vendina T.I. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov i lingvisticheskaia gnoseologiya* [Lexical atlas of Russian folk dialects and linguistic epistemology]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Questions of linguistics], 1996, no. 1, pp. 33–41. (In Russ.)

Vendina T.I. *O nekotorykh novykh printsipakh lingvogeograficheskogo izucheniia dialektnoi leksiki: «Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov»* [About some new principles of linguogeographical study of dialect lexicon: 'Lexical Atlas of Russian Folk Talks']. *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii* [Slavic World in the Third Millennium], 2013, no. 8–2, pp. 76–98. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.06.2025, одобрена после рецензирования 18.06.2025, принята к публикации 19.06.2025.

The article was submitted 14.06.2025, approved after reviewing 18.06.2025, accepted for publication 19.06.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 183–189. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 183–189. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 811.161.1'373.21

EDN NPQTNP

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-183-189>

ОСОБЕННОСТИ УВЕКОВЕЧИВАНИЯ ПАМЯТИ О СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ В ГОРОДСКОМ ОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Разумов Роман Викторович, кандидат филологических наук, доцент, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, rvrazumov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9878-2271>

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть особенности развития в городах Российской Федерации группы урбанонимов, увековечивающих память об участниках и событиях специальной военной операции. Автор отмечает, что подобные названия продолжают традицию создания меморативов в честь участников военных конфликтов, сформировавшуюся в дореволюционный и советский период истории страны. Городские топонимы, увековечивающие память о специальной военной операции, были собраны в Интернете с помощью поисковых систем. В настоящее время в Российской Федерации создано около 150 урбанонимов в 75 городах страны. Исследование показало, что основной массив урбанонимов был создан в 2022–2023 гг. В российских городах создаются три типа урбанонимов, увековечивающих память о специальной военной операции: персональные меморативы, коллективные посвящения, посвящения административным хоронимам. Проведенный анализ показал, что среди выявленных названий преобладают персональные меморативы, на долю которых приходится 84,7 %. Автор отмечает случаи появления в российских городах одинаковых названий: наибольшее распространение получили урбанонимы в честь А. Захарченко и В. Жоги, а также коллективные посвящения *улицы Героев Донбасса, улица Защитников Донбасса, улица Героев Специальной Военной Операции*. Посвящения городским хоронимам представлены исключительно в Москве. Проведенный анализ показал, что меморативы в честь специальной военной операции занимают заметное место среди новых урбанонимов российских городов, можно ожидать их дальнейшее создание.

Ключевые слова: специальная военная операция, имя собственное, топоним, урбаноним, городское онимическое пространство, урбанонимическая номинация, меморатив, коммеморация.

Для цитирования: Разумов Р.В. Особенности увековечивания памяти о специальной военной операции в городском онимическом пространстве Российской Федерации // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 183–189. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-183-189>

Research Article

FEATURES OF PERPETUATING THE MEMORY OF A SPECIAL MILITARY OPERATION IN THE URBAN ONYMIC SPACE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Roman V. Razumov, PhD in Philology, Associate Professor, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia, rvrazumov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9878-2271>

Abstract. The purpose of the article is to consider the features of the development of urbanonyms in the Russian cities, which perpetuate the memory of the participants and events of the special military operation. The author notes that such names continue the tradition of establishing memoratives in honor of participants in military conflicts, the tradition formed in the pre-revolutionary and Soviet periods of the country's history. Urban toponyms perpetuating the memory of the special military operation were collected from the Internet using search engines. Currently, about 150 urbanonyms have been established in 75 cities of the Russian Federation. The bulk of urbanonyms were formed in 2022–2023. There are three types of urbanonyms perpetuating the memory of the special military operation in Russian cities: personal memoratives, collective dedications, and dedications to administrative burial names. The analysis showed that personal memoratives prevail, accounting for 84,7 %. The author notes the identical names appearing in Russian cities: the most widespread are urbanonyms in honor of A. Zakharchenko and V. Zhoga, as well as collective dedications such as the Heroes of Donbass Street, the Defenders of Donbass Street, and the Heroes of the Special Military Operation Street. Dedications to city burial names are presented exclusively in Moscow. The analysis showed that memorials in honor of the special military operation take a prominent place among new urbanonyms of Russian cities, and their further creation can be expected.

Keywords: special military operation, proper name, toponym, urbanonym, urban onymic space, urbanonymic nomination, memoratives, commemoration.

For citation: Razumov R.V. Features of perpetuating the memory of a special military operation in the urban onymic space of the Russian Federation. *Vestnik of Kostroma State University*, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 183–189. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-183-189>

Во второй половине XIX в. в городских онимических системах начинают фиксироваться первые меморативы – «собственное имя, данное в память о человеке, событии, месте, реке организации» [Подольская: 119]. В дореволюционный период развития населенных пунктов появилась традиция увековечивания в урбанонимии героев военных конфликтов. Эта практика была развита в советский период истории страны, когда на картах российских городов были созданы названия в честь участников Гражданской и Великой Отечественной войн. В поздние годы существования СССР и в постсоветскую эпоху в урбанонимии населенных пунктов Российской Федерации нашли отражение события Афганской и двух Чеченских войн. Как отмечает С.А. Попов, «героические меморативы топонимического пространства Российской Федерации служат сохранению исторической памяти нашего народа о сложном героическом прошлом России для последующих поколений россиян. В рассмотренных наименованиях географических объектов переплелись разные исторические эпохи, в которые наши предки проявили мужество и героизм при защите Отечества от внешних и внутренних врагов, зачастую ценою собственной жизни, а также совершали трудовые подвиги на благо родной страны» [Попов: 603]. Естественно, что начало специальной военной операции (далее – СВО) привело к появлению в российских городах пласта названий, ее увековечивающих.

После начала СВО перед российским обществом встал вопрос о возможных формах увековечивания памяти о ее событиях и участниках. Поскольку в советский период истории страны сформировались принципы мемориализации Великой Отечественной войны, при разработке коммеморативных практик о военном конфликте, начавшемся в 2022 г., были применены аналогичные подходы. Анализ некоторых из используемых подходов увековечивания памяти об СВО уже был предпринят в ряде статей. Так, Д.А. Аникин в своей статье проанализировал особенности военной коммеморации в образовательном пространстве современной России [Аникин], В.О. Беклямишев – в музейно-выставочной деятельности [Беклямишев], А.Ю. Бубнов и М.А. Савельева, а также М.А. Савушкина – сохранение памяти об СВО в цифровой среде [Бубнов; Савушкина], И.С. Игнатов и Д.А. Аникин – сходство меморативных практик, увековечивающих события Великой Отечественной войны и специальной военной опе-

рации [Игнатов], А.Л. Ручин и Р.А. Евтехов – особенности реализации политики памяти об участниках СВО в Сибири и на Дальнем Востоке [Ручин]. Следует отметить, что исследование существующих подходов к увековечиванию участников и событий СВО в городском урбанонимическом пространстве еще не предпринималось.

Целью настоящей статьи является рассмотрение особенностей развития в городах Российской Федерации группы названий, увековечивающих память об участниках и событиях СВО. Данная разновидность меморативов начала формироваться в 2022 г. и продолжает развиваться в настоящее время, но уже можно выявить определенные закономерности в создании подобных урбанонимов.

Материалом для исследования послужили 150 урбанонимов, созданных в 75 городах страны: Азове, Астрахани, Белореченске, Бердске, Боре, Брянске, Владимире, Волгограде, Волжском, Волновахе, Вологде, Воронеже, Гурьевске, Димитровграде, Добрянке, Донецке, Евпатории, Екатеринбурге, Елизове, Железноводске, Заринске, Иванове, Ижевске, Иркутске, Калининграде, Керчи, Комсомольске-на-Амуре, Костроме, Краснодаре, Красноуфимске, Курчатове, Кызыле, Луганске, Лысьве, Магадане, Майкопе, Махачкале, Мелитополе, Москве, Невинномысске, Нижнем Новгороде, Новороссийске, Новом Уренгое, Ноябрьске, Обояни, Омске, Орле, Павлове, Пензе, Перми, Петрозаводске, Покрове, Пыть-Яхе, Ржеве, Ростове-на-Дону, Рыбинске, Саратове, Севастополе, Симферополе, Смоленске, Соликамске, Сосенском, Ставрополе, Тейкове, Торжке, Туле, Туринске, Тюмени, Улан-Удэ, Ульяновске, Щелкине, Щёлкове, Элисте, Якутске и Ярославле. Чаще всего в указанных городах создано от одного до трех урбанонимов, увековечивающих события СВО. Большее количество названий появилось в Симферополе – 10 онимов, в Евпатории – 9 онимов, в Пензе – 8 онимов, в Астрахани – 7 онимов, в Покрове – 5 онимов, в Керчи, Омске, Тюмени и Ульяновске – по 4 онима.

Сведения о создании урбанонима или предложения о его присвоении были отобраны нами с помощью поисковых систем «Яндекс» [Яндекс] и «Google» [Google]. Найденные на сайтах региональных новостных порталов, средств массовой информации, их страницах в социальных сетях публикации составили первичный корпус данных, на основе которого был составлен перечень предполагаемых урбанонимов. Поскольку многие тексты со-

держали лишь предположения о возможном увековечивании в будущем памяти о том или ином участнике СВО, все встретившиеся варианты названий были проверены с помощью ресурсов «КЛАДР» [КЛАДР] и Федеральной информационной адресной системы [ФИАС], а также интернет-карт городов. С помощью поиска на сайте «КЛАДР» [КЛАДР] нами было проверено наличие в городах некоторых потенциально возможных вариантов урбанонимов, связанных с СВО, отсутствующих в первоначальной выборке. В результате перекрестной проверки нам не удалось подтвердить присвоение около 30 названий, они не были включены в наш анализ. Следует отметить, что в своем исследовании мы не учитывали онимы, созданные в поселках городского типа, сельских населенных пунктах, поскольку проверить их существование не всегда было возможно: подобные топонимы часто не фиксируются в адресных базах данных и не всегда наносятся на онлайн-карты.

Урбанонимы в честь участников СВО стали создаваться в 2022 г., практически сразу же после ее начала. Первые единичные случаи увековечивания памяти о погибших военнослужащих появляются в марте – апреле 2022 г. Так, в городе Волноваха в марте 2022 г. было создано название *улица Героя России Владимира Жогги*: «Одна из улиц в Волновахе, освобожденной от украинских вооруженных формирований, теперь носит имя Героя России и Донецкой Народной Республики Владимира Жогги. Об этом сообщает военкор Семен Пегов» [В освобожденной Волновахе]. 28 апреля 2022 г. в Костроме был создан урбаноним *улица Сергея Сухарева* [О присвоении улице]. Заметим, что в городе по этому поводу проводился специальный интернет-опрос: «Власти Костромы предложили назвать именем Сергея Сухарева новую зону жилой застройки в Заволжском районе – расположенную между улицами Магистральной и Волгореченским шоссе. Вопрос был вынесен на суд общественности. Интернет-голосование проходило на сайте мэрии в течение двух недель. В результате “за” соответствующее наименование новой улицы высказались 77 % костромичей, принявших участие в опросе» [Улицу в Костроме]. В мае 2022 г. в средствах массовой информации и на различных интернет-ресурсах появилось уже 20 сообщений с предложениями об увековечивании в городской топонимии памяти об участниках СВО.

Анализ времени возникновения собранных нами названий в честь участников и событий СВО показывает, что основной массив урбанонимов был создан в течение 2022–2023 гг.: в 2022 г. появилось 56 названий, в 2023 г. – 65 названий, в 2024 г. – 18 названий, а в первые месяцы 2025 г. – 3 названия. Как видим, в 2024 г. произошло существенное сокращение количества новых онимов данного типа, что, вероят-

но, связано с резким увеличением состава возможных претендентов на увековечивание памяти в городской топонимии, выбор для этого иных форм мемориализации: присвоение имен учебным заведениям, создание парт героя и т. д. Возможно, в ближайшее время следует ожидать новую волну присвоения внутригородским объектам имен участников СВО, что обусловлено позицией Президента Российской Федерации В.В. Путина, которую он высказал на встрече с сотрудниками и подопечными фонда «Защитники Отечества»: «Что касается другой темы, которую Вы затронули, это увековечивание памяти. <...> Присваивать имена наших ребят различным соревнованиям нормально. Но, повторяю, мне кажется, что когда мы говорим об увековечении памяти, то это должно быть на века. Сегодня турнир есть, а завтра его может не быть. А вот школа, не знаю, институт, улица. <...> Над этим, я вас прошу тоже, подумайте, это должны быть разные варианты увековечения памяти. Над этим точно совершенно надо думать» [Встреча с сотрудниками].

В настоящее время в городской топонимии создаются три типа урбанонимов, увековечивающих события СВО: персональные меморативы (127 названий, 84,7 % от общего количества онимов данного типа), коллективные посвящения (21 название, 14 %), посвящения административным хоронимам (2 названия, 1,3 %).

Наиболее представлен в урбанонимии Российской Федерации **тип персональных меморативов**, увековечивающих конкретного участника СВО. Следует отметить, что в собранном нами материале отмечены случаи создания в разных городах одинаковых названий, сохраняющих память об одном и том же человеке. Подобного рода явления редко встречаются в постсоветской урбанонимии Российской Федерации [Разумов], преимущественно ориентированной на формирование у горожан территориальной идентичности [Городская топонимия: 55–69].

Самыми распространенными персональными меморативами являются названия, увековечивающие память о первом главе Донецкой народной республики А.В. Захарченко. Несмотря на то, что он погиб в 2018 г., создание названий в его честь происходило в контексте событий СВО. Так, до февраля 2022 г. было присвоено всего два городских топонима: *улица Александра Захарченко* в Симферополе и *площадь Александра Владимировича Захарченко* в Донецке. После начала СВО на картах российских городов появилось 13 подобных названий: *бульвар А.В. Захарченко* (Элиста, 2022), *проезд Александра Захарченко* (Комсомольск-на-Амуре, 2022), *сквер Александра Захарченко* (Добрянка, 2022), *улица Александра Захарченко* (Астрахань, 2022; Брянск, 2022; Мелитополь, 2023; Омск, 2022; Пенза, 2022; Саратов, 2022;

Соликамск, 2022; Якутск, 2022) улица *Генерал-майора Александра Захарченко* (Кызыл, 2022), улица *Захарченко* (Воронеж, 2022). Таким образом, события 2014–2024 гг. в Донецкой и Луганской народных республиках рассматриваются в общественном сознании как непосредственные предшественники СВО. В то же время следует отметить, что названия в честь двух других героев «донецкой весны» – Арсена (Арсения) Павлова (позывной Моторола) и Михаила Толстых (позывной Гиви) – по-прежнему представлены лишь на Донбассе и отсутствуют на других российских территориях, хотя подобные предложения можно найти в Интернете.

Вторыми по распространенности являются персональные меморативы, увековечивающие память о командире батальона «Спарта» Владимире Жогге. По нашим данным, в российских городах появилось 11 названий: *проезд Владимира Жогги* (Новый Уренгой, 2023), *улица Владимира Жогги* (Вологда, 2023; Лысьва, 2022; Майкоп, 2022; Омск, 2022; Ростов-на-Дону, 2022), *улица Героя России Владимира Жогги* (Волноваха, 2022; Кызыл, 2022; Невинномысск, 2022), *улица Героя России Жогги* (Пенза, 2023), *улица имени В.А. Жогги* (Волжский, 2022).

В нескольких городах Российской Федерации также увековечена память о следующих участниках СВО:

1) Герое Российской Федерации, гвардии старшем лейтенанте Н.Э. Гаджимагомедове: *площадь Гаджимагомедова* (Донецк, 2022), *улица Н.Э. Гаджимагомедова* (Краснодар, 2022), *улица Гаджимагомедова* (Махачкала, 2022);

2) Герое Российской Федерации, полковнике А.В. Катериничеве: *улица Героя России Катериничева* (Гурьевск, 2022; Калининград, 2022), *улица Катериничева* (Рыбинск, 2023);

3) Герое Российской Федерации, гвардии старшем лейтенанте В.И. Зозулине: *улица Героя России В.И. Зозулина* (Луганск, 2022), *улица Героя России Зозулина* (Иваново, 2022);

4) Герое Российской Федерации, генерал-лейтенанте Р.В. Кутузове: *улица Героя России Кутузова* (Владимир, 2022; Щёлково, 2023).

Персональные меморативы в честь участников СВО были созданы в Азове (*улица Романа Шелудько*), Астрахани (*улица Александра Рыжова*, *улица Алексея Калмыкова*, *проезд Кирилла Шишимарева*, *проезд Никиты Каширского*, *улица Олега Царя*, *улица Чингиза Ахметова*), Белореченске (*улица Бендуса*), Бердске (*улица Алмаза Сафина*), Боре (*улица Александра Хрипунова*, *улица Николая Коломойца*), Волгограде (*улица Нагина*), Вологде (*улица Героя Российской Федерации Игоря Смирнова*), Воронеже (*улица Крынина*, *улица Постовалова*), Евпатории (*улица Артёма Мишунина*, *улица Артемия Лысенина*, *улица Вла-*

димира Цыгония, *улица Вячеслава Каренко*, *улица Ивана Шведа*, *улица Максима Уланова*, *улица Николая Милютин*, *улица Сергея Степаненко*, *улица Тимура Гасанова*), Железноводске (*улица Полковника Бабаева*), Иванове (*улица Героя России Макарова*, *улица Героя России Поздеева*), Иркутске (*улица Эдуарда Дьяконова*), Керчи (*улица Александра Краснобаева*, *улица Владимира Чеботарева*, *улица Кирилла Захарова*, *улица Олега Орлова*), Костроме (*сквер Алексея Коблова*, *улица Сергея Сухарева*), Краснодаре (*улица А.А. Присеко*, *улица Ю.В. Борисова*), Красноуфимске (*улица Владислава Балахнина*), Майкопе (*улица Олега Цокова*), Махачкале (*улица Руслана Бельчука*), Новороссийске (*улица Майора Кирилла Часовских*, *улица Сержанта Ильи Ягодкина*), Новом Уренгое (*проезд Алексея Боброва*, *проезд Дмитрия Одегова*), Обояни (*сквер Воина-десантника Дмитрия Уланова*), Омске (*улица Владимира Мисюрин*, *улица Николая Данильченко*), Пензе (*улица Героя России Гринина*, *улица Дмитрия Алексеева*, *улица Никиты Клейменова*, *улица Романа Грибченко*, *улица Романа Демина*), Перми (*улица Старшего Лейтенанта Гачегова*), Покрове (*улица Александра Смирнова*, *улица Дениса Гордиенко*, *улица Дмитрия Беляева*, *улица Ивана Якиманского*, *улица Павла Поглода*), Ржеве (*улица Александра Фролова*, *улица Артура Тулякова*), Ростове-на-Дону (*улица Александра Бондарева*, *улица Полковника Владимира Иванова*), Симферополе (*улица Алексея Аврамченко*, *улица Алексея Любимского*, *улица Виктора Гудкова*, *улица Виктора Шпыхова*, *улица Владислава Дорохина*, *улица Дениса Бурматова*, *улица Кирилла Шведовича*, *улица Максима Дзюбина*, *улица Максима Старовойтова*), Смоленске (*улица Полковника Гришина*), Сосенском (*улица Владимира Игнатова*), Ставрополе (*улица Дениса Зорина*), Тейкове (*улица Героя России А.В. Тарасова*), Торжке (*улица Героя России Василия Клещенко*), Туле (*улица Алексея Алешко*), Туринске (*сквер Антона Горюнова*), Тюмени (*улица Андрея Огibalова*, *улица Владимира Гоненко*, *улица Григория Турубарова*, *улица Жумабая Раизова*), Улан-Удэ (*улица Амгала Тудупова*, *улица Максима Концова*), Ульяновске (*улица Героя Российской Федерации В.В. Епифанова*, *улица Героя Российской Федерации А.В. Колпакова*, *улица Героя Российской Федерации М.И. Михайлова*), Щелкине (*улица Александра Ткаченко*), Элисте (*улица Андрея Кунакова*) и Ярославле (*улица Героя России Макарова*, *улица Гутарова*).

Широкое распространение в российских городах при увековечивании памяти о событиях СВО получили **коллективные посвящения**. Следует отметить, что три из четырех зафиксированных нами меморативов данного типа были одновременно созданы в нескольких населенных пунктах Российской Федерации.

Самым распространенным коллективным меморативом является урбаноним *улица / проспект / площадь / сквер Героев Донбасса*. Он создан в 7 городах Российской Федерации: Азове (*проспект Героев Донбасса*, 2023), Курчатове (*сквер Героев Донбасса*, 2022), Нижнем Новгороде (*проспект Героев Донбасса*, 2022), Павлове (*улица Героев Донбасса*), Пензе (*улица Героев Донбасса*, 2022), Пыть-Яхе (*улица Героев Донбасса*) и Саратове (*площадь Героев Донбасса*, 2022). Своеобразным его вариантом является урбаноним *сквер Героев-защитников Донбасса*, появившийся в 2023 г. в Орле и являющийся своеобразным гибридом первого и второго коллективных меморативов.

Вторым по частотности коллективным меморативом, созданным в честь участников СВО, является урбаноним *улица / аллея / микрорайон Защитников Донбасса*, появившийся в 5 населенных пунктах: Елизове (*улица Защитников Донбасса*, 2022), Заринске (*улица Защитников Донбасса*, 2022), Магадане (*улица Защитников Донбасса*, 2022), Ноябрьске (*микрорайон Защитников Донбасса*, 2022), Петрозаводске (*аллея и улица Защитников Донбасса*, 2022).

Третьим по распространенности коллективным меморативом является топоним *улица / набережная / аллея / сквер Героев Специальной Военной Операции*, который был создан также в 5 городах страны: в Димитрограде (*улица Героев Специальной Военной Операции*, 2024), Гурьевске (*набережная Героев Специальной Военной Операции*), Екатеринбурге (*аллея Героев Специальной Военной Операции*, 2024), Севастополе (*сквер Героев Специальной Военной Операции*, 2023), Вологде (*сквер Героев Специальной Военной Операции*, 2023).

Нами зафиксирован и случай создания коллективного меморатива *улица Героев Гостомельского Десанта*, появившегося лишь в одном населенном пункте страны. Данный урбаноним был присвоен в Ульяновске в 2024 г.

Наконец, третий тип меморативов – **посвящения административным хоронимам** – представлен лишь в Москве. События СВО привели к созданию в столице двух названий, связанных с текущими политическими событиями в стране. 22 июня 2022 г. территории возле посольства США в Москве было присвоено название *площадь Донецкой Народной Республики*: «Присвоить безымянной территории, расположенной от Большого Девятинского переулка до Малого Конюшковского переулка вдоль Конюшковской улицы в районе Пресненский Центрального административного округа города Москвы, наименование “площадь Донецкой Народной Республики”» [Территория у посольства]. Интересно, что данный урбаноним был выбран самими москвичами на платформе

«Активный гражданин» из нескольких предложенных вариантов. Всего в голосовании приняло участие 278 684 горожанина, ответы которых распределились следующим образом: самое большое количество голосов – 44,69 % – получил вариант «*Площадь Донецкой Народной Республики*», за ним следуют названия «*Площадь Защитников Донбасса*» (31,54 %), «*Площадь Героя России Владимира Жоги*» (8,33 %) [Название для площади]. По условиям опроса в случае победы варианта «*Площадь Донецкой Народной Республики*» в Москве должны были подобрать другую площадь или улицу для ее наименования в честь Луганской Народной Республики. В результате проведения нового голосования на сайте «Активный гражданин» название «*Площадь Луганской Народной Республики*» было присвоено территории вдоль Смоленской набережной между Проточным переулком и съездом на улицу Новый Арбат, рядом с посольством Великобритании [В Госдуме высказались].

Таким образом, проведенный нами анализ позволил установить, что меморативы в честь участников и событий СВО стали занимать заметное место в урбанонимии российских городов. Возникновение подобных названий продолжает линию, начатую еще в дореволюционный период истории страны, связанную с увековечиванием памяти участников военных конфликтов. Как показывают результаты опросов общественного мнения, население городов положительно относится к созданию подобных меморативов, поэтому мы можем ожидать их дальнейшее появление в Российской Федерации.

Список литературы

Источники

В Госдуме высказались о новом названии территории у посольства Британии в Москве. URL: <https://iz.ru/1359939/2022-07-05/v-gosdume-vyskazalis-o-novom-nazvanii-territorii-u-posolstva-britanii-v-moskve> (дата обращения: 10.07.2024).

В освобожденной Волновахе открыли улицу имени Героя России Владимира Жоги, погибшего во время эвакуации мирных жителей. URL: <https://www.donetsk.kp.ru/daily/27378.5/4560076/> (дата обращения: 03.04.2025).

Встреча с сотрудниками и подопечными фонда «Защитники Отечества». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76418> (дата обращения: 03.04.2025).

КЛАДР – Классификатор адресов России. URL: <https://kladrf.ru/> (дата обращения: 20.04.2025).

Название для площади в Пресненском районе Москвы. URL: <https://ag.mos.ru/poll/13358> (дата обращения: 20.10.2024).

О присвоении улице города Костромы наименования «улица Сергея Сухарева»: Решение Думы города

Костромы № 76 от 28.04.2022. URL: <https://kostrom-gov.ru/doc/91281?ysclid=m9ntnwvr8n508094663> (дата обращения: 03.04.2025).

Территории у посольства США в Москве присвоено название «Площадь ДНР». URL: <https://iz.ru/1353516/2022-06-22/territorii-u-posolstva-ssha-v-moskve-prisvoeno-nazvanie-ploshchad-dnr>. (дата обращения 25.06.2024).

Улицу в Костроме назовут именем погибшего командира полка ВДВ. URL: <https://gtrk-kostroma.ru/news/ulitsu-v-kostrome-nazovut-imenem-pogibshogo-komandira-polka-vdv/> (дата обращения: 03.04.2025).

ФИАС – Федеральная информационная адресная система. URL: <https://fias.nalog.ru/> (дата обращения: 20.04.2025).

Яндекс. URL: <https://ya.ru/> (дата обращения: 02.04.2025).

Google. URL: <https://www.google.com/> (дата обращения: 02.04.2025).

Исследования

Аникин Д.А. Военные коммеморации в образовательном пространстве современной России: советское наследие и новые практики // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2024. № 1. С. 27–42.

Беклямишев В.О. Коммеморация событий специальной военной операции посредством музейно-выставочной деятельности // Вестник Московского университета. Сер. 12.: Политические науки. 2024. № 5. С. 7–19.

Бубнов А.Ю., Савельева М.А. Герои и символы специальной военной операции: практики коммеморации в цифровой среде // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2024. № 1. С. 7–26.

Городская топонимия: современная политика и практика именования / М.В. Голомидова, Р.В. Разумов, С.О. Горяев и др. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2023. 216 с.

Игнатов И.С., Аникин Д.А. Соединение коммемораций Великой Отечественной войны и специальной военной операции для усиления главенствующего нарратива политики памяти Российской Федерации // Духовно-нравственные ценности российской молодежи: история и современность: материалы II Всерос. науч.-практ. молодежной конф.; Москва, 9 дек. 2023 г. Москва: АНО «Академический Альянс», 2024. С. 61–64.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва: Наука, 1988. 192 с.

Попов С.А. Героические меморативы в российском топонимиконе // Неофилология. 2021. Т. 7. № 28. С. 596–604.

Разумов Р.В. Современная концепция урбанонима в России // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 1, № 2. С. 166–170.

Ручин А.Л., Евтехов Р.А. Практика реализации политики памяти об участниках СВО в Сибири и на Дальнем Востоке // Вопросы политологии. 2025. Т. 15, № 1. С. 84–96.

Савушкина М.А. Цифровая коммеморация подвигов героев специальной военной операции // Динамика развития системы военного образования: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф.; Омск, 14 марта 2024 г. Омск: Омский гос. тех. ун-т, 2024. С. 1166–1171.

References

Anikin D.A. *Voennye kommémoratsii v obrazovatel'nom prostranstve sovremennoi Rossii: sovetskoe nasledie i novye praktiki* [Military Commemorations in the Educational Space of Modern Russia: Soviet Legacy and New Practices]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. Ser. 12: Political Sciences], 2024, no. 1, pp. 27–42. (In Russ.)

Beklyamishev V.O. *Kommémoratsiia sobytii spetsial'noi voennoi operatsii posredstvom muzeino-vystavochnoi deiatel'nosti* [Commemoration of the Special Military Operation through the Museum and Exhibition Activities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. Ser. 12: Political Sciences], 2024, no. 5, pp. 7–19. (In Russ.)

Bubnov A.Iu., Savel'eva M.A. *Geroi i simvol'y spetsial'noi voennoi operatsii: praktiki kommémoratsii v tsifrovoy srede* [Heroes and Symbols of the Special Military Operation: Commemoration Practices in the Digital Environment]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. Ser. 12: Political Sciences], 2024, no. 1, pp. 7–26. (In Russ.)

Gorodskaya toponimiya: sovremennaya politika i praktika imenovaniia [Urban Toponymy: Modern Naming Policies and Practices], M.V. Golomidova, R. V. Razumov, S.O. Goriaev i dr. Ekaterinburg, Ural'skii federal'nyi universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina Publ., 2023, 216 p. (In Russ.)

Ignatov I.S., Anikin D.A. *Soedinenie kommémoratsii Velikoi Otechestvennoi voiny i spetsial'noi voennoi operatsii dlia usileniia glavenstvuiushchego narrativy politiki pamiati Rossiiskoi Federatsii* [Combining commemorations of the Great Patriotic War and the special military operation to strengthen the dominant narrative of the Russian Federation's memory policy]. *Dukhovno-nravstvennye tsennosti rossiiskoi molodezhi: istoriia i sovremennost': materialy II Vseros. nauch.-prakt. molodezh. konf.; Moscow, 9 dek. 2023 g.* [Spiritual and Moral Values of Russian Youth: History and Modernity: Proceedings of

the II All-Russian Scientific and Practical Youth Conference, Moscow, December 9, 2023]. Moscow, ANO "Akademicheskii Al'ians" Publ., 2024, pp. 61–64. (In Russ.)

Podol'skaia N.V. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 192 p. (In Russ.)

Popov S.A. *Geroicheskiye memorativy v rossiyskom toponimikone* [Heroic memoratives in the Russian toponymicon]. *Neofilologiya* [Neophilology], 2021, vol. 7, no. 28, pp. 596–604. (In Russ.)

Razumov R.V. *Sovremennaya kontseptsia urbanonima v Rossii* [The Modern Concept of Urbanonyms in Russia]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2012, vol. 1, no. 2, pp. 166–170. (In Russ.)

Ruchin A.L., Evtekhov R.A. *Praktika realizatsii politiki pamiati ob uchastnikakh SVO v Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [The practice of implementing a policy of commemorating participants in the special military operation

in Siberia and the Far East]. *Voprosy politologii* [Questions of political science], 2025, vol. 15, no. 1, pp. 84–96. (In Russ.)

Savushkina M.A. *Tsifrovaia kommemoratsiia podvigov geroev spetsial'noi voennoi operatsii* [Digital Commemoration of the Heroes of the Special Military Operation]. *Dinamika razvitiia sistemy voennogo obrazovaniia: materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.; Omsk, 14 marta 2024 g.* [Dynamics of the Military Education System Development: Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference; Omsk, March 14, 2024]. Omsk, Omskii gos. tekhn. un-t Publ., 2024, pp. 1166–1171. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.06.2025; одобрена после рецензирования 11.07.2025; принята к публикации 15.07.2025.

The article was submitted 19.06.2025; approved after reviewing 11.07.2025; accepted for publication 15.07.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 190–194. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 190–194. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

УДК 81.161.1'373

EDN PLCLOW

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-190-194>

ВЫДЕЛЕНИЕ ЯДРА И ПЕРИФЕРИИ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ

Хохлова Мария Владимировна, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, m.khokhlova@spbu.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9085-0284>

Аннотация. Распределение лексических единиц в текстах характеризуется неравномерностью и асимметричностью ввиду того, что они встречаются с разной частотностью, поэтому традиционные описательные статистики не всегда могут быть показательными при представлении лексики. В работе дается краткий обзор метрик, которые используются для описания высоко- и низкочастотных единиц в разных областях, среди которых особое внимание уделяется ранговому среднему. В качестве материала для исследования была выбрана лексико-семантическая группа глаголов движения, которая хорошо описана в литературе, однако вопрос об упорядочении единиц внутри нее остается открытым. Автором были проанализированы частотности около 900 лексических единиц из словаря «Лексико-семантические группы русских глаголов» по Национальному корпусу русского языка, которые далее были представлены в виде частотного словаря. При помощи рангового среднего были выделены ядерная и периферийные части списка. Ядерная лексика составляет около 12,74 % от общего количества описанных в словаре глаголов, при этом на них приходится около 70 % всех словоупотреблений. Значения высокочастотных глаголов подразумевают отсутствие направленности движения или, напротив, наличие конечного пункта. Результаты исследования могут быть востребованы при преподавании языка, например, при составлении лексических минимумов.

Ключевые слова: глаголы движения, русский язык, ядро, периферия, ранговое распределение, частотный словарь, ранговое среднее.

Для цитирования: Хохлова М.В. Выделение ядра и периферии глаголов движения в русском языке на материале корпусных данных // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 190–194. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-190-194>

Благодарности. Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 124032900006-1.

Research Article

IDENTIFICATION OF THE CORE AND PERIPHERY OF VERBS OF MOTION IN THE RUSSIAN LANGUAGE BASED ON CORPUS DATA

Maria V. Khokhlova, PhD in Philology, St Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, m.khokhlova@spbu.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9085-0284>

Abstract. The distribution of lexical units in texts is characterized by skewness and asymmetry due to the fact that they occur with different frequencies, so traditional descriptive statistics may not always be indicative when presenting vocabulary. The paper provides a brief overview of metrics that are used to describe high- and low-frequency units in different areas, with special attention paid to the rank average. The lexical and semantic group of verbs of motion well described in the literature, was chosen as the material for the study; however, the question of ordering units within it remains open. The author analysed the frequencies of about 900 lexical units from the dictionary “Lexical-semantic groups of Russian verbs” according to the National Corpus of the Russian language, which were then presented in the form of a frequency dictionary. Using the rank average, the core and peripheral parts of the list were identified. The core vocabulary makes up about 12.74 % of the total number of verbs described in the dictionary, while they account for about 70 % of all word usages. The meanings of high-frequency verbs imply the absence of direction of movement or, on the contrary, the presence of a final destination point. The results of the study may be in demand in language teaching, for example, in compiling lexical minimums.

Keywords: verbs of motion, Russian language, core, periphery, rank distribution, frequency dictionary, rank average.

For citation: Khokhlova M.V. Identifying the core and periphery of Russian verbs of motion on corpus data. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 190–194. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-190-194>

Acknowledgments. The author acknowledges St. Petersburg State University for a research project 124032900006-1.

Введение. Термин «поле» регулярно используется при описании явлений, демонстрирующих некоторые сходства. Применительно к лексике выделяют лексико-семантические поля (более узко – группы), включающие единицы, связанные парадигматическими отношениями (синонимическими или родовидовыми) [Trier], а также тематической связанностью [Porzig]. Вместе с тем весьма важно разделить множество объектов на те, которые отличаются своим частотным характером, воспроизводимостью, и на остальные – которые, хотя и многочисленны, но характеризуются низкой встречаемостью в речи.

Выделение ядра и периферии. Лексика может быть снабжена количественными характеристиками, одной из которых является количество употреблений той или иной единицы в тексте (корпусе), – это дает возможность упорядочить лексические данные в виде частотного словаря. В свою очередь, распределение лексики в частотном словаре отличается асимметричностью и описывается эмпирическим законом Ципфа, связывающим частоту слова и его ранг (цит. по: [Мартыненко 2019]):

$$k_r = \frac{k_{max}}{r^\gamma},$$

где r – ранг слова, k_r – частота слова ранга r , k_{max} – частота самого частотного слова, γ – коэффициент, характеризующий неравномерность распределения частот. Значения k_{max} и γ сильно варьируются в зависимости от языков и жанров.

Частота n -го слова в тексте примерно обратно пропорциональна его рангу: оно встречается в n раз реже, чем самое частотное слово (первое в ранжированном списке). В связи с этим замечанием для исследовательских целей важным является выделение высоко- и низкочастотных частей, которые позволили бы отнести лексику к данным категориям.

Поскольку частотный словарь можно представить в виде рангового распределения, это позволяет применять к количественным данным соответствующие статистические метрики. Некоторые из них используются для упорядочения лингвистических данных, а то время как другие применяются на ином материале. Так, индекс Парето [Pareto] связан с распределением доходов среди населения, для оценки которых также был предложен индекс Джини [Джини]. Закон Брэдфорда [Bradford] показывает распределение журналов в зависимости от количества статей с последующим выделением нескольких групп (ядра и других зон), которое будет описываться соотношением $1 : n : n^2$, где $n > 1$. Широко известный в наукометрии индекс Хирша был введен для определения продуктивности ученых согласно количеству цитирований их научных работ [Hirsch]. Представлению языковых данных посвящена работа [Мартыненко, Григорьев],

в которой дан обзор индексов концентрации частотных словарей.

В качестве метрики, позволяющей разделить частотный словарь на ядро и хвост, в работе [Мартыненко 1988] вводится понятие рангового среднего, которое вычисляется по следующей формуле:

$$r = \sum \frac{r^* f_r}{N},$$

где r – ранг лексемы в частотном списке, f_r – соответствующая этому рангу частота, N – объем выборки.

Ранговое среднее можно рассматривать в качестве показателя концентрации частот, которые будут в таком случае расположены в верхней зоне частотного распределения [Мартыненко 2019: 118], что дает возможность использовать полученное значение в качестве границы, разделяющей ранговое распределение на ядро и хвост или на ядро и периферию применительно к лексическим единицам.

Материал исследования. В качестве материала для исследования нами была выбрана группа глаголов движения (перемещения в пространстве), поскольку входящие в нее лексические единицы отличаются конкретными значениями, а также своей многочисленностью, при этом вопрос об их количестве остается открытым.

В Академической грамматике русского языка приводятся 18 глагольных пар, которые отличаются значением однократности – многократности движения, а также его однонаправленности – неоднаправленности [АГ-80]: *бежать – бегать*, *брести – бродить*, *везти – возить*, *вести – водить*, *гнать – гонять*, *гнаться – гоняться*, *ехать – ездить*, *идти – ходить*, *катить – катать*, *катиться – кататься*, *лезть – лезть*, *лететь – летать*, *нести – носить*, *нести – носиться*, *плыть – плавать*, *ползти – ползать*, *тащить – таскать*, *тащиться – таскаться*.

Глаголы движения также находят отражение в иных источниках: в словарях-справочниках, которые служат как цели структурирования лексических единиц, так и учебным целям. Наиболее полно глаголы движения представлены в идеографическом словаре [Лексико-семантические группы], отражающем семантическую классификацию русской глагольной лексики, которая насчитывает около 2,5 тыс. единиц. На верхнем уровне иерархии оказываются три семантических поля (действия, состояния и отношения), которые далее делятся на подполя. Минимальной единицей описания является отдельная лексико-семантическая группа (ЛСГ), глаголы внутри которой имеют общую архисему, а также проявляют типовую сочетаемость. Всего в словаре описано 108 ЛСГ. При этом глаголы представлены в словаре «в своих основных значениях» [Лексико-семантические группы: 5], которые указаны первыми в толковых слова-

рях. Для каждой ЛСГ авторами выделяются базовые лексемы при помощи процедуры *ступенчатой идентификации*, которая позволяет поэтапно свести значение рассматриваемого глагола к более общему [Лексико-семантические группы]. Для видовой пары указывается только та форма, которая в словаре [МАС] имеет прямое толкование.

В указанном словаре [Лексико-семантические группы] глаголы движения описаны в подполе перемещения, к которой относятся несколько групп¹: 1) ЛСГ глаголов перемещения в пространстве (*передвигать, передвигаться, перемещать, перемещаться*); 2) ЛСГ глаголов вертикального перемещения (*опускать, опускаться, поднимать, подниматься, ронять*); 3) ЛСГ глаголов перемещения, ориентированного относительно конечного пункта (*доставить, достигнуть, приблизиться, придвинуть*); 4) ЛСГ глаголов перемещения, ориентированного относительно исходного пункта (*отдалить, отдалиться, удалить, удалиться*); 5) ЛСГ глаголов перемещения, ориентированного относительно какого-либо промежуточного пункта (*миновать, обвести, обходить, перевести, переходить, провести, проходить*). Часть глаголов описана в нескольких группах: например, *перелететь / перелетать*, принадлежащие первой и пятой из указанных групп. Всего в данном подполе представлено 895 уникальных глаголов, при этом видовые пары приведены вместе (например, *скользить / скользнуть, разъехаться / разъезжаться, уплыть / уплыть*), в то время как упомянутые выше глагольные пары, отличающиеся кратностью или направленностью движения, указаны раздельно (например, *ехать и ездить, идти и ходить* или *нести и носить*). В дальнейшей работе для пар глаголов совершенного и несовершенного вида были подсчитаны частотности для всех вхождений.

Постановка задачи и методология исследования. Приведенный в словаре [Лексико-семантические группы] список является исчерпывающим,

однако нуждается в упорядочении. В нашей работе используется описанная выше метрика рангового среднего, которая была применена для разделения списка лексем на ядерную и периферийную части. Частотности глаголов были получены по данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ] в единицах ipm. Нами был рассмотрен подкорпус со снятой вручную грамматической неоднозначностью, при поиске результатов были исключены причастия.

Результаты. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что около 4 % лексем имеют нулевое количество вхождений в подкорпусе: *взмываться, выскользнуть, добрасывать, добросить, докидывать, доскакивать, иммигрировать, обваливать, обвезти, обкатить, обскакивать, обсыпаться, обсыпаться, отгрести, отгрести, откатывать, откочевать, отсаживаться, отсесть, переволакивать, перекачивать, перелечь, переплывать, перетянуться, подступаться, подчаливать, подчалить, пригрести, приземлять, приползть, прискакивать, промелькивать, пропалзывать, просыпать, развеивать, стряхать, стряхнуть, упархивать*. Среди приведенных примеров наибольшее количество единиц приходится на глаголы, предполагающие наличие субъекта, объекта, а также имеющие сему вертикального движения. Все перечисленные глаголы с нулевой частотностью были исключены из дальнейшего рассмотрения.

В таблице 1 приведены значения описательных статистик для глаголов в каждой подгруппе ЛСГ субъектного, объектного и субъектно-объектного перемещения. Максимальные значения данных метрик показаны для подгруппы субъектного перемещения относительно конечного пункта (в целом это наиболее частотные лексические единицы). Однако, как можно заметить, значения отличаются большим разбросом, и, следовательно, упомянутые описательные статистики не являются показательными.

Для каждой приведенной в словаре ЛСГ отдельно были выделены ядерная часть и периферия посред-

Таблица 1

Значения описательных статистик

	Первая группа глаголов (перемещение в пространстве)		Вторая группа глаголов (вертикальное перемещение)		Третья группа глаголов (перемещение относительно конечного пункта)		Четвертая группа глаголов (перемещение относительно исходного пункта)		Пятая группа глаголов (перемещение относительно промежуточного пункта)	
	субъект.	объект. и субъект.	субъект.	объект. и субъект.	субъект.	объект. и субъект.-объект.	субъект.	объект. и субъект.-объект.	субъект.	объект. и субъект.-объект.
среднее (ipm)	45,05	31,16	25,80	28,96	71,38	25,84	42,10	16,45	27,27	35,81
стандартное отклонение (ipm)	131,88	54,21	45,44	51,10	146,30	50,37	121,05	20,21	85,80	69,36

Таблица 2

Количественные показатели для ядерной лексики

	Первая группа глаголов (перемещение в пространстве)		Вторая группа глаголов (вертикальное перемещение)		Третья группа глаголов (перемещение относительно конечного пункта)		Четвертая группа глаголов (перемещение относительно исходного пункта)		Пятая группа глаголов (перемещение относительно промежуточного пункта)	
	субъект.	объект. и субъект.	субъект.	объект. и субъект.	субъект.	объект. и субъект.-объект.	субъект.	объект. и субъект.-объект.	субъект.	объект. и субъект.-объект.
ранговое среднее	10,58	10,21	11,14	6,10	7,80	9,49	6,22	8,29	5,14	2,21
ядро (%)	10,22	15,15	21,62	22,58	12,17	15,13	10,81	23,29	12,66	15,38
частотность ядра (%)	74,74	66,77	66,64	65,37	70,98	67,27	72,17	63,09	71,54	71,31

ством вычисления рангового среднего: чем больше значение данной величины, тем более равномерным является распределение. И, наоборот, меньшие значения свидетельствуют о частотной концентрации, то есть указывают на зону, в которой содержатся лексические единицы, характеризующиеся высокими количественными показателями. Ниже будут рассмотрены ЛСГ, представленные в словаре, а также общий список глаголов.

В таблице 2 приведены значения рангового среднего, доля глаголов, составляющих ядро, и их частотность в каждой подгруппе ЛСГ субъектного, объектного, а также субъектно-объектного перемещения.

Наибольшая доля кумулятивной частоты (74,74 %) показана ядром глаголов первой группы, связанных с перемещением в пространстве. Для данной ЛСГ было выделено 10 ядерных лексем, к которым относятся следующие: *бежать, двигаться / двинуться, ездить, ехать, идти, лететь, следовать, уехать / уезжать, уйти / уходить, ходить*. Они составляют 10,3 % от общего списка глаголов данной ЛСГ с общей частотностью 74,74 % от общего объема примеров, что является максимумом в сопоставлении с единицами иных ЛСГ.

Отметим отсутствие корреляции между ранговым средним и количеством единиц, которые могут быть причислены к ядерным. Ядро подгруппы второй ЛСГ (субъектное перемещение) глаголов вертикального перемещения имеет наиболее высокое значение рангового среднего (11,14) и при этом сформировано наибольшим количеством единиц за счет видовых пар (24 лексемы): *вскочить / вскакивать, лезть, подняться / подниматься (подыматься), спуститься / спускаться* и др. Это позволяет выдвинуть предположение о том, что частотное распределение лексических единиц данной группы характеризуется большей равномерностью и менее выраженным от-

рывом ядра от хвостовой части. В то же время между ядром и частотностью наблюдается сильная отрицательная корреляция (коэффициент корреляции Спирмена равен $-0,9$, $p\text{-value} \ll 0,05$): чем меньше ядро, тем больше количество примеров в корпусе с входящими в него глаголами.

Наибольшую разность в концентрации частот демонстрирует подгруппа пятой ЛСГ (объектное и субъектно-объектное перемещение), подразумевающая у глаголов наличие семы промежуточного пункта и характеризующаяся также своей малочисленностью: ранговое среднее равно 2,21, что дало возможность включить в ядро только две видовые пары (*привести / проводить* и *перевести / переводить*).

Для общего частотного списка глаголов значение ранговой средней составило 63,69, что, таким образом, позволило получить перечень из 114 единиц (включающий в большинстве случаев видовые пары), – ядерная лексика составляет около 12,74 % от общего количества описанных в словаре глаголов. К ним относятся, например, такие лексемы, как *идти, ходить, прийти / приходить, выйти / выходить, пройти / проходить, лететь, вступить / вступать* и др. Средняя частотность входящих в ядро данного распределения глаголов составляет 193,04 ipm, при этом на них приходится 69,38 % всех словоупотреблений. Более трети (34,21 %) лексических единиц содержат сему конечного пункта (*вернуться, достигнуть / достигать, приблизиться / приближаться, принести / приносить, явиться / являться*), в то время как около одной пятой части (22,81 %) – перемещение в пространстве безотносительно к какому-либо месту (*бежать, гулять, ездить, ехать, уехать / уезжать*).

Заключение. Распределение глаголов, принадлежащих ЛСГ движения (перемещения) в пространстве, отличается большим размахом частот, а также

неоднородностью, что затрудняет выделение ядерной и периферийной частей для этой группы лексических единиц. Используемая метрика рангового среднего позволила определить часть распределения, в которых сконцентрированы лексемы, отличающиеся высокими частотностями: их доля составляет более 12 % от всех глаголов, представленных в рассмотренном нами словаре. Значения входящих в него высокочастотных глаголов подразумевают отсутствие направленности движения или, напротив, наличие конечного пункта. Результаты исследования могут быть востребованы при преподавании языка, например при составлении лексических минимумов.

Примечание

¹ Здесь и далее в скобках приведены базовые глаголы согласно [Лексико-семантические группы] для разных групп, предложенная нумерация групп далее будет использована в статье.

Список литературы

Источники

Лексико-семантические группы русских глаголов: учеб. словарь-справ. / под общ. ред. Т.В. Матвеевой. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 153 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 06.06.2025). (НКРЯ)

Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). Москва: Наука, 1980. 789 с. (АГ-80)

Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Русский язык, 1981–1984. (МАС)

Исследования

Джини К. Средние величины. Москва: Статистика, 1970. 448 с.

Мартыненко Г.Я. Основы стилиметрии. Ленинград: Изд-во Ленинград. ун-та, 1988. 173 с.

Мартыненко Г.Я. Методы математической лингвистики в стилистических исследованиях. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. 296 с.

Мартыненко Г.Я., Григорьев Ю.Д. Индексы концентрации частотных словарей // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 1. С. 41–53.

Bradford S.C. Sources of Information on Specific Subjects. London, Engineering: An Illustrated Weekly Journal, 1934 (26 January), vol. 137, pp. 85–86.

Hirsch J.E. An index to quantify an individual's scientific research output. PNAS, 2005, no. 102 (46), pp. 16569–16572. URL: <http://www.pnas.org/content/102/46/16569.full> (access date: 06.06.2025).

Pareto W. Cours d'economie politique. Vol. 1–2. Lausanne, 1896–1897.

Porzig W. Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen. Beiträge zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur, 1934, no. 58, pp. 70–97.

Trier J. Der Deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines Sprachlichen Feldes. Heidelberg, Winter, 1931, Bd. 1.

References

Dzhini K. *Srednie velichiny* [The averages]. Moscow, Statistika Publ., 1970, 448 p. (In Russ.)

Marlynenko G.Ia. *Osnovy stilemetrii* [Foundations of stylometry]. Leningrad, Izd-vo Leningrad. un-ta Publ., 1988, 173 p. (In Russ.)

Marlynenko G.Ia. *Metody matematicheskoi lingvistiki v stilisticheskikh issledovaniyakh* [Methods of mathematical linguistics applied to research in stylistics]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2019, 296 p. (In Russ.)

Marlynenko G.Ia., Grigor'ev Yu.D. *Indeksy kontsentratsii chastotnykh slovarei* [Concentration indices of frequency dictionaries]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Ser.: Linguistics and intercultural communication], 2017, vol. 15, no. 1, pp. 41–53. (In Russ.)

Bradford S.C. Sources of Information on Specific Subjects. London, Engineering: An Illustrated Weekly Journal, 1934 (26 January), vol. 137, pp. 85–86.

Hirsch J.E. An index to quantify an individual's scientific research output. PNAS, 2005, no. 102 (46), pp. 16569–16572. URL: <http://www.pnas.org/content/102/46/16569.full> (access date: 06.06.2025).

Pareto W. Cours d'economie politique. Vol. 1–2. Lausanne, 1896–1897.

Porzig W. Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen. Beiträge zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur, 1934, no. 58, pp. 70–97.

Trier J. Der Deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines Sprachlichen Feldes. Heidelberg, Winter, 1931, Bd. 1.

Статья поступила в редакцию 06.06.2025; одобрена после рецензирования 15.07.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted 06.06.2025; approved after reviewing 15.07.2025; accepted for publication 16.07.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 195–200. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 195–200. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 81.161.2'373+811.111'373

EDN CADCOD

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-195-200>

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Витлинская Татьяна Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия, niltiv@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0005-3187-3343>

Аннотация. Тенденции развития и изменения языка, текущее состояние языка и формы его существования в XXI в. подвергались и подвергаются разнообразным изменениям, будучи при этом обусловленными внутренними закономерностями развития соответствующих языковых систем. Основной чертой развития языка новейшего периода является скорость и интенсивность языковых процессов, а к основным доминантам развития языка можно отнести влияние общественно-политических факторов на развитие языковой системы, преобладание количественных изменений над качественными, функциональных над системными. Поскольку язык, а его лексический состав в особенности, выполняет главную роль средства общения, он уточняется, дифференцируется и перестраивается для того, чтобы более адекватно и целесообразно воспроизвести, отобразить и закрепить новые концепты и явления в соответствующих словах и выражениях. С точки зрения демонстрации тенденции к экономии языковых средств можно обратиться к заимствованиям. Помимо этого, интересное развитие тенденции к экономии языковых средств наблюдается в формировании новых слов на основе сокращений уже существующих слов. Важной характеристикой лексического уровня современного языка является также тенденция к аналитизму и закон эмпазы, проявляющиеся как в русском, так и в английском языках.

Ключевые слова: аналитизм, заимствования, закон эмпазы, конверсия, лексический состав, неологизмы, развитие языка, экономия языковых средств.

Для цитирования: Витлинская Т.Д. Сопоставительный анализ современных тенденций развития лексического уровня языковой системы на материале русского и английского языков // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 195–200. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-195-200>

Research Article

COMPARATIVE ANALYSIS OF MODERN TENDENCIES IN THE DEVELOPMENT OF THE LEXICAL LEVEL OF THE LANGUAGE SYSTEM BASED ON THE RUSSIAN LANGUAGE AND THE ENGLISH LANGUAGE

Tatiana D. Vitlinskaya, PhD in Linguistics, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, niltiv@bk.ru

Abstract. Tendencies in the development and changes of the language, as well as the current state of the language and the forms of its existence in the 21st century have been undergoing various changes, while being conditioned by the internal patterns of the development of the relevant language systems. The main feature of language development of the modern period is the speed and intensity of language processes, the main dominants of language development including the influence of socio-political factors on the development of the language system, the predominance of quantitative changes over qualitative, functional over systemic. Since language, and its lexical composition in particular, plays the key role of a means of communication, language is being refined, differentiated and rebuilt in order to adequately and expediently reproduce, display and consolidate new concepts and phenomena in appropriate words and expressions. From the point of view of demonstrating the tendency towards saving linguistic resources, we can turn to borrowings. In addition, an interesting development is the tendency to save linguistic resources in the process of new words formation based on abbreviations of existing words. An important characteristic of the modern language lexical level is also the tendency to analyticism and the law of emphase manifested in both Russian and English.

Keywords: analyticism, borrowings, conversion, language development, law of emphase, lexical composition, neologisms, saving linguistic resources.

For citation: Vitlinskaya T.D. Comparative analysis of modern tendencies in the development of the lexical level of the language system based on the Russian language and the English language. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 195–200. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-195-200>

Ввиду взаимосвязи и взаимозависимости развития языка и общества, большинство изменений в языке и речи связано с трансформацией тех или иных аспектов жизни общества, послуживших толчком к развитию языка на всех уровнях языковой системы. Тенденции развития и изменения языка, текущее состояние языка и формы его существования в XXI в. подвергались и подвергаются разнообразным изменениям, проявляющимся весьма разнообразно, на всех уровнях языковой системы, будучи при этом обусловленными внутренними закономерностями развития соответствующих языковых систем.

Понятие прогресса в языке в разные эпохи трактовалось по-разному, как показывает история лингвистической науки. Некоторые пионеры сравнительно-исторического метода в языкознании, в частности В. Гумбольдт [Гумбольдт: 312], А. Шлейхер [Алпатов: 15], анализируя богатство и сложность древних языков и сравнивая их с языками, им современными, пришли к выводу, что история языков представляет собой не что иное, как упадок и упрощение языка [Звегинцев: 127]. В то же время Р. Раск полагал, что простота языковой структуры обладает преимуществами по сравнению со сложной языковой структурой [Алпатов: 165].

Позднее некоторые лингвисты приходили к выводу, что в языках существуют постоянные тенденции, выражающие прогрессивное развитие языков. Факт того, что в различных языках имеет место сокращение длины слов, также обратил на себя внимание ученых. Действительно, при сокращении грамматической формы слова даже с позиции фонетики языка существует масса преимуществ: для артикуляции слов требуется меньшее напряжение, меньшее количество времени, меньшая нагрузка на память – наличие экономия языковых средств, без сомнений. Более того, синтетический строй, свойственный древним индоевропейским языкам, во многих современных индоевропейских языках начал приобретать черты аналитического строя. Эта тенденция к аналитизму в языке, начавшись очень давно, продолжается до сих пор, самостоятельные частицы, служебные слова все чаще используются для выражения грамматического значения, появляются новые аналитические формы глаголов, наблюдается широкий спектр языковых явлений на разных уровнях языковой структуры.

М.М. Гухман еще в 40-х гг. прошлого столетия отмечала, что основная причина смены синтетического строя на аналитический – языковое скрещение, отмечая при этом, что аналитический способ выражения грамматических отношений сам по себе новым спо-

собом не может считаться, поскольку существовал в языке наряду с синтетическим [Гухман: 34].

Это языковое скрещение, взаимодействие и взаимовлияние языков на современном этапе развития общества набирает все большие обороты. Глобальная информационная среда, использование английского языка в качестве своего рода *lingua franca*, скорость передачи и обмена информацией, технологическое развитие, другие экстралингвистические факторы приводят к тому, что тенденция к унификации становится все более актуальной в наши дни. При этом необходимо отметить, что эта тенденция не нова, она присутствует в языке давно, преследуя цели упорядочивания языка, прежде всего: постепенное исчезновение лишних вариантных грамматических категорий и форм, исчезновение форм кратких прилагательных, кратких порядковых числительных, неиспользование некоторых падежных форм – все эти процессы свидетельствуют о развитии языка.

Основной чертой развития языка современного периода является, без сомнения, скорость и интенсивность языковых процессов, а к основным доминантам развития языка можно отнести влияние общественно-политических факторов на развитие языковой системы, преобладание количественных изменений над качественными, функциональных над системными. Изменения в языке происходят настолько быстро, что сложно фиксировать определенный хронологический пласт в рамках десятилетий. Что же касается интенсивности изменений, то здесь можно отметить наибольшую подверженность изменениям лексики и фразеологии, а также грамматики, поскольку изменения в области фонетики не столь очевидны, возможно, вследствие сложности их фиксации и анализа.

Лексика является наиболее подверженной изменениям стороной языковой системы.

Основной причиной появления изменений на лексическом уровне языка являются растущие и трансформирующиеся потребности общества, которые возникают с каждой новой эпохой, с каждым новым социально-культурным событием в истории народа. Поскольку язык, а его лексический состав в особенности, выполняет главную роль средства общения, язык уточняется, дифференцируется и перестраивается для того, чтобы более адекватно и целесообразно воспроизвести, отобразить и закрепить новые концепты и явления в соответствующих словах и выражениях.

Материалом настоящего исследования послужили лексические единицы из русского и англий-

ского языков, отобранные из словарей, материалов периодических изданий, а также сайтов компаний, занимающихся обучением иностранным языкам на образовательных платформах, например «Лингвалео» [LinguaLeo].

Действительно, взаимозависимость изменений на лексическом уровне языка от внешних причин проявляется в значительно большей степени, нежели на уровне фонетическом или грамматическом. Однако следует заметить, что появление неологизмов далеко не всегда связано с возникновением новых понятий и явлений, но также может вытекать из новых ассоциаций, при этом само понятие будет оставаться прежним. Кроме того, помимо внешних факторов, изменения языка на лексическом уровне мотивируются также внутренними законами его существования, к которым в данном случае можно отнести сочетаемость слов, диктующую определенные правила.

Среди важнейших тенденций в современном изменении языка на лексическом уровне, как на уровне наиболее подверженном и максимально быстро реагирующем на изменения, следует опять же обратиться к заимствованиям с точки зрения демонстрации ими тенденции к экономии языковых средств.

Количество лексем и устойчивых сочетаний, появляющихся в языке, неизменно растет. Превалирующей сферой лексических заимствований в языке, несомненно, оказываются более или менее периферийные категории лексики, например профессиональная терминология, имена собственные и т. п. Однако в условиях простоты и скорости взаимодействия людей в глобальном плане для заимствований открывается и основной словарный фонд.

Заимствованные слова можно подразделить на две группы: необходимые заимствования и «модные» заимствования, отнеся к первой из них те, отличительной чертой которых является их использование не только молодым поколением, но и более зрелыми людьми, поскольку такие заимствования описывают предметы и явления, существующие повсеместно в окружающем нас мире и являющиеся абсолютно повседневными. Вспомним, к примеру, такие слова, как *интернет*, *чат*, *мессенджер*, *флешка*, *компьютер*, которые употребляются повсеместно, без каких-либо возрастных ограничений в силу того, что применяются для номинации полностью обыденных и часто используемых понятий.

Причина, по которой для обозначения этих понятий используются заимствованные слова, может быть пояснена тем, что данные заимствования не всегда возможно перевести, поскольку возникли они изначально в англоязычной среде, а если перевод и возможен, то слова теряют часть семантики и/или эмоциональной окраски, а также требуют подробного описания и разъяснения.

Особенно показательна в части невозможности однословного перевода и потери части семантики профессиональная лексика: например, рассмотрим понятие *market maker*. Большинство англо-русских словарей в качестве первого варианта перевода предложит нам *маркет-мейкер*, в качестве второго варианта – *участник рынка*. Однако англо-английский словарь дает следующее определение этого термина: *an intermediary in a stock exchange who controls buy and sell orders (as by purchase and resale) for a particular stock or group of stocks* [Marriam Webster's Dictionary], в котором уточняется, что *маркет-мейкер* – это участник не просто рынка, а фондовой биржи. Именно поэтому Росбизнесконсалтинг (РБК) публикует статьи, в названии которых фигурирует именно *маркет-мейкер*, а не *участник рынка*: «Маркетмейкер: кто это такой и как он работает» [Митраков].

Что касается «модных» заимствований, то характерны они, главным образом, для речи молодежной, поскольку появляются, используются и исчезают из лексической системы языка благодаря блогерам в социальных медиа, людям, много общающимся в игровом онлайн-пространстве. Сначала необычные, оригинальные заимствования, в основном из английского языка, используются среди тех, для кого английский язык – своего рода *lingua franca*, далее распространяются более широко, некоторые становятся популярными и даже используются на протяжении какого-то довольно продолжительного времени. Примерами таких заимствований, которые прошли своего рода проверку временем, можно считать слова *фейк*, *ивент*, *спойлер*, *челлендж*, *коуч*, *каршеринг*. Представители другой, более распространенной группы таких «модных» заимствований имеют больше шансов довольно быстро выйти из относительно широкого употребления, например, это слова *шерить*, *юзать*, *спойлерить*, *стримить*, поскольку имеют более ограниченное употребление и не являются уникальными в вопросах передачи понятий или явлений.

В английском языке подобные «модные», новые слова также появляются с завидной периодичностью, при этом они довольно часто переходят в другие языки: например слово *cringe*, обозначающее поведение, за которое неловко, уже обосновалось в «модных» заимствованиях русского языка и даже некоторым образом адаптировалось, о чем свидетельствует использование в русском языке не только существительного *кринж*, но и прилагательного *кринжовый*.

Не столь часто, но в английском языке также иногда появляются заимствованные «модные» слова, например, *Gucci* (=cool, flashy). Это заимствование часто используется для выражения согласия, или чтобы сообщить, что все хорошо: *It's Gucci*. К этой же группе примеров можно отнести слово *kompromat*, означающее подборку задокументированной информации, способной нанести ущерб репутации.

ванных материалов, документов, способных навредить репутации. Что интересно, данное слово уже вошло в словари английского языка со следующим значением: *compromising information that is used to blackmail or discredit a person or group usually for political purposes* [Marriam Webster's Dictionary].

Тенденция к экономии языковых средств проявляется также в формировании новых слов на основе сокращений уже существующих слов: так, в сравнении с уже почти традиционным существительным *info* (=information) достаточно недавно появилось прилагательное *delulu* (от *delusional*), используемое для описания людей, чьи взгляды очень далеки от реальности, как во фразе *Tom thinks that she'll agree with him on this point. He's delulu*. Или здесь же в качестве примера можно добавить использование существительного *fam* (от *family*), употребляющегося для обозначения близких людей, как в предложении *What's going on, fam?* Список примеров таких сокращенных вариантов можно продолжить: *fit* (=outfit, e.g. Have you seen Beyoncey's fit?), *legit* (=legitimate, e.g. Are your shoes legit?), *sus* (=suspicious, e.g. You didn't call me last weekend. That's sus.), *totes* (=totally, e.g. You shouldn't have done it! – Totes.), *rizz* (=charisma) etc. Безусловно, эти слова не входят в литературную норму, являясь примерами современного сленга.

Отдельная группа неологизмов, как уже отмечалось выше, представлена словами, возникшими из новых ассоциаций, при этом понятие остается прежним. Как правило, они носят оценочный характер и выражают мнение говорящего по поводу того или иного явления, например, использование прилагательного *вкусный* применительно к описанию цвета или прилагательного *атмосферный* применительно к интерьеру. Такое явление тоже можно пояснить тенденцией к экономии языковых средств.

В современном английском языке также присутствуют явления, объяснимые с позиции тенденции к экономии языковых средств. В частности, возникновение неологизмов, появляющихся из новых ассоциаций при сохранении основного понятия, присущее в равной степени английскому и русскому языкам, что демонстрировалось выше. В качестве примера можно рассмотреть развитие значения прилагательного *basic* как «обыденный, ничем не выделяющийся», используемого в качестве оскорбления: *This look is so basic!* Использование глагола *cancel* в предложении *He got cancelled because of his notorious behaviour* в значении действия, относящегося к игнорированию медийной личности по причине оскорбительного поведения, также иллюстрирует тенденцию к экономии языковых средств на лексическом уровне языка.

Важной характеристикой лексического уровня современного языка является также тенденция

к аналитизму [Виданов: 127]. В английском языке, относящемся к языкам аналитического строя и являющемуся его ярчайшим, эталонным примером, аналитизм на уровне лексики проявляется в таком частотном способе словообразования, как конверсия, которая характеризуется переходом слова из одной части речи в другую, причем начальная форма слова не меняется. В языках аналитического строя для репрезентации грамматических связей между словами используются служебные части речи, порядок слов, интонация, а не разнообразные морфемы (аффиксы), используемые в языках синтетического строя.

Конверсия служит для передачи смысла слова в сжатом виде, такое определение этого явления встречается в разных исследованиях, в том числе у З. Аднан [Adnan: 55]. Примерами слов, образованных с помощью конверсии, можно считать следующие: *to Google* (существительное перешло в глагол) – искать что-то в Интернете с помощью Google; *to peacock* (существительное перешло в глагол) – позировать, рисоваться, задаваться; *to spam* (существительное перешло в глагол) – предоставлять много ненужной информации; *to mother* (существительное перешло в глагол) – заботиться о ком-то; *to slim* (прилагательное перешло в глагол) – худеть; *ins and outs* (предлоги перешли в существительное) – тонкости вопроса; *ifs, ands and buts* (союзы перешли в существительное) – оговорки, ограничения и несогласие.

Самая распространенная форма конверсии в английском языке – переход существительного в глагол, но, как видно из примеров, встречаются и иные варианты. Например, И. Плаг выделяет четыре основных вида конверсии, свойственных английскому языку: переход существительного в глагол, глагола в существительное, прилагательного в глагол и прилагательного в существительное [Plag: 135]. Довольно значительную группу слов, образованных с помощью конверсии, занимают слова, возникшие в результате развития IT-технологий.

Что касается тенденции аналитизма применительно к современному русскому языку, языку синтетического строя, следует отметить актуальность этого явления, внимательно изучаемого исследователями. Например, Е.М. Ковальская отмечает, что конверсия может быть описана с опорой на три параметра: смену синтаксической категории, идентичность фонетической оболочки и смену словоизменительной парадигмы [Ковальская: 47]. В русском языке, по сравнению с английским языком, количество примеров использования конверсии значительно меньше вследствие синтетичности языка. Среди примеров конверсии можно выделить широко и давно известные, как, например, *ученый*, *портной*, *прихожая*, *гостинная*, *пирожное*, *часовой*, и примеры менее

очевидные, проявляющиеся в противопоставлениях, как, например, *отлично* проявить себя – поставить *отлично* в дневник, *бренный* мир – задуматься о *бренном*. Некоторые слова, иллюстрирующие явление конверсии, перешли в разряд историзмов, например, *городничий*, что демонстрирует постоянство использования конверсии в русском языке в диахроническом плане.

Одна из основных черт аналитизма современного английского языка на лексическом уровне – это все чаще встречающиеся сложносоставные слова, состоящие из нескольких слов, например, *backfire* – обратный результат; *fire-resistant* – огнеупорный; *crowdfunding* – сбор денежных средств большим количеством людей, но суммы пожертвований при этом небольшие; *newbie* – новичок в какой-то профессии; *staycation* (stay + vocation) – отпуск без путешествий. Наконец, в качестве примера можно привести слово, означающее разновидность детективного сюжета в кино, *whodunit*, являющееся разговорным сокращением целой фразы, *Who has done it?* Подробному изучению явлений аналитизма в словообразовании английского языка посвящено большое количество научных работ, в частности Т.Л. Бородиной [Бородин: 14].

Относительно демонстрации эмфазы на лексическом уровне языка можно отметить, что одним из самых частотных эмфатических средств на данном уровне являются, например, слова-интенсификаторы лексических значений, зачастую обладающие яркой образностью и отражающие языковую картину мира говорящих на определенном языке, вследствие чего возникают сложности перевода: *ужасно красивый*, *страшно умный* в русском языке и *terribly nice*, *awful crowd* в английском языке. Исследователями выделяются два типа слов-интенсификаторов: даунтонеры и эмплифаеры [Лебедева, Павлова: 47], а также подчеркивается их контекстуальность.

Помимо слов-интенсификаторов в качестве эмфатического средства используются также лексикосинтаксические повторы, разнообразные риторические фигуры, причем данное утверждение относится и к русскому, и к английскому языкам.

Таким образом, характерными тенденциями развития лексического уровня языковой системы на современном этапе развития языка являются следующие: стремление языка к аналитизму, тенденция к экономии языковых средств в речи, тенденция к унификации, закон эмфазы. Безусловно, перечень примеров проявления основных тенденций развития современного языка на лексическом уровне будет со временем расширяться и изменяться, поскольку развитие языка не останавливается никогда, постоянно идет в ногу со временем и вынуждено отвечать всем вызовам современности.

Список литературы

Алпатов В.М. История лингвистических учений. 4-е изд. Москва: Языки славянской культуры, 2005. 368 с.

Алпатов В.М. Шлейхер, теория и метод // Сравнительно-историческое языкознание XIX–XXI вв.: К 200-летию со дня рождения Августа Шлейхера: материалы XI Междунар. науч. конф. по сравн.-ист. языкознанию (МГУ им. М.В. Ломоносова, филол. факультет; 23–25 ноября 2021 г.). Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2022. С. 10–17.

Бородин Т.Л. Парадигматические отношения в системе аналитического глагольного лексемообразования (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2011. 24 с.

Виданов У.Ю. Аналитизм в именном словообразовании современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2011. 25 с.

Гумбольдт, Вильгельм фон. Язык и философия культуры: пер. с нем. яз. / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.В. Гулыш, Г.В. Рамишвили. Москва: Прогресс, 1985. 451 с.

Гухман М.М. К вопросу о развитии анализа в индоевропейских языках // Ученые записки 1-го Моск. гос. пед. ин-та иностр. языков. Т. 2. Вопросы грамматики. Москва, 1940. С. 15–30.

Звегинцев В.А. Натуралистическое направление в языкознании // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. Москва: Просвещение, 1964. 464 с.

Ковальская В.М. Параметры словообразовательной конверсии и русские деепричастия // Phema. Рема. 2016. № 4. С. 43–57.

Лебедева И.С., Павлова Е.Б. Способы репрезентации интенсификации в английском языке // Вестник МГЛУ. 2016. Вып. 21 (760). С. 43–56.

Митраков А. Маркетмейкер: кто это такой и как он работает // РБК Инвестиции. URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/62b5bcb9a7947a8e7a1d269?ysclid=m7vze884bj59830695> (дата обращения: 10.04.2025).

Adnan Z. Conversion in English. Education and Linguistics Research, 2021, vol. 7, no. 1, pp. 54–61.

LinguaLeo. UPL: <https://lingualeo.com/ru/blog/2024/05/17/sleng-2024-novy-e-slova-v-angliiskom-yazyke/> (access date: 10.04.2025).

Marriam Webster's Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/market%20maker> (access date: 10.04.2025).

Plad I. Word-formation in English. Cambridge University Press, 2003, 240 p.

References

Alpatov V.M. *Istorija lingvističeskikh učenij* [History of linguistic studies], 4th ed. Moscow, Jazyki slavjanskij kul'tury Publ., 2005, 368 p. (In Russ.)

Alpatov V.M. *Shlejher, teorija i metod* [Shleier, theory and method]. *Sravnitel'no-istoricheskoe jazykoznanie XIX–XXI vv.: K 200-letiju so dnja rozhdenija Avgusta Shlejhera: materialy XI Mezhdunar. nauch. konf. po sravnitel'no-istoricheskomu jazykoznaniju (MGU im. M.V. Lomonosova, filologicheskij fakul'tet, 23–25 nojab. 2021 g.)* [Comparative historical linguistics of the XIX–XXI c.]. Moscow, Moscow State University Publ., 2022, pp. 10–17. (In Russ.)

Borodina T.L. *Paradigmaticheskie otnoshenija v sisteme analiticheskogo glagol'nogo leksemoobrazovaniya (na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka)* [Paradigmatic relations in the system of analytical verbal lexeme formation (based on the material of modern English)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul, 2011, 24 p. (In Russ.)

Gumbol'dt, Vil'gel'm fon. *Jazyk i filosofija kul'tury* [Language and philosophy of culture]: per. s nem. jaz., ed. by A.V. Gulysh, G.V. Ramishvili. Moscow, Progress Publ., 1985, 451 p. (In Russ.)

Guhman M.M. *K voprosu o razvitii analiza v indoevropejskij jazykah* [On the issue of analyticism development in indo-european languages]. *Uchenye zapiski I-go MGPIIJa. T. 2. Voprosy grammatiki* [Scientific notes of MGPIIJa. Vol. 2. Grammar issues]. Moscow, 1940, pp. 15–30. (In Russ.)

Koval'skaja V.M. *Parametry slovoobrazovatel'noj konversii i russkie deeprichastija* [Frames of word-formation conversion and Russian participles]. *Phema. Rema* [Rheme. Rema], 2016, no. 4, pp. 43–57. (In Russ.)

Lebedeva I.S., Pavlova E.B. *Sposoby reprezentacii intensifikacii v anglijskom jazyke* [Means of intensification representation in the English language]. *Vestnik MGLU* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University], 2016, vol. 21 (760), pp. 43–56. (In Russ.)

Mitrakov A. *Marketmejker: kto jeto takoj i kak on rabotaet* [Marketmaker: who he is and how he works]. *RBK Investicii* [RBC Investment]. URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/62b5bcb9a7947a8e7a1d269?ysclid=m7vze884bj59830695> (access date: 10.04.2025). (In Russ.)

Vidanov U.Ju. *Analitizm v imennom slovoobrazovanii sovremennogo russkogo jazyka* [Analyticism in the nominal word formation of the modern Russian language]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Omsk, 2011, 25 p. (In Russ.)

Zvegincev V.A. *Naturalisticheskoe napravlenie v jazykoznanii* [Naturalistic approach in linguistics]. *Istorija jazykoznanija XIX i XX vekov v ocherkah i izvlechenijah. Ch. 1* [History of linguistics of the XIX and XX centuries in essays and extracts. Vol. 1]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1964, 464 p. (In Russ.)

Adnan Z. Conversion in English. *Education and Linguistics Research*, 2021, vol. 7, no. 1, pp. 54–61.

LinguaLeo. UPL: <https://lingualeo.com/ru/blog/2024/05/17/sleng-2024-novye-slova-v-anglijskom-jazyke/> (access date: 10.04.2025).

Merriam Webster's Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/market%20maker> (access date: 10.04.2025).

Plad I. *Word-formation in English*. Cambridge University Press Publ., 2003, 240 p.

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; одобрена после рецензирования 11.05.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 21.04.2025; approved after reviewing 11.05.2025; accepted for publication 12.05.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 201–208. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 201–208. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 81'373:791.43

EDN AEUUSU

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-201-208>

ТЕРМИНОЛОГИЯ КИНОИНДУСТРИИ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЩЕЗЫКОВОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Кубова Жанетта Аслановна, соискатель учёной степени кандидата филологических наук, Адыгейский государственный университет, Майкоп, Республика Адыгея, jkubova99@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам определения статуса современной терминологии киноиндустрии и принципам её классификации. Цель предпринятого исследования заключается в описании терминологии киноиндустрии как составной части общезыковой лексической системы посредством её классификации с точки зрения этимологического, семантического, морфологического и структурного критериев. Анализируются ключевые особенности терминологии киноиндустрии. Определяются ее возможности для формирования семейств терминов с общим компонентом, так называемого терминологического гнезда. Выявляются определяющие свойства термина как специфической лексической единицы. Описываются функции и признаки термина как составного элемента общезыковой лексической системы. Проводится дифференциация общеупотребительного слова и термина наряду с определением структурно-семантических особенностей последнего и его преобладающих функций. Представлена этимологическая, семантическая, морфологическая и структурная классификация терминов киноиндустрии. Делается вывод о том, что терминология киноиндустрии является элементом общезыковой лексической системы, обладающей своими характерными особенностями, такими как иерархическая структурированность, строгое кластерное распределение терминологических единиц, основанное на гипо-гиперонимических отношениях внутри системы.

Ключевые слова: термин, терминология, терминотерминологическая система, киноиндустрия, лексическая система, классификация терминов.

Для цитирования: Кубова Д.А. Терминология киноиндустрии как элемент общезыковой лексической системы // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 201–208. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-201-208>

Research Article

FILM INDUSTRY TERMINOLOGY AS AN ELEMENT OF GENERAL LANGUAGE LEXICAL SYSTEM

Janetta A. Kubova, PhD in Philology, Adyghe State University, Maykop, Adyghe autonomy, Russia, jkubova99@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of determining the status of modern terminology of the film industry and the principles of its classification. The purpose of the research is to describe the film industry terminology as an integral part of the general linguistic lexical system by classifying it in terms of etymological, semantic, morphological and structural criteria. The key features of the terminology of the film industry are analysed. The possibilities of the terminology of the film industry for the formation of families of terms with a common component, the so-called terminological nest, are determined. The defining properties of the term as a specific lexical unit are revealed. The functions and features of the term as an integral element of the general linguistic lexical system are described. The differentiation of a commonly used word and term is carried out along with the definition of the structural and semantic features of the latter and its prevailing functions. The etymological, semantic, morphological and structural classification of film industry terms is carried out. It is concluded that the terminology of the film industry is an element of a general linguistic lexical system with its own characteristic features, such as hierarchical structuring, strict cluster distribution of terminological units based on hypo-hyperonymic relationships within the system.

Keywords: term, terminology, terminological system, film industry, lexical system, classification of terms.

For citation: Kubova J.A. Film industry terminology as an element of general language lexical system. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 201–208. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-201-208>

Актуальность исследования лексического состава сферы киноиндустрии обусловлена тем, что она является одной из наиболее интересных сфер для лингвистического анализа в силу того, что, во-первых, является частью лексической системы языка, максимально насыщенной разнообразной специфической терминологией, отражающей как исторические, так и актуальные языковые процессы, связанные с разного рода межязыковыми взаимодействиями и словообразовательными процессами, во-вторых, киноиндустрия является отраслью, находящейся на переднем крае технологического прогресса, что наделяет её способностью максимально быстро реагировать на все изменения, происходящие в ней, и облачать в языковую форму новые явления, процессы и понятия. Кроме того, «для лингвистов представляют интерес способы образования терминов киноиндустрии в разных языках и их продуктивность в каждом из них» [Ларнер: 279]. Так, в современных исследованиях затрагиваются такие аспекты терминологии киноиндустрии, как:

- тематическая классификация, структурные особенности и семантические модели терминов сферы кинопроизводства (Е.Г. Шаранова, 2022);
- проблемы создания англо-русской электронной базы данных терминов сферы кино (О.А. Алимурдов, Е.Г. Шаранова, 2024);
- вопросы неоднозначности и многозначности терминов киноиндустрии (С.Г. Шашурова, 2019; А.Д. Старусева-Першеева, 2015);
- роль заимствований в формировании кинотерминологии (А. Рыкова, Е.Е. Новгородова, 2016).
- вопросы адаптации кинематографической терминологии в общеупотребительной сфере (С.А. Панкратова, 2020).

Терминология киноиндустрии представляет собой сложную кластерную систему, в которой каждую отдельную терминологическую единицу можно отнести как к родовому понятию, так и к видовому. Рассматриваемая терминология является одной из самых сложноорганизованных и объемных.

Киноиндустрия представляет собой особую сферу коммуникативных практик, которая функционирует на стыке сразу нескольких областей человеческой деятельности, а именно культуры, промышленности и экономики.

Цель предпринятого исследования заключается в описании терминологии киноиндустрии как составной части общезыковой лексической системы посредством её классификации с точки зрения этимологического, семантического, морфологического и структурного критериев.

Материалом исследования послужили данные лексикографических источников на английском языке, а также терминологические единицы и тер-

минологические сочетания, извлеченные методом сплошной выборки и конкретизированного поиска из корпусов современного британского и американского английского. Объем эмпирического материала составил 550 терминологических единиц. В качестве основных методов исследования применялись: описательный метод, метод сплошной выборки, метод классификации, а также элементы дистрибутивного анализа.

Термин является наиболее точной и однозначной лексической единицей с семантической точки зрения и функционирует в той терминосистеме, к которой относится. Термины достаточно часто переходят из одной терминологической сферы в другую, поскольку означают схожие понятия и процессы, однако они редко становятся частью общей лексики языка в силу своей специфичности. Термин обладает определенными функциями, среди которых: номинативная, сигнификативная или дифференцирующая, информационная или коммуникативная, прикладная или прагматическая. К более частным функциям термина можно отнести дидактическую, ориентирующую, аккумулятивную и другие.

Термин отличается от конвенциональной лексики тем, что он входит в общую лексическую систему языка только через посредство терминологической системы конкретной отрасли знания; семантика термина соответствует той области знания, к которой он принадлежит, но может изменяться при переходе из одной терминосистемы в другую, при этом оставаясь моносемичной; семантика термина является предельной и ограниченной, не допускающей полисемии; термин выполняет функцию специализирующей и ограничительной лексической единицы.

Одной из главных особенностей терминологической единицы является то, что она способна к «формированию семейств терминов с общим компонентом, так называемого терминологического гнезда» [Патюкова: 200], функционирующего как в рамках определенной предметной сферы, так и внутри общей лексической системы языка. Как отмечает Ю.Е. Ларина, функции и свойства терминологической единицы полноценно раскрываются при рассмотрении последней в рамках моррисовского трехчастного деления – так называемой семиотической триады – «семантика, синтактика, прагматика» [Ларина: 138].

Лексическая система языка представляет собой организованную и упорядоченную совокупность языковых единиц (слов и словосочетаний), связанных между собой устойчивыми отношениями. Эти отношения могут иметь различный характер, например иерархический, градуальный, гипонимогиперонимический и т. д. Принадлежность термина к общей лексической системе языка доказывает тот факт, что теоретически термином может стать лю-

бое слово при условии, что дана четкая дефиниция, определяющая именуемое понятие и жестко ограничивающая понятийную сферу, обеспечивая изоляцию от интерпретаций или омонимичных слов общей лексики. Термин обладает всеми признаками общеупотребительного слова, а именно: цельнооформленность и непроницаемость; лексико-грамматическая отнесенность; воспроизводимость; наличие материальной оболочки; фонетическая и морфологическая устойчивость; семантическое постоянство в синхронном аспекте; «условность связи формы и содержания» [Голованова: 29]; семантическая валентность; изолируемость; номинативность.

Все обозначенные признаки свойственны в равной степени как общей лексике языка, так и терминологической. На основании этого можно сделать однозначный вывод о том, что термины входят в состав общей лексической системы языка наряду с другими словами. Однако, несмотря на это, у терминологической лексической единицы есть два признака, отличающих её от общеупотребительной лексики. Во-первых, термин всегда закреплен за определенной терминосистемой и практически не употребляется вне её (в отличие от общеупотребительного слова, которое относительно свободно), а его принадлежность к этой системе достаточно просто идентифицируется. Во-вторых, номинативная функция у термина реализуется не просто в назывании различных явлений, а в именовании специальных понятий определенной (относительно узкой) профессиональной сферы: «термины – это слова метаязыка науки и приложений научных дисциплин, а также слова, обозначающие специфические реалии областей конкретной практической деятельности человека» [Баранов: 89]. Одной из таких специализированных профессиональных областей является киноиндустрия.

Киноиндустрия представляет собой комплексную лексическую систему с множеством терминологиче-

ских единиц, состоящих в родовидовых отношениях, то есть каждая составная часть терминологической системы киноиндустрии содержит определенные лексические кластеры (тематические группы), разделенные на то или иное количество субкластеров и более мелких тематических групп, содержащих отдельные лексические единицы, номинирующие соответствующие понятия.

Схематически фрагмент терминологической системы киноиндустрии можно представить следующим образом (рис. 1)

Исходя из данного представления, можно утверждать, что терминология киноиндустрии является частью общей лексической системы языка и представляет собой институционализированный феномен с четко распределенными ролями, участниками отношений, техническим инструментарием, правами и обязанностями и т. д., которые номинируются в языке посредством соответствующих терминов. Проиллюстрируем данное положение при помощи терминологии киноиндустрии английского языка (табл. 1).

Представленная таблица наглядно показывает устройство терминологической системы киноиндустрии. Она демонстрирует её иерархическую организацию, а также родовидовые отношения, в которых находятся отдельные лексические единицы. Так, для каждого термина становится возможным установление его положения в иерархии, а также отношений с родовыми и видовыми понятиями. Например, термин *photography* состоит в ряду *film industry – filming process / shooting process – camerawork – photography – lens – kinetoscope – exposure* и т. д. и выступает видовым понятием по отношению к предшествующим терминам и родовым по отношению к последующим. Кроме того, каждый термин, входящий в представленный ряд (или любую другую подобную последовательность) выполняет наиболее важную функцию термина, которая заключается

Рис. 1. Фрагмент терминологической системы киноиндустрии

Таблица 1

Фрагмент структуры терминологической системы киноиндустрии

THE LEXICAL SYSTEM OF THE LANGUAGE			
THE FILM INDUSTRY			
Cast / Starring		Filming process / Shooting process	
Casting	Roles / characters	Camerawork	Editing
<i>casting call</i>	<i>major character</i>	<i>photography</i>	<i>continuity editing</i>
<i>audition</i>	<i>minor character</i>	<i>lens</i>	<i>crosscutting</i>
<i>onlinecasting</i>	<i>character-function</i>	<i>kinetoscope</i>	<i>dissolve</i>
<i>casting director</i>	<i>supporting character</i>	<i>real image</i>	<i>establishing shot</i>
<i>appearance</i>	<i>orbital characters</i>	<i>exposure</i>	<i>eyeline match</i>
<i>composite card</i>	<i>protagonist</i>	<i>image sensor</i>	<i>final cut</i>
<i>photo visiting card</i>	<i>antagonist</i>	<i>zoom lens</i>	<i>sequence shot</i>
<i>portraitshot</i>	<i>lead character</i>	<i>slow motion</i>	<i>wipe</i>
<i>medium frame</i>	<i>mentors</i>	<i>motion-picture</i>	<i>iris</i>
<i>showreel</i>	<i>romantic interest</i>	<i>camcorder</i>	<i>errors of continuity</i>
<i>demo video</i>	<i>sidekick</i>	<i>camera man</i>	<i>sweetening</i>

в номинации узкоспециализированного профессионального понятия, относящегося к тому или иному аспекту киноиндустрии. Соответственно, чем ближе располагается термин к концу лексического ряда, тем более узкоспециализированное понятие он обозначает и наоборот.

На основании проанализированной терминологии нами было установлено, что она имеет четкую ориентированность по схеме «от общего к специальному». Иными словами, по мере приближения той или иной терминологической единицы к границе семантического ряда её понятийное поле становится более узкоспециализированным. Такие «предельные» понятия становятся максимально терминологизированными, сугубо профессиональными и непонятными широкому кругу носителей языка. Данную направленность можно проиллюстрировать следующими рядами: **Shooting process** → **Camera work** → **Photography** → **Abby Singer Shot**. Понятие *Abby Singer Shot* незнакомо большинству носителей английского языка, поскольку является сугубо профессиональным термином, понятным только операторам и съёмочной группе. *Abby Singer Shot* – это название для предпоследнего кадра дня. Термин назван в честь Эбби Сингера, известного ассистента режиссера и менеджера по производству. Другим примером может служить ряд: **Editing** → **Continuity Editing** → **Sound Overlay** → **Audio Bridge**. Последний термин ряда является наиболее узкоспециализированным (в данном случае речь идет о монтаже и наложении звука), в то время как предшествующие термины знакомы большинству людей. *Audio Bridge* – это исходящий звук, такой как музыка или диалог, который представляет собой переход от одной сцены к другой.

Терминология киноиндустрии является составной частью общезыковой лексической системы, ввиду чего её можно классифицировать по ряду соответствующих критериев.

1. Этимологическая классификация. Предполагает распределение кинематографических терминов в соответствии со следующими критериями:

1) источник появления:

– **литература**: allegory, allusion, alliteration, antagonist, anti-hero, archetype, atmosphere, comedy, caricature и др.;

– **театр**: background, scene, actor, play, mise en scene, soffit, soloist, ramp и др.;

– **фотография**: angle, aperture, arc shot, aspect ratio, balance, operator, caption и др.;

– **информационные и высокие технологии**: chromakey, CGI, motion capture, visualization, SFX, content, anamorphic, automation и др.;

2) язык происхождения:

– **английский** (британский или американский): blockbuster (*a standout movie that is a major box office success*), chick flick (*a term used to describe films that primarily appeal to women*), clapperboard (*the black-and-white board or slate with a hinged top used to display information of the shot on the screen*), cliffhanger (*is the film that ends with the primary conflict unresolved*), coverage (*the term to describe all of the shots, including reverse angles and close-ups*);

– **латинский**: climax (*the topmost point of tension within a narrative*), composition (*the way in which different elements of a scene are arranged on the frame*), continuity (*one of the responsibilities of the script supervisor to make sure elements are consistent from shot to shot and scene to scene*), convention (*a typical element audiences expect out of certain genres of film*).

without question), camera (*the most basic, essential machine necessary for filmmaking*), cameo (*brief appearance by a famous actor, director, or celebrity in a film*), contrast (*the difference in light and shadow in a scene*);

– **греческий**: catharsis (*the point in a film's climax where the audience experiences a cleansing of emotional tension*), character (*the individual within a movie, played by an actor*), chimera (*a cloth frame that attaches to a hard light and turns it into diffused light*), scope (*a film presentation technique*), critic (*someone who publishes reviews of movies for analytical or educational purposes*);

– **французский**: auteur (*is the French word for "author" Most often refers to a director*), film noir (*a French word meaning "black film"*), cinema vérité (*a French word meaning "true cinema." It is a filmmaking style dedicated to capturing "real life"*), credits (*the text appearing before or after a film detailing the cast, production crew, and technical personnel*), color gamut (*The range of colors in a particular system, defined by the triangular area on the CI color diagram*);

– **итальянский**: hiaroscuro (*a combination of two Italian words meaning "light" and "dark"*), coda (*the word meaning "tail" in Italian*).

2. Семантическая классификация. Данный критерий предполагает распределение и объединение терминов киноиндустрии в соответствии с ключевой семой каждого из них. К таким семам можно отнести:

1) **общую терминологию киноиндустрии**: motion picture, filming, starring, feature film, short film, screenplay, storyboard, director, cinematographer, cast, romance, animation, producer и др.;

2) **жанр кино**: action, comedy, drama, horror, thriller, romance, sci-fi, fantasy, documentary, animation и др.;

3) **проектирование кинопроизводства**: reference, draft, calendar and staging plan, explication, script, producer, development;

4) **предпроизводство** (препродакшн): brief, script, commercial offer, timing, estimate, contract, prepayment, storyboard, animatic, locations, casting, pre-production meeting и др.;

5) **непосредственное производство** (продакшн / съемочный процесс): guideline, callback, timing, wrap, take, shot, principal photography, production, camera, filter, flashback, focus, footage, grip, intermission, lighting и др.;

6) **постпродакшн или постобработку**: cut, editing, color, correction, sound design, visual effects, titles and inscriptions и др.;

7) **дистрибуцию или распространение**: film distributor, distribution, non-theatrical distribution, box-office, trailer, distributor's office, film copy, delivery, fees, written contract и др.;

8) **критику и анализ**: review, critic, rating, plot, theme, subtext, symbolism, motif, criticism и др.

3. Морфологическая классификация. Данный критерий предполагает распределение и объединение терминов киноиндустрии в соответствии с частеречной принадлежностью всего термина или его ключевого компонента:

1) **субстантивная терминология**: lighting (*the illumination present within a scene. It also refers to the manipulation of said illumination by way of the cinematographer trying to alter shadows and brightness*), location (*the places or properties used to film. A location can either be exterior or interior*), narration (*telling of a story by providing supplemental information given to the audience by a voice offscreen*), overcranking (*a technique when a camera's frame rate exceeds 24 frames per second*), prequel (*a later film in a franchise that presents events and/or characters that are set chronologically before the time of the original movie*);

2) **адъективная терминология**: aerial perspective (*atmospheric perspective, refers to the effect the atmosphere has on the appearance of an object as viewed from a distance*), angular resolution (*ability of any image-forming device such as a camera to distinguish small details of an object*), alternate ending (*an ending of a story that was considered, or even written or produced, but ultimately discarded in favour of another resolution*), ambient light (*to any source of light that is not explicitly supplied by the photographer for the purpose of taking pictures*), anamorphic widescreen (*a process by which a widescreen image is horizontally compressed to fit into a storage medium*), American night (*a set of cinematic techniques used to simulate a night scene while filming in daylight*);

3) **вербальная терминология**: to act (*an activity in which a story is told by means of its enactment by an actor who adopts a character*), to release (*to give the film to the distributor for its demonstration*), to distribute (*to spread a copy of the film to cinemas*), to shoot (*to make a movie with the help of filming equipment*), to rehearse (*to practice actions and cues according to the scenario*).

4. Структурная классификация:

1) **однокомпонентные термины**: sequel (*a movie that continues the events, characters, and settings from a previously made film*), soundtrack (*the audio portion of a film. Technically, it refers to the dialogue, sound effects, and musical score that accompanies a film*), spoiler (*any information about plot details or a film's ending that could hinder one's enjoyment of watching the film if it is known ahead of time*), foreground (*the opposite of a background. Any action or object closest to the camera*), diffusion (*the softening or reduction of a light's intensity*);

2) **двухкомпонентные термины**: cross-fade (*a fading technique with two components*), cross-over (*a film marketed toward one audience but would also be enjoyed by a completely different demographic*), spin-

off (a derivative work of another film that can either be a sequel or prequel), split-screen (the act of combining two actions filmed independently and then copying them into a single frame), eyeline match (a cut in filmmaking between two shots that shows an illusion that the character);

3) **трехкомпонентные термины**: extreme close-up (a close-up shot that films the subject incredibly closely), high angle shot (a point where the scene or subject is filmed from above), zoptic special effects (a revolutionary 3D process that was invented by Zoran Perisic), wide angle shot (is taken with a lens capable of capturing a wider field of view than a regular lens), second unit photography (the unit responsible for filming less important scenes, such as foreign location backgrounds or large crowd scenes);

4) **четырёхкомпонентные термины**: shot, scene, and sequence (concepts that make up the dramatic narrative of a film), transition minimized differential signaling (differential signals with minimized transitions), projector-to-screen distance (the distance between the centers of the front legs of the projector and the screen);

5) **гибридные термины**: 24 Frames Per Second (the standard frame rate for movies shot on film), 3D Movie (a motion picture that enhances the illusion of depth perception by employing stereoscopic film techniques), S-Video (the output available in certain video players and other video equipment), TTL Video (RGB video signal type with digital characteristics), U-matic (a 3/4-inch magnetic tape, which would originally be found on a professional cassette tape format);

6) **термины-аббревиатуры**: DCDM (Digital Cinema Distribution Master – оригинал, предназначенный для распространения в системе цифровых кинотеатров), DVI (Digital Visual Interface – цифровой видеointерфейс), E-EDID (Enhanced Extended Display Data Channel – улучшенный расширенный канал отображения данных), ILS (Intelligent Lens System™ – интеллектуальная система объектива), HDCP (High-bandwidth Digital Content Protection – защита широкополосного цифрового контента).

Отдельно стоит отметить обилие терминов-аббревиатур, являющихся максимально терминологизированными лексическими единицами и обозначающих сложные профессиональные понятия. Потребность в разного рода акронимах и аббревиатурах возникает тогда, когда появляется необходимость номинации сложных абстрактных понятий или многоплановых процедур, поскольку семантической емкости однословных терминов оказывается недостаточно. Такие термины также будут стоять в конце условного гипогиперонимического ряда, например: **Editing** → **Sound Editing** → **SoundOverlay** → **ADR** (additional dialogue replacement – вставка дополнительного диалога за кадром) или **Filming process** → **Camerawork** →

SPFX → **DVE** → **ECT**. SPFX (special effects) – это спецэффекты, DVE (digital video effects) – это специализированная цифровая аппаратура для видеоэффектов, а ECT (eye capture technology / eyetracking / captureeye) – это технология отслеживания движений глаз и их видеозахвата. Помимо вышеперечисленных аббревиатур нами были также исследованы такие сокращения, как: ELS – extreme long shot; LS – long shot; MCU – medium close-up; x-sheet – exposure sheet; T-stop – transmission stop; OS – offscreen; ITC – Intermittent traffic control; MOS – Mit Out Sound. Число аббревиатур, исследованных в ходе анализа терминологии киноиндустрии, составило 96 единиц (из общего числа терминов, равного 550), что составляет 17,45 %. Семантически термины-аббревиатуры касаются преимущественно сложных высокотехнологических процессов, связанных со съемкой, монтажом и постпродакшном, что свидетельствует о постоянном усложнении значений терминов.

Таким образом, использование большого количества сокращений является еще одной специфической особенностью терминологии киноиндустрии, свидетельствующей о сложности номинируемых понятий. Система терминологии киноиндустрии сформирована таким образом, что каждый элемент, являющийся гипонимом по отношению к какому-либо понятию, номинирует все более сложные и комплексные понятия, знакомые только узким специалистам, в то время как термины, относящиеся к началу семантического ряда, являются по большому счету общеупотребительными.

Таким образом, исследование терминологии киноиндустрии является комплексной задачей и требует комбинированного подхода с использованием методик лексикографического исследования, корпусного анализа, сравнительного и переводоведческого анализа. Терминология киноиндустрии представляет собой сложноорганизованную систему лексических единиц, входящую в состав общей лексической системы языка на том основании, что термины обладают всеми теми же определяющими признаками, что и слова общеупотребительного лексикона, но отличающиеся функционально. В частности, преобладающей функцией терминологической лексической единицы является номинация узкоспециализированного профессионального понятия, относящегося к специфической сфере деятельности и коммуникации.

В ходе исследования нами были выявлены две специфические черты терминосистемы киноиндустрии: четкая гипо-гиперонимическая иерархическая связь элементов того или иного семантического ряда понятий, а также выраженная направленность элементов семантического ряда от общеупотребительного до узкоспециального, понятного только профес-

сионалам сферы кинопроизводства. По мере сужения значения номинируемого понятия возникает необходимость в более специальных комплексных терминах, которые зачастую подвергаются процессу акронимизации или аббревиации.

В исследовании была предложена классификация терминологии киноиндустрии в соответствии с такими критериями, как этимологический, семантический, морфологический и структурный. С точки зрения этимологии в составе английской терминологии киноиндустрии встречаются термины как собственно английского происхождения, так и термины, заимствованные из латинского, греческого, французского, итальянского языков. Согласно сфере происхождения, выделяются термины, попавшие в сферу кинематографа из литературы, театра, фотографии, информационных и высоких технологий. Согласно семантическому критерию, в состав кинотерминологии входят единицы со следующими архисемами: общая терминология, жанр кино, проектирование кинопроизводства, предпроизводство, непосредственное производство, постпродакшн или постобработка, дистрибуция или распространение, критика и анализ. По морфологическим признакам выделяется субстантивная, адъективная и вербальная терминология. Структура терминов киноиндустрии варьируется от простой (односложной, непроемкой) до сложносоставной (одно-, двух-, трех-, четырехкомпонентные единицы, а также гибридные термины и термины-аббревиатуры).

Список литературы

Источники

Katz Ephraim. The Film Encyclopedia: The Complete Guide to Film and the Film Industry, ed. by Ronald Dean Nolen, 7th ed. New York, Harper Collins, 2012, 1616 p.

Konigsberg I. The complete film dictionary, 2nd ed. Penguin, 1997, 469 p.

Исследования

Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. 2-е изд., испр. Москва: Едиториал УРСС, 2003. 360 с.

Голованова Е.И. Условность связи формы и содержания как одно из свойств термина // Когнитивные исследования языка. 2019. № 39. С. 29–37.

Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. Москва: Академия, 2008. 302 с.

Исаков И.С. Анализ англоязычной терминологии киноиндустрии // Молодые исследователи – регионам: материалы Междунар. науч. конф.: в 3 т.; Вологда, 20–21 апр. 2021 г. Вологда: Вологодский гос. ун-т, 2021. Т. 3. С. 455–457.

Ларина Ю.Е. Семиотические свойства термина (на материале лингвистической терминологии) //

Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № S12. С. 138–144.

Ларнер Э.А. Терминология киноиндустрии: словообразовательный аспект (на материале русского, английского и немецкого языков) // Современные технологии обучения иностранным языкам: сб. науч. трудов: междунар. науч.-практ. конф.; Ульяновск, 20–21 янв. 2023 г. / отв. ред. Н.С. Шарафутдинова. Ульяновск: Ульяновский гос. тех. ун-т, 2023. С. 279–283.

Лимарова Е.В. Специфика англо-русского перевода терминов в сфере кинопроизводства // Казанская наука, 2022. № 12. С. 136–141.

Маник С.А. Корпусные технологии как основа систематизации предметной области (на материале терминологии кино) // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. 2018. № 14. С. 170–176.

Панкратова С.А. Адаптация кинематографической терминологии в общеупотребительной сфере // СибСкрипт, 2020. № 3 (83). С. 859–868.

Патюкова Д.Д. Структурно-семантические особенности неологизмов в терминологии киноиндустрии и шоу-бизнеса // Studia Linguistica (Санкт-Петербург), 2019. № 28. С. 200–202.

Шамова Н.А. Особенности перевода терминологии киноиндустрии с английского языка на русский язык (в свете межкультурной коммуникации) // Язык: категории, функции, речевое действие: материалы IX науч. конф. с междунар. участием: в 3 ч. Ч. 2.; Москва, 14–15 апр. 2016 г. Москва: Московский пед. гос. ун-т, 2016. Вып. 9. С. 293–295.

Шаранова Е.Г. Тематическая классификация англоязычных терминов сферы кинопроизводства // Вестник Пятигорского гос. ун-та. 2022. № 3. С. 398–403.

References

Baranov A.N. *Vvedenie v prikladnuju lingvistiku* [Introduction to applied linguistics]: textbook, 2nd ed., revised. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003, 360 p. (In Russ.)

Golovanova E.I. *Uslovnost' svyazi formy i soderzhanija kak jedno iz svojstv termina* [The conditionality of the connection between form and content as one of the properties of the term]. *Kognitivnye issledovanija jazyka* [Cognitive studies of language], 2019, no. 39, pp. 29–37. (In Russ.)

Grinev-Grinevich S.V. *Terminovedenie* [Terminology]: *ucheb. posobie dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij* [A text book for students of higher educational institutions]. Moscow, Academy Publ., 2008, 302 p. (In Russ.)

Isakov I.S. *Analiz anglojazychnoj terminologii kinoindustrii* [An analysis of the English-language terminology of the film industry]. *Molodye issledovate-*

li – regionam: materialy Mezhdunar. nauch. konf.: v 3 t. [Young researchers to regions: proceedings of the International Scientific Conference: in 3 vols.]; Vologda, April 20–21, 2021. Vologda, Vologda State University Publ., 2021, vol. 3, pp. 455–457. (In Russ.)

Larina Yu.E. *Semioticheskie svojstva termina (na material lingvisticheskoy terminologii)* [Semiotic properties of the term (based on the material of linguistic terminology)]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvennye nauki* [News of higher educational institutions. The North Caucasus region]. *Social sciences*, 2006, no. S12, pp. 138–144. (In Russ.)

Larner E.A. *Terminologija kinoindustrii: slovoobrazovatel'nyj aspekt (na material russkogo, anglijskogo i nemeckogo jazykov)* [Terminology of the film industry: the word-formation aspect (based on the material of Russian, English and German languages)]. *Sovremennye tehnologii obuchenija inostrannym jazykam: sb. nauch. trudov: Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Modern technologies of teaching foreign language: A collection of scientific papers: International Scientific and Practical Conference; Ulyanovsk, January 20–21, 2023], ed. by N.S. Sharafutdinova. Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University Publ., 2023, pp. 279–283. (In Russ.)

Limarova E.V. *Specifika anglo-russkogo perevoda terminov v sfere kinoproizvodstva* [Specificity of the English-Russian translation of terms in the field of film production]. *Kazanskaja nauka* [Kazan Science], 2022, no. 12, pp. 136–141. (In Russ.)

Manik S.A. *Korpusnye tehnologii kak osnova sistematizacii predmetnoj oblasti (na material terminologii kino)* [Corpus technologies as a basis for the systematization of the subject area (based on the terminology of cinema)]. *Teorija i praktika inostrannogo jazyka v vysshej shkole* [Theory and practice of a foreign language in higher education], 2018, no. 14, pp. 170–176. (In Russ.)

Pankratova S.A. *Adaptacija kinematograficheskoy terminologii v obshheupotrebitel'noj sfere* [Adaptation of cinematographic terminology in the commonly used field]. *SibScript Publ.*, 2020, no. 3 (83), pp. 859–868. (In Russ.)

Patyukova D.D. *Strukturno-semanticheskie osobennosti neologizmov v terminologii kinoindustrii i shou-biznesa* [Structural and semantic features of neologisms in the terminology of the film industry and show business]. *Studia Linguistica* (St. Petersburg), 2019, no. 28, pp. 200–202. (In Russ.)

Shamova N.A. *Osobennosti perevoda terminologii kinoindustrii s anglijskogo jazyka na russkij jazyk (v svete mezhkul'turnoj kommunikacii)* [Features of translation of terminology of the film industry from English into Russian (in the light of intercultural communication)]. *Jazyk: kategorii, funkcii, rechevoe dejstvie: materialy IX nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem: v 3 ch. Ch. 2* [Language: categories, functions, speech action: Proceedings of the ninth scientific conference with international participation: in 3 parts. Part 2; Moscow, April 14–15, 2016]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2016, vol. 9, pp. 293–295. (In Russ.)

Sharanova E.G. *Tematicheskaja klassifikacija anglojazychnyh terminov sfery kinoproizvodstva* [Thematic classification of English-language terms in the field of film production]. *Vestnik Pjatigorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Pyatigorsk State University], 2022, no. 3, pp. 398–403. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.06.2025; одобрена после рецензирования 25.06.2025; принята к публикации 27.06.2025.

The article was submitted 17.06.2025; approved after reviewing 25.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 209–214. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 209–214. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная, сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 811.111'282.8

EDN CHNDNT

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-209-214>

АДАПТАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В НОВЫХ ЛИНГВОСОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ

Волошина Татьяна Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет», Белгород; Московский международный университет, Москва, Россия, tatianavoloshina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6839-9631>

Богданова Марина Дмитриевна, аспирант, Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет», Белгород, Россия, bogdanova-marina.busy@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0324-2164>

Контрерас Омар, кандидат филологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия, konreras@bsuedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2163-9239>

Аннотация. В статье рассматривается специфика адаптации фразеологических единиц в условия мультилингвизма и мультикультурализма. Научная проблема определяется необходимостью изучения особенностей языковой адаптации в условиях глобализации и нативизации для выведения новых признаков фразеологического фонда вариантов английского языка в мировом сообществе. Целью статьи является определение степени адаптации фразеологизмов такого варианта, как нигерийский вариант английского языка, функционирующего в англоязычном нигерийском медиапространстве. Исследование базируется на применении общих научных и частных лингвистических методов. На основе приема сплошной выборки в письменных текстах и видеоматериалах англоязычной нигерийской онлайн-газеты “Punch” за 2024–2025 гг., образующих медиапространство медиадискурса, были выявлены фразеологизмы британского английского языка, американского варианта английского языка и нигерийского варианта английского языка. Метод сравнительно-сопоставительного анализа применялся для установления степени нативизации фразеологизмов в англоязычном нигерийском медиадискурсе. Доказано, что для англоязычного нигерийского медиадискурса наиболее продуктивными являются частично не соответствующие норме по форме и содержанию фразеологические единицы. Этот вид отклонений проявляется в виде изменения позиции предлогов в составе фразеологизмов и в изменении значения лексических единиц, что продиктовано влиянием местных языков. Менее продуктивными в англоязычном нигерийском медиадискурсе являются фразеологизмы, соответствующие фразеологическим фондам британского английского языка и американского варианта английского языка, что продиктовано глобализацией. Наименее продуктивными для англоязычного нигерийского медиадискурса являются полностью не соответствующие норме фразеологические единицы, что связано с необходимостью нигерийцев следовать реалиям родных языков и культур.

Ключевые слова: фразеологизм, британский английский язык, американский вариант английского языка, нигерийский вариант английского языка, англоязычный нигерийский медиадискурс, нативизация, глобализация.

Для цитирования: Волошина Т.Г., Богданова М.Д., Контрерас О. Адаптация фразеологизмов в новых лингвосоциокультурных условиях // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 209–214. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-209-214>

Research Article

IDIOMS' ADAPTATION IN NEW LANGUAGE, CULTURAL AND SOCIAL CONDITIONS

Tatiana G. Voloshina, DSc in Philology, Professor, National Research University “Belgorod State University”, Belgorod; Moscow International University, Moscow, Russia, tatianavoloshina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6839-9631>

Marina D. Bogdanova, Postgraduate Student, National Research University «Belgorod State University», Belgorod, Russia, bogdanova-marina.busy@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0324-2164>

Omar Contreras, PhD in Philology, Associate Professor, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia, konreras@bsuedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2163-9239>

Abstract. The article discusses the specifics of adaptation of phraseological units to the conditions of multilingualism and multiculturalism. The scientific problem is determined by the need to study the features of language adaptation in the context

of globalisation and nativisation in order to derive new features of the phraseological fund of English language variants in the world community. The purpose of the article is to determine the degree of adaptation of phraseological units of such a variant of the English language as Nigerian one, which functions in the English-language Nigerian media space. The study is based on the application of general scientific and specific linguistic methods. Based on the reception of a continuous sample in written texts and video materials of the English-language Nigerian online newspaper "Punch" for 2024-2025, which form the media space of media discourse, phraseological units of British, American and Nigerian English were identified. The method of comparative analysis was used to establish the degree of nativisation of phraseological units in the English-language Nigerian media discourse. It is proven that what is most productive for the English-language Nigerian media discourse, are phraseological units that do not fully comply with the norm in form and content. This type of deviation is manifested in the form of a change in the position of prepositions in phraseological units and a change in the meaning of lexical units, dictated by the influence of local languages. What is less productive in the English-language Nigerian media discourse, are phraseological units that correspond to the phraseological funds of British and American English, dictated by globalisation. What is least productive for the English-language Nigerian media discourse, are phraseological units that absolutely do not comply with the norm and are associated with the need for Nigerians to follow the realities of their native languages and cultures.

Keywords: phraseological unit, British English, American English, Nigerian English, English-language Nigerian media discourse, nativisation, globalisation.

For citation: Voloshina T.G., Bogdanova M.D., Contreras O. Idioms' adaptation in new language, cultural and social conditions. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 209–214. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-209-214>

Вопросы взаимодействия языков и культур не теряют своей значимости в период глобализации. Английский язык в мировом пространстве имеет статус средства глобальной коммуникации. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения адаптации английского языка в различных типах дискурса, а также потребностью установления степени адаптации фразеологизмов в условиях глобализации и нативизации. Целью исследования является определение специфики адаптации английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе на примере фразеологических единиц.

Исследование базируется на сочетании общих научных и частных лингвистических методов. На основе сравнительно-сопоставительного анализа с британским медиадискурсом выявляются признаки англоязычного нигерийского медиадискурса, а также определяются особенности фразеологических единиц, адаптирующихся к нигерийским реалиям англоязычного медиাপространства.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов в области контактной лингвистики, языковой вариативности, дискурсологии. Вопросы взаимодействия европейских языков и африканских языков и культур были исследованы в трудах Ж. Багана и его последователей [Some Aspects of African Study in the Era of Globalization: 2]; Я.А. Глебовой [Глебова: 22]. В работах Т.Г. Волошиной анализу подлежит специфика адаптации английского языка в Нигерии в условиях англо-нигерийского билингвизма [Волошина 2018: 47]. Исследователь утверждает, что английский язык в современной Нигерии играет доминирующую роль в обществе, что ограничивает права коренных язы-

ков и культур [Волошина 2018: 127]. Доминирующее влияние британского английского языка и американского варианта английского языка на нигерийский вариант английского языка привело к появлению в его подсистемах многочисленных изменений [Волошина 2019: 42]. Специфика нигерийского варианта английского языка, функционирующего в различных типах дискурса, была изучена в трудах Ж. Багана и Т.Г. Волошиной [Багана, Волошина: 133]; Т.Г. Волошина, С.М. Профатилова, Д.М. Костина, А.Н. Луханина исследовали специфику англоязычных нигерийских сценарных текстов и выявляли степень адаптации английского языка в условиях англо-нигерийского билингвизма [Лингвокультурологическая креолизация: 141].

Зарубежные ученые анализу подвергают специфику такого явления, как пиджинизация, при которой параллельно английскому языку на территории Нигерии функционирует упрощенный вариант – пиджин английского языка [Agbo, Plag: 353]. Этот языковой вариант обладает большой перспективой развития, так как основан на базе простых грамматических структур и заимствований из местных языков [Humes: 100]. Пиджин английского языка употребляется всеми социальными группами и оказывает существенное влияние на развитие англо-нигерийского билингвального общества [Beryl: 71].

В нашем исследовании анализу подлежит адаптация фразеологических единиц британского английского языка и американского варианта английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе. Под медиадискурсом мы понимаем сочетание процессов и результатов речевой деятельности в медиaprостранстве. Медиадискурс объединяет в себе тек-

сты в письменной форме, аудио- и видеоматериалы, визуальные средства передачи и получения связи.

Материалом исследования послужили письменные тексты публикаций и видеоматериалы англоязычной нигерийской онлайн-газеты “Punch” за 2024–2025 гг. Онлайн-газета “Punch” представляет собой ежедневное новостное и развлекательное издание. Выбранная онлайн-газета сочетает письменные тексты публикаций и видеоролики, которые входят в отдельную подрубрику (наряду с другими подрубриками: “Home”, “News”, “Features”, “Politics”, “Metro plus”, “Business”, “Sport”, “Healthwise”).

В нашем исследовании выявленные фразеологические единицы нигерийского варианта английского языка были подразделены на три вида: полностью соответствующие норме (британскому английскому языку и американскому варианту английского языка), частично соответствующие норме и фразеологизмы, полностью не соответствующие норме, или фразеологизмы, отражающие реалии местных языков и культур. При анализе фразеологизмов мы придерживаемся широкого определения термина «фразеологизм» и рассматриваем его как устойчивое словосочетание или предложение, имеющее целостное лексическое значение. Рассмотрим подробнее каждый тип фразеологизмов в англоязычном нигерийском медиадискурсе.

Фразеологизмы в англоязычном нигерийском медиадискурсе, полностью соответствующие норме. Эта группа является продуктивной в нашем исследовании. Частотность примеров этого типа в англоязычной нигерийской онлайн-газете “Punch” достигает 32 %, что ставит их на вторую позицию по продуктивности.

Примеры:

(1) “A Nigerian woman, Buithat Lawal, has taken to social media to announce **it’s not rocket science** looking for another wife for her husband” [Sabowale]. – Нигерийская женщина Буитхат Лавал обратилась в социальные сети с заявлением о том, что поиск другой жены для своего мужа – непростое занятие.

В приведенном примере функционирует фразеологизм американского варианта английского языка *it’s not rocket science* – непростое занятие.

(2) “You are just **beating around the bush**. Better tell the truth” [Ouwewo]. – Ты ходишь вокруг да около. Лучше скажи правду.

В рассматриваемом примере содержится фразеологизм британского английского языка *to beat around the bush* – ходить вокруг да около, избегать разговора.

Фразеологизмы в англоязычном нигерийском медиадискурсе, частично не соответствующие норме. Фразеологизмы, частично не соответствующие норме британского английского языка и американско-

го варианта английского языка по структуре и значению, занимают первую позицию по продуктивности в нашем исследовании. Частотность примеров этого типа достигает 38 %.

Примеры:

(1) “Unfortunately, some casualties have been reported. There were people like **bats on the belfry**” [Agbano]. – К сожалению, у нас есть пострадавшие. Из-за стресса эти люди вели себя как невменяемые.

Приведенный пример содержит в своем составе фразеологизм американского варианта английского языка *bats in the belfry* – вести себя невменяемо, эксцентрично, который в англоязычном нигерийском медиадискурсе адаптируется под местные реалии и имеет форму *bats in the belfry*. Отклонение от грамматической нормы при употреблении в нигерийском варианте английского языка обусловлено недостаточным уровнем образования, что приводит к совершению в речи ошибок.

(2) “I have come to my people not to **blow steam off** but to dispel the rumour; he said” [Obianeri]. – «Я пришел к своему народу не для того, чтобы выпустить пар, а для того, чтобы развеять слухи», – сказал он.

В статье “Police crackdown on cyberstalking, kidnapping suspects in Anambra” функционирует фразеологизм *blow steam off*, который произошел от американского фразеологизма *blow off steam* – выпустить пар, снять напряжение. Изменение позиции предлога в составе фразеологизма нигерийского варианта английского языка связано с интерференционными процессами со стороны автохтонных языков. В отличие от британского английского языка и американского варианта английского языка, которые являются языками аналитическими, коренные нигерийские языки являются языками синтетическими, для которых типичен свободный порядок слов в предложении, чем и обусловлена позиция предлога *off* в рассматриваемом примере.

(3) “Despite sounding crazy there is **way to my madness** in reasoning behind it” [Okamgba]. – Несмотря на кажущуюся абсурдность, мое решение – верное.

В этом примере содержится фразеологизм нигерийского варианта английского языка *way to madness*, который произошел от фразеологизма британского английского языка *method to madness* – абсурдное на первый взгляд, но верное решение. В рассматриваемом примере происходит лексическая замена существительного *method* – метод на существительное *way* – способ, что связано с личными предпочтениями нигерийцев. Существительное *way* в нигерийском варианте английского языка имеет много значений: способ, пусть, идея, вещь и др. Многозначность существительного *way* определяет лексическую замену в рассматриваемом примере.

(4) “*No use to comment now. You have to eat your deeds*” [Isenyo]. – *Сейчас поздно давать комментарии. Вы должны признать, что были неправы.*

В приведенном примере функционирует частично не соответствующий норме фразеологизм *to eat one's deeds*, который произошел от фразеологизма американского варианта английского языка *to eat one's words* – *признать, что был не прав*. Изменение в составе фразеологизма обусловлено влиянием местной культуры – поступки имеют большее значение, чем слова, поэтому во фразеологизме нигерийского варианта английского языка происходит замена лексемы *words* – *слова* на лексему *deeds* – *дела, поступки*.

(5) “*You took the sun out of my life*” [Adedipe]. – *Ты меня разочаровал.*

В приведенном примере функционирует фразеологизм нигерийского варианта английского языка *to take the sun out of one's life* – *разочаровать кого-то*, который произошел от фразеологизма американского варианта английского языка *to take the wind out of your sails* – буквально «убрать ветер из парусов» то есть *разочароваться*. Рассматриваемый фразеологизм частично не соответствует норме. Во фразеологизме нигерийского варианта английского языка происходят лексические трансформации: 1) лексема *wind* – *ветер* меняется на лексему *sun* – *солнце*, что обусловлено спецификой солёного климата; 2) лексема *sails* – *паруса* трансформируется в лексему *life* – *жизнь*, так как для нигерийцев (в отличие от британцев) море и океан воспринимаются как желанные, но не первостепенно значимые условия для проживания.

Фразеологизмы в англоязычном нигерийском медиадискурсе, полностью не соответствующие норме или отражающие реалии местных языков и культур. Этот тип фразеологизмов является наименее частотным в онлайн-газете “Punch”, продуктивность фразеологизмов данной группы составляет 30 % от всех выявленных примеров. Следует отметить, что фразеологизмы, отражающие реалии местных языков и культур, были обнаружены нами в видеороликах. Все фразеологизмы этой группы репрезентируют реалии народа игбо и были созданы под влиянием автохтонного языка *игбо*.

Примеры:

(1) “*He owns all the words in this paper. If something goes wrong, so it's his fault*” [Olajide]. – *Он несет ответственность за информационную работу газеты. Если что-то пойдет не так, он будет виноват.*

Рассматриваемый пример из видеоролика содержит в своем составе фразеологизм *to own all the words in something* – *нести ответственность за что-либо*. Этот фразеологизм отражает реалии нигерийской культуры, он часто употребляется в сфере англо-

язычной нигерийской журналистики и буквально означает «владеть всеми словами». Анализируемый фразеологизм применяется относительно человека, который несет ответственность за качество выпуска газеты или журнала в целом.

(2) “*It's me the world will laugh at. What a shame!*” [Olajide]. – *Меня пригвоздили к позорному столбу. Какой ужас!*

В этом примере функционирует фразеологизм нигерийского варианта английского языка *It's me the world will laugh at* – *меня пригвоздили к позорному столбу*. Фразеологизм отражает реалии культуры *игбо* – публично осуждать противозаконные действия. Следует отметить, что рассматриваемый фразеологизм является типичным только для нигерийской лингвокультуры.

(3) “*Egbe bere, Ugo bere. Haste leads to trouble*” [Tolu-Kolawole]. – *Не нужно спешить. В спешке беда.*

Рассматриваемый пример содержит в своем составе фразеологизм автохтонного языка *игбо* – *Egbe bere, Ugo bere*, который буквально означает «пусть воздушный змей сядет на насест, и орел пусть сядет на насест». Этот фразеологизм употребляется в значении *не нужно спешить*. Анализируемый фразеологизм подчеркивает такую национальную черту *Игбо*, как продуманность действий в деталях и нежелание спешки в делах и типичен исключительно для местной лингвокультуры.

(4) “*Gidi gidi bu ugwu eze. Never lose friends*” [Uba-nagu]. – *Сила в единстве. Никогда не теряйте друзей.*

Фразеологизм *Gidi gidi bu ugwu eze* – *Сила в единстве*, как и в предыдущем случае, является полностью не соответствующим норме и отражает специфику культуры *Игбо* – действовать не одному, а в коллективе для успешности дела.

Таким образом, глобализация в мировом сообществе привела к появлению множества вариантов английского языка, одним из которых является нигерийский вариант английского языка. Английский язык наряду с языками коренных народов обладает официальным статусом в Нигерии. Англоязычные СМИ предоставляют информацию новостного и развлекательного характера читателям и зрителям. Сочетание текстов в письменной форме, аудио- и видеоматериалов формируют медиадискурс. Англоязычный нигерийский медиадискурс на примере онлайн-газеты “Punch” представляет собой ежедневное новостное и развлекательное издание, доступное для нигерийцев, жителей африканских стран, пользователей мирового интернет-сообщества. Англоязычная нигерийская онлайн газета “Punch” сочетает письменные тексты публикаций и видеоролики, которые входят в отдельную подборку (наряду с другими подборками: “Home”, “News”, “Features”, “Politics”,

“Metro plus”, “Business”, “Sport”, “Healthwise”). В ходе исследования была установлена степень нативизации фразеологизмов британского английского языка и американского варианта английского языка в англоязычном нигерийском медиадискурсе. Выявлено, что для англоязычного нигерийского медиадискурса характерно функционирование трех типов фразеологизмов: полностью соответствующих норме (фразеологическому фонду британского английского языка и американского варианта английского языка по форме и содержанию); частично не соответствующих норме; полностью не соответствующих норме или фразеологизмов, отражающих реалии местных языков и культур. Наиболее частотными являются частично не соответствующие норме фразеологизмы, что связано с влиянием местных языков. К менее продуктивным принадлежат полностью соответствующие норме фразеологизмы, что обусловлено глобализацией, и полностью не соответствующие норме фразеологизмы, что вызвано желанием следовать реалиям родных языков и культур.

Список литературы

- Багана Ж., Волошина Т.Г. Нигерийская киноиндустрия и киносценарный текст: исторический и лингвосоциокультурный симбиоз // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 1. С. 132–150.
- Волошина Т.Г. Влияние английского языка на функционирование коренных языков Нигерии // Научная мысль Кавказа. 2018. № 4. С. 125–129.
- Волошина Т.Г. Особенности лексико-семантической системы территориального варианта английского языка Нигерии // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филологические науки. 2019. № 6. С. 40–46.
- Волошина Т.Г., Профатилова С.М., Костина Д.М., Луханина А.Н. Лингвокультурологическая креолизация в нигерийских киносценарных текстах // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 139–144.
- Волошина Т. Г. Нигерийский вариант английского языка: лингвокультурологическая адаптация // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 1. С. 15–24.
- Глебова Я.А. Основные характеристики языкового кода нуши // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7, № 2. С. 21–30.
- Abbano R. One dies in Third Mainland Bridge lone accident. 2025. URL: <https://punchng.com/one-dies-in-third-mainland-bridge-lone-accident/> (access date: 11.05.2025).
- Agbo O.F., Plag I. The Relationship of Nigerian English and Nigerian Pidgin in Nigeria: Evidence from Copula Constructions in Ice-Nigeria. Journal of language contact, 2020, no. 13, pp. 351–388.
- Adedipe A. Easter: Okpehbolu pays April salary, pension 2025. URL: <https://punchng.com/easter-okpehbolu-pays-april-salary-pension/> (access date: 17.04.2025).
- Baghana J., Prokhorova O.N., Voloshina T.G., Raiushkina M.Y., Glebova Y.A. Some Aspects of African Study in the Era of Globalization. Espacios, 2018, vol. 38, no. 39, pp. 1–7.
- Beryl E. Nigerian Pidgin English: A Cultural Universal for National Communication and Policy Enactment. Journal of Philosophy, Culture and Religion, 2020, no. 5, pp. 69–74.
- Hymes D. Pidginization and Creolization of Languages: Their Social Contexts. International Journal of the Sociology of Language, 2020, vol. 4, no. 2, pp. 99–109.
- Isenyo G. Kaduna appoints new head of service, pension bureau chief. 2025: URL: <https://punchng.com/kaduna-appoints-new-head-of-service-pension-bureau-chief/> (access date: 17.04.2025).
- Obianeri I. Police crackdown on cyberstalking, kidnapping suspects in Anambra. 2025. URL: <https://punchng.com/police-crackdown-on-cyberstalking-kidnapping-suspects-in-anambra/> (access date: 11.04.2025).
- Okamgba J. Rates hike: Subscriber withdraws case against MultiChoice's DSTv. 2025. URL: <https://punchng.com/rates-hike-subscriber-withdraws-case-against-multichoices-dstv/> (access date: 11.04.2025).
- Olajide M. So this happened (Episode 276) reviews PETROAN's battle with Dangote refinery, others. 2024. URL: <https://punchng.com/so-this-happened-episode-276-reviews-petroans-battle-with-dangote-refinery-others/> (access date: 11.04.2025).
- Olajide M. Mother of the boy with Spina Bifida, expresses heartfelt gratitude to Nigerians. 2024. URL: <https://punchng.com/mother-of-the-boy-with-spina-bifida-expresses-heartfelt-gratitude-to-nigerians/> (access date: 11.04.2025).
- Oyewo D. Lagos homeowners seek help as suspected land grabbers demolish houses. 2025. URL: <https://punchng.com/lagos-homeowners-seek-help-as-suspected-land-grabbers-demolish-houses/> (access date: 11.04.2025).
- Sabowale A. Nigerian woman seeks co-wife for husband, says ‘I’ve always admired polygamy’. 2025. URL: <https://punchng.com/nigerian-woman-seeks-co-wife-for-husband-says-ive-always-admired-polygamy/?dicbo=v2-7vZBYmT> (access date: 11.04.2025).
- Tolu-Kolawole D. School feeding programme: Presidency eyes Tetra Pak partnership. 2025. URL: <https://punchng.com/school-feeding-programme-presidency-eyes-tetra-pak-partnership/> (access date: 17.04.2025).
- Ubanagu M. US Consulate backs training for young Nigerian journalists. 2025. URL: <https://punchng.com/us-consulate-backs-training-for-young-nigerian-journalists/>

com/us-consulate-backs-training-for-young-nigerian-journalists/ (access date: 17.04.2025).

References

Bagana Zh., Voloshina T.G. *Nigerijskaya kinoindustriya i kinoscenarnyj tekst: istoricheskij i lingvosiokul'turnyj simbioz* [The Nigerian film industry and screenwriting: Historical and linguistic sociocultural symbiosis]. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue], 2023, vol. 12, no. 1, pp. 132–150. (In Russ.)

Glebova Ya.A. *Osnovnye harakteristiki yazykovogo koda nushi* [The main characteristics of nyusha's language code]. *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki* [The scientific result. Questions of theoretical and applied linguistics], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 21–30. (In Russ.)

Voloshina T.G. *Vliyanie anglijskogo yazyka na funkcionirovanie korenykh yazykov Nigerii* [The influence of English on the functioning of the indigenous languages of Nigeria]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [Scientific thought of the Caucasus], 2018, no. 4, pp. 125–129. (In Russ.)

Voloshina T.G. *Osobennosti leksiko-semanticheskoy sistemy territorial'nogo varianta anglijskogo yazyka Nigerii* [Features of the lexico-semantic system of the territorial variant of the English language of Nigeria]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philological sciences], 2019, no. 6, pp. 40–46. (In Russ.)

Voloshina T.G., Profatilova S.M., Kostina D.M., Lukanina A.N. *Lingvokul'turologicheskaya kreolizatsiya v nigerijskikh kinoscenarnykh tekstakh* [Linguistic and cultural creolization in Nigerian screenplays]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2023, vol. 29, no. 4, pp. 139–144. (In Russ.)

Voloshina T. G. *Nigerijskij variant anglijskogo yazyka: lingvokul'turologicheskaya adaptatsiya* [Nigerian English: linguistic and cultural adaptation]. *Voprosy sovremennoj lingvistiki* [Questions of modern linguistics], 2024, no. 1, pp. 15–24. (In Russ.)

Abbano R. One dies in Third Mainland Bridge lone accident. 2025. URL: <https://punchng.com/one-dies-in-third-mainland-bridge-lone-accident/> (access date: 11.05.2025).

Agbo O.F., Plag I. The Relationship of Nigerian English and Nigerian Pidgin in Nigeria: Evidence from Copula Constructions in Ice-Nigeria. *Journal of language contact*, 2020, no. 13, pp. 351–388.

Adedipe A. Easter: Okpehbolu pays April salary, pension 2025. URL: <https://punchng.com/easter-okpehbolu-pays-april-salary-pension/> (access date: 17.04.2025).

Baghana J., Prokhorova O.N., Voloshina T.G., Raiushkina M.Y., Glebova Y.A. Some Aspects of African

Study in the Era of Globalization. *Espacios*, 2018, vol. 38, no. 39, pp. 1–7.

Beryl E. Nigerian Pidgin English: A Cultural Universal for National Communication and Policy Enactment. *Journal of Philosophy, Culture and Religion*, 2020, no. 5, pp. 69–74.

Hymes D. Pidginization and Creolization of Languages: Their Social Contexts. *International Journal of the Sociology of Language*, 2020, vol. 4, no. 2, pp. 99–109.

Isenyo G. Kaduna appoints new head of service, pension bureau chief. 2025: URL: <https://punchng.com/kaduna-appoints-new-head-of-service-pension-bureau-chief/> (access date: 17.04.2025).

Obianeri I. Police crackdown on cyberstalking, kidnapping suspects in Anambra. 2025. URL: <https://punchng.com/police-crackdown-on-cyberstalking-kidnapping-suspects-in-anambra/> (access date: 11.04.2025).

Okamgba J. Rates hike: Subscriber withdraws case against MultiChoice's DSTV. 2025. URL: <https://punchng.com/rates-hike-subscriber-withdraws-case-against-multichoice-dstv/> (access date: 11.04.2025).

Olajide M. So this happened (Episode 276) reviews PETROAN's battle with Dangote refinery, others. 2024. URL: <https://punchng.com/so-this-happened-episode-276-reviews-petroans-battle-with-dangote-refinery-others/> (access date: 11.04.2025).

Olajide M. Mother of the boy with Spina Bifida, expresses heartfelt gratitude to Nigerians. 2024. URL: <https://punchng.com/mother-of-the-boy-with-spina-bifida-expresses-heartfelt-gratitude-to-nigerians/> (access date: 11.04.2025).

Oyewo D. Lagos homeowners seek help as suspected land grabbers demolish houses. 2025. URL: <https://punchng.com/lagos-homeowners-seek-help-as-suspected-land-grabbers-demolish-houses/> (access date: 11.04.2025).

Sabowale A. Nigerian woman seeks co-wife for husband, says 'I've always admired polygamy'. 2025. URL: <https://punchng.com/nigerian-woman-seeks-co-wife-for-husband-says-ive-always-admired-polygamy/?dicbo=v2-7vZBYmT> (access date: 11.04.2025).

Tolu-Kolawole D. School feeding programme: Presidency eyes Tetra Pak partnership. 2025. URL: <https://punchng.com/school-feeding-programme-presidency-eyes-tetra-pak-partnership/> (access date: 17.04.2025).

Ubanagu M. US Consulate backs training for young Nigerian journalists. 2025. URL: <https://punchng.com/us-consulate-backs-training-for-young-nigerian-journalists/> (access date: 17.04.2025).

Статья поступила в редакцию 14.04.2025; одобрена после рецензирования 27.04.2025; принята к публикации 28.04.2025.

The article was submitted 14.04.2025; approved after reviewing 27.04.2025; accepted for publication 28.04.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 215–221. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 215–221. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 811.112.2'373.21

EDN IRWJOE

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-215-221>

ГЕОПОЭТИЧЕСКОЕ (РЕ)КОНСТРУИРОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗА АЛЬП В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Карпенко Елена Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, e.i.karpenko@linguanet.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0869-8354>

Любимова Наталия Викторовна, кандидат педагогических наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, natalju@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2064-356X>

Аннотация. Геопоэтическое конструирование литературного пространства представляет собой сознательный выбор языковых средств и нарративных техник воссоздания географических регионов в литературе. Метод геопоэтического прочтения предполагает точный топографический анализ набора геофизических характеристик пространства и их топологическую интерпретацию. Итогом исследования является реконструкция геопоэтического образа пространства в совокупности его гео- и метафизических, исторических, социокультурных и мифопоэтических характеристик. В статье рассмотрена история и современное состояние литературного освоения Альп, выделены «горные» топоры прекрасно-идиллического, возвышенного, смертельно опасного и их лингвистические маркеры: оронимы, наименования ландшафтной лексики, обозначения горных геоморфологических процессов. Учитывая универсальный характер категории литературного пространства, данный метод может применяться при анализе и интерпретации любых текстов литературно-публицистических жанров.

Ключевые слова: геопоэтика, немецкий язык, топография, топология, геопоэтический образ, локальный текст, ороним.

Для цитирования: Карпенко Е.И., Любимова Н.В. Геопоэтическое (ре)конструирование литературного образа Альп в текстах немецкоязычных писателей // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 215–221. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-215-221>

Research Article

GEOPOETIC (RE)CONSTRUCTION OF THE LITERARY IMAGE OF THE ALPS IN THE TEXTS OF GERMAN-SPEAKING WRITERS

Elena I. Karpenko, PhD in Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, e.i.karpenko@linguanet.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0869-8354>

Nataliya V. Lyubimova, PhD in Pedagogy, Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, natalju@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2064-356X>

Abstract. The geopoetic construction of literary space is understood as an intentional choice of linguistic means and narrative techniques of recreating certain geographical regions in literature. The methodology of geopoetic reading implies a topographically accurate analysis of the whole set of geophysical characteristics of space and their topological interpretation. The result of the study is the reconstruction of the geopoetic image of space in the totality of its geo- and metaphysical, historical, socio-cultural and mythopoetic characteristics. The article considers the history and current state of literary exploration of the Alps. As a result, the ‘mountain’ topoi of the beautiful-idyllic, sublime, deadly-dangerous and their linguistic markers are singled out. Among the markers considered are oronyms, names of landscape vocabulary, designations of mountain geomorphological processes. Considering the universal character of the category of literary space, this methodology can be applied in analysing and interpreting texts of various literary and journalistic genres.

Keywords: geopoetics, German language, topography, topology, geopoetic image, local text, oronym.

For citation: Karpenko E.I., Lyubimova N.V. Geopoetic (re)construction of the literary image of the Alps in the texts of German-language writers. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 215–221. (In Russ.) <http://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-215-221>

Геопозитический подход к изучению литературных пространств стал результатом взаимодействия специалистов в области географии, философии, филологии, культурологии и привел к формированию таких междисциплинарных филологических направлений, как геопозитическое литературоведение (И. Сид, Н.Е. Меднис, Е.Ш. Галимова, С.К. Франк, С. Зассе и др.), геопозитическая лингвистика (Е.В. Беспалова, Е.И. Карпенко, Н.В. Любимова, Ю.Г. Тимралиева, Е.Б. Яковенко и др.). Геопозитика представлена рядом научных школ, располагает собственной теоретико-методологической базой и апробированными методами геопозитического анализа. Исследователей объединяет взгляд на литературное пространство как на *конструкт*, или *модель*, с заданными автором топографическими и топологическими характеристиками, которые являются взаимозависимыми и взаимодополняемыми.

Топография пространства определяется его физической «наполненностью»: в текстах описываются элементы ландшафта, физические объекты и рукотворные артефакты, погодные условия, флора, фауна, звуки и запахи природы. Топографический анализ литературного пространства открывает возможности для топологической (культурно-семиотической) интерпретации как «внешнего» или «внутреннего», «своего» или «чужого», «центрального» или «периферийного». Завершает интерпретацию реконструкция «геопозитического образа» фикционального пространства, раскрывающая его как «гетеротопическое» [Foucault, Miskowicz], «иеротопическое», «лиминальное» [Александрова-Осокина] и т. д.

Комплексное изучение геопозитического образа конкретного пространства в историческом, социокультурном и мифопоэтическом измерениях неизбежно ведет к формированию связанного с ним *локального / регионального (сверх)текста* [Меднис], ср. петербургский, уральский, северный тексты русской литературы (В.Н. Топоров, В.В. Абашев, Е.Ш. Галимова). Презумпцией возникновения локального текста является экзистенциальная связь многих авторов с конкретным пространством, например, дневники странствий Теодора Фонтане по марке Бранденбург, несомненно, создают базис соответствующего локального текста.

Чем ярче когнитивно выделено географическое пространство (рельеф, климат, флора, фауна), тем более оно притягательно для геопозитического конструирования. Поэтому наличие «горных литератур» в национальных культурах закономерно.

Поскольку отправной точкой конструирования является реальное географическое пространство, подобные геопозитические модели надывидуальны, что позволяет исследователю выделять, обобщать и систематизировать характерные вербально-выразительные способы их создания.

Ранее мы рассмотрели репертуар геопозитических литературных средств, отметив, что при определенных условиях любое слово, паремия, аллюзия могут стать геопозитическим средством [Карпенко, Любимова]. Обратим внимание на характерные маркеры непосредственно *горной* геопозитики:

- 1) оронимы (*названия вершин, горных хребтов, массивов*);
- 2) названия пород, состава почв, ледников;
- 3) наименования ландшафтных особенностей гор (*ущелья, склоны, низины, долины*);
- 4) альпинистская терминология (*коридор, камин, балкон*);
- 5) обозначения горных геоморфологических процессов (*лавина, оползень, сель, камнепад*);
- 6) петронимы (*названия валунов и ритуальных камней*);
- 7) гидронимы (*названия водных ресурсов: рек, озер, водопадов, ручьев*);
- 8) ботанические и геоботанические термины;
- 9) зоонимы;
- 10) названия погодных явлений, осадков; их характеристики (обозначения состояния снега, особенно региональные или диалектальные);
- 11) названия орудий и продуктов животноводческого сектора сельского хозяйства и охотничьего промысла;

12) цветковые, звуковые, тактильные и ольфакторные характеристики;

13) фраземы и паремии, отражающие межпоколенческий опыт проживания в горной местности.

Обратимся к геопозитическому рассмотрению альпийского текста немецкоязычной литературы. Горные мотивы – репрезентативный признак альпийской культуры. Альпы давно обосновались во всех видах искусства, но модус предъявления альпийского художественного пространства всегда зависел от отношения к реальным Альпам. Горы веками были непреодолимым препятствием. До XIV в. их избегали не только из-за дикой природы, но и потому, что они, уродующие землю (*terra maledicta*), считались руинами изначально райского состояния мира, символом божественного гнева и суда над греховностью человечества, местом чистилища, обиталищем дьявола, ведьм, злых духов, опасных драконов [Raymond: 62].

В XVIII в. Альпы стали восприниматься как идиллический ландшафт. Альпийские страны превратились в излюбленное место для путешествий состоятельных европейцев – поэтов, писателей и художников [Böning; Lustenberger].

Художники стремились к топографически точной передаче изображаемых объектов, положив начало документально-художественному освоению горного ландшафта. Литераторы вдохновлялись поэмой

швейцарского просветителя Альбрехта фон Галлера «Альпы» (Albrecht von Haller. Die Alpen. 1729). Галлер внедрил в сознание европейцев романтические представления об «альпийской Аркадии», защищенной неприступными скалами от греховного влияния цивилизации: он «безусловно, несет главную ответственность за возникновение в важнейших европейских странах образа Швейцарии и швейцарского народа, нравственная чистота которого была результатом естественной среды обитания, огражденной от грешного мира Альпами» [Böning: 177]¹.

Неоценимый вклад в разработку способов заполнения литературного пространства природными объектами внес женеvский просветитель Жан-Жак Руссо. Роман «Юлия, или Новая Элоиза» (J.-J. Rousseau. Julie ou la Nouvelle Héloïse. 1761) стал воплощением трепетного отношения к природе. Протагонист Сен-Прё так описывает свои впечатления от путешествия по Альпам в кантоне Вале:

Мне хотелось помечтать, но отвлекали самые неожиданные картины. То **обвалившиеся исполинские скалы** нависали над головой. То **шумные водопады**, низвергаясь с высоты, обдавали тучею брызг. То путь мой пролегал вдоль **неугомонного потока**, и я не решался измерить взглядом его **бездонную глубину**. Случалось, я пробирался сквозь **дремучие чащи**. Случалось, из **темного ущелья** я вдруг выходил на **прелестный луг**, радовавший взоры... [Руссо 2: 52]

Руссо «эстетизировал» Альпы, превратил их в модное увлечение, у каждого читателя возникало желание отправиться туда. Пришло время паломничества по местам «Новой Элоизы» [Raymond: 21]. Идеальный ландшафт Руссо представлял себе не как широкую равнину с унылыми рядами деревьев, а как леса и горы, возбуждающие и внушающие страх. В «Исповеди» (Les Confessions. 1765–1770) представлен именно такой образ гор:

Впрочем, уже известно, что я называю живописной местностью. **Никогда равнина, как бы прекрасна она ни была, не покажется мне прекрасной**. Мне нравятся **бурные потоки**, скалы, сосны, темные леса, горы, **крутые дороги**, по которым нужно то подниматься, то спускаться, **страшные пропасти** по сторонам [Руссо: 153].

Для обозначения эмоционального состояния, возникающего при созерцании горных ландшафтов, в XVIII в. вошло в моду понятие *возвышенно-го* (das Erhabene). Данная философская эстетическая категория не только дополняет понятие *прекрасного*, но и несет этические и религиозные смыслы. *Возвышенное* амбивалентно – понятие передает впечатление от чего-то великого, священного, ассоциируется с чувством благоговения. Но при созерцании *возвышенного* активируется и специфическое состояние ужаса и содрогания – *delightful horror* [Philomag.de:

Begriffslexikon]. Такое состояние протагониста Томас Манн показал в романе «Волшебная гора» (Thomas Mann. Der Zauberberg. 1924):

Хороши были заснеженные горы. **Не то что-бы очень уж мирные и приветливые**, они походили на дивные пустынные просторы Северного моря при сильном западном ветре, только вместо оглушающего шума здесь стояла мертвая тишина, которая наполняла сердце почти тем же **чувством благоговения** [Манн: 187].

Художественные описания гор приняли амбивалентный характер, в чем современные исследователи усматривают симптоматический дискурсивный признак альпийской литературы: «Амбивалентные описания горного мира характерны как для альпийской литературы, так и для альпинистского дискурса в целом. <...> При этом описания с негативной коннотацией никогда не носят исключительно негативный характер, к ним постоянно прибегают, чтобы выразить очарование, присущее горам» [Hungerbühler: 137]. Для примера приведем выдержки из горных репортажей Макса Фриша (Max Frisch), в которых присутствуют амбивалентные образы:

На востоке тем временем спускается синева близлежащей вершины Тёди, чья **пугающе прекрасная северо-западная стена** возвышается прямо за нами [Frisch 2001a: 215].

...чудовищная северная стена Тёди... [Frisch 2001b: 271]

...чем дальше вечерет, тем охотнее мы возвращаемся на безопасные тропинки, которые мы только что с юношеским упрямством отвергали из-за их обыденности и исхоженности; в конце концов, мы рады, что вообще можем их найти, и теперь с благодарностью пользуемся мостами, которые уже наведены [Frisch 2001b: 270].

В современной горной литературе Альпы предстают не только как живописная кулиса, но и как воплощение геологической, топологической, а также этической и идеологической антитезы по признакам *верх / низ, мы / они, сила / слабость, дикая природа / цивилизация*.

Как указано выше, для конфигурации горных литературных пространств функционально значимы такие области знания, как геология, топография, топонимия, биология, история, эстетика, мифология. Особое внимание авторы уделяют топосу опасности, подчеркивая стремление человека к покорению гор и описывая последствия этого вида деятельности.

Немецкоязычная горная проза отличается обилием *оронимов*. Особенно это касается швейцарской литературы [Воронина, Любимова], так как «вершины своих гор швейцарец видит отовсюду» [Канетти]. Главная функция литературных *оронимов* заключает-

ся в идентификации и конкретизации пространства. Они обеспечивают понимание способа «нарративного конструирования» [Карпенко, Любимова: 219]. Оронимы образуют внутритекстовую систему координат, необходимую для категоризации происходящих событий. В произведениях используется любое количество оронимов, но чем их больше, тем проще выстраивается ментальная карта конструируемого пространства и происходит его соотнесение с реальностью. Чем реалистичнее описание пространства, тем скорее читающий сопоставит его с конкретными территориями и сочтет описываемые события достоверными.

В зависимости от жанра и модуса нарратива альпийское пространство наделяется особыми свойствами, инструментализируется, вплоть до возникновения гетеротопических состояний, в результате чего в тексте формируется пространственно-временное единство особого типа (см. главу «Снег» в романе Томаса Манна «Волшебная гора»).

Горный ландшафт топологически сопряжен с мотивом опасности – это еще один характерный признак горной прозы. Лавиноопасные склоны горцы издавна пытаются нейтрализовать с помощью леса. Подобная функциональная особенность рельефа не могла не найти отражения в литературном дискурсе. Природные катаклизмы составляют целый сегмент альпийского мифотворчества. В реальности горным лесам отводится серьезная роль в защите людей, рукотворных элементов ландшафта, транспортных путей от лавин, камнепадов, оползней, селевых потоков и наводнений.

Со Средних веков в немецком языке используется понятие *Bannwald* – *заповедный лес*, которое изначально было связано с правилами лесопользования. Это «лесной участок, который должен быть сохранен в целом, поскольку он выполняет определенные важные функции... и в котором, следовательно, запрещены такие серьезные вмешательства, как вырубка» [DWDS]. Эта информация позволяет правильно понять возмущение протагониста романа Готфрида Келлера «Мартин Заландер» (Gottfried Keller. Martin Salander. 1886) из-за продажи леса под рубку: «Только ваши буки и защищают дом и сад с лужайкою от селей и камнепадов, которые грянут с безлесной горы» [Келлер].

И герой Шиллера *Телль* (Friedrich Schiller. Wilhelm Tell. 1804) объясняет сыну предназначение заповедных лесов:

Телль: ...это заповедный лес. / Вон видишь там вершины снеговые, / Те, что уходят ввысь, за облака?

Вальтер: То ледники. Они гремят ночами, / На нас от туда катятся лавины.

Телль: Так вот, давно б тяжелые лавины / Засыпали селенье наше Альторф, / Но будто всенародным ополчением / Встречает их наш заповедный лес [Шиллер: 93].

Но и сами леса находятся под угрозой разрушительного воздействия геоморфологических процессов, которые они призваны останавливать или минимизировать негативное воздействие лавин (*die Lawine*), оползней (*die Rutschung*), обвалов (*der Berg-, Felssturz*), камнепадов (*der Steinschlag*) и селевых потоков (*der Murgang, die Mure, die Schlammlawine*). Это не игра воображения и не напрасные страхи. Именно в этом аспекте реальность в Швейцарии, в горных районах Австрии и Германии совпадает с литературным вымыслом.

В новелле швейцарского классика Майнрада Инглина «Лавина» (Meinrad Inglin. Die Lawine. 1947) ожидается сход *пылевой лавины*. Ее специфика в том, что снежные массы несутся с большой высоты со скоростью до четырехсот километров в час и гонят перед собой облако снежной пыли:

И крестьянка объяснила солдату, что, по опыту местных жителей, может сойти **пылевая лавина**.

Солдат взглянул на гору, но сегодня ему удалось разглядеть лишь небольшую часть неравномерно поросшего лесом ближнего крутого склона, скрытого за клубящимися хлопьями снега. Над мостом гору опоясывал редкий лес, а затем она возвышалась своими скудно очерченными голыми склонами еще на две тысячи метров. Весной **снежно-каменная лавина** сошла над мостом через самый широкий просвет в лесу в ущелье, запрудила ручей и загнала снежный конус между гранитными опорами моста, не причинив вреда. Сейчас же вот уже три дня и ночи продолжающийся зимний шторм заметал гору сухим снегом, который грозил сорваться с самых верхних крутых склонов и обрушиться вниз по старому лавинному следу, увлекая за собой сыпучие массы снега с нижних склонов, но не в виде тяжелой, срывающей грунт лавины, а в виде неистово несущейся **пылевой лавины**, которая в своей пресловутой манере могла неодолимо взметать перед собой воздух, ломать ели или опрокинуть железнодорожный вагон на мосту еще до того, как разогнавшийся снег успевал разбиться об опоры [Inglin: 22 ff.].

Внимательный читатель не пропустит геопоэтические маркеры опасного ландшафта: названия типов лавин, описание признаков их возможного схода, последствия (опрокинутые железнодорожные вагоны, сломанные ели). В отличие от недооценивающих опасность «чужаков» – охраняющих железнодорожный мост солдат – местные жители умеют интерпретировать природные явления. Но защитный лес уступает мощи гор – вследствие ранее сошедших лавин он поредел, утратил защитные свойства.

В книге «Рассказы из швейцарской истории» Майнрада Линерта (Meinrad Lienert. Erzählungen aus der Schweizer Geschichte. 1930) есть описания трагических событий прошлого, которым предпослана «отрезвляющая» характеристика гор:

Да, горы – это чудесный мир. Но не менее грандиозны, чем их красота, опасности и страхи, связанные с ними. Весной с крутых склонов срываются лавины и, низвергаясь, нередко уносят с собой неосторожных путешественников или погребают под снегом человеческие жилища вместе с их обитателями. Во время летних гроз безобидно струящиеся ручейки превращаются в бурные потоки, смывают огромное количество валунов и обломков и опустошают тем самым плодородную местность. А время от времени на какой-нибудь хутор или деревеньку неожиданно обрушивается целая гора [Lienert: 274].

Линерт сообщает о гибели деревни Гольдау в 1806 году. В тексте есть ужасающие подробности, но упомянуты и сигналы, посланные природой, которые неверно были истолкованы людьми:

Уже с некоторых пор склоны Гнайпена стали неспокойными. Время от времени в долину скатывались валуны и мелкие камни, а отдельные группы деревьев в горном лесу все заметнее наклонялись. Еще на пастбищах и в лесу появились трещины и расщелины. Пастухи, наблюдавшие это, видимо, немного заволновались; только они думали, что гора снова успокоится; ибо приписывали эту призрачную активность на склоне горы злобным таинственным кобольдам и демонам всех видов, которые, по их мнению, населяли Россберг. Никто не подозревал, какая катастрофа вот-вот произойдет...

И вот, около 5 часов вечера, внезапно от горы откололись целые скалы и началось жуткое зрелище. Казалось, что хвойный лес парит в воздухе, будто несомый гигантской рукой. Стоял скрежет и треск, будто настал конец света, и вот все загремело и взревело – вниз обрушилась целая гора! [Lienert: 266]

Катастрофа превратила местность в инопланетный ландшафт, поросший за два века лесом и травой. Заповедный лес был бессилен перед мощью разбушевавшейся природы.

В современной прозе лавины представляют собой геопозитический признак опасного по сути ландшафта. В романе Кристофа Гайзера «Зеленое озеро» (Christoph Geiser. Der Grünsee. 1979) литературное напряжение создается за счет воспоминаний протагониста об отдыхе в местечке Церматт у подножья горы Маттерхорн. Гуляя по лесу, он видит следы сошедших лавин и ищет признаки новых, которые могут случиться даже из-за такого «пустяка», как легкомысленно брошенный снежок:

Деревья на склоне надо мной, оказавшиеся на пути весенних лавин, сошедших с северных предгорий, почернели, как после лесного пожара [Geiser: 49].

Снежная лавина сорвалась, обрушилась на скалы, растеклась по высохшим руслам ручьев, смела деревья и нагромодила конусы из снега и камней на нашем пути [Geiser: 84].

Стволы деревьев на склоне над дорогой, черные и голые, изломаны лавиной, которая уже давно растаяла; возможно, их повалило просто напором воздуха. <...> Это был всего лишь отголосок ударной волны лавины, сошедшей на другом конце долины, который гнал снег перед собой вверх по склону, напустил тьмы в лесу, сбил меня с ног и лишил дыхания: когда я снова поднялся на ноги, я увидел, что ель позади меня накренилась [Geiser: 119].

...три молодых парня, которые используют прогулку для ведения снежной баталии... Я не хочу быть вовлеченным в снежную баталию; я не кидаюсь снежками в высокогорье, из одного снежка может получиться лавина [Geiser: 128].

Заметим, что сход лавины не только повышает «зрелищность» литературного контента, но и обладает символическим характером в формировании альпийской идентичности. Опасность схода лавины или селевого потока – неотъемлемый признак и реального, и литературного альпийского ландшафта: «При сходе лавины ее немая, статичная возвышенная утонченность также приобретает качество зрелищного события. Сама мысль о ней превращает ее в тайную зловещую угрозу, при которой люди сближаются, как горные деревни под защитой лесов. Таким образом, лавины становятся катализаторами социальной и национальной сплоченности» [Utz: 115–116]. Из этого следует, что, если бы не было реальных лавин, камнепадов и оползней, их следовало бы придумать. Как показано выше, альпийский текст немецкоязычной литературы как результат геопозитического конструирования обладает многослойным амбивалентным содержанием, обнаруживающим на разных этапах исторического развития характеристики хтонического обиталища злых духов и опасных зооморфных существ, а со временем приобретает яркие черты притягательно-опасного гетеротопа, который в своем предельном, лиминальном, воплощении порой становится местом гибели отдельных людей и целых селений.

Примечания

¹ Цитаты из научной литературы переведены авторами статьи. Имена переводчиков художественных произведений указаны в списке литературы. Если имя переводчика не указано, перевод выполнен авторами.

Список литературы

Источники

Канетти Э. Масса и власть / пер. Л. Ионина. Москва: Ad Marginem Press, 1997. 527 с. // Гуманитарный портал. 20.03.2012. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5454> (дата обращения: 17.06.2025).

Келлер Г. Мартин Заландер / пер. Н. Федоровой. Москва: Текст, 2012. 448 с. URL: avidreaders.ru.

ru/read-book/martin-zalander.html (дата обращения: 07.06.2025).

Манн Т. Волшебная гора / пер. В.Н. Курелла, В.О. Станевич // Манн Т. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. Москва: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1959. 543 с.

Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. Письма двух любовников, живущих в маленьком городке у подножия Альп / пер. Н.И. Немчиновой, А.А. Худадовой // Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения: в 3 т. Т. 2. Москва: Гослитиздат, 1961. 759 с.

Руссо Ж.-Ж. Исповедь / пер. Д.А. Горбова, М.Н. Розанова. Москва: АСТ, 2021. 910 с.

Шиллер Ф. Вильгельм Телль / пер. Н.А. Славянского. Москва: Гос. изд-во детской лит-ры Мин-ва просвещения РСФСР, 1959. 176 с.

Bannwald // DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Bannwald> (дата обращения: 05.06.2025).

Erhabenes-Sublimes // Philomag.de – Philosophie Magazin. Begriffslexikon. URL: <https://www.philomag.de/lexikon/erhabenes-sublimes> (дата обращения: 05.06.2025).

Frisch M. Planura. Journalistische Arbeiten 1931–1939 / hg. C. Niemann unter Mitwirkung von W. Obschlager. Hannover, Theatrumuseum, 2001a, S. 212–217.

Frisch M. Über die Alpen. In: Journalistische Arbeiten 1931–1939 / hg. C. Niemann unter Mitwirkung von W. Obschlager. Hannover, Theatrumuseum, 2001b, S. 269–274.

Geiser Ch. Der Gränsee. Berlin, Volk und Welt, 1979, 255 S.

Haller A. Die Alpen. In: Albrecht von Hallers Gedichte / hg. L. Hirzel. Frauenfeld: Huber, 1882, S. 19–42. Permalink, <http://www.zeno.org/nid/20004991044> (дата обращения: 16.06.2025).

Inglis M. Die Lawine. Meinrad Inglis' schönste Erzählungen. Zürich, Ammann, 1998, S. 21–41.

Lienert M. Erzählungen aus der Schweizer Geschichte. Aarau, Sauerländer, 1961, 336 S.

Исследования

Александрова-Осокина О.Н. Вопросы геопоэтики в современном литературоведении // Научный диалог. 2020. № 5. С. 216–241. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-5-216-241>

Воронина А.И., Любимова Н.В. Textoобразующие функции оронимов в немецкоязычной горной прозе Швейцарии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 23–31. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_11_866_23

Карпенко Е.И., Любимова Н.В. Геопоэтика как способ прочтения литературных пространств: лингвистические аспекты (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного

лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 216–230. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_11_853_216

Любимова Н.В. Швейцарский дискурс в письмах и путевых заметках Гете // Гете – Толстой: диалог двух олимпийцев: материалы междунар. науч. конф. 19–21 ноября 2012 г. / Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна». 2014. С. 103–121.

Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003. 170 с.

Böning H. «Arme Teufel an Klippen und Felsen» oder «Felsenburg der Freiheit»? Der deutsche Blick auf die Schweiz und die Alpen im 18. und frühen 19. Jahrhundert. Jon Mathieu & Simona Boscani Leoni (Hg.). Die Alpen! Zur europäischen Wahrnehmungsgeschichte seit der Renaissance. Bern, Peter Lang, 2005, S. 175–190.

Foucault M., Miskowicz J. Of Other Spaces. Diacritics, 1986, vol. 16 (1), S. 22–27. <https://doi.org/10.2307/464648>

Hungerbühler A. «Könige der Alpen». Zur Kultur des Bergführerberufs, hg. G. Klein, M. Löw und M. Meuser. Bielefeld, Transkript, 2013, 446 S.

Lustenberger Ch. Orte der eidgenössischen Geschichtsrepräsentation: Perspektiven ausländischer Reisender im 18. Jahrhundert. Schweizerische Zeitschrift für Geschichte, 2004, H. 3, Bd. 54, S. 256–275. URL: <http://dx.doi.org/10.5169/seals-81372> (access date: 05.06.2025).

Raymond P. Von der Landschaft im Kopf zur Landschaft aus Sprache. Die Romantisierung der Alpen in den Reiseschilderungen des Gebirges in der Erzählprosa der Goethezeit. Tübingen, Niemeyer, 1993, 376 S.

Utz P. Kultivierung der Katastrophe. Literarische Untergangsszenarien aus der Schweiz. München, Wilhelm Fink, 2013, 297 S.

References

Aleksandrova-Osokina O.N. *Voprosy geopoetiki v sovremennom literaturovedenii* [Issues of geopoetics in contemporary literary studies]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 2020, no. 5, pp. 216–241. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-5-216-241> (In Russ.)

Karpenko E.I., Lyubimova N.V. *Geopoetika kak sposob prochteniya literaturnykh prostranstv: lingvisticheskie aspekty (na materiale nemetskogo iazyka)* [Geopoetics as a Means of literary Spaces Interpretation]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2021, no. 11 (853), pp. 216–230. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_11_853_216 (In Russ.)

Lyubimova N.V. *Shveitsarskii diskurs v pis'makh i putevykh zametkakh Gete* [Swiss discourse in Goethe's letters and travel notes]. *Gete – Tolstoi: dialog*

dvukh olimpiitsev: materialy mezhdunar. nauch. konf. 19–21 noiabria 2012 [Goethe-Tolstoy: Dialogue of two Olympians: Proceedings of the International Scientific Conference, 19–21 November 2012]; Museum-estate of L.N. Tolstoy 'Yasnaya Polyana', 2014, pp. 103–121. (In Russ.)

Mednis N.E. *Sverkhsteksty v russkoi literature* [Hypertexts in Russian literature]. Novosibirsk, NGPU Publ., 2003, 170 p. (In Russ.)

Voronina A.I., Lyubimova N.V. *Tekstoobrazuiushchie funktsii oronimov v nemetskoiazynnoi gornoi proze Shveitsarii* [Text-forming Functions of Oronyms in the Swiss Mountain Prose (German Language)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2022, no. 11 (866), pp. 23–31. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_11_866_23 (In Russ.)

Böning H. «Arme Teufel an Klippen und Felsen» oder «Felsenburg der Freiheit»? Der deutsche Blick auf die Schweiz und die Alpen im 18. und frühen 19. Jahrhundert. Jon Mathieu & Simona Boscani Leoni (Hg.). *Die Alpen! Zur europäischen Wahrnehmungsgeschichte seit der Renaissance*. Bern, Peter Lang, 2005, S. 175–190.

Foucault M., Miskowiec J. Of Other Spaces. *Diacritics*, 1986, vol. 16 (1), S. 22–27. <https://doi.org/10.2307/464648>

Hungerbühler A. «Könige der Alpen». *Zur Kultur des Bergführerberufs*, hg. G. Klein, M. Löw und M. Meuser. Bielefeld, Transkript, 2013, 446 S.

Lustenberger Ch. Orte der eidgenössischen Geschichtsrepräsentation: Perspektiven ausländischer Reisender im 18. Jahrhundert. *Schweizerische Zeitschrift für Geschichte*, 2004, H. 3, Bd. 54, S. 256–275. URL: <http://dx.doi.org/10.5169/seals-81372> (access date: 05.06.2025).

Raymond P. Von der Landschaft im Kopf zur Landschaft aus Sprache. *Die Romantisierung der Alpen in den Reiseschilderungen des Gebirges in der Erzählprosa der Goethezeit*. Tübingen, Niemeyer, 1993, 376 S.

Utz P. Kultivierung der Katastrophe. *Literarische Untergangsszenarien aus der Schweiz*. München, Wilhelm Fink, 2013, 297 S.

Статья поступила в редакцию 21.06.2025; одобрена после рецензирования 29.06.2025; принята к публикации 15.07.2025.

The article was submitted 21.06.2025; approved after reviewing 29.06.2025; accepted for publication 15.07.2025.

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 222–226. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 222–226. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 81.161.1:378

EDN JCZOTQ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-222-226>

ОСМЫСЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКАХ РКИ (на примере рассказа А.П. Чехова «У предводительши»)

Ступина Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, stupina.ek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9978-9686>

Шибеева Наталья Борисовна, кандидат филологических наук, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, shibnately@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7155-2318>

Аннотация. В работе рассматривается проблема совершенствования методики преподавания русского языка как иностранного. Отмечается необходимость включения в практику работы деятельности по расширению знаний лингвокультурологического характера. Знание культурных кодов народа, язык которого изучается, обеспечивает не только продуктивность освоения лингвистической системы, но и успешность интегрирования в общественные институты страны. Культурный код – это совокупность информации, которая вбирает в себя человеческая культура. Произведения классической русской литературы являются важным источником для освоения картины русского мира. Работа с аутентичным текстом предполагает семантизацию лексем, а также демонстрацию различных наглядных материалов. В качестве источника, иллюстрирующего многообразие культурно маркированных единиц, был выбран рассказ А.П. Чехова «У предводительши». Методом сплошной выборки были выделены несколько групп слов, наделенных национально-культурной семантикой. Словам дан лингвокультурологический комментарий. Рассматриваются лексемы, номинирующие социальный статус человека, различные виды одежды, продуктов питания, транспорта. Особое значение имеют слова, отражающие базовые категории культуры, связанные с традициями поминания усопших. В авторском тексте историзмы отражают конкретную эпоху, поэтому тоже нуждаются в пояснении для осознания глубины культурного процесса в стране.

Ключевые слова: культурный код, знаки культуры, культурно маркированные слова, семантизация, историзмы.

Для цитирования: Ступина Е.С., Шибеева Н.Б. Осмысление культурных кодов как средство формирования коммуникативной компетенции на уроках РКИ (на примере рассказа А.П. Чехова «У предводительши») // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 222–226. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-222-226>

Research Article

UNDERSTANDING OF CULTURAL CODES AS A MEANS OF BUILDING COMMUNICATIVE COMPETENCE IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (on the example of Anton Chekhov's short story "At the Marshaleess")

Ekaterina S. Stupina, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, stupina.ek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9978-9686>

Natalia B. Shibaeva, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, shibnately@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7155-2318>

Abstract. In the article the problem of improvement of methodology of teaching of Russian as a foreign language is considered. It is noted the necessity to include in the practice of work the activities to expand the knowledge of linguistic-cultural character. Knowledge of the cultural codes of the people whose language is studied, provides not only the productivity of mastering the linguistic system, but also the success of integration into the social institutions of the country. A cultural code is a set of information that human culture absorbs. Works of classical Russian literature are an important source for mastering the image of the Russian world. Work with authentic texts implies semantisation of lexemes, as well as demonstration of various visual materials. Anton Chekhov's short story "At the Marshaleess" was chosen as a source illustrating the variety of culturally marked units. Several groups of words endowed with national-cultural semantics were selected by the method of solid sampling. Linguistic-cultural comments are given to the words. Words indicating the social status of a person, different types of clothing, food, transportation are considered. Of special importance are words reflecting basic cultural categories

connected with traditions of remembrance of the deceased. In the author's text, historicisms reflect a specific period, so they also need explanation to realise the depth of the cultural process in the country.

Keywords: cultural code, cultural signs, words marked by culture, semanticising, historicism.

For citation: Stupina E.S., Shibaeva N.B. Understanding of cultural codes as a means of building communicative competence in teaching Russian as a foreign language (on the example of Anton Chekhov's short story "At the Marshaleess"). Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 222–226. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-222-226>

Методика обучения РКИ главной целью ставит формирование коммуникативной компетенции, которая, по утверждению И.А. Зимней, есть «способность осуществлять речевую деятельность, реализуя коммуникативное речевое поведение на основе фонетических, лексико-грамматических, социолингвистических и страноведческих навыков...» [Зимняя: 12]. Осваивая русский язык, иностранный студент приобретает новые знания о русской национальной культуре, истории, так как язык есть «самое могучее орудие культуры, в котором отпечатывается душа национальная» [Булгаков: 451]. Знакомство с особенностями жизни той страны, язык которой изучается, позволяет усваивать не только правила употребления языковых единиц, но и систему культурных кодов.

По мнению Р. Барта, культурный код представляет собой «код человеческого знания» и апеллирует к пониманию сложившихся в социуме правил, осознаваемых в цивилизационном мире как природная данность [Барт: 47]. Осмысление культурного пространства, в котором пребывает иностранец, способствует успешному интегрированию в общественные институты страны. Культурный код трактуется как таксономия «элементов картины мира, в которой объединены природные и созданные руками человека объекты» [Маслова, Пименова: 16]. Представление об определенной системе правил, заложенных в социуме, оформляется в виде интуитивно собранных и систематизированных в сознании фактов, которые могут трактоваться как своеобразные знаки. Их комбинации составляют системы культурных кодов. Этот когнитивный процесс предполагает точное видение не столько языковых норм (это является следствием значительно более глубокого процесса), сколько инференциальных вариаций, обнаруживающихся при совокупном считывании информации, получаемой вербальным и невербальным способом. «В языке культура "заимствует" оболочки (тела) знаков, которые впоследствии становятся репрезентантами смыслов культуры» [Симбирцева: 158]. Так определяется культурный текст нации.

Культурный код организует всю информацию, которую вбирает человеческая культура, в систему морально-нравственных, этических, поведенческих и др. компонентов – знаков. Эти знаки выражены в слове, изображении, звуке. М. Фуко отмечает, что «основополагающие коды любой культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обменами, ее фор-

мами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться» [Фуко: 37]. Таким образом, эти знаки, маркирующие культурные коды, лежат в основе систем человеческих ценностей, важнейших национальных скреп. Эти скрепы коррелируются с правилами поведения в обществе. Знание об этих правилах способствует развитию коммуникативных навыков у людей, изучающих язык.

Доступным для иностранца вариантом знакомства с устоями русской культуры становится классическая русская литература. Например, картины русской жизни, описанные А.П. Чеховым, имеют мировое значение.

Работа над художественным текстом в иностранной аудитории имеет свою специфику. Как отмечают Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, «изучаемый язык сам по себе, автоматически не "отдает" хранимую им информацию» [Верещагин, Костомаров: 5], поэтому задача преподавателя русского языка – помочь студенту-инофону в понимании аутентичного текста, содержащего культурно маркированные единицы и требующего в связи с этим особого комментария с целью формирования социокультурной и социолингвистической компетенций обучающихся.

В лингвокультурологических исследованиях к культурно маркированным единицам, в которых выделяется компонент, выражающий особенности этнического сознания, относят:

- а) номинации традиций (или устойчивых элементов культуры), обычаев и обрядов;
- б) описания бытовой культуры, тесно связанной с традициями;
- в) лексемы, называющие детали повседневного поведения (привычки представителей какой-либо культуры или принятые в некотором социуме нормы общения);
- г) концептуальные форманты «национальной картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления;
- д) наименования предметов художественной культуры, отражающей культурные традиции того или иного этноса [Антипов: 76–77].

Многообразие лексических единиц, демонстрирующих специфику культуры русского народа, пред-

ставлено в рассказе А.П. Чехова «У предводительши», написанного в 1885 г.

В центре внимания – группа слов, наделенных национально-культурной семантикой и, следовательно, не имеющих аналогов в инокультурной реальности.

По мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, в состав такой группы, как правило, входят «слова, обозначающие предметы и явления предшествующих периодов» [Верещагин, Костомаров: 49]. В рассказе А.П. Чехова встречаем историзмы, указывающие на социальный статус человека: *исправник, мировой, становой*.

Так, *исправником* в царской России называли «начальника уездной полиции» [ТС]. До 1862 г. капитан-исправник был главой административно-полицейской власти уезда (без городов) [Федосюк: 72].

Лексема *мировой* употребляется в литературе XIX в. в следующем значении: «То же, что мировой судья (разбиравший мелкие дела; дореволюц.)» [УТС]. Мировые судьи обычно избирались на три года уездными земскими собраниями и городскими думами [Федосюк: 84].

К власти имущим относят и *станового пристава*. С 1837 г. становые, владеющие полицейским округом, стали исполнять роль помощников уездного исправника [Федосюк: 72].

Как следует из приведенных примеров, участники описываемой А.П. Чеховым ситуации – представители государственной власти, имеющие определенный вес в обществе и наделенные особыми полномочиями.

История, описанная А.П. Чеховым, происходит в доме предводительши. В дореволюционной России так называли жену «выборного представителя дворянства (губернии или уезда), занимавшегося словесными делами дворянства и занимавшего соответственные места в органах самоуправления» [УТС].

Известно, что в XIX в. женщины не могли быть ни чиновниками, ни военными, поэтому «женские варианты чинов вроде “советница” или “асессорша” – всего лишь указание на чин мужа» [Федосюк: 92].

В современном русском языке можно встретить немало существительных женского рода, построенных по аналогичной словообразовательной модели (*генерал + ш(а) → генеральша; офицер + ш(а) → офицерша*) и обладающих сниженной стилистической окраской. Однако среди подобных примеров можно встретить такие, которые служат не только для именования жены лица, названного по профессии или роду деятельности. Суффикс *-ша* в синхронии указывает на феминитив: *докторша, библиотекарша, билетерша*.

Среди историзмов, встречающихся в рассказе писателя-классика, можно выделить такие, которые дают представление об административно-террито-

Рис. 1. Административно-территориальное деление России в XIX в.

риальном делении России XIX в.: *уезд* – «В России до 1929 г. до выделения районов (во 2 знач.): административно-территориальная единица в составе губернии» [ТС]. *Губерния* – «род области или большого округа России, разделенного на уезды, под управлением губернатора» [Даль].

Полученную информацию представляем в виде диаграммы (рис. 1).

Таким образом, историзмы, воссоздающие колорит эпохи, знакомят иностранного студента с национальной историко-культурной картиной жизни русского народа в определенный отрезок времени.

В национально-культурном компоненте слова находят отражение базовые категории культуры, такие как обычаи, традиции народа.

В рассказе А.П. Чехова «вдова предводителя Любовь Петровна служит по усопшем имениннике панихиду, а после – благодарственное господу богу молебствие» [Чехов: 11]. Для русского человека панихида – это определенный ритуал, то есть «система действий, совершаемых по строго установленному порядку, традиционным способом и в определенное время» [Сабитова: 139]. У христиан панихида – «церковная служба по умершему (во время похорон, а также на третий, девятый или сорокой день после смерти либо в годовщину его смерти или рождения)» [ТС]. Вспоминая умершего, люди идут в церковь, читают молитвы, стоят службу, по окончании которой приглашают на поминальный обед тех, кто был особенно близок с умершим. В организации стола соблюдается древняя традиция: существует строго определённый набор блюд с преобладанием рыбных, десерт отсутствует, в качестве напитка предлагается водка, которую пьют обычно стоя и не чокаясь.

Наименования предметов и явлений традиционного русского быта составляют значительную группу слов с национально-культурным компонентом. Знакомство иностранной аудитории с данными понятиями рекомендуется проводить не только через толкование как способ семантизации лексики, но и через наглядность, создающую зрительный об-

Рис. 2. Кутья

Рис. 3. Пирог

Рис. 4. Сюртук

Рис. 5. Русские сани

раз, опора на который способствует лучшему усвоению новых культурологических единиц.

Первая тематическая группа – «Еда, напитки»: *кутья* – «крутая сладкая каша (из риса, пшеницы), с изюмом, которую по обычаю едят на поминках» [ТС]; каша «из толстой крупы, приносимая в церковь при поминках и подаваемая за упокойным столом, а местами и в рождественский сочельник» [Даль] (рис. 2); *пирог* – «печеное изделие из раскатанного теста с начинкой» [Даль] (рис. 3).

Продукты и связанные с ними ритуалы являются неотъемлемой частью базовой системы ценностей народа. По мнению В.А. Масловой, М.В. Пименовой, «древняя основа традиционной кухни русских – хлеб, каша, пирог, хлеб-соль...» [Маслова, Пименова: 87]. В рассказе А.П. Чехова хозяйка дома строго следует правилам, связанным с угощением, предлагая гостям кутью – обязательное блюдо на поминальном столе. При приготовлении кутьи обычно добавляли мед, употребляемый, по народным верованиям, для того, чтобы умершему «было сладко на том свете».

Вторая тематическая группа слов с национально-культурным компонентом в семантике – «Одежда».

Головной убор или сама одежда могли указывать на принадлежность человека к определенному сословию, а значит, и социальному статусу, роду занятий, этнической группе. В рассказе А.П. Чехова встреча-

ем описание сюртука, предмета мужской одежды: «с длинными почти до колен полами, в талию, обычно с отложным воротником» [УТС]; «род длинного двубортного пиджака, обычно в талию» [ТС] (рис. 4).

Действие рассказа происходит зимой, поэтому в передней «повешены шубы» [Чехов: 13]. Примечательно, что в XIX в. шубы носили не только женщины, но и мужчины. В толковом словаре В.И. Даля находим, что шуба – «верхняя, просторная, меховая одежда, мужская и женская» [Даль]. В современном же понимании лексемы «шуба» данный признак не актуализирован: «Зимняя верхняя одежда – меховая или на вате, ватине» [ТС].

Следующая тематическая группа с национально-культурным компонентом в семантике, представленная в чеховском рассказе, – «Транспорт». В царской России в качестве средства передвижения обычно использовали сани, запряженные лошадьми: «Марфуткин вспоминает, что он забыл свой портсигар в санях и идет в конюшню» [Чехов: 14]. Согласно словарной статье, сани – «зимняя повозка на полозьях» [ТС] (рис. 5).

Характер человека часто определяет особенно-сти обустройства его жилища, в связи с чем подчеркиваем значимость тематической группы «Дом, квартира»: панихида проходит «в имении вдовы бывшего уездного предводителя...» [Чехов: 11]. Лексема име-

ние имеет следующее значение: «В царской России: поместье, земельное владение» [ТС]. Примечательно, что действие большинства произведений русской классической литературы происходит в дворянских домах и имениях. Дом Любови Петровны в рассказе А.П. Чехова отличается своими размерами: на панихиду «съезжается весь уезд», то есть «человек около пятидесяти» [Чехов: 11]. Хозяйка организует прием, следуя нормам этикета, сохраняя свой высокий статус и материальное благополучие даже после смерти мужа, главы местного управления.

Таким образом, художественный текст может стать источником изучения культуры. Сегментация текстовой основы по фактологическим показателям служит накоплению существенных знаний, укладываемых в систему культурных кодов. Возможно, иностранный студент не будет активно использовать рассмотренные слова, но им будут освоены фоновые знания, необходимые для осмысленного взаимодействия с представителями лингвокультуры.

Чтение знаковых произведений является важным этапом в освоении языка не только с точки зрения фиксации коммуникативных моделей, но и с точки зрения постижения основ бытия всего народа – носителя языка.

Список литературы

Источники

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Санкт-Петербург: Диамант, Золотой век, 1999. 784 с.

ТС – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Москва: Азбуковник, 1999. 944 с.

УТС – Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Москва: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935–1940.

Чехов А.П. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. Москва: Правда, 1970. С. 11–14. (Б-ка «Огонек»).

Исследования

Барт Р. S/Z. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.

Булгаков С.Н. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Москва: Наука, 1993. 750 с.

Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Москва: Рус. яз., 1990. 246 с.

Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. Москва: Русский язык, 1989. 219 с.

Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры: учеб. пособие. Москва: Флинта: Наука, 2016. 180 с.

Сабитова З.К. Лингвокультурология: учебник. Москва: Флинта: Наука, 2015. 528 с.

Симбирцева Н.А. «Код культуры» как культурологическая категория // Проблемы культурологии. 2016. № 1. С. 157–167.

Текст как явление культуры / Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. 197 с.

Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. Москва: Флинта: Наука, 2007. 264 с.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. Москва: Прогресс, 1977. 488 с.

References

Bart R. S/Z. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001, 232 p. (In Russ.)

Bulgakov S.N. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1993, vol. 2, 750 p. (In Russ.)

Fedosyuk Yu.A. *Chto neponyatno u klassikov, ili Enciklopediya russkogo byta XIX veka* [What is unclear about the classics, or an Encyclopedia of Russian life in the 19th century]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2007, 264 p. (In Russ.)

Foucault M. *Slova i veshchi. Arkheologiya humanitarnykh nauk* [The order of things: Archaeology of the human sciences], transl. from French by V.P. Vizgin and N.S. Avtonomova. Moscow, Progress Publ., 1977, 488 p. (In Russ.)

Maslova V.A., Pimenova M.V. *Kody lingvokul'tury* [Linguocultural codes]. Moscow, Flinta Publ., 2016, 180 p. (In Russ.)

Sabitova Z.K. *Lingvokul'turologiya: uchebnik* [Linguocultural studies: textbook]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2015, 528 p. (In Russ.)

Simbirceva N.A. «Kod kul'tury» kak kul'turologicheskaya kategoriya [“Culture code” as a cultural category]. *Problemy kul'turologii* [Problems of cultural studies], 2016, pp. 157–167 (In Russ.)

Tekst kak yavlenie kul'tury [Text as a cultural phenomenon]; Antipov G.A., Donskih O.A., Markovina I.Yu., Sorokin Yu.A. Novosibirsk, Science Publ., 1989, 197 p. (In Russ.)

Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Yazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and Culture. Linguistic and Regional Studies in Teaching Russian as a Foreign Language], 1990, 246 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.04.2025; одобрена после рецензирования 07.05.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 28.04.2025; approved after reviewing 07.05.2025; accepted for publication 12.05.2025.

О РОДНОМ ЯЗЫКЕ...

Сегодня в рубрике «О родном языке...» мы представляем историко-культурное и лингвистическое эссе О.В. Никитина, известного путешественника по достопамятным местам России, имеющим историко-культурное, этнодиалектное и даже природное значение, но чаще всего связанным с жизнью выдающихся деятелей русской науки и культуры, юбилеи которых мы нередко забываем отмечать и о которых неутомимый Олег Викторович не забывает нам напоминать. Бывал он совсем недавно, в прошлом году, и в костромских краях: в Щелыкове на ежегодных чтениях памяти А.Н. Островского, оставив об этом лирические заметки, и в некогда костромском Плесе. А еще он мечтает познакомиться с Кологривом, родиной Ефима Честнякова.

Чаще же всего, пожалуй, О.В. Никитин посещал вологодчину и Карелию, откуда идёт род известных педагогов и ученых Фортунатовых. Так, в Петрозаводском университете по инициативе О.В. Никитина и его коллег в прошлом году состоялись уже 4-е Фортунатовские чтения в честь великого русского лингвиста конца прошлого века Филиппа Фёдоровича Фортунатова; а до этого отметили там же юбилей выдающегося слависта Ватрослава Ягича, хорвата по национальности, несколько лет преподававшего в Петербургском университете, учителя нашего знаменитого филолога, незабвенного Алексея Александровича Шахматова, юбилей которого также мы отмечали в прошлом году. В 2022 г. также при активном участии О.В. Никитина была конференция в честь выдающегося историка русского языка Измаила Ивановича Срезневского на его рязанской родине, с посещением родового села. И, пожалуй, наиболее широко, с конференцией и многочисленными изданиями, и опять по инициативе Олега Викторовича, совсем недавно прошли чествования многообразной деятельности Д.Н. Ушако-

ва, у которого есть последователи и среди костромских лингвистов-диалектологов.

Тема и постановка задач представленного в журнале эссе О.В. Никитина, связанные с Карелией и непосредственно с поездкой на Кижь, оригинальны и поражают многоаспектностью замыслов, общелингвистических, этнолингвистических, исторических и философских, художественным мастерством оформления. Эссе представляет собой научно-художественное произведение, жанр, распространённый в недавнем прошлом у ряда известных русских учёных, как, например, в «Очерках по истории слов и словосочетаний русского языка» проф. Ленинградского университета Б.Л. Богородицкого. Жанр был высоко оценён составителями, издателями и рецензентами книги, видными русскими учёными И.С. Лутовиновой, А.С. Гердом, В.М. Мокиенко, Л.Я. Костючук, что и признано в аннотации: «Труды Б.Л. Богородицкого – одна из немногих вершин филологии XX в., в которых она вновь проявила себя как единая историко-филологическая наука» (см. аннотацию и предисловие книги: Богородицкий Б.Л. Очерки по истории слов и словосочетаний русского языка. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 394 с.).

Думается, что читатели почерпнут из данного эссе много полезных сведений из разных областей знания, в том числе и историко-культурного, филологического и лингвистического плана, и получат, что немало важно, еще и эстетическое наслаждение от прочтения прекрасного сочинения, а также желание побывать в этих северных краях.

*Н. Ганцовская,
доктор филологических наук,
профессор, член редколлегии
журнала «Вестник КГУ»*

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 228–235. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 228–235. ISSN 1998-0817

Историко-культурное и лингвистическое эссе

УДК 821.161.1'38

EDN OFDWC

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-228-235>

ИВАН-ЧАЙ С МОРОШКОЙ: ПОЕЗДКА НА КИЖИ (ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ЛИНГВИСТА-ПУТЕШЕСТВЕННИКА)

Никитин Олег Викторович, доктор филологических наук, профессор, Государственный университет просвещения, Москва, Россия, olnikitin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Аннотация. Статья представляет собой историко-культурное эссе на этнолингвистическую тему. В центре внимания автора заповедный архипелаг Кижы с его уникальными памятниками архитектуры, религиозной жизнью, народными песенными традициями, природным ландшафтом. Рассказ оформлен в жанре путевого дневника лингвиста и ведется от первого лица. Большое внимание уделяется описанию увиденных пейзажей в контексте духовного наследия Русского Севера. Упоминаются имена сказителей XIX в., связанных с Кижями: Т.Г. Рябинина, В.П. Щеголёнок и филолога-славянофила А.Ф. Гильфердинга, собиравшего в этих местах былинный фольклор. Вместе с тем «лирическая» статья является также своеобразным эвристическим экспериментом, позволяющим современному ученому рассматривать факты далекой истории сквозь призму социума нашего времени. Поэтому рефлексия автора звучит как голос бытописателя, то размышляющего о летописных годах Кижей, то перемещающегося в XXI в. вместе с силуэтами посетителей и работников заповедника и наблюдающего забавные случаи, то разгадывающего лингвистические ребусы. Даются портретные характеристики, позволяющие увидеть за словесными импульсами черты новой истории и поколение людей, оторванных от народных корней. Приводятся философские размышления автора о важности сохранения культурных ценностей (не только архитектуры, но и языка, и бытовых устоев). Говорится об уважении к памяти предков как создателей русской идентичности. Подчеркивается необходимость обращения к историческим документам, сберегающим редкие свидетельства невымышленной жизни народа. Эссе призывает читателей не быть пассивными наблюдателями-туристами, активнее включаться в экспедиционную деятельность, изучать подлинные страницы национальной истории и языка.

Ключевые слова: этнолингвистика, Кижы, народная традиция, Т.Г. Рябинин, В.П. Щеголёнок, А.Ф. Гильфердинг, Русский Север, духовная культура, история филологии, эвристический эксперимент.

Для цитирования: Никитин О.В. *Иван-чай с морошкой: поездка на Кижы* (из записной книжки лингвиста-путешественника) // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 228–235. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-228-235>

Research Article

WILLOW HERB WITH CLOUDBERRIES: A TRIP TO KIZHI (FROM THE NOTEBOOK OF A LINGUIST-TRAVELER)

Oleg V. Nikitin, DSc in Philology, Professor, Federal State University of Education, Moscow, Russia, olnikitin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Abstract. The article is a historical and cultural essay on an ethnolinguistic topic. The author focuses on the sacred archipelago Kizhi with its unique architectural monuments, religious life, folk song traditions and natural landscape. The story is written in the genre of a linguist's travel diary and is conducted in the first person. Much attention is paid to describing the landscapes seen in the context of the spiritual heritage of the Russian North. The names of 19th-century storytellers associated with Kizhi are mentioned: T.G. Ryabinin, V.P. Shchegolyonok and the Slavophile philologist A.F. Gilferding, who collected epic folklore in these places. At the same time, the "lyrical" article is also a kind of heuristic experiment that allows a modern scientist to consider the facts of distant history through the prism of the society of our time. Therefore, the author's reflection sounds like the voice of a writer reflecting on the chronicle years of Kizhi, then moving into the 21st century together with the silhouettes of visitors and employees of the reserve and observing funny cases, then solving linguistic puzzles. Portrait characteristics are given that make it possible to see behind the verbal impulses the features of a new history and a generation of people divorced from their national roots. The author's philosophical reflections on the importance of preserving cultural values (not only architecture, but also language and everyday principles) are given. It speaks about respect for the memory of the ancestors as the creators of the Russian identity. It emphasizes the need to refer to historical documents that preserve

rare evidence of the non-fictional life of the people. The essay urges readers not to be passive tourist observers, to become more actively involved in expedition activities and to study the authentic pages of national history and language.

Keywords: ethnolinguistics, Kizhi, folk tradition, T.G. Ryabinin, V.P. Shchegolyonok, A.F. Gilferding, Russian North, spiritual culture, history of philology, heuristic experiment.

For citation: Nikitin O.V. *Willow herb with cloudberryes: a trip to Kizhi (from the notebook of a linguist-traveler)*. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 228–235. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-228-235>

Сколько бы ни писали об архипелаге Кизи, он каждый раз будет открытием чего-то особенно-го, глубокого и светлого. Так случилось и у меня, когда в последний день конференции «Четвертые Фортунатовские чтения в Карелии»¹ я совершил поездку на легендарный остров. Предыдущий поход, несколько лет тому назад, запомнился грандиозной реставрацией Преображенского собора², который стоял на сваях и был закрыт, работой древнерусских мастеров (все с бородами, говорят по-северному, окают) по воссозданию былого величия луковки-главы на куполе этого былинного храма. До сих пор мне, как в глубине острова, в ангаре, лежала на боку, как будто дремала, матрешка-великан, а ее нежно обихаживали плотники, покрывая лемехом³. Ювелирная работа! Прикоснуться к такому чуду – уже блаженство! Теперь она венчает Преображенский собор и своим небесным крестом указывает путь к Богу... Он здесь везде – в ярко-зеленой траве летом и в снежинках пушистого снега зимой, в озерной глади, поблескивающей на солнце, и в людях, которые живут и работают в этих местах. А еще не забыть божественно-голубого неба – такого нет нигде, кроме Кижского погоста, в отдалении от мирской суеты, на самом краю Русской земли...

Июньская погода была ясной и теплой. Онежское озеро оказалось милостиво к своим путникам. Его безбрежные воды, ударяясь о борт, как будто при-

глашали в свою обитель, приободряли незваных гостей. Хребты лесистых холмов на заонежских далях о чем-то шептались зелеными макушками. Мелькали то и дело небольшие островки. Они, как чудесные вестники, показывали дорогу к главному матерiku. Шустрый «Метеор» на воздушных крыльях за час двадцать донес всех до пристани. Подул легкий ветерок. Запахло недавно скошенной травой. «Хорошо, не шашлыками!», – подумал я... Этот первозданный мир до сих пор охраняется от человеческого нерадения и безумства. Он вечен. В нем нет ничего современного, кроме космической связи да пожарной машины, стоявшей недалеко от церкви Преображения Господня у противоположного берега Онеги в полной готовности. А вдруг... И тогда дерзкий разум XXI века придет на помощь живому гению XVIII столетия.

Кижской погост с двадцатидвуглавым собором Преображения Господня – доминанта острова. Это чудо пережило и победило и время, и пространство, как ахматовский Пушкин! Уже в самом начале пути по деревянному настилу открывается величие безымянных мастеров и сразу поражает совершенством художественной формы, удивительной гармонией, божественной красотой и достоинством веры, сподвигшей обычного крестьянина, быть может, и не совсем образованного, но озаренного свыше Небом на создание этого волшебства. Около него надо хо-

Рис. 1. Дорога к храму Преображения Господня

Рис. 2. Небесные купола церкви

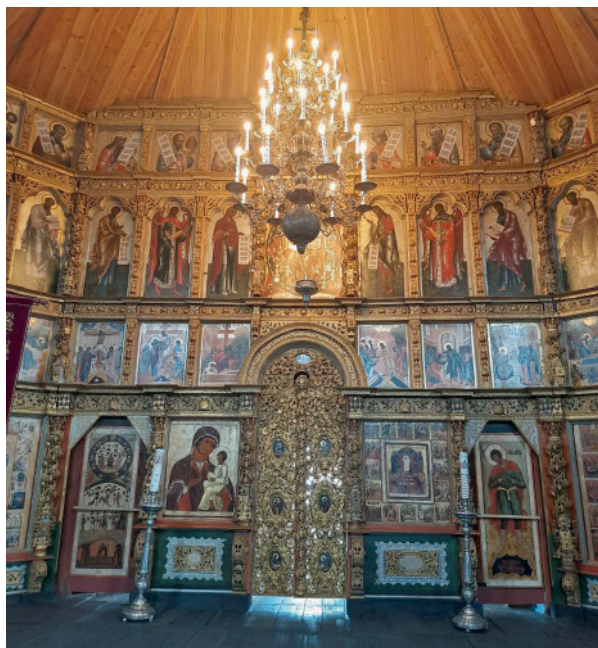

Рис. 3. Иконостас в церкви
Преображения Господня (фрагмент)

дить тихо, с сокровенными мыслями и не бояться об-
нажать свою душу.

Странное, дивное чувство возникает, когда стоишь
рядом с храмом и смотришь вверх: ты как будто под-
нимаешься по небесной лестнице, ступенька за сту-
пенькой, все выше и выше – туда, где «несть болезнь,
ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная»...
Поездка моя как раз была накануне Дня Святой Трои-
цы, во Вселенскую родительскую субботу. Стоявшие
вокруг покосившиеся от времени кресты, под одним
из которых лежит Трофим Григорьевич Рябинин⁴ –
основатель династии сказителей русских былин, на-
поминали об историческом величии северного края,
его самобытных талантах и силе природного духа лю-

дей, воспевавших и Добрыню, боровшегося со змеем,
и Соловья-разбойника, и Ивана Годиновича... Здесь
словно остановилось время, побороло свою гордыню.
Ушли иллюзии величины и важности человеческо-
го бытия – те земные грехи, которым мы все подвер-
жены. Над нами купола с крестами, устремившиеся
в небесную даль, показывают путь к спасению.

На Кижях много открытий: и то, как жили наши
предки, как на земле работали и создавали домашний
уют, какие праздники отмечали... Всё это и многое
другое раскрывается в музейных экспозициях, рас-
положенных в крестьянских домах-усадебках (были
и зажиточные северяне), небольших церквях и часов-
нях с их лечебным звоном. Даже люди, обычные со-
трудники музея, вписались в эту гармонию природы.

Вот очередные туристы остановились у сего-
дасного бородача, сидевшего у деревянной избуш-
ки. Он с невозмутимым видом, не обращая ни на кого
внимание, плел из бересты небольшой корабль. Для него
это главная работа. А рядом, на столе и лавочке, вы-
строились в ряды веселые безделушки: шкатулки,
ложки, смешные фигурки, сделанные с любовью ру-
кой человека, живущего на своей земле. Он как буд-
то только что вышел из напевов былин... Я прислу-
шался к их диалогу.

– А купить у Вас это можно?

– Конечно, можно.

Отвечал бородач степенно, почти не глядя на тол-
пу зевак.

– А это настоящее всё?

Тут он не выдержал...

– Да нет, покупаю на Ali Express'е! – сказал он не-
злбно и слегка рассмеялся.

Иностранное выражение (тут же вспомнились
модные «озоны» и «яндекс-доставки») быстро от-
резвило глазевшую публику, которая хотела «подко-

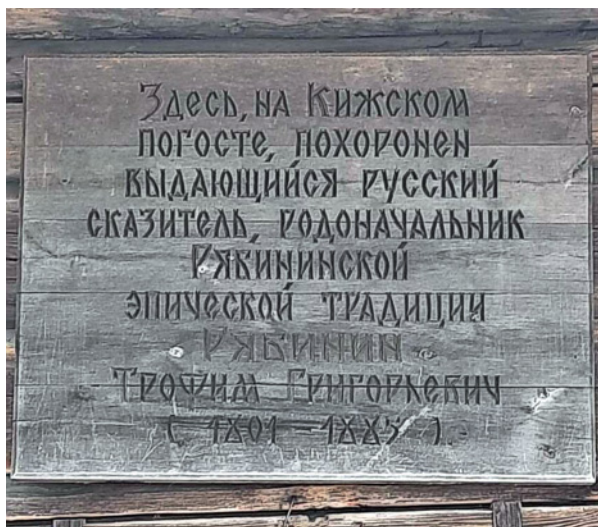

Рис. 4. Табличка на входе в Кижский погост
с упоминанием Т.Г. Рябинина

Рис. 5. Дом крестьянина Н.М. Ошевнева
из деревни Ошевнево Кижской волости

Рис. 6. «Небо» в часовне Архангела Михаила из д. Леликозеро

вырнуть» мастерового, видя в нем простого деревенского обитателя.

– Знаете, – наступает уже он на них, – какие самые распространенные вопросы мне задают?

– Какие?

– Первый – а это Вы сами делаете? Второй – а это настоящее?

Все улыбнулись. Добрая шутка сняла вдруг возникшее ниоткуда напряжение и невольно заставила городских стилиг в своих Аtman и цветастых кроссовках преклонить голову перед русским человеком – *онежанином* – коренным жителем этих мест, настоящим героем Русской земли.

Четырех часов на острове мне показалось мало. Мы прошли только музейную часть, да и то очень быстро... Хотелось задержаться, постоять у каждой иконы Покровской церкви, смотреть без зазрения совести на главки Преображенского собора, поблещивавшие серебром, подольше посидеть в сених, рассмотреть каждый предмет внутри избы и даже покатайся на лопастях мельницы.

Милая девушка-экскурсовод, несмотря на свои юные годы, показалась мне совсем равнодушной и вдумчивой – терпеливо отвечала на все вопросы, помнила даты, имена, незамысловатые сюжеты и истории из жизни местных рыбаков, с увлечением рассказывала о таких тонкостях устройства бани, как будто сама ее и рубила... И вдруг слышу известное мне имя Алексея Федоровича Гильфердинга – дипломата, ученого-славянофила, путешественника, собирателя онежских былин. Где-то там, в Кижской волости, летом 1871 г. он познакомился с легендарным Щеголёнком⁵ – олонецким крестьянином, сказителем русских былин, которого принимал у себя

Рис. 7. Ветряная мельница крестьянина Н.А. Биканина из деревни Волкостров Медвежьегорского района

в усадьбе сам граф Лев Толстой⁶. Впоследствии вышел сборник «Онежские былины» [Гильфердинг 1873] – уникальный памятник песенного зодчества Русского Севера. В предисловии к книге П. Гильтебрандт так писал о личности неутомимого собирателя: «Человечное и умелое общение с онежским крестьянином-раскольником, щедрая расплата с сказителями – привлекли к Гильфердингу столько певцов, что иным приходилось ждать очереди по два и по три дня, между тем как Гильфердинг записывал былины “до полного физического утомления”» [Гильфердинг 1876: IV].

Рис. 8. Икона Богоматери из церкви Покрова Пресвятой Богородицы

Рис. 9. Алексей Федорович Гильфердинг (1831–1872)

Наша «путеводительница» по кижскому заповеднику как-то осеклась, когда назвала фамилию *Гильфердинг*, и озадачилась вопросом: «А правильно ли я произношу? Говорят еще *Гильфёрдинг*...» – и посмотрела на меня. Я молча кивнул, удивившись такому новшеству. Но оказывается, это был вполне серьезный вопрос. Уже по приезде домой заглянул в словари и увидел, что фамилию произносят по-разному: австрийский экономист и социалист *Рудольф Гильфердинг* – с ударением на первый слог, а наш *Александр Гильфердинг* – на последний⁷. Откуда же появился еще и *Гильфёрдинг*? – так и осталась загадкой...

В конце экскурсии я отделился от группы и пошел своей тропой к берегу Онежского озера. Из-под свежескошенной травы выглядывали невинные звездочки цветущей земляники. Пахло почти высохшим сеном первой страды. Уже поднялась рожь на огороде. Вылезли зеленые перья лука. По обочинам дороги с северной стороны теснились пышные кусты крапивы. Вот-вот зацветет щавель. Я присел на берегу. Не заметил, как спугнул крикв, бодро подпрыгнувших над озером и тут же приземлившихся. Свисавшие по-над водой деревья ярко-зеленым нарядом улыбались во все стороны, радуясь летнему солнцу. Невдалеке художница стояла за своим мольбертом. И – тишина!.. Ее нарушила только кучка школьников, сбежавших от своих учителей: они что-то шумно обсуждали, взвизгивали, беззастенчиво взрывая божественный воздух словесной падью. Я встал и пошел дальше. Мне хотелось обойти со всех сторон древний погост, заглянуть в калитку, дотронуться до кам-

Рис. 10. Кижский пейзаж...

ней ограды и просто полюбоваться необезличенной красотой природы.

По пути встретились две рослые девушки – это солдаты Росгвардии, охранявшие заповедник. Они медленно шли и о чем-то разговаривали. Я заметил их и в храмах музея-погоста. Такая внезапная встреча поначалу настораживает: строгая форма, погоны на плечах, дубинка, амуниция и... деревянная церковь, в которой туристы фотографируют всё без стеснения. Для одних это диковинное «шоу», для других – встряска, а третьи просто не умеют вести себя в храме и не чувствуют его благодати. Живой красивый мужской голос певчих в Покровской церкви кого-то начал смешить. Дети застыли в безмолвствии. Я смотрел на это священнодействие, как на чудо. Потом поклонился иконам, отдал записки, поставил свечи и последним вышел из храма. Сторожевой Росгвардии терпеливо смотрел в мою сторону. Он – на посту и готов к любым происшествиям.

Наверное, о Кижях можно написать повесть – здесь всё дышит временем и его парадоксами. Они иногда и нас, туристов, заставляют оглянуться, посмотреть на себя со стороны, помогают оживить свою душу, окропить ее капельками божественной росы этих святых мест...

На обратном пути я все время оборачивался назад. Есть такое выражение «место силы». Оно притягивает людей своей животворной энергией, необъяснимым чувством света и духовной гармонией. Существует один мир – и он от Бога! Преображенный храм, как исполин, стоял на месте, наблюдая за путниками. Что они унесут с собой?..

Рис. 11. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы с колокольней на закате

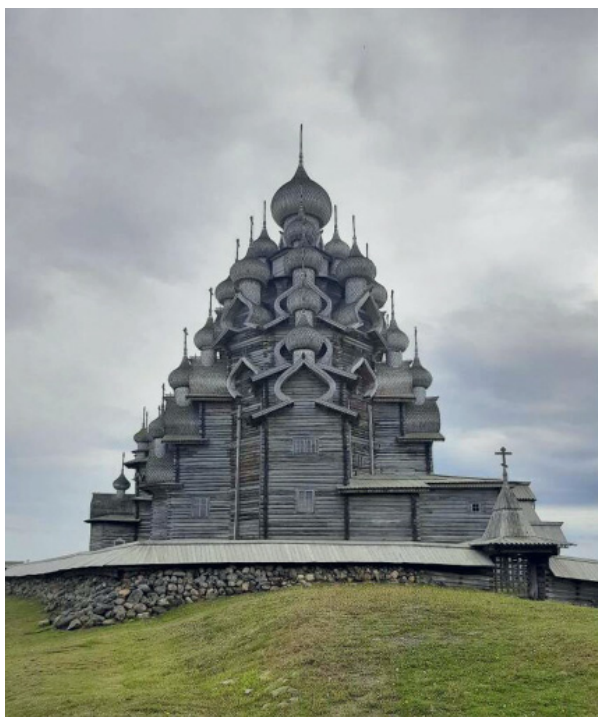

Рис. 12. Преображенский храм-исполин, до свидания!

Возле причала несколько домиков. Идет бойкая торговля снадобьями, украшениями, местными «брендами». Мода на магниты не прошла. Глаза разбегаются от их притворных изыществ на любой вкус – только выбирай. И потом можно с гордостью сказать всем: «Я был на Кизжах!» Разговорились с продавщицей в карельском наряде. Оказыва-

ется, она – выпускница филфака Петрозаводского университета далеких лет. Еще помнит своих педагогов – профессоров С.М. Лойтер⁸, И.П. Лупанову⁹, Т.Г. Мальчукову¹⁰, З.Г. Юсупову¹¹... Но по молодости почему-то уехала в Москву, поступила в театральный... и затем вернулась обратно. Она удивила меня вопросом: «Вам не жалко денег, которые Вы заплатили? Очень дорого всё стало», – посетовала женщина и с хитрецей приговаривала: «В музей вначале надо билет купить, а у меня вход бесплатный, но выход только после покупки!» Что ж, подумал я и ответил ей почти онежским юмором: «Придется мне нарушить это строгое правило и... прошмыгнуть под лавкой».

Столовые сервизы, декорации и орнаменты, малящие изделия из карельской березы не для меня. Я купил на память пакетик иван-чая с морошкой.

Р. С. Прошу читателей строго не судить мой рассказ. Я никогда не был писателем, но ожившая в моем воображении вдохновенная память об этих местах вдруг вспыхнула божественной (надеюсь...) искрой и одарила меня скромным писательским прозрением. Фотографии к тексту – мои, и тоже неумелые, но настоящие – таким я увидел остров Кизи, таким он мне будет сниться...

Примечания

¹ Международная научная конференция «Четвертые Фортунатовские чтения в Карелии» проходила в Петрозаводском государственном университете 5–7 июня 2025 г. Подробнее см.: <https://petrsu.ru/events/2025/143984/tchetvertye-fortunat> (дата обращения: 13.08.2025).

² В официальных документах храм называется так: церковь Преображения Господня (см.: <https://kizhi.karelia.ru/collections/arxitekturnye-pamyatniki/czerkov-preobrazheniya-gospodnya?ysclid=me9275yxhp938297624>; дата обращения: 14.08.2025). Но по своему историческому и даже международному значению (включен в список Всемирного природного и культурного наследия ЮНЕСКО), культурной и религиозной традициям он уже давно переступил границы «обычной» церкви и стал собором. Мы позволили себе в этом рассказе сделать такое отступление.

³ Лемех – продолговатые, слегка изогнутые деревянные дощечки в виде лопатки, которыми покрывали в старину купола церквей. Его еще называли русской черепицей. Этот народный термин возник по ассоциации с формой «луковки», напоминающей режущую часть плуга. Чаще всего использовали осиновые дощечки, которые меньше подвергались коррозии и со временем приобретали серебристый цвет. Ср.: *лемех* – «обработанные

особым образом (иногда резные, узорчатые) деревянные пластинки, идущие на покрытие церковных куполов, крыш и т. д. (образующие чешуйчатую поверхность)» [СРНГ 16: 348].

⁴ Рябинин Трофим Григорьевич (1801–1885) – олонецкий крестьянин, легендарный сказитель русских былин, которые были записаны и обнародованы П.Н. Рыбниковым и А.Ф. Гильфердингом. Его напевы слушали композиторы М.А. Балакирев и М.П. Мусоргский. В 1872 г. Т.Г. Рябинин был удостоен высокой государственной награды «За полезное» (подробнее о его биографии см.: [Жил в Кижской волости 1995; Ляцкий 1895]).

⁵ Щеголёнок Василий Петрович (1817–1894) – крестьянин, житель села Боярщина Олонецкой губернии, выдающийся исполнитель былин, обладавший феноменальной памятью, широкой исторической и жанровой географией песенного творчества. В 1870-х гг. он выступал с пением былин в Санкт-Петербурге и Москве. В 1879 г. жил у Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Его портреты написали И.Е. Репин и В.Д. Polenov (см. о нем: [Иванова 2020; Щеголенок 1990]).

⁶ Ю.М. Соколов в статье «Лев Толстой и сказитель Щеголенок» писал, что во время экспедиции в 1926 г. ему удалось найти людей, которые знали В.П. Щеголенка: «Особенно я благодарен 80-летнему жителю села Сенная губа Василию Ржановскому, с которым Щеголенок был долгое время дружен и которому рассказывал о своей жизни у Толстого» [Соколов 1948: 202].

⁷ URL: <https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B3%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B3&mode=slov&ysclid=me9mb7b8hd614276939> (дата обращения: 13.08.2025).

⁸ Лойтер Софья Михайловна (род. в 1934 г.) – фольклорист и литературовед, профессор Петрозаводского государственного университета; специалист по русской литературе XX в. и детскому фольклору.

⁹ Лупанова Ирина Петровна (1921–2003) – фольклорист и литературовед, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Петрозаводского государственного университета; специалист по народной сказке и творчеству писателей первой половины XIX в.

¹⁰ Мальчукова Татьяна Георгиевна (1940–2019) – филолог-классик, профессор Петрозаводского государственного университета; специалист по античной литературе и христианским традициям в творчестве А.С. Пушкина.

¹¹ Юсупова Зифа Габбасовна (1932–2023) – филолог-методист и искусствовед, профессор Петрозаводского государственного университета; специалист по методике преподавания русского языка, руководитель Карельского филиала Российского фонда культуры.

Список литературы

Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Академии наук, 1873. 732 с.

Жил в Кижской волости крестьянин...: (Сказитель Т.Г. Рябинин: жизнь и эпическая поэзия) / Гос. ист.-архит. и этногр. музей-заповедник «Кижи»; сост., биогр. очерк, подгот. текстов и слов. Н.А. Криничной. Санкт-Петербург: Кронверк-принт: Норма-пресс, 1995. 212 с.

Иванова Т. Два портрета былинщика Василия Петровича Щеголенка // Русская словесность. 2020. № 4. С. 54–58.

Ляцкий Е. Сказитель Иван Трофимович Рябинин и его былины: этнографический очерк с приложением портрета сказителя и его напевов, записанных А.С. Аренским. Москва: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1895. 47 с.

Словарь русских народных говоров. Вып. 16 / гл. ред. Ф.П. Филин. Ленинград: Наука, Ленинградское отд., 1980. 376 с.

Соколов Ю.М. Лев Толстой и сказитель Щеголенок // Летописи Государственного литературного музея. Кн. 12: Л.Н. Толстой: К 120-летию со дня рождения (1828–1948). Т. 2. Москва: Изд. Гос. лит. музея, 1948. С. 200–207.

Щеголенок В.П. Русские могучие богатыри: [Былины, предания и легенды] / сост. и авт. биогр. очерка И.А. Разумова. Петрозаводск: Карелия, 1990. 99 с.

References

Gilferding A.F. *Onezhskie byliny, zapisannye Aleksandrom Fyodorovichem Gilferdingom letom 1871 goda* [Onega epics recorded by Alexander Fedorovich Gilferding in the summer of 1871]. Saint Petersburg, Tip. Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1873, 732 p. (In Russ.)

Ivanova T. *Dva portreta bylinshchika Vasiliya Petrovicha Shchegolyonka* [Two portraits of the epic singer Vasiliy Petrovich Shchegolyonok]. *Russkaya slovesnost'* [Russian verbal science], 2020, no. 4, pp. 54–58. (In Russ.)

Lyatskiy E. *Skazitel' Ivan Trofimovich Ryabinin i ego byliny: Etnograficheskiy ocherk s prilozheniem portreta skazitelya i ego napevov, zapisannykh A.S. Arenskim* [The storyteller Ivan Trofimovich Ryabinin and his epics: An ethnographic essay with a portrait of the narrator and his tunes recorded by A.S. Arenskiy]. Moscow, T-vo skoropech. A.A. Levenson Publ., 1895, 47 p. (In Russ.)

Shchegolyonok V.P. *Russkie moguchie bogatyri: Byliny, predaniya, legendy* [Russian Hercules: Epics, tales and legends], comp. by I.A. Razumova. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1990, 99 p. (In Russ.)

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 16; ed. by P. Filin. Leningrad, Nauka, Leningrad branch Publ., 1980, 376 p. (In Russ.)

Sokolov Yu.M. *Lev Tolstoy i skazitel' Shchegolyonok* [Lev Tolstoy and the storyteller Shchegolyonok]. *Letopisi Gosudarstvennogo literaturnogo muzeya. Kn. 12: L.N. Tolstoy: K 120-letiyu so dnya rozhdeniya (1828–1948)* [Chronicles of the State Literary Museum. Vol. 12: L.N. Tolstoy: On the 120th anniversary of his birth (1828–1948), iss. 2]. Moscow, Izd. Gos. lit. muzeya Publ., 1948, pp. 200–207. (In Russ.)

Zhil v Kizhskoi volosti krest'yanin...: (Skazitel' T.G. Ryabinin: zhizn' i epicheskaya poeziya) [There lived a peasant in Kizhi parish...: (Storyteller T.G. Ryabinin: life and epic poetry)], comp. by N.A. Krinichnaya. Saint Petersburg, Kronverk-print Publ., Norma-press Publ., 1995, 212 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 15.08.2025; одобрена после рецензирования 25.08.2025; принята к публикации 26.08.2025.

The article was submitted 15.08.2025; approved after reviewing 25.08.2025; accepted for publication 26.08.2025

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 236–243. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 236–243. ISSN 1998-0817

Обзорная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1

EDN ZCICPA

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-236-243>

«СОБРАНИЕ ПЁСТРЫХ ГЛАВ...»: О ПУШКИНСКОМ ВЫПУСКЕ ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ»

Пряников Александр Викторович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского», Арзамас, Россия, Pryanikoff14@yandex.ru, orcid.org/0000-0002-2063-8621

Пяткин Сергей Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского», Арзамас, Россия, nikolas_pyat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8659-7543>

Аннотация. В статье даётся обзор третьего номера научного журнала «Отечественная филология» за 2024 г., посвящённого 225-летию юбилею А.С. Пушкина. Отмечается высокий научный уровень включённых в тематический выпуск статей лингвистов и литературоведов, раскрывающих новые грани творчества великого русского поэта и актуализирующих уже имеющиеся в отечественном пушкиноведении идеи и концепции.

Ключевые слова: научный журнал «Отечественная филология», А.С. Пушкин, пушкиноведение, обзор.

Для цитирования: Пряников А.В., Пяткин С.Н. «Собрание пёстрых глав...»: о пушкинском выпуске журнала «Отечественная филология» // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 236–243. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-236-243>

Research Article

“THIS COLLECTION OF PIED CHAPTERS...” ON PUSHKIN ISSUE OF THE JOURNAL “RUSSIAN STUDIES IN PHILOLOGY”

Alexander V. Pryanikov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the department of Russian Language and Literature of Arzamas branch of Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Arzamas, Nizhny Novgorod Region, Russia, Pryanikoff14@yandex.ru, orcid.org/0000-0002-2063-8621

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philological Sciences, Professor of the department of Russian Language and Literature of Arzamas branch of Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Arzamas, Nizhny Novgorod Region, Russia, nikolas_pyat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8659-7543>

Abstract. The article provides an overview of the third issue of the scientific journal “Russian Studies in Philology” for 2024, dedicated to the 225th anniversary of Alexander Pushkin. The high scientific level of the articles of linguists and literary critics included in the thematic issue is noted, revealing new facets of the great Russian poet’s work and actualising ideas and concepts already available in Russian Pushkin studies.

Keywords: scientific journal “Otechestvennaja filologija” [“Russian Studies in Philology”], Alexander Pushkin, Pushkin studies, review.

For citation: Pryanikov A.V., Pyatkin S.N. “This collection of pied chapters...” On Pushkin issue of the journal “Russian Studies in Philology”. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 236–243. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-236-243>

Третий номер научного журнала «Отечественная филология» за 2024 г. был полностью посвящён 225-летию А.С. Пушкина. Представляя тему номера, главный редактор журнала Т.Е. Шаповалова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка имени профессора П.А. Леканта Государственного университета просвещения, академик Международной академии наук педагогического образования, отметила масштаб проведённых торжественных юбилейных мероприятий в России и за её пределами и анонсировала основную проблематику включённых в тематический выпуск статей. Среди них оказались работы учёных-лингвистов, выявляющих и анализирующих с синтаксических позиций авторское отношение к героям поэмы «Полтава», рассматривающих языковые средства создания и оценки образа русского барина-англомана Григория Ивановича Муромского в тексте повести «Барышня-крестьянка», раскрывающих смысловую многоплановость лексической единицы *взор* в поэтическом языке А.С. Пушкина. Литературоведческий блок статей представлен работами, посвящёнными определению места образа поэта в литературном процессе 1920–30-х гг., анализу «игры с читателем» как средства реализации историко-литературной концепции А.С. Пушкина, влиянию на его художественное мировосприятие итальянской культуры, присутствию мотивов пушкинского «Бахчисарайского фонтана» в художественном мире М.Ю. Лермонтова, дальнейшему развитию темы кавказского периода творчества Пушкина, рассмотрению генезиса и трансформации образа Мадонны в пушкинской поэзии и представлению антропологического эскиза академика Д.Н. Анучина об А.С. Пушкине. Завершают номер рецензия на книгу К.А. Поташовой «Поэтика зримого в баталистике XVIII – первой трети XIX века» и хроники пушкинских дней в Государственном университете просвещения.

Такое «собрание пёстрых глав» объединяют любовь к Пушкину и желание авторов статей как раскрыть новые грани его творчества, так и актуализировать уже имеющиеся в отечественном пушкиноведении идеи и концепции, что подтверждает мысль Т.Е. Шаповаловой о том, что «для современного осмысления языка, стиля, мироощущения, духовных поисков гениального поэта нет преград» [Шаповалова: 7].

Открывает юбилейный выпуск журнала статья известного отечественного синтаксиста, доктора филологических наук, академика Международной академии наук педагогического образования, профессора кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта Государственного университета просвещения Н.А. Герасименко «Отношение Пушкина к персонажам поэмы “Полтава”: Мария и Мазепа» [Герасименко]. Можно заметить, что ра-

бота выходит далеко за рамки исключительного рассмотрения пушкинских синтаксических построений, являя собой подлинный образец филологического анализа поэтического текста, предваряемый кратким обзором лингвистических и литературно-критических исследований творчества А.С. Пушкина в целом и его поэмы «Полтава» в частности.

Поставив целью своей работы выявление отражения отношения А.С. Пушкина к персонажам поэмы «Полтава» в синтаксическом построении текста, Н.А. Герасименко приходит к выводу о том, что вся поэма строится на целом ряде противопоставлений, среди которых выделяются главное *Мазепа – Пётр* и сопутствующие: *Мазепа – Кочубей, молодые приспешники Мазепы – Мазепа – старик* и др.; не столь явным, но играющим важную роль в развитии сюжета поэмы, по её мнению, является противопоставление *Мария – Мазепа*, которое не просто проявляет отношение Пушкина к своим персонажам, а выявляет безусловные для него духовные ценности – любовь и верность, противопоставляемые антиценностям – предательству и лжи.

Несомненный интерес представляют наблюдения учёного над синтаксическими особенностями пушкинского стиля, позволяющими поэту наиболее точно охарактеризовать персонажей и передать своё отношение к ним. Так, безглагольные синтаксические построения, преобладающие при описании внешности Марии, в силу своей грамматической статичности позволяют отразить её характерные постоянные признаки: «красоту, умиротворённость, душевную тишину, с одной стороны, силу характера, страстность и верность любви, с другой» [Герасименко: 13] и показывают, что Пушкин разделяет ценности своей героини. Напротив, активно используемые при описании действий и помыслов Мазепы глагольные предложения отражают полное неприятие поэтом ценностей последнего – мстительности, злопамятности, жестокости. Особое внимание Н.А. Герасименко уделяет конструкциям экспрессивного синтаксиса, роль которых в создании образов персонажей поэмы, и в частности образа Мазепы, чрезвычайно велика. Это и несобственно-вопросительные (вопросительно-отрицательные) предложения, «грамматическая парадоксальность» которых «позволяет А. С. Пушкину выразить крайне негативное отношение к персонажу» [Герасименко: 12]; и период – особая синтаксическая конструкция, представляющая собой нагромождение однотипных предикативных частей и обладающая высокой воздействующей силой, – который служит прямой характеризующей оценкой образа Мазепы, показывая усиление негативного отношения к нему, завершающееся «высшей степенью отрицания “нет отчизны для него”» [Герасименко: 13]; и грамматические повторы; и актив-

ное употребление в синтаксических структурах оценочной лексики с отрицательными коннотациями.

При филологическом анализе художественного текста роль синтаксических конструкций в репрезентации важных смыслов произведения нередко остаётся вне поля зрения исследователей, в этом отношении статья Н.А. Герасименко убедительно доказывает, что выбор синтаксических средств, их сочетание не только оформляют сюжетную канву, но и служат средством раскрытия идейно-художественного замысла произведения и выражения отношения автора к своим персонажам, что является «важнейшей частью художественного произведения» [Герасименко 2024: 13].

Продолжает лингвистический цикл статей совместная работа коллег Н.А. Герасименко, докторов филологических наук, профессоров В.В. Леденёвой и Т.Е. Шаповаловой «Средства характеристики образа русского барина-англомана Муромского в пушкинской повести “Барышня-крестьянка”». Обращение к одному из знаковых образцов пушкинской прозы, коим, без сомнения, является повесть «Барышня-крестьянка», авторы мотивируют возросшим в XXI в. интересом к русской культуре позапрошлого века, одним из ключевых концептов которой является «дворянское гнездо» как символ, олицетворяющий Россию, нашедший своё отражение в творчестве не только А.С. Пушкина, но и других классиков русской литературы, в чьих произведениях представлен «национальный образ мира» [Леденёва, Шаповалова: 17]. Богатый культуроведческим материалом текст повести даёт достоверное представление о современной А.С. Пушкину дворянской жизни и раскрывает одну из характерных для того времени черт русского дворянства – англomанию, показывая на примере образа Григория Ивановича Муромского – русского барина-англомана – результат взаимодействия русской и английской культур.

Центральное место в статье занимает лингвистическое освещение пушкинского образа путём детального анализа лексических, грамматических и стилистических языковых средств, используемых автором для воссоздания «двух ипостасей своего героя». Среди таких средств исследователи особо выделяют полупредикативные конструкции, выраженные деепричастным оборотом, последовательно отображающие основные жизненные вехи Муромского, и имплицитно – ироническую оценку его деяний автором, а также причастные полупредикативные конструкции, секундарная предикация которых «объективируется модальной семантикой мнимости, транслируемой субъектом, воспринимающим героя» [Леденёва, Шаповалова: 19]. Важную роль в характеристике Григория Ивановича Муромского, по мнению учёных, играют различные формы и типы сказуемых, в составе

которых используются лексические единицы, вносящие дополнительные смыслы в семантику предикатов, указывающие на активность и оригинальное мышление персонажа, его способность удивлять (*находил способ входить в долги, почитался человеком не глупым, догадался заложить*), а его ипостась как англомана подчёркивается неоднократным употреблением прилагательного *английский*, выступающим исключительно в роли согласованного морфологизованного определения, атрибутивная семантика которого мыслится как данность, не связанная с модально-временной характеристикой отношения признака к предмету.

Внешние проявления «англоманства» Муромского (обустройство имения, увлечение английскими журналами, употребление в речи английских слов, гувернантка-англичанка), по справедливому замечанию авторов статьи, никак не соответствуют его поведению и поступкам, в которых проявляется его исключительно русский характер, отображаемый посредством «мощного инструмента предикации при выборе характеризующих сказуемых» [Леденёва, Шаповалова: 21].

Тщательный анализ языковых средств создания образа Григория Ивановича Муромского в повести «Барышня-крестьянка», проведённый В.В. Леденёвой и Т.Е. Шаповаловой, убедительно подтверждает мысли других исследователей о том, что «увлечение английской культурой не затрагивает глубоко ни душу, ни сознание» героя, а «англоманство» изображается в «Барышне-крестьянке» «как чудачество, от которого окружающим мало пользы». Авторы статьи приходят к выводу, что А.С. Пушкин в своей повести дал образец повествования о типах русских людей, являющихся в жизни «с разными ликами и напускными личинами» [Леденёва, Шаповалова: 21].

Статья доктора филологических наук, профессора кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственного университета просвещения О.В. Шаталовой посвящена раскрытию смысловой многоплановости лексической единицы *взор* в поэтическом языке А.С. Пушкина. Внимание именно к этой лексеме автор объясняет тем, что она входит в двадцатку наиболее употребительных А.С. Пушкиным имён существительных и в ней «сосредотачиваются такие признаки, которые развивают субъективное образное представление о реалии окружающего мира» [Шаталова: 25]. В этой связи слово *взор* выступает не просто номинантом реалии, а становится средством объективизации концепта, презентующим все его особенности.

Рассматривая вначале смысловую структуру слова *взор* в историческом аспекте, О.В. Шаталова с опорой на лексикографические источники проясняет его общеславянское происхождение и отслеживает динамику семантической структуры этой лексемы в рус-

ском языке начиная с XI в., объясняя её эволюцию отражением исторической трансформации русского языкового сознания.

«Взор» у Пушкина представлен автором статьи как единство семантического и стилистического, поскольку в его языке категории денотативности и эмоциональности неразрывно связаны и определяют смысловую структуру слова, позволяя ему выступать средством художественной выразительности. В связи с этим справедливым стоит признать утверждение О.В. Шаталовой о том, что показаний «Словаря языка Пушкина», определившего основные значения лексемы *взор*, явно недостаточно, потому что «только изучение всех контекстов может дать объективную картину того, как конкретное слово, конкретная языковая единица понималась автором» [Шаталова: 25]. Анализ 130 контекстов с включением слова *взор* позволил исследователю выделить новые оттенки его значения, убедительно доказав, что А.С. Пушкин значительно расширяет его семантический объём, обогащая новыми семами, а рассмотрение синтагматического окружения этой лексемы и приведённый внушительный список её сочетаемости с именами прилагательными и признаковыми существительными даёт ответ на вопрос, каков он, «пушкинский взор». Смысловая многоплановость этой лексической единицы, по мнению О.В. Шаталовой, как раз и создаётся за счёт коннотативных значений, расширяющих значение денотативное, внедрения в текст определённых образительно-выразительных средств (эпитеты, метафоры, сравнения), которые и помогают ключевому слову приобрести дополнительные семантические и стилистические приращения» [Шаталова 2024: 29].

Литературоведческий раздел тематического выпуска журнала открывает статья Л.Ф. Алексеевой, авторитетного исследователя русской словесности начала XX в. [Алексеева 2024]. В этой работе даётся разноплановый обзор пушкинского присутствия в национальном культурном сознании 1920–30-х гг. прошлого столетия, выверенный в своих ценностных и содержательных координатах и обеспечивающий оригинальность концептуальной оптики учёного. В высшей степени примечательно, что исследовательский «сюжет» Л.Ф. Алексеевой начинается с обращения к пушкинской речи А. Блока, произнесённой им 13 февраля 1921 г. на тожественном вечере, посвящённом 84-й годовщине со дня смерти поэта. Провиденциальное слово Блока, глубинные смыслы которого проясняет и развивает стихотворение «Пушкинскому Дому», является, по справедливой оценке автора статьи, его духовно-творческим завещанием для русской культуры и сакральным опытом целостной философской концепции Пушкина, что подводил итог судьбы пушкинской традиции в литературе Серебряного века и был адресован новым поколениям деятелей искус-

ства. Вполне закономерно в данном отношении внимание Л.Ф. Алексеевой к факту переиздания «Дневника» Пушкина в 1923 г. как источника сокровенных мыслей поэта, способствующих постижению новых, живых граней его творческой личности. Собственно, такое постижение, как убеждает исследователь, определяло содержание научных пушкинских штудий итальянского и пражского историка Е.Ф. Шмурло, объединённых темой духовного оптимизма поэта.

Иная – художественная – линия в эмигрантской пушкиниане убедительно представлена у Л.Ф. Алексеевой именем В. Сумбатова и его романом-хроникой «Русская Держава», наследующим жанровые традиции «Евгения Онегина». В статье подробно и обстоятельно указывается не только на множественные точки пересечения произведений (лирико-философские отступления, «свободный разговор автора с адресатами», «внимание ко всем сторонам национальной жизни»), но и в необычном свете актуализируется сама идея преемственности: поздний роман и исторически, и эстетически воплощает в себе процесс драматического завершения великодержавности, являющийся ментальным основанием пушкинской эпохи. Тема преемственности скрепляет лаконичные, но ёмкие замечания учёного о значении Пушкина в творчестве М. Цветаевой, С. Есенина и В. Маяковского. Выбор этих персон отечественного литературного Олимпа видится нам не случайным: они олицетворяют собой самобытные векторы русской поэтической традиции XX в., освящённой именем Пушкина. Как не случайно и обращение в статье к наследию российских религиозных философов-эмигрантов, в трудах которых Пушкин предстаёт «живым сосредоточием русского духа» (И. Ильин). Показательно в этой связи, что в заключении, говоря о предварительных итогах пушкиноведения, Л.Ф. Алексеева формулирует мысль о его приоритетном, магистральном направлении, в русле которого ясно и отчётливо прочитывается работа самого автора: «...история пушкиноведения приближает нас не только к личности и художественному миру Пушкина, но и к самой истории всемирной духовной преемственности» [Алексеева 2024: 39].

О художественной феноменологии традиции, только уже в творчестве самого А.С. Пушкина, идёт речь в статье Т.А. Алпатовой, ведущего российского специалиста по истории русской словесности XVIII–XIX вв. [Алпатова 2024]. Внимание учёного сконцентрировано на, пожалуй, одной из ключевых проблем пушкинского повествовательного дискурса – диалогических взаимоотношениях и взаимодействиях автора и читателя в художественной структуре текста. Арсенал публикаций, посвящённых этой проблеме, неоднородных по своим методологическим подходам и концептуальным решениям, хорошо известен научной общественности. Однако, что стоит при-

знать, в подавляющем большинстве работ изучение особенностей творческого диалога с читателем сфокусировано на вершинных произведениях Пушкина – «Евгении Онегине», «Повестях Белкина», «Пиковой даме», «Капитанской дочке». У Т.А. Алпатовой материалом исследования становится незавершённая проза поэта («Арап Петра Великого», «Роман в письмах», «Рославлев»), в которой учёным не просто эксплицируются содержательные маркёры её генетических связей с традициями романа рококо (впрочем, автор статьи не ограничивается только линией преемственности произведений Пушкина с рокайльным романом) в контексте феномена литературной коммуникации «игры с читателем», но и аналитически обозначаются свойства и признаки пушкинского металитературного дискурса. В нём «игра с читателем» прочитывается как творческая «игра с литературой», смелый художественный эксперимент, что обладает разноплановой эстетической типологией форм в незаконченных прозаических опытах поэта. Важным элементом в научных построениях Т.А. Алпатовой является обращение к проблеме взаимосвязи литературы и истории, актуализированной в сфере рефлексии автора и героев незавершённых замыслов Пушкина, что ведёт к открытию в жанре романа дополнительных и значимых возможностей повествовательных стратегий. В целом всё это достоверно характеризует историко-литературную концепцию Пушкина в её «содержательных и формальных аспектах» и открывает перспективы новым принципам изучения художественно-исторического мышления поэта.

Высокий научный потенциал проблемы творческого диалога в художественном сознании А.С. Пушкина демонстрирует статья И.В. Дергачёвой об «итальянском тексте» поэта [Дергачёва 2024]. Сама по себе итальянская тема в пушкинском наследии имеет, что акцентировано автором публикации, богатую исследовательскую практику, однако её системная репрезентация в качестве локального текста, предложенная И.В. Дергачёвой, является безусловно новаторским решением. Как известно, Пушкин никогда не был в Италии (как и вообще за границей), и его представление об этой стране сформировано посредством творческого восприятия образцов итальянского искусства (литературы, музыки, живописи), итальянской истории, итальянского языка. Масштаб, глубину и духовное содержание такого представления, по верному суждению автора статьи, подтверждают пророческие слова Ф.М. Достоевского о «всемирности» и «всечеловечности» пушкинского гения, о его высочайшем свойстве «перевоплощаться в чужую национальность». Характеризуя концепт «Италия» в творчестве Пушкина и используя при этом главным образом, что значимо, метод сплошной выборки вкупе с биографическим методом, И.В. Дергачёва обоснованно

определяет его ключевые когнитивно-семиотические аспекты, – *красоту, мечты о свободе, итальянскую оперу*, – подтверждённые вдумчивым и тонким анализом. Любопытно одно неожиданное наблюдение учёного, касающееся заглавия стихотворения «Подражание итальянскому», что входит в Каменноостровский цикл поэта (1836). По версии И.В. Дергачёвой, заслуживающей и внимания, и одобрения, евангельский сюжет, положенный в основу этого стихотворения, «ассоциируется с многочисленными его изображениями в итальянской живописи эпохи Возрождения» [Дергачева 2024: 55]. Учитывая тот факт, что в позднем пушкинском цикле ещё одно стихотворение («Из Пиндемонти») связано с итальянской темой, что отмечено в статье, то всё это в целом даёт весомые аргументы в пользу специального изучения «итальянского текста» в структуре Каменноостровской лирики Пушкина. Свежестью и неординарностью исследовательской мысли отмечены и наблюдения о значении итальянского языка в творческом мире поэта, его художественной рецепции знаковых имён итальянской словесности и критических воззрений как на историю Италии, так и на историю её литературы. По существу дела, последовательное и во многом целостное представление «итальянского текста» в работе И.В. Дергачёвой, обладающее несомненной научной ценностью, задаёт актуальную систему координат в последующем изучении темы «Пушкин и Италия».

Другой ракурс проблемного поля художественного диалога, связанного с творчеством А.С. Пушкина, предлагается в статье известных российских историков литературы И.А. Киселевой и К.А. Поташовой [Киселева, Поташова 2024]. Эта работа содержит опыт изучения поэтической рецепции Лермонтовым пушкинской романтической поэмы «Бахчисарайский фонтан», имеющей, в отличие от других произведений данного жанра, созданных Пушкиным в период южной ссылки, более сложную мотивировку конфликта и систему образов. Если для «Кавказского пленника» и «Цыган» характерно столкновение «цивилизированного человека» с миром «детей природы», то в «Бахчисарайском фонтане», наоборот, конфликт обусловлен пробуждением в сознании «дикого хана» чувства, вызванного его прикосновением к миру цивилизованного человека, где религиозный аспект значительно усложняет развитие любовной интриги. Авторы статьи фокусируют своё внимание на «контрастах» и «парадоксах» пушкинской поэмы, детализируют феноменологию женских образов, запечатлённую в двух типах женской красоты, что получило художественное претворение в произведениях М.Ю. Лермонтова.

Исследователи особо подчёркивают и последовательно раскрывают в своей работе эстетическую и духовную неоднородность рецепции «Бахчисарайского фонтана» в поэзии младшего современника Пушкина:

ранний и зрелый этапы творческого пути Лермонтова обнаруживают отличное друг от друга содержание диалогической связи с пушкинской поэмой. В произведениях Лермонтова рубежа 20–30-х гг. («Грузинская песня», «Два невольника») «отзвуки» «Бахчисарайского фонтана», что состоятельно доказывают авторы статьи, в большей степени дают о себе знать на уровне сюжетики («мотив пленения красоты и пленения красотой, сопряжённые с мотивом любви» [Киселева, Поташова: 71]) и образного воплощения антиномичности женских характеров. При этом пушкинское присутствие в художественном мире раннего Лермонтова обогащается влиянием «восточных» поэм Байрона.

Подробный, обстоятельный анализ стихотворного послания М.А. Щербатовой «На светские цепи...» (1840) в контексте духовно-эстетического содержания «Бахчисарайского фонтана» нацелен на экспликацию особенностей позднего восприятия Лермонтовым пушкинской поэмы и сосредоточен на образе лирической героини. Опорными в анализе являются такие понятия, как «христианская вера», «детскость», «тайна любви», «онтологическое напряжение жизни», в оптике которых и прочитывается в статье «пульсация» пушкинской традиции в лирическом шедевре Лермонтова, не сводимой только к отдельным элементам поэтики текста. Как неоспоримо заключают авторы, женский идеал в стихотворении «являет собой синтез духовного опыта Пушкина... открывая возможность для постижения сущности человека, феномена любви» [Киселева, Поташова: 74]. Полагаем, что о таком синтезе может идти речь и в отношении других произведений позднего Лермонтова.

Исследование М.С. Крутовой, выполненное на материале архивной пушкинианы Д.Н. Анучина [Крутова 2024], принадлежит академическому направлению в парадигме научного знания о поэте и значительно расширяет проблемно-тематический диапазон специального выпуска журнала. Дмитрий Николаевич Анучин – автор уникального труда «А.С. Пушкин. Антропологический этюд» (1899), который по своим базовым методологическим подходам и частным концептуальным наблюдениям является – в терминологии сегодняшнего времени – прорывным для гуманитарной науки конца XIX столетия. Системное освещение этой работы в контексте подготовительных материалов к нему, оставшихся по большей части в черновиках и находящихся в архиве РГБ, даёт автору статьи неоспоримое право утверждать, что Д.Н. Анучин «проводил антропо- и психо-генетические исследования личности А.С. Пушкина ещё до официального возникновения этих научных дисциплин» [Крутова: 77]. Давая глубокое и содержательное представление об изданном труде академика, М.С. Крутова акцентирует своё внимание на принципах его работы с материалами, касающимися родос-

ловной поэта, на том, как профессиональные знания в области географии и этнографии позволяют учёному обстоятельно говорить об «африканских корнях» Пушкина, а описания современниками внешности поэта, вкупе с его разнообразными изображениями, включая посмертные маски, определяют содержание анализа «физического типа» Пушкина.

Проникаясь логикой исследовательской мысли Д.Н. Анучина и обращаясь к его архивной пушкиниане, автор статьи выделяет три типологических корпуса источников – о происхождении поэта, его физическом и психическом типах – и отмечает, насколько scrupulously подходит учёный, собирая и изучая различные источники, к фактологической стороне своих научных изысканий. Важно, что при всей широте и многообразии поиска Д.Н. Анучин, а это твёрдо подчёркивает М.С. Крутова, остаётся верен исходной ценностной точки зрения на личность Пушкина «как на русского поэта, оказавшего такое мощное влияние на развитие нашей литературы и языка» [Крутова: 83].

Можем предположить, что публикация М.С. Крутовой сама по себе есть подготовительный материал, анонсирующий выход в свет научного издания пушкинианы Д.Н. Анучина, что, безусловно, будет способствовать появлению дополнительных смысловых векторов в изучении творческой личности поэта.

При всём богатстве и многообразии опыта научного освещения «кавказских страниц» в творческой биографии А.С. Пушкина этот аспект ориентальной темы в художественном наследии поэта по-прежнему остаётся благодатным материалом для современных исследователей, что весомо подтверждает статья С.М. Махмудовой [Махмудова 2024]. Её новаторское звучание преимущественно определено тем, что автор в своём компактном и стройном прочтении кавказского периода творчества Пушкина опирается на историко-культурный контекст проблемы «Россия и Кавказ», вне которого, как то акцентировано в работе, не может быть полноценно уяснён духовный смысл произведений поэта той поры. Симптоматичны наблюдения С.М. Махмудовой над пушкинским «Путешествием в Арзрум», где внимание учёного привлекают картины, связанные с описанием природы. Сосредоточив свой анализ всего лишь на одной метафоре («смелый мостик»), автор даёт наглядное представление о высочайшем художественном мастерстве поэта, впечатлённого величием и красотой кавказских гор, его способности глубоко проникать в мирозерцание коренных жителей Кавказа. Логичным выглядит в статье и литературоведческий сюжет о проблемах перевода произведений А.С. Пушкина, в частности, на языки народов Дагестана, где автор делится опытом своей переводческой рецепции стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» на родной для него рутульский язык.

М.В. Яковлев в статье «Генезис и трансформация образа Мадонны в поэзии А.С. Пушкина» [Яковлев 2024] предлагает многоуровневый, концептуально целостный подход к изучению образа Пречистой Девы в лирике поэта. Исследователь обстоятельно показывает, что секуляризация образа Мадонны в западноевропейской культуре наложила свой очевидный отпечаток на характер этико-художественной репрезентации этого образа в творчестве Пушкина. Она (репрезентация), по смелой гипотезе автора статьи, содержит в себе софиологическую перспективу в содержании любовной лирики, «сформировавшей позднее художественную мифологию вечной женственности» [Яковлев: 96]. Несколько странным поначалу выглядит то, что М.В. Яковлев, ставя целью своей работы реконструкцию «динамики пушкинского восприятия... образа Пречистой Девы» [Яковлев: 96], анализирует лирические произведения поэта в такой последовательности (от «Мадонны» (1830) к стихотворению «К***» («Я помню чудное мгновенье...», 1823)), которая будто бы и не располагает к актуализации динамики творческой мысли Пушкина. Однако по прочтении статьи становится понятным подобное исследовательское решение. Ретроспекция, на наш взгляд, с одной стороны, способствует более полному и точному пониманию поэтического генезиса каждого из рассматриваемых произведений, где опорным выступает текст с «программным названием» – «Мадона», а с другой – таким образом прозрачнее выявляются различные оттенки религиозно-мистического настроения Пушкина, определившие духовные смыслы женской красоты в его лирике. Финальное наблюдение М.В. Яковлева над текстом стихотворения «Всё в ней гармония, всё диво...», в котором автор статьи видит, по сути, завершающий этап в поисках поэтом софийной формулы «божественной красоты в образе женщины» [Яковлев: 104] как возможной предтечи символистского миропонимания, без сомнения, открывает новые пути в изучении поэтики и филологии любви в творчестве А.С. Пушкина.

Рецензия Л.И. Шевцовой на монографию К.А. Поташовой «Поэтика зримого в баталистике XVIII – первой трети XIX в. [Шевцова 2024] и обзор пушкинских юбилейных мероприятий в Государственном университете просвещения, подготовленный В.Н. Степченко и А.О. Антроповой [Степченко, Антропова 2024], являются заключительными и содержательно значимыми «главами» тематического номера журнала «Отечественная филология», посвящённого 225-летию со дня рождения великого русского поэта. Эти материалы в силу своей жанровой специфики не только добавляют в «пёструю» научную палитру юбилейного выпуска свежие «краски», но и придают ему имманентную цельность и законченность. Особо стоит в данной связи выделить подробную, аналитически

детализированную хронику Пушкинского фестиваля с его яркой, насыщенной программой, где главным участником стало «племя младое», ведомое авторитетными учёными и наставниками, являя собой, как, собственно, и сам этот журнал, живую иллюстрацию хрестоматийных строк поэта: «Друзья мои, прекрасен наш союз! / Он, как душа, неразделим и вечен».

Список литературы

- Алексеева Л.Ф. А.С. Пушкин на литературных страницах 1920–1930-х годов и некоторые локальные аспекты перманентного пушкиноведения // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 32–41. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2024-3-2-32-41>
- Алпатова Т.А. «Игра с читателем» как средство реализации историко-литературной концепции А.С. Пушкина (к проблеме «Пушкин и рококо») // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 42–51. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2024-3-2-42-51>
- Герасименко Н.А. Отношение Пушкина к персонажам поэмы «Полтава»: Мария и Мазепа // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 8–15. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2024-3-2-8-15>
- Дергачева И.В. Итальянский текст Пушкина // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 52–65. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2024-3-2-52-65>
- Киселева И.А., Поташова К.А. Отзвуки поэмы А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» в художественном мире М.Ю. Лермонтова // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 66–76. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2024-3-2-66-76>
- Крутова М.С. Антропологический эскиз академика Д.Н. Анучина об А.С. Пушкине и подготовительные рукописные материалы к нему в отделе рукописей РГБ // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 77–88. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2024-3-2-77-88>
- Леденёва В.В., Шаповалова Т.Е. Средства характеристики образа русского барина-англомана Муромского в пушкинской повести «Барышня-крестьянка» // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 16–23. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2024-3-2-16-23>
- Махмудова С.М. К вопросу о кавказском периоде творчества Пушкина // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 89–95. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2024-3-2-89-95>
- Степченко В.Н., Антропова А.О. «Мы рождены для вдохновения...»: хроники пушкинских дней в Государственном университете просвещения // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 110–113.
- Шаповалова Т.Е. Представляем тему номера // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 6–7.
- Шаталова О.В. Смысловая многоплановость лексической единицы *взор* в поэтическом языке А.С. Пушкина // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 24–31. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2024-3-2-24-31>

Шевцова Л.И. Поэтика батального образа в литературе пушкинской эпохи (о книге К.А. Поташовой «Поэтика зримого в баталистике XVIII – первой трети XIX века». М.: Постатор, 2023. 240 с.) // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 106–109.

Яковлев М.В. Генезис и трансформация образа Мадонны в поэзии А.С. Пушкина // Отечественная филология. 2024. № 3. Т. 2. С. 96–105. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2024-3-2-96-105>

References

Alekseeva L.F. *A.S. Pushkin na literaturnyh stranicah 1920–1930-h godov i nekotorye lokal'nye aspekty permanentnogo pushkinovedeniya* [A.S. Pushkin on the Literary Pages of the 1920–1930s and Some Local Aspects of Permanent Pushkin Studies]. *Otechestvennaja filologija* [Russian Studies in Philology], 2024, no. 3, vol. 2, pp. 32–41. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2024-3-2-32-41> (In Russ.)

Alpatova T.A. «Igra s chitatelem» kak sredstvo realizacii istoriko-literaturnoj koncepcii A.S. Pushkina (k probleme «Pushkin i rokoko») [Game with the Reader as a Means of Implementing the Historical and Literary Concept of A.S. Pushkin (On the Problem “Pushkin and Rococo”). *Otechestvennaja filologija* [Russian Studies in Philology], 2024, no. 3, vol. 2, pp. 42–51. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2024-3-2-42-51> (In Russ.)

Dergacheva I.V. *Ital'janskij tekst Pushkina* [Italian Text of Pushkin]. *Otechestvennaja filologija* [Russian Studies in Philology], 2024, no. 3, vol. 2, pp. 52–65. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2024-3-2-52-65> (In Russ.)

Gerasimenko N.A. *Otnoshenie Pushkina k personazham pojemy «Poltava»: Marija i Mazepa* [Pushkin's Attitude to the Characters of the Poem “Poltava”: Maria and Mazepa]. *Otechestvennaja filologija* [Russian Studies in Philology], 2024, no. 3, vol. 2, pp. 8–15. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2024-3-2-8-15> (In Russ.)

Jakovlev M.V. *Genezis i transformacija obraza Madonny v poezii A.S. Pushkina* [The Genesis and Transformation of Madonna's Image in the Poetry of A.S. Pushkin]. *Otechestvennaja filologija* [Russian Studies in Philology], 2024, no. 3, vol. 2, pp. 96–105. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2024-3-2-96-105> (In Russ.)

Kiseleva I.A., Potashova K.A. *Otvuki pojemy A.S. Pushkina «Bahchisarajskij fontan» v hudozhestvennom mire M.Ju. Lermontova* [Echoes of A.S. Pushkin's Poem “The Fountain of Bakhchisarai” in the Artistic World of M.Y. Lermontov]. *Otechestvennaja filologija* [Russian Studies in Philology], 2024, no. 3, vol. 2, pp. 66–76. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2024-3-2-66-76> (In Russ.)

Krutova M.S. *Antropologicheskij jeskiz akademika D.N. Anuchina ob A. S. Pushkine i podgotovitel'nye rukopisnye materialy k nemu v otdel rukopisej RGB* [Anth-

ropological Sketch of Academic D.N. Anuchin about A.S. Pushkin and its Preparatory Handwritten Materials in the Department of Manuscripts of the Russian State Library]. *Otechestvennaja filologija* [Russian Studies in Philology], 2024, no. 3, vol. 2, pp. 77–88. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2024-3-2-77-88> (In Russ.)

Ledenjova V.V., Shapovalova T.E. *Sredstva harakterizacii obraza russkogo barina-anglomana Muromskogo v pushkinskoj povesi «Baryshnja-krest'janka»* [Means of Characterization of the Image of the Russian Anglomaniac Gentleman Muromsky in Pushkin's Story “The Peasant Lady”]. *Otechestvennaja filologija* [Russian Studies in Philology], 2024, no. 3, vol. 2, pp. 16–23. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2024-3-2-16-23> (In Russ.)

Mahmudova S.M. *K voprosu o kavkazskom periode tvorчества Pushkina* [On the Question of the Caucasian Period of Pushkin's Work]. *Otechestvennaja filologija* [Russian Studies in Philology], 2024, no. 3, vol. 2, pp. 89–95. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2024-3-2-89-95> (In Russ.)

Stepchenkova V.N., Antropova A.O. «My rozhdeny dlja vdohnoven'ja...»: hroniki pushkinskih dnei v Gosudarstvennom universitete prosveshhenija [“We Were Born For Inspiration”: Chronicles Of Pushkin's Days At The State University Of Education]. *Otechestvennaja filologija* [Russian Studies in Philology], 2024, no. 3, vol. 2, pp. 110–113. (In Russ.)

Shapovalova T.E. *Predstavljajem temu nomera* [Introducing the issue's theme]. *Otechestvennaja filologija* [Russian Studies in Philology], 2024, no. 3, vol. 2, pp. 6–7. (In Russ.)

Shatalova O.V. *Smyslovaja mnogoplanovost' leksicheskoy edinicy vzor v pojeticheskom jazyke A.S. Pushkina* [Semantic Diversity of the Lexical Unit Gaze in the Poetic Language of A.S. Pushkin]. *Otechestvennaja filologija* [Russian Studies in Philology], 2024, no. 3, vol. 2, pp. 24–31. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2024-3-2-24-31> (In Russ.)

Shevcova L.I. *Pojetika batal'nogo obraza v literature pushkinskoj jepohi (o knige K.A. Potashovoj «Pojetika zrimogo v batalistike XVIII – pervoj treti XIX veka»*. М.: Постатор, 2023. 240 с.) [The Poetics of the Battle Image in the Literature of the Pushkin Era (About the Book by K.A. Potashova “The Poetics of the Visible in the Military Art of the XVIII – First Third of the XIX Century”). Moscow, Postator Publ., 2023, 240 p.]. *Otechestvennaja filologija* [Russian Studies in Philology], 2024, no. 3, vol. 2, pp. 106–109. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.05.2025; одобрена после рецензирования 14.05.2025; принята к публикации 22.05.2025.

The article was submitted 10.05.2025; approved after reviewing 14.05.2025; accepted for publication 22.05.2025.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях.

Статьи, оформленные не по требованиям, не принимаются к рассмотрению!

Все материалы следует представлять в редакцию через форму подачи статей на сайте:

<https://vestnik.kosgos.ru>

Все интересующие Вас вопросы можно уточнить по электронной почте: vestnik@kosgos.ru.

Научные статьи принимаются в редакцию в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения портфеля редакции.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Статью в редакцию необходимо прислать в форматах: *.doc или *.docx. Обязательно прикладывается файл статьи в формате *.pdf.

В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович). Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

Минимальный объем текста статьи с – **не менее 10 000 знаков**. Максимальный объем текста не должен превышать **30 000 знаков**, включая все сведения об авторе, аннотацию и список литературы с references. Ограничения не распространяются на научные публикации, объем которых, превышающий требования, мотивирован логикой доказательств и количественными показателями публикуемых источников.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Вестник Костромского государственного университета. 202X. Т. XX, № X. С. XX–XX. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 202X, vol. XX, no. X, pp. XX–XX. ISSN 1998-0817

Научная статья

Указывается специальность

УДК

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-202X-XX-X-XX-XX>

Название (*жирным шрифтом, строчные буквы*)

Фамилия Имя Отчество автора, ученая степень, ученое звание, место работы полностью: название организации, город, страна, e-mail, ORCID автора в формате: <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Аннотация. (*150–200 слов*).

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.
2. Описание хода исследования.
3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т. д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

Ключевые слова: (*7–10 слов, разделенных запятой*).

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. XX, № X. С. XX–XX. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-202X-XX-X-XX-XX>

Благодарности: (*указывается ссылка на грант*).

Далее вся информация должна быть представлена на английском языке:

Research Article

Name of the article

Author...

Abstract. 150–200 word.**Keywords:** 7–10 word, separated by a comma.**For citation:** Smirnov V.A. Name of the article. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. XX, no. X, pp. XX–XX (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-202X-XX-X-XX-XX>**Acknowledgments:**

Текст статьи¹ Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи
Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст [Анненков: 467].

Примечания (следуют после текста статьи)

¹ К сожалению, современное переиздание перевода Перцова книги Тэна лишено того изобилия фотоснимков и иллюстраций, которыми было богато снабжено его первое издание 1913, 1916 гг.

² О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 11.04.2019).

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 253.

Список литературы

Источники

БТС – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с.

Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртене. Репринт. воспроизведение изд. 1903–1909 гг. Москва: Прогресс: Универс, 1994.

Исследования

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 138–159. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159>

References

Annenkov P.V. *Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848. Iz literaturnykh vospominanii* [A wonderful decade. 1838–1848. From literary memories]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1880, vol. 2, no. 4, pp. 457–506. (In Russ.)

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 138–159. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159>

Статья поступила в редакцию 19.12.2024; одобрена после рецензирования 14.01.2025; принята к публикации 12.02.2025.

The article was submitted 19.12.2024; approved after reviewing 14.01.2025; accepted for publication 12.02.2025.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК,
СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И REFERENCES

Примечания

В статье допустимы примечания, которые приводятся после текста, нумеруются арабскими цифрами (в виде верхних индексов) и представляют собой разъяснения, указания на переводы и пр.

Просьба не путать примечания со списком литературы!

Архивные материалы также оформляются в виде примечаний.

Например:

Архивные материалы:

¹ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 7. Д. 68. Л. 22.

Библиографические ссылки

Ссылки в тексте статьи оформляются *квадратными скобками* с указанием фамилии автора и страниц. После фамилии автора ставится знак «:» (двоеточие), а далее номер страницы [Коровин: 187].

Книга или статья одного автора: [Лебедев: 28], двух и трех авторов: [Шмидт, Князьков: 52]. Если в книге четыре, пять и более авторов, то она описывается под заглавием [Методика: 34].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [Толстой 12: 415]; [СРНГ 44: 170].

Для описания книги под заглавием в тексте приводится первое слово или словосочетание (если первое слово определение) названия книги: [Необъявленная война: 102].

В том случае, если в списке литературы есть несколько авторов с одной фамилией, в квадратных скобках необходимо указать фамилию и инициалы автора [Мережковский Д.С., 3: 256].

Если в списке литературы приводятся две и более публикации одного автора, после фамилии автора указывается год издания, а уже далее страницы [Коровин 2019: 187].

Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Андреева 2019а: 10]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы: *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019а. № 1 (178). С. 8–12.

Список литературы

Список литературы должен быть разделен на две рубрики: *Источники* (сюда включаются словари, архивные материалы, литературные произведения, исторические источники) и *Исследования*. При этом *References* оформляется только для рубрики *Исследования*.

Список литературы должен быть представлен *в алфавитном порядке*: сначала приводятся все русскоязычные источники в алфавитном порядке, после — все источники на иностранных языках.

Фамилия и инициалы автора в списке литературы выделяются *курсивом*.

Между фамилией и инициалами на протяжении всей статьи, в том числе в списке литературы, ставится неразрывный пробел (инициалы при этом пробелом не разделяются). К примеру: Смирнов(н.п.)В.А.

Книга одного автора

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Книга двух и трех авторов

Если в книге два или три автора, то указывают всех.

Божиллов И., Тотоманова А., Билярски И. Борилов синодик. София: Публишинг компани, 2010. 386 с.

Книга четырех или более авторов

Если у издания четыре, пять и более авторов, то оно описывается под заглавием, за косой чертой указывают фамилии первых трех авторов с добавлением «и др.»

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.; под ред. Е.С. Полат. Москва: Академия, 2002. 272 с.

Книга, описанная под заглавием

Жизнь и приключения Максима Горького / сост. И. Груздев. Москва; Ленинград: ГИЗ, 1926. 164 с.

Многотомное издание

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Москва: Худ. лит, 1928–1958.

Один том из многотомного издания

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. Москва: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Статьи из сборников

Панкратова Т.М. Образ семьи как механизм ее успешного функционирования // Психологическое благополучие современной семьи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 119–122.

Королева Е.М., Крюкова Т.Л. Роль диадического копирования в супружеских отношениях // Семья, брак и родительство в современной России; под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. Москва: Институт психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 105–113.

Статьи из журналов

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. 1993. 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. Москва: НПК «Интел-вак», 2003. 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2017. 497 с.

Иностранные источники

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's *There Was Not a Penny, But Suddenly* Altyn and Plautus' *Aulularia*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 138–159. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159>

Материалы из сети Интернет

Симонова И.А. Ф.В. Чижев и А.А. Иванов. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov (дата обращения: 20.06.2019).

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы должен содержать не менее 10 источников по теме исследования, желательно присутствие в нем источников на иностранных языках. Редакция рекомендует включение в список литературы новых научных исследований (за последние пять лет). Все художественные тексты, воспоминания и пр. также включаются в список литературы.

References

После списка литературы на русском языке в статье должен быть представлен транслитерированный список литературы: References.

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не переводятся, а остаются в References неизменными.

Для выполнения транслитерации необходимо использовать специальную программу.

✓ Зайти на сайт <https://translit.ru> и выбрать в верхнем правом разделе в появляющемся списке под ▼ позицию LC. Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «В транслит».

✓ Копировать транслитерированный текст в список References.

✓ Далее необходимо отредактировать полученное и добавить переводы на английский язык:

- перевести на английский язык название статьи, книги, журнала и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;
- заменить знак «//» на точку;
- заменить знак «/» на запятую;
- перевести на английский язык место издания (например, было Москва – после редактирования: Moscow);
- заменить знак «:» (двоеточие) после названия места издания на запятую;
- после транслитерации названия издательства добавить Publ.;
- при необходимости исправить обозначение страниц: вместо 235 s. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;
- курсивом выделить название источника и название журнала;
- в конце транслитерированной библиографической ссылки необходимо добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры транслитерации источников

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. Москва: НЛЮ, 2006. 332 с
Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006, 332 p. (In Russ.)

Морозов И.Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник. 1935. № 4. С. 223–258.

Morozov I.L. “Gorestnaja profanacija” (Neopublikovannye pis'ma P.V. Annenkov o revoljucii 1848 g. v Parizhe) [“Woeful profanation” (unpublished letters of P.V. Annenkov about the 1848 revolution in Paris)]. *Istoricheskij sbornik* [Historical collection], 1935, no. 4, pp. 223–258. (In Russ.)

Непомнящий В.С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–216.

Nepomniashchii V.S. *Pushkin v svete ochevidnostei* [Pushkin in the light of evident facts]. *Novyi mir* [New world], 1998, no. 6, pp. 190–216. (In Russ.)

Методика воспитательной работы / Л.А. Байбородова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина и др.; под ред. В.А. Сластенина. Москва: Академия, 2002. 144 с.

Metodika vospitatel'noi raboty [Methodology of educational work], L.A. Baiborodova, L.K. Grebenkina, O.V. Eremkina et al., ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Akademia Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2017. 497 с.

Andreeva V.G. *Natsional'noe svoeobrazie russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka: dis. ... d-ra filol. nauk* [National identity of the Russian novel of the second half of the XIX century: DSc thesis]. Moscow, 2017, 497 p. (In Russ.)

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2011. 47 с.

Shemetova T.G. *Biograficheskii mif o Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 47 p. (In Russ.)

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Ranchin A.M. *Teoriya «Moskva – Tretij Rim» i ee mesto v russkoj kul'ture* [The theory “Moscow – Third Rome” and its place in Russian culture]. *Obrazovatel'nyj portal «Slovo». Filologiya* [Educational portal “Word”]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).
2. В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!
3. Кавычки в тексте – елочки « », если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “ ”.
4. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например: (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

5. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)

6. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.

7. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2025 – Т. 31 – № 3

Учредитель и издатель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор
АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Реестровая запись: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 25.09.2025.
Дата выхода в свет 30.10.2025.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 31,3.
Уч.-изд. 32,5 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 116.

Подписной индекс: **18902**
Адрес учредителя, издателя и редакции журнала:
156005, Костромская обл., г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17/11
Телефон: **(4942) 63-49-00 (доб. 3130).**
Адрес электронной почты: **vestnik@kosgos.ru**
Сайт журнала: **<https://vestnik.kosgos.ru/>**

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна